Н.В. Маслов

ОСНОВЫ РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ

БИБЛИОТЕКА НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Н.В. МАСЛОВА

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

митрополит СИМОН (НОВИКОВ),

митрополит ЮВЕНАЛИЙ (ТАРАСОВ),

КОСТИКОВА М.Н., *доктор педагогических наук, профессор*

Православное воспитание как основа русской педагогики. Н.В. Маслов. М.: Самшит-издат, 2006. - …510 с.

В книге доктора педагогических наук Н.В.Маслова показаны основания русской педагогики: православное учение о спасении (в его антропологическом аспекте) и русский аскетизм, представленный монастырской педагогикой, методами пастырского душепопечения, педагогикой старчества. Оба эти аспекта слиты воедино в концепции православного воспитания. В концепции раскрыты такие актуальные вопросы педагогики, как цель и задачи воспитания, его принципы, методы, средства, условия успешности и др.

Монография подготовлена на основе трудов выдающегося пастыря и богослова схиархимандрита Иоанна (Маслова), обобщившего в своих трудах опыт Глинской пустыни – могучего центра духовного просвещения, создавшего уникальную педагогическую систему, которая соединяет опыт древней христианской Церкви и русскую традицию.

Книга предназначена для широкого круга читателей: педагогов, воспитателей, родителей, а также для ученых, работающих в этой области..

ПИСЬМО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II
об этой книге

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ

"6" апреля 2006 г. 119034, Москва, Чистый пер, 5
№ 2067

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
НАСЛЕДНИКИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
Н.В.МАСЛОВУ

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Сердечно благодарю Вас за направленное в мой адрес письмо, в котором Вы сообщаете о проходившей в рамках XIV Международных образовательных чтений педагогической конференции по вопросам духовно-нравственного и патриотического воспитания "Глинские чтения: Православие как основа русской педагогики".

Особенно примечательно, что центральной темой дискуссий стала православная педагогика, как наука о формировании человеческой личности. Обсуждение в ходе работы форума Вашей диссертации: "Основы русской педагогики" позволило участникам Чтений рассмотреть учение о спасении как теоретическое основание православной педагогики и взглянуть на русский аскетизм, как на его практическую основу.

Надеюсь, что Ваш труд будет востребован системой высшего и профессионального образования и будет полезен для семейного круга.

Желаю Вам всещедрой помощи Божией и благословенных успехов в Ваших трудах.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Костикова М.Н.,
доктор педагогических наук, профессор

КРУПНЫЙ ВКЛАД В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ПЕДАГОГИКУ

Уважаемые архипастыри !
Уважаемые участники Глинских чтений !
Дорогие коллеги !

Мне представилась возможность сказать несколько слов о только что опубликованной монографии Николая Васильевича Маслова «Основы русской педагогики». Книга имеет и второе название, которое конкретизирует содержание этого труда – «Православное воспитание как основа русской педагогики». В основе содержания этой книги - докторская диссертация Николая Васильевича, которая недавно была успешно защищена им, а Высшая Аттестационная Комиссия Российской Федерации присвоила Николаю Васильевичу степень доктора педагогических наук.

Это не только важный факт в биографии Николая Васильевича как теоретика педагогики. Это означает, что на высшем, государственном уровне концепция, содержание и выводы диссертации Николая Васильевича признаны отечественной педагогической наукой.

Хочется напомнить уважаемым участникам Глинских чтений, что проблема концептуальных основ воспитания и путей его реализации является одной из стержневых педагогических проблем, решение которой в настоящее время актуализируется кардинальными изменениями общественных связей и отношений. Возникший в 90-х годах вакуум заполнился потоком бесстыдства и агрессивности, цинизмом и бездуховностью, экспансией зла под личиной толерантности. Нравственное возрождение осуществляется с большим трудом и крайне медленно. Два основных направления, по которым в отечественной педагогике осуществляются поиски – это, с одной стороны, универсализация воспитательных подходов в русле идей глобализации современного мира и, с другой, возрождение и научное осмысление русских педагогических традиций, тесно связанных и зиждущихся на православной культуре.

Основную мысль книги Н.В.Маслова можно сформулировать так: качествен-

ное изменение существующей воспитательной практики возможно при условии наполнения концептуальных основ воспитания православным пониманием его смысла, целей, ценностей и конечных результатов. Эта мысль красной нитью проводится в книге и позволяет автору последовательно, всесторонне и глубоко раскрывать православное воспитание как сугубо национальную, столетиями укорененную и практически апробированную основу педагогики, основу практической деятельности учительства.

Теоретическую основу православной педагогики составляет учение о спасении. В книге раскрыта объективная сторона спасения (в православном понимании она включает то, что Господь даровал для спасения) и значение Церкви в этом духовно-жизненном процессе, а также субъективная сторона спасения, то есть личное участие человека в деле спасения. Предметом педагогического анализа, осуществленного Н.В.Масловым, становятся христианские ценности, при этом он использует богословский понятийный аппарат. Следует подчеркнуть: анализируемые автором идеи имеют высокий гуманистический потенциал и существенно обогащают педагогическую науку. Особый интерес представляет православное понимание движущих сил нравственного роста, роль веры и любви к ближнему в формирования внутренней жизни и внешнего поведения. Продуктивным для воспитания, на наш взгляд, является мысль о том, что где нет любви, там царствует смерть духовная, детально представлено выявленное из трудов схиархимандрита Иоанна (Маслова) православное содержательное наполнение таких личностных качеств (добродетелей), как доброта, благожелательность, сострадание, забота о других, долготерпение, умение прощать и других, составляющих содержание духовно-нравственного совершенствования, а также средств, которыми оно достигается: самопознание, внутренняя духовная жизнь, внимание к своим поступкам и мыслям, уклонение от почестей и славы, уклонение от осуждения ближнего и других. На наш взгляд, продуктивным для педагогической науки в целом является представленный к работе анализ содержания таких православных понятий, как покаяние, рассуждение, послушание, смирение, а также трех видов грехов и трех причин грехов. Вскрыт их глубокий психолого-педагогический смысл и показано важное практическое воспитательное значение.

Николай Васильевич Маслов впервые в современной отечественной педагогической литературе глубоко и всесторонне раскрывает православное воспита-

ние в контексте анализа педагогических мыслей великих русских пастырей – святых вождей нравственности, самоотверженно осуществляющих пастырское душепопечение. Глубоко и интересно рассмотрена концепция православного воспитания в богословско-педагогических трудах схиархимандрита Иоанна (Маслова) и ее реализация в его практической деятельности. Н.В.Маслов показывает, что широта и всеохватность трудов Отца Иоанна, их многослойность и диалогичность позволяют исследовать православное воспитание как явление русской педагогической мысли во все своей полноте и сложности.

В книге читатель найдет анализ учения о спасении как теоретической основы православного образования и православного воспитания.

Очень важно для педагогики выявление взаимосвязи и взаимодействия богословия как отрасли науки и современных педагогических воззрений.

На историческом основании, начиная от истоков возникновения православного воспитания: александрийской и карфагенской школ, от трудов отцов церкви (Св. Амвросий Медиоланский, Бл. Августин и др.), - выстроена целостная концепция православного воспитания, выявлены его цель, задачи, средства и методы, показано становление и развитие русской православной школы.

Суть православного воспитания составляет духовно-нравственное развитие человека, направленное на развитие способности отличать добро от зла и формирование умения направлять свою волю в сторону добра, в основании которых находятся любовь к Богу и ближнему, а также потребность и чувство красоты. Сущность православного воспитания – воспитание благородства, благонравия и благочестия.

В книге охарактеризован историко-педагогический аспект становления православного воспитания на Руси. Читатель сможет познакомиться с обзором выдающихся культурных памятников книжности, из текстов которых Н.В.Маслов выявил содержащиеся в них цели и задачи воспитания и показал, что не смотря на многочисленные переломы в российской истории, школьное дело оставалось в своей основе православным, православным оставалось и учительство. Показана роль Свято-Троице-Сергиевой Лавры в развитии русской школы.

В книге представлен анализ духовно-нравственных основ отечественного воспитания в богословско-педагогических трудах схиархимандрита Иоанна (Маслова). Проанализирован жизненный путь отца Иоанна как пример вопло-

щения православного учения, раскрыт его духовный мир и беспрестанное нравственное служение Богу и людям. Показана нераздельность его богословско-педагогического наследия: слова отца Иоанна и его жизни, т.е. его делания. Образно Николай Васильевич Маслов выражает духовно-нравственную высоту старца, используя его же слова, которые можно воспринимать и как завет воспитателям: «любить добро, плакать с плачущими, радоваться с радующимися, стремиться к жизни вечной – вот наша цель и духовная красота». Можно полностью согласиться с автором, что факты биографии старца, ознакомление с его многогранной деятельностью помогают понять смысл его трудов.

Интерес и научную ценность, на наш взгляд, представляет анализ пастырской деятельности как формы учительства. Даны содержательные характеристики пастыря как учителя. При этом важно отметить, что автор характеризует каждое из качеств многогранно: и выдержками из письменного наследия Великого Старца, и конкретными примерами проявления этих качеств в жизни самого схиархимандрита Иоанна Маслова. Это позволяет осмыслить каждое из качеств не только теоретико-логически, но и образно-эмоционально.

Следует заметить, что традиционно в педагогической литературе сфера воспитания чаще всего ограничивается школьными годами. В книге показана необходимость постоянного учительства для каждого человека (пастырства), поскольку достижение православной воспитательной цели является тем самым проходящим через всю жизнь процессом, который оказывается все более трудным для человека по мере его духовно-нравственного развития. В работе охарактеризованы препятствия на пути духовно-нравственного развития и способы их преодоления, предлагаемые православной воспитательной традицией. Следует отметить, что описанные препятствия, возникающие на пути личностного роста, не сложно «перевести» на язык современной психологии, что существенно облегчит их восприятие, но в этом случае утрачивается особая содержательность, объемность и смысловая нагрузка этих понятий, поскольку размышление над ними и проникновение в их сущность составляет неотъемлемую составляющую духовно-нравственного воспитания в православной педагогике.

Как пример реализации православного воспитания в учебном процессе проанализирована и собственная педагогическая деятельность отца Иоанна: приемы организации учебной работы, способы активизации не только собственно познавательной деятельности, но и целей освоения учебного материала, систе-

ма оценивания как инструмент духовно-развивающего влияния, требования к глубине освоения и формам изложения усвоенного не столько в дидактическом, сколько в духовно-личностно-стимулирующем плане. Представляется, что для воспитания принципиально важен этот аспект: не так похвально само по себе знание изучаемого предмета, сколько важно воспитателю увидеть и своевременно направить в нужное русло те личностные качества, которые при этом формируются у воспитанника. Н.В.Масловым выпукло показано, как в педагогической деятельности отца Иоанна приоритет отдавался именно личностным качествам учащегося, что позволяло не допустить развитие их самомнения, раздутой гордости, самолюбования, тщеславия и других пороков: «каждое занятие – это прежде всего урок внутреннего духовного самопознания… На каждом уроке шла напряженнейшая духовная работа, причем с каждым индивидуальная».

Очень полезным для воспитательной практики является представленная в книге система ключевых понятий православной педагогики, почерпнутая в фундаментальном труде схиархимандрита Иоанна «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского». Для практических педагогических работников дан важный руководственный анализ структуры этого труда и рекомендации по его использованию. Вместе с тем, уместно напомнить, что данная работа отца Иоанна уже оценена и педагогической общественностью, и Министерством образования Российской Федерации, присвоившим этой книге гриф: «книга для учителя по духовно-нравственному воспитанию» - на основании заключения Федерального экспертного совета по общему образованию Министерства образования Российской Федерации. Мы полностью разделяем мнение Н.В.Маслова, что, вмещая весь спектр понятийного аппарата о человеке в его истинном православном изъяснении, «Симфония по творениям Святителя Тихона Задонского» является справочным изданием энциклопедического типа.

Впервые в отечественной педагогике в книге представлен детальный научный анализ педагогических аспектов служения священника, методы пастырского душепопечения на всех этапах жизненного пути человека, от младенчества до старости, на основе анализа жизни знаменитых старцев, выявлена их педагогическая деятельность и раскрыта педагогика старчества, показаны содержание и методы монастырской педагогики. В качестве фундаментального факта можно отметить вывод Н.В.Маслова о том, что в основе воспитательной деятельно-

сти старцев лежит их беспрестанная работа над собственным внутренним миром, их умение проникать в «тайники души». Именно эти способности позволяют старцам быть высшими педагогами – руководителями совести. Николаем Васильевичем Масловым вскрыта тесная связь монастырской воспитательной деятельности с социальным служением. При этом воспитательное значение монастыря, состоящее в формировании «умения отдать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду, привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах» не ограничивается монашествующими. Монастырская педагогика оказывает влияние на нравственный уровень людей, раскрывая через практические результаты реальную возможность духовно-нравственного преобразования. Действительно, в монашестве Россия всегда имела огромную созидательную силу, нравственно влиявшую на общественную жизнь. Можно полностью согласиться с приводимыми в книге словами Патриарха Алексия II, «живя вне мира, они служили миру».

В своем послании Президенту Российской Федерации В.В.Путину Патриарх Московский и Всея Руси Алексий отмечал, что в новых реалиях церковно-государственных отношений православные верующие люди имеют возможность вместе со всеми трудиться над созиданием духовно сильного, экономически стабильного и нравственно здорового Государства Российского. Вместе с тем, Предстоятель Русской Православной церкви предупреждает: «Сея ветер свободных от нравственности идей, мы пожинаем бурю саморазрушения».

Действительно, для России характерно многообразие культур. Действительно, в школе важно передать детям историю и традиции нашего народа. Вместе с тем, признавая важность традиций, следует согласиться, что духовно-нравственное состояние нашего общества зависит от того, какие ценности являются приоритетными в жизни, делах и поступках отдельно взятого человека. Представляется, что именно православное воспитание должно стать центральной задачей национального русского образования.

Книга Николая Васильевича Маслова энциклопедична по глубине и охвату материала и, на наш взгляд, должна стать настольной книгой каждого православного педагога.

Спасибо.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЭПИГРАФЫ 12

ВВЕДЕНИЕ. 13

1. УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ – ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ..... 15

1.1. ТРИ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В УЧЕНИИ О СПАСЕНИИ. ОБНОВЛЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ. ОБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ. 16

1.1.1. Творение мира и человека. Естественное состояние человека и его свойства. 17

1.1.2. Грехопадение человека и его следствия. Неестественное (падшее) состояние человека и его свойства. 21

1.1.3. Объективная сторона процесса спасения. Обновленное состояние человека и его свойства. 28

1.2. ПЕРЕХОД В ОБНОВЛЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КАК ДЛИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС РАБОТЫ ЧЕЛОВЕКА НАД САМИМ СОБОЙ. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРОЦЕССА СПАСЕНИЯ. 42

1.2.1. Личное участие человека в развитии всех своих духовных сил. Формирование и укрепление добродетелей. 43

1.2.2. Средства духовно-нравственного возрастания. 74

1.2.3. Препятствия на пути спасения. 85

1.3. УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ – СМЫСЛОВАЯ ОСНОВА КАТЕГОРИЙ И ПОНЯТИЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ (ПО «СИМФОНИИ» СХИАРХИМАНДРИТА ИОАННА (МАСЛОВА)..... 92

1.3.1. Словарный состав учения о спасении, представленный в «Симфонии», как методологическая основа категорий и понятий православной педагогики. 108

1.3.2. Учение о спасении – источник обновления и наполнения истинным смыслом понятийного аппарата современной педагогики. 115

1.3.3.Содержание педагогических понятий в контексте православного учения о спасении. 127

2. РУССКИЙ АСКЕТИЗМ – ПРАКТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ..... 133

2.1. ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ НА РУСИ. 133

2.1.1. Опора на аскетические традиции древнехристианских школ – особенность русской педагогики. 133

2.1.2. Становление и развитие русской православной школы. 146

2.1.3. Роль Свято-Троице-Сергиевой Лавры в становлении и развитии русской школы. Московская духовная академия. 190

2.2. РУССКИЕ ПАСТЫРИ – СВЯТЫЕ ВОЖДИ НРАВСТВЕННОСТИ. ПАСТЫРСКОЕ ДУШЕПОПЕЧЕНИЕ. 209

2.2.1.Педагогические аспекты служения священника..... 210

2.2.2. Русские пастыри как пример высоты и самоотверженности педагогической деятельности..... 232

2.2.3. Методы пастырского душепопечения на всех этапах жизненного пути человека. Непрерывность воспитания. 244

2.3. МОНАСТЫРСКАЯ ПЕДАГОГИКА. ПЕДАГОГИКА СТАРЧЕСТВА.265

2.3.1. Монастырь как идеальная педагогическая система..... 265

2.3.2. Монастырская педагогика и ее методы..... 227

2.3.3. Педагогика старчества..... 297

3. КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ КАК СИНТЕЗ ЕГО ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ. 345

3.1. СУЩНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ – ВОСПИТАНИЕ БЛАГОРОДСТВА, БЛАГОНРАВИЯ И БЛАГОЧЕСТИЯ. 282

3.1.1. Назначение человека. Образ совершенного человека. Настоящее состояние человека..... 283

3.1.2. Цель православного воспитания, его определение. Главное правило, задачи, логика..... 286

3.1.3. Объект, предмет и субъекты православного воспитания..... 297

3.2. СОДЕРЖАНИЕ, ПОЛОЖЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ. 390
3.2.1. Содержание православного воспитания. *390*
3.2.2. Положения православной педагогики. *394*
3.2.3. Принципы православной педагогики. *396*

3.3. МЕТОДЫ, ФОРМЫ И СРЕДСТВА ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ. УСЛОВИЯ ЕГО УСПЕШНОСТИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ. 327
3.3.1. Методы православного воспитания. *327*
3.3.2. Формы и средства православного воспитания. *334*
3.3.3. Условия успешности православного воспитания, его концептуальные особенности. *342*

4. СХИАРХИМАНДРИТ ИОАНН (МАСЛОВ) – РУССКИЙ ПАСТЫРЬ И ПЕДАГОГ. 348

4.1. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ГЛИНСКОГО СТАРЦА КАК ПРИМЕР ВОПЛОЩЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО УЧЕНИЯ. 348
4.1.1. Детство и юность. Монашество в Глинской пустыни. *351*
4.1.2. Учеба и преподавательская деятельность в Московских Духовных школах. *356*
4.1.3. Жировицкий монастырь. Последний год жизни и блаженная кончина. *364*

4.2. МНОГОГРАННОСТЬ ПАСТЫРСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. 372
4.2.1. Учительство. *373*
4.2.2. Совершитель священнодействий. *391*
4.2.3. Духовный наставник. *487*

4.3. БОГОСЛОВСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОТЦА ИОАННА. 419
4.3.1. Учение о спасении в трудах схиархимандрита Иоанна (Маслова). *420*
4.3.2. Монастырская тема. Глинская педагогическая школа. *429*
4.3.3. Педагогические труды. Теория пастырства. Эпистолярное наследие. *540*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....555

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....451

ЭПИГРАФЫ

Науки, изощряющие ум, без веры и без нравственности, не составят благоденствия народного… Одно обучение наукам не есть воспитание и даже вредно без возделывания нравственности.

А.С.Шишков

«Воспитание - самое святое из всех святых дел»

Свт. Феофан Затворник

ВВЕДЕНИЕ

Истинная мысль – источник всех благ, мысль ложная есть источник ошибочной деятельности и тех незрелых плодов, которые от нее рождаются. Если мы видим подвижничество, не увенчанное никакими плодами или увенчанное плодами самообольщения, то должны понимать, что причиной этого было ложное направление, ложная исходная точка деятельности.

Святитель Игнатий Брянчанинов

Современный мир ставит перед людьми много проблем. Но существует ли достоверный источник, который подсказывает их верное решение, учит, как найти верный путь и избежать ошибок, помогает исправить недостатки? Есть ли ориентир, который помогает человеку правильно действовать в любых обстоятельствах?

Ответы на основные жизненные вопросы можно найти в творениях святых отцов. Их авторитет непререкаем. Они наилучшим образом, опытным путем, познали природу человека, его душу, законы развития и совершенствования внутренней, духовной жизни человека. В своих трудах они дают самые полные и достоверные ответы на поставленные жизнью вопросы. Святые отцы по праву считаются лучшими педагогами, педагогами-нравоучителями, «учителями учителей». Знакомство с их творениями, с их жизнью и деятельностью необходимо как средство успешного разрешения многих проблем.

Жизнь русского народа после Крещения Руси во многом строилась на святоотеческом наследии. Вернуть эту бесценную сокровищницу духовных богатств в нашу жизнь, органично связать с современностью и раскрыть во всей полноте помогают труды современного нравоучителя схиархимандрита Иоанна (Маслова).

Отец Иоанн в своих сочинениях во всей полноте обобщил и систематизировал опыт не только древних отцов, церкви, но и многих отечественных святых 18-20вв.: Тихона Задонского, Дмитрия Ростовского, Игнатия Брянчанинова, глинских и оптинских старцев, Феофана Затворника, Иоанна Кронштадтского и других. Он глубоко проанализировал подходы святых отцов к решению многих жизненно важных проблем. Его наследие получило общественное и го-

сударственное признание. Это дает основание для его использования во многих сферах деятельности общества и государства.

Данный труд представляет весьма ценный и востребованный пласт этого наследия – православную педагогику. Это наука о воспитании, которая, определяет судьбу не только отдельного человека, но и общества в целом.

В этой книге мы предлагаем читателю:

– обратиться к учению о спасении как теоретической основе православной педагогики;

– посмотреть на русский аскетизм как на практическую основу православной педагогики (педагогический опыт, накопленный русской школой за многие века ее существования, с наибольшей полнотой отразился в системе монастырской педагогики, методах пастырского душепопечения, педагогике старчества);

– познакомиться с концепцией православного воспитания и, наконец,

– увидеть истинно русского пастыря и педагога, который свой жизненный путь посвятил служению Богу, людям и Отечеству, подавая нам в этом пример.

Данный труд предназначен, прежде всего, для педагога массовой школы – учителя, воспитателя, классного руководителя, методиста. Он может быть востребован также системой высшего образования и профессиональной школы. Надеемся, что он будет полезен и в семейном кругу.

1. УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ – ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Вопрос о назначении человека, о том, как человеку жить, является основанием всякой деятельности, тем более, деятельности педагогической. Педагог имеет дело с растущим человеком и должен ясно представлять цель своих трудов и средства достижения этой цели. Он соотносит знание своего предмета со знаниями о природе человека. При этом он опирается на весь богатый предшествующий педагогический опыт, берет из него все самое ценное и действенное.

Вопрос о сущности и цели воспитания является главнейшим вопросом педагогики. Только тогда, когда он правильно решен, можно рассуждать об эффективных средствах и методах воспитания, только тогда можно верно определить тот путь, которым должен идти воспитатель к намеченной цели.

Постановка цели воспитания исходит из определения сущности человека и зависит от ответов на следующие вопросы: кто есть человек и какова его природа? в чем смысл человеческой жизни? каково его назначение и каким путем он может его достичь? от чего зависит счастье и благополучие человека? как реализовать его способности и таланты? как научить его самого раскрывать свои дарования? распознавать добро и зло, не стать причиной собственных несчастий, болезней? как научить его выбирать путь, избавляющий от тяжких скорбей? как сделать жизнь человека радостной, полезной людям и обществу?

Какие препятствия ждут человека на жизненном пути и как их лучше всего преодолевать? каким умениям и навыкам нужно научить человека для управления самим собою? какие объективные причины помогают и какие мешают на пути достижения им своего назначения?

На протяжении почти всей своей многовековой истории Россия отвечала на эти вопросы, опираясь на традиции Православия, прежде всего, православного учения о спасении.

У российских учителей есть уникальная сокровищница – православная педагогика. Чтобы овладеть ее богатствами, необходимо знать ее язык, понимать ее логику, видеть «точку отсчета». Смысл и содержание православной педагогики во всей полноте раскрывается при знакомстве с учением о спасении. Раскрывая происхождение человека, его назначение и природу, учение о спасении дает твердую опору педагогической теории и практике, отвечает на поставлен-

ный вопрос о сущности и цели воспитания.

Учение о спасении раскрывается в трудах отцов церкви. Это – центральная тема трудов замечательных русских нравоучителей свв. Тихона Задонского, Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, Амвросия Оптинского, Иоанна Кронштадтского и др.

Применительно к современному восприятию, учение о спасении доступно изложено в трудах схиархимандрита Иоанна (Маслова). Оно раскрывается в его кандидатской диссертации «Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие» (123), в других его фундаментальных трудах и в многочисленных проповедях, письмах, статьях. Особенно полно тема спасения раскрывается в магистерской диссертации отца Иоанна «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении» (146).

Мы рассмотрим основные положения учения о спасении в его антропологическом аспекте, касающемся важнейших сторон человеческой жизни, ее цели и назначения, средств и препятствий на пути к этой цели. «Незнание, в чем состоит спасение, - пишет св. Игнатий Брянчанинов, - сообщает действиям нашим… неопределенность, неправильность» (105, 328). Об этом же говорит один из известных русских педагого: «Русское воспитание должно быть, вместе с тем, и православное воспитание» (Цитирование по: Педагогика, 2006, № 2, с. 72).

Сам термин «спасение», его смысл будет определяться по мере знакомства с содержанием учения о нем.

1.1. ТРИ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В УЧЕНИИ О СПАСЕНИИ. ОБНОВЛЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ. ОБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ.

Православная педагогика, опираясь на учение о спасении, рассматривает человека в трех его состояниях: естественном, неестественном и обновленном.

Она исходит из того, что человек был создан Богом как существо совершеннейшее во всех отношениях как по телесной, так и по духовной природе (146, 167). Это – естественное состояние человека.

Что же произошло с человеком, когда он нарушил первую заповедь, которая была дана ему Богом для духовно-нравственного совершенствования? Произошло грехопадение. «Грех нарушил целостность природы человека и лишил

его Божественных дарований. Падение первого человека нарушило гармонию, отравило и расстроило все его существо, отразилось на всех свойствах и способностях» (146, 171).

Таким образом, первородный грех внес в существо человека полную дисгармонию, порвал те нити, которые соединяли человека с Богом, и заставил его служить страстям.

Что важно знать каждому воспитателю? Губительные следствия первородного греха не ограничились прародителями. Они распространились на весь род человеческий путем естественного рождения.

Состояние, в котором находится человек и человечество после грехопадения, - неестественное, греховно-падшее.

После искупительного подвига Христа для человека открылась возможность восстановить способности, которые у него были первоначально, возродить образ Божий, который был человеку дан. После такого восстановления состояние человека является обновленным, вышеестественным.

Таким образом, святые отцы выделяют три состояния человека: естественное, неестественное, вышеестественное (105, 363).

Русский святитель Игнатий Брянчанинов называет эти состояния соответственно: по сотворении человека (до грехопадения), по падении и по искуплении (105, 362).

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) определяет эти состояния, как богоданное (райское), греховно-падшее, искупительно-благодатное (143, с. 14).

Три состояния человека раскрыты в книге схиархимандрита Иоанна (Маслова) «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении» (146). Излагая ее, мы сохранили ее структуру, логику и последовательность.

1.1.1. Творение мира и человека. Естественное состояние человека и его свойства.

Творение мира.

В учении о спасении говорится о том, как Бог создал весь видимый и невидимый мир. Создавая его в определенной последовательности и красоте, из ничего, «словом единым», Творец имел целью дать возможность всему созданному наслаждаться благодатной жизнью. «Бог сообщил первозданному веществу жизненную силу, которая является внутренним двигателем всех закономерных

процессов, протекающих в органическом и неорганическом мире» (146, 166). Все творение вышло из рук Творца прекрасным, во всем наблюдалась гармоничность, закономерность и целесообразность. В мироздании Бог отразил Свое всемогущество, премудрость и благость. Создав прекраснейший мир, Творец не перестает проявлять о нем Свою заботу и промышление, ведет его к осуществлению Своих Божественных планов (146, 165-167).

Творение человека. Естественное состояние человека и его свойства.

Человек создается после всех видимых тварей, поскольку «всеобщий порядок видимого творения состоял в постоянном восхождении к совершеннейшему». «Все прочие твари земные сотворены на службу» человеку (377, 20).

«Человек вышел из рук Творца в совершеннейшем виде как по телесной, так и по духовной природе», он является венцом и завершением всего земного творения. По образу своего происхождения человек существенно отличается от прочих тварей видимого мира, он создан по образу и подобию Божию. Творец определил человеку не только важную роль в мироздании, но и предназначил его для вечного единения с Самим Собой. Человек получил от Бога нечто особое, присущее только ему одному – дыхание жизни» (146, 167-168). Это – дарованная человеку Богом душа.

В чем же усматривают святые отцы образ Божий в человеке, отличают ли его от подобия? Лаконично отвечает на этот вопрос настоятель Глинской пустыни игумен Филарет: «Образ – в душе человеческой, подобие же – в добродетелях» (135, 48).

«Образ Божий в человеке есть частица дыхания Божественной жизни», - пишет схиархимандрит Иоанн (Маслов) (146, 167). Бог по Своей природе есть «чистейший всесовершеннейший Дух, и поэтому образ Божий в человеке следует видеть в его невещественной душе, которая «облечена благородием, красотой, великолепием и бессмертием» (352, 28). Но «душа является не только образом Божиим, но и обусловливает наличие в человеке подобия Божия, ибо, имея в себе это неоценимое вечное сокровище (образ Божий), человек должен постоянно уподобляться своей жизнью Первообразу» (353, 330).

Чистота, бесстрастие, блаженство – неотъемлемые свойства человека, данные ему при творении, поэтому он должен постоянно направлять свои силы к добру, чтобы сохранить эти Божественные дарования и тем самым уподоблять-

ся Богу (146, 168).

Вместе с тем, сущность человека определяется не только душою, но и телом его, так как Бог создал и душу, и тело. Душа и тело в человеке очень тесно связаны между собою, однако душа существенно более важнейшая составная часть сущности человека: «Красота душевная вечна.., красота же телесная временна» (352, 112).

Красота, гармоничность и целесообразность в устроении тела позволяют думать о том, какова же тогда бессмертная и вечная душа (353, 304; 352, 112; 146, 169).

Хотя душа временно пребывает в теле, однако она есть начало самостоятельное, и притом обладающее разумностью, свободой и бессмертием. Тело как низшая часть человеческого естества не может существовать без души, а душа, напротив, освободившись от тела, живет вечно (146, 169).

«Наиболее ценным качеством души, отличающим ее от окружающего мира, является ее духовность. Душа есть дух, и потому она должна постоянно устремляться к Богу, богоуподобляться, чтобы соединиться с Ним в вечности», – пишет схиархимандрит Иоанн (Маслов) (146, 169).

Душа человека достигает богоуподобления при помощи Духа Святого. Для того чтобы Дух Святой мог постоянно пребывать в душе, человек, со своей стороны, должен стремиться к стяжанию душевной чистоты, потому что Бог живет только в чистой душе (146, 169).

Учение о спасении свидетельствует, что душа своим великолепием превосходит весь видимый мир с его прекрасным устройством и красотой, поскольку имеет в себе дыхание жизни и является храмом Святого Духа. Отсюда становится ясной первостепенная роль человека в мире. Творец является всемогущим, Он и человека наделил способностью к творческому созиданию (146, 169).

«Подлинное же величие человека заключается не в превосходстве его положения среди всего сотворенного, но в том, что он имеет причастность к Божественной жизни, то есть в его богоподобной душе… Душа человеческая есть дух. Она ничем не удовлетворит свою духовную жажду и не может обрести спокойствие ни в чем, как только в своем Первообразе» (146, 169).

Таким образом, человек, как свидетельствует учение о спасении, «по своему происхождению от Бога и высокому достоинству является не чем иным,

как отражением славы Божией, Его образа. И потому, живя в этом мире, **он должен развить все свои духовные силы, направить их к Богоуподоблению**, быть постоянно в общении с Богом, прославлять Его премудрость, святость и милосердие. **Вот смысл и цель жизни человека**» (352, 28) (146, 169).

Первозданную супружескую чету, Адама и Еву, Бог поселил в «рай сладости», который представлял собой, по мысли святителя Тихона Задонского, как бы прекраснейший царский дворец и был украшен всевозможными плодовыми деревьями и благовонными цветами, служащими для утешения и наслаждения человека (353, 329). «Оказавшись в таком прекрасном месте, человек постоянно пребывал в теснейшем единении с Творцом» (146, 170). Каковы же были свойства первозданных людей?

По словам святителя Игнатия Брянчанинова, в своем естественном состоянии, по сотворении, человек – совершенное создание, существо «превосходное, исполненное многообразного достоинства, многообразной красоты» (105, 128). «В нем жило и действовало одно цельное добро», - пишет святитель (там же, 363).

«Первые люди не знали еще, что такое грех, и поэтому *ум* их был проницателен, чист и способен к быстрому восприятию всех Божественных истин. *Воля* была направлена к добру, т. е. к выполнению всех Божественных назначений и целей. В *сердце* безраздельно царила любовь к своему Создателю (ТЗ, 170). Возлюбив человека и одарив его царственной властью над видимой природой, Господь предназначил его быть посредником между созданием и Самим Собою, «между небом и землею» (355, 34). Человек должен был охранять первобытную природу и поддерживать в ней порядок (146, 170). Таким было **естественное** состояние человека.

Но святость его находилась только в зачаточном состоянии и требовала развития путем личных усилий и благодатной помощи свыше. «Необходимо было длительное упражнение в доброделании, чтобы этот навык в добродетели смог стать как бы природой души. Для развития духовно-нравственных сил, для упражнения в послушании Богу Творец дал заповедь: «От всякаго древа, еже в раи, снедию снеси; от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него, а воньже аще день снесте от него, смертию умрете [от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь]» (Быт. 2, 17) (146, 170)

ТАКИМ ОБРАЗОМ:

1. Первый человек – Адам – сотворен «не причастным злу», «нравственно добрым, беспечальным, свободным от забот», «украшенным» «всякой добродетелью» (149, 152).

2. В этом состоянии он имел «знание общих свойств и законов существ.., давал им имена, изображающие естество их» (377, 20).

3. По свидетельству преподобного Серафима Саровского, он (Адам) не подлежал «действию ни одной из сотворенных Богом стихий», мог «видеть и разуметь» Бога, постигая все сказанное Им, а также «беседу святых ангелов, и язык всех зверей, и птиц, и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас … сокрыто» (230, 34 – 35).

4. Все силы человека, его ум, сердце, чувства, его воля и совесть первоначально находились в гармонии. Ум человека был чистый и царствовал над желаниями (190, 157).

5. В душе человека при сотворении не было порока, ей были даны все лучшие свойства – добродетели: рассудительность, знание, благоразумие, вера, любовь и др. Человек был чужд всему злому (190, 156-157).

6. Первозданный человек был «князем века сего и владыкой всего видимого… Огонь его не жег, вода не потопляла, никакой зверь [ему] не вредил, ядовитые животные не оказывали на него своего действия» (267, 552).

7. Мысль человека услаждалась красотой всего созданного (267, 553).

Таким образом, православная педагогика исходит из того факта, что первоначально человек создан Богом как существо совершеннейшее во всех отношениях как по телесной, так и по духовной природе. Это состояние святые отцы называют естественным (105, 363).

1.1.2. Грехопадение человека и его следствия. Неестественное (падшее) состояние человека и его свойства.

Грехопадение человека.

Зло появилось на земле после того, как первый человек нарушил Божию заповедь. Как это произошло?

Прародители, «не будучи еще утвержденными в добре, не послушали Бога, преступили заповедь и вкусили от запрещенного дерева». Это привело их к лишению райской жизни, утрате и других Божественных дарований. Они потеря-

ли не только ближайшее общение с Источником жизни – Богом, но и свое бессмертие и приобрели смерть (146, 170).

«Человек как существо духовно-разумное был свободен в выборе и осуществлении своих решений. Сам человек никогда бы не сделал первого греховного шага» (146, 171). Но дьявол (разумное и притом коварное существо, дух злобы) позавидовал блаженству человека. Не имея реальной власти над ним, он сумел посеять в душах первых людей недоверие к Создателю и преуспел в своем коварстве. Таким образом, вина за грехопадение человека лежит, прежде всего, на дьяволе, который по своей злобе и зависти лишил прародителей общения с Богом.

Вместе с тем, не снимается вина за грехопадение и с первых людей. Они не только преступили заповедь Создателя, но и «склонили богодарованную им свободу на сторону зла, когда вкусили плод от запрещенного дерева. Человек пожелал быть равным Богу, впал в грех гордости и – как следствие этого – потерял общение с Богом, благодать и бессмертие, стал обречен на скорби и тяжелые болезни. Грех нарушил целостность природы человека и лишил его сил к достижению великого назначения – Богоуподобления» (146, 171).

Так произошло грехопадение человека. Как оно отразилось на его природе? Какие изменения внес грех в душу и тело человека?

Следствия грехопадения.

Грех стал проявляться в природе человека сразу же после нарушения заповеди Божией. Жизнь естественная для первозданной природы человека стала не такой, как прежде. Если до падения человек имел в себе бессмертие и был властелином своей природы, то после преступления он стал безобразным и подобным скотам. Разорвался союз человека с Богом. Теперь человек стал рабом греха, пленником диавола (146, 172).

«Образ Божий, вложенный Творцом в человека, был зеркалом, отражающим Создателя, …после грехопадения он затемнился и перестал быть господствующим в душе человека. Падший человек, хотя жив телом, но душой уже мертв» (146, 172). Смерть стала царствовать над людьми.

«Грех отнял у человека познание истины, и человек начинает воспринимать Бога уже не как Источник полноты внутренней жизни, а как нечто отвлеченное и неродное. Как яд, попавший в организм человека, доставляет ему те-

лесные страдания, так и греховный яд, разделяющий Творца и Его рение, приносит душе человека страшное внутреннее терзание и мучение» (146, 172).

Для педагогики особенно важно знать, что грехопадение внесло в природу человека столь страшную порчу, что она отразилась на всех его свойствах и способностях. Грех нарушил гармонию, отравил и расстроил все существо человека. «Когда вода смешана с вином или уксусом, тогда каждая капля ее содержит в себе подмесь; так и естество наше, будучи заражено злом, содержит примесь зла в каждом проявлении своей деятельности» (105, 333).

Неестественное состояние человека, его свойства.

Как же изменились свойства человека?

Ум человека потерял способность видеть истину, различать добро от зла, стал слеп, помрачился. Извратились все познавательные силы и способности человека, утратилась ясность и проницательность его ума (146, 172).

Коренным образом изменилось и *сердце* человека, оно не осталось в чистом состоянии. Вместо любви к Богу как Источнику жизни, оно стало источать зло, в нем появились «гордость, высокоумие, безмерное самолюбие, тщеславие, неведение Бога и о Нем нерадение, ненависть, зависть, гнев» (352, 112). По мысли схиархимандрита Иоанна (Маслова), сердце стало подобно земле, не имеющей живительной влаги, оно огрубело, стало жестоким, как железо, каменным, глубоко растленным и злым. Это жилище Святого Духа стало жилищем злых духов (146, 173).

В своей деятельности педагогам необходимо учитывать, что после грехопадения сердце человека стало мало восприимчиво к добру, стало злым: по свидетельству св. Иоанна Кронштадтского, в нем появилась «нечувствительность ко всему истинному, доброму и святому» (ИК, Моя жизнь, ч. 1, ст. 413). Когда на него сеются добрые семена, то чаще всего они остаются бесплодными и даже погибают, как на жесткой почве (146, 173).

Существенно повредилась *воля* человека. До грехопадения она была направлена к чистоте, праведности и невинности, теперь в ней появились противоположные желания, направленность ко злу. Подчиняясь различным чувственным побуждениям, воля постепенно ослабела. «Чем более грехов и беззаконий творит человек.., тем более отходит и удаляется от Бога… не лицом, но

сердцем, не ногами, но волею, не переменением места, но переменением нравов злых», – такими словами святителя Тихона Задонского характеризует схиархимандрит Иоанн результат ослабления воли (146, 173).

Существенный отпечаток грех наложил и на *свободу* человека. Отец Иоанн пишет, что «если до грехопадения человек радостно и охотно служил Творцу, желал постоянно быть с Ним в тесном взаимодействии, то после грехопадения человек окончательно прекратил всякое взаимодействие с Господом, тем самым лишив себя Его милости и благодати» (146, 173).

Грех затмил в человеке *совесть*. До грехопадения она была в нем непогрешимой, «голосом Божиим», «верным свидетелем», после грехопадения человеческая совесть стала похожа на закопченное зеркало, не отражающее истины. Она стала злой и усыпленной (146, 173).

Следствия греха распространились и на *тело*.

По мысли отца Иоанна, «извращение человеческого духа привело к полному разладу телесного состава и нарушило его правильное развитие. Если до грехопадения душа полностью господствовала над телом, то после него тело взяло перевес над духом, вышло из повиновения» (146, 174). В результате этого тело стало подвергаться болезням, страданиям. Более того, тело человека стало подвергаться физической смерти. Святитель Игнатий Брянчанинов пишет: «По причине падения наше тело вступило в один ряд с телами животных» (105, 229).

Существенно повредилась *память* человека. Она стала склонна больше удерживать злые, лукавые воспоминания, чем воспоминания об истине и добре. При этом диавол старался изгладить из сердца человека память не только о райской жизни, но и о Самом Боге как Творце (137, 376; 146, 175).

В падшем человеческом естестве добро смешано со злом. Причем, как свидетельствуют святые отцы, прившедшее в человека зло так «смешалось и слилось» с его природным добром, что «природное добро никогда не может действовать отдельно, без того, чтобы не действовало вместе и зло» (105, 364). «Отрава проникла во все члены тела, во все силы и свойства души, - пишет святитель Игнатий Брянчанинов, - поражены недугом греховным и тело, и сердце, и ум» (105, 364).

Искажение образа Божия и утрата подобия мучительна для человека. «Разнородные части, составляющие существо человека – ум, сердце и тело – после

грехопадения рассечены, разъединены, действуют разногласно, водействуют одна другой» (105, 130). Это мучение действует в человеке непрерывно. Поэтому **как результат греха у человека появилось новое стремление – стремление к суетным непрерывным развлечениям** для того, чтобы заглушить живущую внутри муку. Но эту муку нельзя уничтожить развлечением. Развлечение служит средством ее укрепления. После развлечения мука просыпается с новой силой. Она – живое свидетельство падения человека (105, 133).

Таким образом, первородный грех самым пагубным образом отразился на всей человеческой природе, внес в существо человека полную дисгармонию. При таком повреждении всех сил и способностей, после ужасного искажения образа Божия, после утраты человеком естественного состояния, у него уже не было никакой возможности остаться в раю.

По выражению святителя Тихона, грех, содеянный человеком, не только затворил собой небо и рай, но и отверз ад с его вечным мучением (146, 173).

Грехопадение первых людей оказалось пагубным не только для них самих, **пагубные следствия первородного греха распространились с неотвратимой преемственностью на всех их потомков.** Поэтому греховные наклонности и страсти проявляются в человека с младенчества. «Человек рождается в мир далеким от того, чтобы ему быть храмом Божиим», – пишет святитель Филарет Московский (344, сл.219). «Дитя еще не говорит, не ходит, только что приучилось сидеть и брать игрушки, – свидетельствует святитель Феофан Затворник, – но уже серчает, завидует, присвояет себе, особится и прочее, вообще проявляет действие страстей» (371, 37).

С возрастом страсти усиливаются и делают человека своим рабом. «Наклонность ко грехам, наследованная нами от прародителей, - пишет схиархимандрит Иоанн (Маслов), - именуется в слове Божием «ветхим человеком». Ветхий наш человек так крепко, так глубоко укоренился в нас, что мы грешим каждый день, каждый час, грешим мыслями, словами и делами» (141, 120).

Согласно учению о спасении, с течением времени человек «все более ожесточался, уклонялся от добра, воздвигая непреодолимые препятствия между собой и Богом» (146, 174). «Помраченные неведением, люди стали почитать вместо добродетелей пороки. Естественные пути Богопознания стали недоступны и непонятны человеку. Природа человека, зараженная грехом, стала не-

способна к добродетельной жизни» (146, 174).

Находясь после грехопадения в состоянии духовной смерти, человек впал в руки дьявола, который жестоко мучил его. Он стремился заставить человека поклоняться неразумной твари, обожествлять вместо Творца видимые предметы: небесные светила, зверей и скотов и т.п. (146, 175).

При этом люди, как правило, не видят своего падшего состояния. «Самый тяжкий плен остается для многих невидным, признается полной свободой» (105, 400).

«Постепенно смерть и тление все более овладевали людьми, память о Боге у них почти совершенно изгладилась, грех, подобно смертоносной язве, быстрыми темпами распространялся по земле. Весь мир погружался в глубокую тьму идолопоклонства и крайнего развращения. Исправление такого ужасного состояния становится для самого человека невозможным. Человечество было бессильно что-либо сделать для своего спасения. Однако образ Божий как основание духовной жизни человека не был совершенно разрушен силой зла и сохранял еще в себе возможность возрождения. Отпадение человека от Бога не было безвозвратным. «В помраченном уме еще оставалось представление о Боге, хотя и искаженное; в воле человека, уклонившегося в сторону зла, не было непримиримой ненависти к добру, но сохранялась еще возможность раскаяния и возвращения на путь богоугодной жизни» (146, 185).

ТАКИМ ОБРАЗОМ:

1. Состояние человека после грехопадения характеризуется следующими свойствами (105, 105):

– образ Божий в человеке осквернен, подобие Божие уничтожено (105, 105), человек потерял свое достоинство и честь (121, 1168);

– грех так сильно слился с природой человека, что стал вторым естеством (146, 183): «естество падшего человека являет собой смесь добра со злом и постоянно рождает из себя действие, себе сообразное» (105, 373);

– падение первого человека нарушило гармонию, расстроило все его существо, отразилось на всех свойствах и способностях: *ум* помрачился, утратил подлинную мудрость, ясность и проницательность, способность к различению добра и зла; *сердце* стало жестким и растленным, расположенным к греху; *воля* ослабела, человек становится бессильным, ему необходимо усилие, чтобы делать добро. Грех затмил в человеке *совесть*, он не может дать правильную

оценку своим поступкам и действиям;

– нарушилось правильное развитие тела человека, оно стало подвергаться болезням и смерти;

– после грехопадения люди находятся в неведении: вместо добродетелей почитают пороки (146, 174), «порождения страстей принимают за побуждение правды, действия их – за утешение совести» (105, 215);

– в человеке появилось стремление к суетным развлечениям как средству заглушения непрестанного внутреннего мучения, которое явилось следствием дисгармонии его естества, внесенной грехом (105, 132);

– после грехопадения в человеке проявились «страсти греховные»: неправда, ложь, лукавство, нечистота, гордость, гнев, злоба, ненависть, зависть, сребролюбие, самолюбие, хищение, обжорство, лесть и проч. Свойствами нрава его стали самолюбие, плотоугодие, славолюбие, сластолюбие, немилосердие, жестокосердие, ярость, роптание, хуление и прочие грехи. Он стал любить все, что умножает его прихоти. Его свойством стало любить почитание, поклонение, похвалу. Ему неприятно все, что его обличает. Он не заботится о ближнем. От других он не терпит обиды, укоризны, но сам других обидеть, осудить, оклеветать не стыдится. В человеке после грехопадения кроется грех, слепота и бесстыдство. Он весь свой разум стал употреблять на свою корысть или на разорение ближнего (121, 1162-1163);

– после грехопадения человек стал «несмысленным почти как скот», но может свободно выбирать то, что ему хочется. Поскольку свободная воля человека не ограничивается, то **человек ответствен** перед Богом **за свои поступки** (202, 177);

– образ Божий в человеке после грехопадения, хотя и был помрачен, но сохранял возможность возрождения, т.к. не был совершенно разрушен силой зла (146, 185).

2. Губительные следствия первородного греха не ограничились прародителями, они **распространились на весь род человеческий** путем естественного рождения.

3. Греховные наклонности и страсти проявляются в человеке с младенческих лет и усиливаются с его возрастанием, подчиняя человека себе. Врожденное греховное состояние постоянно склоняет и влечет человека ко злу (самолюбию, плотоугодию, славолюбию, сластолюбию, неправде, нечистоте, жесто-

косердию, гневу, ярости, злобе, роптанию, хулению и другим грехам).

4. «Видимое следствие падения – всюду в мире царствующее смятение. Люди колеблются от боязни, страха, смущения, многообразных пожеланий. Видимый мир весь в смятении, в борьбе. **Все** испытывают это состояние, но мало кто знает его причины, большинство не знает, что это за зло и откуда оно, [ошибочно] **считая такое состояние естественным»** (267, 163-165).

Таким образом, сознание гибельности своего состояния у многих людей отсутствует. Многие люди удовлетворились состоянием падения, находя наслаждение в служении греху; многие смотрят на свое состояние падения как на состояние полного торжества и – самое страшное – употребляют все усилия, чтобы упрочить, развить это состояние, а не выйти из него (105, 364).

5. Святые отцы учат о необходимости для каждого человека осознать свое состояние: «необходимо познать свое падшее естество, его наклонности, свойственную ему деятельность», чтоб впоследствии с помощью Божией вернуть естественное состояние (105, 373). «Главное –осознать [свое падение]»,- говорит схиархимандрит отец Иоанн.

6. Человек своими силами не может выйти из состояния падения (146, 175).

Таким образом, педагог в своей деятельности должен знать и учитывать эти свойства поврежденной человеческой природы.

1.1.3. Объективная сторона процесса спасения. Обновленное состояние человека и его свойства.

Поскольку после грехопадения «смерть, тление, рабство греху и Диаволу» овладело человеком, то он должен был быть навсегда удален от Бога. Однако Творец не мог допустить, чтобы его наилучшее создание навсегда было обречено на смерть и вечное мучение (146, 176). «В предвечном Божием Совете положено – человека согрешившего спасти не иначе, как только через Христа, верой в Него» (3, 20; 146, 176). Несмотря на преступление человека, Бог подает ему в Оице Своего Единородного сына – надежду на спасение.

Все, что даровал человеку Господь для спасения, является объективной стороной спасения (146, 5).

Значение искупительного подвига Христа.

После грехопадения люди, осознавшие гибельность своего ния, вступили в усиленную борьбу с грехом, но они «не могли очистить свое естество от противоестественной примеси зла» (105, 100). Для этого нужно было средство, которое бы не только уничтожило грех, но и *обновило* бы человеческое естество (105, 376). Восстановить его мог только Творец естества (105, 100). Восстановление поврежденной грехом природы человека «потребовало принятия Спасителем не ангельской, а именно человеческой природы» (146, 185). Величие Божие проявилось в «самом способе, которым человек извлечен из падения» (105, 133). Сын Божий Христос «пришел в мир.., пожил на земле, пострадал, …умер плотью и восстал из мертвых». «Своими страданиями и смертью *обновил* человека и возвел его в первое состояние» (146, 192). И так Он «устроил спасение людей» (146, 183).

Однако «хотя искупительным подвигом Христа человек и оправдан пред Богом, это еще не гарантирует ему спасение, т.к. оно зависит от того, куда человек направит свою свободную волю» (146, 194). Спасти человека без его желания, против его воли, насильно «было бы недостойно Бога. Этим Он разрушил бы ту свободу, которую дал человеку при творении» (146, 177).

«Христос сделал все то, что должны были сделать люди для своего спасения» (146, 193). Спастись могут все люди, но не все имеют желание этим воспользоваться. Только те смогут получить спасение, которые будут верить в Сына Божия и в своей жизни воплощать Его Божественное учение (146, 192).

«Воссоздавая человека в «новую тварь» (2 Кор, 5, 1), Христос дал ему возможность не только вернуться в естественное (первобытное) состояние» (146, 194), но и придти в состояние несравненно лучшее, высшее, чем то, какое было при сотворении (105, 133).

Своим подвигом Христос дал человеку возможность к воссозданию, примирению и соединению с Богом в вечности (146, 194). Спаситель мира истребил в нем греховность (105, 133). Смерть «потеряла свою силу» и является «только кратковременным сном» перед жизнью вечной. Таким образом, значение искупительного подвига Иисуса Христа, по свидетельству святых отцов, есть дело бесконечной важности, силы и достоинства (146, 193-194).

Для окончательного завершения дела Христова необходимо было придти «Творческой Силе, Которой является Дух Святой» (146, 198).

«Дух Святой созидает в человеческих душах новую благодатную жизнь. Он обновляет и просвещает тех, в кого вселяется, подает людям благодатную помощь в их немощах, подвигах и борьбе с дьяволом». «Невещественный свет» Духа Святого «просвещает и укрепляет» своих последователей, тем самым «давая им возможность ощутить в сердцах Божественную силу, помогающую в спасении» (146, 198).

Через «наитие Святого Духа» в душе человека «снова возобновляется та духовная, благодатная жизнь, которая была утрачена в Адам», союз между Богом и человеком «восстанавливается в полной своей гармонии и в идеальной реальности». Божья благодать «просвещает сердце» человека и «зажигает в нем огонь Божественной любви». Она «водворяет в его сердце духовную небесную радость как предвкушение вечной блаженной жизни». Если человек, по своей беспечной жизни, не имеет в сердце этой «Благодатной Помощи», то он подобен «слепому и глухому», не имеющему «ни радости, ни покоя». При содействии Святого Духа человек ясно видит перед собой тот путь, по которому ему следует идти, чтобы достичь вечной жизни» (146, 198).

Сама возможность полного восприятия верующими Духа Святого открылась только после принесения Жертвы Христовой – искупительного подвига Христа (146, 198).

Церковь – место спасения человека.

Христос создал Церковь с целью *обновления*, освящения, спасения людей. Церковь в переводе с греческого означает «вызывание», потому что люди, в Церкви находящиеся, вызваны из «области тьмы» - к свету, из «общего царства природы» - в «особое Царство Божие» (146, 201, 432).

Именно Церкви принадлежит преобразовательное значение, то есть именно в Церкви люди будут обновлены (ТЗ, 433). Как учит Апостол, «вы – род избран.., люди обновления» (1 Петр. 2, 9).

Идея Церкви в самом ее глубоком понимании связана с идеей искупления людей Спасителем мира. В предвечном Совете Божием было решено не только искупить человека, но и дать ему несравненно более чем он потерял в падении. Поэтому отец Иоанн делает вывод: «Исходя из этого понимания Церкви, можно заключить, что Она занимает первенствующее место в мироздании» (146, 432).

«Спасение человека совершается только в Церкви Христовой. Как праведный Ной со своим семейством был спасен в ковчеге от всемирного па, а все вне ковчега – погибли», точно так же и сейчас только те спасутся от вечного осуждения, которые в Церкви Святой находятся, остальные, вне находящиеся, погибают (146, 203).

«В Церкви Христовой – духовной лечебнице – имеются все средства для искоренения душевных недостатков человека. Однако Господь не подаст эти средства без желания самого человека. Как в госпитале больные получают помощь и исцеление, так и в Церкви Христовой больные душой оздоравливаются и освящаются посредством веры и святого Крещения. Как в больнице лечащий врач посещает своих больных, так и в Церкви Господь лечит духовно больных, посещает их и учит воздерживаться оттого, что препятствует душевному исцелению и вечному спасению».

Подавая своим верным последователям «духовное врачество», Церковь своим воздействием способствует изменению нравов, злых людей облагораживает, делая их кроткими и любвеобильными, оказывает целебное действие не только на душу, но и на тело человека (146, 204).

«Господь для того и основал на земле Свою Церковь, чтобы всегда *обновлять*, просвещать, очищать желающих душевного и телесного здоровья, вести человека к спасению» (146, 205).

«Христос навсегда остался в ней Главой и Источником жизни» (146, 201). Он невидимо управляет ею, соединяя всех верных во «едино тело». Для того чтобы Церковь Христова оказывала спасительное действие, христиане должны соблюдать единство духа и исполнять все ее требования. Святая Церковь – неистощимая сокровищница благодатных Божиих даров, «ходатаица» перед престолом Всевышнего, «путеводительница» к спасению, поэтому ее следует «крепко держаться» и «слушаться ее голоса» (146, 205).

Особая миссия пастыря.

Особая миссия в деле обновления и спасения человека возлагается на пастырей Церкви. По мысли схиархимандрита Иоанна (Маслова), на земле все люди подобны путешествующим, идущим по незнакомой пустыне, они нуждаются в путеводителе. Тем более что те, кто стремится к спасению, постоянно испытывают нападения от врагов своего спасения и нуждаются в поддержке и указании верного пути (146, 206).

Пастырь – это особое лицо, которому Сам Господь Бог поручил воспитывать и оберегать паству и вести ее к спасению (146, 206- 207). Пастыри должны учить людей Божественным истинам, помогать им обновляться и очищаться посредством священнодействий, направлять их по пути к спасению.

Таким образом, если педагог – «детоводитель», то пастырь – «путеводитель к вечной жизни», «вождь, идущий впереди» и «указывающий путь спасения» (146, 207).

Пастырь должен учить людей и утверждать в них добрые нравы (146, 208). Только пастыри могут совершать священнодействия, посредством которых люди очищаются и обновляются. «Пастыри служат своим пасомым… примером христианских добродетелей, словом учения и назидания, благоговейным совершением таинств, спасительным руководством пасомых к жизни добродетельной и ко спасению в Боге» (154, 47).

Св. Иоанн Кронштадтский указывает на значение пастыря в деле обновления человека: «Обновить растленного грехом человека может только один Бог или те из людей, которым Сам Бог дает благодать и власть, и силу Свою самим обновиться и просветиться, и укрепиться в новом житии и других обновлять, освящать, руководить со властью Божией, со властью духовною» (Св. Иоанн Кронштадтский, Золотые слова: О значении веры православной, СПб, 1996, сл. 4).

Бог дал Церкви силу и власть через пастырей «духовно рождать и воспитывать людей посредством истинного учения и Таинств» (146, 209).

Таким образом, пастырь является субъектом воспитания. Он использует в своей деятельности *благодатные средства воспитания*. Более подробно об этом речь пойдет во второй главе и третьей главах.

Таинства Церкви: новое жизненное направление.

Воспитание человека для его спасения осуществляется в Церкви не только через учение, но и посредством Таинств (146, 209). «Через Таинства человек получает от Бога все необходимое для духовно-нравственного возрождения и обновления» (146, 209). Без принятия Таинств никто не может вернуться в естественное состояние, освободиться от греха. Без них невозможна духовная жизнь, нет обновления, освящения, нет спасения.

«Таинства Церкви своими благодатными средствами возрождают человека, одухотворяют его и воссоединяют с Богом. В Таинствах человеку обильно

даруется Божественная благодать - особая сила Святого Духа, которая совершает его духовное возрождение» (146, 217).

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) в своих трудах дает характеристику всех Таинств и рассматривает те условия, при которых они совершаются. Это следующие Таинства:

Таинство Крещения;

Таинстве Миропомазания;

Таинство Покаяния;

Таинство Св.Евхаристии;

Таинство Священства;

Таинство Брака;

Таинство Елеосвящения.

Для человека важны и необходимы все Таинства. Но возможность обновления, путь к спасению открывается человеку именно в Таинстве Крещения.

Таинство Крещения.

По словам святителя Игнатия Брянчанинова, крещение, «не уничтожая естества, уничтожает его состояние падения; не делая естества иным, изменяет его состояние» (105, 376). Крещением «отсекается в каждом человеке падшее естество, прививается к человеку естество обновленное» (105, 383). При крещении человеку прощается первородный грех и собственные грехи, сделанные до крещения. При крещении ему даруется духовная свобода: он …«может избирать добро или зло» (105, 375-377). Крещеный человек, делая добро, принадлежащее обновленному естеству, развивает в себе благодать Святого Духа, полученную при крещении. В противном случае, делая зло, человек теряет в той или иной степени духовную свободу, грех снова получает над человеком «насильственную власть» (там же, 378).

При Крещении в человеке восстанавливаются все те духовные силы, которые были в первом человеке, Адаме, до грехопадения (146, 210). По мысли схиархимандрита Иоанна (Маслова), при Крещении очищаются сердце, разум, мысли, воля, и человек становится «новым творением» (146, 210).

Объясняя процесс духовно-нравственного возрождения в Таинстве Крещения, отец Иоанн пишет, что «**только Крещение возрождает в человеке образ Божий**», помраченный грехами, и «сообщает» ему «первоначальные дары» (там же, с. 210).

Но спасается и после Крещения далеко не каждый, по той причине, что «хотя Крещение и очищает нас от греха, но не искореняет совсем нашу клонность ко греху» (146, 210). В таинстве Крещения человек получает начало новой жизни, «но ему необходимы и другие благодатные действия Божии, которые способствовали бы его духовному росту» (146, 211).

Таинство Миропомазания.

Миропомазание совершается сразу же за Крещением. В этом Таинстве человеку обильно даются силы, укрепляющие его на пути ко спасению (146, 210).

Таинство Покаяния.

В Таинстве Покаяния человек очищается от тех грехов, которые он совершает после Крещения. Через искреннее исповедание этих грехов с сокрушением сердца и через разрешение священника эти грехи отпускаются человеку (146, 212).

Таинство Святой Евхаристии.

Без Таинства Святой Евхаристии нет спасения (146, 213). «Евхаристия есть тайна, в которой дается нам истинное Тело и истинная Кровь Христа Бога нашего под видом хлеба и вина» (351, 3-4). То есть в Божественной Евхаристии под видом хлеба и вина присутствует Сам Спаситель (146, 213).

«Святые Таины сообщают человеку новое жизненное направление, новый образ жизни. Если до принятия Святых Таин человек находился во власти страстей и пороков, то после их принятия он обновляется для новой благодатной жизни в Боге» (146, 214). Таинство Святого Причащения «приносит непрестанно отраду, мир, избавление, спасение, исцеление, здравие, утешение и облегчение» (Св. Иоанн Кронштадтский, Золотые слова: О значении веры православной, СПб, 1996, сл. 5).

«Стремление человека к нравственному совершенству, к обновлению внутреннего состояния простирается не на один год и не на два, а на всю жизнь» (146, 220). Чтобы «сделаться иным, чем прежде был, не по естеству, но по внутреннему состоянию», нужна живая, деятельная вера, нужен целожизненный подвиг и полное напряжение всех сил и способностей (146, 220, 235)

Св.Иоанн Кронштадтский выделяет необходимость и важность Таинств Покаяния и Евхаристии для перехода человека в обновленное состояние: «Человек павший, растленный, не иначе может восстать и обновиться как покаянием глубоким и разрешением грехов духовною властью и причащением Тела и

Крови Христовой» (Св. Иоанн Кронштадтский, Золотые слова: О нии веры православной, СПб, 1996, сл. 4). При этом выделяет эту мысль святой отец, разрешение грехов и святые Таины он должен получить от православного священника (там же, сл. 4).

Говоря о важности Таинства Евхаристии для России, он пишет: «Господи! Благодарю Тебя за чудеса Св. Таин, совершающиеся во мне и в народе Русском ежедневно» (там же, сл. 4).

Остальные три Таинства (Брака, Священства и Елеосвящения) распространяются не на всех христиан.

Таинство Священства.

Таинство Священства дается Богом через Церковь посредством епископского рукоположения только достойным лицам, проводящим свою жизнь свято и богоугодно. В Таинстве Священства христианин получает власть совершать Таинства, учить и направлять людей по пути ко спасению. Отец Иоанн в своих трудах неоднократно указывает на Богоустановленность и высоту этого Таинства.

Таинство Брака.

Таинство Брака – благословение Божие вступающим на путь семейной жизни – есть таинственный союз мужа и жены. «Цель Брака как Таинства – закрепить союз любви супругов, сделать его духовным, священным. В этом Таинстве брачующимся подается Благодать Святого Духа, освящающая и помогающая им в деле рождения и воспитания детей. Брак, правильно совершенный, остается в силе до конца жизни супругов» (146, 216).

Таинство Елеосвящения.

В Таинстве Елеосвящения через помазание елеем больным людям дается «оставление грехов, спасение души и здравие тела» (146, 217).

Св. Иоанн Кронштадтский свидетельствует о том, каким образом Сам Христос действует во всех Таинствах. «Он [Христос] доселе очищает, возрождает и обновляет нас в святом крещении; освящает и утверждает благодатью Святого Духа в миропомазании; священнодействует в литургии, как вечный Первосвященник… и преподает Пречистое Тело и Кровь Свою под образом хлеба и вина; в покаянии - Сам внимает нашему покаянию и разрешает грехи искренне кающимся; в священстве, иерархии или пастырстве, Он Сам просвещает, пасет, руководствует, судит и наказует духовно словесных овец Своих; в

браке - благословляет супружеский союз мужа и жены к
му рождению и воспитанию детей; в елеосвящении, как Врач душ и телес, врачует немощи духовные и телесные» (154, 46).

Таким образом, «в Таинствах человек обновляется» (146, 375).

Обновляющее действие благодати.

«Что такое благодать?», - вопрошает св.Иоанн Кронштадтский. И так отвечает на этот вопрос. Благодать – это «сила Божия, даруемая человеку верующему и крестившемуся, обновляющая, освящающая, просвещающая» (158, ст. 1242). Святитель Тихон Задонский свидетельствует: «Без благодатной помощи и поддержки Своего Создателя человек не может прожить ни одной минуты» (146, 214). «Благодать Божия есть жизнь душ наших, без благодати душа наша жива быть не может» (147, 34). Человек сам может легко развратиться и себя погубить, но сам исправить и спасти себя не может (147, 36).

Именно сила благодати обновляет человека. «Только при содействии благодати в душе человека могут быть восстановлены те нравственные нормы и принципы, которые были присущи ей до грехопадения», - такой важный вывод делает отец Иоанн (Маслов) (146, 218).

Таким образом, «благодати Божией отводится в деле спасения человека первенствующее место. Но она проявляет свое действие только тогда, когда сам человек откликнется на ее призыв» (146, 218).

Благодать действует, прежде всего, на центр духовной жизни человека – его сердце, обновляя и очищая его. По образному выражению святителю Тихона, «без воздействия благодати сердце останется бесчувственным и окаменелым… Оно подобно холодному железу; но как только сердца коснется благодать, оно умягчается и становится чистейшим» (352, 103).

Благодать Божия – это сила, которая постепенно ведет человека к нравственному совершенству (146, 219). С ее помощью человек восстанавливает в своей душе образ Божий. Но как дар любви и милосердия Божия, благодать не действует принудительным образом и не стесняет свободу человека. Она побуждает к деланию добра, но не принуждает. Так что спасение или смерть души человека зависят от того, как человек откликнется на действие благодати, от его личных усилий.

Обновленное состояние человека, его свойства.

Каким должен быть человек? В чем заключается его нравственное совершенство? Каково идеальное состояние человека, к которому каждый должен стремиться? Как перейти в это состояние из состояния неестественного, свойственного человечеству после падения?

Именно эти вопросы всегда были в центре внимания выдающихся русских педагогов-нравоучителей. Они давали ответы на них как в своих произведениях, так и самим образом своей жизни.

Так, св. Иоанн Кронштадтский пишет, что «ни одна религия, кроме веры православной, не может привести человека к нравственному совершенству или святости, что показывает и история Церкви, и нетленные, чудотворные останки св. угодников Божиих, и дивные подвиги святых православной Церкви, которыми они совершенно угодили Богу, быв еще при жизни прозорливцами и чудотворцами. Так и быть должно по здравому смыслу: к совершенству может привести только совершенная вера» (154, 29).

Св. Иоанн Кронштадтский специально подчеркивает, что «только православная вера очищает и освящает осквернённое грехом естество человеческое, растлившее обновляет, особенно посредством таинств крещения, покаяния и причащения; омраченное просвещает; оледеневшее согревает; омертвевшее оживотворяет; расслабевшее укрепляет; падшее восстановляет; отчаянное исполняет надеждой; унылое утешает; …смятенное умиротворяет; изнемогшее укрепляет; лукавое делает простым; злое - благим; развращенное исправляет; алчное творит воздержным; блудное целомудренным; скупое щедрым; безумное умудряет; грубое утончает; плотяное одуховляет; самолюбивое [делает] самоотверженным и вселюбящим!» (154, 29).

Вот что «творит в человеке вера православная! Хотите убедиться в этом? Читайте истории жизни святых, историю Церкви: и вы воочию увидите все эти чудеса в жизни святых. Вы увидите волков обратившимися в агнцев, блудников и блудниц в праведников и в равноангельных; сребролюбцев - в милостивых, сластолюбцев в воздержников, людей власти и земного величия и роскоши увидите в смиренном одеянии инока. Вот подлинно были истинные христиане; вот ангелы во плоти; на земле - небесные граждане, и вместе верные слуги отечества земного! Вот что может делать наша вера православная с теми людьми, которые искренно ее содержат и следуют ее руководству!» (154, 30).

«От чего же она в нас не производит такой спасительной перемены?», - во-

прошает св.Иоанн Кронштадтский. И так отвечает на этот вопрос. «От нашего маловерия или безверия, от легкомыслия, от испорченности и нераскаянности сердца; от усилившихся в нас и овладевших нами страстей, от удаления от Церкви, оттого, что многие нимало не проникаются духом и жизнью Церкви, а многие - только слабо и более формально, неискренно держатся ее. От того же родились у нас и все современные общественные пороки: убийства, самоубийства, …похищение общественного имущества, непомерная роскошь, разврат, мотовство, погоня за всякими чувственными удовольствиями.

Чтоб нам быть настоящими православными христианами, нам, прежде всего, надобно иметь живое, постоянное общение с православною Церковью, или участие в ее молитвах, учении, таинствах; прилежно изучать свою веру и проникаться и жить ее духом, руководствоваться ее правилами, заповедями, уставами, главное же - восстановить в себе истинным и глубоким покаянием образ истинного православного христианина по образу древних и новых святых или лучше - по образу Самого Господа нашего Иисуса Христа, говорящего: образ дах [дал] вам, да яко же Аз сотворих, и вы творите (Ин 13,15)» (154, 30).

Таким образом, именно православная вера обновляет человека, дает возможность нравственного совершенствования (147, 150).

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II рассматривает, как русские подвижники-просветители раскрывают учение о «новом человеке», каковы свойства обновленного человека и как они проявляются в окружающем мире.

«Свойства эти, как и проявления их, чрезвычайно многообразны, их невозможно перечислить. Однако если указать хотя бы на некоторые из них, то можно получить на этом основании верное представление о христианском идеале, о которой святитель Игнатий (Брянчанинов) восклицает: «Какая неисказанная красота в Новом Адаме, Господе нашем Иисусе Христе!» (3, 48).

Христос есть Идеал… для нового человека, соответственно и свойства Христовы суть истинная красота души христианской. Здесь речь идет, конечно, о духовных свойствах, приобретаемых христианином в процессе его нормальной духовной жизни, жизни по Евангелию.

Продолжая освещение пути и содержания духовной жизни христианина, попытаемся указать на результаты этого пути, то есть на некоторые плоды духа, составляющие нетленную красоту человека, верующего в Бога и живущего

по Его заповедям.

Преподобный Серафим Саровский (+1833) определил цель христианской жизни как стяжание Духа Святого. Но вселение Духа Святого в человека обусловлено чистотою его сердца (Мф. 5, 8; Прем 1, 4), …иначе говоря, его победою над грехами и пороками, ранее гнездившимися в сердце.

…Христианин, очищенный исполнением заповедей и покаянием, приобретает в душе своей особый мир… «Этот мир и покой, — по слову святителя Феофана Затворника, — не вялое состояние бездействия, а блаженное состояние мирно живущей жизни» (3, 48).

Одним из следствий очищения души, зримо украшающих душу и тело человека, является особая духовная радость. Преподобный Серафим Саровский был всегда настолько преисполнен этим неземным состоянием, что всех встречал пасхальным приветствием: «Христос воскресе!» и именовал «Радость моя». А свою единственную в келлии икону Божией Матери «Умиление» он заповедал называть не иначе, как «Радость всех радостей». Поистине, «от избытка сердца уста глаголют» Но не является ли эта радость у святых чем-то мимолетным? Нет, напротив, «радость и веселие свойственны душе, ощутившей оживление, ощутившей избавление от плена, в котором держал ее грех» (3, 50).

«Существенная основа радости христианина, - пишет святитель Феофан, - обновление падшего естества. В возрождении полагается семя новой жизни, по образу воскресшего Господа (Рим 6, 4). Начав с сего момента ходить в обновленной жизни, он более и более высвобождается из уз растления греховного и преисполняется чувством здравия духовного. Это чувство почти то же, что чувство воскресения. Отсюда всегдашняя радость жизни о Господе» (3, 49). Действительно, «истинная добродетель делает человека счастливым» (3, 50).

Этот вывод особенно важен для педагогов, которые должны знать, что сделает счастливыми их самих и их учеников.

Конечно, «то, в чем преимущественно выражается духовное совершенство человека, чем внутренне жили святые, есть любовь к Богу и к ближним, любовь, сияющая Божественной красотою.

Любовь вмещает в себя всю совокупность совершенства (Кол 3, 14). Любовь сама по себе есть преимущество, с которым никакое другое сравниться не может, само с собою приносит благо, выше которого нет ни на небе, ни на земле» (3, 50).

Но приобретается эта величайшая христианская добродетель не пряжением чувств, не возбуждением нервов. «Любовь рождается, — пишет святитель Игнатий Брянчанинов, — от чистоты сердца, непорочной совести и нелицемерной веры». То же говорит и святитель Феофан Затворник: «По мере очищения сердца зреет любовь к Богу. Совсем чистое сердце совершенно любит Бога» (3, 50). А современный русский подвижник Афона старец Силуан (+1938) пишет: «Своим избранникам Господь дает столь великую благодать, что они любовью обнимают всю землю, весь мир и душа их горит желанием, чтобы все люди спаслись и видели славу Господню» (3, 50).

«Чрезвычайно интересную мысль высказывает святитель Игнатий о способности к чистой, совершенной любви не только души, но и тела, обновленного Христом. Он пишет, что до грехопадения «духовным и святым было и тело. Оно заразилось дебелостью и тлением по причине падения; оно заразилось вожделениями скотоподобными по причине падения. Искупитель возвратил ему способность к вожделению духовному... Телам нашим свойственна любовь Божественная» (3, 50).

«Православное учение о том, что тело неотъемлемо от души участвует в славе преображенного через подвиг христианина, дает твердое основание для характеристики святости как духовной силы, которая делает светоносными лики святых во время молитвы. Достаточно привести в качестве примера факт из жизни широко известного миру преподобного Серафима Саровского, описанный очевидцем и собеседником старца Н. А. Мотовиловым. «Тогда он взял меня весьма крепко за плечо и сказал мне: «Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою. Что же не смотрите на меня?» Я отвечал: «Не могу смотреть, потому что из глаз Ваших молнии сыплются. Лицо Ваше светлее солнца сделалось» (3, 51).

Подобных случаев в русской житийной литературе встречается немало.

Святитель Феофан пишет: «И животные покорялись святым, обоняв в них волю тела Адамова, каков оно было до падения, как объясняют повествующие о сем. Это и подобное сему, например раскрытие зрения до способности видеть далекое и сокрытое, слуха — до способности слышать пение ангельское, обоняния — до способности обонять в вещи запах страсти, с которою она дана, движения — до способности быть в другом месте не выходя из своего, все это и подобное, проявляющееся в теле святых, облагодатствованных, не нынешнему

веку принадлежит, а будущему и свидетельствует лишь о том, как умалено в чести и славе нынешнее тело наше в обычном его состоянии» (3, 51).

ТАКИМ ОБРАЗОМ:

1. Христос пришел на землю, чтобы вывести человека из неестественного состояния – состояния падения, чтобы спасти его (121, 1123). Однако выйти из неестественного состояния могут только те, кто будет веровать во Христа и в своей жизни воплощать Его учение. Спасение зависит от собственной воли человека. «Хотя искупительным подвигом Христа человек и оправдан пред Богом, это еще не гарантирует ему спасение, т.к. оно зависит от того, куда человек направить свою свободную волю» (146, 194).

2. Свойства нового (обновленного) человека:

– душевный мир и покой как плод искоренения грехов и пороков (215, 49);

– духовная радость и веселие: «Существенная основа радости христианина – обновление падшего естества»; «истинная добродетель делает человека счастливым» (215, 49-50);

– имеет горячую любовь, объемлющую всех, друзей и врагов, сердце, жаждущее всем добра, благосклонность к просящим, милосердие к бедным, сострадание к страждущим, милость, благость и снисхождение ко всем, смирение, кротость и долготерпение, чистоту и целомудрие (121, 1162– 1163);

– ко всем простосердечен, не отвечает злом на зло и досаждением на досаждение, делает добро тем, кто его ненавидит, трудится для пользы ближнего, полезен обществу (121, 1162– 1163); разум свой и все свои усилия направляет на «созидание пользы» окружающих;

– Евангелие есть изображение свойств нового человека (104, 106).

3. «При вознесении на небо Иисус Христос вознес с собой и человеческую природу, приняв ее навсегда в тесное соединение с Божественной. Своим вознесением Спаситель мира предоставил всем людям возможность духовного совершенствования» (146, 197).

После искупительного подвига Христа для человека открылась возможность восстановить способности, которые у него были в первобытном состоянии, возродить образ Божий, который был человеку дан. Воссоздавая человека в «новую тварь», Спаситель человечества не только возвратил его в естественное состояние, но и «паче (больше) прежнего превознес» и «почтил» его (146, 195). Таким образом, Христос пришел, чтобы «переменить неестественность

нашу на естественность», чтобы спасти нас (262, 164).

Что же такое спасение?

Спасение – жизнь вечная (121, 350). Спасение – очищение человека от хреха, нравственное его обговление. Отец Иоанн дает также следующее определение этого слова: «Спасение души есть не что иное, как очищении ее от страстей, насаждение в ней добрых христианских чувствований, подготовление ее к тому, чтобы она сделалась храмом Духа Божия» (122, 89). Спасение – это не один момент в жизни человека, а «всежизненный подвиг, состоящий в комплексе добрых дел и намерений» (141, 123). «Спасение – длительный постоянный процесс внутренней борьбы и работы над самим собой» (146, 306). Спасение – духовно-жизненный процесс (146, 5), имеющий две стороны: объективную и субъективную. К объективной стороне относится все то, что дает для спасения человеку Бог, к субъективной – все то, что зависит от человека. Об объективной стороне спасения кратко сказано в данном разделе, о его субъективной стороне речь пойдет в разделе 1.2.

Учение, описывающее этот духовно-жизненный процесс – учение о спасении. Христианская педагогика призвана научить человека, как спасаться и спастись, как перейти из неестественного состояния в естественное, обновленное. Она учит, какие личные усилия должен сделать человек для своего спасения.

[Стремление человека преобразиться, перейти в обновленное состояние, простирается не на один год и не на два, а на всю жизнь. Здесь требуется живая, деятельная вера и целожизненный подвиг. ДЛЯ СТРАНИЦЫ 52].

ПЕРЕХОД В ОБНОВЛЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, КАК ДЛИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС РАБОТЫ ЧЕЛОВЕКА НАД САМИМ СОБОЙ. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРОЦЕССА СПАСЕНИЯ

Учение о спасении свидетельствует о том, что Бог даровал человеку все необходимые условия и средства для того, чтобы тот смог осуществить цель своей жизни – перейти из негодного, неверного состояния в состояние естественное, новое, чтобы он смог стать добрым, честным, верным человеком, человеком с новыми умом, сердцем, чувствами. Все, что дано человеку Богом для спасения – объективная сторона процесса спасения.

Вместе с тем, чтобы воспользоваться этими дарами, человеку необходимо самому хотеть спасения, необходимо направить свою волю к развитию своих

духовных сил. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II пишет: «С одной сторны, человек уже прекрасен, по замыслу своего Творца, в самом творении и еще более велик по Искуплении, как получающий счостояние «вышеестественное». Но, с другой стороны, согрешив, человек ниспал до «противоестественного» состояния, в котором и пребывает доныне. Эта полярность реальности жизни и реальности идеала и является стимулом к осуществлении первой, исходной добродетели… Царство Божие, **идеальное состояние человека, достигается не простым актом любви и всемогущества Божия, но и трудами употребляющих усилие к достижению своего спасения…**подвиг, понуждение себя к добру, раскаяние в грехах освобождают человека от власти греха, изменяют его и делают способным к восприятию благодати Божией, всеисцеляющей, просвещающей, очищающей красоту образа ото всех болезненных наслоений (Мф. 11,12)» (3, 50). Желание спасения, по учению святых отцов, – одно из необходимых его условий. Пробудить в ребенке желание стать лучше, поддержать это желание и поддерживать его на протяжении всех лет жизни – вот задача православной педагогики. Однако одного желания еще недостаточно, для своего спасения человек должен прилагать личные усилия, усердие.

Таким образом, переход в обновленное состояние – это глубокий духовный процесс, необходимо предполагающий взаимодействие Божественной благодати и личных усилий человека. Обратимся, таким образом, к субъективной стороне процесса спасения.

1.2.1. Личное участие человека в развитии всех своих духовных сил. Формирование и укрепление добродетелей.

Как образуется у человека желание совершенствования, внутреннего возрастания? Святые отцы свидетельствуют, что человек должен увидеть, сколь прекрасными могут стать его свойства и способности в будущем и насколько они плохи, ограничены в его настоящем состоянии.

Такие добродетели, как вера, надежда, любовь, милосердие, страх Божий и другие, позволяют сформировать понятие о совершенном человеке, помогают увидеть, каким он должен быть на самом деле. «Если мы рассматриваем человека в идеале, – какое он превосходное создание!..», – пишет один из педагогов прошлого (64, 5). Показать ребенку , этот идеал, пробудить у него желание сле-

довать ему – вот первая забота православного педагога.

В Своей Личности, в Своей жизни и деятельности Христос воплотил тот высочайший пример, стремиться к которому – цель жизни каждого (146, 223). Стремление к совершенству побуждает человека следовать учению и жизни Христа как подлинному критерию добра, идеалу духовного совершенства (146, 223). **«Нравственное совершенство есть совокупность добродетелей»** (146, 248). Следовательно, человек, стремящийся к совершенствованию, должен подражать Христу в добродетелях (121, 307). «Добродетели делают природу человека досточтимой», восстанавливают его естественное состояние (154, 15).

Что же такое добродетель? Добродетель – это «всякое слово, дело и мысль», соответствующая неизменным нравственным нормам и принципам, согласная заповедям. «Добродетель – это истинная человеческая ценность. Духовное совершенствование невозможно без приобретения добродетелей, их укрепления, обучения им» (Симф., ?). Более того, опытом своей жизни святые отцы познали, что «истинная добродетель направляет жизнь человека к счастью и блаженству» (345, 154). На формирование у учащихся добродетелей должен быть направлен весь учебно-воспитательный процесс.

Каковы эти добродетели? Каким образом их можно приобретать, укреплять? Как им можно обучать и обучаться? Об этом и пойдет речь далее.

Рассмотрим добродетели в контексте труда схиархимандрита Иоанна (Маслова) «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении», в котором проанализированы все добродетели в из взаимосвязи, раскрыт процесс обновления природы человека в результате формирования добродетелей.

Вера.

«Евангелие призывает человека верить в истинность учения Христова, призывает его следовать учению и жизни Спасителя мира как подлинному критерию добра, идеалу духовного совершенства, оно предлагает всем жаждущим спасения познать истину во Христе, и Господь подает им в помощь для этого Свою благодать. Вера, таким образом, в начальной стадии своего развития есть познание истины во Христе, Божественный дар человеку, который он должен тщательно сохранять и развивать» (146, 223).

Отец Иоанн отмечает, что под словом «познание» необходимо пони-мать восприятие умом вещей, не подлежащих непосредственному наблюдению.

Вместе с тем, чтобы истины веры были действенны и воспринимаемы умом, они должны, прежде всего, найти отклик в душе человека, запечатлеться в его сердце, вызвать желание жить во Христе и со Христом. Только в таком случае христианин сможет правильно идти по спасительному пути (146, 224).

Как движущая сила нравственного роста христианина, вера непременно проявляется во всех его внешних действиях и поступках, учит человека сохранять благочестие и быть добродетельным в любых жизненных условиях. Совершенная вера подвигает его к стремлению жить по началам Божественных заповедей. Духовное совершенство человека, его спасение немыслимо без совершенной веры. «По законам духовной жизни, добрые дела раскрывают и укрепляют веру, делая ее все более и более действенной и совершенной» (146, 224).

«Истинная вера, усвоенная умом и сердцем, воспринятая всем существом человека, – пишет отец Иоанн, – является всеобъемлющим руководствующим принципом жизни христианина, проникает все силы его и способности. На этой стадии своего развития вера оказывает решительное влияние на волю человека. Это влияние проявляется в акте сознательного и свободного устремления верующего по пути к вечности. Христианин становится независимым от всего греховного, чуждого и враждебного его подлинно богоподобному существу» (146, 225).

Раскрывая причины оскудения веры, отец Иоанн указывает, что этот духовный недуг зарождается в уме и сердце человека. Мера оскудения веры, как правило, определяет и степень греховного падения. Те, которые исповедуют имя Божие, посещают храм Божий, но не живут по вере, не могут называться христианами.

«Вот почему каждый христианин должен проявлять постоянные усилия для укрепления веры. Эти усилия, в первую очередь, должны быть направлены на раскрытие природных свойств человеческой души, каковыми являются совесть и страх Божий» (146, 226).

Способствуют охлаждению в душе христианина веры в Бога, по мнению схиархимандрита Иоанна, внешние греховные увлечения. Следует особо остерегаться еще более пагубных внутренних привычек, не прилепляться сердцем к мирским вещам, славе, богатству и почестям временной жизни.

Искренняя и живая вера в Искупителя неразрывно связана со смирением,

которое есть плод покаянного обращения к Богу, сердечной скорби и печали о своих грехах.

«Важным средством, укрепляющим веру, является чтение Священного Писания, которое насыщает душу христианина небесной пищей, побуждает к постоянному трезвению и борьбе с греховными наклонностями и врагом спасения – Диаволом» (146, 226). Чтение Священного Писания должно соединяться с молитвой: если вера есть дар Божий, то сохранить его можно только с Божией помощью. «С молитвой неразрывно связано богомыслие, которое есть благочестивое размышление о тайнах Божественного домостроительства, Премудрости, благости, любви Божией к падшему человечеству» (146, 227).

Особенно укрепляет веру причащение Святых Христовых Таин. «Святое Причастие не только служит сохранению правой веры, но и является самым действенным средством ее совершенствования. Достойное принятие Святых Таин Христовых оживотворяет душу христианина» (146, 227).

«Вера, заключает отец Иоанн, является одной из главных и основополагающих христианских добродетелей, так как без веры во Христа невозможно спасение человека. Вера есть **движущая сила духовной жизни** человека, она же является и основанием, на котором строится здание христианских добродетелей. Спасение человека, таким образом, возможно лишь при всестороннем воздействии веры на личность человека и ее неразрывном единстве с другими христианскими добродетелями» (146, 227).

Для того, чтобы укрепить веру в сердце ученика с тем, чтобы она постоянно приносила «плоды» и стала основополагающим принципом его жизни, педагогу необходимо помнить следующее.

1. Главный принцип православной педагогики: «Прежде научить вере, потом - другим наукам» (147, 189).

2. При воздействия на ум ребенка, необходимо помнить, что первое требование к наставлению в вере – это ясность. Воспитатель, педагог должен доносить до детей «совершенно верные и ясные понятия» (64, 319).

3. Необходимо по возможности воздействовать на ум и сердце ребенка одновременно.

4. Не только на специальных занятиях говорить детям об этом. Родители и воспитатели должны быть внутренне проникнуты духом истинной веры, «все возводить к ней как главному источнику человеческого счастья, и все свои су-

ждения и поступки подчинять ее правилам» (64, 318).

5. Наставляя детей в вере, необходимо действовать и на ум, и на сердце, односторонность здесь особенно вредна.

6. Преподавая истины веры, необходимо, насколько это возможно, больше действовать на сердце: «что для сердца нашего сделалось драгоценным и обратилось в потребность, того мы обыкновенно долго не забываем и не позволяем себе перетолковывать» (64, 321).

7. Необходимо наблюдать, чтобы воспитанник не довольствовался одними чувствованиями, но все, в чем он убежден и чем проникнуто его сердце, показывал на деле в благочестивой, добродетельной жизни (64, 292 – 293, 318 – 321).

В завершении этой статьи мы приводим слова св. Иоанна Кронштадтского, свидетельствующими о значении веры не только в жизни отдельного человека, но и в жизни России: «Научись, Россия, веровать в правящего судьбами мира Бога, учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству... Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант православной веры... Восстань же, русский человек!» (157, 297).

Любовь к Богу и ближнему.

Любовь к Богу и ближнему Иисус Христос назвал наибольшей заповедью. Только любовь может привести христианина к нравственному совершенству и удостоить его единения с Богом. Именно ради этой цели был создан человек, ради этого пришел на землю и искупил род человеческий Господь Иисус Христос, к этой цели направлены все правила христианской жизни (146, 227).

По своей сущности, считает отец Иоанн, любовь неопределима слова-ми, потому что она имеет Божественное происхождение. Это – плод духовный и дело Святого Духа; познать любовь могут только те, кто вкусил ее сладости (146, 230).

Любовь к Богу и ближнему является основой и главным руководствующим началом христианской нравственности. Все другие христианские добродетели вытекают из любви. Без благодатного одухотворения любви невозможна никакая христианская деятельность. Всякое доброе дело христианина, не имеющего в себе любви, вменяется ни во что. Одна любовь бывает способна преобразовать и изменить к лучшему все стороны человеческой жизни. Иисус Христос и

его святые апостолы своим учением и жизнью засвидетельствовали эту любовь пред всем миром (146, 227-228).

Именно любовь определяет и обусловливает все стороны отношений человека к Богу и Бога к человеку.

«Бог любит человека, – свидетельствует отец Иоанн, – хоть он и отступил от Него. Любовь Божия к человеку в том, что Бог постоянно промышляет о человеке. Любовь Божия свела Сына Божия на землю и побудила все претерпеть. Любовь Божия к человеку в том, что Сын Божий воплотился и пострадал. Любовь Божия открылась в страданиях Христовых. Все люди делают что-то ради своей пользы, но Господь искупил человека из-за любви к нему. Бог есть едина любовь. Никто не может объяснить степень этой любви» (121, 453-457).

Божественная любовь восстанавливает в человеке образ Божий, содействует спасению человека. Человек может откликнуться на нее или отвергнуть ее. Любить Бога побуждает христианина, прежде всего, Его благость, превосходящая всякий разум и понятие, а также множество благодеяний Божиих, проявленных к роду человеческому. Человека к любви побуждает Сам Господь. Бог есть высочайшая Любовь, Красота и Добро, и все эти качества Господь по своей благости вложил в человека при его творении.

Человек отступает от любви к Богу порой по своему произволению, забвению, нерадению. Но Отеческая любовь посылает человеку бедствия, болезни, страдания, желая отвести его от пути неправды. Следовательно, не должно сетовать и роптать при тяжелых жизненных испытаниях, а следует благодарить за них Господа. «Счастлив тот, – пишет отец Иоанн, – кто в на-ходящих бедствиях усматривает наказующую и вместе с тем любящую десницу Господа. Такое отношение к скорбям позволяет человеку идти по пути нравственного совершенствования» (146, 395)

Самым существенным признаком, плодом и следствием любви к Богу является любовь к ближним. Любовь к ближним – это полное отражение любви к Богу. Отсюда очевидно, что тот, кто не любит ближнего, тот не любит и Бога.

Реальная любовь к ближнему заключается в том, чтобы христиане «носили немощи друг друга» (146, 227), прощали обиды, нанесенные самолюбию.

Любовь делает человека самоотверженным и дает ему силу принести всего себя в жертву Богу и людям. Любовь сильнее смерти, потому что она является благодатной силой Божией, действующей в человеке (141, 149-152).

Отец Иоанн замечает, что совершенство достигается человеком не сразу, для этого нужен целожизненный подвиг и полное напряжение всех сил и способностей. Величайшую услугу оказывает в этом делании самопожертвование и принуждение, посредством которых христианин сможет достичь высшего дара любви не только к своим доброжелателям, но и к тем, кто бывает злобно настроен против него. Истинно любящему христианину свойственна любовь к врагам. Назначение христианина состоит в том, чтобы покорять духу греховное естество, зло побеждать любовью (146, 235-236).

Для стяжания любви, по словам схиархимандрита Иоанна, необходимо, чтобы все мысли, чувства, все намерения и вся деятельность христианина соответствовали воле Божией (146, 237).

Любовь как союз совершенства непосредственно связана с благодатным устроением духовной жизни человека, со всеми добродетелями, которые, развиваясь и совершенствуясь, в свою очередь, заканчиваются любовью (146, 237).

Педагог в своей деятельности должен учитывать следующее.

1. «Стремящейся приобрести истинную любовь, напрвляет все свои усилия к подражанию Богу и Его спасительным нравам, т.е. старается быть кротким, терпеливым незлобливым и милостивым (146, 232).

2. «Любящее сердце непрерывно благодарит Бога за Его бесконечные милости» (146, 231). Нужно научить детей за все благодарить Бога.

Чувство благодарности рождается от размышлений о Божиих благодеяниях.

3. Для стяжания любви человеку необходимо:

- очиститься от греховной порчи;
- перестать руководствоваться не своим ограниченным умом, но во всем руководствоваться только светом слова Божия;
- отказаться от своей греховной воли и жить и действовать по воле Божией;

«необходимо, стобы все мысли, чувства, намерения и вся деятельность человека соответствовали воле Божией» (146, 237).

Милосердие

Христианское милосердие – добродетель, неизменно сопутствующая люб-

ви, как теплота огню. «Это – особое чувство, имеющее своим источником Бога и которое выражается в доброте, благожелательности, сострадании к ближним, в долготерпении к согрешающим и прощении обид врагам» (146, 237).

Отец Иоанн учит, что если человек не имеет в себе милосердия, то он не только лишен любви, но и христианского духа. «Если любовь выше всех добродетелей, а милосердие есть выражение любви, – пишет он, – то оно одно (милосердие) ходатайствует перед Богом и просит у Него милости для благодетеля. Богу бывает любезнее не тот человек, который упражняется только в молитве, но тот, кто стяжал в своем сердце и милосердие, потому что молитва без милостыни – как голос, вопиющий в пустыне, или дерево без плодов. И какую бы милость ни оказал христианин ближнему, Господь принимает ее как оказанную Ему Самому» (146, 237-238).

«особенно большое значение эта добродетель будет иметь на Страшном суде Христовом, когда участь человека будет определяться в зависимости от того, имел ли он в своей душе плод любви – милосердие, или нет» (2, 343). Святитель Тихон Задонский замечает, что, «если кто хочет, чтобы его любили, не обижали и помогали в земной жизни, то все это он прежде пусть исполнит сам». В такой настроенности – вся «христианская наука», и изучать ее человек должен «от младенчества до смерти» (146, 238).

По мысли схиархимандрита Иоанна (Маслова), «добродетель милосердия не должно понимать в узком смысле как только лишь оказание материальной помощи нуждающимся, она включает в себя и духовную поддержку ближнего, ибо человек состоит из двух частей: души и тела. Следовательно, и милость, ему оказываемая, также должна быть двоякой: душевной и телесной.

Дела милосердия, относящиеся к телесной жизни, выражаются в том, чтобы накормить голодного, одеть нагого, уврачевать больного, помочь человеку в нужде, трудах и опасных для жизни и здоровья обстоятельствах и т.д. Дела милостыни духовной проявляются в том, чтобы наставить на путь истины заблуждающегося, отвлечь человека от греха, исправить порочного, утвердить колеблющегося среди искушений, утешить скорбящего, снисходить к немощам слабых (но без потворства страстям и порокам), прощать оскорбления, обиды, молиться о спасении ближнего» (146, 238-239).

Как подчеркивает отец Иоанн, «христианское милосердие должно быть

нелицемерным и постоянным, особенно в отношении к братьям по вере, ибо все верующие во Христа составляют как бы один организм, суть члены одного тела». Эта взаимная помощь в деле спасения имеет огромное значение, поскольку все христиане, составляя на земле воинствующую Церковь - единый братский союз, должны, подобно воинам, вести брань с духами злобы. Как и в живом организме, если какой-либо член не живет общей жизнью со всем телом, то постепенно отмирает и отпадает или его отсекают, так и человек, не имеющий милосердия к людям, удаляется от Церкви Христовой и, следовательно, умирает духовно (146, 239-240).

Для воспитания этой добродетели педагогу необходимо следующее.

1. Внушить детям, что человек должен на протяжении всей своей жизни постоянно «упражняться в милосердии», проявлять заботу о другом человеке вплоть до самопожертвования. Такая забота сделает сердце сострадательным.

2. Необходимо также внушить детям, что добро нужно делать без ожидания от этого выгоды или похвалы, с усердием и сердечным расположением.

3. Оказывая милость, ребенок должен всячески остерегаться самомнения, тщеславия и превозношения, потому что они обесценивают сделанное (146, 240).

Страх Божий

По мысли святых отцов, **страх Божий** – начало спасения: проникнув в сердце человеческое, он пробуждает от сна греховного, наставляет на путь обращения к Богу, вселяет стремление очиститься от страстей и жить по заповедям Господним (146, 241).

Страх Божий удерживает душу от многих греховных поползновений и направляет ее по пути нравственного совершенствования. Отец Иоанн пишет, что христианин, стремящийся приобрести страх Божий, подобен домостроителю «благоразумному, который построил дом свой на камне» (Мф. 7,24), то есть на твердом основании. Такому человеку дается духовный разум (122, 118 – 119).

Ссылаясь на святых отцов, отец Иоанн пишет: «Вездеприсутствие Бога научает страху Божию. Страх Божий является даром свыше. Почитание Бога требует, чтобы к Нему относились со страхом. Если родителей своих слушаем, как не убоимся Отца Небесного. Если страшимся временного, тем более необходимо страшиться вечного мучения и смерти. Когда страха вечного мучения

нет, тогда страх временный душу опустошает. Страху Божию благодать научает». (121, 994-1001).

Добродетель страха Божия, как и любая другая, имеет разные ступени развития. Первоначально она основывается на сознании неотвратимости и неизбежности праведного суда Божия, на чувстве боязни будущих вечных страданий за грехи. Это первоначальное воздержание человека от греха лишь из боязни быть наказанным Богом постепенно приводит его к достижению сыновнего страха перед Богом. Постоянное уклонение от зла и греха постепенно переходит в твердый навык угождать Богу. Это делает человека способным к принятию благодати Божией, которая еще более утверждает его в добродетели страха Божия, научает его уже не только уклоняться от зла, но и делать добро (Пс. 33, 15) (146, 241).

Таким образом, «страх человека пред Богом и Его праведным судом по–степенно преобразуется в возвышенное чувство благоговения пред Ним, в чувство сыновнего, искреннего и сердечного влечения к Богу» (ТЗ, 241). В такой душе уже не боязнь наказания и страданий заставляет уклоняться от греха, но желание быть в единении с Богом. Так человек переходит на высшую ступень добродетели страха Божия – сыновнего страха. На этой ступени страх Божий является для христианина сокровищем души. Христианин сознает себя не только и не просто творением Божиим, но чадом Его. Для него Бог уже всеправедный, любящий Отец.

«Однако и на этой ступени духовного развития христианин не должен останавливаться. Его сыновний страх пред Богом по мере духовного преуспеяния и под действием Божественной благодати должен перерасти в любовь к Богу и ближнему. Сыновний страх Божий, таким образом, является залогом высшего дара Божия человеку – совершенной любви» (146, 241-242).

Как видим, «духовное совершенствование человека и утверждение его в добродетели страха Божия составляют единый, неразрывный процесс, единый путь шествования к Богу» (146,242).

Как же прививается это чувство? Важно знать средства приобретения этого дара. Прежде всего, нужно помнить, учит отец Иоанн, что страх Господень рождается и умножается при помощи Божией (146, 242). Он может восприниматься и развиваться в душе человека любого возраста, но наиболее благоприятным временем для этого являются детские годы. Детская душа не обременена

житейскими попечениями и мирской суетой, она чутко воспринимает добрые наставления и увещания старших, стремится ко всему доброму и возвышенному, поэтому родители и педагогу должны прилагать все усилия для воспитания детей в этом чувстве.

«…если человек не приобрел страха Божия в детские годы, но желает и ищет спасения души, – пишет отец Иоанн, – он должен знать, что страх Божий есть дар благодати и для получения его необходимо постоянно просить Бога о ниспослании этого дара и избегать греха. Без сомнения, кто будет проводить свято свою жизнь и сердечно веровать во Христа, тот в короткий срок ощутит страх Господень в своем сердце. При этом следует всегда помнить, что страх Божий как добродетель развивается и укрепляется в человеческой душе только при условии соответствующего расположения воли христианина и стремления его к благочестивой жизни. При строгой духовной настроенности христианин легко побеждает грех в самом его существе и все более укрепляется и возрастает в страхе Божием» (146, 242).

Немаловажным средством, укрепляющим страх Божий в душе человека, служит размышление о свойствах Божиих, Его величии, всемогуществе. Память о свойствах Божиих помогает всегда иметь благоговение к Нему и почитать Его, побуждает постоянно бодрствовать душою и искоренять злые страсти и пороки.

Особенно сильным и благодатным средством утверждения в страхе Господнем, по мнению отца Иоанна, является слышание Слова Божия: от слышания рождается истинная вера, а где вера, там и страх Божий.

Для приобретения дара страха Божия имеются и другие благодатные средства, например, молитва, пост, покаяние, причащение Святых Христовых Тайн, единение с Христовой Церковью (146, 243).

«Страх Божий является путеводителем человека ко Христу и воспитателем его в Боге» (146, 245).

При воспитании этой добродетели важнее всего следующее.

1. Педагогу следует учитывать следующие действия и свойства страха Божия. Страх Божий:

а) удерживает человека от греха:

не позволяет уму рассеиваться, языку много говорить, глазам смотреть на все недозволенное, т.е. прекращает доступ соблазнительных впечатлений, со-

храняет чистоту мнений и чувств

б) сохраняет христианское благочестие

в) учит добродетельной жизни

г) не позволяет развиться в душе порочным наклонностям

Ученик, имеющий в душе страх Божий, отвращается от всякого зла и направляет свою волю к деланию добра и так день ото дня совершенствуется» (146, 243).

2. Чтобы в детях глубоко укоренялся страх Божий, необходима постоянная, искренняя забота со стороны ребенка о том, чтобы не оскорбить Бога своими грехами» (64, 61).

3. Страх Божий возбуждает в воспитанниках возвышенные чувства, обуздывает порывы своеволия, приводит в порядок желания и наклонности, делает его скромным в счастье, твердым и великодушным в несчастии, образует его в «истинного гражданина» земного и небесного Отечества.

4. Для укоренения в детях этого прекрасного чувства необходима великая сила примера: прежде всего, благочестивый пример родителей и воспитателей, всех тех, кто имеет влияние на детей (64, 61 – 63).

Смирение

Смирение – это такая добродетель, которая «определяет степень духовно-нравственного развития человека. Смирение называют фундаментом в деле духовно-нравственного возрастания. Это – основное чувство, без которого нельзя познать истину, т.к. смирение – это способность видеть истину» (143, 289).

«Смирение – это проявление силы человеческого духа. Победить ее не могут никакие другие внутренние и внешние человеческие условия. Кто имеет в себе такое смирение, какое имели преподобные Сергий Радонежский, Серафим Саровский и Амвросий Оптинский и другие подвижники, тот проявляет не слабость духа, а его величие и крепость» (123, 99-100).

Смирение должно лежать в основе всех действий и поступков человека, только при этом условии он сможет избежать зла и обрести душевный покой (123, 101).

По мысли отца Иоанна, добродетель смирения лежит в основании внутренних отношений человека к Богу, определяет их существо и характер. Без смирения приближение к Богу невозможно (146, 246-248).

«Смиренное устроение души обнаруживает себя не только в шении человека к Богу. С еще большей полнотой и силой оно проявляется во взаимоотношениях человека с окружающими его людьми. Смиренный сердцем в любой ситуации видит только свои недостатки, свою вину и всегда готов оказать другому свое внимание и любовь. Смиренному человеку свойственно не осуждать не только словом, но даже и мыслью. Смирение проявляется в терпеливом перенесении обид и упреков» (146, 249-250).

Для воспитания этой добродетели педагогу неободимо знать следующее.

1. «Смирение – это длительный процесс, требующий целенаправленной деятельности всех душевных сил человека. Эта деятельность должна быть, прежде всего, направлена к самопознанию» (146, 250-251).

2. Очень важно, чтобы ребенок обрел не внешнее, а внутреннее смирение, смирение не только в поступках, но и в мыслях, и в чувствах.

3. Для педагога необходимо знать, что «при искреннем смирении рождается правильный образ мыслей» (123, 101).

Молитва.

Молитва занимает особое место в деле христианского совершенствования и спасения. Она способствует одухотворению жизни человека, просвещению его ума, очищению сердца, поддерживает и укрепляет силы души в подвиге доброделания.

По словам отца Иоанна, молитва является Божественной заповедью. Еще в Ветхом Завете Бог взывал к человеку: «Призови Мя в день скорби твоея» (Пс. 49,15). Пришедший на землю и воплотившийся Сын Божий подтвердил эту ветхозаветную заповедь, дав надежду на исполнение просимого всякому молящемуся: «Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам» (Мф . 7, 7) (146, 261).

Только через молитву люди могут общаться с Богом, от Которого всецело зависит как земная, так и вечная участь каждого человека. Поэтому отец Иоанн называет молитву делом великой Божией благости. Молитва является насущной потребностью человеческого духа, выражением веры и надежды, так как где есть вера, там есть и молитва: верить и не молиться практически невозможно. Молитва – это душа веры, сама ее жизнь (146, 251-252).

Отец Иоанн указывает также на естественные причины, побуждающие к

молитве каждого верующего человека. Постоянные и многочисленные телесные нужды, беды, скорби, искушения побуждают христианина усердно молиться Богу. Особенного молитвенного подвига требуют его духовные нужды, связанные с заботой о спасении.

Молитва - это всецелое обращение ума и сердца человека к Богу. Этим определением святых отцов выражается внутренний характер молитвенного делания, поскольку истинная молитва способна совершать спасительные действия и без слов.

«Молитва есть беседа человека с Богом, и это указывает на ее внутреннее достоинство, наилучшим образом свидетельствует о характере взаимоотношений между Богом и человеком» (146, 252).

Отец Иоанн пишет: «…молитва является важнейшим средством спасения человека, ибо через нее христианин не только приходит к Богу, но и навечно соединяется с Ним. При постоянном молитвенном упражнении он входит в духовное общение с небесным миром, переносится туда своим умом и сердцем, так что небесная отчизна становится для него близкой и родной уже здесь, на земле. А это приближение к вечности дает христианину возможность опытно познать радость общения души с Богом и горним миром, радость новой, благодатной жизни во Христе» (146, 252-253).

Таким образом, в деле духовного и нравственного совершенствования человека молитва имеет очень большое значение. Все существо человека приобретает духовную цельность, собранность, спасительную устремленность к спасению и вечной жизни. «Душа и сердце молящегося всегда чутко реагируют на малейшее отклонение от норм нравственной жизни, побуждая его зорко следить за чистотой собственной совести пред Богом и всеми людьми. В этом смысле молитву можно назвать важным средством нравственного совершенствования» (146, 253).

Усердная молитва является первостепенным средством к пониманию и изучению слова Божия, заключенного в Священном Писании.

Молитва есть сильное оружие в борьбе человека с духами злобы. Всегда и везде он должен быть готов отразить молитвой всякий «вражий прилог». Отец Иоанн учит, что сердце христианина, беседующего в молитве с Богом, исполняется желанием удаляться от всего греховного, богопротивного; в его душе поддерживается и укрепляется спасительная ревность к решительной борьбе с

грехом и страстями. Молитва, таким образом, предохраняет человека от греховных поползновений, а в случае падения она является лучшим средством для его уврачевания (146, 253-254).

«Труден и тернист жизненный путь человека на земле, пишет отец Иоанн. На этом пути лучшей отрадой и утешением является молитва. Соединяя человека с горним миром, она убеждает его в непреложной отеческой любви к нему Господа, услаждает сердце верой, ободряет душу человека, побуждает его к достойному несению жизненного креста. Молитва развивает терпение, мужество, преданность воле Божией... Обращение к Богу в молитве не только дарует утешение в скорбях и испытаниях, но нередко избавляет от бед и даже от смерти» (146, 254-255).

Пагубно бывает для человека расслабление в молитве и нерадение о ней. «Всякое доброе дело и начинание, не освященное молитвой, то есть совершаемое не ради Христа, не приносит человеку пользы в деле спасения. Особенный вред испытывает его душа от оставления молитвы, когда она постоянно бывает занята лишь земными заботами, подчеркивает отец Иоанн. Духовное расстройство христианина, происшедшее от небрежения к молитве, может перейти в необратимый процесс, ведущий к его духовной смерти» (146, 254-255).

Схиархимандрит Иоанн поучает, в чем заключается правильная и богоугодная молитва и каковы ее признаки. Истинная молитва, творимая в глубине человеческого духа, может и не иметь своего внешнего проявления. Главным в молитвенном подвиге должно быть живое ощущение присутствия Божия и глубокое, сердечное чувство, потому что Бог смотрит на сердце человека. Молитва человека должна быть сосредоточенной и целеустремленной. «Правильная молитва всегда сопровождается чувством глубочайшего смирения и благоговения пред Богом. Молясь Творцу, христианин должен ясно сознавать свое недостоинство и верить, что все вещественные и духовные блага, которыми он обладает, являются дарованиями Божиими. Сердце истинного молитвенника преисполнено христианской верой, надеждой и любовью; без них и не может быть богоугодной молитвы» (146, 255-256).

Отец Иоанн наставляет, что прежде всякого молитвенного прошения христианин должен благодарить своего Творца.

После благодарности человек может «просить обо всем, что служит к его собственной душевной и телесной пользе: об очищении сердца от скорбей, об

укреплении в бедах, о телесном здравии, об одежде, пище, покое и чих житейских благах. Молитва о материальных благах не всегда исполняется Богом, т.к. люди часто просят вредного для них (146, 256).

Имея христианскую любовь в своем сердце, человек обязан понуждать себя молиться и за других людей, просить им у Бога милостей. Содержание молитвы может определяться не столько мыслями и чувствами христианина, сколько воздействием благодати Божией на его душу, ибо сам человек, по слову апостола, о чем молиться, как должно, не знает (Рим. 8, 26). «Сила и значение молитвы заключаются не в механическом произнесении слов, не в количестве поклонов, а в богоугодных мыслях и чувствах», – пишет схиархимандрит Иоанн (146, 256).

Важнейшие поучения о молитве отца Иоанна сводятся к следующим положениям, которые необходимо знать православному педагогу.

1. Учиться великому искусству молитвы должен каждый воспитанник.

2. «Подобно тому, как при обучении земным наукам люди посещают школы, так и человек, чтобы научиться молитве, этой духовной науке, обязан усердно посещать храм Божий. Церковные молитвословия не только сообщают уму и сердцу верующего богоугодные мысли и чувства, но питают его душу духовной пищей, в которой она всегда нуждается» (146. 257).

3. «Стяжание (приобретение) истинной молитвы требует от человека большого труда и настойчивости. Занятие молитвой требует особой собранности и трезвенности. При произнесении молитвословий надо следить за тем, чтобы словам молитвы внимали ум и сердце. Иногда разнообразные мысли, чувства и впечатления настолько тревожат душу, что подчас она бывает совершенно неспособна к молитве. Исходя из этого, каждому человеку в своих молитвенных занятиях надо приучиться собирать свои мысли воедино и привязывать их к молитве» (146, 257-258).

4. «Обучение истинной молитве неразрывно связано с нравственным возрастанием человека. Если человек желает, чтобы Бог услышал его молитву, то он и сам должен слушать и исполнять Божественные повеления и заповеди. Прежде чем принести молитвенный дар Богу, христианину необходимо также примириться с теми, кого обидел он словом или делом. В противном случае его молитва не будет услышана» (146, 257-259).

5. «Как и всякая добродетель молитва требует постоянного труда и усер-

дия со стороны человека. Успех в молитвенном делании приходит не сразу и бывает иногда плодом многолетней внутренней работы человека над собой. Эта работа заключается, прежде всего, в самоиспытании и понуждении себя к частой и краткой, но усердной молитве. Молиться часто – значит, во всяком деле и начинании возводить ум и сердце к Богу и просить у Него милости, помощи и защиты. Молиться духом можно в любых обстоятельствах и на любом месте: в пути, в часы работы и отдыха, во время бесед и принятия пищи, в уединении и многолюдстве, стоя, сидя, лежа. Однако, усердно упражняясь в молитве, необходимо помнить, что истинная и богоугодная молитва есть дар Божественной благодати; необходимо просить Господа о ниспослании ему этого бесценного дара» (146, 259).

Послушание.

Цитируя св. Тихона Задонского, отец Иоанн учит, что послушание есть христианский долг по отношению к Богу. В учении о спасении ясно определены смысл и значение этой добродетели, место и роль в достижении вечной жизни, а также определена взаимосвязь послушания с другими христианскими добродетелями (146, 260).

Христианское послушание, наставляет отец Иоанн, состоит в том, чтобы «полностью покорить свою волю воле Божией, совершенно повиноваться Богу и безропотно выполнять все повеления Его, причем, делать это как должное, а не ради награды. Хотя послушание Богу является христианским долгом и обязанностью, но повиноваться Богу следует совершенно свободно, непринужденно, добровольно, искренне, с радостью и любовью, ради любви к Богу. Оно должно быть потребностью верующего в Бога и любящего Его сердца. «Только такое послушание может быть истинным, которое не боится трудностей, не избегает опасностей, не требует и не ищет выгоды или славы от людей, но совершается во славу Божию» (146, 260).

Отец Иоанн отмечает, что лучшим и благодатнейшим временем для «посева» и «выращивания семян» послушания Богу является детский возраст, хотя утверждать себя в послушании человек должен в продолжение всей жизни (146, 262). Отец Иоанн напоминает, что по учению святых отцов, «послушание – рай, а ослушание – ад»: кто слушается, тот спасается (208, 148).

Педагогу следует помнить следующее.

1. «Послушание есть такая добродетель, без которой человеку нигде и никогда нельзя обойтись. Это положение относится и к гражданским обязанностям человека, и ко всей сфере его общественных и государственных отношений. Следовательно, человек должен с малолетства привыкать к послушанию» (64, 341).

2. В силу своего возраста, ребенок не сразу научается владеть самим собою, своими чувствами и умом. Так как умственные силы его раскрываются постепенно, ему необходимо быть под руководством другого, находиться в послушании (64, 340).

3. Непослушание в любом возрасте ведет к печальным последствиям. В частности, юношеская самонадеянность делает молодого человека надменным, ее следствием бывает неуважение к старшим и вышестоящим, невнимание к своим обязанностям или своеволие в их исполнении, непокорность, дерзость в словах и поступках и пр. Чем выше начинает думать о себе «неблагоуправляемый юноша», тем ниже он становится по своему поведению, тем скорее подвергается различным порокам и нередко совершает самые позорные поступки.

4. Если воспитатель хочет, чтобы послушание облагораживало детей, он должен добиваться их доверия и привязанности любовью, постоянством, благоразумием, «соблюдением себя в строгих границах» и добрым поведением в целом.

Надежда.

Надежда в деле спасения, согласно святоотеческому учению, необходима прежде всего (121, 579). Отец Иоанн дает ей краткое определение: «христианская надежда есть жизнь вечная» (146, 263). Под надеждой следует понимать такое чувство, когда человек и умом своим, и сердцем, и волею полагается Бога.

Как уже отмечалось, все добродетели взаимосвязаны и имеют взаимообратное действие. Также и надежда связана с другими добродетелями. Все вместе они составляют единый и цельный путь человека к совершенству (146, 265).

Наиболее тесно надежда связана с верой и любовью. Она связана также с терпением, им она «укрепляется и испытывается». «Надежда ожидаемого добра, - пишет отец Иоанн (Маслов), - поощряет человека и укрепляет его в трудах. «Здесь проявляется взаимообратная связь надежды с добродетелью: надежда

подвигает на добрые дела, а доброделание укрепляет надежду» (146, 267).

«Человек, имеющий надежду, не может жить, как ему хочется, не может быть пассивным, безучастным наблюдателем», он постоянно внимателен и прилагает «труды к трудам», - пишут святые отцы (146, 267).

При добродетельной самоотверженной жизни и чистоте совести в душе человека появляется твердая надежда, а надежда, в свою очередь, ободряет дух среди самых трудных обстоятельств. Надежда позволяет совершившему плохой поступок ребенку не отчаиваться, помогает ему отстать от дурного.

Педагогу следует учитывать:

1. Действенным средством в укреплении истинной надежды является чтение или слышание Священного Писания. Святое Слово влечет ум и сердце человека к «высшим сферам небесной жизни».

2. Надежда укрепляется от размышления о благодеяниях.

Покаяние

Покаяние, по учению Православной Церкви, является вторым крещением. «Возрожденный в Таинстве Крещения, христианин после совершения греха снова духовно умирает и, если он пребудет в этом состоянии до смерти, то он лишает себя всего того, что даровал Господь человечеству Своим пришествием на землю. Милосердие Божие не оставляет человека согрешающего и после крещения. Оно дает ему еще одно примиряющее средство – покаяние, которое является уже последним даром милости Божией для спасения грешника. Поэтому перед всяким человеком стоит единственный выбор: или каяться и иметь вечную блаженную жизнь, или оставаться во грехах и навлечь на себя вечное осуждение. Иного пути нет». Следовательно, человек, истинно желающий спасения, обязан прибегать к покаянию, учит отец Иоанн (Маслов) (146, 267).

Схиархимандрит Иоанн многосторонне раскрыл в своих трудах сущность истинного покаяния, на многочисленных примерах показал его спасительную силу.

«Истинное покаяние, наставляет он, состоит не только в исповеди содеянных грехов; оно должно стать для христианина целожизненным подвигом» (146, 267).

Приведем и другие высказывания, использованные в трудах отца Иоанна и

характеризующие это спасительное средство: «Покаяние есть первейшее дело христианина. Покаяние для христианина – как воскресение. Отсутствие покаяния – духовная смерть. Покаяние есть печаль по Боге, сопровождаемая слезами. Покаяние – сокрушение, что ничего, кроме грехов, не имеешь. Покаяние – перемена в жизни и удаление от страстей. Начало покаяния есть в том, чтобы остановиться на пути греха. Покаяние в том состоит, чтобы жизнь и сердце изменить. Покаяние есть изменение воли и нравов» (121, 702 – 708).

Отец Иоанн объясняет, что «покаяние необходимо не только потому, что христианин строит на нем свою жизнь и духовные подвиги»; оно является также «первейшим средством для внутреннего усвоения спасительных плодов искупления, совершенного Иисусом Христом. «Сама Кровь Христова, пролитая на кресте за спасение мира, призывает всех к покаянию, потому что она для того и лилась из ран Христовых, чтобы принести людям свои плоды. Господь со Своей стороны сделал все, чтобы спасти человека. Однако бесценная искупительная Жертва Христова в не кающихся христианах не приносит плода. Кто не слушает голоса Сына Божия и не оставляет своей греховной жизни, для того ни Христос, ни Его Евангелие, ни смерть, ни воскресение не приносят пользы». Такое состояние христианина отец Иоанн называет страшной неблагодарностью по отношению к Богу (146, 267 – 268).

Господь здесь, на земле, призывает всех грешных к покаянию и принимает их. «Во время земного странствования человек имеет великую возможность изменить качества своей души, духовно переродиться посредством покаяния, – пишет отец Иоанн. – Оно, как единственная надежда на спасение, дается человеку только в этой жизни, а для перешедших в иной мир покаяние невозможно. Чтобы в день Страшного суда не постыдиться перед всем миром, надо быть внимательным к голосу своей совести и слову Божию, которые способны ограждать христианина от греха, удержать его от нарушения заповедей Божиих. И пока душа пребывает в теле, для человека всегда открыт путь покаяния, а значит, и спасения» (146, 268).

Долготерпение Божие является для человека немаловажным средством, побуждающим его к покаянию. Поэтому кающийся должен приносить особое благодарение Богу за то, что ему вместо наказания даруется Богом время на покаяние, исправление и творение добрых дел (146, 269).

Отец Иоанн предостерегает от того, чтобы люди отлагали свое покаяние до

конца своей жизни. Покаяние при тяжелой болезни или при смерти не всегда бывает полноценным. Человек должен не последние дни, но молодость – лучшую часть своей жизни – посвятить Богу, угождать Ему и каяться в грехах. Только в таком случае он может быть готовым отойти в вечность с доброй надеждой на свое спасение. «Когда человек истинным сердцем и своевременно обращается ко Господу, говорит отец Иоанн, то он освобождается «от прикрывающей его бедственное состояние греховной завесы» и явно видит свои «заблуждения и погибель». Тогда у него появляется желание исправить свою жизнь и творить в оставшееся время «плоды, достойные покаяния» (146, 269 – 270).

Схиархимандрит Иоанн так свидетельствует о плодах покаяния: «Первый плод покаяния – прощение грехов. Второй плод покаяния – новое сердце и новый дух. Покаяние возвращает благодать крещения. Истинно обратившееся сердце не останется без утешения. Покаяние от суда избавляет. Ум покаявшегося думает по-другому. Истинно покаявшийся и внутренне и внешне работает Богу» (121, 710-717).

«Чтобы покаяние стало реальной основой духовной жизни человека, для этого ему необходимо контролировать каждый свой поступок, слова и мысли, чтобы при малейшем нарушении заповедей Божиих спешить возвратиться с греховной стези на праведный путь к Богу. Так постепенно покаяние сможет перейти в навык, способствующий постоянной, повседневной духовной трезвенности» (146, 273).

Поскольку человек не знает дня своего отшествия из этого мира, то и повседневное покаяние его должно быть как бы перед самой смертью. Господь не столько смотрит на время, проведенное в покаянии или на слова молитв, сколько на усердие и сердечное расположение кающегося. «Грешника губит не множество грехов, но «нераскаянное житие» (146, 273).

«Еще живя здесь, на земле, мы должны оживлять наши души верой, надеждой и любовью, а если они умирают или умерли, воскрешать их через покаяние и приобщение Святых Христовых Таин», – пишет отец Иоанн (139, 30).

Пока человек жив, он постоянно должен пользоваться «врачевством покаяния» и никогда не отчаиваться. Через покаяние он возрастает духовно и удостаивается великих милостей Божиих. По мысли отца Иоанна, «только при посредстве покаяния можно перейти в состояние духовное» (143, 245).

Педагог должен помочь детям воспитать в себе «чувство покаяния». Для этого необходимо следующее.

1. Воспитатель должен, прежде всего, узнать в воспитаннике его нравственные слабости. «Чем бесчестнее и неисцельнее грех, тем более юный грешник старается скрывать его в непроницаемом мраке». Поэтому воспитателю необходимы «неусыпная бдительность и опытный взор» (143, 408 – 409).

2. Надо напомнить ребенку, что грехи не только делают больною душу, но и оскорбляют Бога. Поэтому оступившийся, упавший должен не только сам восстать и с обновленными силами идти дальше по трудному пути добродетели, но и стремиться к примирению и единению с Ним. Для этого существуют два таинства – Покаяния и Причащения. Дело воспитателя состоит преимущественно в том, чтобы расположить провинившегося воспитанника к достойному принятию спасительных Таинств.

3. Для расположения сердца воспитанника к достойному покаянию, педагог, воспитатель, родитель должен, прежде всего, сам просить Бога о ниспослании Благодати и о просвещении воспитанника, а также и воспитаннику внушить расположение к смиренной молитве.

4. Наставления и увещания воспитателя должны быть «приспособлены» к понятиям воспитанника, для этого необходимо пользоваться «благоприятными расположениями и лучшими минутами его духа». «Повествованием и указанием», незаметно воспитатель «приводит заблудшего в самого себя», обращает его внимание то на его собственное внутреннее состояние, то на появляющиеся уже следствия его грехов. Чтобы воспитанника сделать недовольным самим собой и возбудить в его сердце истинное раскаяние, воспитатель должен освободить его от ослепления, показать ему ту бездну, которая разверзается под ногами легкомысленного. Через возбуждение нравственного и благочестивого чувства представить воспитаннику грех в его истинном виде – как оскорбление Бога, как постыдную неблагодарность к Нему. Непритворное раскаяние воспитанника не останется без действий, оно перейдет в твердую решимость удаляться от греха, как бы трудно это не было.

6. Здесь воспитатель должен «вдохнуть мужество» в воспитанника, поддержать его. Для его ободрения можно представить высокие примеры исправившихся, изобразить «добрые плоды» обращения к Богу. Что касается исповеди, то воспитатель должен, прежде всего, уверить воспитанника в необходимо-

сти этого таинства, объяснить его сущность, и, наконец, устранить по возможности ложный стыд и страх (143, 412 – 415).

7. Чем лучше владеет собою и «движениями своего духа» воспитатель, чем с большим спокойствием и рассудительностью приступает он к делу и чем больше показывает искренней любви, тем более успеха будет он иметь в своем воздействии на воспитанника (143, 425–426, 428–429).

Терпение в скорбях

«Степень нравственного совершенства человека определяется по тому, как он переносит испытания», - пишут святые отцы (123, 107).

«В горниле скорбей, по словам отца Иоанна, в душе человека рождается та добродетель, которую трудно приобрести в жизни спокойной, чуждой страданий. Скорбь рождает терпение». «Без этой добродетели невозможно спастись» (123, 104 – 106). Скорби и испытания ведут человека к совершенству. Но это происходит в том случае если человек имеет добродетель терпения (146, 275).

Скорбь делает человека бдительным, опытным и осторожным. «Следует также отметить ее благотворное влияние на формирование духовной рассудительности, снисходительности к недостаткам ближнего. Терпение дает возможность человеку сохранить внутренний мир даже в самых тяжелых обстоятельствах жизни» (146, 281).

«Человек своими силами не может изменить ту или иную создавшуюся ситуацию. Проявляя нетерпение, он усложняет ее. Терпеливое, спокойное перенесение испытаний приводит к тому, что они в кратчайшее время теряют свою остроту и перестают беспокоить душу, в то время как ропот вызывает еще большее возмущение в душе, через что испытания еще более увеличиваются» (146, 281-282).

Добродетель терпения в своем благотворном влиянии не ограничивается отдельным человеком, но распространяется на семью и общество в целом.

Ни один человек не свободен от каких-либо недостатков, но более всего эти недостатки заметны в семейном кругу. Поэтому терпение и снисхождение к немощам друг друга необходимо, прежде всего, супругам, а также родителям и детям. Только в этом случае могут сохраняться в семье мир и согласие.

Подобным образом терпение оказывает свое положительное действие в обществе. Если от нетерпения происходят в мире войны и убийства, то терпе-

нием «зло отвращается». По мысли святителя Тихона Задонского, пение более сохраняет общество, нежели оружие, и более сохраняет города, нежели стены (146, 282). Это надо внушать ребенку с малых лет.

Терпение связано с верой, надеждой и любовью. Для формирования добродетели терпения необходимо знакомить детей с житиями святых.

Человек получает некоторое облегчение и утешение, когда сообщит свою скорбь близкому другу. Тем более умиротворяется его дух при обращении к Богу. Подобное же действие оказывает на душу человека чтение слова Божия (146, 283-284).

Таким образом, терпение является неотъемлемым условием духовной жизни человека, без него невозможно совершенствование и спасение души (146, 284).

Педагог должен постоянно заботиться о воспитании у ребенка терпения.

Как уже отмечалось, согласно учению отцов Церкви, все добродетели связаны между собою, как «звенья в духовной цепи», одна от другой зависят: молитва от любви, любовь от радости, радость от кротости, кротость от смирения, смирение от служения, служение от надежды, надежда от веры, вера от послушания, послушание от простоты (190, беседа 40).

По словам Иоанна Кронштадтского, человек должен любить, уважать, высоко ценить добродетели и преуспевать в них, восходя «от силы в силу, от добродетели к добродетели» (155, 25). Прививать любовь к добродетелям, учить приобретать их и совершенствоваться в них может и должен педагог.

1.2.2. Средства духовно-нравственного возрастания

«Цель жизни человека – постоянное совершенствование в добре» (146, 302). Средства духовно-нравственного возрастания направлены на развитие лучших качеств его природы человека, на стяжание и укрепление добродетелей (146, 303). Возрождение человека совершается при его желании и личных усилиях. «Совершается обновление жизни в человеке, – пишет святитель Феофан Затворник, – не механически, а по внутренним произвольным изменениям или решениям…» (374, 214).

Каким образом можно укрепить эти «внутренние решения» или, лучше сказать, решимость?

Остановимся на этом более подробно.

Очищение совести

«Желающий достичь спасения должен не только бороться с грехом, но и не соглашаться даже с порочными мыслями и пожеланиями, которые бы нарушали спокойствие его совести» (146, 285).

Совесть – это «естественный закон» (2, 49). Своим происхождением она обязана Самому Богу и является Его голосом, «вопиющим» внутри человека и удерживающим его от греховных действий. Совесть никогда не ослабляет своего контроля над человеком и всячески стремится дать надлежащее направление его нравственной деятельности (146, 285).

«Совесть как нравственная сила духа возвещает человеку внутренний нравственный закон, судит о сообразности или несообразности его поступков закону Божию и в соответствии с этим награждает его или осуждает. Совесть является равноценной закону Божию, который указывает, как должен жить человек, чтобы достичь единения с Богом» (146, 286).

Совесть в своей истине и чистоте всегда пребывает неизменной и подкупить ее какими бы то ни было средствами совершенно невозможно. От чистой совести не могут укрыться в душе человека не только тяжелые пороки, но даже и самые маловажные проступки, она постоянно стоит на страже его сердца и не прекращает своего спасительного воздействия на его душу и тогда, когда он бывает свободным от внутренних и внешних искушений (146, 286).

Человек, имеющий чистую совесть, легко переносит всевозможные искушения и неприятности. Совесть в такой душе никогда не возмущается, но всегда бывает спокойной и умиротворенной. «Где чистая совесть, там радость и вера» (121, 959).

Душа с чистой совестью становится «храмом Святого Духа», она все более просвещается и одухотворяется. Вместе с тем, и в таком благополучном состоянии совесть не оставляет человека без своего попечения, стараясь всячески укрепить в нем веру и надежду, потому что эти добродетели могут пребывать не иначе, как только в душе человека, имеющего чистую совесть.

Если человек, будучи невнимателен к своей духовной жизни, допускает греховные проступки, то совесть в нем начинает усыплять свою бдительность. Такую совесть святые отцы сравнивают с грязным зеркалом (146, 287).

Но муки проснувшейся впоследствии совести по своей силе бывают несравненно тяжелее не только телесных болезней, но даже всех бедствий, при-

чиняемых извне. Если человек может убежать от гнева другого человека или от зверя, то от угрызения совести никто не может ни укрыться, ни убежать.

Самым лучшим средством, успокаивающим совесть, является покаяние, а также молитва и рассудительность. Процессу очищения совести способствуют все добродетели и весь строй богоугодной жизни человека.

Пост

Пост – надежное средство духовно-нравственного возрастания (146, 289). Пост (телесный – воздержание от пищи, духовный – воздержание от всякого зла) является трудным подвигом, но «без него спастись человеку невозможно» (146, 288). Цель поста – духовно-нравственное оздоровление души человека. По учению святых отцов, он является весьма ценным лекарством от духовных недугов (146, 289).

Пост очищает душу и тело, делает человека способным к принятию Бога в свое сердце. Он является сильным оружием против лукавых духов.

Воздержание в пище должно быть умеренным и соразмеряться с телесными силами человека, иначе оно может послужить причиной к ослаблению его деятельности и принести вред.

Каждый человек должен гораздо больше внимания уделять посту духовному, чем его внешней стороне (146, 289). Истинный пост есть не только воздержание от пищи, но, главным образом, обуздание всех своих чувств. Только такой пост спасителен для человека (146, 289).

Воздержание должно проявляться во всех душевных и телесных чувствах человека и выражаться, прежде всего, в обуздании языка (146, 289).

«Пост, по учению святителя Тихона Задонского, весьма успешно помогает христианину в деле спасения души. Великая польза от него несомненна. Он делает человека умеренным, трезвым, молчаливым и целомудренным. Разум истинно постящегося христианина становится светлым, способным ясно судить о предметах духовных. Такой человек отчетливо слышит голос своей совести, который постоянно ограждает и удерживает его от плохого, управляет его поведением. Сердце его становится вместилищем высоких чувств и чистых желаний…

Посредством подвига поста воля укрепляется в добре, делается твердой и устремляет человека к добрым делам. Таким образом, истинный пост помогает

духу владычествовать над телом и тем самым делает человека все более духовно совершенным» (146, 290).

Чтение Слова Божия и творений святых отцов

По учению святых отцов, Слово Божие есть пища, поддерживающая жизнь души (157, 273). Подобно тому, как тело человека постоянно укрепляется пищей, чтобы не ослабеть и не прийти в состояние изнеможения, так и душа нуждается в систематическом подкреплении духовной пищей (146, 292).

Тщательное изучение Священного Писания крайне необходимо человеку на пути ко спасению, своей благодатной силой оно способно утвердить в его душе основы духовной жизни. «Священное Писание оказывает неотразимое воздействие на душу человека, является благодатной силой, направляющей его к внутреннему возрождению» 146, 240).

Книги Священного Писания – это высочайший дар Божий, неоценимое сокровище. Господь «через слово беседует со Своим творением» (146, 290). Это Слово истинно и неложно, твердо, непоколебимо и достоверно. В Слове Божием отображены все истины, которые составляют предмет веры христианина, указаны нравственные нормы, выполнение которых ведет к спасению. Посредством Слова человек легко может проверять, правильно ли он восходит по лестнице духовного совершенствования или уклоняется в противоположную сторону (146, 291).

Незнание Священного Писания может легко привести к неправильному пониманию истин веры, к заблуждению. Только руководствуясь Священным Писанием, человек может распознать истину и не запутаться в сетях ереси, раскола или суеверия (146, 291). Человек, стремящийся к совершенствованию, если не читает Слова, бывает подобен «воину, вступающему в битву без оружия». Он постепенно теряет веру и уклоняется с верного пути. Такой человек, по словам святителя Тихона, уже ничего доброго и душеспасительного сделать не может, хотя и кажется добрым (146, 294). Небрежность и нерадение в изучении Священного Писания святые отцы называют признаком неверия. Такой человек лишается Божественной благодати.

Через Священное Писание человек познает волю Божию. Чем глубже он будет проникать в его содержание, тем яснее будет для него смысл и цель его

земного бытия. Слово говорит человеку о его обязанностях по нию к Богу, к ближнему и к самому себе. Святые отцы советуют не только поучаться в Слове Божием, но и «устроять» свою жизнь согласно его требованиям.

Святые отцы пишут о том, что в Евангелии, как в духовной аптеке, скрыты различные лекарства «от всяких немощей, недугов и болезней». Здесь страждущий найдет утешение, сомневающийся - утверждение, незнающий – знание, пребывающий в подвиге веры – ободрение и подкрепление.

Слово Божие оказывает не только постоянное укрепляющее действие на душу человека, но и на его тело, сообщая ему особую силу, бодрость и крепость (146, 293). Когда человек слушает или читает Священное Писание и размышляет о нем, то жизнь духовная разгорается, как «лампада от вновь налитого масла» (146, 293).

Слово Божие укрепляет в душе человека веру и любовь, оно побуждает его к духовному деланию, облегчает его состояние во время скорбей. Оно постепенно возводит человека к совершенству, вводит его в светлую область духовного мира.

Люди различны между собою и по воспитанию, и по образованию, и по характеру, поэтому и восприятие Священного Писания, основанное только на человеческом разуме, различно и противоречиво. Отцы Церкви говорят о необходимости понимать Священное Писание согласно изъяснениям апостолов и учению святых отцов (146, 295).

Слово Божие приносит плод, когда человек размышляет о прочитанном. При этом святые отцы советуют «мало прочитывать и много рассуждать, что читается» (146, 296). В этом случае читаемое будет лучше восприниматься умом и сердцем человека, укрепляться в памяти.

«В размышлениях о слове Божием нельзя допускать произвола, но следует руководствоваться толкованиями святых отцов» (146, 296).

Как и в любой науке, приступающим к «науке евангельской» сначала трудно дается ее изучение. Но систематическое чтение Слова в сочетании с практическим исполнением его в жизни открывает человеку духовный простор, становится его насущной потребностью. Благодаря постоянному изучению слова Божия душа человека постепенно совершенствуется и восходит от силы в силу

Изучение Слова Божия должно непременно сочетаться с посильным практическим применением евангельских заповедей.

«Самым благоприятным временем для приобретения навыка в чтении Слова являются детские и юношеские годы. Юное сердце более удобно воспринимает «духовное семя» (146, 298). Если человек с детства приучен черпать из Слова благодатные наставления, то с течением времени чтение для него станет насущной потребностью.

Наряду с изучением Священного Писания, отцы Церкви большое значение придают чтению житийной, святоотеческой и богословской литературы. Духовные книги дают возможность правильно понять смысл Священного Писания, понять состояние своей души. Святые отцы и подвижники не теоретически, но практически, опытно познали человеческую природу с ее немощами и страстями, научились побеждать злое, глубоко постигли путь благочестия и спасения и этот свой богатый духовный опыт зафиксировали в своих писаниях (146, 298).

Святые отцы советуют быть «очень внимательным при выборе книг для чтения, так как неправославные авторы могут принести вред душе (Там же, с. 298). Еще более неразумно поступают те люди, которые стремятся найти ответ на свои вопросы в «лжеименном разуме».

Большую пользу приносит человеку чтение житий святых, где имеется множество примеров высокой духовной жизни (160, сл. XXII).

Учитывая великую пользу от чтения духовных книг, человек должен заниматься им систематически, чтобы «ни единого дня не пропустить без чтения» (146, 299).

Рассуждение.

По мысли Василия Великого, всякому деланию должно предшествовать рассуждение: без рассуждения и благое дело обращается в злое по безвременности и неумеренности. «Когда же рассуждением определятся время и мера благому (доброму), тогда бывает чудный прибыток» (105, 259).

Рассуждение о мире видимом, о его сотворении и прекрасном устроении влечет душу человека к познанию Творца. При этом святые отцы советуют не останавливаться умом только на красоте видимого мира, но «возводить» свой духовный взор в область мира невидимого (146, 299).

Такое рассуждение одухотворяет чувства и мысли человека, возрождает в нем живую веру, смягчает сердце. Через рассуждение человек утоляет свою духовную жажду и водворяет в своей душе радость и утешение (146, 299 – 300).

«Рассуждение о подвиге Христа обновляет дух человека» (146, 300).

Рассуждение о вечности «отрезвляющим образом действует на душу» и дает ей силы терпеливо переносить встречающиеся на жизненном пути трудные обстоятельства. Оно способно удержать человека в рамках добродетельной жизни, привить душе отвращение ко злу, вызвать покаяние. Эта добродетель, по мнению отцов Церкви, может исправить самого развращенного человека (146, 300 – 301).

Рассуждение о вечности в соединении с памятью о смерти действует еще сильнее на все существо человека, побуждая его не только отвращаться от зла, но и стремиться к духовному возрастанию. Рассуждение о смерти дает правильное направление всем душевным силам человека, доводя до его сознания, что все в этом мире тленно. Оно **способствует постоянному духовному обновлению человека**, продвижению его вперед по «лествице добродетельной жизни» (146, 299-301).

Внутренне перерождая человека, добродетель рассуждения может легко обновить его силы и удержать душу на должном уровне, не допуская в нее уныния.

Память смертная и плач о грехах

«Земную жизнь человек должен рассматривать как своеобразную подготовку к переходу в вечность» (146, 301).

«Нет в человеческой жизни более могущественного и трагического явления, чем смерть, так как она вносит самые существенные изменения во все сферы земного бытия человека: отнимает у него силу и мудрость, славу и честь, лишает его материального имущества, обращает в прах даже его собственное тело». Человек не знает продолжительность своей жизни, поэтому смерть может настичь его в любое время: в младенчестве, в отрочестве, в юности, в зрелом возрасте или же старости. Человеку бывает неизвестно не только время смерти, но вид и место ее, ибо «столько почти смертей, сколько людей» (146, 301– 302). Вместе с тем, как ни трагичны последствия телесной смерти, смерть

не прекращает бытия человека вообще. Бессмертная душа, отделившись от тела, переходит в иное бытие – в беспредельную вечность. Именно вечность является уделом человеческой души» (146, 302).

Душа человека наделена свободной волей, которую можно направить как в сторону добра, так и в сторону зла. Тот, кто направляет развитие сил своей души по пути внутреннего преображения, достигает блаженной вечности и духовного бессмертия. Кто уклоняется в сторону зла, того постигает «неблагополучная вечность» и духовная смерть (146, 302).

Таким образом, участь человека в вечности и место его вечного пребывания определяются, прежде всего, тем, как он относится к цели своего земного существования – постоянному совершенствованию в добре. Совершенствование человека в добре определяет не только его вечную участь, оно характеризует степень духовности человека на земле, свидетельствует о наличии в нем жизни духа. «Коснение» человека во зле и пороках говорит о полной материализации его жизнедеятельности и прекращения в нем духовной жизни (146, 302).

Отцы Церкви говорят о трех видах смерти: телесной, духовной и вечной. Телесная смерть состоит в разлучении души с телом, которое неизбежно постигает всякого человека независимо от того, какой образ жизни он вел. Духовная смерть – это мертвость души для жизни в вечности. Она поглощает души людей, живущих по законам зла, еще задолго до телесной смерти. Вечная смерть состоит в бесконечном мучении (146, 302). Самой страшной является вечная смерть, предвестником которой является смерть духовная. Телесная смерть только прекращает жизнедеятельность человеческого организма и является своеобразным рубежом, отделяющим всех людей от их вечной блаженной или мучительной участи. К моменту телесной смерти каждый человек обычно нравственно созревает, укрепляясь или в добре, или в зле. Телесная смерть является своеобразным венцом жизненного пути человека.

Праведные люди обычно мирно уходят из жизни, спокойно оставляют видимый мир. Смерть для них бывает даже желанной, потому что она освобождает их от трудов и болезней. По-другому переходят в вечность те, кто действовал по законам зла. Для них смерть является ужасным событием, обрывающим земную жизнь и навсегда прекращающим общение со всем тем, к чему привязалась их душа. В этот момент открывается человеку истинный смысл жизни и

его назначение на земле. Различная участь праведников и грешников сле смерти является закономерным итогом их земной жизни.

Блаженное состояние души должно возникать и возрастать в человеке уже в видимом мире, в той мере, в какой развивается и крепнет в нем добродетельная жизнь. Кто хочет умереть достойно, тот должен каждый день жизни проводить достойно.

Формированию такого состояния, согласно учению святых отцов, во многом способствует память смертная. Святые отцы называют «воспоминание о смерти» даром Божиим (104, 383).

Эта память благотворно и спасительно действует на душу человека. Она укрощает его гнев, удерживает его руки от недостойных дел, язык от сквернословия и осуждения. Она обращает его «душевные очи» к жизни после смерти, к вечности (146, 303).

Память о смерти и муках непременно приводит человека к сожалению о зле, которое он сделал. Приготовление к смерти, по мнению отцов Церкви, не что иное, как истинное покаяние (146, 304). Искреннее раскаяние человека во всех неблаговидных делах, словах и мыслях и последующее за этим исправление жизни являются лучшей подготовкой к переходу в вечность. В страшные минуты исхода души каждому человеку желательно было бы иметь спокойную совесть, чистое сердце и непорочную душу. Только тогда можно надеяться на вечное утешение и покой.

Для укрепления памяти о смерти со стороны человека требуется немалое усилие. Ввиду этого святые отцы призывают человека смотреть на земную жизнь с точки зрения вечного бытия.

Все вышеперечисленные средства помогают человеку в духовно-нравственном возрастании. Они позволяют перенести центр его стремлений, с внешних предметов на внутренний мир, дают человеку духовную целеустремленность, способность ко всякому доброму делу (146, 296).

ТАКИМ ОБРАЗОМ:

1. Средства, помогающие человеку на пути к духовно-нравственному возрастанию – очищение совести, пост, чтение Слова Божия и святых отцов, рассуждение, память смертная и плач о грехах.

2. «Только надлежащая переоценка прежних духовных ценностей, перенесение центра стремлений, желаний и помышлений с внешних предметов на

внутренний мир, освобождение от всего греховного, что отдаляет от га, доставляют человеку истинную свободу и очищение сердца, духовную целеустремленность, сосредоточенность, способность ко всякому доброму делу как в Церкви Христовой, так и в обществе» (146, 296).

3. Чтение творений святых отцов и житийной литературы приносит большую пользу в учебно-педагаогическом процессе.

4. Рассуждение дает правильное направление воспитательной деятельности педагога.

1.2.3. Препятствия на этом пути спасения

По мысли отца Ионна, «спасение – длительный и постоянный процесс внутренней борьбы и работы над самим собой. Хотя в крещении человек и возрождается для вечной жизни, обновляет свое естество, но это не значит, что он станет святым – в святости надо утвердиться. Очень часто человек уходит в сторону от правильного пути (146, 306).

Грех, его развитие

Удалению от цели земного существования, по словам святителя Тихона Задонского, способствуют три фактора (146, 306).

Во-первых, «греховная плоть человека» (352, 385), то есть его обычное, привычное пребывание в неестественном состоянии.

Во-вторых, прелести греховного мира, которые влекут человека ко злу и приводят к духовному умерщвлению.

В-третьих, диавол, который учит человека всякому греху (146, 306). На вопрос: «Какие грехи более всего удаляют человека от Бога?», - отец Иоанн, ссылаясь на мысль св. Тихона дает следующий ответ. «Все грехи, даже маловажные, лишают общения с Богом» (146, 306). Педагог должен знать, что к таким грехам относятся неведение, неразумие, неосмотрительность. Вот почему так важно избавить учеников от неведения, научить их быть осмотрительными в жизни. «От таких грехов, пожалуй, никто не свободен» (146, 306).

Но есть грехи, которые полностью подавляют в душе все святое, полностью овладевают душой – умерщвляют ее. К таким смертоносным грехам св. Тихон относит:

1) гордость – бесчинное желание власти и славы;

2) лакомство – безмерное желание внешних благ, богатства и жания» (приобретения);

3) блуд и нечистоту;

4) обжорство или чревоугодие – безмерное употребления пищи и пития;

5) зависть – печаль и болезнь сердца о добре ближнего, радость и веселье о его зле;

6) гнев – безмерное желание отмщения;

7) леность или уныние – холодность и нерадение о своем душевном состоянии (351, 3).

К грехам, которые, по учению святителя Тихона, направлены против Святого Духа, относятся шесть:

1) отчаяние;

2) излишнее упование на милость Божию;

3) сопротивление истине Священного Писания и догматов веры;

4) зависть к духовным благам, которые ближний приемлет от Бога;

5) пребывание во грехах и «состарение во злобе»;

6) нерадение о душевном спасении вплоть до кончины (351, 3).

К группе грехов, умерщвляющих душу и лишающих ее спасения, святитель Тихон относит грехи «вопиющие на небо к Богу и просящие отмщения»:

– вольное убийство,

– обида нищих, вдов и сирот,

– удержание или невыдача «мзды наемникам и делателям» и некоторые другие (351, 3).

Такие грехи, если человек не отстанет от них и не совершит истинного покаяния и внутреннего перерождения, умерщвляют в душе все святое и приводят к вечной смерти – смерти души (146, 306 – 307).

Остановимся более подробно на каждой из трех этих групп, поскольку каждая из них имеет свои особенности и свои способы борьбы с ними, о которых необходимо знать педагогу.

Греховная плоть ветхого человека

«Человек рождается в этот мир уже поврежденным грехом, т.е. каждый человек имеет в себе как бы два существа: в нем живет падший человек со страстями и новый – с добродетелями» (146, 307).

Человек может выйти из этого состояния только тогда, когда увидит па-

губность и мерзость греха.

Грех постепенно приводит человека к искажению истины. «Вместо добра и красоты в его душе на первый план выступает преступление и беззаконие» (146, 308). Божественный закон, определяющий отношение человека к Богу, воспринимается им теперь как нечто второстепенное, необязательное для исполнения, поэтому люди не хотят знать Бога.

Человек, допустивший грех в свою душу, бывает неспособен различать добро от зла, святость от греховности, поскольку грехи омрачают его богоподобные свойства. Такая душа подобна слепцу – не знает куда идти (146, 308)..

Грех распространяет свое смертоносное действие не только и на тело, и на душу. Он – причина внутренних нравственных мучений, духовная причина телесных недугов, болезней. Грех – главнейший источник человеческих несчастий и страданий.

Грех является самым пагубным началом и источником всякого зла.

Человек, находящийся в плену греха, служит злу.

Прелесть греховного мира

Люди, по словам митрополита Филарета Московского, забыли о невидимой части своего существа – душе, а стали смотреть только на его видимую часть – тело. Поэтому вместо жизни, управляемой разумом и законами добра, в людях открылась жизнь, «водимая» непомерными желаниями, безудержными чувствами и ложными расположениями. «Страстный и жадный взор на видимое, – пишет митрополит Филарет, – становится некою злотворною силою, которая из всех видимых предметов извлекает яд» (343, сл. 67).

Немалым препятствием на жизненном пути человека являются греховные соблазны, предлагающие вместо вечных благ временные. Святые отцы говорят о трех видах соблазнов: богатство, слава и роскошь мира (146, 309).

Увлекая человека прелестями мира, «широкий путь жизни» постепенно притупляет у него духовное чувство и таким образом приводит человека к полнейшему душевному омертвению.

Чем более грешит человек, тем более «помрачается». Но «грех без казни не бывает» (121, 265). «Согрешишь, человече, – пишет святитель Тихон Задонский, – уже ожидай себе казни или внутрь, или вне себя, или купно обоих. Сей бо есть плод греха» (146, 310).

Казнь «внутрь (внутри) себе» – это неусыпный голос человеческой совес-

ти. Она постоянно мучает согрешившего человека, где бы он ни был и что бы ни делал. Вместе с тем, следует помнить, что не все скорби являются наказанием за грехи.

Грех не только поражает и умерщвляет человека, но и распространяет свое влияние на всю землю, на весь мир. Грех и в него вносит расстройство: земля не дает плода, скоты и звери зачастую гибнут от голода и других причин, воздух и вода становятся негодны к употреблению.

Человек, который успешно прошел суровые испытания, справился с грехом и вышел духовно умудренным, очищается от греха и становится неуязвимым.

Действие диавола

Самая жестокая и упорная борьба предстоит человеку с диаволом, который со своими демонами окружает его и научает на всякое зло.

«Особенно сильное влияние на душу диавол оказывает в то время, когда человек совершил какое-либо нравственное преступление» (146, 311).

Злобные духи настолько опытны в своей коварности, что с большой легкостью определяют, как приступить к человеку, «с какой стороны... (и) каким оружием кого уязвлять» (146, 311).

Вместе с тем, следует знать, что демоны, хотя и коварны, но «овладеть человеком и склонить его на грех не могут без согласия последнего» (146,311).

Развитие греха

Корни греха таятся в «начальнике всякого зла» – диаволе, а также в падшем естестве человека, унаследованном от первых людей. Они укрепляются и набирают силу под влиянием порочных помыслов, входящих в душу человека в основном через чувства.

Грех может заключаться не только в делах, но и в дурных мыслях и пожеланиях, которые способны осквернить сердце человека, удалить из него все доброе и святое. «Сердце человека никогда не может оставаться праздным: если только оно не заполнено добродетелью, то заполняется скверными мыслями и пожеланиями» (146, 311).

Мысленный грех - это импульс к греховным действиям. Однако за человеком сохраняется власть согласиться с ним или отвергнуть его от себя. Человеку необходимо противиться порочным помыслам и не допускать их в свое сердце,

необходимо уметь властвовать над ними (146, 312).

Очищение сердца совершается отречением человека не только от всех злых дел, но и от всякого злого помышления, в котором злое дело скрывается, как плод в зародыше или семени.

Изгнав из сердца зло, человек насаждает и взращивает в нем семена добра. Чистое сердце бывает подобно чистому источнику, от которого проистекают чистые струи воды, или же доброму дереву, приносящему полезные плоды.

Борьба с греховными помыслами – дело нелегкое. «Очень часто помыслы на первый взгляд кажутся невинными, но по своему существу они греховны. Останавливая внимание человека на таких помыслах, злая сила начинает действовать уже сильнее: внушает ему помыслы уже с конкретным признаком греховности и, наконец, ввергает его в бездну порока» (146, 312). Тем не менее, постоянная готовность человека решительно пресекать греховные мысли, пресекать в самом зародыше, может привести к полной победе. В духовной борьбе самое важное – не ослаблять усилий в борьбе с искушениями, какими бы они ни казались трудными или непреодолимыми. Для избавления от лукавых помыслов, для победы над ними отцы Церкви указывают эффективные средства: молитву, страх Божий, чтение Священного Писания (подробно об этом говорилось в предыдущем параграфе).

Где бы человек ни совершал злые дела, он не может утаиться, ибо Бог «везде присутствует, и все, что и где делаешь и замышляешь, видит и в книге Своей записывает» (146, 314). Все сделанные человеком беззакония в вечности будут открыты пред всем миром.

Злой навык со временем так глубоко проникает все человеческое естество, что его искоренение требует больших усилий как со стороны духа, так и со стороны плоти. Чтобы избавиться от него, человеку нужно проявить много усилий, настойчивости и самоотвержения.

Вместе с тем, под действием частого греха в человеке полностью ослабевают духовные силы, так что он бывает совершенно неспособен противодействовать каким-либо даже незначительным грехам. Он не может уже обуздать ни свои чувства, ни мысли, ни желания, потому что разум его ослеплен и деятельность его направлена по ложному пути. Человек мало-помалу становится рабом греха.

Чем более усилится и утвердится злой обычай в человеке, тем с большею

трудностью он от того освобождается. Если человек не употребит весь «духовный арсенал» для борьбы с грехом, то грех постепенно переходит в пристрастие, в страсть. Она бывает так сильна, что становится как бы второй природой человека. Но даже в таком бедственном положении человек не оставляется Божией благодатью.

Усилия человека против греха должны носить постоянный, «целожизненный характер», потому что «в мире сем брань (борьба) непрестанная, на которой две стороны сражаются не оружием видимым, но духовным и невидимым» (146, 315). Вначале «духовный воин» ощущает страх, но когда он закалит свою волю в борьбе, тогда он побеждает и его.

Борьба с грехом заставляет человека мобилизовать не только все духовные силы, но и телесные. Только при таком сочетании и направлении сил души и тела возможна полная победа над самим собой. Не всякий достигает такого состояния. Как писал св. Тихон, многие победили тысячи людей, покорили города и государства, но самих себя победить не смогли, т.к. не противились живущему в них греху (146, 316).

Для педагога особенно важно знать, что очень большое значение имеет несогласие с грехом. На формировании этого несогласия у ребенка должны быть направлены его усилия.

Действенным средством в борьбе с грехом, по учению святых отцов, является также сознание человеком своей греховности. Оно возбуждает чувство раскаяния, влечет к совершенствованию и служит удерживающим началом от последующих злых поползновений и дурных поступков. Педагогу важно научить ребенка осознавать сделанные грехи и приучить к самообвинению.

Таким образом, человеку, желающему следовать по пути духовного возрождения, предстоит упорная борьба со злом. Однако он может с помощью Божественной благодати победить в этой борьбе.

Страсти.

Как уже отмечалось, по свидетельству отцов Церкви, спасение человека есть постепенный и длительный процесс очищения своей души от страстей и стяжание (приобретение) добродетелей (123, 120).

По свидетельству св. Иоанна Кронштадтского, «страсти по духовному устроению заразительны» (157, ст. 272). Под страстями святитель Тихон Задон-

ский подразумевает некоторые особые грехи, в полной мере господствующие в душе человека. Таковыми, по его мнению, являются: гордость, зависть, гнев и злоба, клевета и осуждение, ложь и лукавство, праздность, пьянство, сребролюбие и честолюбие. Вопрос о страстях подробно освещается святителем в его труде «Об истинном христианстве», этого вопроса он касается также в своих письмах и наставлениях.

Отец Иоанн (Маслов) приводит конкретные указания св. Тихона, очень ценные для педагога, как и какими средствами следует бороться со страстями, объясняет не только их пагубное воздействие на душу человека, но и тот вред, который они приносят ей и в земной жизни, и в жизни вечной. Отец Иоанн замечает:

«Страсти опасны еще и потому, что они, принося вред самому человеку, разлагающим образом действуют и на других людей, которые соприкасаются с ним» (146, 317).

По мнению святителя Тихона Задонского, «страсти имеют глубокие корни в поврежденной грехом человеческой природе. Они наследственно передаются из рода в род от Адама и являются величайшим препятствием свободному развитию добродетельной жизни человека. Эта наследственная духовная порча настолько сильно укоренилась в каждом человеке, что даже повседневное «бодрствование над самим собой», воздержание в пище и подвижническая жизнь не могут служить твердым ручательством тому, что человек уже свободен от страстей» (146, 317). Если с ними последовательно не бороться и не искоренять их из сердца, они могут усиливаться и, наконец, умертвить душу (354, 140; 17, 131).

Попавший под влияние какой-либо страсти человек становится неспособным владеть самим собой: она парализует все силы его души. Человек подвергается духовному ослеплению, нерадению и бесчувствию и, наконец, доходит до того, что уже не замечает в себе этого опасного состояния, почему и не заботится о том, чтобы избавиться от него.

Находясь в таком состоянии, человек:

– становится бессильным, неспособным к правильному рассуждению;

– объектом ума человека, подверженного страстям, становятся неверные и искаженные понятия;

– вместо естественных духовных потребностей в человеке восстают жела-

ния, противные духу, то есть похоти. В таком случае воля человека постепенно ослабевает, и он становится упрямым и себялюбивым;

– под влиянием страстей человек становится неспособным управлять своими чувствами, желаниями и даже мыслями, так как его разум становится «помраченным» (352, 136), он не может «вместить просвещения» (354, 12);

– в состоянии душевной слепоты человек не только становится бессильным, неспособным бороться с грехом, но и – более того – не может дать правильной оценки своим поступкам и действиям (354, 215);

– сердце человека становится «растленным» (353, 441), оно постоянно жаждет разнообразных суетных удовольствий;

– совесть в таком человеке засыпает и уже не в состоянии напоминать о той цели, для которой он живет;

– в нем постепенно угасают духовные порывы, душа перестает бодрствовать и, наконец, умирает.

Чем больше человек погружается в бездну страстей, тем сильнее они изменяют все его существо, искажают в нем образ Божий. Святитель Тихон так описывает это плачевное состояние человека: «человек… столь сильно обезумился, обезобразился и ослепился» (353, 69), «облекся во образ земной и скотский» (353, 88).

Основную причину такого состояния человека святитель Тихон Задонский усматривает в том, что человек полностью склонил свою волю на сторону чувственного начала и забыл о своем назначении, что повлекло за собой и искажение сердца (или чувствований) человека (146, 318).

Душевные и телесные страсти, по мысли отца Иоанна, имеют общую психологическую основу. Они не только неотделимы друг от друга, но и находятся в тесной взаимосвязи между собой (146, 318). Рассмотрим их в той последовательности, в какой они даны в труде схиархимандрита Иоанна.

Гордость

Как учит отец Иоанн, в соответствии со святоотеческим учением, гордость является наиболее опасной страстью, препятствующей человеку в деле спасения. Она родилась не на земле, а на небе, в высших сферах бесплотных духов, поэтому она, по мысли святых отцов, является родоначальницей всех зол и исчадием диавольским. Как диавол начал свое отпадение от Бога гордостью, так и человек, возгордившись, не только пожелал выйти из подчинения своему Твор-

цу, но и стать богом, сравняться с Ним (146, 318).

Опасность этого греха заключается в том, что он скорее других грехов удаляет человека от Бога и делает его послушным орудием диавола. Гордость – страсть, которой человек служит вместо Бога и которая таит в себе противление, вражду и дерзость по отношению к Нему. Ложно переоценивая свои силы и достоинства, человек втайне обоготворяет себя самого.

Самообоготворение гордым человеком самого себя сочетается в нем с полным непослушанием и противлением Творцу, в результате чего такой человек день ото дня все больше удаляется от Бога, ожесточается в своем безумии и уже бывает неспособен воспринимать душой Божественное вразумление. В конце концов он впадает в крайнее нечувствие, безумие и неверие в Бога. Все существо такого человека пронизано чувством гордыни и надменности, он неспособен объективно оценить бедственность своего положения. Эту страсть нельзя искоренить без помощи Самого Господа.

Гордость распространяет свое смертоносное дыхание на всех людей, живущих в мирской суете.

Находясь в плену гордости, человек свои мнения и рассуждения всегда считает верными и неоспоримыми и требует от других людей их полного одобрения и признания. Помраченный гордостью, он не может равнодушно сносить даже незначительные обличения от своих ближних. Он не допускает даже и мысли о том, чтобы кто-либо осудил его поступки. Игнорируя замечания окружающих, в то же время он старается ответить им враждой и ненавистью. Гордец почти всегда бывает несправедлив к другим, не ценит их достоинств и не признает за ними никакого авторитета. Единственная цель, которую он ставит перед собой, – это домогательство от других «чести и славы мира сего» (146, 320). Даже подвижническая жизнь гордого человека вменяется ни во что, потому что он совершает подвиги не ради славы Божией, а ради похвалы человеческой. Все, что ни делает гордый человек, он делает напоказ всем, ради славы человеческой.

Святые отцы дают конкретные советы к искоренению этой страсти. Сильнейшим оружием против гордости служит смирение, а также рассудительность, молитва и постоянное памятование о смерти (146, 321).

Зависть.

Зависть является не менее зловредной страстью, чем гордость. Человек,

подверженный зависти, по свидетельству отца Иоанна, в то же время бывает одержим и гордостью, потому что таковой не может терпеть, чтобы кто-то был равен ему по достоинству.

Зависть есть начало и источник зложелательства по отношению к ближнему. Она вселяет в сердце человека печаль и скорбь, если видит кого-либо в благополучии живущим, а при виде чужого горя и несчастья радуется от удовольствия. Сколько бы добра и милости ни оказывали завистливому человеку, он всегда будет недоволен и раздражителен (146, 322).

Завистливому всегда кажется, что положение ближнего лучше, чем его, и это всегда угнетает, преследует и мучительно терзает его душу. Злость и презрение берут верх над завистливым, так что он ни одной минуты не может быть спокойным. Это внутреннее состояние «снедает» не только его душу, но и тело, делая его болезненным и неспособным к плодотворной деятельности.

Средства избавления от страсти зависти – слово Божие и любовь к ближнему.

Гнев и памятозлобие.

Не менее опасной страстью, непосредственно вытекающей из зависти, является гнев. «Эта страсть рождается в сердце человека, главным образом, от безмерного самолюбия, …от обиды, причиненной его самолюбию другим лицом. Человек, одержимый гневом, не в состоянии бывает удержать себя от греха и даже от преступления» (146, 323).

Эта страсть ослепляет духовные очи человека, он не может иметь правильного суждения о путях спасительной жизни. В порыве страсти гневающийся бывает «подобен бесноватому» (146, 324).

Гнев расстраивает духовные силы человека, приводит его истерзанную душу к полному опустошению.

Под действием страсти гнева попираются любовь, все родственные и дружеские связи, а вместо них господствуют зло и ненависть.

От гнева человек сам страдает в не меньшей мере, чем другие. Часто его действия, направленные против другого человека, обрушиваются на него самого.

Самое страшное и губительное действие гнев производит в человеке тогда, когда он переходит в памятозлобие, которое включает в себя совокупность всех «бед, напастей и зол» (146, 324). Если гнев в душе ослабевает, то памятозлобие

упорно существует и действует постоянно. Человек, подверженный этой страсти, замыкается в себе, становится скрытным, желчным и подвластным духу злобы, который день ото дня ожесточает его, омрачает и делает своим послушным орудием. Человек еще на земле начинает испытывать в себе самом «адское мучение» (146, 324).

Средства борьбы со страстью гнева, по мысли святых отцов, – противоположные ей добродетели: любовь, кротость и смирение. Гневающемуся следует, прежде всего, воздерживаться от ответных обвинений и в самом начале приступа гнева и раздражительности не произносить обидных слов и грубостей. К средствам искоренения этой страсти относятся также прощение ближнего и искренняя молитва за него.

Клевета

По учению святых отцов, страсти гнева и памятозлобия открывают вход в душу другим страстям, в первую очередь, клевете, а также осуждению (146, 325).

По мысли отца Иоанна, человек, одержимый страстью клеветы, подвергая смертельной опасности свою душу, очень много зла приносит своим ближним. «Деятельность клеветника направлена не на прекращение зла в мире, но на распространение его. У человека-клеветника помрачается ум, ослабевает бдительность и угасает вера в Бога, а вместо того в его душу вселяется мрак и заблуждение» (146, 325).

Живя беспечной жизнью, многие не считают клевету за грех, а между тем она, по мысли святителя Тихона Задонского, хуже моровой язвы, ибо последняя переходит только на соприкасающихся с больными, а клевета заражает и даже умерщвляет гораздо большее число людей (354, 162– 163).

«Клевета есть мерзкий порок не только перед Богом, но и перед людьми. Зараженный ею человек теряет всякое доверие и уважение со стороны окружающих. Единственная цель клеветника – принести как можно больше горя, страданий и бед своим ближним» (146, 325).

Человек, одержимый страстью клеветы, прежде всего, наносит величайший вред своей душе. Он бывает неспособен к богоугодной жизни, в его сердце совершенно отсутствует любовь как к Богу, так и ближним.

Средства для искоренения страсти клеветы – контроль над самим собой (прежде сего, над своим злым языком), смирение (для этого необходимо «чер-

пать из евангельских примеров»), покаяние (146, 326).

Осуждение.

Осуждение является не меньшим препятствием в деле спасения человека, чем другие страсти. «Свое пагубное начало оно берет из нескольких страстей: гордости, зависти и злобы. Страсть осуждения может действовать в человеке по причине его привычки завидовать благополучию ближних, а также в силу его нетерпеливости» (146, 326).

Средством внешнего выражения осуждения является язык человека. Никакие добродетели не принесут ему пользы, если он не обуздает свой язык от осуждения близких. Помраченный этим грехом, человек наносит ближним не телесные раны, но более мучительные и трудно заживаемые «язвы душевные» (146, 326).

Осуждающий ближних человек не знает того, что он совершает больший грех, чем тот, кого он осуждает, потому что забывает о своей личной греховности.

Человек не должен осуждать никогда и никого, даже явного и великого грешника, потому что согрешивший может в любой момент воззвать из глубины души к Богу с просьбой о помиловании, и Бог примет его.

Грех осуждения настолько «мерзок перед Богом», что не только открытое поношение человека, но даже осуждение, выраженное «мыслию, помаванием, покиванием главою, вздохом, смехом и прочее», оскверняет и помрачает душу (146, 327).

Святые отцы увещевают каждого человека удаляться от страсти осуждения: все люди составляют во Христе единое целое, поэтому человек должен не ближними своими гнушаться, а тем грехом, который живет в их сердцах (146, 327).

Средства борьбы со страстью осуждения – познание своих грехов, страх Божий, смирение.

Самолюбие и славолюбие.

Связанные между собой прочными узами, самолюбие и славолюбие удаляют христианина от Бога. Коварство этих страстей весьма утонченное, трудно распознаваемое, и действию их подвержены почти все люди. Обе страсти своими корнями имеют гордость (146, 327).

«Выражением этих страстей является то, что подверженный им человек всю энергию направляет только на свою личность, тщательно стараясь выполнить пожелания своей греховной плоти» (146, 327). Такой человек во всем и всегда имеет в виду личное удовольствие и личную выгоду, а не славу Божию и пользу ближних.

«Самолюбивый человек, замыкаясь в области узких личных интересов, не сочувствует общественным нуждам, равнодушен к горю и несчастью своих ближних, всегда бывает раздражителен и обидчив, когда ему напоминают о помощи нуждающимся. Если иногда он и помогает кому-либо из них, то делает это только ради корыстных или честолюбивых целей» (146, 328).

По словам святых отцов, в угоду своему самолюбию человек бывает способен на самые страшные и чудовищные преступления (146, 328).

Самолюбец крайне снисходительно смотрит на свои грехи и пороки, извиняет их не только перед другими людьми, но и перед своей совестью, после чего она его уже ни в чем не обличает. Это усыпление совести свидетельствует об опасности пути, которым идет самолюбец.

«Для избавления от самолюбия необходимо все делать ради славы Божией; искренно служить и помогать ближним, защищать их и утешать» (146, 328).

Славолюбие неразрывно связано с самолюбием. Оно действует в человеке даже тогда, когда он находится в чести и возвышении. Человек, подверженный славолюбию, начинает всем льстить, лукавить, преследуя единственную цель – войти в доверие людей. Ради этого он соглашается со всеми мнениями своих собеседников и даже одобряет их греховные поступки. «Одержимый страстью славолюбия ищет для себя блаженства не в единении с Богом, но во временной чести и славе» (146, 329).

Средства искоренения страстей самолюбия и славолюбия – служение и помощь ближним «с искренним сердцем», самоукорение и смирение.

Сребролюбие

Согласно учению святителя Тихона Задонского, богатство само по себе не является злом, оно есть дар Божий, служащий на пользу человеку. «Не обладание материальными благами является греховным, а полное порабощение человека ими, то есть такое состояние, когда человек в материальных благах видит цель и смысл всей своей жизни» (146, 330).

Страсть сребролюбия в своем существе является одной из самых пагубных

и трудно укротимых. Всякая другая страсть доходит до некоторого сыщения, а иногда, при определенных обстоятельствах, и ослабевает. Но при сребролюбии человек не удовлетворяется даже тогда, когда имеет уже множество материальных благ. Ради прибытка сребролюбец идет на всевозможные преступления, вплоть до убийства.

Подверженный страсти сребролюбия далек от любви, снисходительности и милосердия. Он никогда не имеет в душе мира и спокойствия по причине неудержимого стремления к стяжанию богатства, но всегда мучается, терзается, постоянно находясь в печали, страхе и смущении. Человек, одержимый сребролюбием, никогда не имеет успокоения и насыщения, он больше ни о чем не думает, как только об умножении богатства.

Сребролюбец ради своих целей не замедлит прибегнуть к злоречию, лжи, клевете, воровству и т. п., поэтому эта страсть называется корнем всех зол (1 Тим. 6, 10). Сребролюбец, по замечанию святых отцов, является врагом Богу, людям и самому себе.

Если страсть сребролюбия не пресечь в самом начале, она опустошит и уничтожит в душе все добрые и богоугодные начинания и водворит в ней все извращенное и мерзкое. Эта страсть целиком и полностью развращает человека и, наконец, приводит его к неверию в Промысл Божий.

«Всякий порок нарушает гармонию души человека, но ни один из них так не овладевает сердцем, как сребролюбие. Оно полностью пленяет человека. В сердце, пораженном страстью сребролюбия, не может быть любви к Богу, потому что жажда обогащения изгоняет ее» (146, 329-330).

От чрезмерной привязанности к богатству помрачается ум человека.

Святитель Тихон Задонский советует богатым не высокомудрствовать и надеяться не на свое богатство, а на Бога, а также разумно употреблять земные блага– на добрые и богоугодные дела.

Средства для искоренения страсти сребролюбия – самоотречение, искоренение самолюбия и исполнение заповеди Христовой о любви к ближним, а также постоянное памятование о смерти и Страшном суде.

Лесть и лукавство

Лесть и лукавство являются опасной преградой на пути к духовному возрождению человека. Пленяя его душу, они делают его двоедушным и лицемерным. Перед людьми лукавый человек старается показать себя добрым, отзыв-

чивым и благодетельным, но дела его по отношению к ближним – яд, отравляющий не только тело, но и душу (146, 331).

Льстивые и лукавые часто стараются передать не то, что соответствует истине. Их цель – ложными обвинениями возбудить людей на гнев и злобу. Под действием лести и лукавства рушатся самые тесные дружеские узы, а вместо них укореняются вражда и ненависть.

Лесть и лукавство бывают причиной многих несчастий и преступлений. Они вселяют недоверие и подозрение не только в кругу близких лиц, но приводят в недоумение и возмущение целые народы, лишая их мира и спокойствия.

Средство для избавления от этой страсти – «удержание языка».

Праздность

Если трудолюбие облагораживает человека, ограждает душу от многих грехов и соблазнов, то праздная жизнь, наоборот, расслабляет его, делает неспособным к добрым делам, а также отрицательно сказывается на развитии умственных способностей. Вот почему «праздность и леность есть мать и источник всех зол» (146, 332).

Немалые усилия требуются от человека для того, желающего победить в себе праздность. Эта страсть появляется в нем чаще всего на почве лености и беспечности.

Праздность научает человека «воровать, похищать... лгать, льстить, обманывать», «научает многой злобе» (146, 332).

Праздность не только отрицательно влияет на душу человека, но и расстраивает его здоровье. Живущий в праздности подвержен всяким недугам и немощам.

Средства к искоренению праздности – дорожить временем, не тратить его на беззаконные дела, но умножать данные Богом таланты, пребывать в чтении спасительных книг, молитве, богомыслии и в полезном рукоделии (146, 332).

Пьянство

С праздностью тесно связана страсть пьянства, которая причиняет большой вред как телу, так и душе человека. «Под действием частого и лишнего употребления вина в человеке вырабатывается порочная привычка, со временем переходящая в злую страсть, и он становится неспособным справиться с собой. Хотя подпавший под власть этой страсти сознает свое бедственное состояние,

сокрушается и терзается душой, но освободиться от этого тирана не находит в себе силы» (146, 333).

Пленив человека и овладев его волей, страсть пьянства насильно влечет его ко всевозможным порокам и преступлениям: сквернословию, обману, лести, ссорам, дракам, кровопролитию и даже убийству.

Чем больше человек предается пьянству, тем больше у него растет потребность к ее удовлетворению. Постепенно в нем ослабевает духовная жизнь, наступает состояние духовного порабощения. Все более попадая под власть этой страсти, человек приближается к скотоподобному образу жизни. Винопитие составляет для него единственную цель и заботу всей его жизни, и тогда человек утрачивает всякое нравственное чувство, становится холодным ко всему чистому и святому.

Пьяница не может принести пользы ни семье, ни обществу, порываются семейные узы, утрачивается любовь к родным и окружающим людям. Пьяница бывает уже неспособен делать добро и становится всем в тягость, он подвергается бесславию и презрению, вызывает отвращение.

Пьянство разрушительным образом действует на тело человека, расслабляя его, подвергая частым и нередко тяжелым, мучительным болезням, которые преждевременно разрушают тело и приводят к смерти.

Указывая средства к искоренению пьянства как к страст, св. Тихон, прежде всего, обращает внимание на необходимость воспитания человека в трезвенности, начитая с юного возраста, и в связи с этим возлагает большую ответственность на родителей, говоря, что они должны предостерегать детей от употребления спиртных напитков, т.к. навыки, приобретенные в детские годы остаются в сердцах на всю жизнь.

Важно также удаление от порочных сообществ и пиршеств, покаяние, молитва, рассуждение, память смертная.

Блуд

Страсть блуда приносит очень много зла и горя как в семейной жизни, так и в жизни общественной. Если для искоренения пьянства человеку требуется много усилий и слезных молитв, то еще больший подвиг необходим ему, чтобы избавиться от страсти блуда.

«Во всех своих видах и проявлениях блудная страсть приносит существенный вред человеку не только тем, что расстраивает здоровье, омрачает душу,

терзает совесть, но и тем, что она лишает его вечного спасения» (146, 334).

Средство искоренения этой страсти – стяжание чистоты как телесной, так и душевной. Первое условие – господство духа над плотью, состояние, при котором человек отвращает свой взор от всего соблазнительного и пагубного, тщательно охраняет свои чувства и приучает их служить только целомудрию. Для искоренения и угашения плотской нечистоты св. Тихон советует пребывать в труде, «часто молиться, мало есть и пить и мало спать» (146, 334).

Уныние (печаль)

После совершения греха у человека появляется томление духа. Это внутреннее гнетущее состояние нередко приводит его к печали, унынию и даже к отчаянию.

«Овладев человеком, печаль и уныние способны полностью расстроить силы его души, отвлечь его от богоугодных занятий, уничтожить все духовные плоды и, тем самым, привести свою жертву к смерти душевной» (146, 334).

Особенно яростное действие уныние и печаль обрушивают на подвижников, чтобы устрашить их трудностью подвига и посеять в их сердцах нерадение о спасении: жестокое уныние полностью овладевает сердцем подвижника и делает его неспособным к духовным упражнениям, особенно к молитве. Преданный пороку уныния человек настолько ослабевает духовно, что становится бессильным шествовать по пути спасения: оно кажется ему трудным и недостижимым. Даже слова Священного Писания не оказывают на него воздействия, так как сердце его в это время бывает подобно закрытому сосуду.

Средства преодоления уныния, по советам святых отцов, – принуждение себя к духовному подвигу, особенно к молитве, размышление о смерти, чтение Псалтири.

ТАКИМ ОБРАЗОМ:

1. «Однажды воспринятый человеком, [грех] заразил все человечество... Падение сделалось постоянным и неизбежным: никакие законы гражданские не в силах удержать человека от падения; грех зачинается с нами в утробе матери и в чреслах отца и с возрастом нашим возрастает и укрепляется. Каждый человек сам сознает свою греховность, чувствуя себя в состоянии потери, …испытывая принудительное стремление ко злу, так как лукавый дух, с мо-

мента падения человека, начал властно царствовать в нем, тогда как добро и Источник его – Бог, удалившийся из сердца человека, не нудит, а привлекает к себе нравственной красотой, миром душевным и обетованиями вечной жизни» (156, 6).

2 «Грех мучителен для человека, действуя в нем «властно, ненасытно и гибельно», убивая душу и тело навеки, но он столь же властно манит человека своей «прелестью» (156, 7).

3. «Мучительность и прелестность – вот резкие, но основные свойства греха вообще» (156, 7).

4. В учение о спасении даются сведения не только о происхождении и пагубности греха и страстей, но и конкретные советы к их искоренению. Для искоренения зла в своей душе от человека требуется сосредоточить все свои силы в подвиге внутренней борьбы, и непрестанно прибегать к Божественной благодатной помощи.

Смысл жизни человека заключается в самосовершенствовании, поэтому его насущной задачей должен стать постоянная бдительность по отношению к внутреннему миру, чтобы легче распознать все злые помыслы и с помощью Божией вовремя отражать их (146, 335).

5. «Только **внутреннее обновление** может удержать человека от греха и будет способствовать водворению в его душе самопознания» (146, 335).

7. Особое место в духовной жизни человека, в его совершенствовании занимает пастырь, его духовное руководство. Вместе с тем, нельзя умалять роли педагога, воспитателя в становлении и духовном возрастании ребенка. В системе православной педагогики и священник, и педагог являются субъектами воспитания.

1.3. УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ – СМЫСЛОВАЯ ОСНОВА КАТЕГОРИЙ И ПОНЯТИЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ (ПО «СИМФОНИИ» СХИАРХИМАНДРИТА ИОАННА (МАСЛОВА).

Православное учение о спасении определяет цель жизни человека как достижение Богоуподобления, единение с Богом, постоянное совершенствование в добре. Эта цель стала целью и основанием всей системы православной педагогики, позволила заложить глубокую смысловую основу всех ее категорий и понятий.

Это можно проследить, обратившись к «Симфонии по творениям святителя Тихона Задонского» схиархимандрита Иоанна (Маслова). «Симфония» является приложением к его магистерской диссертации «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении» (146, 198). Она содержит более четырехсот важнейших категорий и понятий, охватывая все обширное и многогранное богословское наследие святителя Тихона, и изъясняет основные положения святоотеческого учения о спасении: понимание человека в трех его состояниях, спасение души как цель жизни человека, процесс спасения как духовно-жизненный процесс, его объективная и субъективная стороны и т.д.

Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И.Даля, слово «симфония» означает «свод, указание мест, где поминается одно и то же слово». Симфония – справочная книга энциклопедического типа, в которой изложены в алфавитном порядке все слова какого-либо сочинения или всех сочинений одного автора, объединенные одной темой. Такие полные и подробные указатели прилагаются преимущественно к большим произведениям, в них точно указываются страница, том (или книга) и дается контекст, в который данное слово помещено. Такое расположение позволяет истолковывать не только ключевой смысл данного понятия, но и оттенки смысла, показывая слово во всей палитре его значений, связей, ассоциаций.

«Симфония», составленная отцом Иоанном (Масловым), представив все многообразие содержащихся в трудах святителя Тихона Задонского понятий, касающихся процесса спасения, стала, по своей сути, крупнейшей педагогической энциклопедией, содержащей основные категории и понятия православной педагогики.

Можно выделить три основополагающих значения «Симфонии» в формировании, сохранении и укреплении словаря православной педагогики.

1. «Симфония» дает возможность рассматривать все категории и понятия, относящиеся к воспитанию, обучению и образованию, в свете основных положений учения о спасении, придав им, тем самым, глубокое методологическое основание.

2. «Симфония» значительно расширяет и углубляет понятийный аппарат педагогики, обогащает ее профессиональный лексикон за счет слов, которые ею не использовались, были забыты или утрачены, значение которых полностью или частично искажено.

3. «Симфония» позволяет вернуть «чистый смысл» каждому гогическому термину, глубоко, всесторонне и объективно раскрыть его содержание благодаря строгой иерархиеризации понятий (одно понятие связано с другим иерархически и как бы «вытекает» из него), своему широкому и, вместе с тем, богословски выверенному контексту.

Обратимся к каждому их этих аспектов.

1.3.1. Словарный состав учения о спасении, представленный в «Симфонии», как методологическая основа категорий и понятий православной педагогики

Учение о спасении направляет педагога к его главной цели - способствовать возвращению человека (ребенка) из состояния неестественного в состояние естественное, обновленное. В соответствии с этой целью (о чем подробно пойдет речь в главе 3) определяются все позиции православного воспитания, ее понятийный аппарат: он «задан», сформулирован, определен основными положениями учения о спасении. Каким образом это происходит?

Прежде всего, учение о спасении позволяет иерархизировать все понятия, выделить лавные и второстепенные из них, понять, что от чего зависит, что чем определяется. Кроме того, положения учения о спасении дают возможность упорядочить все явления и факты православной педагогики и представить их в виде системы. Наконец, учение о спасении задает направленность содержанию понятий, служит онтологическим фундаментом в раскрытии как их внешнего, «назывного», так и внутреннего, духовного смысла, дает возможность глубоко проникнуть в их суть.

В связи со сказанным необходимо рассмотреть структуру «Симфонии» в целом с выделением ее основных разделов, проанализировать их соподчиненность, дать краткую характеристику статей (понятийного ряда) каждого раздела.

Слова в «Симфонии» расположены по алфавиту, но все содержание «Симфонии условно можно разделить на несколько больших понятийных блоков (разделов). Обратимся к некоторым из них.

О Боге

В этом понятийном блоке раскрываются свойства Бога, а также Его дейст-

вия по отношению к человеку и миру. Этот раздел принципиально важен для православной педагогики. Святитель Тихон Задонский так пишет о необходимости знания о свойствах Божьих: «Когда услышите о Боге, познаете и себя, кто вы есть» (121, 64). Таким образом, **познание Божиих свойства – это просвещение человека**. Оно ведет к его исправлению (121, 98).

В этот раздел «Симфонии» входят десять соответствующих подразделов:

I. О СВОЙСТВАХ БОЖИИХ

II. БОГ – ТВОРЕЦ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

III. БЛАГОСТЬ БОЖИЯ

IV. БЛАГОСТЬ БОЖИЯ ВЫРАЖАЕТСЯ В БЛАГОДЕЯНИЯХ

V. ДОЛГОТЕРПЕНИЕ БОЖИЕ

VI. РАДИ СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА БОГ САМ ПРИШЕЛ В МИР

VII. ВСЕВЕДЕНИЕ БОЖИЕ

VIII. ВЕЗДЕСУЩИЕ БОЖИЕ

IX. МИЛОСЕРДИЕ БОЖИЕ

X. ПРАВДА БОЖИЯ

Перечислим наиболее важные статьи, содержащиеся внутри этих тем:

«Бог», «Бог есть Вседержитель», «Бог есть Свет», «Бог всесовершен и бесконечен в Своих свойствах», «Бог вечен и присносущен», «Бог вечен и бессмертен», «Бог – источник добра», «Бог есть всемогущая сила, творящая все, что хочет», «Бог всемогущий управляет миром», «Бог – Творец человека», «Премудрость и благость Божия в судьбах народов», «Благость Божия», «Благодеяния Божия миру и человеку», «Долготерпение Божие», «Всеведение Божие», «Вездесущие Божие», «Гнев Божий», «Имя Божие», «Любовь Божия к человеку», «Милосердие Божие», «Милость Божия», «Образ Божий», «Правда Божия», «Промысел Божий», «Слово Божие», «Сын Божий» и другие.

Очевидно, что даже это, далеко не полное, перечисление статей первого раздела свидетельствует о том, как много нового может педагог из него почерпнуть.

О человеке

Второй круг понятий, также необходимый для современной педагогики, содержит сведения о человеке во всей многозначности этого определения. В этот раздел входят статьи, раскрывающие основные аспекты науки о человеке –

человековедения. Условно их можно распределить по следующим темам:

1. цель жизни человека, его назначение («Цель жизни», «Человек рождается для жизни вечной и все земное должен употребить ради нужды, а не похоти» и др.);

2. происхождение человека («Человек сотворен Богом», «Человек сотворен по образу и подобию Божию» и др.);

3. внутреннее устроение («Так как в христианине два рождения, то и человек двоякий по внутреннему устроению: ветхий и новый», «Человек бывает зол или добр не от людей, но от внутреннего устроения» и др.);

4. свойства человека в трех его состояниях: естественном (богоданном), нижеестественном (греховно-падшем) и вышеестественном (искупительно-благодатном) («Свойства и нрав ветхого человека», «Человек плотской и духовный» и др.);

5. внешние и внутренние характеристики человека – в их сочетании и раздельно («Человек внешне может быть благороден, но внутри гнилой», «Душа», «Одежда», «Пища» и др.);

6. отношения человека с Богом («Человек есть вечный должник пред Богом» и др.);

7. отношения человека с другими людьми («Люди равны между собой» и др.);

8. сферы деятельности человека, его бытие («Семья», «Труд») и т.д.

Приведем для примера названия нескольких статей, раскрывающих внутреннее состояние человека:

«Блаженство», «Гнев», «Одиночество», «Покой», «Радость», «Стыд», «Счастье» и др.

Его внешнее состояние:

«Благополучие», «Болезнь», «Брак», «Брань, борьба духовная», «Здоровье», «Объядение», «Праздность», «Уединение», «Христианин» и др.

Положительные черты его натуры (добродетели), психологические характеристики, качества, свойства:

«Верность», «Внимание», «Воля», «Достоинство», «Желание», «Кротость», «Мудрость», «Самоотверженность», «Совесть», «Стыд», «Терпение», «Целомудрие», «Честь» и др.

Отрицательные (грехи и страсти): «Беспечность», «Блуд», «Грех, грешник», «Гордость», «Коварство», «Леность», «Ненависть», ние», «Ожесточение», «Осуждение», «Отчаяние», «Превозношение», во», «Рассеянность», «Ревность», «Ропот», «Самонадеянность», «Славолюбие», «Сребролюбие», «Тщеславие», «Уныние».

Нельзя переоценить значение для педагога понятийного ряда, представленного в «Симфонии», куда вошли слова и словосочетания, касающиеся тончайших проявлений человеческой души в трех ее состояниях – от духовных вершин:

«Благоговение», «Богомыслие», «Богообщение», «Богоуподобление», «Вера», «»Верность», «Дела добрые», «Добродетель», «Достоинство», «Красота», «Кротость», «Любовь», «Любочестие», «Милосердие», «Мудрость», «Мужество», «Надежда», «Подвиг», «Покаяние», «Постоянство», «Простота», «Радость», «Разум», «Рассуждение», «Самоотречение», «Самопознание», «Свобода», «Святость», «Смирение», «Совершенствование», «Стыд», «Счастье», «Терпение», «Труд», «Усердие», «Целомудрие», «Честь», «Чистота» и др.,

до глубочайших падений: «Ад» и «Геена», «Муки вечные», «Беззаконие», «Блуд», «Божба», «Вор, воровство», «Вражда», «Гнев», «Гордость», «Жестокость», «Заблуждение», «Зависть», «Злоба», «Злонравие», «Злоречие», «Клевета», «Коварство», «Кощунство», «Леность», «Лесть», «Лихоимство», «Лицемерие», «Ложь», «Лукавство», «Любодеяние», «Месть», «Неблагодарность», «Неверие», «Немилосердие», «Немощь», «Ненависть», «Непослушание», «Нерадение», «Нечестие», «Обида», «Обман», «Объядение», «Ожесточение», «Оскорбление», «Осуждение», «Отмщение», «Отчаяние», «Памятозлобие», «Порок», «Праздность», «Превозношение», «Пьянство», «Рассеянность», «Расслабление», «Ропот», «Самоволие», «Самолюбие», «Самомнение», «Самонадеянность», «Сребролюбие», «Страсти», «Суеверие», «Суета», «Уныние», «Ярость» и др.

Таким образом, «Симфония» дает представление о высоком достоинстве человека, предоставляет материал о нем как о «дивном, высоком создании», говорит о его образе и нраве, его свойствах и его противоречивости («ветхости» и «новости» одновременно), свидетельствует о потере им достоинства и чести и восстановлении их как о цели его жизни. Этот материал обладает огромным воспитательным потенциалом и должен стать основой, неисчерпаемым источ-

ником педагогической деятельности.

Божественное промышление о человеке

Статьи этого блока понятий, содержащихся в «Симфонии», можно было бы отнести к первым двум: «О Боге», «О человеке», они как бы объединяют их воедино. Вместе с тем, отношения человека с Богом и Бога с человеком должны быть предметом отдельного педагогического разговора, требующего особого внимания учителя, его особого отношения и соответствующей педагогической интерпретации.

К этому разделу относятся статьи, рассказывающие о Божественном промышлении, Божественной помощи человеку, а также о том, как, каким образом человеку необходимо на нее отзываться, чтобы не оказаться неблагодарным:

«Благодарность», «Богообщение», «Богопознание», «Богопочитание», «Богоуподобление», «Помощь Божия», «Следование за Христом» и др.

В зону этих словарных статей входят такие статьи, как «С Богом везде хорошо, без Него всюду плохо», «Знание Бога – свет, а незнание – тьма для ДУШИ», «Познание свойств Божиих ведет к исправлению», «Богопознание без Богопочитания не бывает», «Богопознание исправляет жизнь», «Бог познается из видимого мира», «Для Богопознания необходимо познание Его божественных свойств», «Без Бога почитать Его невозможно», «Господь всегда помогает…», «Если Господь помогает, то никто ничего не сделает христианину», «В чем выражается помощь Божия», «Победить самого себя без помощи свыше невозможно», «Бог всегда рядом, только надо просить», «Что значит следовать за Христом», «Следование за Христом приводит к блаженству», «Благодарность есть память благодеяний», «За что должно благодарить Бога?», «В чем выражается благодарность Богу?», «Благодарности научает БЛАГОДАТЬ», «Вера и почитание Бога требуют, чтобы за все Его благодарили», «Благодарность привлекает новые благодеяния» и др.

Мир как Вселенная

В третий большой блок «Симфонии» – «Мир как Вселенная» – входит меньшее количество статей, чем в два предыдущие. Между тем, его значение трудно переоценить. Статьи этого раздела дают представление о видимом мире как созданном Богом для человека и требующем соответствующего к себе от-

ношения.

Вот эти статьи: «Вселенная» («Мир-Вселенная», «Мир создан ради человека», «Чему научает человека мир»), «Вечность» («Что такое вечность»), «Солнце», «Творение» («Премудрость Божия в творении мира») и др.

Этот раздел имеет особое значение для педагогов естественно-математического цикла, поскольку он обладает большой воспитательной направленностью. Использовать предоставившиеся возможности можно на уроках физики, математики, географии и других. Обратившись к материалам третьего раздела, педагог сможет повести на уроке разговор и о том, Кем и для кого создан видимый мир, чему он учит человека, как он устроен, как необходимо его беречь и т.д.

Кроме перечисленных четырех больших разделов, отдельно можно выделить разделы, касающиеся следующих тем.

– *Священной истории и евангельских событий*:

«Адам», «Ангелы», «Моисей», «Патриархи», «Потоп», «Пророки»; «Апостолы», «Благовещение», «Богородица», «Вознесение», «Воскресение», «Евангелие», «Заповеди Божии», «Крещение», «Рождество», «Христос» и др.

– *Различных аспектов пастырского служения*:

«Пастырь», «Обязанности пастыря», «Совершение таинств», «Проповедание», «Пасомые» и др., в том числе борьбе с ересями – «Ересь», «Раскол» и др.

– *Церкви и таинств*:

«Крест», «Монастырь», «Монах», «Трапеза», «Храм» «Церковь»; «Брак», «Евхаристия», «Елеопомазание», «Епитимия», «Жертва», «Литургия», «Миропомазание», «Святые тайны», «Священнодействия», «Таинства» и др.

– *Государства и общества*: «Власть», «Начальство», «Общество», «Отечество» и др.

– *Русских обычаев и традиций*:

«Масленица», «Народ» и др.

Таким образом, тезаурус православного учения о спасении, представленный в «Симфонии» отца Иоанна (Маслова), давая полное и целостное представление о всеобщих основах и принципах жизни человека и человечества, ее законах и порядках, формирует понятийный ряд православной педагогики и является методологической основой ее категорий и понятий.

1.3.2. Учение о спасении – источник обновления и наполнения истинным смыслом понятийного аппарата современной педагогики

«Симфония по творениям святителя Тихона Задонского» схиархимандрита Иоанна (Маслова), в которой в систематизированном виде (в виде словарных статей, раскрывающих основные понятия «науки о спасении» и расположенных по алфавиту) представлено православное учение о спасении, значительно расширяет и углубляет категориальный аппарат педагогики как науки, обогащает ее профессиональный лексикон за счет слов, которые ею не использовались, были забыты или утрачены, значение которых полностью или частично искажено. Вместе с тем, эти понятия активно использовались и используются православной педагогикой (часть их будет представлена ниже). Таким образом происходит обогащение понятийного аппарата современной педагогики, идет пополнение ее словарного запаса – особенно в области духовно-нравственного воспитания.

Условно можно выделить три группы понятий, за счет которых изменяется современная педагогическая лексика: *полностью утраченные, неизвестные или малоизвестные* современным педагогам и учащимся понятия; *искаженные* понятия; *дополненные* (*расширенные*, *углубленные)* понятия. Обратимся к примерам.

Полностью утраченные, неизвестные или малоизвестные понятия

К этой группе можно отнести значительное количество слов духовно-нравственной сферы, вошедших в «Симфонию» и, за небольшим исключением, неизвестных или мало известных современному школьнику, а зачастую и педагогу. Сюда относятся такие слова, как *благоговение, благодать, благословение, благочестие, борьба духовная, воздержание, грех, добродетель, жертва, заповедь, снисхождение, соблазн, спасение, честь*. И даже такие как *совесть, стыд, усердие, утешение.* Без знания этих слов, без понимания их значения нельзя представить педагогическую деятельность! Может ли быть служение своему делу без жертвы? Каким образом оценивается и оценивается ли вообще усердие учителя и ученика? Стыд и совесть – можно ли жить и работать без них? Что является утешением для педагога? Честь – это понятие, относящееся лишь к военному поприщу или к педагогическому тоже?

Эти или примерно эти вопросы задает себя каждый педагог, познакомив-

шийся с «Симфонией».

Слова *благодать, спасение, покаяние, душа, грех, праведность* и др. – это понятия христианского лексикона, в которых одновременно переплетаются простота и глубина содержания. Они не вошли ни в один современный учебник педагогики. Вместе с тем, все они восходят к неисчерпаемому источнику любой деятельности – тексту Священного Писания. Они не знакомы современному школьнику, мало известны педагогу. Между тем, именно эти понятия являются ключевыми для понимания сущности человека и выбора направленности всех педагогических усилий.

Остановимся лишь на некоторых из них.

Грех.

В статью ГРЕХ, ГРЕХОВНОСТЬ, ГРЕХОПАДЕНИЕ, ГРЕШНИК (с. 227 – 292) входит более 230 статей, что свидетельствует о месте и значении этого понятия для человека. Сюда помещены статьи, всесторонне раскрывающие это явление, его причины и следствия, его генезис (развитие) и способы противодействия ему (в учении о спасении они названы духовной бранью). Подробнее остановимся на некоторых значениях этого слова, отталкиваясь от названий статей:

Грех первородный глубоко исказил человека. Грех лишил человека всякого БЛАЖЕНСТВА. Грех есть великое зло и источник всякого зла. Грех есть первый плод САМОЛЮБИЯ. Дело доброе в грех превращается, когда намерение нечистое. Грех обнажает душу. Грех помрачает РАЗУМ и совесть. **Грех без казни не бывает.**

Из приведенных примеров с очевидностью следует, что педагогика не может обойтись без этого понятия, без понимания того, что такое грех, каковы его причины, как он развивается и каким образом его развитие может быть остановлено и прекращено, в чем заключаются последствия греха для человека. Это понятие, как становится очевидно после знакомства с «Симфонией», непосредственно связано с пониманием человека, знанием его природы, его внутренним и внешним состоянием, а также с «искажением» его природы. Наказание человека за грех является следствием того зла, которое «разлито во всех его душевных и телесных силах».

Введение этого понятия в педагогический обиход позволит учителю не только увидеть недостатки в собственной деятельности, в себе и в учащихся, но

и познакомиться с путями и средствами выхода из этой ситуации.

Для понимания педагогом причин слабой успеваемости и плохого поведения учащихся ему особо необходимо знать, к примеру, что «грех помрачает разум», что «порочная жизнь отнимает способность учить и учиться» (147, 255).

Спасение.

В статью СПАСЕНИЕ, входящую в «Симфонию» (с. 967 – 983), помещено более 50 статей.

Это слово, означающее «целожизненный подвиг», представлено в «Симфонии» как самый значительный процесс, определяющий все остальные стороны жизни человека. Он охарактеризован с различных точек зрения. Для педагога особенно важны следующие положения, касающиеся смысла этого понятия:

«**начало спасения – познать себя**, бедность, окаянство свое»;

«**чтобы получить спасение, необходимо нести подвиг**».

Процитируем наиболее существенны названия статей «Симфонии», входящие в зону этой словарной статьи.

Спасение души состоит в вечном животе [жизни] и познании Бога. Спасение дороже всего на свете. Спасение нужнее всего для человека. Спасение только в Спасителе. Для спасения Господь все сделал и ждет нашего желания. Во всех своих делах христианин должен более всего заботиться о спасении души. Спасение возможно только через ПОДВИГ. Препятствия на пути ко спасению. Начало спасения – увидеть свое бедственное состояние.

Из сказанного становится еще более очевидным, что **воспитывать – это значит научить растущего человека, как спастись**. Это положение является ядром, формирующим всю систему православного воспитания и определяющим ее задачи, принципы, методы и средства. Во всех своих делах человек, а тем более педагог, который несет профессиональную, гражданскую ответственность за детей, должен более всего заботиться об этом.

Искаженные понятия.

К группе понятий, смысл которых был в той или иной мере искажен, можно отнести следующие слова: *добро, зло, блаженство, власть, истина, красота, кротость, любовь, милостыня, правда, простота, свобода, смирение, счастье, терпение, целомудрие, цель, человек, чистота* и др. Со всеми этими понятиями в определенной мере современные школьники знакомы. Вместе с тем,

их смысл в контексте учения о спасения гораздо глубже, точнее, правдивее, он соответствует истине.

Для более детального анализа слов этой группы мы выбрали три: смирение, терпение, целомудрие. Этот выбор не случаен, он нагляден, так как привязан к школьной практике и обусловлен тем, что в программу по литературе входит стихотворение А.С.Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...». Оно заканчивается словами, в которых заключен весь смысл этого произведения.

И дух смирения, терпения, любви

И целомудрия мне в сердце оживи.

Как обычно трактуются учителем, пользующимся распространенными словарями, слова «смирение», «терпение», «целомудрие»?

Смирение.

В «Педагогическом энциклопедическом словаре» под ред. Б.М. Бим-Бада находим:

СМИРЕНИЕ, нравственное качество, противоположное гордости и самомнению; одна из христианских добродетелей, характеризующих такое внутреннее состояние человека, **при котором он не считает себя способным к самостоятельным добрым поступкам** [выделено нами – Н.М.], а во всём уповает на Бога.

В словаре Д.Н.Ушакова читаем:

СМИРЕНИЕ, смирения, *мн*. нет, *ср*. (книжн.).

1. Действие по глаг. смирить – смирять. Смирение гордости.

2. Сознание своих недостатков, слабостей, сочетающееся с отсутствием гордости, высокомерия. *Гордости лукавой в слова смиренья не рядил*. Хомяков. || Кротость, **покорность** [выделено нами – Н.М.].

Примерно такие же трактовки можно встретить и в других словарях. В них это слово связывается с несамостоятельностью, зависимостью, даже ущербностью человека, в лучшем случае, с сознанием им своих недостатков. Из данных трактовок непонятно, почему смирение является добродетелью и почему поэт просит Бога дать ему «дух смирения». Чтобы разобраться в этом, обратимся к «Симфонии по творениям святителя Тихона Задонского» схиархимандрита Иоанна (Маслова).

В зону словарной статьи СМИРЕНИЕ (с. 941 – 951) входит более 40 ста-

тей. Перечислим некоторые из них.

Смирение – великая добродетель… Признаки истинного смирения. Смирение рождается от сознания своего недостоинства. Смирение истинное – осознать свою немощь. Признак смирения – все ТЕРПЕТЬ без ропота. Смирение есть плод действия БЛАГОДАТИ. Средства к достижению смирения. Смирение приходит от САМОПОЗНАНИЯ.

Выберем из статей ряд конкретных значений данного слова.

«Смирение присуще духовной мудрости».

«Смирение есть свет душевный».

Человек «чем больше добрых дел творит, тем более смиряется».

Признаки истинного смирения:

1-й. – Кто худшим себя почитает более других.

2-й. – Кто никого не презирает, не осуждает, но самому себе всегда внимает.

3-й. – Кто славы и чести убегает, а если убежать невозможно, скорбит об этом.

4-й. – Кто мужественно терпит презрение.

5-й. – Кто «с подлыми людьми обходится доброхотно».

6-й. – Кто «доброхотно» послушливым бывает не только с «высоким, но и низшим».

7-й. – Кто все свои дела «за непотребны вменяет».

8-й. – Кто похвалу презирает.

9-й. – Кто без нужды не говорит, а если говорит, то «умирительно и кротко».

Как видим, основной смысл этого слова связан с овладением человеком самим собой, «укрощением», обузданием всего худшего и злого в себе, с примирением, согласием, окончанием вражды, с тем состоянием, которое называется «подняться над суетой».

После сказанного становится понятным, почему А.С.Пушкин в стихотворении «отцы пустынники и жены непорочны…» простит у Бога «духа смирения».

Для педагога особенно важно выделить еще одно значение слова «**смирение**», данное отцом Иоанном, – «**способность видеть истину**» (143, 289). Отсутствие у педагогов и детей этого качества – еще одна причина часто неудов-

летворительных результатов обучения и воспитания.

Терпение.

Это слово более употребительно и потому более понятно современному школьнику, чем слово «смирение». Оно встречается, кроме бытовой речи, во многих произведениях, изучаемых на уроках литературы: пословицах, поговорках, монологах героев (например, у А.С.Грибоедова, в баснях И.А.Крылова и в других произведениях). Вместе с тем, его понимание в современном значении значительно обеднено.

Обратимся к словарям.

В словаре Д.Н.Ушакова находим:

ТЕРПЕНИЕ, терпения, *мн*. нет, *ср*.

1. Действие и состояние по глаг. терпеть в 1 знач.; **способность терпеть, сила, напряжение**, с которыми кто-н. терпит что-н. *У него хватило терпенья пролежать не шевелясь целый час на операционном столе, несмотря на страшную боль. Всякое терпение потерять можно. Мое терпение лопнуло. Враг испытывает наше терпение. Мера терпения переполнена. На всякое хотенье есть терпенье.* Пословица.

2. *Состояние по глаг.* терпеть во 2 знач., **настойчивость, упорство в каком-н. деле в ожидании результатов, перемены** [подчеркнуто нами – Н.М.]. *Терпение и труд всё перетрут*. Пословица. *Дуги гнут с терпеньем и не вдруг.* Крылов. *Чего не сделаешь терпеньем и трудом?* Крылов. *Запастись терпением.*

В словаре С.И.Ожегова находим сходные с вышеприведенными значения слова «терпение»: «настойчивость, упорство и выдержка в каком-либо деле, работе».

К сожалению, это слово отсутствует в педагогических словарях, хотя оно во многом характеризует деятельность учителя.

Как видим, основной смысл этого слова, в лучшем случае, связывается с выдержкой, настойчивостью, упорством, ожиданием.

Обратимся теперь к «Симфонии по творениям святителя Тихона Задонского» схиархимандрита Иоанна (Маслова).

В зону этой словарной статьи (с. 1035 – 1049) входит около 50 статей. Перечислим наиболее существенные из них.

Что есть терпение. Терпение неразлучно с чистой совестью. Терпение де-

лает человека мужественным и непобедимым. Терпение побеждает все беды и искушения. Душа терпеливая всегда в покое. Терпение приносит великую пользу обществу. Терпение сохраняет общество более, чем оружие и стены. Терпение проверяется во время бедствий и скорбей. Совершенное терпение – не чувствовать обиды в сердце. Терпение – неизменный спутник веры и надежды. Терпение есть плод ЛЮБВИ. Скорби неизбежны, надо приготовиться к терпению. Терпение исходит от смирения и сознания собственного недостоинства. Побеждать злых кротостью. Чем укреплять терпение?

Как видим, в «Симфонии» значение этого слова гораздо более многозначно и точно. Оно характеризуется всесторонне, рассматривается как добродетель.

Ассоциативно слово «терпение» связано с такими понятиями, как «вера», «надежда», «любовь», «душа», «совесть», «мужество», «смирение», «кротость» и др.

Кроме того, в «Симфонии» говорится о необходимости формирования этой добродетели, ее развития для каждого человека. Вот несколько примеров. Терпением нужно «украшать душу», оно является «признаком и плодом духовной мудрости», оно делает человека «мужественным и непобедимым» и др.

«Может терпеливый лишен быть всего, может изгнан быть, может биен быть, может в темницу заключен быть, может убиен быть, – пишет святитель Тихон Задонский, – но победим быть не может». Какие духоподъемные слова, необходимые для педагогической деятельности!

«ДУША терпеливая всегда в покое и тишине… чем более терпит, тем больший покой и тишину внутри себя чувствует». Как здесь не вспомнить, что терпение всегда считалось одним из лучших качеств русского человека, русской женщины!

«Терпением сохраняется любовь и согласие между властями и подвластными, между родителями и детьми, …между братьями, между другами, между соседями, между покупающими и продающими, так что без терпения никакого добра быть не может. Терпение все зло отвращает. Ибо где терпение, там нет ссоры и брани». Очевидно, насколько велика роль терпения не только для отдельного человека и его семьи, а также для государства и общества!

В «Симфонии» даются конкретные советы, как обрести эту великую добродетель - терпение. «Терпение не в том состоит, чтобы много узнавать и тер-

петь бед; но в том, чтобы их великодушно встречать и не ропотно, но терпеливо сносить, и гнев восставший укрощать, усмирять и побеждать, от роптания, негодования и гнева сердце свое удерживать». «Учимся терпеть обидящих нас, не противиться им, но уступать и не давать места гневу». «Образом терпения своего начальствующий должен подкреплять малодушных».

Целомудрие.

Слово «целомудрие» трактуется у святых отцов как «целостность ума, не поврежденного страстями» (143, 162). «Целомудрием нужно украшать душу», – говорится в «Симфонии» (121, 1152).

Таким образом, становится очевидной необходимость обращения к «Симфонии» для уточнения значения того или иного слова. После внимательного чтения и анализа того или иного понятия можно удостовериться, что в «Симфонии по творениям святителя Тихона Задонского» схиархимандрита Иоанна (Маслова) слово получает зачастую совсем иной смысл - истинный, глубокий, духовный.

Дополненные (расширенные, углубленные) понятия.

Выше говорилось о том, что учение о спасении, будучи методологической основой православной педагогики, позволяет углубить значение многих общеупотребительных слов, рассмотреть их внутреннюю, духовную сторону. Для примера можно взять такие понятия, как *болезнь, верность, вечность, внимание, время, враг, друзья-дружба, идеал, мир, мудрость, народ, отечество, подвиг, прощение, работа, радость, сердце, слово, смерть, суеверие, супруги, труд, человек, язык* и др.

Рассмотри одно из таких понятий – слово «подвиг».

Подвиг.

Слово «подвиг» в «Словаре по этике» трактуется как «акт героизма, поступок, требующий от человека предельного напряжения воли и сил, связанных с преодолением необычайных трудностей, общественно полезный результат которого превосходит по своим масштабам результаты обычных действий».

В словаре С.И. Ожегова находим «Подвиг – героический, самоотверженный поступок».

Вот какие значения слова «подвиг» находим в «Симфонии» (121, 682-690):

Духовный подвиг приятен Богу. Чтобы стать угодным Богу, необходимо

очень много усилий. Желающим спастись необходим подвиг. димо трудиться ради будущего БЛАЖЕНСТВА. Для перемены внутреннего состояния необходим подвиг. Подвиг в том, чтобы очищать совесть, так как христианин без доброй совести не бывает. Подвиг необходим, чтобы принуждать себя ко всякому доброму делу. Подвиг в том состоит, чтобы победить себя. Подвиг состоит в постоянной борьбе плоти и духа. Обуздание членов плоти и покорение их духу есть благоприятная ЖЕРТВА Богу. Всячески сопротивляться греху, так как Богу и греху работать невозможно. Подвиг состоит в том, чтобы пресекать ПОМЫСЛЫ. Смысл христианского подвига – постоянное терпение искушений и скорбей. Чем больше усердие, тем больше искушений. Подвиг без брани, без врагов не бывает. Христианину следует всю жизнь бороться с врагом. От подвига зависит, в каком состоянии будет находиться человек в жизни вечной. Подвиг без ПОМОЩИ БОЖИЕЙ невозможен. Ревностно идти вперед, не оглядываясь. Не начало, но конец венчает подвиг. Подвиг венчается от усердия в конце. Не ослабевать, но ревностно трудиться до конца.

Очевидно, что значение слова «подвиг» в зоне приведенной словарной статьи не только значительно шире (сравним: подвиг как единовременный акт, как поступок – у С.И.Ожегова и других авторов и подвиг **как постоянное состояние человека** в «Симфонии» схиархимандрита Иоанна, выражающееся в терпеливом перенесении жизненных испытаний: «Смысл христианского подвига – постоянное терпение искушений и скорбей», «Христианину следует всю жизнь бороться с врагом», **«Не ослабевать, но ревностно трудиться до конца»** [подчеркнуто нами – Н.М.]), но и многообразнее, глубже.

Одно из приведенных в «Симфонии» значений слова «подвиг» связано с победой человека над самим собой, собственными несовершенствами, слабостями, дурными сторонами характера: «Подвиг в том состоит, что победить себя», «Для перемены внутреннего состояния необходим подвиг».

Следуя святоотеческой традиции, отец Иоанн вводит понятие «духовный подвиг».

Таким образом, выявляется общая особенность составленного отцом Иоанном (Масловым) энциклопедического словаря. В словарных статьях, посвященных характеристике внутреннего устроения, нравственного состояния человека, он не только дает точное толкование того или иного понятия, но и – что особенно значимо для образовательной практики – показывает, как можно дос-

тичь этого состояния.

Еще раз продемонстрируем это на примере слова «подвиг»: *«принуждать себя ко всякому доброму делу», «постоянно бороться с плотью», «ревностно идти вперед, не оглядываясь», очищать совесть»* и т.д.

При этом – что представляется также весьма значимым для оценки педагогического потенциала «Симфонии» – автор, раскрывая значение того или иного понятия, постоянно, но как бы исподволь напоминает, для чего нужны человеку постоянные нравственные усилия, какова их цель: «Желающим спастись необходим подвиг», «Необходимо трудиться ради будущего блаженства», «От подвига зависит, в каком состоянии будет находиться человек в жизни вечной». То есть любое слово духовно-нравственной сферы, входящее в «Симфонию», незримыми нитями неразрывно связывается с истинным предназначением человека, с целью его земной жизни.

В «Симфонии» указывается также на главное условие и средство совершения подвига: «Подвиг без помощи Божией невозможен». Предупреждается о трудностях на этом пути: «Подвиг без брани, без врагов не бывает».

Таким образом, учение о спасении служит источником расширения, уточнения и обогащения категорий и понятий современной педагогики, способствует формированию и обогащению ее лексикона.

1.3.3.Содержание педагогических понятий в контексте православного учения о спасении.

«Симфония» включает целую группу специальных педагогических терминов, таких, как *внимание, воспитание, дети, знание, познание, родители, семья, самопознание, совершенствование, учение* и др. Если проанализировать их значения, данные отцом Иоанном (Масловым), то можно увидеть, что они значительно углублены по сравнению с их «чисто» педагогическим смыслом. Но важно не только это. «Симфония» позволяет вернуть «чистый смысл» каждому педагогическому понятию, глубоко, полностью и до конца раскрыть его содержание благодаря широкому и, вместе с тем, догматически выверенному контексту, в который они вписаны.

Проследим это на примере слова «воспитание».

Воспитание.

В педагогической литературе значение этого слово не закреплено, оно ме-

няется в зависимости от социального контекста. Как правило, его чение значительно сужено. Это понятие, чаще всего, ассоциируется с понятием «образование» или – в современных словарях – «социализация».

Обратимся к примерам. Так, С.Т.Шацкий понимает под воспитанием, прежде всего, «организацию детской жизни и деятельности» (382, 32). Известный современный педагог и ученый В.А.Караковский считает воспитание управляемой частью процесса социализации (172, 5). Взгляд на воспитание как на приобщение к современной культуре отстаивает Н.Е.Щуркова (591, 38).

Обратимся теперь к «Симфонии» схиархимандрита Иоанна (Маслова) (121, 186 – 193):

Какие будут дети, все зависит от воспитания. Чему в юности научимся, то и останется. Чему научен будет ребенок, таким он и будет до смерти. Чему смолоду научится человек, того в жизни и держится. Детей с младенчества воспитывать в благочестии и вере. Прежде всего в детях необходимо воспитывать БЛАГОЧЕСТИЕ. Первая забота родителей – научить жить по-христиански. Внушать детям об обетах крещения. Воспитание ДЕТЕЙ необходимо, чтобы не уклонились от обетов крещения. Каким истинам необходимо прежде всего научить детей. Учить ДЕТЕЙ закону Божию. ДЕТЯМ раскрывать основные понятия о Боге. Прежде всего научить вере, потом другим наукам. Неразумно поступают родители, научая детей различным наукам и языкам, забывая о внутреннем воспитании. Напоминать часто ДЕТЯМ о СМЫСЛЕ христианской жизни. Прежде всякого научения всаждать в юные сердца страх Божий. Укоренять в детях страх Божий и отсекать страсти. Доброе и благочестивое воспитание есть путь избавления от ГРЕХА. Молить Бога, чтобы Он Сам умудрил. Воспитание недоброе бывает причиной ГРЕХА. Плохое воспитание есть начало злу, которое из поколения в поколение возрастает. Родители за плохое воспитание будут наказаны неблагодарностью и дадут ответ пред Богом. За небрежение в воспитании детей Бог наказывает. Родителям быть образцом в поведении для детей. Детей неисправных наказывать. Как строгость излишняя, так и милость приносят вред.

Мы видим, как разительно отличаются значения этих слов в современной педагогической науке и в православной традиции! Православная педагогика связывает воспитание с усвоением детьми Божественных истин, с формированием у них «страха Божия» (то есть высокого чувства благоговеинства), избав-

лением от греха, с правильной, христианской жизнью родителей и питателей и необходимостью призывания в этом процессе помощи Божией, тогда как светская трактовка этого слова подразумевает лишь приспособление ребенка к среде.

Ту же разницу можно увидеть на примере трактовки других педагогических категорий и понятий.

Важно выделить тот факт, что **учение о спасении направляет педагогический процесс** в такое русло, о котором все другие воспитательные системы даже не упоминают – **на формирование у человека добродетелей и искоренение страстей, на постоянное совершенствование в добре, на Богоуподоблении.**

Главные из добродетелей – вера, надежда, любовь, милосердие. Как они могут быть воспитаны? Опять обратимся к «Симфонии».

Одно из основных нравственных качеств, которые нужно воспитать в ребенке – это **вера**. Этому понятию в «Симфонии» посвящены пять статей: «Вера», «Что есть вера и ее значение», «Признаки живой веры», «Жизнь порочная – отречение от веры», «Средства к сохранению и укреплению веры» (121, 130-163).

Здесь даются конкретные воспитательные советы:

Вера есть дар Божий, который человек должен сохранять и развивать. Начало постоянной веры – Богопознание. Вера есть основание деятельности человека, движущая сила его духовной жизни. Формирование этого качества должно начинаться с рождения ребенка и осуществляться постоянно. Вера укрепляется и растет изучением слова Божия, молитвой, причащением Святых Таин. Веру укрепляют добрые дела. Вера без дел мертва. Признак веры – любовь. Вера показывается в послушании. От веры рождаются надежда, любовь, терпение, молитва, смирение, страх Божий. Вера преобразует жизнь общества.

Самое большое внимание в «Симфонии» уделено воспитанию **любви**, и это закономерно (121, 453-504). Любовь является основой отношений человека со своим Творцом – Богом. Анализ этого качества начинается с характеристики любви Бога к «роду человеческому» (121, 453). Затем говорится о любви человека к Богу и описывается, в чем проявляется эта любовь: она состоит в уподоблении и «подражании Ему». «Любовь -это единственное, что мы можем

воздать Спасителю» (121, 459). Отсюда требования к человеку – избегать греха.

Не меньшее значение придается в «Симфонии» любви к ближнему: «любовь к ближнему есть выражение любви к Богу». «Смысл христианской жизни – любовью работать друг другу».

В «Симфонии» подробно описывается, в чем заключается эта любовь – начиная с того, что любящий «не творит зла», и заканчивая постоянной заботой и помощью ближнему. Здесь же даются конкретные советы, как надо формировать это качество в ребенке.

Важнейшим качеством, которое должно быть сформировано в человеке, является любовь к Отечеству – **патриотизм** (121, 493). Она проистекает из любви к ближнему. Благополучие государства основывается на взаимной любви его граждан, которые носят единое имя своего Отечества и являются единым союзом.

Очень важным нравственным качеством является **милосердие** (121, 506 – 517). Оно состоит в деятельной помощи ближним. Отец Иоанн, описав это качество, характеризует, как оно должно воспитываться в человеке.

Немало места уделяется в «Симфонии» характеристике **совести** (121, 956-963), которая называется «голосом Божиим, отвращающим от зла» (121, 956). Совесть необходимо слушать. Необходимо очищать ее покаянием. Чистая совесть – признак красоты души. Она приносит радость, веру и покой.

Таким образом, педагогические понятия в контексте учения о спасении дают направление всей педагогической деятельности, обращают внимание педагога на ее цель – формирование у воспитанника главных человеческих качеств (добродетелей), которые в своей совокупности и составляют основу его духовности и нравственности. Кроме того, педагогу даются конкретные методические указания по искоренению недостатков (грехов, пороков, страстей). Обратившись к «Симфонии», педагог сможет познакомиться с истинным, духовным значением того или иного слова.

ТАКИМ ОБРАЗОМ:

1. Понятийный ряд учения о спасении полно и целостно представлен в «Симфонии по творениям святителя Тихона Задонского» схиархимандрита Иоанна (Маслова).

2. Словарный состав (тезаурус) учения о спасении является методологиче-

ской основой всех категорий и понятий православной педагогики. Он определяет их иерархию, соподчиненность, связи, структуру, закономерности – формирует всю систему православного воспитания.

3. Учение о спасении, представленное в «Симфонии», служит источником расширения понятийного ряда современной педагогики, оказывает существенное влияние на формирование и обогащение ее лексикона, особенно связанного с духовно-нравственной сферой. Без этого нового лексического ряда не может быть эффективно построена современная воспитательная система.

4. Всем педагогическим категориям и понятиям, рассмотренным в свете православного учения о спасении, возвращается «чистый смысл» – их первоначальное точное, адекватное их внутреннему, духовному содержанию, значение, без которого невозможно формирование правильного мировоззрения человека.

2. РУССКИЙ АСКЕТИЗМ – ПРАКТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ.

2.1. ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ НА РУСИ.

Учение о спасении является теоретической основой православной педагогики. Ее практическим основанием в условиях России является русский аскетизм - практический метод нравственного самосовершенствования (от греч. asketies - упражняющийся в чем-либо), опирающийся на древнехристианские традиции.

2.1.1. Опора на аскетические традиции древнехристианских школ – особенность русской педагогики.

Педагогические воззрения отцов Церкви нашли воплощение в деятельности христианских школ. Первые христианские школы возникли в 1 веке н.э. Впоследствии выделились следующие школы: Александрийская, Антиохийская и Карфагенская.

Александрийская школа

Основателем этой школы, по преданию, был евангелист Марк. Школа находилась в Александрии, бывшей в то время центром всемирной образованности. Все, что было выдающегося в области литературы, науки, философии, религии, соединилось в этом городе. Ее знаменитый музей и библиотека привлекали ученых со всего света.

Св. Климент Александрийский (? – до 217). Знаменитый церковный писатель конца 2 – начала 3 вв., сделал первую попытку систематического изложения основных начал христианской педагогики.

Св. Климент родился в богатой и знатной семье, благодаря чему он с ранних лет обладал обширными познаниями в греческой литературе и философии. Но ни язычество, ни философские системы не давали ему удовлетворения, он нашел его лишь в христианстве. В Александрии Климент был пресвитером, затем он возглавил александрийскую школу. Литературная деятельность св. Климента Александрийского отличалась разнообразием и многосторонностью. Труды его по своему содержанию и характеру изложения отличаются глубиной

и систематичностью. Из дошедших до нашего времени сочинений мое крупное значение для педагогики имеет его так называемая «Великая трилогия»: «Протрептик» («Увещательное слово к эллинам»), «Педагог» («Воспитатель») и «Строматы» («Узорчатые ковры»). Этот труд – своеобразная систематизация христианского веро– и нравоучения и результат определения отношения христианства к культуре того времени.

В своем сочинение «Педагог» **св. Климент Александрийский изображает Иисуса Христа как величайшего педагога и идеал воспитателя.** Представляя Его общечеловеческим Педагогом, св. Климент разумеет под воспитываемыми, всех людей. «Дети – это мы, и притом без различия пола, возраста и состояния. Называемся же мы детьми потому, что детское состояние, изображаемое Писанием за его невинность и нравственную чистоту идеальным состоянием, должно служить предметом наших стремлений. У всех у нас один Учитель – Христос» (235, 32).

Педагогика Христа, по мнению св. Климента, состоит в Божественной религии, в наставлении, как служить Богу, в обучении, приводящем к познанию истины. Воспитывает Иисус Христос следующим образом: «Как полководец потому держит всех в порядке, что заботится о здоровье солдат, и как кормчий правит кораблем, имея в виду сохранить жизнь путешествующих, так и Педагог наш, в любвеобильной заботливости о нас, своих детях, учит нас такому образу жизни, который ведет нас ко спасению» (235, 32).

Но этот путь не всегда бывает легким. «Подобно тому, как кормчий не всегда следует за ветром, но направляет нос корабля также и против ветра и противоборствует всяким бурям, подобным образом и наш Педагог не соображается с нравами и обычаями, господствующими в этом мире, и не представляет им своего питомца на произвол, как какую-нибудь ладью. Педагог внушает питомцу, чтобы он держался твердо единственного ветра – истины, пока не войдет он в гавань небесную» (235, 32).

Главная цель воспитания, указанная Педагогом-Христом, по мнению св. Климента Александрийского, – это нравственное усовершенствование человека и вечное спасение. В зависимости от этой цели находятся и педагогические средства: вера должна лежать в основании всякого знания.

«Нет веры без знания, нет и знания без веры», – говорит св. Климент. Вера есть основание знания; и знание есть здание, которое разум строит на вере. Ве-

ра столь же необходима для знания, как дыхание для жизни.

Св. Климент указывает на действия Христа как на величайший пример для воспитателей. «Христос-Педагог, – рассуждает он, – при воспитании прибегает к увещаниям, порицаниям, благодеяниям. Так должны поступать и воспитатели. Христос-Педагог воспитывает людей не одним учением Своим, но главным образом примером собственной жизни. То же требуется от христианских воспитателей. Педагог побуждает к добродетели примерами других – и это также является важным средством воспитания. В отношении к людям Педагог-Христос руководствуется безграничною любовью. Тем же чувством должны руководствоваться и христианские воспитатели. Он спасает грешников благодатью, и воспитатели должны вести дело воспитания под сенью Церкви и ее благодатных даров. В деле воспитания Христос-Педагог всегда принимает во внимание нужды воспитываемых. Об этом же должны заботиться все воспитатели.

Одним словом, Христос-Учитель есть совершеннейший Педагог, Которому во всем должны подражать христианские воспитатели» (235-34).

Таковы главнейшие педагогические наставления, изложенные св. Климентом Александрийским, наиболее ярким представителем александрийской школы, в его рассуждении «Педагог» (235, 30-34).

Антиохийская школа.

В конце 3 века была основана научно-богословская школа в Антиохии. Антиохийская школа достигла своего расцвета в 4 веке. Из знаменитых представителей этой школы отметим св. Василия Великого и св. Иоанна Златоуста.

Св. Василий Великий (327-379). Получил высшее классическое образование в лучших школах Кесарии, Константинополя и Афин от знаменитейших в то время учителей и философов. Своим блестящим образованием и своими обширными познаниями (особенно в области естественных наук) он надлежащим образом воспользовался для великого служения христианской церкви. Сначала в сане пресвитера, а потом епископа Кесарийского, св. Василий Великий приобрел славу знаменитого проповедника. Толпами стекались к нему простые и знатные люди, а он вдохновенным словом учил их «возвышаться к Богу» чрез созерцание природы, описывая им красоту мироздания и благость Создателя.

Большое внимание св. Василий Великий уделял вопросам христианского

воспитания. К жизни земной, как к великой борьбе, и к жизни вечной человек должен готовиться путем воспитания – умственного, нравственного и телесного (235, 38).

Св. Василий Великий изложил свои педагогические воззрения в двух творениях: «Правилах для монашествующих» и «Речи к христианским юношам».

В «Правилах» св. Василий Великий вменяет монашествующим в особую обязанность заботу о воспитании и при этом предлагает целый ряд конкретных наставлений. Он требует, чтобы при всех мужских монастырях были школы для мальчиков, а при женских – для девочек. Под школы должны быть отведены особые помещения, в которых должен быть установлен особый, соответствующий детскому возрасту, распорядок жизни (235, 48).

Что касается предлагаемых св. Василием Великим воспитательных мер, то все они должны быть направлены к тому, чтобы приучить питомцев к послушанию и самообладанию. Говорит он и о необходимости наказаний, причем, в неожиданном и важном для современной педагогики аспекте. **Каждый проступок ребенка должен быть наказан так, чтобы наказание приводило воспитанника к терпению и душевному спокойствию.** Если воспитанник пустословил или кого-то обругал, если он солгал или сказал что-либо непозволительное, то нужно наказать его молчанием. Озлобление нужно преодолевать примирением и любовью. Чтобы поддерживать внимание детей, необходимо их почаще спрашивать о том, как понимают они преподаваемое и о чем думают. Награды должны служить одним из побуждающих к учению средств.

Обучение не должно ограничиваться теоретическими науками. Мальчики и девочки должны обучаться разного рода ремеслам, как необходимым и полезным для жизни занятиям.

В знаменитой «Речи к христианским юношам» св. Василий Великий изложил свой взгляд на то, как христианам нужно пользоваться светскими науками. Он учит, что цель жизни человека не есть временное пребывание на земле, а подготовка к жизни бесконечной, блаженной жизни на небе. Путь этой жизни определяется Св. Писанием. На Земле человеку предстоит величайшая борьба. Нужно приготовиться к ней не только постижением Божественных истин, но также при изучении и светских наук. Из светских наук следует брать лишь полезные. «Ибо и пчелы не на все цветы садятся, и с тех, на которых располагаются, не все стараются унести, но, взяв, что необходимо для их пользы, прочее

оставляют нетронутым. Точно так же и мы, выбрав из светских произведений, что соответствует нашему высокому духовному предназначению, не будем обращать внимание на остальное. И, подобно тому, как, срывая цветы с розового куста, мы избегаем шипов, так и в этих произведениях, воспользовавшись полезным, будем остерегаться вредного» (235, 33).

Таким образом, св. Василий Великий отмечает важное значение в деле религиозно-нравственного воспитания светских наук (235, 35).

Св. Иоанн Златоуст (347-407). Является другим знаменитым представителем Антиохийской школы. Отец его, занимавший высокий административный пост, скончался, когда Иоанн был еще младенцем, и он остался на попечении своей матери, которой в то время не было еще двадцати лет. Мать его, Анфиса, всю жизнь посвятила воспитанию сына в христианском духе. Образование Иоанн получил в антиохийских и афинских школах. Блистательными способностями и превосходными успехами он удивлял товарищей и преподавателей. По получении образования он становится адвокатом. Но благодаря христианскому воспитанию светская жизнь не затмила для него главного. Он вступил в клир, а вскоре был возведен в сан архиепископа Константинопольского. Умер св. Иоанн Златоуст в изгнании. Его последними словами были: «Слава Богу за все».

Мысли о воспитании св. Иоанн Златоуст изложил в своих многочисленных «Словах» и «Беседах».

Св. Иоанн Златоуст раскрывает значение религиозно-нравственного направления в воспитании и доказывает, что научное образование не будет иметь никакого смысла, если оно не будет проникнуто религиозно-нравственным характером. Высочайший образец педагогической деятельности он видит в примере Иисуса Христа, Который снизошел к человеку именно для того, чтобы возвести его к Себе. По мысли Иоанна Златоуста, родители и по природе своей, и по положению должны быть наилучшими воспитателями своих детей. «**Если бы отцы**, – говорит Иоанн Златоуст, – **тщательно воспитывали своих детей, то не нужно было ни законов, ни судилищ, ни наказаний, ни мучений, ни государственных казней: праведнику закон не лежит**» (235, 37). Важнейшим воспитателем является мать.

Религиозно-нравственное воспитание детей Иоанн Златоуст советует начинать с самого раннего возраста, так как в нежном возрасте легче возделывать почву для сеяния добра. Дитя с первых дней своей жизни склоняется к добру

или злу, замечает он. Поэтому с самого начала надо предохранять детей от дурного и направлять к лучшему. В этом случае стремление к добру сделается потребностью души и второю природою. «**Привычка неодолима, а добродетель трудна**». Детский возраст особенно восприимчив и к усвоению религиозных истин: на юном сердце вера отпечатывается, как на воске печать.

Чему же нужно учить и как воспитывать детей?

«Старайтесь не о том, чтобы образовать из сына искусного оратора, – говорит Иоанн Златоуст, – но воспитать его в духе христианской мудрости. Строгое поведение требуется, а не умение хорошо говорить, нравственность, а не сила речи, дела, а не слова». Только один христианский характер, делает вывод святитель, может обогатить человека истинными благами (235, 55).

Высокие начала учительства и основные положения педагогики, преподанные св. Василием Великим и Иоанном Златоустом, упрочили за ними в христианской церкви имена «светильников мира, вселенских учителей и столпов Церкви» (235, 55).

Северо-Африканская (Карфагенская) школа и ее представители.

Отличительною особенностью Северо-Африканской школы следует признать ее по преимуществу практический характер. Ее представители особенно много потрудились над установлением правил для упорядочения церковной жизни и практического служения пастырей церкви, условий успешного воспитания народа. Главнейшими представителями этой школы были блаженный Иероним, св. Амвросий Медиоланский и блаженный Августин.

Блаженный Иероним (340– 387). Прославился своею аскетической жизнью и борьбою с еретическими учениями, но в особенности – своими творениями, которые составляют драгоценное достояние Церкви. В Риме он был суровым обличителем распущенности нравов, вступив в борьбу с укоренившимися дурными обычаями. Это возбудило против него вражду тех, кого он не щадил в своих беседах и посланиях, так что впоследствии бл. Иероним принужден был оставить Рим. Отправившись в Палестину, он, обойдя все святые места, избрал для себя место пустынножительства близ Вифлеемской пещеры. Там блаженный Иероним и скончался.

В своих педагогических творениях блаженный Иероним ставит и разрешает преимущественно вопросы, связанные с воспитанием женщины-христианки.

В своем эпистолярном наследии он подробно излагает правила христианского воспитания девочек, выстраивая целостную систему. Сущность его педагогических воззрений заключается в следующем.

По учению блаженного Иеронима, **обучение и воспитание должны быть тесно и неразрывно связаны между собою**, причем, их целью должно стать развитие не только ума, но и всех душевных сил и способностей человека. Главнейшее начало, от которого зависит истинное образование ума, лежит в доброй нравственности: «В злохудожную душу не внидет премудрость» (Прем. 1, 4).

Особенно интересна мысль блаженного Иеронима о соотношении направленности воли и способности человека к восприятию истины: **если воля направлена к добру, то рассудок сам собою поймет истину**. Рассудок является своего рода светильником, при котором человек безошибочно может направлять свою деятельность в нужное русло. «Когда голова здорова, – говорит блаженный Иероним, – то и все члены здоровы».

Что касается физической стороны нашей природы, то она должна быть воспитываема в полном подчинении ее духовной стороне: «Тело – дитя, а душа – педагог» (235, 58).

Цель воспитания и обучения, по мнению бл. Иеронима, заключается в том, чтобы образовать истинного христианина и послушного сына святой христианской Церкви. Достижению этой цели служит воспитание страха Божия и любви.

Страх Божий есть главная религиозная сила, которая должна проникать в человека и управлять всеми его чувствами и расположениями. Составляя начало премудрости и добродетели, страх Божий всему воспитанию сообщает возвышенный религиозно-нравственный характер. Но если страх Божий – начало премудрости, то любовь – это мать всех добродетелей. Любящий соблюдает повеленное ему не потому, что его побуждает страх наказания или желание награды, но потому, что повелеваемое Богом само по себе есть для него высочайшее благо.

И, наконец, третье чувство, на котором, по учению блаженного Иеронима, должно утверждаться воспитание, – это глубокая сердечная вера.

Большой интерес представляют рассуждения бл. Иеронима по поводу особенностей воспитания женщин.

По учению блаженного Иеронима, в воспитании женщины различаются

периоды, соответствующие разным возрастам. Мать – ближайшая и заменимая воспитательница своих детей в первый период их жизни. Когда в ребенке обнаружатся первые проблески сознания, когда он начнет понимать улыбку и голос матери и получит способность членораздельной речи, для матери наступает время более серьезных забот. Наилучшим средством воспитания в этот период жизни ребенка служит ее пример и пример других окружающих его лиц. «Ибо как вода на ровной площади следует за пальцем, который впереди ведет ее, так и мягкий нежный возраст удобно склоняется и на ту, и на другую сторону и влечется туда, куда его поведешь» (235, 59).

Придавая великое значение примеру, блаженный Иероним особенно настаивает на том, чтобы не только мать, но и учителя отличались высокой нравственностью и твердостью религиозных убеждений и чтобы в их жизни слово не расходилось с делом.

С семилетнего возраста, по учению блаженного Иеронима, настает пора школьного, систематического обучения и воспитания.

Служа средством религиозно-нравственного воспитания, учение должно быть направлено по преимуществу на усвоение предметов религиозных. Главнейшим предметом изучения с самого раннего детства и во все последующее время должно быть изучение Священного Писания.

Наряду с чтением и изучением Священного Писания бл. Иероним находит полезным чтение других книг духовно-нравственного содержания: сочинений отцов и учителей церкви и произведений светских писателей. К чтению этих книг, по его мнению, следует приступать со строгим разбором, чтобы не повредить вере и нравственности еще не окрепших духовно детей.

Образование женщины, по учению бл. Иеронима, не должно быть оторванным от жизни. Поэтому он пишет о необходимости занятий рукоделием. Бл. Иероним считает, что успешность обучения зависит от круга общения («круга подруг») и соревнования детей между собой. Он предостерегает девиц от увлечения нарядами и от кокетства. Таким образом, бл. Иероним не оставляет без внимания внешнего благоповедения девиц, предостерегает от того, чтобы и в наружном виде не проявлялись дурные черты внутреннего человека (235, 90).

Бл. Иероним указывает на необходимость раздельного обучения мальчиков и девочек. Он не допускает употребления строгих наказаний, которые мо-

гут запугать ребенка и порвать его сердечную связь с учителем.

Св. Амвросий Медиоланский (340-397). Был сыном префекта Галлии. Потеряв отца на двенадцатом году своей жизни, он получил доброе христианское воспитание от матери. Образование св. Амвросий получил в школах Рима. Благодаря своим выдающимся дарованиям он продвинулся на служебном поприще, заняв должность правителя Ликургии. По принятии крещения св. Амвросий быстро прошел все церковные степени и был посвящен в сан епископа Медиоланского.

Св. Амвросий проявлял особенную заботу о распространении в своей епархии школ и христианского просвещения. Что касается основных начал христианского воспитания, то в школах св. Амвросия они носили тот же характер, что и в школах антиохийских. Отметим в данном случае лишь то его требование, чтобы воспитание носило характер индивидуальный.

Воспитывая и руководя других словом и делом, по словам св. Амвросия, нужно всегда иметь в виду, что **цель воспитания – одна, а способы – многоразличны**. Нужны особенная благодать и умение педагогов, чтобы, воспитывая смирение у самонадеянных, не развить страха и уныния у робких и боязливых. У ленивых и беспечных нужно пробуждать заботливость о душе и теле (но так, чтобы они не напрягали чрезмерно свои силы), а тех, кто за все берется и ничего не доводит до конца, не допускать до легкомыслия и рассеянности. Раздражительные должны быть воспитываемы в терпении, притом так, чтобы равнодушные и вялые не нашли в этом поблажки своей небрежности. У медлительных и хладнокровных нужно возбуждать желание действовать, но при этом так, чтобы пылкие и впечатлительные под влиянием таких чувств не увлекались до неумеренной и фанатичной горячности. Скупых вовремя нужно располагать к щедрости, не давая повода к расточительности, а расточительных нужно располагать к бережливости, не допуская их к любостяжательности (235, 63).

По учению Амвросия Медиоланского, педагог не только должен заботиться о чистоте своего сердца, но и обязан следить за своим внешним поведением, чтобы не подать повод к соблазну ученикам.

По мысли св. Амвросия, по внешнему виду и походке познается состояние души человека. «Душа наша – пишет он, – отражается во всех телодвижениях наших, как в зеркале» (143, 343).

Св. Амвросий советует наставникам быть осторожными в своих беседах с

учащимися, чтобы не повредить им.

Существо характера наставника, по мысли св. Амвросия, выражается в четырех главных добродетелях: благоразумии, справедливости (или правде), мужестве (или силе) и воздержании. Св. Амвросий этим добродетелям дает следующее разъяснение.

Благоразумие. «Эта высокая добродетель состоит не в практической, житейской мудрости, а в мудрости Евангельской – в искании истины и познании Бога» (ЛПБ, 193).

Справедливость обнимает все отношения наставника к обществу людей. Она отдает каждому должное и неразлучна с честностью и любовью христианской. Вера служит ее основанием; Христос – ее образец; храм – ее очаг; священство – ее школа.

Мужество наставника не есть физическая мощь, но нравственная крепость духа, поле битвы которой – ветхий человек с его страстями. Эта добродетель проявляется в миролюбии, в радостном принятии страданий и даже самой смерти ради Иисуса Христа, в терпении и кротости против развращенного мира, в твердом уповании, что за все скорби, перенесенные в этом мире, наступает блаженное упокоение в Боге.

Воздержание состоит в спокойствии духа, кротости и смирении. Корень воздержания- благонравие и стыдливость; венец его - телесное и духовное целомудрие, чистота души и святое девство (ЛПБ, 193).

Св. Амвросий советует наставникам воплотить в своей жизни эти добродетели настолько, чтобы они «могли обратиться в природу души» (143, 193). «Наши слова, – пишет он, – зеркало, видимое обнаружение нашего ума, а поэтому наставники должны хорошо знать и соблюдать в них меру и порядок – уметь вовремя молчать и кстати говорить» (143, 192).

Блаженный Августин (354-430). Родился в африканском г. Тагасте. Мать его, Моника, любящая и кроткая, сумела заставить его уважать те святые христианские правила, которыми она руководствовалась. Силой своего примера она привела к Христу всех своих детей. В 395 году Августин принял епископский сан и тридцать пять лет своей жизни посвятил управлению епархией, борьбе с еретиками, богословской науке и христианскому просвещению.

Из сочинений бл.Августина в педагогическом отношении особенно замечательна «Исповедь». Здесь автор изображает ход своего собственного внут-

реннего развития от юности и до сознательного перехода в во. Сочинение раскрывает «психологию сердца» и вводит в понимание того, как глубоко действуют на душу впечатления детства и влияние матери, как в период зрелости сил развивается внутренняя борьба человеческого духа, неотступно требуя для себя прочных нравственных основ жизни и волнуя до тех пор, пока не успокоится в области чистой веры.

Бл. Августин осуждает современное ему языческое воспитание за то, что оно не заботится о нравственном развитии питомцев. Все зло современного ему воспитания, бл. Августин видел в том, что воспитатели старались образовать из детей ученых, ораторов и общественных деятелей, не заботясь об их нравственности, не открывая им истин веры. Весь характер образования того времени, по мнению бл. Августина, направлен к возбуждению порочных наклонностей в детях. Их заставляли изучать произведения языческих писателей, в которых изображались различные безнравственные сцены из жизни богов и людей, тем самым внушая смелость к совершению пороков. Система наказаний носила самый развращающий характер: детей наказывали телесно за всякую провинность: за излишние игры, за нежелание читать безнравственные книги, за резвость и т.п. Вся система обучения возбуждала в воспитанниках соревновательность, порождающую зависть и досаду, и была проникнута насилием: детей заставляли учиться, не возбуждая в них любви к учению. Осуждает Августин языческих учителей и за то, что они обучали детей, еще не знавших достаточно хорошо родного латинского языка, языку иностранному. Он сетует и на то, что воспитатели, несмотря на безнравственность тогдашних театральных зрелищ, дозволяют детям посещать их. Он осуждает дурное товарищество, которое поощряет детей на безнравственные поступки. Из такого критического взгляда бл. Августина на образование того времени вытекает и его положительное суждение об идеале христианского воспитания.

В основу христианского воспитания бл.Августин полагает изучение Св.Писания и христианских догматов. Считает также полезным изучение светских наук.

Имя бл. Августина в истории христианского просвещения связано с учреждением им в г. Гиппоне (Северная Африка) школы клириков. В своем сочинении «О катехизации необразованных» он выдвигает требование к исторической основе преподавания и его наглядности (235, 64).

2.1.2. Становление и развитие русской православной школы.

Рассматривая историю становления и развития православного воспитания и образования в России, необходимо предварить ее следующими замечаниями.

Первое. История православного воспитания и образования является составной, органической, определяющей частью всей истории педагогики и образования в России, ее науки и культуры, и – шире – всей российской истории.

Второе. История православного воспитания и образования на Руси непосредственно связана с историей Русской Православной Церкви и методологически правильно рассматривать ее именно в этом контексте. В данном аспекте уместно говорить о воспитании не только детей, подрастающего поколения, молодежи, но и о воспитании всех слоев населения, нации, народа в целом.

И, наконец, третье. Система православного воспитания и образования на Руси, сформированная под влиянием накопленного к концу 10 века христианской педагогикой опыта, имеет свои специфические черты, свои традиции. Их изучение является особенно актуальным для настоящего времени, когда возник неподдельный интерес со стороны российского государства и общества к задачам, принципам, методам и средствам православной педагогики, вызванный, прежде всего, теми высокими результатами, который она показывает на протяжении всей своей многовековой истории.

Роль русской Православной Церкви в деле воспитания и образования народа привлекает все большее внимание исследователей в области психолого-педагогических и других гуманитарных наук. Потребность возрождения национальной культуры актуализировала исследовательский интерес к историко-педагогическим знаниям, к овладению традиционными средствами, методами, формами образования и воспитания. Разработкой данной проблемы занимаются многие современные исследователи.

Остановимся на историко-педагогическом аспекте становления и развития православного образования и воспитания в России, отмечая наиболее значимые его этапы.

Принятие Русью христианства – начало формирования системы православного воспитания.

В результате анализа многочисленных и разнообразных летописных источников и других исторических материалов выявлено, что все исследователи

относят формирование системы православного воспитания и ния на Руси ко времени принятия христианства, св.великий князь Владимир заложил в основание российской истории краеугольный камень, на котором постепенно сформировалось национальное самосознание, русская государственность и русская культура, наука, образование. В этой связи необходимо еще раз отметить, что «вхождение в Церковь Христову» и создание государства на Руси совпало во времени. Случай - исключительный в истории человечества. **На Руси Православие изначально стало главным государственно-образующим элементом**, определило все представления русского народа о жизни, о таком типе власти, который ставит во главу жизни народа, державы торжество нравственного идеала.

Летописцы свидетельствуют, что уже при Владимире «устрояемы» были при церквах приходские училища, где воспитывались дети под руководством местных священно– и церковнослужителей, и «бысть, – по словам летописи, – множество училищ книжных» (Ник. Лет. 1, 94).

Автор «Повести временных лет» констатирует: «Владимир же был рад, что познал Бога… И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуну и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов, и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Послал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное».

Вологодско-Пермская летопись сообщает, что князь «Володимир, собрав детей… вдал учити грамоте… Заслуги Великого Владимира пребудут незабвенны; он завел училища для людей всякого состояния, определил к ним греческих наставников для обучения детей, даже против желания их родителей. Издал учреждение для училищ, которое сделало бы честь самой просвещеннейшей нации, содержал на своем жалованье мужей искусных в греческом и славянском языках. Поручил им перевести Библию и церковных писателей на язык отечественный. Подлинник сих переводов приказал, украсив золотом, серебром и драгоценными камнями, положить в святых храмах, списки с них раздавать народу» (282, 270).

Таким образом, создание «училищ» началось сразу после крещения Руси. «Училище» – собственно русское название любого учебного заведения этого периода; понятие «школа» стало употребляться с 14 века.

Монастырские школы (училища) Киевской Руси – центры нерусской учености.

Первые училища, о которых имеются достоверные свидетельства, – это дворцовая школа князя Владимира в Киеве (начало 11 века) и школа Ярослава Мудрого в Новгороде (1030).

«Учение книжное» предполагало курс, наряду с религиозным образованием, полностью или частично охватывавший семь «свободных искусств»: грамматику, риторику и диалектику (тривиум); арифметику, геометрию, музыку и астрономию (квадривиум). В училищах преподавали вначале греческие ученые, главным образом, из Византии, а позже – отечественные.

Княжеские школы (училища) стали важными центрами древнерусского образования. Отсюда в списках расходились христианские сочинения, здесь переводились произведения античных и византийских авторов. Освоению «книжного знания» предшествовало обучение грамоте, знакомство с иностранными языками, для чего существовали особые школы.

По образцу княжеских, открывались школы при дворах древнерусских князей и их посадников в Переславле, Курске, Суздале, Чернигове.

Первое женское училище основано в Киеве княгиней Анной Всеволодовной (1086).

С 12-го века в семьях знати практиковалось «кормильство» – домашнее воспитание с помощью специально нанимаемых наставников; в 13 веке их сменили дядьки.

С 1037 года действовала митрополичья школа в Киеве при соборе Святой Софии, готовившая священников. В 12 – 13 веках сформировался круг монастырских школ в Смоленске, Владимире, Ростове Великом, Нижнем Новгороде. Некоторые из этих школ пользовались покровительством русских князей, в них учились даже выходцы из знатных семей ряда стран Западной Европы. Так, в Киевской школе при храме Святой Софии, служившем при Ярославе Мудром центром русской культуры и просвещения, получали образование венгры, норвежцы, шведы, англичане. Ярослав Мудрый продолжил политику отца в области образования народа. В Софийской летописи зафиксировано: «В лето 6538 [1030] иде Ярослав на чюдь, и победи я [её], и постави город Юрьев. И приеде к Новугороду и собрав от старост и от попов детей 300 учити книгам». Сам Ярослав читал «днем и ночью» и распорядился перевести на славянский язык мно-

го книг, по которым «верующие люди учатся и наслаждаются учением».

Возникающие в это время монастыри становились центрами духовного просвещения на Руси, при них создавались библиотеки. В монастырях учащиеся проводили значительную часть дня и даже ночевали. Историк государства Российского В.Н. Татищев приводит данные о том, что школы и книгохранилища учреждались при епископских кафедрах, монастырях и церквах. Одно из таких училищ было открыто во Владимире-Волынском, быть может, как полагает Татищев, еще епископом Фомою Греком, который послан был сюда для утверждения веры. Летописец Нестор говорит о самом себе, что «ездил во Владимир на Волыни смотрения ради училищ и наставления учителей».

Училища учреждаемы были и в других городах, например, в Курске, и даже в селах (166, 407). (Как уже отмечалось, в древнерусской письменности термин «школа» не употреблялся. Впервые он встречается в текстах 1382 года. Первоначально же употреблялись выражения: «книжное обучение», «обучение грамоте», «учение книгам»).

Данные летописей и археологических находок свидетельствуют, что книжная культура на Руси быстро распространялась во всех слоях общества. Церковь и государство активно готовили грамотных людей, способных толковать документы международного, гражданского и уголовного права, составлять летописи, хронографы, княжеские родословцы, строить и расписывать церкви, создавать оригинальные литературные произведения. Так Киевская Русь укрепляла свою государственность и закладывала основы христианской жизни.

Образование и воспитание в Древней Руси с самого начала было неразделько связано с обучением христианской вере. Древнерусская школа не просто давала знания, но соединяла их с усвоением вероучительных истин христианства. Поэтому в школах, по свидетельству летописей, учились «учению Божественному, а также благонравию и страху Божию». Учили в школах главным образом священники с причетниками; зачастую, как уже отмечалось, школы устраивались при монастырях.

Начинали учить грамоте с Часослова и Псалтири, которую по праву считали книгою назидательной и душеспасительной. Приведем слова отцов Церкви о Псалтири, проясняющие ее роль в деле обучения и воспитания: «Все, что есть полезного во всех книгах Священного писания, – говорит Василий Великий, –

заключает в себе книга псалмов. Она пророчествует о будущем, представляет правила жизни; там есть совершенное богословие, есть пророчества о пришествии Христовом во плоти… Псалтирь врачует и застарелые язвы душевные, и тому, кто получит свежую рану, подает скорое исцеление; она доставляет спокойствие душе, производит мир, укрощает бурные и мятежные помыслы…» (Василий Великий. 1-я беседа на 1-й псалом). «Хотя все Священное Писание учит нас добродетели, – пишет святитель Афанасий Великий в своем труде «О толковании псалмов, – но Псалтирь представляет еще для всех самый образец жизни».

Надписи на стенах церковных зданий, берестяные грамоты 11 – 13 веков, найденные при раскопках в Новгороде, Смоленске, Пскове и других городах, памятники деловой письменности и древнерусские летописи свидетельствуют о значительном распространении грамотности среди различных слоев населения Древней Руси.

В берестяных грамотах получили отражение многообразные стороны жизни и быта средневекового Новгорода. Они дают представление об обучении детей в Древней Руси, воспроизводя фрагменты азбук, упражнений в счете, в письме.

С 11 века на Руси развивается учительная литература. По своей сути, вся древнерусская литература является учительной. Во-первых, в ней осмысливается акт принятия русским народом христианства; во-вторых, в связи с попытками насильственного ведения католицизма, разъясняется сущность христианского учения; в-третьих, под ее влиянием формируется общественное сознание русского народа как народа православного и каждого русского человека как гражданина Православного Отечества.

Киевская Русь представлена таким уникальным памятником педагогики, как «Поучение детям» Владимира Мономаха. Владимир Мономах – первый правитель Руси, сочинения которого дошли до нас. Его «Поучение» содержится в «Повести временных лет», наиболее известном из всех летописных сводов. Создателем свода считается монах Киево-Печерского монастыря Нестор.

Православные монастыри сыграли значительную роль в сохранении и поддержании традиций отечественной духовной культуры и в период монголо-татарского нашествия (13 – 15 вв.), и агрессии Тевтонского ордена, когда многие земли и города были разорены, многие придворные школы перестали суще-

ствовать. Земли некоторых политически ослабленных древнерусских княжеств в 13 веке (Галицкого, Волынского и др.) были захвачены великим княжеством Литовским и союзным с ним Польским королевством. Часть русского населения оказалась на территории, где официальной религией считался католицизм. Здесь русские монастыри и их школы стали оплотом православия и самобытной русской культуры. Некоторые северорусские монастыри в трудных условиях развернули освоение новых территорий. С 14 века оживилась миссионерская деятельность монастырей, были предприняты первые попытки создания на основе церковнославянского алфавита письменности для некоторых народов России. Огромная роль в становлении русской государственности во всех ее проявлениях принадлежит Свято-Троицкому монастырю, основанному св. Сергием Радонежским - будущей Свято Троице-Сергиевой Лавре (подробнее об этом пойдет речь в 2.1.3).

Широкому распространению грамотности во многом способствовало такое важное обстоятельство, как единство народного и государственного языков. Если, например, на Западе путь к овладению грамотой лежал через изучение латыни – языка, чуждого многим европейским народам по лексике, фонетическому и грамматическому строю, то русскому человеку, для того, чтобы научиться читать и писать, достаточно было знания азбуки.

Обучение в Древней Руси носило внесословный характер. Была единая вера, и учились все одному и тому же у тех же учителей: и дети княжеских и зажиточных семей, и поповичи, и крестьянские сыновья.

Наряду с церковными служащими, осуществлялось обучение детей на дому вольными учителями, так называемыми «мастерами грамоты».

Таким образом, в Киевской Руси сложилось несколько типов обучения: книжное обучение в монастырях, домашнее обучение и обучение в приходах, но везде учащихся учили читать, знать молитвы и понимать сущность христианского учения, раскрывали законы нравственной жизни.

Значительную роль в воспитании детей играла семья. Усилия Церкви направлялись на формирование православной семьи как малой Церкви, привитие народу правильного понятия о браке, поскольку долгое время в простом народе бытовало представление, будто брачный обряд существует только для князей и бояр. Под воздействием православного понимания благочестивого образа жизни укрепляются представления о назначении семьи и семейного воспитания,

получившие закрепление уже в 16 веке в «Домострое» – замечательном памятнике древнерусской письменной культуры, раскрывающем внутренний мир семьи. В нем содержались поучения и наставления, давались описания: строение душевное – учение о спасении души; строение мирское – наука о гражданском общежитии; строение домовое – наука о хозяйственном домоводстве. Главной задачей образования и воспитания считалось научение детей «правилам порядливого жития и христианского жительства», проводилось различение между внешней и истинной мудростью. «Не ищи, человече, мудрости, – говорилось в одном из научений, – а ищи кротости, аще обрящешь кротость, тогда одолеешь мудрость». «Не тот мудр, кто много грамоте умеет, а тот мудр, кто много добра творит».

В Древней Руси сложилось вполне определенное представление о благонравном отроке, который предпочитал вместо игр «на божественная и на церковная пения и почитания прежде иных притекать», а также «почитать» «Богодухновенные книги и святых жития» и «внимать к им с усердием от всея души». Благонравен тот, кто проявляет покорность и повиновение по отношению к родителям и учителю.

Так, с первых времен принятия христианства Православная Церковь выполняла миссию педагогического служения, научая вере все сословия русского общества.

Формы христианского просвещения, сложившиеся в Московском княжестве.

Татаро-монгольское нашествие нанесло огромный ущерб молодому древнерусскому государству, его культуре, образованию и просвещению. Но уже в 14 веке и особенно в первой половине 15 века оно делает новые впечатляющие успехи. Если до татаро-монгольского нашествия «матерью русских городов» был Киев, то теперь собирателем русских земель выступает Московское княжество. Во второй половине 15 – начале 16 века грамотность становится достаточно распространенным явлением среди русских людей. Не только у митрополитов, но и у бояр и епископов появляются специальные лица, главной обязанностью которых является переписка книг. Грамотные люди встречаются и среди демократических слоев населения. Зажиточные горожане, как фиксирует это «Домострой», вводят в своем хозяйстве «письменный учет». О распростране-

нии письменности свидетельствуют различного рода надписи на лиях ремесленников (оружие, колокола, печати и др.).

Общественные потребности диктовали необходимость создания устойчивых форм просвещения. В послании митрополиту Симону новгородский епископ Геннадий говорит о необходимости открытия новых школ. В 1551 году Стоглавый собор признает необходимым открывать училища при всех приходских церквах, в домах священников и дьяконов.

Постановления Стоглавого собора (1551) создали систему духовного образования: под управлением епархиальных архиереев учреждались школы для подготовки священнослужителей. В организации обучения наметились определенные ступени: начальная (овладение грамотой, чтение Псалтири и Часослова), профессионализированная (чтение Апостола, что позволяло вести большинство церковных служб), высшее (чтение Библии и овладение христианской книжной ученостью). Ключом к такой учености было знание древних языков, поэтому образование приобрело грамматический уклон.

В каждом из русских княжеств долгое время сохранялись свои особенности в языке и письме. В преодолении областнических тенденций и создании общерусского языка особую роль сыграли «Четьи-Минеи» – повествования о жизни святых Православной Церкви, изложенные по порядку месяцев и дней каждого месяца. В этот период образовательное значение стало придаваться также летописям. Крупнейший летописный свод, утверждавший идеи единства государства под властью «царя Всея Руси», был создан в 70-х годах 16 века при Иване Грозном.

16 век был отмечен таким выдающимся событием в области просвещения, как появление книгопечатания. В 1564 году дьякон одной из московских церквей Иван Федоров издает первую печатную книгу «Апостол». Появление книгопечатания в Москве способствовало распространению православной литературы и, тем самым, повышению грамотности народа и его духовному просвещению.

Иван Федоров был не только первопечатником на Руси, но и выдающимся педагогом своего времени, посвятившим свою жизнь просвещению – тому, чтобы «по свету рассеивать и всем раздавать духовную пищу». Обращаясь к учителям и наставникам, Иван Федоров призывал воспитывать детей в благоразумии, смиренномудрии, кротости, долготерпении, «приемлюще друг друга и

прощение дарующе». В 1574 Иваном Федоровым был издан «Букварь» – азбука «ради скорого младенческого научения».

«Азбука» Ивана Федорова, изданная во Львове в 1574 году, – первая российская учебная печатная книга. В основу книги Иван Федоров положил распространенный в то время буквослагательный метод, начинающийся с заучивания славянских букв и усвоения двух– и трехбуквенных слогов.

Одним из главных учебных пособий в школах допетровской Руси, наряду с букварями, стали азбуковники, состоявшие из глав, которые открывались буквами славянского алфавита. В этих небольших по объему справочниках-энциклопедиях помещались статьи, содержавшие толкование библейских текстов, печатались отрывки из таких произведений древнерусской литературы, как «Житие Петра и Февронии», «Моление Даниила Заточника». В «Азбуковник полный» 17 века вошли история создания азбуки святыми Кириллом и Мефодием, рассказы о святых Стефане Великопермском и Максиме Греке, сведения о происхождении имен. В азбуковниках давались наказы учителям в отношении преподавания и наставления ученикам о благопристойном поведении в церкви, дома и на улице.

Одним из самых популярных учительных сборников для детей был «Златоуст». Большинство статей, входивших в этот сборник, посвящались евангельским сюжетам. Поучения, включавшиеся в «Златоуст», были, как правило, направлены против язычников. В «Златоусте» разъяснялось значение каждого дня церковного года и особенно больших церковных праздников.

Среди учебных книг 16 века необходимо также отметить изречения, пословицы, поговорки и загадки. Большинство из них в ненавязчивой форме учили детей соблюдению принципов христианской морали. Школа имела цель: образование ума, сердца и воли, направленной к добру, и выполняла ее, обеспечивая всестороннее развитие личности.

В 14 – 16 веках широкое хождение имели рукописные сборники афоризмов богословского, этического и педагогического содержания. В сборниках типа «Пчелы» предлагались многочисленные советы по воспитанию детей.

Книги с таким названием вообще имели широкое распространение на Руси. Сохранившиеся во множестве ее экземпляры датируются чаще всего 14 – 17 веками.

По своему содержанию «Пчела» – это антология афоризмов, кратких изре-

чений назидательного характера, взятых их сочинений отцов церкви и т.п. Ее переписчики могли дополнять сборник новыми материалами, авторство которых оставалось неизвестным.

Ниже приводятся примеры педагогических наставлений из «Пчелы», относящейся к 14 – 15 векам.

– Не твори зла и не постигнет тебя зло.

– Златоуст рече [изрек]: Источник, и мати [мать], и коренье [корень] мудрости добродетель есть, а все лукавство от безумья начинается.

– Апостол рече [изрек]: Буде [будь] всяк человек скор на послушанье, а ленив на глаголание.

– Уча учи нравом, а не словом, иже [который] словом мудр, а дела его не совершена [не совершенны], то хром есть, а иже [который] язык доброглаголив имеет, а душа его непостоянна и ненаказана, то неприятен есть… (48, 7-8).

Таким образом, в 14–15 веках формирование русского централизованного государства, территориальным ядром которого стало великое княжество Московское, создало благоприятные условия для развития системы образования и воспитания. Во множестве русских городов возникали приходские школы при храмах и монастырях. Вокруг некоторых городских приходов объединялись профессиональные братства ремесленников, купцов, нанимавшие грамотных причетников для обучения подростков чтению, счету. Мастера грамоты открывали частные начальные школы.

Развитие русской педагогической мысли в 16 – 18 веках: сохранение единой православной традиции.

В 16 веке при царе Феодоре Иоанновиче (1557-1598) вызревает идея создания школ и учебных заведений для сирот, где бы «нищенские дети, ребята и девки» могли получить подготовку к «разным наукам и ремеслам». Это было важное начинание: дети-сироты должны получать подготовку к трудовой жизни. В начале 17 века крупным центром просвещения стала Киевская братская школа, основанная в 1615 году.

С середины 17 века в Москве открываются новые школы: греко-латинская Ртищевского братства (1648), Чудова монастыря (под руководством Епифания Славинецкого; 1653), Заиконоспасская (под руководством Симеона Полоцкого; 1665), Типографская при печатном дворе (1680). Эти школы подготовили от-

крытие в 1687 году эллино-греческой школы (впоследствии Славяно-греко-латинской академии), дававшей не только богословское, но и широкое светское образование (Славяно-греко-латинская академия находилась в ведении Патриарха).

Развитие педагогики и школы в этот период российской истории шло параллельно с распространением технических и научных знаний, естествознания, астрономии, медицины, философии, а также знаний прикладного характера. История сохранила большое количество сведений о школах второй половины 17 века. До нашего времени сохранились учебные руководства 17 века по арифметике и грамматике. В Кормчей книге – своде церковных и гражданских законов, принятой в правление царя Алексея Михайловича (1629 – 1676), есть статьи об общественном призрении. Появились монастыри, где монахини лечили и учили сирот, занимались с ними рукоделием. Царь Федор Алексеевич (1661 – 1682) составляет правила создания первой в России Духовной Академии.

17 век ознаменован переменами в организации начального обучения: буквослагательный метод сменился звуковым. Расширилась роль букваря, в него стали включать христианские заповеди, псалмы, иногда толкования непонятных слов. Как уже отмечалось, в учебную практику вошли азбуковники. С 17 века в школьном обучении стали использоваться арабские цифры.

Образование и воспитание в России в 16-17 веках продолжало развиваться в русле единой православной традиции, существовала единая основа образования и воспитания, которая не только позволяла овладевать грамотой, но и обеспечивала воспитание истинного христианина и патриота отечества, формировала духовное и нравственное единство государства и общества. Опыт школ допетровской Руси укрепил духовные основания отечественной педагогики, и в последующие времена вдохновляя передовое учительство на поиск форм обучения и воспитания, которые бы соответствовали многовековым традициям православного народа.

Реформы Петра I (1672 – 1725) углубили светское направление в образовании россиян. Это направление отчетливо выразилось в организации, начиная с 1701 года, навигацкой школы (впоследствии Морской академии), а также пушкарской, госпитальной, приказной и других школ профессионального типа. Они находились в ведении соответствующих органов государственного управления

– коллегий. Профессиональное образование тесно связывалось с словным положением родителей учащихся.

В 1714 году провозглашена обязательность обучения детей дворян, духовенства, посадских людей, солдат. Для их начальной подготовки создавались цифирные школы (школы с математическим «уклоном»). В 1701 году в России введен гражданский шрифт, упростивший обучение грамоте. Статус государственного учебного заведения получили московская Славяно-греко-латинская академия и Киево-Могилянская академия, которые с 18 века готовили также специалистов для государственной службы. Духовным регламентом 1721 года учреждены семинарии и академии, система православных школ в епархиях. Центрами науки и научного образования стали Петербургская Академия наук, основанная в 1724 году, и Московский университет, основанный в 1755 году по инициативе М.В. Ломоносова. При этих учебных заведениях открываются, в качестве подготовительных, общеобразовательные гимназии.

Говоря об истории становления в России системы православного образования и воспитания, нельзя не сказать о роли **Михаила Васильевича Ломоносова** (1711 – 1765), основателя Московского университета и первых российских гимназий. В написанном им «Проекте регламента московских гимназий» и «Проекте регламента Академической гимназии» говорится о необходимости соблюдения гимназистами заповедей Божьих и заповедей церковных, «коими к Богу и ближнему и началам премудрости страха Господня научаемся». Будучи поборником отечественного просвещения, М.В. Ломоносов считал нужным учить детей «народным русским способом», «обыкновенным русским порядком, то есть через Азбуку, Часослов, Псалтирь…». В записке графу И.И. Шувалову ученый предлагал создать при церквах по всей стране «малые школы», в которые священнослужители обучали бы детей от 5 до 12 лет.

Ломоносов вел непримиримую борьбу против засилья бездарных иностранцев в русской науке: «…Я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться».

Перу М.В. Ломоносова принадлежит целый ряд сочинений, посвященных вопросам преподавания языка и литературы, высшей школе и семейному воспитанию, вопросам организации учебного процесса. Им были созданы многие учебные пособия и учебники по русскому языку и литературе, физике, химии для гимназии и университета. Михаил Васильевич Ломоносов является осново-

положником современного русского литературного языка.

В работе «Российская грамматика» он пишет: «Повелитель многих языков, язык российский не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольством велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, не упрежденный великими о других мнениями, простреет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится».

Педагогические идеи М.В.Ломоносова обращены в будущее, и потому не потеряли своей актуальности в наше время.

Реформы Петра Первого ознаменовались некоторой секуляризацией школы. Значительное место в учебных программах начинают занимать дисциплины, имеющие прикладное значение. Школа становится сословной. В школах для детей «верхушки общества» набирает силу рационализм, в педагогическую науку проникают идеи западноевропейского Возрождения, утверждающие безграничные возможности человеческой личности, ее воли и разума, протестантские взгляды. Для обучения детей все шире привлекаются иностранцы. Воспитательные функции школы понимаются преимущественно в светском духе, как подготовка к получению профессии. При обучении детей знати и горожан традиционные Часослов и Псалтирь вытесняются известным сочинением того времени – «Юности честное зерцало», составленным из произведений в основном иностранных авторов.

Вместе с тем, исторические факты позволяют говорить о том, что петровские реформы меньше всего коснулись обучения крестьянских детей, педагогами которых остались священники и монахи. И в 18 веке дети крестьян продолжали учиться при церквах и монастырях, в архиерейских школах.

В послепетровский период наметился поворот в области светскости образования. Указ 1743 года императрицы Елизаветы Петровны (1709-1761) об обязательном обучении родителями своих детей катехизису констатировал, что российские дворяне и представители других сословий мало заботятся о научении своих детей догматам православной веры, о понимании детьми, в чем заключается истинный путь спасения. Указ обязывал родителей не только с малых лет обучать детей катехизису, но и приучать их к чтению церковных книг, чтобы они могли охранять себя «от развратников православной веры нашея».

Устанавливалось наказание за неисполнение указа – штраф от 2 до 10 рублей, которые должны были отчисляться на содержание Славяно-греко-латинской академии. Предполагалось обеспечение семей достаточным количеством катехизисов и выделение «знающих людей» для занятий с детьми. После вступления на российский престол императрицы Елизаветы Петровны прекратились гонения на православное духовенство, ставшие обычным явлением в годы правления ее предшественницы Анны Иоанновны, которая опиралась на иноземное протестантское окружение.

Елизавета Петровна часто обращалась к священникам, совершала паломничества ко святым местам, а однажды пешком пришла на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру. Двадцать лет ее правления (1741 – 1761) были благоприятным временем для Русской Православной Церкви и для православного образования и воспитания.

В 17 и 18 веках протекала деятельность таких выдающихся православных педагогов, как святители Дмитрий Ростовский и Тихон Задонский, о педагогической деятельности которых следует сказать более подробно.

Митрополит Дмитрий Ростовский (1651–1709).

Учредил в епархиальном центре школу для детей всех сословий. Обучение в ней было бесплатным, а беднякам даже выдавались деньги на хлеб. Число учеников в школе достигало двухсот человек. Святитель часто посещал занятия, а в случае отсутствия преподавателей сам вел уроки, объяснял детям Священное Писание. В созданной митрополитом Дмитрием школе царила обстановка семейной простоты и заботливости. С учениками в ней обращались мягко.

Просвещению не только детей, но и всего русского народа способствовал созданный им капитальный труд, над которым он работал более двадцати лет. Это – новая редакция Четий-Миней, сборника житий святых, составленного по месяцам, созданного для назидания верующих. Четьи-Минеи были излюбленным чтением благочестивых русских людей.

На основе глубокого изучения Библии, творений отцов и учителей Церкви, церковных писателей митрополит Дмитрий составил также «Летопись келейную», представляющую собой изложение библейской истории с нравственно-поучительными целями. В своих многочисленных проповедях святитель Дмитрий Ростовский, не будучи открытым противником реформ Петра Первого,

бесстрашно обличал чуждые православию нравы, проникавшие в сию в годы петровских преобразований.

Святитель Тихон Задонский (1724-1783).

Святитель Тихон Задонский (в миру Тимофей Соколовский), иерарх Русской Православной Церкви и духовный писатель, родился в Новгороде в 1724 году. По окончании Новгородской духовной семинарии был назначен учителем, но в 1758 году принял схиму. Он состоял сначала архимандритом Желтикова монастыря, затем Дрочского. С 1761 года святитель Тихон – епископ Кексгольмский и Ладожский, викарий Новгородской епархии. С 1763 года он назначается епископом Воронежским

Вступив на самостоятельную кафедру, святитель в сочинении «О седыми святых тайнах» раскрывает смысл совершаемых церковных обрядов, дает истинное понятие об исповеди. В сочинении «Прибавление к должности священнической о тайне св. покаяния» он старается побудить пастырей к живому общению с паствой и приказывает им читать на Литургии в праздничный или воскресный день Толковое Евангелие или полезные слова из Пролога. Он сам говорит образцовые проповеди для церковнослужителей, для обучения священников приглашает преподавателей из славяно-греко-латинской академии.

Святитель Тихон уделял немало внимания монастырям, сочинив для них пятнадцать статей устава.

Для народа он сам говорил проповеди, из которых замечательны «Слово о сырной седмице» и «Усовещевания жителям Воронежа об уничтожении ежегодного празднества, называющегося Ярило».

Проработав неутомимо на Воронежской кафедре около пяти лет, святитель в 1767 году уволился на покой и поселился вначале в Толшевском, а потом в Задонском монастыре. Здесь до последних дней старый, немощный телом, но великий внутренней духовной силой человек, явил пример глубочайшего смирения, мудрой кротости, ангельской незлобивости и любви к многочисленным приходящим паломникам. Он работал почти круглые сутки, благотворительствовал, обращал заблудших, просвещал темных, ухаживал за больными. Именно в это время он написал многие свои труды.

Святитель Тихон умер 13 августа (ст. стиля) 1783 года. Указ о погребении тела епископа был подписан самой императрицей. Его нетленные мощи, обретенные в 1846 году, и ныне пребывают в Задонском Богородицком монастыре

Воронежской епархии. В 1861 году состоялось его прославление. По сей день нескончаем поток паломников к гробнице Угодника Божия.

Святитель Тихон оставил многогранное, обширное по своей тематике литературно-богословское наследие. Среди его трудов: «Плоть и Дух», «0б истинном христианстве», «Сокровище духовное, от мира собираемое», «Проповеди краткие», «Письма келейные», «Наставление монашествующим», «Наставление христианское», «Наставление обратившимся от суетного мира» и многие другие.

В трудах святителя во всей полноте раскрывается духовно-жизненный процесс спасения, которое предстает одновременно делом и Бога, и человека. Факты его биографии помогают глубже понять дух и смысл творений св.Тихона. В этих фактах во всей полноте обнаруживается внутреннее богатство высоконравственной личности, обращение к которому дает возможность яснее и полнее представить богословские воззрения святого отца. «Сводя подвиги святителя к общим чертам, - говорит один из его жизнеописателей, - мы находим, что в его жизни... раскрывается живое отношение догмата к жизни и взаимная их связь, т. е. как христианские догматы, живо и постоянно сознаваемые верующим умом, должны выражаться в соответственных им сердечных расположениях и свободных действиях воли».

Епископ Воронежский Тихон, Задонский чудотворец был ярким представителем православной педагогики 18 века. Свою педагогическую деятельность он начал в Новгородской Духовной семинарии, где вначале преподавал риторику, греческий язык и философию, а потом получил назначение на должность инспектора. Два года будущий святитель руководил Тверской Духовной семинарией. Став епископом Воронежским в 1763 году, он добивается открытия школ, в которых учителями были бы священники и диаконы, искусные в чтении, пении и письме.

Тяжелое положение в епархии, обусловленное неграмотностью и низким нравственным уровнем, как духовенства, так и пасомых, а также суевериями и расколом, побуждало святителя обращать серьезное внимание на систематическое образование кандидатов в священники. Уже через три месяца после своего приезда в Воронеж он сделал распоряжение об открытии духовной школы. Еще через некоторое время святой отец распорядился, чтобы во всех городах, где существуют «духовные правления», открыть «славянские школы», куда учите-

лями «избрать» священников и диаконов, «искусных в чтении, пении и письме» (ТЗ, с.56). В этом же указе говорилось о том, чтобы учителей и помещения содержали за счет духовенства.

Святитель настаивал на открытии духовных учебных заведений, потому что **видел прямую зависимость между образованием пастырей и моральным состоянием паствы.**

Не все с пониманием встретили указания мудрого архипастыря. Ревностно относясь к духовному образованию, святитель старался пробить эту стену равнодушия вплоть до наказания строптивых.

Усилия святителя повлияли на то, что правительством были выделены средства на духовную семинарию в Воронеже. Это учебное заведение стало культурно-просветительным центром для духовенства всей обширной Воронежской епархии. Велико было значение семинарии и для церковной жизни епархии, поскольку в нее принимались ученики и из других сословий и из ее стен выходили не только священнослужители, но и образованные чиновники, канцеляристы, учителя (ТЗ, с. 57).

Святитель принимал в жизни семинарии самое деятельное участие. И хозяйственная часть, и административный надзор, и, конечно, педагогический процесс – все лежало на его плечах. Поначалу ему приходилось «выписывать» учителей, ректоров и инспекторов из других богословских школ, следить за исполнением распоряжений о направлении в семинарию учащихся, назначать преподавателем и учащимся содержание, заботиться даже о таких вещах, как расписание, учебники и пособия, классные комнаты и многом другом.

Не оставлял он без внимания и учебный процесс. Святитель часто бывал в классах на занятиях, обращал внимание семинаристов на лучшие места из сочинений духовных писателей для толкования их воспитанниками.

Посещая классы, святитель ободрял подарками и содержанием тех, кто отличался добронравием и прилежанием к учебе, провинившихся же наказывал. Вместе с тем, следует отметить, что, наказывая, святой отец преследовал лишь одну цель – воспитать оступившегося человека. Так, после того, как были строго, до отчисления, наказаны два школьника домовой архиерейской школы, святитель не оставил их на произвол судьбы. Впоследствии, когда они достигли совершеннолетия, он определил одного из провинившихся в работники при монастыре, а другого – служителем при Острогожской семинарии. Этот случай

свидетельствует о том, что святитель Тихон действовал не только как великий христианин, но и как настоящий, разумный педагог (ТЗ, с. 57).

Епископ Тихон оставил две инструкции: «Как поступать учителям» (1763) и «Что семинаристам должно наблюдать» (1765). Эти документы свидетельствуют о том, что **святой отец больше всего внимания уделял нравственному и духовного воспитанию будущих пастырей**. В частности, в инструкции для семинаристов сказано:

«Помнить всякому, что от Бога к сему званию позван был ради общей пользы…».

«Намерение учения простирать во славу Божию и общую пользу – а так наилучший будет успех. Ибо учение преподается в надежду просвещения разума и произведение в чин священства. Священник бо ученый способнее будет и должен искоренять злые нравы пороки греховные…».

«Учение без жития доброго не сильно и не пользует».

Согласно написанной святителем инструкции, «доброе житие» необходимо обнаруживать посещением богослужения, прилежным вниманием к чтению и пению, проявлением почтительности к старшим словом и делом, братской любовью к товарищам.

Учащимся также следует избегать осуждения кого бы то ни было, ссор, злословия, драк, неприличных шуток. Необходимо блюсти нравственную чистоту.

Инструкция состоит из двадцати восьми пунктов. Она заканчивается увещеванием **прочитывать эти пункты ежедневно, чтобы «всякий знал и помнил, как ему должно жить»** (ТЗ, с. 58).

Этот документ характеризует святителя как замечательного педагога, тонко понимающего души воспитываемых.

Он заботился также о том, чтобы воспитанников не привлекали к непосильному труду, чтобы воспитатели не обходились с ними грубо и чтобы каждый учащийся имел достаточно времени для отдыха.

Святитель Тихон, желая привлечь к духовному просвещению как можно больше людей, использовал для этих целей и возможности монастырей, посылая туда для обучения сирот из духовного звания и детей церковнослужителей. Впоследствии святой отец внимательно следил и за такими учениками, и за такими школами, и если замечал какие-либо недостатки в организации обучения,

то строго взыскивал с виновных.

Во всех своих многочисленных сочинениях епископ Тихон ставил целью нравственное воспитание народа. Главная задача образования, по его мнению, – научить вере. «Разум без просвещения Божия слеп», – говорил он. Епископ Тихон рассылал по церквам назидательные сочинения: «Краткое увещание, что всякому христианину от младенчества до смерти в памяти всегда содержать должно», «Наставление о должности христианской, родителей к детям и детей к родителям» и другие.

Необходимо отдельно сказать об отношении святителя к детям. Понимая, какое значение имеет правильное воспитания, он по-отечески заботливо относился к ним, во всякой ситуации старался посеять в их сердцах семена благочестия. Он стремился воспитать их в духе христианского учения, привить любовь к храму и богослужению. Он давал детям простые, сердечные наставления, которые невольно западали в их души (ТЗ, 104).

По словам святого отца, детский возраст, «как незлобивый», «наиболее удобен к восприятию добра и зла». Поэтому, писал он, «наставление в благочестии и в страхе Божием должно быть от самого младенчества, как только дети начинают хотя мало что разуметь». Епископ Тихон применял такое сравнение: «Как маленькое деревце, к которой стороне наклонено будет, так и до конца будет расти, так и молодой отрок, чему сначала наставлен будет, к тому и до кончины жизни своей склонность будет иметь» (1: 119-120).

Живую картину взаимоотношений святителя и детей рисуют в своих воспоминаниях его келейники.

Следуя примеру Христа, святитель, бывая в храме почти каждый день, не возбранял детям подходить под благословение. Дети же, заметив его благосклонность, сначала по праздникам, а затем и каждый день начали во множестве приходить в церковь к службе с тем, чтобы получить от святителя что-либо. «Идет он из церкви в келии свои, - пишет один из келейников, - идут за ним и малые дети. Невзирая на его архиерейский сан, толпою, прямо за ним войдут в зал, где из своих рук оделит их и начнет обучать их молиться… И нередко таковых молитвенников собиралось помногу» (Записки И.Ефимова, с. 29).

Следует отметить, что при общении с детьми святитель Тихон наблюдал их характер, склонности, расположения, при этом стараясь добрые черты характера укреплять, а дурные искоренять. В одних он видел скромность, кро-

тость, незлобие, в других – зависть, гнев и другие отрицательные явления. Когда некоторые из детей по какой-либо причине начинали гневаться на Преосвященного, завидовать другим детям (иногда дело доходило даже до ссор, до слез), святитель старался пристыдить виновных, возбудить в них раскаяние и расположить к братолюбию. Он учил детей сознавать свою вину и просить друг у друга прощения (ТЗ, 105).

Бывало и так, что когда святитель по причине болезни не бывал на службе, то и дети , увидев, что его нет, уходили из церкви. Когда же ему об этом говорили, он весьма сожалел об этом: «Это беда… Что ты их не привел ко мне? Я весьма радуюсь, что они ходят к обедне!» (Лебедев А., с.99).

Святитель не забыл детей и в своем духовном завещании, распорядившись отдать бедным детям почти всю теплую одежду.

Уделяя особое внимание малым детям, святитель Тихон стремился укоренить в них христианские начала и через детей оказать влияние на остальных членов семьи (ТЗ, 105).

Анализируя результаты деятельности святителя, схиархимандрит Иоанн (Маслов) пишет: «Можно с уверенностью сказать, что в это сложное для России время все устои как государственной, так и церковной жизни могли бы окончательно разрушиться, если бы не было на страже Божественной истины подвижников духа, одним из которых и является Задонский святитель» (146, 337).

В 18 веке при преемниках Петра I выросло число закрытых военных и других сословных училищ, были учреждены кадетские корпуса, женские институты благородных девиц и другие подобные учебные заведения.

По инициативе Екатерины II (1729-1796), следовавшей либеральным идеям, изучались различные варианты организации народного просвещения в странах Европы. Среди советников императрицы были Д. Дидро и другие просветители. В 80-х гг. Ф.И. Янкович де Мириево (1741 – 1814) и группа национальных педагогов разработали общие принципы создания системы народного просвещения. В ее основу был положен не накопленный к тому времени Россией собственный многовековой опыт организации системы воспитания и образования, а австрийский образец.

Вместе с тем, **все ориентиры русской школы оставались православными.**

Завершая анализ этого периода истории российского образования, можно сказать, что в 18 веке система православного воспитания и образования испытала удары со стороны приверженцев либеральных идей, однако сумела устоять под их натиском. Школьное дело постепенно переходило в руки государства, которое при всех нововведениях оставалось в своей основе православным. Оставалось православным и русское учительство. Реформаторам не удалось вытеснить религию и Церковь из сферы образования. Православие по-прежнему определяло мировоззрение подавляющего большинства населения. Было оказано серьезное противодействие распространению опасных лжеучений и поднять уровень духовного просвещения народа.

Огосударствление русской школы в 19 веке: сохранение религиозных начал.

19 век характеризуется усилением роли государства в области образования. В 1802 году впервые в истории России учреждается Министерство народного просвещения. Обсуждается проект школьной реформы. Император Александр I (1777 – 1825) готов пойти навстречу требованиям влиятельной части дворянства об использовании в образовании зарубежного опыта, но только в известных пределах. При всем своем либерализме, свойственном первому периоду его правления, Александр I не преминул заметить, что новые заимствования из-за границы должны быть сообразованы с обстоятельствами русской действительности и что есть «старинные учреждения», которые нельзя забывать, вводя новые.

Первая фундаментальная реформа просвещения в России была подготовлена в начале 19 века ближайшим окружением Александра I: М.М. Сперанским, Н.Н. Новосильцевым, В.Н. Каразиным и др. Она стала частью общих преобразований в государственной и административных сферах. Создавалась иерархическая школьная система, распределенная по учебным округам, на общегосударственном уровне подчиненная Министерству народного просвещения. «Предварительные правила народного просвещения», вышедшие в 1803 году, определяли его цель как «нравственное образование граждан соответственно обязанностям и пользам каждого состояния».

Устав учебных заведений (1804) предусматривал три типа общеобразовательных школ: приходские училища, уездные училища и гимназии. Формально

система считалась бессословной, но лишь первые два типа школ были бесплатными для населения. Сельские приходские училища вверялись «благонамеренной попечительности» помещиков, уездные училища и губернские гимназии финансировались из государственных средств. Из ведения Министерства народного просвещения исключались некоторые направления образования и многочисленные учебные заведения Священного синода, ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны, военного министерства и др. Особую категорию привилегированных учебных заведений должны были составить Царскосельский и другие лицеи, а также благородные пансионы. На особых условиях управлялись школы Виленского и Дерптского учебных округов, охватывавших территории, лишь недавно вошедшие в состав Российского государства. Таким образом, согласно принятому Уставу учебных заведений в России приводятся в систему различные типы образовательных учреждений, возникшие в 18 веке и не связанные ранее между собой, устанавливается преемственность обучения.

В 1817 году учреждается единое Министерство духовных дел и народного просвещения. В манифесте императора о создании объединенного министерства выражается пожелание, чтобы «христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». Это был явный отход от секуляризаторской политики в области образования, особенно характерной для петровского времени.

Руководителем нового министерства назначается бывший обер-прокурор Святейшего Синода князь Александр Николаевич Голицын (1773 – 1844), который заявляет о необходимости «постоянного и спасительного согласия между верою, ведением и властью или, другими выражениями, между христианским благочестием, просвещением умов и существованием гражданским».

В этот сложный период российской истории сама жизнь заставляет представителей российской элиты переосмысливать отношение к религии и Церкви. Известный историк Николай Михайлович Карамзин, ранее восторженно отзывавшийся о реформах Петра I, приходит к критической переоценке последствий его преобразований. В «Записке о древней и новой России», поданной в 1811 году Александру I, Карамзин утверждает, что страсть Петра «к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия». По словам Карамзина, Петр унизил «народный дух», составляющий нравственную мощь государств, а через

это и мощь физическую. Автор записки называет обучение добрым нравам «исконной обязанностью духовенства», которое должно пользоваться уважением и, насколько возможно, равноправием с гражданскими властями.

В 1819 году Министерство духовных дел и народного просвещения издает циркуляр о преподавании религиозных дисциплин в учебных заведениях различных типов: в приходских училищах – сокращенного катехизиса, Священной истории и чтений из Священного писания; в уездных училищах – пространного катехизиса, изъяснений из Евангелий, чтения из Священного Писания; в гимназиях – чтений из Священного Писания. С 1819 года в Московском университете учреждается кафедра богопознания и христианского учения.

В этом же году уполномоченный министерства М.Л. Магницкий, бывший Симбирский губернатор, в отчете о ревизии Казанского университета писал: «Время уже вникнуть в цели правительства, которое хочет и хочет непреоборимо положить единым основанием народного просвещения – благочестие… Начальство требует военных и гражданских чиновников благочестивых; ученость же без веры в Бога Откровенного не токмо не нужна ему, но почитается им вредною». М.Л. Магницкий назначается попечителем Казанского учебного округа и получает задание реорганизовать Казанский университет. В инструкции директору университета в 1820 году М.Л. Магницкий писал: «Цель правительства в образовании студентов состоит в воспитании верных сынов Православной Церкви, верных подданных Государю, добрых и полезных граждан Отечеству… В преподавании всех наук в университете должен быть дух Святого Евангелия». От директора требовалось наблюдать, «чтобы дух вольнодумства ни открыто, ни скрыто не мог ослаблять учения Церкви и в преподавании наук философских, исторических или литературы». Очевидно, что налицо – поворот в образовательной политике российской власти.

К сожалению, глава министерства А.Н. Голицын и его ближайшее окружение попали под сильное влияние протестантских и других еретических течений. Создавались благоприятные условия для распространения литературы, проповедовавшей мистические лжеучения. Противники курса Голицына подвергались репрессиям. Все это мешало истинному просвещению народа России на основе традиционных ценностей православной религии.

Протесты и духовенства, и гражданских лиц привели к отставке Голицына. Объединенное министерство упраздняется. В 1824 году министром народного

просвещения становится один из самых непримиримых противников партии Голицына адмирал А.С. Шишков, великий патриот России. В речи при вступлении в должность А.С. Шишков изложил свое педагогическое кредо: «Науки, изощряющие ум, не составят без веры и без нравственности благоденствия народного. Они сколько полезны в благонравном человеке, столько же вредны в злонравном… Но правила и наставления в христианских добродетелях, в доброй нравственности нужны всякому».

Александр Семенович Шишков (1754 – 1841) – одна из самых ярких фигур в истории России первой половины 19 века. Огромен его вклад в укрепление Российского государства, в развитие русской культуры. Шишков – человек разносторонних дарований: мореплаватель, воин, поэт, переводчик, ученый, государственный деятель, педагог. Его называли «мужем отечестволюбивым» (Карпец В. «Муж отечестволюбивый». М., 1990).

А.С. Шишков получил всероссийскую известность задолго до назначения его министром народного просвещения. «Рассуждение о любви к отечеству», написанное им с болью в сердце, всколыхнуло русское общество, привлекло к себе внимание в правительственных кругах. Считая язык основой культуры и воспитания, А.С. Шишков создал и руководил литературным объединением «Беседы любителей русского слова», которое вело борьбу против засорения родного языка иностранными словами, против рабского подражания заграничным обычаям. Его считали своим учителем А.С. Грибоедов и С.Т. Аксаков. А.С.Пушкин писал о Шишкове: «Сей старец дорог нам». Заслуги Шишкова перед русской словесностью признавали многие советские авторы (181, 132). «Язык наш превосходен, богат, громок, силен, глубокомысленен, – писал А.С. Шишков,– надлежит только познать его, вникнуть в состав и силу слов, и тогда удостоверимся, что не его другие языки, но он их просвещать может».

А.С. Шишков называл язык фундаментом нации и указывал, что разрушение его, в конечном счете, может привести к гибели народа. Он с большой тревогой говорил об увлечении высшего общества России французским языком в ущерб родному и особенно сетовал на пренебрежительное отношение к церковнославянскому языку – богослужебному языку Русской Православной Церкви. «Тому, кто грамматику природного своего языка хорошо знает, – отмечал А.С. Шишков,– немного времени потребно обучиться читать на иностранном языке. Напротив, чтобы говорить им как своим природным, нужно от само-

го младенчества беспрестанно им заниматься. Это воспрепятствует вам знать собственный язык ваш, разумеется, не тот, которому научились вы на улице, но тот, каким в священных храмах проповедуют слово Божие и какой находили вы в книгах от Нестора до Ломоносова, от Игоревой песни до Державина». А.С. Шишков с болью писал о том, что «словенский, древний, коренной, важный, великолепный язык наш, на котором преданы нам нравы, дела и законы наших предков, на котором основана церковная служба, вера и проповедание слова Божиего, сей язык оставлен презрен».

Невнимание к родному языку и раболепство перед западной культурой А.С. Шишков непосредственно связывает с упадком веры и нравственности. С горьким чувством он говорит о русском мальчике, который на десятом году жизни наизусть декламирует французские стихи, но «еще ни одного русского писателя не читал, Псалтири, Нестора, Четьи-Минеи и в глаза не видал». Подрастает человек, который «о бессмертии души… никогда не думает». Став взрослым, он «больше всего превозносит вольность, которая, по его понятиям, в том и состоит, чтоб не считать ничего священным, не повиноваться ничему, кроме страстей своих» (388, 124).

Верность Православию, добронравие, преданность Отечеству, любовь к родному языку и отечественной культуре – эти понятия для Шишкова неразделимы: «Народ приобретает всеобщее к себе уважение, когда оружием и мужеством хранит свои пределы, когда мудрыми поучениями и законами соблюдает доброту нравов, когда любовь ко всему отечественному составляет в нем народную гордость, когда плодоносными ума своего изобретениями не только сам изобилует и украшается, но и другим свои сообщает. О таком народе можно сказать, что он просвещен».

Император Александр I сумел по достоинству оценить патриотические настроения А.С. Шишкова. Накануне отечественной войны 1812 года тот получает назначение на пост статс-секретаря и становится, по сути, правой рукой государя в управлении страной. Он ведет всю государственную документацию, направляет внешнеполитическую деятельность России, отвечает за решение общих вопросов военной политики, пишет царские манифесты, причем, таким возвышенным слогом, что современники говорят: «Шишков один двигает народным духом».

Написанные им манифесты воодушевляли народ, поднимали его на ратный

подвиг во славу Родины, вселяли веру в правоту и святость борьбы с иноземными захватчиками.

По окончании войны А.С. Шишков избирается президентом Российской Академии, которым остается до конца жизни. В течение нескольких лет он занимает также пост министра народного просвещения: в послевоенный период «шатания умов» на посту министерства, ведавшего столь важной сферой государственной жизни, нужен был авторитетнейший человек, способный непреклонно отстаивать интересы Отечества.

А.С. Шишков хорошо понимал, какая огромная ответственность лежит на возглавляемом им министерстве. Обращаясь к своим сотрудникам, он говорил: «Мы дадим Богу и Отечеству ответ, если нерачительно будем исполнять долг свой и обязанность. Перенесемся воображением через шесть или семь пятилетий вперед и взглянем мысленно на последствия наших деяний. Если воспитываемое во множестве училищ юношество от нерадения нашего возрастет и возмужает с некоторыми недостатками и пороками; если, не утвержденное в благоговении к Богу, в преданности к Государю и Отечеству, в любви к правде, в чувствовании чести и человеколюбия, заразится оно лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлою гордостью и пагубным самолюбием, то сколько впоследствии времени произойдет от того зла и в воинских ополчениях, и в судебных заседаниях, и в исполнении всяких должностей, и в семействах, и вообще в пользе общежития» (388, 128).

Как уже отмечалось, проблемы образования волновали Шишкова и тогда, когда он не был министром просвещения. В 1815 году он представил Государственному совету выдержки из целого ряда учебных пособий для университетов, гимназий и училищ, изданных при Министерстве народного просвещения. А.С. Шишков указывал, что эти книги способны «скорее затмить ум и развратить сердце ученика, скорее возбудить в нем огонь страстей и самолюбия, нежели просветить нужными познаниями, украсить благонравием и наставить на истинный путь». Министерство просвещения оставило соображения, высказанные Шишковым, без внимания. Впоследствии в качестве учебных пособий были выпущены еще более опасные в нравственном отношении сочинения, прямо направленные против православной веры и монархии и приведшие к беспорядкам в учебных заведениях. В этом же году Шишков выступил с проектом цензурной реформы, предусматривавшим активную роль нравственной, духовной

и политической цензуры.

Став министром, А.С. Шишков поставил вопрос о том, чтобы устранить разнобой и произвол в преподавании. Он считал недопустимым в процессе обучения упускать из виду «главнейшие в просвещении основания» – наставление в чистой христианской вере и доброй нравственности. «Одно обучение не есть воспитание и даже вредно без возделывания нравственности, которой христианину вне Церкви нигде найти не можно», – подчеркивал А.С. Шишков. Этому принципу он и старался следовать в своей деятельности на посту министра народного просвещения, главное внимание уделяя нравственному развитию личности и религиозному воспитанию как его основе.

Шишков выдвинул идею «русского воспитания», которое понимал как формирование религиозного чувства любви к Отечеству и Православию, приверженность таким «русским» ценностям, как послушание, кротость, милосердие, гостеприимство, целомудрие.

В 1828 году в России принимается новый школьный устав. Отныне условием создания приходского училища становится письменное согласие священника, выражающего готовность проводить уроки религии во вновь создаваемой школе. Устанавливается обязательность изучения этого предмета. Обучение религии начинает занимать первую строку в перечне предметов учебного курса. (В уездном училище изучалось большее количество предметов, поэтому доля учебного времени на обучение религии оказывалась здесь меньшей, чем в приходских училищах). В штате училищ появляется должность законоучителя, а правом занимать ее наделяются только церковные лица. Впервые в общем законодательном акте обучение религии рассматривается как основа и нравственная цель воспитания. Законоучитель был уравнен в правах, связанных с осуществлением учебного процесса, с другими учителями уездного училища.

В 30-х годах 19 века министр народного просвещения **Сергей Семенович Уваров** (1786 – 1855) заявил о намерении «приспособить общее всемирное просвещение к нашему народному быту, нашему народному духу». Этот курс выразился в известной формуле: «Православие, самодержавие, народность». Были усилены классические основы среднего образования, разграничены его профили, усилился контроль за частной образовательной деятельностью.

Десять лет спустя С.С.Уваров так скажет о мотивах проводимой им политики: «при повсеместном распространении разрушительных понятий, ввиду пе-

чальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народов; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие». На первое место среди этих начал С.С. Уваров ставил Православие.

В 30 – 40-х годах 19 века стала очевидной невозможность создания единообразной школьной системы во всех регионах России. Наиболее слабым звеном школьной системы оставалось начальное образование, особенно в сельской местности. Вместе с тем, активизировалась просветительская и миссионерская деятельность Русской Православной Церкви, к середине 19 века на средства православного духовенства содержалось около девяти тысяч приходских школ.

Деятельность А.С. Шишкова и его преемников в 30-е, 40-е и 50-е годы 19 века соответствовала основным представлениям императора Николая I (1796 – 1855) о целях и задачах образования. «Учение и ученость я уважаю и ставлю высоко, – говорил император на встрече с делегацией Московского университета,– но еще выше я ставлю нравственность. Без нее учение не только бесполезно, но может быть вредно, а основа нравственности – святая вера. Вместе с учением надо воспитывать религиозное чувство. Вот мой взгляд на просвещение». Ранее Николай I указывал, что необходимо преобразовать преподавание в университетах таким образом, чтобы «впредь все положения и выводы науки были основываемы не на умствованиях, а на религиозных истинах, в связи с богословием».

В дискуссиях о народном образовании этого периода большой вес имело мнение выдающихся представителей русской педагогической мысли традиционалистского направления. К их числу, в частности, принадлежал известный лингвист и этнограф, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» **Владимир Иванович Даль** (1801 – 1872).

По мнению В.И. Даля, образование и образовательная политика должны оцениваться с точки зрения нравственности и соответствия национальным особенностям страны. «В противоборстве западному приливу и волнению, – писал В.И. Даль,– кажется, не может быть иного смысла, как требование, во-первых, принимать образование и просвещение в добром направлении его, а не в дурном (можно быть умным и ученым негодяем), – и во-вторых, принимать его не бессознательно, а применяя и приурочивая к своей почве.., следовательно, от-

вергая или изменяя все то, что нам негоже» (47, 18).

Широкий резонанс имело выступление В.И. Даля в защиту родного языка в Обществе любителей русской словесности в 1862 году. «Все, что было сделано доселе, со времен петровских, в духе искажения языка, – сказал он, – все это как неудачная прививка, как прищепа разнородного семени, должно усохнуть и отвалиться, дав простор дичку, коему надо вырасти на своем корню...

Слова В.И. Даля, сказанные почти полтора столетия назад, в еще большей степени служат предостережением сегодняшним носителям русского языка, педагогам, родителям, всем, кто должен передать его богатства молодому поколению.

Внес свой вклад в развитие отечественной педагогики великий русский писатель **Николай Васильевич Гоголь** (1809 – 1852). В этом плане следует упомянуть, прежде всего, его книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». По мнению Н.В. Гоголя, Православная Церковь должна занять достойное место в русском обществе, быть духовным и нравственным руководителем народа. «В ней, – писал Гоголь, – заключено все, что нужно для жизни истинно русской, во всех ее отношениях, начиная от государственного до простого семейственного, всему настрой, всему направленье, всему законная и верная дорога. По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведенье в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословенья». Просветить, в понимании Н.В. Гоголя, «не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружавшие, и знает, зачем произносит» (43, 97).

Со словами В.И.Даля и Н.В.Гоголя перекликаются рассуждения славянофила **Ивана Васильевича Киреевского** (1806 – 1856): «Грамотность и вообще первоначальное обучение народа может быть полезно и вредно, смотря по характеру самого обучения и тем обстоятельствам, в которых находится обучаемый... Русский человек весьма уважает образованность там, где видит от нее несомненную пользу, но он… боится обманчивой стороны образованности и держится старины, ищет только такого просвещения, о котором мог быть уверен, что оно действительно основывалось на его коренных убеждениях веры и

вековых обычаях нравственности». И далее: «Образовательное начало заключалось в нашей Церкви» (174, 108).

В 1861 году последовал Высочайший рескрипт царя Александра II (1818 – 1881), которым предоставлялось равное право Министерству народного просвещения и духовному ведомству на создание учебных заведений начального образования. С начала 60-х годов впервые в законодательно-нормативной форме ранее декларированная цель начального образования России: «распространение первоначальных полезных сведений», – дополняется идеологической: «утверждение религиозных и нравственных понятий».

Тем же рескриптом устанавливается право местных приходских священников контролировать соблюдение религиозной направленности во всех начальных учебных заведениях.

В 1866 году Александр II в другом своем рескрипте называет главной задачей правительства «охрану русских людей от вредных лжеучений» и сообщает о том, что им даны указания о наставлении юношества в духе истин религии. В «Объяснительной записке к правилам для учеников» Министерства просвещения от 1874 года говорится: «Всякая разумно направляемая школа стремится к воспитанию детей в истинно патриотическом духе, в духе полнейшей преданности Государю, Отечеству, своему народу, в духе полного уважения к его прошедшему и веры в его будущее, в духе хранения заветов его истории... Довершением истинно-нравственного воспитания может быть только воспитание в религиозном духе. И в этом отношении, как во всех других, собственный пример и собственное настроение наставников могут лучше всего действовать и на учеников и только при собственном религиозном, истинно христианском настроении наставников оно может сообщаться и их ученикам».

Переломным моментом в истории российской школы стала реформа 60-х годов 19 века – составная часть широких социально-экономических, административных, военных, судебных и других преобразований, осуществленных при Александре II. Важнейшие меры, повернувшие российское просвещение на путь массовой школы, были обрисованы «Положением о начальных народных училищах» (1864). Цель начального образования определялась как «утверждение в народе религиозных и нравственных понятий и распространение первоначальных полезных знаний». Начальные школы объявлялись общедоступными и бессословными. Поощрялась частная и земская инициатива в открытии учеб-

ных заведений, что способствовало развитию женского, внешкольного и других направлений образования. Основными предметами стали: Закон Божий, чтение русских и церковно-славянских книг, письмо, начала арифметики, церковное пение.

Реформа 60-х годов 19 века утверждала всесословность как коренной принцип образования. Реформа впервые обозначила черты государственно-общественной системы управления образованием.

В 80-х годах 19 века внимание обер-прокурора Святейшего Синода **Константина Петровича Победоносцева** (1827 – 1907), одного из видных деятелей русского просвещения, привлек опыт частной школы С.А. Рачинского, в которой обучение наукам было тесно связано с преподаванием религии. К.П. Победоносцев писал: «По народному понятию, школа учит читать, писать и считать, но, в нераздельной связи с этим, учит знать Бога и любить Его, и бояться, любить Отечество, почитать родителей. Вот сумма знаний, умений и ощущений, которые в совокупности образуют в человеке совесть и дают ему нравственную силу, необходимую для того, чтобы сохранить равновесие в жизни и выдерживать борьбу с дурными побуждениями природы, с дурными внушениями и соблазнами мысли» (251, 35).

По настоянию К.П. Победоносцева создается целая сеть церковно-приходских школ, образцом для которых послужила школа Рачинского. В 1884 году император Александр III (1845 – 1894) утверждает «Правила о церковно-приходских школах». Это были начальные училища, открываемые православным духовенством. Цель их заключалась в том, чтобы, как говорилось в правилах, «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания». Церковноприходские школы были двух видов: с двухлетним и четырехлетним курсом обучения. В них преподавались Закон Божий (изучение молитв; Священная история и объяснение богослужения; краткий катехизис); церковное пение; чтение церковной и гражданской печати и письмо; начальные арифметические сведения. В школах с четырехлетним сроком обучения преподавались также начальные сведения из истории Церкви и Отечества.

«Приходские школы, – говорилось в «Правилах», – нераздельно с Церковью должны внушать детям любовь к Церкви и богослужению». Ежедневные учебные занятия начинались и оканчивались молитвой. Преподавание в цер-

ковно-приходских школах вели местные священники или члены чта, а также особо назначаемые с утверждения епархиального архиерея учителя и учительницы под наблюдением священника. Учительские должности в церковноприходских школах занимали преимущественно выпускники духовных учебных заведений и женских училищ духовного ведомства.

Вся обстановка в школе способствовала созданию у учащихся молитвенного настроя, серьезного отношения к учебе. Войдя в школу, ученик налагал на себя крестное знамение и отвешивал низкий поклон учителю (а учителю-священнику – земной поклон). Затем он, положив установленные три поклона перед иконой, приступал к повторению пройденного материала. Уроки заканчивались, когда звонили к вечерней службе – то есть около четырех часов дня. Школьники вставали с мест и пели хором молитву «Ныне отпущаеши…» Накануне большого церковного праздника все учащиеся в обязательном порядке шли на службу. Учитель напоминал им, что они должны вести себя в храме благопристойно. В одном из наставлений учащимся того времени говорится: «Если минуете святую церковь, и узрит кто образ Христов, не мини (то есть не пройди мимо), еже не помолиться». Школьникам было запрещено без надобности ходить по улицам, особенно там, где собирается толпа. Если ребенку плохо давалась наука, родители приглашали священника. Читались особые молитвы над «неудобоучащемся грамоте», святых Сергия Радонежского и Александра Свирского призывали уврачевать «скорбную главу», дать ей понимание и способность к учению. Учителя и родители рассказывали детям, как эти святые усердно молились Пресвятой Богородице, прося, чтобы она отверзла их «умные очеса», и как молитва их была услышана. По воскресным дням и большим церковным праздникам ученики после Литургии приходили в школу, чтобы поздравить учителя. Он беседовал с детьми о празднике, рассказывал им о жизни святого или священном событии, память которого праздновалась в тот день, и завершал беседу кратким поучением, после которого все, помолившись, расходились.

В начале 20 века церковно-приходские школы стали трех– и пятигодичными. Высшее управление церковными школами было представлено Святейшему Синоду, а ближайшее заведование – училищному совету при Святейшем Синоде. Местное заведование церковными школами возлагалось на епархиальных преосвященных, которые управляли ими через епархиальные училищные сове-

ты и уездные их отделения. Члены епархиального совета и его ний, а также их председатели назначались епархиальным архиереем. На содержание церковно-приходских школ отпускались средства из бюджета министерства народного просвещения. С 1885 по 1902 год государственные ассигнования на церковно-приходские школы возросли с 55 тысяч до 10,3 миллионов рублей. Число их увеличилось с 5517 в 1885 году до 42696 в 1905 году. В 1865 году две трети всех приходов России имели церковные школы с охватом учащихся свыше 400 000 человек. В 1915 году в России насчитывалось 40 530 церковно-приходских школ, что составляло 32,8 процента всех начальных учебных заведений страны.

Церковно-приходские школы сыграли огромную роль в духовном просвещении народа. Церковно-приходская школа была единственной в самых глухих уголках Руси. Ее учителя – священники Русской Православной Церкви – шли к русскому крестьянину с грамотой и религиозным учением. То была поистине народная школа, которая существовала целиком на средства Церкви. Дмитрий Андреевич Толстой (1823 – 1889), будучи министром народного просвещения, в 1861 году писал: «Духовенство обнаружило такие учительные силы, каких тщетно было бы ожидать от какого-либо другого ведомства или учреждения и каким могла бы позавидовать любая из просвещенных стран Европы» (459, 562).

Анализируя процесс становления и развития системы православного воспитания и образования в России, нельзя особо не остановиться на деятельности русского просветителя, крупного деятеля народного образования и ученого **Сергея Александровича Рачинского** (1833-1902), сторонника церковно-приходских школ, педагога религиозно-нравственного направления.

Он родился в селе Татеве Смоленской губернии в дворянской семье. Со временем развившись в богато одаренного и талантливого ученого, С.А. Рачинский защитил в Московском университете магистерскую («О движении высших растений») и докторскую («О некоторых химических превращениях растительных тканей) диссертации и стал профессором кафедры физиологии растений. В годы профессорства С.А. Рачинский являлся активным членом всевозможных научных, литературных обществ. С научными и образовательными целями выезжал за границу. Он поддерживал отношения с известными деятелями русской культуры того времени.

В конце 60-х годов С.А. Рачинский оставляет профессорскую кафедру для того, чтобы стать сельским учителем, обучать крестьянских детей. С начала 70-х годов в течение более четверти века он занимался в родном селе Татеве, а затем в других регионах Смоленской губернии учительской и просветительской деятельностью. Об этом опыте и своих выводах С.А. Рачинский рассказал в книге «Сельская школа» (283).

На протяжении своей деятельности С.А. Рачинский построил свыше двадцати начальных школ, четыре из которых содержал полностью. Он пытался создать тип русской национальной школы. Считая основой воспитания и образования религиозность, Рачинский ратовал за передачу начального образования полностью в руки духовенства. Задачу начальной школы он видел в формировании у детей целостного и гармоничного мировосприятия на основе идеалов Православия. Религиозно-нравственное воспитание в школах Рачинского осуществлялось в тесной связи с эстетическим и трудовым. Деятельность Татевской школы, созданной С.А. Рачинским, получила высокую оценку императора Николая II, других видных деятелей того времени.

Церковно-приходские школы, являясь основой системы православного образования и воспитания на Руси, сыграли огромную роль в духовном просвещении русского народа, в борьбе с нигилистическими и революционными настроениями. Еще до февральской революции 1917 года предпринималась попытка изъять их у духовенства и подчинить Министерству народного просвещения. Однако это произошло только после свержения монархии.

В тот короткий период, когда у власти находилось Временное правительство, вносились предложения отменить обязательное преподавание Закона Божия в государственных учебных заведениях, но до конкретных шагов в этом направлении дело не дошло. Большевики, захватившие власть в октябре 1917 года, одним из своих первых декретов полностью упразднили преподавание религии в государственных школах. На многие десятилетия оказалась разорванной естественная связь между образованием и Православием.

В целом, анализируя историю русской школы, можно отметить, что Православие сформировало концепцию русского воспитания, стало основой становления и развития семейного воспитания, школьного и профессионального образования России. На протяжении десяти веков, начиная от Крещения Руси в 988 году и до нашего времени, Православие является основой русской педаго-

гики.

В 20 веке носителями традиций православного воспитания (даже после революции 1917 года) оставались не только деятели Русской Православной Церкви, но и многие педагоги-практики, а также ученые, которые продолжали осуществлять свою деятельность на основе христианских ценностей. Сохраняясь в содержании образования (русская классическая литература, русская история), христианские ценности способствовали сохранению особого менталитета русского человека.

2.1.3. Роль Свято-Троице-Сергиевой Лавры в становлении и развитии русской школы. Московская духовная академия.

Многовековая история Троице-Сергиевой Лавры – отражение славной истории России, пример патриотического служения. В годы смуты Троице-Сергиева Лавра показала пример мужественного стояния за честь русского народа. Она сделалась неприступной крепостью на пути захватчиков. В сознании русских людей она всегда была оплотом духовного и национального единства, символом независимости России (там же, с. 217). Они несли свет христианской истины и культуры диким народам окраин Руси, вливали новые племена в состав государства, становились форпостами на пути внешних врагов (Богословские труды. Сб. 29. М.: МП, 1989, с.217).

То же происходит со многими монастырями, созданными учениками-иноками «школы преподобного Сергия», которые постепенно становятся крупнейшими духовными и миссионерскими центрами, выполняют объединяющую, патриотическую миссию (там же, с. 217).

Обитель преподобного Сергия, как пишет один из ее исследователей, - «краткий конспект бытия нашей Родины», художественный портрет России, место, где наше Отечество ощущается как целое (там же, с. 202). Все направления русской жизни берут свое начало от этого истока. Русская икона, русская архитектура, русская книга, русская литература - все русское просвещение получали «основное свое питание» от просветительной деятельности Лавры (там же, 202-203).

Сергий Радонежский – духовный предводитель Древней Руси, определивший развитие русского просвещения.

Духовное, культурное и политическое возрождение Руси, нение русских земель вокруг Москвы и создание единого мощного государства, начавшееся после победы русского народа в Куликовской битве в 1380 году, стало возможным благодаря жизни и деятельности преподобного Сергия Радонежского и его учеников. Они сумели пробудить в соотечественниках высокие нравственные и патриотические чувства, сплотить народ, воодушевить его на борьбу за национальную независимость, на созидание сильной, высокоразвитой державы.

В Троицкой обители русские люди увидели новую жизнь – жизнь, чуждую раздоров и ненависти, жизнь, где господствовала любовь и сострадание (там же, с. 202). Тихость, кротость, молчание, смирение, безгневие, простота, любовь, равная ко всем, - эти качества преподобного Сергия в течение всего его пятидесятилетнего подвига незаметно распространились по Руси, духовно врачуя, утешая русских людей, укрепляя нравственные силы народа, его веру.

И в дальнейшей истории нашей страны именно силой веры русские люди прогоняли захватчиков, заселяли непроходимые леса и пустыни, благодаря вере распространялось просвещение (там же, с. 202).

Если попытаться охарактеризовать несколькими словами деятельность великого основателя Лавры, то наиболее точным будет понятие «собирание». Как пишут его биографы, вначале он в молитве собирает воедино силы своей души, затем, «далеко отбрасывая лучи благодати, мира и любви», собирает вокруг себя братию монастыря. А затем, постепенно, он собирает и всю Русь (БТ 29, с. 216). До ста монастырей – духовных центров просвещения - было основано им самим и его учениками.

Преподобный Сергий посвятил свою жизнь нравственному воспитанию русского народа. Один из главных методов его воздействия, по свидетельству исследователей его жизни и деятельности, - «личный живой пример его святой жизни» (БТ 29, с. 201). На любом поприще он трудился с неослабной энергией. Уже будучи игуменом, руководителем монастыря, он был для иноков «и поваром, и пекарем, и мельником, и дровоколом, портным, плотником» (там же, с. 201). На нем лежал тяжкий труд по духовному воспитанию монахов. С любовью он принимал приходящих в обитель, особенно пристально наблюдая за духовным состоянием вновь поступивших, и распределял послушания по силе и склонности каждого. Каждую ночь заботливый настоятель ходил мимо келий,

легким стуком напоминая тем, кто предавался праздному слову, о обходимости молитвы – главного иноческого «делания». А наутро он вразумлял согрешивших, вызывая у них раскаяние не резким обличением, не упреками, а осторожными намеками, тихой и кроткой речью. По свидетельству современников, он «с терпением и любовью врачевал души» (там же, с. 201). Под его мудрым управлением в Троицкой обители из пришедших в нее разных по характеру и складу людей «складывалось настоящее братство» - с «единой душой и единым сердцем» (Деян. 4, 21).

Главная заслуга преподобного Сергия Радонежского, как пишет один из его биографов, **в том, что он «возродил на Руси дух апостольского христианства, сумел создать и утвердить в своей обители ту евангельскую основу жизни, атмосферу единодушия и единомыслия», которая составила фундамент русского возрождения** (БТ 29, с. 201).

По свидетельству одного из известных российских деятелей, «вглядываясь в русскую историю, …мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первоузлу, к этому Ангелу земли Русской: нравственная идея, государственность, русская школа, русская наука – все эти нити сходятся к Преподобному (Троице-Сергиева Лавра и Россия, М., 1919, с. 9).

Свято-Троицкий монастырь с середины 14 века становится духовным и культурным центром Древней Руси. Усилиями игумена Сергия и его ближайших сподвижников в стенах Троицкой обители создается иноческая школа благонравия, ставшая для русского народа образцом духовной и нравственной жизни. Здесь воспитываются истинные поборники Православия, созидатели отечественного образования и культуры. Здесь обучаются монахи-книжники и иконописцы, развивается ремесленное дело. Отсюда христианское просвещение распространяется по всем русским землям, делаясь доступным для широких народных масс. Не случайно именно сюда, в Свято-Троице-Сергиеву Лавру, в 1814 году переводится из Москвы Московская духовная академия, которая ведет свою историю от Славяно-греко-латинской академии, основанной в 1687 году.

Вклад Московской Духовной Академии в развитие русского образования наиболее полно отражен в юбилейном сборнике «Московская Духовная Академия – 300 лет (1685 – 1985). Богословские труды» (146). Именно этот труд далее излагается нами.

Вклад Московской духовной академии в образование России.

Неоценим вклад Московской Духовной Академии в развитие многих наук, особенно гуманитарных. Велико ее значение для российской системы образования в целом.

Весьма важно создание в стенах Академии *переводческой школы*, что явилось значительным нововведением в системе образования.

Лучшие силы были сосредоточены на переводе патриотического, святоотеческого наследия. Были переведены творения учителей Вселенской Церкви Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Григория Рисского. Впервые были поставлены и решались проблемы кирилло-мефодиевского перевода Священного Писания. Выполненные переводы помещались в учрежденном печатном издании «Прибавление к творениям Святых Отцов». Объем академических переводов составил в этот период более восьмидесяти томов изданных сочинений.

Эти переводы имели огромное значение для образования и науки, дав толчок развитию отечественной научной мысли.

Переводная литература имела не только богословское, но и большое общекультурное значение, знакомя русского читателя с историей христианской Европы.

Краткий перечень ученых, которых дала Московская Духовная Академия, лучше всего начать с имени Михаила Васильевича Ломоносова (1811-1865). Это – самый значительный русский ученый 18 века, наиболее замечательный деятель дореволюционной русской культуры. М.В.Ломоносов учился в Академии почти пять лет.

Михаил Васильевич Ломоносов получил в Академии основательную филологическую подготовку, овладел латынью – международным языком научного общения того времени. Впоследствии это дало ему возможность широких контактов в ученом мире, сравнительного изучения культурного наследия стран Европы и России.

«Российская грамматика» Ломоносова (1757) стала первой печатной грамматикой живого русского языка. В ней впервые разграничены церковнославянский и русский языки, определены их особенности, проанализированы диалекты, среди которых отмечается «отменная красота» московского наречия.

Сочинение «О пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов по-

свящает изложению своей теории «трех штилей» русского ного языка, основанной на признании того, что русский язык продолжает в немалой мере пользоваться богатствами славянского языка.

М.В.Ломоносов по праву вошел в историю литературы как отец русской поэзии, осуществив разработку теории силлабо-тонического русского стиха, намеченную трудами В.К. Тридиаковского, и воплотив на практике реформу русского стихосложения. Большое влияние на культуру и образование оказал его труд «Краткое руководство к красноречию». Перу великого ученого принадлежит также немало значительных исторических сочинений.

Обучение в Академии, где преподавалась математика и естествознание, оказало влияние на естественнонаучные занятия будущего ученого, помогло ему в овладении экспериментальной наукой, с которой Ломоносов вплотную соприкоснулся во время своего обучения в Германии (101, 49-52).

Математика, физика, химия, металлургия, механика, геология, астрономия, стекольная промышленность, мозаика, поэзия, драматургия, ораторская проза, публицистика, теория языка и словесности – трудно перечислить все области, где проявил Ломоносов свои великие дарования. По словам Пушкина, Ломоносов – основатель Московского государственного университета, – «сам был первым нашим университетом».

Универсальная широта интересов, проявившаяся в личности Ломоносова, уникальна, но в той или иной мере присуща многим, если не всем, выпускникам академии, внесшим неоценимый вклад в развитие русского просвещения во всех сферах науки, культуры, практической деятельности.

Нельзя не сказать о вкладе естественнонаучной школы Московской Духовной Академии в российское просвещение.

Математика преподавалась в Академии с первых лет ее существования. Этот курс не ограничивался чисто арифметикой, но включал имевшиеся в России уже в 17 веке рукописные руководства по геометрии и астрономии.

Из стен Академии вышел талантливый русский математик Леонтий Филиппович Магницкий (1669– 1739) – автор первого русского печатного руководства, которое более полувека служило школьным учебником: «Арифметика, сиречь наука числительная...» (1703). Это учебная энциклопедия по арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, содержащая также сведения по астрономии, геодезии и навигации.

Известный русский *астроном* Никита Иванович Попов (1720–1782), автора нескольких астрономических работ, в том числе академических календарей на 1755– 1760 годы, -также выпускник МДА.

География занимала важное место в числе наук, преподававшихся в Академии. Ее выпускник знаменитый исследователь Камчатки Степан Петрович Крашенинников (1713– 1755) оставил выдающийся труд «Описание земли Камчатки» (1755), переведенный на многие языки и неоднократно переиздававшийся. Крашенинников написал также несколько работ по *ботанике*.

Медицина в истории Академии имела особое значение. Из числа ее учеников, владевших латынью, вплоть до конца 18 века «рекрутировались» студенты медицинских училищ и школ, открывшихся при Петре I. В 1802 году в Академии было введено чтение специального двухлетнего курса медицины. Медицинская подготовка признавалась необходимой не только для тех, кто в дальнейшем хотел посвятить себя медицине, но и для избиравших путь пастырского служения.

В числе известных медиков, вышедших из стен Московской духовной школы, можно назвать таких, как Петр Васильевич Постников – первый русский доктор медицины и философии; Семен Герасимович Зыбелин – один из первых русских профессоров медицины в Московском университете; Григорий Яковлевич Высоцкий – профессор Медицинской академии, президент Физико-медицинского общества, главный доктор Мариинской Московской больницы.

Иван Иванович Ястребцев (1776 – после 1839) защитил докторскую диссертацию «О функциях нервной системы». Большую известность получила его книга «О системе наук, приличных в наше время детям, назначаемым к образованнейшему классу общества» (1833).

Из стен Академии вышли замечательные деятели русской *промышленности и сельского хозяйства*. Среди них – Дмитрий Иванович Виноградов (1720–1758), первооткрыватель и разработчик русской рецептуры и технологии изготовления фарфора. Известно, что в 18 веке такое производство в Европе только начиналось и способы его изготовления были строго засекречены.

Иван Иванович Комов (? – 1790) – профессор *земледелия* в Московском университете, автор книг «О земледельческих орудиях» (1785) и «О земледелии» (1788).

Степан Алексеевич Маслов (1786 – 1879) – один из основателей и неиз-

менный секретарь Императорского Московского общества сельского хозяйства и «Земледельческого журнала». Составитель и переводчик множества работ по земледелию. Содействовал развитию русской свеклосахарной промышленности.

Литература и словесность, гуманитарные науки, журналистика и публицистика – преподаватели Академии внесли свой вклад и в эти сферы знаний.

На рубеже 17– 18 веков из духовной Академии вышло несколько видных *поэтов*. Среди них:

Иеромонах Чудова монастыря Карион (Истомин) (1640 – 1718). Его стихотворный Букварь (1694) стал широко известен и служил нескольким поколениям юных читателей.

Поэт и дипломат, князь Антиох Дмитриевич Кантемир (1708– 1744) – автор произведений, в которых изображено современное ему русское общество. Он писал басни, много переводил. Его «Письма о природе и человеке» проникнуты глубоким религиозным чувством.

Василий Кириллович Тредиаковский (1703– 1768) оставил большой след в русской культуре. Его наследие (стихи, ученые труды, переводы) насчитывают более тридцати томов. В 1735 году он выпустил статью «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», в которой изложил свои подходы к обоснованию силлабо-тонической разновидности стихосложения, которая впоследствии воплотилась в теории русского стихосложения М.В.Ломоносова.

Известны имена поэтов и переводчиков Василия Петровича Петрова – придворного библиотекаря в Петербурге, а также Ермила Ивановича Кострова - официального университетского поэта.

Значительный вклад выпускники Академии внесли в становление и развитие русской *журналистики*.

Николай Иванович Надеждин (1804– 1856) получил докторскую ступень уже в Московском университете, защитив диссертацию о романтической поэзии. Читал лекции по теории искусств, археологии и логике. В 1831 – 1836 годах издавал журнал «Телескоп». Надеждину принадлежит множество работ по истории, географии, этнографии и статистике России, русской диалектологии, старообрядчеству, сектантству и др.

Григорий Захарович Елисеев (1821 – 1891), автор труда «История первых насадителей и распространителей Казанской Церкви святителей Гурия, Варсо-

нофия и Германа» (1847). В 1858 – 1866 годах деятельно сотрудничает в «Современнике», а также в газете «Голос». С 1868 по 1884 год вместе с Некрасовым и Салтыковым-Щедриным редактировал «Отечественные записки».

Епископ Иоанн (Соколов; 1818– 1869), епископ Хрисанф (Ретивцев; 1832– 1883) и архимандрит Феодор (Александр Матвеевич Бухарев; 1822– 1871), ряд других духовных лиц, известны своими значимыми трудами в области *публицистики*.

Философия была одним из главных предметов преподавания в Академии. Философско-религиозное направление формировало научные интересы многих ее учеников, ставших впоследствии видными русскими философами.

Николай Никитич Поповский (1730– 1760) – первый профессор философии в Московском университете и основатель второй в России газеты – университетских «Московских ведомостей» (1756).

Архимандрит Гавриил (Воскресенский; 1795– 1868) – первый русский историк философии. Преподавал философию в Казанском университете. Его главные научные труды - «История философии» (1839– 1840), «Философия правды» (1843).

В 19 веке в Академии складывается целая философская школа, родоначальником которой явился протоиерей Феодор Александрович Голубинский (1797– 1854) – глубокий знаток истории философии, современной ему западной философии, «основатель русского теизма» (177, 580). При жизни им опубликована лишь одна статья – «Содержание и история учения о конечных причинах» (1847). После кончины его лекции, читанные в 1884– 1886, изданы в записях его учеников.

Учеником и преемником протоиерея Ф. А. Голубинского по кафедре философии был Виктор Димитриевич Кудрявцев-Платонов (1828– 1891). В своих трудах он продолжал философскую линию своего учителя. Отдельно изданы «Введение в философию» (1889), «Начальные основания философии» (1889–1890).

Из учеников протоиерея Ф. А. Голубинского известны также имена священника Д. Г. Левицкого, автора книги «Премудрость и благость Божия в судьбах мира и человека» (1857) и протоиерея И. М. Богословского-Платонова, автора работы «Арабы и их философия» (1850).

Алексей Иванович Введенский (1861 – 1913) преподавал в Академии исто-

рию философии. Известность получили его магистерская диссертация «Вера в Бога, ее происхождение и основание» (1891), докторская диссертация «Религиозное сознание язычества» (1902), ряд историко-философских работ, в том числе «Современное состояние философии в Германии и Франции» (1894).

Крупным философом был Михаил Иванович Каринский (1840– 1917). В 1880 году Петербургский университет присвоил ему степень доктора философии за книгу «Классификация выводов». М. И. Каринский, по отзывам современников, был тончайшим аналитиком и критиком философских систем, сочетавшим эту критическую требовательность с непреклонностью веры (379, 242).

Велик вклад профессоров МДА в *русскую лингвистику*.

Федор Поликарпович Поликарпов с 1709 года занимал пост директора Московской типографии. Из многочисленных его трудов наиболее известны: «Алфавитарь, рекше букварь...» (1701), «Лексикон треязычный…» (1705), «Словенская грамматика» (1721) – переработка грамматики Смотрицкого. Поликарпов занимался стихотворством, много переводил, писал по приказанию Петра труд по русской истории.

Антон Алексеевич Барсов (1730– 1791), действительный член Российской Академии наук, сын директора Московской типографии Алексея Кирилловича Барсова. В течение тридцати лет занимал в Московском университете кафедру словесности. Главный его труд – «Российская грамматика» - оценивается как один из самых примечательных памятников русской филологической мысли 18 века (360, 3).

Протоиерей Петр Алексеевич Алексеев (1727– 1801) – действительный член Российской Академии. Его «Церковный словарь...» лег в основу первого академического издания толкового Словаря русского языка.

Петр Спиридонович Билярский (1817– 1867) – академик по отделению русского языка и словесности Московской Академии. С 1865 года – профессор русской словесности в новооткрытом Новороссийском университете в Одессе. Его основные труды: «Судьбы церковнославянского языка» (1848), «Судьбы церковного языка» (1858), перевод книги В. Гумбольдта «О различиях систем человеческого языка» (1859), «Материалы для биографии Ломоносова» (1865), - имели большое научное значение.

В 18 веке ученики Московской Академии много потрудились в духовных миссиях (камчатской, китайской, др.), ими усердно изучались *языки народов*

России и зарубежных народов. Протоиерей Виктор Петровичский (1804– 1885) – магистр богословия. Преподавал в Казанской Духовной Академии чувашский и марийский языки по собственным грамматикам. Издал «Начертание правил чувашского языка со словарем» и «О религиозных поверьях чуваш».

Нельзя не сказать о большом вкладе преподавателей Московской Духовной Академии в изучение *истории*.

Митрополит Платон (Левшин; 1737– 1812). Выпускник, наставник, а позднее ректор Академии, выдающийся историк Русской Церкви. Его «Краткая российская церковная история» вышла первым изданием в 1805 году.

Епископ Дамаскин (Семенов-Руднев; 1737– 1795). Бывший ректором Академии, во время своего пребывания в Геттингене перевел на немецкий язык часть древнейшей русской летописи. Важен труд епископа Дамаскина «Библиотека Российская...» (1881). Здесь библиография русских книг сопровождается очерком истории русской письменности и просвещения.

Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1737– 1814). Видный историк и архивист. Принял деятельное участие в подготовке первого издания «Слова о полку Игореве» (1800). Во время Отечественной войны 1812 года спас архивные материалы, эвакуировав их из Москвы.

Митрополит Евгений (Болховитинов; 1767– 1837). Крупнейший ученый – историк, археограф, палеограф, библиограф. Действительный член Российской Академии, почетный член Академии наук, почетный член нескольких университетов. Преподавал в Воронежской семинарии, Петербургской Духовной Академии. Изучая местные архивы, собрал и опубликовал огромное количество материалов по церковно-исторической проблематике. Руководил первыми археологическими раскопками в Киеве. Создав труд «Примечания на грамматy великого князя Мстислава Володимировича...», он по праву считается *основателем славяно-русской палеографии*. До сих пор сохраняют научную ценность его библиографические труды: «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской Церкви», «Словарь русских светских писателей...», «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода», «Всеобщее хронологическое обозрение начала и распространения духовных российских училищ», «Всеобщее введение в историю монастырей гре-

ко-российской Церкви», «Описание монастырей Вологодской хии», «Историческое сведение о Вологодской епархии...», «О личных собственных именах у славяно-руссов», «История княжества Псковского», «Летописи древнего славяно-русского княжеского города Изборска», «Описание шести псковских монастырей», «Записка о Камчатской миссии», «Описание Киево-Софийского собора», «Киевский месяцеслов...», «Историческое обозрение российского законоположения от древнейших времен до 1824 г.». Ему принадлежит также «Историческое изображение Грузии».

Архиепископ Филарет (Гумилевский; 1805– 1866). Профессор Академии. Его труд «Историческое учение об отцах Церкви» (1882) вплоть до 20 века – выдающееся в русской литературе руководство по патрологии. Из его церковно-исторических сочинений особое значение имеют: «История русской Церкви» (1894); «Обзор русской духовной литературы» (1884), «Общий обзор Черниговской епархии» (1861), «Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви» (1864), «Святые южных славян» (1865), «Русские святые, чтимые всею Церковью или местно» (1881). Он основал академический журнал «Прибавление к творениям святых отцов». Эти труды имели большое значение для становления исторической школы в России.

Александр Васильевич Горский (1812– 1875) – выдающийся представитель русской церковно-исторической науки. Сорок два года трудился он в Академии. Имея широкие научные интересы, он увлекал своих учеников и собратий исследованиями в области истории, филологии, палеографии. Его труд «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки» – выдающееся научное исследование, сделавшее достоянием науки большое число памятников на славянском языке. В ходе этой работы были обнаружены в славянских переводах неизвестные и утраченные в подлинниках произведения византийской письменности. Этот труд – бессмертный вклад в *русистику и славистику*. Горскому в этой работе помогал ближайший его помощник Капитон Иванович Невоструев (1815– 1872).

Знаменитым воспитанником протоиерея Александра Горского был заслуженный профессор, доктор богословия Евгений Евстигнеевич Голубинский (1834– 1912). Преподавал в Академии историю Русской Церкви. Задуманный фундаментальный труд по истории Русской Церкви был при жизни им осуществлен частично («История Русской Церкви», т.1). Огромна научная ценность и

других трудов Голубинского: «История канонизации святых в Русской Церкви» (1903), «К нашей полемике со старообрядцами» (1905), «Краткий очерк истории Православных Церквей Болгарской, Сербской и Румынской» (1871).

Епископ Амфилохий (Сергиевский; 1818– 1893). Член-корреспондент Академии наук. Составил «Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки» (1875). Изучил и издал немало славянских и греческих памятников.

Архиепископ Савва (Тихомиров; 1819– 1896). Составил «Указатель для обозрения московской патриаршей ризницы и библиотеки» (1864) и «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки XVI– XVII вв.» (1863).

Замечательным собирателем древнерусских рукописей был Вукол Михайлович Ундольский (1815– 1864). Служил в московском архиве Министерства иностранных дел, затем в архиве Министерства юстиции. Одновременно был библиотекарем в Обществе истории и древностей российских. Собрал одну тысячу триста сорок восемь славяно-русских рукописей, которые после его кончины поступили в Московскую публичную библиотеку. Автор нескольких трудов по библиографии и палеографии. В той же области трудился Алексей Егорович Викторов (1827– 1883).

Григорий Александрович Воскресенский (1849–1918). Знаток славянских рукописей Нового Завета. Удостоен степени магистра богословия за труд «Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в.». В 1896 году удостоен степени доктора за два труда: «Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста» (1894) и «Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка» (1896).

Доктор богословия, профессор Академии Петр Симонович Казанский (1819– 1878) – исследователь истории монашества. Известность получили его труды «История православного монашества на Востоке», «История православного русского монашества» и многие другие работы и статьи по русской истории.

Видным историком был Николай Никанорович Глубоковский (1867-1937), доктор богословия, впоследствии профессор богословского факультета Софийского университета. Глубоковскому принадлежит фундаментальный труд

«Блаженный Феодорит, епископ Киррский» (1890), краткий очерк «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии» (1928).

Доктор богословия, профессор Академии Николай Иванович Субботин (1827-1905) исследовал русскую церковную историю. Его диссертации – «Об отношениях духовенства русского к князьям с XI до XV века» (1858), «История Белокриницкой иерархии» (1874), «Материалы для истории раскола за первое время его существования» (1875-1899) – важный вклад в историю Русской Церкви.

В области церковной истории известны имена Амфиана Степановича Лебедева (1833-1910) – специалиста по истории византийской и славянских Церквей; Александра Михайловича Иванцова-Платонова (1835– 1894) – изучал историю христианства в славянских странах; Филиппа Алексеевича Терновского (1838– 1884) автора трудов по русской истории и истории Русской Церкви в ее связи с общественной жизнью России; Александра Дмитриевича Воронова (1839– 1883), исследователя истории христианизации славянских народов. Известен его труд– «Главнейшие источники для истории св. Кирилла и Мефодия» (1877). Профессор Академии Иван Данилович Мансветов (1843– 1885), доктор церковной истории, оставил труды в области церковной археологии, истории искусства.

Профессор Алексей Петрович Лебедев (1845– 1908) после многолетнего преподавания в Академии перешел на кафедру церковной истории Московского университета. Он читал лекции по истории древней Церкви, по истории Церкви в Византии, по новейшей истории Греко-Восточной Церкви. В переработанном виде эти чтения вошли в его восьми томное «Собрание церковно-исторических сочинений» (1901 – 1902).

Заслуженный профессор, член-корреспондент Академии наук Николай Федорович Каптерев (1847– 1918) с 1873 года занимал в Академии кафедру древней гражданской истории. Его труды по проблемам отношений Русской Церкви с Восточными Церквами в 16-18 веках создавались на основе изучения обширных архивных материалов, многие из них были впервые введены в научный оборот.

Доктор церковной истории, член-корреспондент Академии наук Сергей Алексеевич Белокуров (1862– 1918) до конца жизни работал в Главном архиве

Министерства иностранных дел, с 1898 года стал его директором.
тивно работал в «Обществе истории и древностей российских» при Московском университете. Главные его труды: «Арсений Суханов» (1891); «Юрий Крижанич» (1903). Был также редактором-издателем ряда других научных трудов и исторических документов.

Профессор, доктор богословия Анатолий Алексеевич Спасский (1866–1916) занимал в Академии кафедру общей церковной истории, его научные интересы лежали в основном в области древней церковной истории.

Николай Ильич Серебрянский, доктор церковной истории, автор труда «Очерки по истории монастырской жизни в псковской земле» (1908), «Древнерусские княжеские жития» (1915) и др.

Николай Михайлович Гальковский (1868 -?), этнограф и фольклорист. Создал труды «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси» (1916), «Сербский эпос» (1916) .

Николай Леонидович Туницкий (1878-1934), профессор Академии по кафедре русской литературы. После революции преподавал в высших учебных заведениях Киева, Москвы, Твери, Нижнего Новгорода, был членом Словарной комиссии. Ему принадлежит исследование «Св. Климент, епископ Словенский» (1913) и издание греческого жития святителя Климента «Материалы для истории жизни и деятельности учеников св. Кирилла и Мефодия» (1918).

Вклад Московской духовной Академии в историческую науку России неоценим. Гражданская история неотделима от церковной, поскольку на протяжении всего периода российской истории Церковь была неотъемлемой частью ее жизни.

Определенный вклад внесли воспитанники Московской Академии, где изучалось церковное право, в *юридические науки*.

Архиепископ Алексий (Лавров-Платонов; 1829– 1890) преподавал в МДА каноническое право; под его редакцией вышло капитальное издание «Правила святых апостол, святых Соборов и святых отцов с толкованиями».

Николай Кириллович Соколов (1835– 1874), профессор Академии по кафедре новой церковной истории и профессор Московского университета по кафедре церковного права, написал ряд работ по истории Церкви и церковному праву.

Питомцы Московской Академии разрабатывали и *многие отрасли права*.

Лев Алексеевич Цветаев написал ряд руководств по различным юридическим предметам; Василий Потапьевич Знаменский защитил докторскую диссертацию на тему «Откуда и каким образом должно выводить философские начала гражданского права...». Шеститомник его трудов по вопросам права вышел в 1857– 1859 гг.; Константин Алексеевич Неволин известен докторской диссертацией «О философии законодательства у древних» и «Энциклопедией законоведения» (1839– 1840), которая стала крупным событием в русской юридической науке.

Сергей Иванович Баршев (1808-1882), доктор правоведения, в 1863– 1870 гг. – ректор Московского университета. В числе многочисленных его трудов – первый в русской науке *курс уголовного права* «Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях» (1841). В области уголовного права работал Яков Иванович Баршев (1807– 1892).

Этот обзор уместно завершить, упомянув воспитанников Московской духовной академии, выдвинувшихся на поприще *педагогики*. Это С.И. Миропольский и П.Ф.Каптерев, оба – авторы многочисленных работ по теории и истории педагогики.

Сергей Иринеевич Миропольский (1842 – 1907). Известны следующие его труды. Сочинения: Инспекция народных школ и её задачи // Сборник статей М.,1872; Учебник дидактики. Общая дидактика. СПб., 1905; Учитель, его призвание и качества, значение, цели и условия его деятельности в воспитании и обучении детей. СПб., 1909.

Петр Федорович Каптерев (1849 – 1922). После окончания Московской Духовной Академии преподавал логику, дидактику, психологию, педагогику, историю педагогики и др. дисциплины (285, 417).

Преподавательскую работу в учебных заведениях сочетал с общественной деятельностью. Разрабатывал проблемы дошкольной педагогики, семейного воспитания, истории отечественной педагогики и психологии. Под его редакцией вышла «Энциклопедия семейного воспитания и обучения».

Исследовал проблемы теории общего образования. Общим основанием педагогики считал антропологию. Обосновал необходимость вариативности общеобразовательных школ, дифференциации учебных курсов и др. Изучал также историю народного образования в России после отмены крепостного права в 1861 году. Известны его труды по детской и педагогической психологии, тео-

рии и истории педагогики.

С 1921 года он – профессор Воронежского университета и первый декан его педагогического факультета. В ряде статей изложил программу обновления общего образования в России.

Сочинения: Избранные педагогические сочинения. М., 1982; Педагогический процесс. СПб., 1905; Основные начала семейного обучения. (Дидактика семьи) СПб., 1912; Современные задачи народного образования в России. М., 1913; Задачи и основы семейного воспитания. СПб., 1913; Педагогическая психология. СПб., 1914; История русской педагогии. П., 1915; Дидактические очерки. Теория образования. П., 1915 и др. (285, 417).

Обобщая сказанное, следует отметить, что Московская Духовная Академия внесла значительный вклад в науку и образование России. Деятельность Академии служила делу русского просвещения. Академия служила образованию и науке России, ибо это служение входило в ее идеалы, которые «заключались в вере, осмысленной и обоснованной знанием, и в науке, очищенной и возвышенной парениями веры» (42, 17).

Велики и значительны общегосударственные заслуги Свято Троице-Сергиевой Лавры. Другие обители, по примеру Лавры, берегли, как святыню, веру православную, просвещали русский народ, содействуя объединению Руси. «Это есть бессмертное дело, совершенное обителью великого Сергия на протяжении шести веков нашей истории» (ЖМП, 1947, № 10).

2.2. РУССКИЕ ПАСТЫРИ – СВЯТЫЕ ВОЖДИ НРАВСТВЕННОСТИ. ПАСТЫРСКОЕ ДУШЕПОПЕЧЕНИЕ.

Исторические документы и материалы свидетельствуют, что определяющее значение в становлении и развитии русской школы принадлежит Русской Православной Церкви. История русской педагогики подтверждает тот факт, что на протяжении многих веков русский пастырь являлся важнейшим субъектом воспитания, передавая из века в век, из поколения в поколение все то лучшее, что накоплено христианством.

2.2.1.Педагогические аспекты служения священника.

Задача православного воспитания – нравственно усовершенствовать людей. Именно эту задачу решают уже более двух тысячелетий пастыри Церкви.

Ведь пастырь призван к учительству, к насаждению истинных понятий и правильных путей человеческой деятельности (143, 115). Пастырством накоплен огромный опыт в деле нравственного воспитания.

Изучение именно педагогического аспекта деятельности священника, его содержания, форм и методов представляет большой интерес для педагогики. Сущность и методы православного воспитания, осуществляемого пастырями Церкви, раскрыты в «Лекциях по пастырскому богословию» схиархимандрита Иоанна (Маслова).

По свидетельству Священного Писания, Иисус Христос учредил в Своей Церкви особый класс людей, которым даны были обязанности быть **учителями** - духовными руководителями христиан (Ин. 20, 22) и священнослужителями (Мф. 28, 19-20). После Своего Воскресения Иисус Христос передал Апостолам вместе с властью учительства, священнодействия и пастырства полномочия на непрерывную передачу власти их преемникам. Так основалось, утвердилось и распространилось **учительство** в Церкви как особое звание, особый чин людей, на эту деятельность избираемых, которое ведет свое начало от Иисуса Христа (143, 64).

Основные обязанности пастыря.

Из сказанного вытекают три основные обязанности пастыря:

– учительство – распространение евангельского учения;

– священнодействие – совершение богослужений и Таинств;

– духовное руководство – нравственное усовершенствование христиан. (ЛПБ, 9)

Из такого разделения не следует, что это - три отдельных служения.

Учительство, священнодействие, духовное руководство - три грани единого пастырского служения, они могут быть объединены понятием «пастырское душепопечение».

Для лучшего уяснения смысла этого понятия можно провести аналогию с действиями врача. Что происходит, когда телесно больной человек обращается в больницу за помощью? Он приходит к врачу, откровенно и правдиво излагает ему симптомы своей болезни, а также обстоятельства своей жизни, способствовавшие возникновению и развитию заболевания. Врач тщательно осматривает больного, задает дополнительные вопросы для уяснения причин болезни, ставит медицинский диагноз и объясняет больному его положение.

Подобно этому, больной душою человек приходит в духовную врачебницу – Храм Божий и подходит к священнику, прося его о помощи. Для того чтобы священник смог помочь, человеку необходимо, прежде всего, правдиво и откровенно раскрыть состояние своей души, обнажить свои «греховные язвы» и ознакомить пастыря со всеми подробностями своей жизни, чтобы ему были видны истоки душевной болезни. Только после этого духовный врач объясняет больному его душевное состояние и указывает путь спасения. Это – служение словом.

Продолжим аналогию. В больнице врач, поставив диагноз, приступает к лечению больного, то есть назначает ему лекарство и определенный режим или производит операцию, удаляя из его организма все части, пораженные болезнью, и прижигая раны.

Так же и пастырь. Он, по дарованной ему благодати, совершает над душевно больным человеком таинства, очищая, исцеляя и освящая больную душу и соединяя ее с Богом. Это – служение священнодействием.

Начав лечение больного, телесный врач неустанно наблюдает за ним, посещая его и назначая новые способы лечения, пока не доведет его до полного выздоровления. Но и тогда он не оставляет больного своими советами, укрепляя его слабые силы и предостерегая от новых заражений, так как легче предохранить от новых заболеваний, чем лечить уже начавшуюся болезнь.

Так и пастырь. Наставив грешника на путь исправления жизни и указав ему способы борьбы с грехом и соблазнами, пастырь и дальше не оставляет его благими советами, укрепляет его слабую волю усиленной молитвой и охраняет его душу от всякого зла. Это – духовное врачевание, которое вместе со священнодействием и учением словом и составляет то, что в пасторологии (науке о пастырстве) носит название **душепопечение.**

Различаются два вида душепопечения: общее и частное. Общее заключается в заботе вообще обо всей пастве прихода. Частное – забота пастыря о каждой душе в отдельности (143, 8).

Истинное пастырское служение всегда сопряжено со многими трудностями. Право учительства обязывает пастыря быть всесторонне образованным человеком: хорошо изучить человеческую психологию, чтобы каждого человека вразумить и направить на правильный путь в духовной жизни. Обязанность священнослужения требует от пастыря постоянного подвига очищения своей

души, так как нельзя приступить к Богу, к таинствам, имея ную грехом душу. Духовно руководство требует от пастыря истинной пастырской мудрости и полного самоотречения ради спасения своих ближних (143, 9).

Обязанность пастыря как воспитателя особо выделяется святыми отцами.

«**Пастырь обязан быть воспитателем**, врачом, духовным отцом и руководителем… Он должен постоянно следить за состоянием своих пасомых, чтобы падшего поднять, изнемогающего поддержать, стоящего оградить», – говорит св. Григорий Богослов (143, 363). Более того, без преданности этой святой цели воспитания пастырь Церкви не будет пастырем в истинном смысле этого слова (143, 363).

Основная цель пастырского служения – спасение душ, помощь людям в их нравственном совершенствовании, приведение их к единению с Богом (143, 363).

Представляя собой целостное учение о пастырстве, «Лекции по пастырскому богословию» схиархимандрита Иоанна (Маслова) проливают свет на сущность православной педагогики в том ее аспекте, который касается деятельности пастыря как педагога, учителя, поскольку именно учительство составляет самую первую обязанность священника.

Как уже отмечалось, пастырское служение есть продолжение служения Христа (ЛПБ, 9). В своих трудах схиархимандрит Иоанн (Маслов) раскрывает великий пример учительства Иисуса Христа и апостолов.

Учительство Христа.

«Иисус Христос - один в полном смысле слова Истинный Учитель, просвещающий всякого человека» (143, 9). Это – **идеал, данный пастырям, воспитателям всех стран и народов на все времена. «Идеал этот вечен**» (143, 113).

Христос пришел на землю с целью привести людей в Свою Церковь на земле, а через нее и в Царство Небесное. В Своей Личности, в Своей жизни и деятельности Христос воплотил тот высочайший идеал чистоты и святости, тот вечный идеал для воспитания, стремиться к которому есть главнейшая и единственная цель жизни каждого христианина, тем более пастыря и православного педагога. Отец Иоанн пишет: «Все идеалы человечества до Христа и после Него в сравнении со Христом – ничто и меркнут пред Ним» (143, 101).

Господь дал людям *заповеди* для исполнения и, прежде всего, Сам делом исполнил их. Исполнение заповедей есть не только выполнение нравственных норм, но и получение силы, избавляющей человека от внутреннего несовершенства, грехов, страстей (143, 102).

Иисус Христос – высочайший образец учительства. В Своей учительской деятельности Господь самым важным считал *проповедь*. Сущность Его проповеди состояла в приведении людей к познанию истинного Бога: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога» (Ин. 17, 3). «Под знанием здесь понимается не теоретическое, умственное знание, а теоретико-практическое, когда, кроме ума, в познании Бога участвует сердце – через его постоянную любовь к Богу, воля – через исполнение заповедей Божиих». Иисус Христос, таким образом, требовал от людей полного переворота во всем строе внутренней личной жизни. «Все личное в жизни человека должно перестраиваться на общественное, греховное – на чистое, святое, земное – на небесное» (143, 102-103).

Рассматривая учительство Христа, отец Иоанн пишет, что, выступая с проповедью Истины, Христос имел необычайный успех. С каждой новой речью слава о Нем как Великом Учителе росла все более и более. «Ни разнообразие национальностей слушателей, ни различие их вероисповедания не препятствовали тому, чтобы их ум одинаково пленялся глубиною мудрости Великого Учителя, их сердца в равной степени размягчались теплотой Его бесед. В словах Учителя было столько мягкости, призыва, любви и Божественной чистоты, что всякое сердце перерождалось как воск, наполнялось безраздельным доверием к Нему. Мало того, размягченные словами Христа души людей исполнялись такой духовной радостью и в такой степени, что они не могли не поделиться этой радостью со своими друзьями и согражданами» (143, 103-104).

Не ограничивая Своей деятельности каким-либо определенным местом или временем, Христос никогда не отказывался от поучительных *бесед*. Приемы и свойства учительской деятельности Христа Спасителя обладают высочайшими педагогическими совершенствами. Уровень умственного развития Его аудитории был крайне разнообразен. Христос всегда применялся к обстоятельствам места и времени, строго сообразовывался с высотой умственного и нравственного развития Своих слушателей. С одними Он ведет научные беседы, логически стройные и последовательные, с другими говорит просто, их

собственным языком, чтобы высокие истины Своего учения зить к пониманию его собеседников. В Его устах истины, самые возвышенные, но разъясненные на общепринятых примерах из окружающей природы и обыденной жизни, становятся вполне доступными и понятными даже простому человеку (143, 104-105). «Природа для Христа была вспомогательной книгой в Его проповеди. Он неоднократно приводил примеры о сеянии доброго семени, о виноградной лозе, полевых лилиях, птицах небесных и т.д. Все это было нужно для того, чтобы человек мог лучше воспринять Его учение» (143, 67).

В учительстве Иисуса Христа не было однообразия, односторонности. Он разнообразил Свои речи, так как менялись слушатели. Христос часто употребляет народные пословицы, притчи и сравнения с единственной целью – сообщить Своему учению убедительность, ясность и удобопонятность.

Схиархимандрит Иоанн, рассматривая все случаи, когда Иисус говорит с народом или учениками *притчами*, приходит к заключению, что приточная [то есть основанная на использовании притч] форма речи, прежде всего, служила «средством, приближающим высокие истины христианства к пониманию слушателей простых, еще не возвысившихся до того, чтобы воспринимать истины в их «неприкровенности». (ЛПБ, 106) На эти мысли наводят слова Самого Иисуса Христа, Который на вопрос учеников, почему Он к народу говорит притчами, ответил: «Для того Я говорю им притчами, что они, видя, не видят и, слыша, не слышат и не разумеют» (Мф. 13, 13).

Вследствие грехопадения и происшедшей отсюда испорченности духовной природы человека его сознание сделалось настолько слабым, что оказалось неспособным непосредственно воспринимать свет Божественного Откровения (ЛПБ, 107). «Как глаз не может переносить полного блеска солнечный лучей и под их непосредственным действием притупляется, так и свет Божественного учения мог бы ослепить неразвитое сознание людей, если бы учение не сообщалось ему в форме притчи. Таким образом, приточная форма речи, с одной стороны, служила покровом, прикрывавшим слабое человеческое сознание от «облистания светом Божественного учения», а с другой – была проводником этого света в сознание и сердце слушателя, поскольку то был спасительный и потому необходимый каждому свет» (143, 107).

Притчи Спасителя полны глубоких и разнообразных **педагогических идей.**

Притча о Сеятеле разъясняет многие важнейшие педагогические вопросы, например, от чего зависят неодинаковые успехи учащихся в одной и той же школе, под руководством одних и тех же учителей и на почве одной и той же науки.

Притча о Добром Пастыре показывает различие между воспитателем по призванию и воспитателем-«наемником». Учение и жизнь, обучение и воспитание должны быть нераздельны: великим в вечности назовется тот, кто не только научит, но и сотворит, то есть примером собственной жизни подтвердит преподаваемое учение. Эта же притча указывает на некоторые приемы воспитания, например, на необходимость знания индивидуальных особенностей воспитанников.

Необходимо отметить, что, проповедуя, Иисус Христос заботился о создании условий для восприятия Его учения, учитывал не только духовные, но и телесные потребности людей, питая их по необходимости хлебом и рыбой. Он удалял все внутренние и внешние препятствия, чтобы с большей цельностью, полнотой и ясностью отпечатлелось в душах слушателей каждое Его слово, Его учение. Не было ни одного случая, чтобы Христос кого-либо оставил без ответа. У Него всегда было нужное слово для каждого (ЛПБ, 108).

Предметом учения Иисуса Христа был почти **исключительно нравственный закон**. Тем самым Он хотел пробудить в душах людей жажду истины, правды и святости. Начав Свое служение с краткой проповеди, Христос развил ее в обширное и всеобъемлющее учение для всех народов.

Схиархимандрит Иоанн пишет, что проповедь Иисуса Христа была необычайно действенной, указывая причины ее успеха. Во-первых, проповеданная Христом истина оказалась самой человечной, нужной и своевременной. Во-вторых, проповедь Спасителя была отражением полного единства Его мысли и жизни, слова и дела. Третьей причиной была Божественная любовь, которой растворялось каждое слово Учителя (143, 109).

Сказанное позволяет выделить следующие *педагогические принципы в учительстве Иисуса Христа*. Он:

- строго сообразовывался с уровнем умственного и нравственного развития слушателей (**учет возрастных и индивидуальных особенностей воспитываемых**);

- соблюдал доступность материала для всякого ума и высокие истины при-

ближал к пониманию своих слушателей (**принцип доступности**);

- использовал простоту образов, заимствовал их, при возможности, из находящейся перед глазами слушателей природы, окружающей обстановки (**принцип наглядности**);

- избегал односторонности, разнообразил изложение;

- не оставлял ни одного вопроса без ответа;

- находил нужное слово для каждого ученика (**индивидуальный подход к воспитываемым**);

- удалял все препятствия (внутренние и внешние), которые мешали обучению;

- сообразовывал свою деятельность с обстоятельствами места и времени (**принцип сообразности**) (143, 106-119).

В учительстве Иисуса Христа выявляются следующие особенности, которые можно назвать *условиями успешности воспитания*: истинность, ясность, простота, общедоступность, всесторонность, наглядность, полное соответствие сказанного сущности природы человека (234, 34).

Основные начала педагогики, преподанные Христом.

Своим учением Иисус Христос заложил вечные основы педагогики.

Брак в христианстве получил свое высшее духовное значение. В учении Христовом указаны нравственные права мужа и жены, женщине указаны ее обязанности как супруги, матери и естественной руководительницы воспитания детей с раннего возраста (235, с.?).

Раскрыты отношения между родителями и детьми в духе христианской любви: отец с радостью должен принимать в свои объятия кающегося сына. В то же время, остерегая от ложной любви к детям, из-за которой родители забывают о своих высших обязанностях к Богу, Христос напоминает, что любящий сына или дочь более Его, недостоин Его (Мф. X, 37).

Иисус Христос точно определил достоинство и назначение детей. Он с любовью призывал их к себе и, обняв, возлагал на них руки и благословлял (Марк. X, 16). Таковых, говорил Он, есть Царствие Божие (Марк. X, 14). «Кто примет одного из малых сих во имя Мое, тот Меня примет. Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море» (Марк. IX, 42). «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих, ибо сказываю вам, что ангелы их на

небесах всегда видят лице Отца Моего небесного» (МФ. XVIII, 10).

«Тот, кто умалится, как дитя, тот и больший в Царстве Небесном (Мф. XVIII, 4). А кто не примет Царствие Божия, как дитя, тот не войдет в него» (Марк. X, 15). Он увещевал и учеников своих, чтобы они обратились и были, как дети и уподобились им (235, с.?).

Христианское воспитание обнимает как духовную природу человека, так и физическую: но духовное воспитание оно ставит выше физического, ибо, как говорил Спаситель, какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит (Мф. XVI, 26). Не собирайте себе сокровищ на земле…, но собирайте себе сокровища на небе… Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше (Мф. VI, 19-21). Ищите прежде Царствия Божия и правды Его – и это все (земное) приложится вам (Мф. VI, 33). А Царствие Божие не пища и не питие, но праведность и мир, и радость во Св. Духе (Рим. 14,17).

Таковы основы и задачи истинного воспитания по учению Христа.

Учительство апостолов.

Святые Апостолы продолжили дело своего Великого Учителя. Их деятельность также состояла в учительстве, она была определена Христом следующими словами: «Идите и научите все народы...». В трудах отца Иоанна апостольское служение рассмотрено как образец для пастырского подражания. Их педагогические принципы необходимо знать учителям.

Апостолы приспосабливали свое учение к духовным силам и способностям слушателей. Пастырь, воспитатель также обязан следить за тем, как слова, проповедуемые им, воспринимаются ими. В противном случае возвещаемые истины не будут поняты.

Апостолы опытно знали, что люди усваивают самые высокие истины быстрее и прочнее, если они построены на известном для них основании. Они также знали, что эти истины легко принимаются, если они даются в строгой последовательности и в связи друг с другом. Поэтому в сообщении евангельских истин Апостолы соблюдали последовательность, начиная от простого и переходя к более сложному. Руководствуясь примером св. Апостолов, священник, как и учитель, должен, по возможности, начинать свое учение с таких слов, которые в данный момент слушатели смогут воспринять, имея подготовленную для этого почву. Если такая почва отсутствует, необходимо раскрыть перед

слушателями вначале самые элементарные вопросы, а затем только сообщать более сложные. При этом священник должен следить, чтобы даже высокие истины, которые как будто очевидны и не требуют доказательств, давались в определенной последовательности и в строгой внутренней связи. Не должно также забывать о том, что нельзя сообщать слушателям сразу большое количество нового материала, потому что их восприимчивость имеет границы. Внимание и душевные силы слушателей от долгого напряжения ослабеют, и те истины, которые будут сообщены им в этот момент, могут остаться неусвоенными (143, 132).

«Апостолы были свободны от национальных, сословных, профессиональных и других, несовместимых с высшей правдой, взглядов, предрассудков, склонностей и антипатий» (143, 132).

Подобно этому и пастырь Церкви, как и педагог, должен быть со всеми всегда и во всем справедливым, беспристрастным, нелицеприятным. Пастырь-наставник должен воспитывать в себе невозмутимость духа, чуждую всяких резкостей, постоянную кротость и незлобие, чуждые сварливости в отношении к людям.

Святой Иоанн Златоуст говорит: «Сильное слово, будучи соединено с кротостью, возьмет человека за сердце и победит... Учителю особенно нужно иметь незлобие, иначе все будет тщетно. Может случиться, что человек, уже готовый убедиться, потеряет все от нашего нетерпения... Душа, имеющая нужду в наставлении, не может принять что-нибудь полезное, когда оно предлагается сурово и с бранью. И хотя готова слушать, но, будучи приведена в недоумение, не усвоит ничего. Кто хочет научиться чему-нибудь полезному, тот, прежде всего, должен быть расположен к учителю» (143, 137).

Пастырь, учитель должен воспитать в себе доброжелательность и любовь к людям. *Любовь* есть неодолимая сила, неотразимое оружие в его руках, она является в нем источником тех самых свойств, о которых говорилось выше и которые необходимы для плодотворной деятельности.

Схиархимандрит Иоанн раскрывает в своих трудах и другие основные качества, необходимые пастырю, наставнику, воспитателю для успешного служения. Это вера, рассудительность, смирение, целомудрие, молитвенность.

Рассудительность. Руководствуясь рассудительностью, пастырь-учитель никогда не поступит опрометчиво. Будучи проповедником, он не спешит с на-

ставлениями и увещаниями, которые время и терпение могут сделать более плодотворными. Такой пастырь знает благоприятные минуты для проповеди, ловит их, сам подготавливает их, но никогда их не предваряет. Свое слово он управляет по обстоятельствам, приспосабливает к различным характерам, соразмеряет с последствиями, которых желает.

«Рассудительность увеличивает силу пастырского воздействия. Она побуждает пастыря к знанию своих пасомых, условий их существования и воспитания, уровня и характера их умственного и нравственного развития, их внутреннего расположения, душевных нужд и др. Без такого знания пастырь-учитель поступает наугад, а это может оказаться бесполезным и даже вредным для пасомых. Св. Григорий Двоеслов учит: «… часто полезное для одних обращается во вред другим... Травы, которые одних животных питают, других убивают; ...даже и лекарство, которое одну болезнь уменьшило, другую может только усилить; наконец, и самый хлеб, укрепляющий жизнь взрослых, расстраивает здоровье детей. Подобно этому и всякий учитель, если хочет утвердить всех в одной добродетели, должен трогать и назидать сердца слушателей одним учением, но не одним и тем же способом» (143, 159).

Рассудительность пастыря проявляется также и в том, о чем он говорит. «Пусть учитель, – пишет святитель Григорий Двоеслов, – во время приготовления к проповеди обсуждает с должным вниманием, что он хочет предложить слушателям, чтобы какой-нибудь неправославной мыслью не возмутить и не оскорбить их совести» (143, 160).

Заботясь о том, чтобы не допустить в своей деятельности явно вредного, пастырь не должен забывать, что и полезное, сказанное без меры и порядка, теряет свою силу. Иногда, говоря необдуманно, пастырь-учитель вводит своих слушателей в заблуждение, но бывает, что и неуместное молчание оставляет их в этом состоянии.

Раскрывая в «Лекциях по пастырскому богословию» пользу и необходимость рассудительности в деятельности пастыря как воспитателя, отец Иоанн дает ответ на вопрос, каким путем можно достигнуть этой добродетели. Духовное рассуждение приобретается чтением Священного Писания, преимущественно Нового Завета, и чтением творений святых отцов (143, 160).

Смирение. Пастырю Церкви (и, конечно, учителю) не нужно забывать, что своими собственными силами, без помощи Божией, он ничего не может сде-

лать. Приобретается эта великая добродетель – смирение – путем ложизненного подвига.

«Сознание своей немощи, необходимости помощи Божией, того, что он – только исполнитель воли Божией, проводник благодати, рождает в душе пастыря смирение. Пастырю Церкви Христовой, имеющему одну цель – вести людей к спасению – всегда должна быть присуща не самонадеянность, а глубочайшее смирение перед Личностью Божественного Учителя. Если пастырь-учитель живо сознает и чувствует свою всецелую зависимость от Бога, свою виновность перед Ним, если отвергает от себя всякую мысль о своих силах и совершенствах и во всем прибегает к спасительной помощи Божией, то он близок к познанию истины и, следовательно, сможет указать пасомому единственно правильный путь к вечной жизни. В то же время гордость и самообольщение относительно своей мудрости или праведности не дают пастырю видеть свет истины» (ЛПБ, 161).

Исходя из святоотеческого учения, схиархимандрит Иоанн пишет, что смирение рождается от исполнения заповедей.

Напрасно будет трудиться тот, кто не стремится к чистоте духовной и телесной.

Целомудрие. Под целомудрием святые отцы понимают «здравость ума», не поврежденного страстями, в особенности, плотской страстью, которая, по их мнению, сильнее всего помрачает ум, увлекая за собой сердце. «Целомудрие означает чистоту сердца от нечистых слов, пожеланий и привязанностей» (ЛПБ, 162).

Как проповедник Слова Божия и высокого нравственного учения о душевной и телесной чистоте, пастырь должен быть образцом целомудренной жизни. Когда он отдаст Богу самые движения сердца, учат святые отцы, тогда и ум его будет чист, воля тверда, служение Богу достойно.

Средствами сохранения целомудрия являются страх Божий, постоянный телесный труд, воздержание в пище и питии (особенно удаление от пьянства), а также исповедь. Истинное целомудрие, согласно святоотеческому учению, есть дар Божий (ЛПБ, 163).

Молитвенность. От молитвы, в которой испрашивается благословение Божие, зависит вся деятельность пастыря-учителя. Поэтому пастырь должен как можно чаще обращаться к Богу с искренней сердечной молитвой о благо-

датной помощи в своем служении. Какими бы способностями он ни обладал, но если у него отсутствует дух молитвы, то эти способности не заменят того, что может снискать молитва. (ЛПБ, 163)

Молитвенность пастыря-учителя не только возвышает его собственную душу, но и заключает в себе великую силу пастырского воздействия на людей. Через нее у пастыря устанавливается с ними незримая, но реальная связь.

Пастырю, как и учителю, недостаточно только знать о необходимых для своего служения личностных качествах. Ему необходимо всемерно стремиться к их приобретению, не забывая при этом, что любая добродетель есть дар Божий и что главное – прибегать молитвенно к Его помощи.

«Теория пастырства, – пишет отец Иоанн, – сама по себе не может создать истинного пастыря. [Так же, как теория педагогики не может создать истинного учителя – *Примеч. Н.М.*] **Доброго наставника создает собственный духовный опыт и личный непрестанный нравственный подвиг**» (143, 14).

Самоусовершенствование, личный подвиг – неотложное и необходимое дело, как для каждого пастыря, так и для каждого педагога. Без него невозможна попечительная, проникнутая любовью, доходящей до самопожертвования, забота о нуждах и преуспеянии воспитанников, которые являются объектом их деятельности. Теория в этом деле также необходима: она способствует правильному и плодотворному развитию этого подвига (143, 14).

В «Лекциях по пастырскому богословию» отец Иоанн, всесторонне излагая святоотеческое учение о пастырстве, в то же время выделяет его педагогический аспект. При этом он отмечает, что личные качества пастыря-наставника, его личный пример столь важны для воспитания, что все святые отцы уделяют особое внимание этим вопросам.

Отдельные начала воспитания по учению святых Апостолов.

Средствами воспитания, по учению святых Апостолов, должны служить: учение, обличение, исправление и наставление, причем, эти средства не должны раздражать учеников (235, с. 55?). *Отцы*, говорит Апостол, *не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем* (Еф. 6, 4).

Источник воспитания – Священное Писание. Вне Богооткровенного учения, а, следовательно, вне Церкви Христовой, правильно поставить воспитание невозможно. **Воспитание должно начинаться с веры, а вера постепенно должна обнаруживаться в делах.**

Учение должно быть направлено к тому, чтобы дети *познали, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим. 12, 2) и научились исполнять эту волю.

Воспитание, таким образом, не должно быть отделяемо от учения.

Истинный *воспитатель* должен быть образцом для воспитываемых. Только о языческих наставниках Апостол говорил: *Ты учишь других, а не учишь себя самого; проповедуешь не красть, а сам крадешь* (Рим, 2, 21). *Отношения* между учителем и его учениками должны быть основаны на любви.

Наставники должны быть мудрыми в применении воспитательных мер: детей питать детскою пищей, взрослым преподавать возвышенные истины.

Ставя общую для всех цель воспитания, Апостолы признают важным сохранение индивидуальных особенностей воспитанников. Хотя все люди составляют одно «во Христе Иисусе», но «*дары их различны»*.

Говоря о *семейном воспитании*, Апостолы пишут, что дети должны повиноваться своим родителям. Побуждением к этому должны быть не страх перед наказанием и не своекорыстные расчеты, а сердечная любовь и страх Божий. *Дети, повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет* (Евр. 13, 17). *Почитай отца своего и мать; это – первая заповедь с обетованием, да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле* (Еф, 6, 2). *Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо сие благоугодно Господу* (Кол. 3, 20). *Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям, ибо сие угодно Богу* (1 Тим, 5, 4).

Христианский идеал воспитания Апостолы старались осуществить на практике. В силу данного Христом повеления, они безбоязненно проповедовали Евангелие по всему миру. По примеру Иисуса Христа они собирали вокруг себя учеников и, научая их христианским истинам, посылали повсюду для научения людей.

Учение святых отцов о пастыре как духовном руководителе и воспитателе.

По мнению **св. Игнатия Богоносца** (около 35 – около 107), наставник по своим нравственным качествам должен стоять выше своих воспитанников, должен идти впереди всех, указывая путь к совершенству, к небу. Он должен

умело руководить учениками - не строгостью, но любовью. Наставник должен любить не только хороших, послушных учеников: «Если любишь только добрых учеников, еще нет тебе за это благодати. Лучше худых покоряй кротостью» (143, 175).

Св. Киприан Карфагенский (201– 258) указывает на то, что пастырю как воспитателю необходимо «подавать добрый пример и утверждать их своим поведением и нравственностью» (ЛПБ, с. 187).

Пастырь должен воплотить в своей душе кротость, смирение, целомудрие, милосердие и любовь. Однако любовь в воспитании, по мысли святого отца, должна быть разумной, она должна не покрывать пороки учеников, но искоренять их. «Кто согрешающего нежит льстивыми ласками, тот только более располагает его ко греху, и не подавляет преступлений, а питает их. Но кто строгими советами изобличает и вместе наставляет, тот содействует спасению» (143, 188).

Св. Амвросий Медиоланский (340-397) написал специальную книгу, посвященную воспитанию воспитателей. В этой книге он рассмотрел все необходимые в учительском служении вопросы, начиная от внешнего поведения и кончая внутренними качествами.

По учению Амвросия Медиоланского, педагог не только должен заботиться о чистоте своего сердца, но и обязан следить за своим внешним поведением, чтобы не подать повод к соблазну ученикам.

По мысли св. Амвросия, по внешнему виду и походке познается состояние души человека. «В движениях тела, – говорит он, – выражается состояние нашей души, так что из внешних действий телесной природы нашей, по тесной связи души с телом, мы заключаем и о внутренних свойствах духовной природы нашей. Поэтому-то мы, и, не видя души человека... об одних говорим, что они ветрены, а о других – что они степенны; иных называем гордыми и надменными, а иных – смиренными и кроткими; в одних подозреваем хитрость и лукавство, а в других усматриваем искренность и чистосердечие и т.д. Таким образом, душа наша отражается во всех телодвижениях наших, как в зеркале» (143, 190).

Св. Амвросий советует наставникам быть осторожными в беседах с учащимися, чтобы не навредить им.

«Наши слова, – пишет он, – зеркало, видимое обнаружение нашего ума, а

поэтому наставники должны хорошо знать и соблюдать в них меру и порядок – уметь вовремя молчать и кстати говорить» (143, 192).

Если наставник будет так поступать, то, по мысли св. отца, он научится говорить благоразумно и каждое слово, прежде чем сказать, будет обдумывать: полезно ли оно или вредно. «Сам голос наш должен быть естественный, не слишком громкий и не слишком тихий, чужд театральности. Он должен быть приличен важности нашего звания» (143, 192).

Существо характера наставника, по мысли св. Амвросия, как уже отмечалось, выражается в четырех главных добродетелях: благоразумии, справедливости (или правде), мужестве (или силе) и воздержании. Св. Амвросий этим добродетелям дает следующее разъяснение.

«Благоразумие, – эта высокая добродетель состоит не в практической, житейской мудрости, а в мудрости Евангельской – в искании истины и познании Бога» (ЛПБ, 193).

Справедливость обнимает все отношения наставника к обществу людей. Она отдает каждому должное и неразлучна с честностью и любовью христианской. Вера служит ее основанием; Христос – ее образец; храм – ее очаг; священство – ее школа.

Мужество наставника не есть физическая мощь, но нравственная крепость духа, поле битвы которой – ветхий человек с его страстями. Эта добродетель проявляется в миролюбии, в радостном принятии страданий и даже самой смерти ради Иисуса Христа, в терпении и кротости против развращенного мира, в твердом уповании, что за все скорби, перенесенные в этом мире, наступает блаженное упокоение в Боге.

Воздержание состоит в спокойствии духа, кротости и смирении.

Св. Амвросий советует наставникам воплотить в своей жизни эти добродетели настолько, чтобы они «могли обратиться в природу души» (143, 193).

По учению св. Амвросия, пастырям Церкви «дана могущественная власть, но этой властью надо пользоваться с крайней осторожностью и осмотрительностью. Нужно являть себя не строгим судьей, а попечительным отцом-воспитателем» (143, 194).

Св. Григорий Богослов (326 – 329) считает первым, главнейшим и непременным средством воспитательного воздействия добрую и примерную жизнь наставника, полагая метод наглядного обучения самым естественным и

действенным.

«Или вовсе не учи, – говорит Григорий Богослов, – или учи доброй жизнь. Иначе будешь одной рукой притягивать, другой отталкивать… Меньше потребуется слов, если делаешь что должно, живописец больше учит картинами… Всякое слово можно оспаривать словом, но жизнь чем оспоришь!».

Наставник должен быть среди своих учеников, как военачальник среди солдат, сиять славой и добродетельной жизнью (143, 206).

Если в обыкновенном человеке, по мысли св. отца, считается пороком то, что произведено им худого, и заслуживает наказания, то в пастыре даже и то уже порок, что он не достигает возможного совершенства и не преуспевает в добре. «В начальнике и наставнике, – говорит Григорий Богослов, – и то уже порок, если не многим он превосходит простолюдина, если не оказывается непрестанно лучшим и лучшим» (ЛПБ, 207). И действительно, как паства сохранит себя в чистоте, когда ее пастырь погрязает в нечистоте? Ведь дурной пример гораздо сильнее, чем добрый, оказывает влияние на окружающих и без всяких трудов усвояется ими (143, 207).

Св. Григорий Богослов ярко определяет задачу пастыря как воспитателя душ: «врачевать нравы, **исправлять поведение,** исторгать, что приросло к людям зверского и дикого, а на место этого укоренять все, что есть кроткого и благородного; установить надлежащее соотношение между душой и телом» (143, 208).

По учению святителя, каждая душа требует индивидуального подхода: «как телам неодинаковые даются лекарства и пища, так и души врачуются различным образом и способом… Одних назидает слово, другие исправляются примером. Для иных нужен бич, а для других узда, ибо одни ленивы и неудобоподвижны к добру, и таких должно возбуждать ударами слова; другие сверх меры горячи духом и неудержимы в стремлениях, подобно молодым, сильным коням, бегущим далее цели, и таких может исправить обуздывающее и сдерживающее слово. Для одних полезна похвала, для других укоризна; но и та, и другая – вовремя; напротив того, без времени и без основания они вредят. Одних исправляет увещание, других выговор, и последний – или по всенародному обличению или по тайным вразумлениям. Ибо одни привыкли пренебрегать вразумлениями, сделанными наедине, но приходят в чувство, если укорять их при многих; другие же при гласности обличения теряют стыд, но их смиряет теп-

лый выговор… Иные, надмеваясь мыслию, что дела их тайны, о чем они и заботятся, считают себя умнее других, и в таких надобно тщательно наблюдать все, даже самые маловажные поступки; а в других лучше иного не замечать и, как говорится, видя не видеть и слыша не слышать… Иногда нужно гневаться, не гневаясь, оказывать презрение, не презирая, терять надежду, не отчаиваясь, сколько сего требует свойство каждого; других должно врачевать кротости, смирением и соучастием в их лучших о себе надеждах… Хвалить или осуждать должно у иного достаток и могущество, а у другого – нищету и расстройство дел. От сего столько труда доброму пастырю, обязанному хорошо знать души своих пасомых и быть вождем их по закону прямого и справедливого пастырства, которое было бы достойно истинного нашего Пастыря» (143, 209).

Все сказанное требует большого труда и уменья, потому что, по словам св. Григория Богослова, «править человеком, самым хитрым и изменчивым животным, – действительно есть искусство из искусств и наука из наук» (143, 209).

Особое внимание уделял доброму поведению наставника **св. Исидор Пелусиот** (V век). Наставнику «надлежит быть скромным в наружности, и в голосе, и во взоре, и в походке». «Если хочешь быть светом, – учит он, – не терпи шутливости и смехотворства, чтобы не научить многих бесчинию».

По мысли св. Исидора Пелусиота, нрав наставника «отпечатлевается в учениках, как печать на воске». Он советует наставнику быть осторожным и не заводить знакомств с людьми плохого поведения. «Ибо надлежит знать, что человек удобнее приемлет в себя порок, нежели добродетель … общаясь с беззаконными легко заразиться их злочестием (143, 216).

По учению св. Исидора Пелусиота, учительство словом является замечательным средством для нравственного воздействия на учеников, но этого еще недостаточно.

«Всякое слово, оставляемое без дела, мертво и бесполезно, – считает преподобный, – поскольку слово, когда не сопровождается делом, не идет далее слуха; одушевляемое же делом, как сильное и действенное, проникает в глубины и касается души» (143, 218).

По мысли преподобного, две причины убеждают людей: сила слова и жизнь проповедника. «Нравственность проповедников не меньше чудес может привлекать людей» (143, 219).

Могучая действенность примера, считает св. Исидор, ется и отрицательным образом, путем влияния дурных примеров, сила которых гораздо более силы примеров добрых. Разлад между словом и делом в жизни пастыря, воспитателя губит не только самого пастыря, но и паству (143, 220).

Преподобный Исидор учит, что пастырь, наставник должен быть «всесторонне опытным врачом» в деле нравственного возрождения людей, и, притом, для каждой души в отдельности. «Не все люди одержимы одними и теми же болезнями и не все уступают одному и тому же лечению, – говорит преподобный. – Но как недугов много, они разнообразны и бывают всякого рода, так и много должно быть и различных пособий.… Не всем пригодны одни и те же пособия, не все излечиваются одним и тем же; что принесло пользу одному, то повредило другому, и пригодное другому повредило опять иному. Одни исцелены были выговором, а иные ожесточены и доведены до того, что стали еще хуже; другие же посмеялись и над самим словом и вменили его ни во что. Посему невозможно в столь многих недугах употреблять одно врачевство, но нужно предлагать и приемы, соответствующие болезням и силам страждущих» (143, 223-224).

Как и другие святые отцы Церкви, св. Исидор считает, что самое лучшее средство, каким пастырь может воздействовать на пасомых – пример личной жизни. Он указывает на средства воздействия: чистота жизни пастыря, руководствование словом, совет, похвала, порицание, увещание, выговор (всенародный и тайный), сострадательность, видимый (а не действительный) гнев, видимое презрение, видимое незамечание грехов, обличение с дерзновением, отлучение, запрещение, наказание, снисходительность и проч. Все эти пастырские формы, методы и приемы, по мысли святого отца, должны быть применимы с особой осторожностью, чтобы не повредить никому (143, 224).

2.2.2. Русские пастыри как пример высоты и самоотверженности педагогической деятельности.

Лучшие русские пастыри в своих подвигах и трудах, а также в своих сочинениях воплотили и развили учение святых отцов о пастырстве и пастыре как духовном руководителе и воспитателе.

В своих трудах схиархимандрит Иоанн (Маслов) рассматривает деятельность таких выдающихся русских пастырей, замечательных педагогов, как св.

Димитрий Ростовский, Тихон Задонский, Игнатий (Брянчанинов), Феофан Затворник, а также Оптинских, Глинских старцев, св.праведного Иоанна Кронштадтского и др. Остановимся более подробно на педагогических взглядах и деятельности св. Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова и Иоанна Кронштадтского.

Св. Игнатий Брянчанинов.

Св. Игнатий (Брянчанинов; 1807-1867), еще, будучи настоятелем Сергиевой пустыни, часто посещал петербургское общество. Многие тогда удивлялись, как он, подвижник и молитвенник, не чуждался вместе с тем общества, бывал приятным собеседником людям светским, умел возбуждать в них к себе доверие и действовать на них «ко благу душевному». Видя в нем не столько лицо духовное, сколько доброго знакомого, равного по уму и образованию, многие, весьма нерасположенные к иночеству лица, любили бывать у него в обители и видеть его в своих домах, что незаметно склоняло их к благочестию.

Благочестие было целью и основою всех бесед отца Игнатия. Самый светский разговор он всегда старался свести к душеназиданию своих слушателей, нередко заставляя задумываться над важными вопросами самых беззаботных (143, 242).

«**Отличаясь строгостью к себе**, епископ Игнатий был **снисходителен к немощам человеческим**. Он охотно прощал недостатки своим духовным чадам, когда видел их искреннее раскаяние и «начатки исправления». Эту черту милосердия «доброго пастыря» можно видеть во многих его письмах. Владыка не только не отвергал согрешающих, но, наоборот, старался поддержать, исправить и привести ко Христу.

Епископ Игнатий умел воздействовать на людей не только примером своей высоконравственной жизни, но и даром слова. Этот талант Владыка также посвящал на служение ближним. Он видел в этом свое призвание. Считая душеполезное слово милостыней, епископ Игнатий щедро раздавал его.

Владыка, с присущей ему духовной мудростью, умел применять к своей жизни наставления древних подвижников, сообразовываясь с современными ему условиями. Во многих своих сочинениях, проповедях и письмах он отразил учение св. отцов, примененное к требованию современности. На свои произведения святитель смотрел не как на свою собственность, но считал их даром Бо-

жиим (143, 242).

Для педагогики важно знать, что святитель Игнатий называет земную жизнь человека **школой для приготовления к вечности.**

Для воспитания каждому человеку, считал он, необходим телесный и душевный *подвиг*. Посильные труды, писал он, приучают отсекать свою волю, приучают к послушанию и способствуют укрощению страстей, гнездящихся в сердце каждого. Сравнивая сердце человеческое с землей, он говорил: «Телесные подвиги необходимы для того, чтобы землю сердечную соделать способною к принятию духовных семян и к принесению духовных плодов... Оставление телесных подвигов соделывает человеков подобными скотам, давая свободу и простор телесным страстям».

По мнению святителя Игнатия, телесный подвиг должен быть соединен с душевным, иначе, при оставлении последнего, у человека развиваются душевные страсти. Как тело без души мертво, так и телесный подвиг без душевного бесплоден. Душа оживляет тело, а духовный подвиг оживляет телесные подвиги.

Душевный подвиг имеет первостепенную важность в духовной жизни, однако, по учению Владыки, «подвиг телесный, совершаемый с истинным духовным рассуждением, необходим для всех одаренных здоровьем и сильным телосложением; с него надо начинать путь спасения» (ЛПБ, 251-252).

А каким образом воспитывал сам святитель? Раскроем некоторые черты педагогической системы этого замечательного педагога, приведенные в трудах схиархимандрита Иоанна (143, 245-246).

Святитель Игнатий:

– умел внушить любовь к учению;

– учил и воспитывал каждого ученика по его силам и способностям;

– к каждому ученику умел найти индивидуальный подход;

– прощал всякую немощь, если человек сознавал ее с покаянием;

– искоренял лукавство;

– гордость и тщеславие обличал ежедневно;

– старался не стеснять учеников и не воспрещал веселости в обращении их между собой даже в его присутствии;

– душу свою полагал за учеников, не щадил своих сил, не жалел времени;

– возводил учеников из душевного в духовное состояние;

- не допускал ябедничества;

- искоренял несогласия и ссоры, учил мириться и просить прощения, не оставлять неприязни до следующего дня.

Педагогическая система святителя Игнатия Брянчанинова была основана на воспитании откровенности ученика своему наставнику – не только в делах, но, главное, в мыслях (ЛПБ, 246). Такая откровенность и близость отношений не допускала учеников святителя до грубых погрешностей.

В своих сочинениях, педагогической деятельности святитель Игнатий большое внимание уделял основной христианской заповеди – любви и **призывал всех к любви евангельской.**

Стяжанию ее владыка посвятил всю свою жизнь, и только ее он считал настоящей любовью. «Понимаю только ту любовь, которая действует по священным велениям Евангелия, при его свете, которая сама – свет, – писал он. – Другой любви не понимаю, не признаю. Истинная, святая любовь к Богу и ближним отчетливо изображена в Евангельских заповедях; правильное, непорочное действие ее является в исполнении заповедей. Кто любит Меня, сказал Господь, заповеди Мои соблюдет. В такой любви не может быть ни мечтательности, ни плотского разгорячения». Святитель писал: «Истинная любовь строга и, являясь в делах, не нуждается в личине – ласковости и льстивости, которыми непременно прикрывает себя самолюбие для обмана ближних» (143, 250).

Как пишет схиархимандрит Иоанн (Маслов), рассматривая творения святителя Игнатия Брянчанинова, любовь к ближнему бывает «двух родов»: естественная и евангельская («о Христе»).

Естественная насаждена в человеке при творении и потому непременно есть в каждом человеке. Она повреждена, как и прочие благие свойства, поэтому в каждом человеке подвержена большим или меньшим, кратким или продолжительным изменениям. «Христос, исцеляющий все наши недуги дивным образом, исцеляет и поврежденную любовь: заповедует Себя – Господа – любить в человеках». Это возводит любовь на высочайшую ступень, дарует ей чистоту, духовность, святыню... (143, 250). Любовь естественная непостоянна, изменчива и скоро может перейти в ненависть, но ничего подобного не бывает с любовью духовною.

Святитель пишет: «Бог отвергает любовь плотскую, любовь, которую узнал Адам по падении; принимает только одну духовную любовь, которую явил

миру новый Адам, Господь наш Иисус Христос. Мы должны любить так, как Он любит... Любовь духовная постоянна, беспристрастна и бесстрастна, вся – в Боге, объемлет всех ближних». «Желаю, чтоб вы имели любовь к Господу Богу, любовь живейшую, а к ближним одинаковую и равную, как к образу Божию» (143, 250).

Святое Евангелие заповедует христианину иметь любовь не только друг к другу, но и к врагам. Разъясняя евангельский текст о любви к врагам, Владыка писал: «Здесь ясно и определенно изображено, в чем должна состоять любовь к врагам: в прощении нанесенных ими обид, в молитве за них, в благословении их, т.е. в благих словах о них и благодарении Бога за наносимые ими напасти, в благотворении им соответственно силам и духовному преуспеянию, в благотворении, которое может простираться до вкушения телесной смерти для спасения врага. Пример такой любви явил Спаситель. Хотя Евангелие говорит о любви к врагам, но в нем же повелевается не вверяться им [врагам] и быть с ними очень осторожными.

Но сколько плодовита эта заповедь, столько и трудно стяжать её. Молитесь Господу, и Он пошлет в ваше сердце благодатное и разумное чувство, которым возлюбите врагов и обидящих как орудие правосудия Божия». (ЛПБ, 250)

Владыка Игнатий учит, что любовь должна быть освящена духовным рассуждением. «Любить друзей нужно во Христе, чтобы Христос был любим в ближнем, а ближний был любим как создание Божие».

Христианин, приобретший евангельскую добродетель – любовь – не расстанется с нею и в будущей жизни. По словам св. Апостола Павла, «любовь никогда не перестанет» (1 Кор. 13, 8), и святитель Игнатий говорит: «Одно благо, которое пойдет с нами туда [в вечность] – «любовь к Богу и ближнему» (143, 251).

Св. Феофан Затворник.

Св. Феофан (1815 – 1894) основным началом воспитательных мер также считал христианскую любовь, а лучшей средой и средством доброго воспитания – храм Божий: «Самое действенное средство воспитания есть церковность» (143, 257).

Епископ Феофан был строгим подвижником-аскетом, но его аскетизм был особого рода. Вот как один из биографов святителя характеризует его. «Преос-

вященный Феофан стремился осуществить в своей жизни идеал христианского аскетизма. Но это был не тот неправославный аскет, который в своей эгоистической замкнутости для себя одного ищет Бога, заботится только о своем спасении; нет, не для себя одного искал он полного уединения, совершенной отрешенности от мелочных житейских интересов, а более для других, – из глубины уединенной келлии «любовь его обнимала всех» (143, 258).

В своей деятельности святитель одних наставлял, других вразумлял, иных утешал в скорбях, иных укреплял в бедах, иных предостерегал от заблуждения, иным раскрывал те или иные истины веры и нравственности. По слову Апостола, он «всем был вся, да всяко некия спасет» (143, 258).

Св.Феофан определил *внешнюю и внутреннюю стороны пастырства*. Внешняя сторона обусловливается «наведением строя и порядка» во внешнем поведении паствы. Внутренняя касается **воспитания пасомых**, их «умов, сердец, их мыслей, чувств, расположения всей их жизни – так, как требует христианство…» (143, 258). Созидание такого настроения у пасомых есть попечение об их спасении.

Святитель объясняет смысл термина «пастырское душепопечение». Дело пастыря – «пектись (заботиться), чтобы все делали только добрые дела, день и ночь о том бы и помышляли, стремились вперед к своей цели», «дондеже достигнем вси [все] соединения веры, познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова» (Гал. 4, 13).

Эти слова Апостола, учит святитель Феофан, выражающие собой постепенное восхождение человека к совершенству, исход которого – спасение и единение с Богом, составляют сущность цели пастырского душепопечения (143, 258).

Особое внимание святитель обращает на нравственную сторону воспитания. «Главное – надо образовывать нрав и сердце, – писал он. – Отсюда все – страх Божий, и благочестие, и любовь к ближним…» (143, 259).

Размышляя о том, *кто* может воспитывать, св. Феофан пишет: «Назидать или созидать других может только тот, кто сам воссоздан, чей ум светло созерцает истины, чье сердце согрето любовью к сим истинам. Кто желает быть назидательный, тот должен усвоить истины Божии умом, запечатлеть их в сердце, расположить по ним волю так, чтобы они служили для нее и побуждением, и правилом» (143, 260).

Основополагающей в учении св. Феофана о спасении является мысль, о необходимости для человека внутреннего подвига, внутренней ной жизни. Что он имеет в виду?

«Дела нужно так распределять, чтобы внешнее не мешало внутреннему…. Не внешне только надо держать добрую исправность, но и в сердце содержать – это главное» (143, 261).

«Жить духовно, – поясняет святитель, – значит, непременно иметь в своем сердце благодать Святого Духа. Духовность свидетельствует о способности христианина жить добродетельно» (143, 262). Он указывает на признаки, по которым можно судить об этом. Первое – это совокупность добрых чувств и расположений. Далее – подвиги самоумерщвления и самопожертвования. О наличии в человеке Святого Духа свидетельствует также его отношение к земным вещам (143, 262). Необходимым условием внутренней, духовной жизни является постоянная сосредоточенность и внимательность ко всем своим действиям и особенно словам. Епископ Феофан говорит о необходимости постоянно беречь ум от рассеяния, т.к. это вносит нестроения в духовную жизнь. «Блюдитесь, – пишет он, – от рассеяния внимания ума, от пристрастия сердца к каким-либо предметам и обременения воли многозаботливой попечительностью. Рассеянность, пристрастие и многозаботливость – три злейших врага внутренней жизни» (143, 262). Святитель убеждает не допускать этих врагов внутрь сердца, чтобы они не заглушили духовной жизни.

Как мудрый и опытный пастырь, св. Феофан в своих трудах значительное место уделяет начальным ступеням на пути человека к спасению, воспитанию в нем чувства греховности и желания искреннего покаяния.

Св. Иоанн Кронштадтский.

Св. Иоанн Кронштадтский – поистине светильник праведности Земли Русской. Деятельности этого пастыря отец Иоанн (Маслов) в своих трудах также уделяет особое внимание.

[Далее текст с сокращениями цитируется по: Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Статьи разных лет. , с. 488 – 497].

Святой праведный Иоанн Кронштадтский. В нем сосредоточились все лучшие черты православной народной души. Он был оплотом немощных в ве-

ре, защитником слабых, пристанищем колеблющихся и подкреплением малодушных.

Чем он был так дорог для русского сердца, и что особенно привлекательно было в его душе? Отец Иоанн воплотил в своей душе Христово учение и был носителем в своем сердце Духа Святого.

Прежде всего, этот праведник все свои силы отдал Церкви, ею и жила его богоугодная душа. Вот в эту врачебницу он звал всех ищущих возрождения и спасения. «Св. Церковь, – пишет он, – величайшее, святейшее, благостнейшее, премудрое, необходимое учреждение Божие на земле.… Только в Церкви заключается обновительная сила, вне Церкви ее нет и быть не может» (161, 97).

Кронштадтский пастырь известен каждому как духовный просветитель. Им написано столько сочинений и проповедей, которых не найдется даже и у многих научных деятелей. Его творения являются неисчерпаемым источником нравственного воодушевления и назидания. И нет сомнения, что в этом отношении их можно приравнивать к творениям многих древних и новых отцов и учителей Церкви.

Он занимался и общественной деятельностью, и не было такого общественного явления, чтобы его одухотворенный и просвещенный ум упустил из вида какое-либо важное событие и не поддержал бы его своею отзывчивостью. Он был пламенный патриот. «Люби отечество земное, – поучает пастырь, – но особенно имей любовь к Отечеству Небесному» (158, 250).

О нем можно смело сказать, что жизнь этого благодатного мужа поистине была многогранной. Он не замыкался в самом себе, но полностью отдал всего себя на служение Богу и людям. Ревность о своем спасении и о спасении ближних сделала его мужественным воином, который постоянно сражался против врага спасения и врагов Церкви Христовой. «Настоящая жизнь, – учит он, – есть ежедневная жестокая, горчайшая война со врагами нашего спасения, ...с невидимыми духами злобы поднебесными, не оставляющими нас ни один день в покое, но непрестанно над нами коварствующими и возжигающими в нас разные страсти...» (158, 16).

Кроме дара проникновения в тайники человеческой души, этот праведник еще имел дар исцеления.

Чудодейственная сила молитв отца Иоанна стала известна миру. Не только из России, но и со всех концов света обращались к нему за помощью. Он имел

также дарование избавления людей от порока пьянства.

Но кроме этих удивительных чудодейственных свойств, отец Иоанн имел постоянную радость в своем сердце.

Видеть такого человека, слышать его поучение, молиться с этим великим пастырем Церкви Христовой было великой духовной радостью для русского народа.

Вот почему люди так неудержимо тянулись к нему, так жаждали его. Каждый из них чувствовал свою немощь и считал, что есть в мире праведник, который препобеждает нашу греховную природу и в душе которого живет Дух Святой. Именно такая душа бывает способна получить благодатную силу великого молитвенника.

В его душе царил постоянный мир, и раздражить кроткого и смиренного сердцем отца Иоанна было невозможно. Духовная умудренность созрела у отца Иоанна благодаря тому, что он постоянно воспитывал свою душу на слове Божием и на святоотеческих творениях.

Праведник Христов всегда в своих проповедях и дневниках подчеркивал, что для православного сознания основной должна быть мысль о том, что все мы в Боге составляем единое целое. «Все мы – едино, и для всех все – Господь, как для ангелов, для святых, для всех миров вещественных и каждой малейшей части их» (158, 119).

Отец Иоанн вмещал в своем сердце всех людей. Для него не было различия национальных или социальных сословий, и этим, пожалуй, объясняется его близость ко всем и – всех к нему. Он любил человека во Христе и поэтому сочувствовал и сострадал ему. Подвиг его сострадательной любви ко всем людям необходимо признать подвигом неимоверно трудным и как бы сверхчеловеческим. Ведь душа обыкновенного человека сможет выразить самое искреннее и деятельное сострадание только нескольким лицам, и то с негодованием и смущением. Этой ограниченностью нашей любви к ближнему и объясняется то явление, что не только должностные лица, но и самые близкие меж собой так спокойно и равнодушно относятся к чужим страданиям.

А у праведника Христова этого не было. Из его благодатного сердца на всех изливалось искреннее участие и отеческая любовь. В день рукоположения его в священника (12 декабря 1855 года) он сказал народу:

«Знаю, что может сделать меня достойным этого сана... Это любовь ко

Христу и к вам, возлюбленные братии мои... Любовь – великая сила: она и немощного делает сильным, и малого – великим, и незначительного – достопочтенным, и прежде незнакомого и чужого – делает скоро близким и знаемым, и любезным. Таково свойство любви чистой, Евангельской». Поэтому когда отец Иоанн изнемогал телесно, то он быстро удалялся и уединялся в молитвенную комнату и там находил для себя благодатное подкрепление в молитве и чтении Слова Божия, после чего снова являлся к людям неизменно благостным и лучезарным вестником Евангельской любви.

И эту неземную красоту подвига человеколюбия, это неотразимое духовное обаяние отца Иоанна признавали за ним не только его почитатели, но даже и все те, кто относился к нему недружелюбно.

Особенно этот молитвенник был близок к своей пастве. Иногда казалось, что он был со своими духовными детьми как бы одно существо. Эти люди стремились связать с любвеобильным пастырем каждое движение своего сердца. Многие из них почти ничего не предпринимали в своей жизни без его совета и благословения. Этот духовный союз укреплялся между ними, главным образом, через молитву и любовь к Богу и людям. Он жил свято, и Дух Господень обитал в его сердце, и поэтому из его души так щедро изливалась на людей благодатная чудодейственная сила.

Всю свою жизнь отец Иоанн отдал всецело и безраздельно на служение Богу, победив в себе все земные пристрастия непрестанной молитвой, любовью к Богу и людям. Вот почему последователи Христовы поняли это и неудержимо стремились к нему, как железо к магниту. Множество людей имели величайшее желание увидеть этого праведника и получить от него благословение или совет по тем или другим вопросам своей жизни.

Своими благодатными наставлениями он мог исправить грешника и даровать ему душевное и телесное выздоровление. Благодать Святого Духа перерождающе действовала и зажигала в сердцах людей ответное радостное восклицание: «Радость ты наша, дорогой ты наш» и т. п. Но выразительнее всех других восклицаний звучало обращение к нему: «Родной ты наш, батюшка!»

Да, отец Иоанн был родным, своим всякой православно-верующей душе, и потому эта душа так рвалась к нему. И как бы греховная скверна ни терзала души людей, как бы ни свирепствовали в них разные пороки, однако по молитвам праведника они очищались и становились достойными милости Божией.

Подлинное счастье, удовлетворение духа, по мысли отца Иоанна, начинается лишь тогда, когда искренним покаянием человек очистится от греховных пороков и начнет проводить свою жизнь так, как учит его Святая Православная Церковь. Много тысяч душ он извлек из тины греха, многих спас от отчаяния, утешил, возвратил к честной, трудовой жизни.

Двадцатого декабря 1908 года праведная душа неутомимого труженика отошла к Господу. Но к могиле усердного молитвенника Земли Русской не зарастет дорога вовеки (ТЗ, с.).

2.2.3. Методы пастырского душепопечения на всех этапах жизненного пути человека. Непрерывность воспитания.

На основании творений святых отцов древнехристианской и Русской Православной Церкви в своих трудах схиархимандрит Иоанн (Маслов) раскрывает методы нравственного воспитания, методы пастырского душепопечения.

Методы пастырского душепопечения: непрерывность и постепенность.

Обязанность пастыря - учить и наставлять человека на всех этапах жизненного пути. Отец Иоанн раскрывает методы пастырского душепопечения на различных возрастных ступенях: младенчестве, отрочестве, юности, зрелом возрасте, старости, - выявляя, тем самым, непрерывность процесса воспитания как один из существенных его принципов.

Воспитание святые отцы учат начинать с детства, когда детская душа чиста и «удобовосприимчива» к Божественным истинам. Вместе с тем, учитывая общую наклонность природы человека к греху, необходимо пресечение этой наклонности также с детского возраста, пока грех не пустил еще свои корни в почву души ребенка.

Младенчество.

Говоря о *младенчестве*, отец Иоанн указывает, что очень многое в последующей жизни человека зависит от того, как он будет воспитан в детском возрасте. Он поясняет, что люди, будучи уже в зрелом возрасте, могут под действием каких-либо причин, внешних или внутренних, потерять веру в Бога. Но религиозные знания, запечатленные в детстве, все равно принесут положитель-

ный результат и помогут обрести веру. Такие люди, если захотят править свою жизнь, «удобно обретают» путь спасения. Кто же имеет неправильные, сбивчивые или ложные понятия о вере и христианской истине, или вообще не имеет их, тому трудно выбрать правильный путь (143, 353).

Отец Иоанн придает большое значение благодатным усилиям со стороны самого ребенка, тем религиозным навыкам, труду, в котором тот должен воспитываться в семье, так как в детстве легко воспринимаются навыки и традиции христианской жизни.

В своих работах он уделяет внимание и тому, чтобы мать научила ребенка с младенчества правильно налагать на себя крестное знамение, приводя слова св. Амвросия Оптинского: «Веками утвержденный опыт показывает, что крестное знамение имеет великую силу на все действия человека во все продолжение его жизни. Поэтому и необходимо позаботиться вкоренить в детях обычай почаще ограждать себя крестным знамением и особенно перед принятием пищи и пития, ложась спать и вставая, перед выездом, перед выходом и перед входом куда-либо, и чтобы дети полагали крестное знамением не небрежно или помодному, а с точностью, начиная с чела до персей и на оба плеча, чтобы крест выходил правильный» (123, 141).

Пастырь должен советовать родителям читать детям Священную Историю и жития святых для ясного понимания цели их жизни, незаметно сея в детях семена страха Божия и христианской жизни. Особенно важно, с помощью Божией, суметь внушить детям, как важно хранение заповедей Божиих и какие бедственные последствия бывают от их нарушения.

Наставляя родителей в воспитании детей, священник побуждает их к тому, чтобы они учили своих детей с раннего возраста знать наизусть некоторые молитвы и избранные псалмы.

Пастырю необходимо обращать особое внимание на воспитание детей в страхе пред Богом. «Без внушения страха Божия, – пишет отец Иоанн, цитируя слова Амвросия Оптинского, – чем детей ни занимай, это не принесет желаемых плодов в отношении доброй нравственности и благоустроенной жизни» (123, 135).

Главным для детей является заповедь: «чти отца и матерь, да благо тебе будет и долголетен будешь на земле». Эта заповедь учит почтению, покорности, сдержанности, исключает дерзость по отношению к родителям: «неумест-

ные выходки, или вспышки перед родителями ни в коем случае не винительны» (123, 138).

Чтобы в поведении детей не преобладали шалости, нужно следить за тем, чтобы они всегда были заняты чем-либо назидательным в соответствии с их способностями. Для укрепления здоровья, правильного духовного и телесного развития детей рекомендуется причащать их Святыми Таинами один раз в месяц.

Отец Иоанн указывает, что пастырю необходимо учитывать индивидуальные особенности детей. Он ссылается на мнение преподобного Амвросия: «Если за детьми замечались какие-либо недостатки, то подходить к ним надо осторожно, не с крайней строгостью, а иногда обращаться к ним шутливым тоном, подбадривая: «через такие поступки не ударяй лицом в грязь» (123, 143).

Дети, достигшие семилетнего возраста, должны проходить церковное таинство исповеди. Их к этому нужно готовить. Необходимо, чтобы родители перед исповедью прочитали в домашних условиях детям заповеди Божии и объяснили их. Для детей младшего возраста перед исповедью особенно нужна священная обстановка.

Отрочество.

В *отрочестве* детям следует читать Катехизис. По словам преподобного Амвросия Оптинского, на мнение которого часто ссылается отец Иоанн, хотя Катехизис «сухая» наука, но его знать необходимо для правильного понимания догматов Православной Церкви (123, 142).

Пастырь должен обращать внимание родителей на то, что в отрочестве все обучение должно проходить постепенно: необходимо, чтобы дети были заняты в соответствии со своими силами. С другой стороны, они не должны быть в праздности, так как праздность и отсутствие страха Божия – корень всех зол и несчастий.

Домашнее обучение в вере должно чередоваться с обучением в школе, с домашними хозяйственными делами и своевременным хождением в церковь.

«Чем старше ребенок, тем более сложный характер приобретает процесс воспитания, особенно в тех случаях, когда в семье отсутствует религиозное начало в духе православного учения, в результате чего во взаимоотношениях между родителями и детьми нередко назревает или открыто проявляется конфликт. В таких семьях дети часто прибегают ко лжи, которая, как известно, ом-

рачает жизнь, наступают душевные переживания, тревоги, печаль, уныние, а это, в свою очередь, иногда приводит к трагическим случаям» (ТЗ, 393).

Роль пастыря особенно важна в деле восстановления православного воспитания в семье, возвращении ребенка на правильный, спасительный путь.

Роль семьи в воспитании детей, советы женщине-матери.

Пастырю следует быть особенно внимательным, если родители имеют различное мировоззрение, от которого происходят разногласия в процессе воспитания в семье, что отрицательно сказывается на детях. Таким родителям пастырь должен советовать всегда избегать горячности, крайности, споров при детях по вопросам воспитания, так как дети не в состоянии судить о правости сторон отца или матери. Верующей матери, по словам отца Иоанна, нужно «успеть насадить» в сердцах детей страх Божий, тогда не страшны будут ни влияния времени, ни разногласия в вопросе воспитания (123, 126).

Учитывая индивидуальность характеров и взглядов родителей на воспитание детей, пастырю-учителю следует советовать женщине-матери подходить к супругу с вопросами воспитания только в спокойном духе, говорить то, что она найдет полезным смотря по обстоятельствам. При этом пастырю необходимо указывать на усердную молитву как на самое надежное и действенное средство воспитания. Если в семье есть совершеннолетние дети, которых уже коснулся яд неверия, и они заводят с матерью споры на антирелигиозные темы, то пастырь должен указать родителям, особенно матери, на необходимость тщательно оберегать от этого влияния других, меньших детей, избегая при них разногласий.

Если родители не находятся на высоте должного примера в деле воспитания детей, не имеют кротости, смирения и терпения, распаляются гневом и злобой друг на друга при детях, то пастырь-учитель должен непрестанно работать над исправлением их душевного устроения.

Пастырю и воспитателю следует постоянно напоминать родителям, что самым верным средством воспитания является их пример. Родители не должны ходить сами и не допускать детей, особенно маленьких, на неприличные зрелища, которые влияют на чувственность, не принося пользы для души. Родителям необходимо не допускать детей к чтению антирелигиозных книг и слушанию таких же разговоров, так как юный ум впечатлителен. Главное в таких

случаях – усердно молиться за них о сохранении от соблазнов мира, поручая их Покрову Матери Божией. Необходимо следить за кругом чтения детей, так как некоторые литературные произведения развивают в детях и подростках чувственность, которая вытесняет религиозное благочестивое чувство. Надо стараться ограждать их от пустых развлечений.

Необходимо обращать внимание на одежду подростка, поощряя скромность, простоту и постоянство. Одежда с глубокой древности почиталась одним из отличительных признаков нравственных качеств человека. Одежда настраивает сознание человека на определенный лад: вещи бездушны, но оказывают влияние на состояние души, особенно неокрепшей.

Святые отцы указывают, что не следует опасаться, что у детей при хорошей памяти часто бывает недостаточное проявление религиозных чувств. Пастырю следует указать родителям на то, что услышанное от родителей и в храме, ребенок с детских лет будет хранить в уме и памяти. Впоследствии все накопленное может перейти в область сердца и зажечь его чувства.

Раскрывая психологию детей, отец Иоанн приводит слова преподобного Амвросия Оптинского: «в детстве вообще не у многих бывает истинное настоящее чувство, а большей частью оно проявляется в более зрелом возрасте, уже тогда, когда человек более начинает понимать и кое-что испытывает в жизни. Притом, избыток внутреннего чувства незаметно служит поводом к тайному осуждению других, а недостаток и сухость невольно смиряют человека, когда он станет понимать это» (123, 127).

Отец Иоанн пишет, что пастырю следует предостеречь родителей и от другой крайности – избытка чувств и неправильного пользования знаниями, которые надмевают человека. Такие дети, не имея гармонии между знаниями и смирением, испытывают неудовлетворенность в жизни, не имеют мира и спокойствия душевного. «Если же только хорошо учиться, да при этом нерассудно гордиться, – дело никуда не годится»,– так говорил старец Амвросий, на мнение которого неоднократно ссылается отец Иоанн (123, 132).

В тех случаях, когда дети проявляют непослушание и несерьезность по отношению к своим занятиям, к ним нужен индивидуальный подход – в соответствии с обстоятельствами и настроением детей, призывая при этом помощь Божию. Раскрывая методы пастырского душепопечения о юных, отец Иоанн указывает на то, что, по мнению святителя Феофана Затворника, детский и осо-

бенно юношеский возраст являются самыми ответственными в жизни человека.

Юность.

«Юность кипит жизнью, – пишет св. Феофан. – Надобно иметь очень твердую опору, чтобы устоять в это время от напора волн. Самая беспорядочность и порывистость движений опасна. К этому присоединяется жажда впечатлений, склонность к общению. Стихии юноши – развлечение, мечты, легкое чтение, жажда нового, разнообразия. Самый верх опасности для юноши от общения с другим полом... Какая надежная опора в этом случае?– Труд телесный и еще более умственный!» (143, 259).

Кроме этих опасностей, существуют еще две: «свое личное» постижение высоких истин и «светскость», которая вводит юношу и девушку в мир со всеми его соблазнами. Чтобы избежать этого, необходимо, чтобы пастырь, наставник подчинил юношу строгой дисциплине и научил во всем руководствоваться советом воспитателей. Отец Иоанн пишет, что святитель Феофан, заботясь о воспитании отроков и юношей, следующим образом определяет предмет воспитания: «Молитва с пением, частое хождение в церковь, навык к благочестию да будут предметом воспитания» (143, 259).

Преподобный Амвросий Оптинский достигшим семнадцатилетнего возраста советовал давать читать книги аскетического содержания: «Авву Дорофея» и «Лествицу». Он советует юным для сохранения благочестия использовать одно верное средство: «соблюдать жизнь по заповедям, а не по духу времени и модным обычаям человеческим, ибо только в заповедях человек найдет мир и успокоение своей жизни» (123, 134).

В юности особенно важно исполнение заповеди о почитании родителей. Нравственное почтение к родителям зиждется на соблюдении добрых навыков: «Юному возрасту, прежде всего, должно себя вразумлять хранением очей, обузданием языка и вообще благонравным и скромным поведением и обращением с другими, отражая от себя даже помыслы противозаконные и богопротивные, потому что люди смотрят только на лица, Бог же взирает на сердце, и от Него зависит наша участь как в настоящей, так и в будущей жизни» (123, 98).

Люди зрелого возраста.

Что касается окормления пастырем людей *зрелого возраста* (в какой-то мере в этом случае можно говорить об отношениях педагога и родителей), то и здесь отец Иоанн, опираясь на святоотеческую традицию, также дает ряд ценных советов.

В деле пастырского душепопечения о человеке любого возраста, а особенно зрелого, имеющего определенный духовный и жизненный опыт, важное значение имеет доверие (вера) пасомого к руководителю. Она – то живое связующее звено, через которое духовная сила от пастыря как бы переливается в окормляемого. В противном случае, говорит отец Иоанн, «без веры и от пророка пользы нельзя обрести» (123, 137). На основе доверия от человека требуется послушание наставнику.

Как учат святые отцы, спасение должно созидаться постепенно и состоять в развитии зачатков совершенства, которые заложены в природе человека. Это достигается путем отречения от своего «я» и самоукорением.

Пастырям необходимо развивать в своих духовных детях добродетель самоукорения, чтобы те научились за все себя укорять, внимать себе во всех жизненных обстоятельствах и не перекладывать своей вины на других. В теории пастырства самоукорению придается большое значение. В деле нравственного воспитания его ставят на первое место после откровения помыслов. Если человек научится во всем обвинять себя, то постепенно будет приходить к смирению и в его душе водворится мир.

Для достижения спасения людям зрелого возраста также необходимо благодарное перенесение скорбей. Раскрывая своим духовным детям значение и глубокий смысл всякого рода скорбей, лишений, трудов и искушений в воспитании сердца, в укреплении в вере, в созидании внутреннего человека пастыри призывают их к терпеливому и благодарному перенесению жизненных невзгод. Скорбям, переживаемым человеком, придается широкое воспитательное значение, в них видится Промысл Божий, направляющий человека к спасению. «Скорби – противоядие от страстей» (105, 251).

Пастырское душепопечение по отношению к людям зрелого возраста состоит также в том, чтобы научить человека не только верить и слушаться духовного руководителя, но и быть взаимным соучастником своего спасения, которое должно быть осуществляемо реально: **вся пастырская деятельность**

направлена на воспитание внутреннего человека через скую школу жизни.

Дело христианского спасения, сокровенной жизни в Боге – это дело не теории, а практики. Успех спасения достигается не иначе, как при обязательном условии внутреннего совершенствования. Вся жизнь истинного христианина – практическое выполнение Евангельского учения, которое может претвориться в действительность в любых условиях и мирянами, и теми, кто избрал монашеский путь. Евангельская теория должна быть пройдена практикой.

Семейные люди.

Пастырское душепопечение о семейных людях зрелого возраста должно постепенно возвышать их до уровня духовного совершенства. Метод душепопечения в этой области чисто практический. Не требуется от мирских семейных людей каких-либо крайних аскетических подвигов: удаления от мира, непрестанной молитвы, крайнего воздержания. Пастырю необходимо научить людей не привязываться всецело только к земному и тленному, вести жизнь свою благочестиво, что выражается в усердном выполнении заповедей и устава Церкви.

Отец Иоанн приводит пример пастырского душепопечения Оптинских старцев о семейных людях. Старцы постепенно отрешали человеческую мысль и сердце от привязанности к земному. Сначала, направляя людей на богомолье в обители, святые места, утверждали эту отрешенность, которая помогала великодушно переносить встречающиеся в жизни скорби. Далее воспитывали в человеке правильное понятие о телесных болезнях и скорбях, приучали к благотворению и любви к ближним и, наконец, при приближении человека к кончине, сосредоточивали его мысли и чувства на смертном часе, покаянии и исправлении.

Раскрывая особенности пастырского душепопечения о семейных людях, отец Иоанн приводит наставления святителя Феофана.

«Кто в семье живет, – учит св. Феофан, – тому и спасение – от семейных добродетелей». То есть и в обычной семейной обстановке должно ходить пред Богом. «Вы жалуетесь на хлопоты, развлекающие и не дающие помнить о Господе. Попробуйте так понять все дела свои по хозяйству и по другим отношениям, как бы они прямо от Самого Господа были вам назначаемы; не вообще только, а частно всякое дело таковым понять. Тогда, приступая к делу и совершая его, можно содержать в мысли и то, что вам следует исполнить его, как

было бы приятно Господу... Через это при делании будете с Господом.
Если в конце, сознав помощь Божию, возблагодарите Господа, то вот и в конце Господь. Если затем, в том же порядке исполните второе, третье дело и так до конца дня, то вот вы весь день с мыслью о Господе. А это ведь и есть то, что требуется, то есть ходить в присутствии Божием».

В другом письме, затрагивая этот вопрос, епископ Феофан раскрывает, *что* есть мир и мирская жизнь. «Мнение, – пишет он, – будто в мире нельзя спастись, верно, если жить по-мирски. Но если в мире не жить по-мирски, то для спасения от сего беды нет. Мир – страсти, люди, живущие исключительно по страстям, и совокупность обычаев и порядков жизни, придуманных для удовлетворения страстей... Жизнь семейная и гражданская не сама по себе есть мирская, а бывает такой, когда в порядки такой жизни втесняются страсти и удовлетворение их. На семейную и гражданскую жизнь есть заповеди. Если так завести эту жизнь, чтобы в ней господствовали заповеди с прогнанием всего страстного, тогда это будет не мирская, а святая жизнь, Богом благословенная» (ЛПБ, 266).

Наставления молодым супругам.

Схиархимандрит Иоанн выделяет особо наставления для молодых супругов о семейной жизни и сущности спасения на этом пути. «Брачная жизнь, – пишет святитель Феофан, – не затворяет двери в Царство Небесное, может не мешать и в духе совершенствоваться. Не во внешних порядках дело, а во внутренних расположениях, чувствах и стремлениях. Их и поревнуйте всадить в сердце. Читайте Евангелие и Апостол, и смотрите, как следует быть христианину настроено, и позаботьтесь так настроиться. Понемножку все придет и займет свое место. Главное – молитва. Она - барометр духовной жизни. Непрестанно надо с Господом быть, ибо без Него ни в чем успеха не будет» (143, 267).

В одном из писем святитель так наставляет замужнюю женщину: «Вы – жена, вы – мать, вы – хозяйка. Обязанности по всем этим частям изображены в посланиях Апостольских. Просмотрите их и возьмите на совесть исполнять их. Ибо сомнительно, чтобы спасение могло устроиться помимо исполнения обязанностей, которые налагаются званием и состоянием. Ибо как то и другое от Бога, то и другое может быть обращено или на угождение Ему, если верно исполняется, или на оскорбление Его, если не исполняется» (143, 267).

Особенностью пастырского душепопечения о лицах зрелого возраста, жи-

вущих в миру, является постоянное напоминание о необходимости зидать свое спасение именно в мелочах будничной жизни. «Извольте себе записать в памяти, что с минуты пробуждения до минуты закрытия глаз ко сну, все время должно так вести дела, чтобы весь день представлял непрерывную цепь актов самоотвержения, и все Господа ради, пред лицом Его во славу Его. Акты самоотвержения не огромное что суть, а идут среди обычных дел житейских и состоят во внутренних решениях и поворотах воли. Они могут быть под всяким словом, взглядом, движением и под всякой мелочью. Отличительная их черта есть – не допускать самоугодия ни в большом, ни в малом, а во всем идти наперекор себе... Садитесь, например, на диван; приходит желание развалиться... – откажите и приведите члены в напряжение, в струнку. Подобно этому и во всем. Мелочь это, но из полушек рубль составляется... Главное, навыкши этому в мелочах, – и на большом тем охотнее будете так же делать», – пишет св. Феофан (143, 267).

По учению св. Феофана, не только спасения, но и «совершенства можно достигнуть среди семейной жизни... надо только страсти погашать и искоренять» (ЛПБ, 267).

Люди пожилого возраста.

Окормление *людей пожилого возраста* с их старческими немощами, которые обращаются к пастырю за духовной помощью, имеет свои особенности. Известно, что в этот период жизни наблюдается упадок душевных и физических сил. У старого человека организм дряхлеет, плохо сопротивляется болезням, память слабеет, и такие люди особенно нуждаются в заботе. В зависимости от индивидуальных особенностей, симптомы старости проявляются у одних рано (от физического, духовного или умственного перенапряжения, волнений, от беспорядочной жизни), а у других позже. Но, так или иначе, старость налагает свой характерный отпечаток на внешность человека и его внутренний склад. Пастырское попечение о душах таких людей, должно быть особенно серьезно. Здесь нужно проявлять кротость, терпение, снисходительность к их немощам и увещание с любовью. Особенно много стараний наставник должен приложить к наблюдению за их настроением, чтобы своевременно отвести от свойственных этому возрасту апатии и разочарований.

Если человека тяготит душевная и телесная немощь как постоянный спутник старости, то пастырю следует, не смущаясь, указать ему на то, что **эти не-**

дуги являются спасительными. Для уврачевания немощей и приготовления души к смерти следует подать старому человеку совет начать готовиться к переходу души в иной мир.

При окормлении старых людей пастырю следует помнить, что при всех тяготах и неполной удовлетворенности жизнью человек не хочет уходить из этого мира. «Когда приближается смерть, в человеке может появиться неестественное ожесточение и отчаяние, иногда же и просто болезнь ума. Пастырю следует знать это и при необходимости объяснить пожилому человеку, что такое нежелание умереть при всех невзгодах земной жизни есть не что иное, как **вложенная Богом потребность жить и жить, жить без конца»**. (ТЗ, 393) Эта потребность есть стремление к бесконечной жизни. Стремление к вечной жизни предопределено свыше. Бог возжег в человеке жизнь, которая, как искра Божия – никогда в нем не угаснет (146, 457). Пастырь святыми таинствами Церкви и увещаниями готовит человека к переходу в жизнь вечную, поддерживая его и наставляя (146, 399).

Анализ педагогических аспектов теории пастырства, изложенных в трудах схиархимандрита Иоанна (Маслова), позволяет сделать ряд выводов, касающихся общих положений методов пастырского душепопечения.

1. «Главным в спасении человека во всех обстоятельствах и условиях, является жизненное выполнение им заповедей Божиих. В самом выполнении Евангельских заповедей – великая духовная сила: ими приобретается и умножается благодать Божия. Выше этого средства в приобретении душевного мира на земле нет» (ЛПБ, с.). Старец Амвросий Оптинский называет заповеди Божии «животворными», так как ими исправляется сердце человека.

2. Раскрывая общие истины для спасения людей, пастыри учат пасомых, что спасение созидается не в спокойной и довольной жизни, когда никто не мешает и ничто не беспокоит. Спасение, по словам Оптинского старца Амвросия, должно совершаться непременно деятельно, в среде людей, где человек, находясь в постоянном столкновении с обстоятельствами и разнообразными характерами, познает не чужие, а свои недостатки, немощи и страсти и через это познание смиряется (123, 78).

3. Познание своей немощи и греховности служит мерою духовного совершенства человека. Труд спасения совершается в деятельной борьбе с грехом

при исполнении заповедей, где человек невольно видит свои немощи и приходит к смирению. Христианское смирение – основное религиозное чувство, без которого нельзя познать истины (123, 79).

4. Одними из главных методов пастырского душепопечения является **непрерывность** и **постепенность**. «Духовная жизнь должна быть подобна малому, но постоянно текущему ручейку» (123, 82).

5. По учению древних подвижников, причина мировых страданий не есть следствие ненормального социального порядка, не есть причина внешняя по отношению к человеку и человечеству, но внутренняя, духовная, психологическая. **Человечество страдает потому, что в человеке содержится грех.** Не будь греха, оно благоденствовало бы. Для того чтобы спастись, чтобы приблизить христианскую жизнь к желаемому идеалу, требуется очищение души от греха и укрепление в добродетелях путем духовной борьбы, путем воспитания внутреннего человека. По слову Христа, нужно прежде очистить внутренность чаши и блюда, и тогда внешность сама собой очистится.

Пастыри воспитывают внутреннего человека, его душу. Пастырское душепопечение основывается на учении святых отцов о том, что центр тяжести борьбы добра и зла находится в душе человека, поэтому задача пастыря – научить людей делу спасения, которое не зависит от обстоятельств.

6. Ни место, ни время, ни окружающая среда не могут препятствовать человеку идти к намеченной цели – спасению. Бывает, что, живя в самых неблагоприятных условиях, человек спасается, так как в этой обстановке он следит за собой, своим внутренним состоянием. Бывает, напротив, что при благоприятных условиях и обстоятельствах он расслабляется и предается беспечности. Все зависит от внутреннего устроения человека, его исканий, стремлений и труда над собой, а не от внешнего мира. Человек свободен, и потому он по собственному произволению может стать либо на сторону добра, либо на сторону зла (123).

7. Методы пастырского душепопечения разнообразны. Большинство из них сводится к искоренению присущих человеку страстей через исполнение заповедей и укоренение добродетелей. Наряду с индивидуальностью характера, пастырем, как уже отмечалось, учитывается духовное развитие обращающихся, их семейное, материальное и общественное положение, возраст, профессия. К основным методам пастырского душепопечения относятся *совет* и *увещание*.

8. Вместе с тем, главное в душепопечении, делает вывод отец анн, – любовь, индивидуальный подход к душе. Пастырь не должен оскорблять пасомых, не должен отпугивать их излишней строгостью, требовательностью, обличением в грехах и угрозой скорбей.

Особенно важно в духовном руководстве – сознание пастырем своей ответственности перед Богом за врученные его попечению души и надежда на Его благую помощь (143, 381).

Такова общая картина методов пастырского душепопечения.

Учительство пастыря.

В заключительной главе «Лекций по пастырскому богословию», которая названа «Духовное и душевное пастырство (доброе и злое)», схиархимандрит Иоанн, обобщая святоотеческое наследие о пастырстве, раскрывает цель нравственного воспитания, указывает на руководящий принцип, заложенный в природе человека, показывает условия успешности воспитания, а также главное правило духовного возрастания. Он указывает на правильный способ воздействия на воспитанников, представляет основные положения и принципы воспитания применительно к пастырской деятельности, обобщает требования к пастырю и делает выводы, которые могут быть используемы современным педагогом и современной педагогикой в целом.

Как уже отмечалось, первая обязанность пастыря – *учительство*. «Идите, – говорит Господь Своим преемникам, – научите все народы». Что это значит? Схиархимандрит Иоанн разъясняет, что **научить** здесь означает **дать духовным интересам человека преобладающее значение**, раскрыть перед людьми, кто они, зачем призваны в мир и каков смысл человеческого бытия (143, 364).

Как учить? Отец Иоанн отвечает: «**Пастырь должен учить людей словами, делами и даже своим молчанием**. Ответственность за людей и страх Божий побуждают его усердно назидать учеников в своих поучениях и «учить не затем, чтоб только знали, но для того, чтоб и жили сообразно с учением». Движимый духовной связью с паствой, пастырь выступает то со словом назидания, то увещания и обличения» (143, 364).

«Для того чтобы заложить в глубине сердца слушателей сознание неотразимой правды учения, пастырю необходимы не только большие теоретические знания, но и собственная жизнь. Хотя пастырь говорит красноречиво, но если предписываемые им правила жизни не оправдываются его собственной жиз-

нью, то слушатели не могут воспринимать его учения в строгом смысле и применить к себе. «Кто худо живет, – свидетельствует св. Григорий Богослов, – того обыкновенно презирают, а чью презирают жизнь, того презирают и проповедь». Св. Иоанн Дамаскин говорит: «Или не учи, или нравами учи, иначе словами будешь призывать, а делами отгонять» (143, 364).

Схиархимандрит Иоанн определяет *условие* успешного восприятия и усвоения людьми нравственных норм и правил. «Истинный нравоучитель преподаваемое высокое учение сам усваивает органически, оно… становится его собственным цельным и ясным мировоззрением. Тогда его учение оказывает неотразимое влияние на слушателей» (143, 364).

«Если пастырь будет связан страстями и пороками, то и сам язык его будет связан. Его слова будут пустым звуком и «тщетным искусством». Сама порочная жизнь истощит его духовные силы и отнимет у него способность учить. Ибо для нравоучителя «никакой нет пользы стяжать лишь навык в научении и натореть язык в говорении, если он не будет учить более примером, чем словом» (143, 364).

Таким образом, отец Иоанн делает важный для педагогика вывод: **порочная жизнь отнимает способность учить.**(143, 364)

Схиархимандрит Иоанн указывает на *руководящий принцип*, заложенный в природе человека. Он «заключается в том факте, что человек состоит из души и тела, тесно связанных друг с другом, следовательно, **согласовывая внутреннее с внешним**, человек идет по пути, указанным Самим Создателем» (123, 140).

Каждый должен так устраивать свою жизнь, чтобы тело получало свое и дух возрастал, находясь в равновесии, в мире. Этот мир («Мир оставляю вам, мир Мой даю вам, не так, как мир дает, Я даю вам» – Ин. 14, 27) есть место, недосягаемое для лукавого» (143, 361).

Отец Иоанн учит, что злой дух, лжец и разбойник духовный, стремится, прежде всего, вывести человека из равновесия, «возмутить» его, «расстроить». Когда ему удается нарушить «кристальность вод» души, поднять ил с ее дна, чрез какое либо искушение или наваждение (чаще всего – чрез другого человека), тогда в этой «мутной воде» враг начинает «делать свой улов»: толкать человека, ослабленного страстью (гнева, похоти, зависти, стяжательности), на преступление, то есть на преслушание Закона Христова. И если человек молит-

вой и покаянием не порвет этой паутины, чрез некоторое время она сделается бечевкой, еще далее – веревкой, и, наконец, цепью, связующей всего человека. И «человек пригвождается, как каторжник, к тачке развоза зла по миру. Делается орудием лукавого. Рабство и сыновство Божие заменяет сперва рабством, а потом и сыновством лукавому» (143, 362).

Отец Иоанн вводит важное для педагогики правило воспитания, *правило духовного возрастания*, духовной борьбы. «**Всякую страсть побеждать силою Христовой немедленно**, как только зародилась она». (143, 362) Далее он поясняет.

Исцелить, изгнать совершенно мы ее не можем сразу, но можем все время загонять ее «на дно», чтобы там страсть умирала под действием вод благодати, а душа наша всегда была бы мирная, кристальная, любящая, благожелательная, бодрственная, духовно трезвая. Если на какой-либо стороне души намечается или происходит «прорыв», сейчас же все внимание сердца надо обратить туда и усилием («Царствие Божие берется усилием», – сказал Спаситель, указывая именно это Царствие Божие, которое на земле приобретается или теряется внутри человека), т.е. молитвенной борьбой надо восстановить мир сердца, души. Это есть трезвение духовное (143, 362).

Для духовно трезвого человека враг не страшен. Враг страшен и опасен лишь для сонливого, ленивого, расслабленного душой. Если будет человек столько же уделять заботы охранению души своей, сколько враг употребляет для ее погубления, то, конечно, он может быть спасен. В глубине мирного и свободного сердца своего, он даже посреди больших испытаний всегда услышит ободряющий голос: «Это Я – не бойтесь» (Мф. 14, 27) (143, 362).

Как важно, чтобы это правило воспитания усвоил каждый педагог, воспитатель и научил этому своих учеников. Если бы каждый следовал этому правилу, какой мирной и спокойной стала бы жизнь в каждой семье, в обществе в целом.

Священнику вверены самые души людей, за которыми он должен наблюдать и вести к спасению. Следовательно, необходимо не учить только, но и руководить - что значит «взять за руку и вести ко спасению», по словам святителя Феофана (143, 372).

«Пастырь есть духовный архитектор, строитель душ, созидатель из этих душ Божьего дома... Психология пастыря есть психология хозяина поля и сада.

Каждый колос – душа человеческая. Каждый цветок – человек.
тырь добрый знает свое хозяйство, понимает процессы жизни органической, умеет помочь этой жизни. Обходит каждое растение и прилагает к нему заботу. Дело пастыря есть обработка, подготовка почвы, кидание семян, орошение растений, выпалывание сорных трав, прививка добрых черенков деревьям-дичкам, поливание предохранительной жидкостью виноградных лоз, охранение плодов от воров и от птиц, наблюдение за созреванием, своевременное снятие плодов...» (143, 373).

Отец Иоанн указывает *требования*, предъявляемые к пастырю, к нравоучителю и необходимые *условия успешности* воспитания.

Пастырь как воспитатель должен:

– в душе каждого человека раздуть искру Божию, вызвать ее к жизни, к горению;

– всех принимать беспрепятственно: к пастырю должен быть легок приход человека всяких убеждений;

– быть беспристрастным ко всем людям: бедным и богатым, молодым и старым, красивым и безобразным. Во всех людях он должен видеть только их бессмертную душу;

– поставить себя в условия одинаковой близости ко всем, и всех поставить одинаково близко к себе.

Внутреннее условие успешности духовного руководства – **священник должен быть духовно выше своей паствы** (143, 359).

Отец Иоанн определяет три основных *положения*, необходимых для правильного духовного руководства, для истинного воспитания.

Воспитателю необходимо:

– уметь говорить непосредственно с «внутренним человеком» собеседника;

– пробуждать в человеке недовольство своим состоянием и стремление к совершенствованию;

– научить человека возвыситься над страстями (143, 374).

Отец Иоанн указывает на необходимость самоотречения и любви в деле нравственного воспитания людей. Одним из основных положений воспитания можно считать также его замечательные слова: «**Только любовью можно постигнуть внутреннюю жизнь других людей и войти с ними в тесное духов-**

ное общение» (143, 16). По мысли отца Иоанна, сострадательная бовь к людям, дающая способность «переживать скорбь борьбы и радость о нравственном совершенствовании своих пасомых, выражает самую сущность пастырского духа» (143, 375).

В «Лекциях по пастырскому богословию» дан ответ на вопрос: какие *свойства* дают возможность пастырю как воспитателю понять духовные запросы людей? **Искренность и сострадание к ближним** (143, 376). По мысли отца Иоанна, истинный нравственный руководитель и духовный вождь носит в душе своей все то, чем внутренне живут его воспитанники, сливает их духовные нужды со своими, скорбит и радуется с ними, как отец с детьми своими» (143, 376).

Что является первым *условием* истинного пастырского душепопечения? «Скорбь о грехах пасомых, как о своих собственных, и забота о пасомых, как бы о самом себе. Пастырь, тесно сливающий свою жизнь с заботой о пастве, все недостатки и грехи их считает следствием своей недостаточной ревности и мудрости. Во всем и за все он обвиняет самого себя» (143, 376).

Опираясь на высказывания святых отцов, отец Иоанн отмечает, как важен и необходим правильный *способ воздействия* на людей. «Для иных нужен бич, – говорит св. Григорий Богослов, – для других – узда. Для одних полезна похвала, для других – укоризна, но та и другая вовремя».

Как пастырю, так и всякому педагогу необходима большая **чуткость** и **наблюдательность** при руководстве людьми различного характера и воспитания. Человек – это своего рода цветок, увядающий от прикосновения грубых рук, поэтому к каждому должен быть индивидуальный подход. «Управлять человеком, сим хитрейшим и изменчивым животным, – говорит св. Григорий Богослов, – есть, … искусство из искусств и знание из знаний» (Христианское чтение, 1842, с.14).

Отдельно рассматривает отец Иоанн вопрос о необходимости наказаний в деле воспитания. **Мудрость** состоит в том, чтобы налагать наказание не просто по мере прегрешений, но исследовав намерение согрешающих. «Как многие надмеваются и впадают в отчаяние о своем спасении, потому что не могут перенести горьких лекарств, так иные, не получив наказание, равносильное грехам, впадают в беспечность, делаются гораздо худшими и еще более грешат», – свидетельствует св. Иоанн Златоуст (303, 24).

«Истинное пастырство – это сочетание Божественной благодати, особого призвания, большого личного труда, непрестанного контроля над бой, духовного бодрствования и молитвенного подвига» (143, 378).

Духовный пастырь отдает пастырству все силы ума и сердца. Он искренне, до самопожертвования, любит паству, соболезнует ей в скорбях и согрешениях, сорадуется ей в ее преуспеянии. Таким образом, **пастырь призван к учительству, к насаждению истины и истинных понятий о человеческой жизни и деятельности** (143, 115).

Духовное развитие совершается по законам духовной борьбы, изучением которых занимается аскетика. Без опытного познания этих законов невозможно и пастырское воздействие на внутреннюю жизнь пасомых. Следовательно, внимательное изучение творений подвижников-аскетов, их мировоззрения, их жизни, может служить как для пастырей церкви, так и для педагогов верным путем к проникновению в тайны учительского влияния.

2.3. МОНАСТЫРСКАЯ ПЕДАГОГИКА. ПЕДАГОГИКА СТАРЧЕСТВА.

2.3.1. Монастырь как училище благочестия.

На протяжении веков определяющую роль в деле воспитания русского народа играли монастыри. В стенах монастырей православная педагогика нашла свое полное воплощение и завершение. Систему воспитания, которая там сложилась, можно назвать **монастырской педагогикой**. Научный интерес к ней обусловлен теми высокими результатами, которых она достигла, явив миру сонм русских святых, светильников веры, героев Отечества.

Монастырь называют «практической школой благонравия», в которой, кроме религиозно-иноческого воспитания, главными житейскими науками являются умение отдать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах.

В этом смысле история монашества также представляет огромный интерес для педагогики, поскольку история русского монашества есть, прежде всего, история успехов православного воспитания. Поэтому долг историка педагогики, как пишет Константин Петрович Победоносцев, говорить «о нравственных и народолюбивых подвигах монахов», которые жили не личными интересами, но были воспитаны так, что умели полностью отдавать себя служению Богу и

ближним, государству и обществу.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) в своих трудах не случайно уделяет монашеству особое внимание. «Живя в миру, – пишет отец Иоанн, – не всегда удобно совершенствоваться в добродетели. Поэтому те, кто особенно стремились к совершенству, к Богообщению стали удаляться от мира и установили особый порядок жизни, или жизнь монашескую, которая, согласно святоотеческому учению, есть наука из наук» (135, 27).

Монастырь – место развития всех духовных сил человека.

Монашество связано с таким понятием, как монастырь. Что же такое монастырь? Слово монастырь происходит от греческого «моно» – «уединяюсь, живу один» (152, 612). В монастырь люди уходили, стремясь к уединению с целью приблизиться к Богу и восстановить в себе Его образ. «Монах есть тот, у кого тело очищенное, чистые уста и ум просвещенный» (187, 29). «Монах есть тот, кто имеет такой навык к добродетелям, как другие к страстям» (187, 296).

Как пишет святитель Игнатий Брянчанинов, монашество – жительство иное, отличное от обыкновенной, всем общей жизни. Поэтому в русском языке монашество называется также словом «иночество», происходящим от слова «иной». Монах по-русски – это «инок» (123, 467).

Русские люди относились к монастырям с особым благоговением, считая их высшим идеалом жизни на земле. На Руси говорили обыкновенно:

«Свет инокам – ангелы,

Свет мирянам – иноки» (146, 479).

Монастырь – это общежитие лиц, принявших монашеские обеты: нестяжания, целомудрия, послушания. По мысли святителя Филарета (Дроздова), сущность всех монашеских обетов есть обещание постоянной, всецелой преданности себя Богу (345, 48).

Монашество: достижение духовного совершенства.

В трудах схиархимандрита Иоанна содержится учение святых отцов о монашестве: старцев Оптиной и Глинской пустыней, св. Тихона Задонского, св. Игнатия Брянчанинова, св. Феофана Затворника. Все они ставили монашество очень высоко. Святитель Игнатий Брянчанинов восклицает: «Великая к нам милость Божия, приведшая нас в монастырь. Это благо выше всех земных благ»

(106, 127). «Есть спасение и кроме монастыря, – говорит старец сий Оптинский, – но с трудом великим. Хотя и в монастыре спасение не без труда, но зато и кроме спасения в монастыре человек может достичь и совершенства духовного» (123, 131).

Цель иночества – очистить себя (то есть чистота сердца), придти в естественное состояние (2, 27) и получить жизнь вечную (258, 40). По мысли Глинского старца Порфирия, «Евангелие не полагает никакого различия между иноком и человеком мирским и требует от всех одной и той же святости, одного и того же самоотвержения, одной и той же чистоты.… Всем людям должно взойти на одну и ту же высоту» (258, 43-44).

Однако сердце мирянина очень часто увлекается житейскими заботами и треволнениями. Поэтому св. Феофан Затворник делает выводы, что «путь монашеский более удобен в деле спасения» (143, 268).

Говоря о преимуществах монашеской жизни, старец Амвросий пишет: «Евангельское учение нисколько не отличается от монашеской жизни; в мире живущие имеют одно лишь исключение относительно супружества.… Хотя и такие могут шествовать путем благочестия, но с неудобством, так как претыкаются» (123, 132).

В то же время схиархимандрит Иоанн выделяет следующую мысль святых отцов: «Спастись везде можно, и спасение не от места и не от внешней обстановки, а от внутреннего настроения» (143, 266).

Сущность монашеской жизни заключается в отсечении страстей и достижении бесстрастия. «Образ монашества называется ангельским; значит, кто живет истинно по-монашески, тот живет ангельски, то есть бесстрастно в целомудренной чистоте, кротости и смирении», – пишет св. Амвросий Оптинский (123, 35).

Схиархимандрит Иоанн разъясняет, что «духовный подвиг иноков заключается в очищении сердца от страстей» (143, 268) и приводит слова св. Феофана Затворника: «**Дело монашества – все внутреннее, а внешнее в нем есть придаток**». По словам святителя, вступление в монашество означает «твердую решимость жить, не поддаваясь увлечениям страстей» (143, 268). По мысли св. Игнатия Брянчанинова, **основа монашеской жизни – стяжание любви к ближним.**

Таким образом, в учении о монашестве, изложенном схиархимандритом

Иоанном, раскрыт взгляд святых отцов «на сущность монашества как наиболее прямого пути ко спасению по сравнению с путем, избранным мирянами, которые, будучи связаны мирскими попечениями, семейной жизнью и всякого рода заботами, находятся в менее благоприятных условиях, чем монашествующие, всецело отрешившиеся от мира и посвятившие свою жизнь на служение Богу… Поборов в себе все страсти, монах делается полным властелином над самим собой» (123, 140).

Схиархимандрит Иоанн указывает, что «чрезвычайно трудно правильно проходить монашеский путь, но инок дерзновенно уповает на таинственную помощь свыше». Поэтому св. Амвросий Оптинский пишет: «**монашество есть тайна**» (123, 132).

Русские монастыри как практическая школа благонравия.

Первые монастыри появились в Египте в первые века христианства. На Руси монастыри впервые появились в 11 веке. Они сыграли особую роль в истории России, воистину став «светом миру» – центрами духовной жизни, учености и просвещения, идеалами Православия, примерами того, как можно, живя на земле, целиком посвятить себя Богу.

В русских монастырях царил особый мир, где дух господствовал над плотью. Подвиги монахов, которых называли богатырями духа, были поразительны. Этим объясняется стремление уйти в монастырь почти всех лучших людей допетровской эпохи. В монастырь, как в училище благочестия, шли и князья, и простые люди. «Монашество лучшим образом свидетельствует о благочестии народа», – пишет Патриарх Московский и Всея Руси Алексий I (315, 127).

Глинская пустынь – центр духовного просвещения.

Каким же образом монастырь оказывал воспитывающее влияние на общество, на жизнь русских людей? Чтобы понять это, необходимо рассмотреть один из конкретных примеров. Остановимся на примере Глинского монастыря, подробно описанного в трудах схиархимандрита Иоанна (Маслова). Он занимает особое место в ряду православных монастырей, являясь могучим центром духовного просвещения, той школой, в которой на протяжении веков получали духовное воспитание различные слои русского общества.

Преподобный Серафим Саровский называл Глинскую пустынь «ве-

ликой школой духовной жизни» (135, 9), архиепископ Ювеналий (Половцев) – «идеалом христианского богослужения и местом духовного подвига» (135, 181), митрополит Антоний (Храповицкий) «лучшей обителью», а Глинских старцев – «украшением монашества». Святитель Филарет (Дроздов) писал: «Глинская пустынь процветает благодатью». Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II охарактеризовал Глинскую пустынь как монастырь «особой духовной судьбы и значения». (6, 101-102).

Деятельность Глинской пустыни примечательна в различных аспектах: историческом, социально-экономическом, просветительском и других. Схиархимандрит Иоанн (Маслов) посвятил ее описанию многочисленные статьи, а также фундаментальный труд, в котором подробно рассмотрел жизнь обители с момента ее образования до нашего времени - «Глинская пустынь: История обители» (135). Приложение к этому труду - «Глинский патерик» (137).

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь Курской епархии возникла в начале 16 века на месте явления Пустынно-Глинской Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы. К месту чудесного явления иконы стали во множестве стекаться люди не только из близлежащих селений, но и иноки, ставшие, по прошествии времени, первыми насельниками будущего монастыря. От святой иконы и от источника совершались многие исцеления, привлекая паломников со всех концов России. Глинская пустынь заняла одно из ведущих мест в духовной жизни Русского государства.

О жизни пустыни в 16-17 веках известно немного, поскольку в 1769 году во время пожара сгорел весь архив монастыря. Исторические документы свидетелсьвтуют, что в середине 17 века Глинская пустынь была присоединена к Путивльскому Молченскому монастырю, и лишь в 1764 году монастырь получил полную самостоятельность. В 19 веке Глинская пустынь совместно с Оптиной «определяла духовное возрождение русского народа», о чем свидетельствуют материалы поместного Собора Русской Православной Церкви, прошедшего в 1988 году (4, 9).

После Октябрьских событий пустынь в 1922 году закрыли. Она была открыта лишь в военные годы (1942) и вплоть до второго закрытия, в 1961 году, Глинская пустынь продолжала оставаться центром духовного просвещения.

Как уже отмечалось, с самого начала своего возникновения Глинская пустынь занимала особое место среди духовных обителей. Она славилась строго-

стью истинно подвижнического устава, высотой духовной жизни своих насельников, особой силой религиозно-нравственного воздействия на народ.

Особое положение монастыря объяснялось также процветавшим в нем старчеством: это была одна из тех редких обителей, где **старчество было утверждено уставом.**

Сущность старчества, заключается в том, что из среды братии избирается один опытный в духовно-аскетической жизни инок, обладающий даром рассуждения, который ставится руководителем, духовным отцом, старцем всей монашеской общины. «Во всякое время к нему добровольно идут ученики, раскрывая перед ним свою душу, помыслы, желания и поступки, испрашивая его советов и благословения. Они полностью отказываются от своей воли ради исполнения всеблагой Божьей воли, беспрекословно, без размышлений повинуясь старцу и выполняя все его указания как откровения Божьей воли. Такое старческое окормление помогает в борьбе со страстями, подкрепляет в минуты уныния, малодушия и сомнения, служит защитой, покровом от внешних и внутренних бурь» (122, 7).

Благодаря старческому окормлению, в Глинской пустыни воспитался целый сонм выдающихся подвижников. Они были удостоены таких даров святого Духа, как прозрение, исцеление, чудотворение и других. Многие воспитанники монастыря за высоту духовной жизни избирались на начальствующие должности в другие монастыри для утверждения там истинно монашеского жития. Только в конце 19 – начале 20 вв. более пятидесяти Глинских иноков были назначены настоятелями в другие обители. Из Глинского братства вышли также известные миссионеры. В частности, известный апостол Алтая архимандрит Макарий (Глухарев), просветитель Америки – архимандрит Иларион, крестивший более 4 000 индейцев на реке Квихпаке, благочинный православных приходов во Франции – архимандрит Иродион и многие другие.

Жизнеописания только наиболее известных Глинских подвижников составляют трехтомный Глинский патерик (137). Что же способствовало их формированию?

Отличительные особенности устава богослужения и всего аскетического духовного строя жизни Глинской пустыни отмечали многие исследователи. В обители строго соблюдался устав, богослужения начинались в полночь, ни у кого не было никакой собственности, братия сама исполняла всю черную рабо-

ту. Женщинам вход везде, кроме храма, был воспрещен, с ками можно было видеться только в гостинице и только по благословению настоятеля, в кельях монахам не разрешалось никого принимать. Глинский устав, составленный по образцу Афонского, был впоследствии полностью или частично заимствован многими русскими монастырями.

Все это создавало условия для внутреннего совершенствования иноков. Поэтому многие из них не довольствовались исполнением трех обычных монашеских обетов: нестяжательства, целомудрия и послушания, – а брали на себя дополнительные обеты (обет отшельничества, особого постничества, молчальничества, юродства во Христе и др.), направленные на укрепление духовной воли, на возвышение христианского духа.

Таким образом, главное внимание в Глинской пустыни обращалось на духовное воспитание монашествующих, на их нравственную поддержку. О духовных успехах братии, о возрастании духовной жизни братства свидетельствует стремление других подвижников попасть в эту обитель. Неслучайно поэтому год от года возрастало число почитателей монастыря, ширилось его влияние на народ.

Упрочение духовных начал жизни монастыря, подкрепленное сложившимися за века традициями, не могло не сказаться на всех сторонах его деятельности – не только внутренней, аскетической, но и внешней, той, что связана с внешним миром. Иноки обители становились проводниками в жизнь христианских нравственных требований, служили и духовным, и материальным нуждам русского народа. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Глинская пустынь известна своей благотворительностью. Ежегодно обитель принимала более шестидесяти тысяч паломников. Все получали здесь бесплатное питание, жилье, обувь, одежду, лечение. При пустыни монахи устроили образцовую больницу и аптеку. Больница Глинской пустыни была лучшей в Курской губернии.

В Доме трудолюбия при Глинской пустыни обучалось ста восьмидесяти мальчиков, преимущественно из бедных сирот.

Известна деятельность Глинской пустыни и в борьбе с сектами. Она велась путем проповедей. Проповеднический кружок, состоящий примерно из тридцати человек, проповедовал Слово Божие постоянно и планомерно. Бесплатно раздавались образки, крестики, книги, листки, что также служило духовному

укреплению приходящих в обитель.

Глинская пустынь славилась обширной библиотекой, которая систематически пополнялась. Здесь были собраны книги Священного Писания и творения святых отцов. Работали миссионерские курсы, на которых читали лекции епархиальные миссионеры.

Значительна социально-экономическая деятельность Глинской пустыни. Хлебопашество, пчеловодство рыбная ловля, заготовки строевого леса, прядильные и свечные ремесла – все это процветало в монастыре, позволяя не только обеспечивать братию одеждой и трапезой, но и оказывать материальную помощь жителям ближайших селений и богомольцам.

Таким образом, крестьяне получали от насельников обители не только духовную, но и материальную, хозяйственную помощь.

Глинская пустынь была средоточием патриотического воспитания народа. В годы первой мировой войны (1914-1918) духовная помощь насельников Глинской пустыни выражалась в их усердной молитве о даровании победы, здравии русских воинов, а также в заупокойных молитвах. Монахи разъясняли народу позицию Церкви по отношению к войне, приводили примеры, свидетельствующие о высоте служения христолюбивых воинов, ценой своей жизни защищавших святую веру и Отечество. Пробуждая патриотическое сознание народа, Глинские старцы напоминали об истинном смысле человеческой жизни – спасении души.

Говоря о педагогическом значении Глинской пустыни, следует отметить, что ее история, традиции, уклад монастырской жизни, высота нравственного строя способствовали созданию целостной педагогической системы, которую можно назвать системой непрерывного православного образования и воспитания. Глинские подвижники создавали школы и училища, разрабатывали учебные программы и методики преподавания, проводили курсы обучения для педагогов. Так постепенно сложилась Глинская педагогическая школа.

Необходимо сказать и о созданной Глинскими старцами медицинской школе, куда входили больницы, аптеки, лазареты, школе хозяйственной (агрономической, промышленной), школе книгоиздания, библиотечного дела, миссионерства.

Глинская пустынь заняла особое место в истории и культуре России по силе своего религиозно-нравственного воздействия на русский народ. Глинские

старцы оказали огромное влияние не только на иноков, но и на все слои общества – это обитель поистине стала для Русской Земли центром духовного просвещения, «школой Христовой».

2.3.2. Монастырская педагогика и ее методы.

Рассмотрим более подробно некоторые педагогические аспекты деятельности монастырей.

Монастырь, в котором созданы все условия для совершенствования и развития всех духовных сил человека, является благодатной средой для воспитания. Смысл монастырской жизни кратко раскрыт в словах псалма царя Давида: «С преподобными преподобен будеши» (Псалтирь, 17, 26-27).

Беседа и общество ближних имеет существенное воздействие на человека. Св. Игнатий Брянчанинов пишет: «Знакомство с ученым сообщает много сведений, с поэтом – много возвышенных мыслей и чувствований, с путешественником много познаний о странах, о нравах и обычаях народных. Очевидно, что **беседа и знакомство со святыми сообщает святость» (**АО.1**).**

Смысл монастырской жизни отражается не только в направленности, но и в результатах монастырской деятельности: монастырь может воспитывать и воспитывает людей высокой духовной жизни. В душах подвижников-монахов возобновляется та духовная благодатная жизнь, которая была утрачена человеком вследствие грехопадения. В условиях монастыря союз человека с Богом может восстановиться в полной гармонии и идеальной реальности. (ТЗ, 198). По мысли св. Игнатия Брянчанинова, монашество – это «особый, законченный, целостный тип христианской жизни, самый чистый, совершенный» (83, 45).

Как уже отмечалось, монашество является высшим проявлением христианства. По своей идее монашество представляет «школу обновления, подкрепления и развития духовных сил» (83, 45). В монашестве ясно выразилась мысль о том, что для осуществления нравственного христианского совершенства требуется не ряд отдельных добродетелей, не только безупречное поведение, но и целостное настроение, очищение сердца, формирование целостной личности.

Монастырь: воспитывающее влияние среды.

По мысли св. Иоанна Кронштадтского, как для питания и поддержания жизни тела необходима определенная среда, так и для души человека нужна

особая, духовная среда (ИК,?, 38).

Эта среда может быть разной: вредной для души «средой соблазнов» АО 2, с.350) или средой полезной, питающей душу, нравственной (св. Макарий Египетский. Цитирование по митр.Сергию Страгород).

Исторически в жизни России особую, воспитывающую роль играла монастырская среда. Неслучайно поэтому в монастырь – в «среду людей благочестивых» (ИК, ?) - шли и князья, и простые люди для утверждения в благочестии (Знаменский, с.118).

Как пишет известный исследователь истории церкви П.В.Знаменский, вступая в монастырь, «человек чувствовал себя в особом мире», где и в келье, и на трапезе, и в церкви, и на послушаниях – везде и всегда он был занят «размышлениями и делами благочестивыми» (Знаменский, с.118).

Таким образом, удаляясь из «среды соблазнов» в уединенную иноческую обитель, человек освобождается, очищается от полученных прежде греховных впечатлений, его душа получает возможность «питаться» впечатлениями новыми, нравственными (АО 2, с.350). «И земля готовится к обильному хлеборождению, - делает сравнение св. Игнатий Брянчанинов, - посредством устранения из нее всех чуждых произрастаний» (АО, с.350).

Вступая в монастырь, человек попадает в «среду подвига» (АО 2), имеющую «чисто воспитательное значение». По словам святых отцов, труды и усилия делают душу способной для жизни в среде нравственной, готовят ее для жизни в вечности (Макарий Египетский, ?).

В монастырях создается и утверждается атмосфера единодушия и единомыслия (Богословские труды, с. 201).

Забота о постоянном совершенствовании в добре пронизывает весь строй жизни монастыря: от внешнего благоустроения до самых тонких движений души насельников. По свидетельству одного из наместников Свято Троице-Сергиевой Лавры, в монастыре «тихо и кротко настраивают душу человека и извлекают из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее свойства» (Богословские труды № 29. М.: МП, 1989, с. 1861). В организации монастырской жизни учтены все факторы, обусловливающие успешность процесса нравственного совершенствования человека (ТЗ, 248). Такое устроение монастырской жизни определяет целостность этой воспитательной системы.

Как важна эта мысль для современной педагогики! Педагогическое воз-

действие должно быть направлено не только на формирование ных навыков поведения, а на воспитание целостного человека – его ума, воли и сердца.

Красота монастырских зданий, органично вписанных в окружающую природу, священные изображения, обустройство территории, монастырские сады и цветники, – все это служит средством внешнего и внутреннего облагораживания человека. В уединении и созерцании природы открывается чудная картина творения Божьего (ЛПБ, 68). Созерцание окружающей природы служит для человека средством Богопознания, порождает чувства благодарности, надежды, терпения и любви (ТЗ, 85).

По мысли св. Игнатия Брянчанинова, природа – священная книга, написанная Самим Богом. «Книга эта постоянно открывается для тех, кто не перестает очищать себя… удалением от всякого греховного начинания…

Но великая книга природы закрыта для читателей нечистых, омраченных грехом, погруженных в наслаждения плотские, отуманенных суетным развлечением. Напрасно по гордости своей мнят они себя, что и они – читатели ее! Читают они в ней мертвую, вещественную букву; не прочитывают Бога» (104, 540).

Монастырская жизнь строится вокруг церковных служб, она определяется ими, пронизывается их светом и смыслом. Благообразие, строгость, красота богослужений предопределили их значение как средств внутреннего духовного устроения человека.

Богослужение – средство внутреннего обучения и воспитания человека.

«**Богослужение** Православной Церкви, исполняемое по Церковному уставу, – пишет отец Иоанн, – во все времена, с глубокой древности являлось и **является** руководством, **средством внутреннего духовного обучения и воспитания**, источником не только христианской веры, но и деятельности… Христианские храмы являются живыми училищами благочестия для всех христиан» (142, 12).

Форма и содержание богослужений находятся между собой в самой тесной гармонии. Они проникнуты высокими религиозными мыслями, глубоко трогают душу, волнуют ее священными переживаниями, воспитывают, назидают.

Уставное (в соответствии с Церковным уставом) чтение и пение придают

богослужению невыразимую трогательность и задушевность: службы становятся неутомительными, а длительность их незаметной. После таких богослужений человек выходят из храма воодушевленным и исполненным глубокого назидания. (Лекции по Литургике, с.) По мысли Глинского игумена Филарета, «общая цель богослужений есть возбуждение и введение умов и сердец в истину и любовь Божию» (135, 219).

«Наилучшее педагогическое воспитание, вполне сообразное с волею Божией, доставляет именно Церковь своим Богослужением», - свидетельствует св. Иоанн Кронштадтский (158, ст.1046).

Известный исследователь истории русских монастырей прот. Сергий Четвериков называет богослужение православных русских обителей «духовной школой, в которой постоянно получали духовное воспитание слушатели разных слоев русского общества». Тем самым, монастыри, в центре духовной жизни которых стоит богослужение, делают одно общее, всенародное духовно-просветительское дело (137, 14).

Монастырская педагогика исходит из того факта, что «жизнь ума и сердца в человеке не прекращается ни на мгновение, но они заражены грехом. И если не дать душе богоугодных упражнений, то она будет развивать в себе зло, ложь, которыми заражена» (143, 121).

Воспитывающая роль монастырского устава: формирование навыков доброделания.

Все стороны жизни подвижника в монастыре определяет устав, во всем и всегда направляя его ум, волю и сердце к добру. Устав определяет распорядок дня (время богослужений, трапезы, труда и отдыха), распределяет обязанности братии. Устав разъясняет, в чем они заключаются, устанавливает соподчиненность, строго упорядочивает всю жизнь монастыря. Таким образом, все время жизни монаха четко организовано, заполнено молитвой, трудом, чтением святоотеческих книг, иными словами, постоянно направлено к деланию добра. Определяя до мелочей всю внешнюю жизнь монастыря, устав, тем самым, закладывает основы для внутреннего совершенствования живущих в нем людей.

Монастырская педагогика формирует добрые навыки в человеке.

О целесообразности подобной организации пишет св. Иоанн Златоуст: «Привычка неодолима, а добродетель трудна». Известно, что именно навыки со

временем переходят в привычки, а привычки - в качества характера.
Весь строй жизни монастыря способствует тому, что постоянное упражнение в добрых делах воспитывает в монахе навык доброделания. Со временем добрый навык становится личным качеством.

Говоря о необходимости формирования добрых навыков с ранних лет, святитель Игнатий Брянчанинов обращается непосредственно к молодым людям: «Юноша! Будь предусмотрителен, в годы юности твоей обрати особое внимание на приобретение хороших привычек, избегай злых навыков.… Знал ли карточный игрок, прикасаясь первый раз к картам, что игра будет его страстью? Знал ли подверженный недугу пьянства, выпивая первую рюмку, что он начинает самоубийство?» (104, 493). «**Страсти – злые навыки; добродетели – навыки добрые**» (104, 499).

Святитель обращается также к педагогам: «Воспитатели и наставники! Доставляйте юношеству хорошие навыки, отвлекайте его от привычек порочных. Порочные навыки – оковы на человеке, они лишают его нравственной свободы. Для погибели человека достаточно одного порочного навыка» (104, 494). Главный вывод святителя: «Навыки имеют силу, подобную естественным качествам души» (104, 494).

Эти положения принципиально важны для современной педагогики. Одной из основных педагогических задач должно стать формирование добрых навыков с самого раннего детства и укрепление их на всех последующих этапах становления человека. Для этого необходима соответствующая организация среды, в которой растет и развивается ребенок, подросток, а затем и взрослый человек.

Таким образом, монастырский устав устанавливает целесообразное согласование внутреннего и внешнего в жизни человека.

Выявляя значение монастырского устава, схиархимандрит Иоанн (Маслов) приходит к выводу, что руководящим началом в жизни не только монаха, но и каждого человека должен стать принцип, заложенный в его природе. «Принцип этот заключается в том неоспоримом факте, что человек состоит из души и тела, тесно связанных друг с другом; следовательно, согласовывая внутреннее с внешним, человек идет путем, указанным Богом.… Устроишь внутреннее, и внешнее устроится» (123, 167).

Этот принцип особенно важен для педагогов, родителей, воспитателей:

распорядок дня, дисциплина, упорядоченность (уклад) его жизни в мье и образовательном учреждении введут к целесообразному согласованию внутреннего и внешнего в жизни ребенка, формируют у него навыки доброделания.

Монастырская педагогика содействует искоренению недостатков: общаясь с другими людьми, подвижник имеет больше случаев познать свои слабости, немощи и найти пути их искоренения. Как камешек, поясняют святые отцы, постоянно соприкасаясь с другими, становится круглым, так и человек, сживаясь со всеми недостатками ближних, искореняет из себя страсти (143, 220).

Устав основывается на принципах и методах православной педагогики, использование которых позволяет объединить миром и любовью совершенно несовместимых на первый взгляд людей различных званий, сословий, характеров, уровней образования и воспитания. По мере духовного преуспеяния монахи становятся духовно едины, образуют «духовную дружину», отличающуюся истинным братолюбием, желанием услужить друг другу, разделить между собой все дела общежития.

Этот способ организации жизни очень важен для современного образования. Ведь дети сейчас, как правило, разобщены, зачастую не умеют по-настоящему дружить, не знают того, что в общении они должны, прежде всего, стремиться услужить друг другу, совершенствуясь путем познания своих недостатков и их искоренения.

Помимо устава, монастырская жизнь скрепляется традицией. Так, в русских монастырях укоренилась традиция быть готовым на всякое услышанное слово, ответить: «Прости».

Нельзя не сказать и еще об одной доброй традиции. Св. Игнатий Брянчанинов пишет, что если монахам случается поссориться, то они не должны оставлять неприязни до следующего дня, а просить прощения друг у друга «до захода солнца», ни в коем случае не держа в душе обиду, отягощающую совесть (143, 246).

В жизни семьи, школы, вуза добрые традиции также имеют огромное воспитательное значение.

Особое внимание уделяла монастырская педагогика формированию правильных впечатлений как существенного фактора воспитания.

Святитель Игнатий Брянчанинов указывает: «**Образование человека на-**

ходится в зависимости от наружных впечатлений; оно совершается ими. Иначе быть не может: мы так сотворены. Святые отцы, чистыми умами проникнув в эту тайну, обстановили инока такими впечатлениями, которые все ведут его к своей цели» (104, 443).

Необходимо учитывать влияние впечатлений на ученика в современной системе образования.

Восхождение на высоту духовного совершенства: постепенность и непрерывность.

Организацию внутреннего монашеского подвига характеризует *строгая постепенность и непрерывность*. От состояния новоначального инока до подвижника, совершенного в нравственном отношении, следует целый ряд степеней и состояний. Монастырская жизнь представляет собой своего рода «лествицу» (лестницу) постепенного восхождения на высоту нравственного и духовного совершенства (143, 268).

Монастырская жизнь, организованная соответственно требованиям нравственных законов, – важнейший залог достижения цели монашеской жизни.

Важно отметить, что на всех степенях подвижничества труд считается необходимым для монаха.

Настоятель – руководитель монастыря, пастырь и учитель.

В соответствии с древними иноческими установлениями во главе каждого монастыря стоит настоятель. На его попечении находится весь монастырь с его разнообразной деятельностью. Для монахов настоятель – пастырь и учитель.

Волей настоятеля определяется как каждое личное действие монахов, так и все проявления общественной жизни монастыря. Однако власть настоятеля небесконтрольна. В свою очередь, настоятель руководствуется, с одной стороны, уставом монастыря, с другой – все вопросы общемонастырской жизни он решает с советом старцев.

Обобщая примеры жизни и деятельности выдающихся русских настоятелей, приведенные в трудах схиархимандрита Иоанна (настоятелей Глинской пустыни игумена Филарета (Данилевского), архимандрита Иннокентия (Степанова), схиархимандрита Илиодора (Голованицкого), схиархимандрита Иоанникия (Гомолко), схиархимандрита Серафима (Амелина); настоятеля Оптинской

пустыни схиархимандрита Моисея (Путилова) и др.), можно сказать следующее.

Прежде всего, настоятель должен проявлять заботу о нравственном совершенствовании монахов. **Духовное возрастание каждого в отдельности и всех насельников монастыря в целом составляет главную и исключительную обязанность настоятеля.** Он обязан учить, убеждать, увещевать монахов, поддерживать слабых, укреплять малодушных, возвращать на путь истины согрешивших.

Общеупотребительным средством воспитания считаются *наставления* настоятеля. Он разъясняет начала духовного совершенствования, определяет правила поведения монахов в частной и общественной жизни, указывает на главные добродетели.

Как средство нравственного воспитания настоятель может использовать эпитимии – церковные наказания. Здесь от него требуется их применение в соответствии с силами каждого насельника. Как хороший врач, он должен бороться не с больными, а с их болезнями.

Настоятель для братии – образец и пример исполнения иноческих обетов, только в этом случае он может достичь всеобъемлющего понимания со стороны своих подчиненных. В своей деятельности настоятель должен быть далек от всякого пристрастия или лицеприятия. Таким образом, настоятель – нравственный руководитель для монахов, живой пример и закон для них.

В распоряжении настоятеля находится также монастырское имущество. Настоятель должен изыскивать средства для содержания братии, оказания гостеприимства паломникам, поддерживать благолепие монастырских храмов и т.д.

Созиданию духовно-нравственного облика иноков способствует, как уже отмечалось, уклад монастырской жизни, в котором огромное значение имеет формирование у иноков послушания.

Послушание и его роль в деле духовного совершенствования.

Необходимость послушания непосредственно вытекает из основных положений учения о спасении, христианской антропологии, все чувства и мысли человека, его разум, сердце и воля после грехопадения извратились, утратили гармонию, потеряли связь со своим источником – Богом. Осознание этого факта – отправная точка в деле духовного совершенствования. Преподобный авва

Дорофей пишет, что, **прежде всего, нужно научиться не доверять самому себе**, «не верить тому, что можем сами управлять собой, но [верить, что] нуждаемся в наставляющих нас» (2, 70). Святитель Тихон Задонский называет послушание «единственным средством, посредством которого человек усваивает дарование Божие – жизнь вечную» (146, 262).

Согласно христианскому учению, послушание – это обязанность христианина, которая состоит в том, чтобы полностью покорить свою волю воле Божьей. Послушание Богу является конкретным, практическим выражением истинной веры в Него. Оно дает человеку благодатную радость и покой. Послушание – это верное средство спасения. От послушания рождается рассуждение. Очевидно, что самое благоприятное время для воспитания послушания – детский возраст. Вместе с тем, свидетельствует православная педагогика, это качество необходимо формировать на протяжении всей жизни (146, 239). «Всем назначено послушание: и младшим, и страшим» (123, 133).

Весь многовековой опыт монастырской педагогики свидетельствует о том, что послушание избавляет человека от несовершенств, недостатков, слабостей, от грехов. Чтобы добиться послушания, учат святые отцы, необходимо «вручение себя» руководству духовного наставника.

Согласно святоотеческому учению, через отсечение своей воли монах приобретает бесстрастие. В монастырской практике это выражается в том, что монах ничего не должен делать и предпринимать без благословения.

Привыкая сначала отсекать свою волю в малом, монах постепенно без труда отсекает ее и во всех других делах. В результате он достигает такого внутреннего состояния, что в любых ситуациях он бывает спокоен так, как если бы исполнилось его собственное желание (поскольку для того, кто не имеет собственной воли, все, что с ним ни случается, всегда предстоит согласным с его внутренним состоянием). (Авва Дорофей,).

Педагогический смысл и цель монастырского послушания заключается в том, чтобы монах достиг нравственного совершенства, приобрел различные духовные дарования, во всем уподобился Богу.

Послушание с полным правом можно назвать одним из главных средств монастырской педагогики. Без послушания нет монашества. «Лучше изгнать послушника из обители, чем позволить ему исполнять свою волю», – наставляет преп. Иоанн Лествичник (187, 16). Это требование продиктовано всей на-

правленностью христианской жизни, всем христианским учением. «Послушание должно лежать в основе всех добродетелей, ибо послушание было первой заповедью, данной человеку…» (122, 133). Человек обязан слушать Бога, покоряться ему, потому что человек – Его создание. Без послушания невозможно угодить Богу, выразить Ему благодарность. Именно поэтому послушание есть долг человека. Святые отцы ставят послушание выше молитвы и поста (122, 133).

Послушание является одним из главных средств не только монастырской, но и православной педагогики в целом.

Методы и средства монастырской педагогики схиархимандрит Иоанн показывает на конкретных примерах.

Оптинский настоятель отец Моисей: методы монастырской педагогики.

Отец Иоанн (Маслов) в своих трудах, посвященных монашеству, пишет о великом значении такого монастыря, как Оптина пустынь, в духовной жизни русского народа. Русская интеллигенция 19 века находила в этой обители удовлетворение своим духовным запросам. И.В.Киреевский, сознавая высоту нравственного строя Оптиной пустыни, писал, что для ознакомления с христианством необходимо познакомиться с жизнью Оптинских старцев.

Своим внешним и духовным рассветом Оптина пустынь обязана трудам своего настоятеля с 1822 по 1862 гг. схиархимандрита Моисея (Путилова) (1782 – 1862). Педагогические аспекты его деятельности раскрыты в трудах отца Иоанна: «Настоятель Оптиной пустыни схиархимандрит Моисей и его пастырская деятельность», «Лекции по пастырскому богословию» и др.

«Мудрым душепопечительством была проникнута вся воспитательная и административная деятельность отца Моисея. В многолюдной обители с почти тремястами братии и рабочих, при огромном хозяйстве, множестве самых различных послушаний, при большом стечении богомольцев, не было заметно ни суетливости, ни тревоги.

От настоятеля эти добродетели переходили на братию. Всякий свободно, как будто сам по себе, занимался своим делом, а между тем общий порядок не нарушался: все управлялось одной волей, подчинялось одному человеку. Этот человек, настоятель, только ходил везде и смотрел, говорил мало, часто бывало так, что он как будто бы не замечал малых погрешностей братии. Это было потому, что и сам отец Моисей все делал по совести, и братию приучал к тому же.

Никому не дозволял он уклоняться в своеволие.

С другой стороны, всякому благоразумно он предоставлял свободу, зная, что каждый, занимаясь своим делом, приобретет в нем навык и опытность. Отец Моисей не любил вникать в мелочи и тем связывать подчиненных. Главнейшее, что нужно, он скажет, а остальное предоставляет собственному соображению монахов и обстоятельствам.

За всякий труд, понесенный в пользу обители и братства, отец Моисей был всегда признателен и потрудившихся умел утешить и ободрить выражением своей благодарности, отеческой любви и признательности. «Спаси, Господи, за святое послушание. Благодарствую», – бывало, говорил почитаемый старец. Эти краткие слова настоятеля настолько действовали на тружеников, что в их сердца вливалась новая благодатная сила, которая возбуждала ревность к выполнению дела. Бывало также, что если кто-либо из братии при исполнении поручения терпел неудачу или случайно портил что-нибудь, отец Моисей вместо выговора и обличений поблагодарит его и утешит, говоря: «Ну, уж кто в деле, нельзя без того быть, чтобы не испортить чего» (146, 409). Не намеренно провинившемуся в чем-либо он предоставлял случай загладить свою вину исполнением другого поручения, и виновный старался еще более заслужить доверие настоятеля, видя оказанное ему снисхождение.

Отец Моисей верил совести каждого не на словах только, а на самом деле. Это доверие настоятеля было лучшим поощрением и лучшей наградой.

Таким умелым и мудрым обращением с подчиненными отец Моисей врачевал души вверенных ему насельников обители. Однако при мудрой снисходительности правление архимандрита Моисея вовсе не было слабым. Как уже отмечалось, он редко взыскивал, долго молчал, хотя и видел какие-либо беспорядки, но, тем не менее, в случае надобности умел вразумить кого требовалось и напомнить подвижнику его обязанности. «Нерадения или небрежности в деле послушания, на которое он сам смотрел и всех приучал смотреть как на дело Божие, он весьма не любил, и кто в этом оказывался виновным, тому он в свое время давал почувствовать свою вину.

Если кто из братии, провинившись в чем-либо, просил прощения у отца Моисея, то, конечно, получал его, и больше он об этом деле никогда не вспоминал. Но если кто и после долгого выжидания со стороны настоятеля не вразумлялся, то он, снисходя к его духовной немощи, старался найти удобный

случай к его обличению. Это случалось, когда отец Моисей замечал, что тот, кого следует вразумить, в хорошем расположении духа и готов принять замечание, или когда виновный сам являлся к нему по какой-либо своей надобности и казался спокойным.

«Придешь, бывало, к настоятелю, – рассказывал один из старших братии, – он тебя несколько раз с ног до головы осмотрит, и когда увидит, что ты совершенно спокоен, тогда и начнет делать замечания: «Да, вот, брат, я давно хотел тебе сказать...» и прочее. А если заметит, что не покоен, то и говорить не станет.

Однажды одному послушнику отец Моисей назначил читать в церкви кафизмы в течение седмицы [седмицы]. Первые два дня послушник читал, а потом не пришел, подумал, что еще кто-нибудь прочитает. Прошло несколько времени. Этот послушник пришел к настоятелю о чем-то просить. Отец Моисей принял его ласково, взяв карандаш, чтобы написать, что ему нужно, и между тем завел речь о прошлом. «Да, вот уж в прошлом месяце вы были назначены читать кафизму. В понедельник и во вторник прочитали вы как следует; в среду не пришли к утрени; в четверг и пятницу тоже. Подумал я, – говорит отец Моисей провинившемуся послушнику, – конец венчает дело; не придет ли он в субботу? Но вы и в последний день не позаботились прийти. Объяснили ли вы об этом старцу?» – «Нет», – едва мог проговорить озадаченный такой неожиданностью послушник. «Как же это? Пренебрегли святым послушанием и не сочли даже покаяться? О великое нерадение о душе!» – продолжал отец Моисей. Он так долго поучал виновного, что последний был вынужден просить прощения и долго помнил это вразумление.

Вообще, смотря снисходительно на немощи и не взыскивая за малости, полагаясь на совесть человека, отец архимандрит не пропускал более значительные проступки, требовавшие исправления, но сохранял их в памяти, и, дождавшись удобного случая, за один раз высказывал все, что нужно, все припоминал за долгое время, так что слышавший не знал, чему более удивляться: продолжительному ли молчанию настоятеля или неожиданному его обличению, из которого было ясно, что он видел все, прежде бывшее, и не забыл, а ясно представлял его вину и в прежних действиях, и теперь. Настоятель обличал неуклонно и такое делал сильное назидание, что всякое самооправдание разрушалось в прах. Один подобный случай оставался памятным на многие годы и

действовал сильнее часто повторяемых выговоров. От этого и происходило, что хотя отец Моисей мало и редко говорил, но влияние его ощущалось во всей обители.

Слово архимандрита Моисея никогда не было праздным, но всегда было сказано кстати («редко, да метко»), но, вместе с тем, не в начальственном тоне, а в отеческом духе и весьма рассудительно. По своей духовной мудрости он на всех смотрел как на детей, на которых и не мог сердиться, а в случае надобности только вразумлял их отечески. Слово обличения и вразумления отца Моисея было со властью и благотворно действовало на братию потому, что он имел правилом прежде, нежели сделать замечание брату, внутренне помолиться Богу. «Думаешь иногда, – говорил архимандрит, – что брат тот не примет замечания, а если помолишься за него сперва, то смотришь, сверх ожидания он и замечание выслушает спокойно и исправление бывает» (146, 409-410).

Иногда случалось, что между братией возникало какое-либо неудовольствие, архимандрит Моисей выслушает пришедшего к нему, да и скажет: «Как же он мог это сказать! Одобрить этого нельзя». А в заключение он говорил: «Да уж нужно кончить дело по-монашески. Пойди, как-нибудь там объяснись с ним». То есть тот, кто приносил жалобу, должен был делать первый шаг к примирению или просить прощения у другого (ТЗ, 410).

«Немощи душевные, – говорил отец Моисей одному игумену, – должно носить благодушно, без огорчения. Ибо, если кто болен телом, то не только на него не огорчаемся, но еще и служим тому всяким образом.… Таким же образом надо и в душевных недугах поступать. В каком бы порочном положении ни видел, не должен тому удивляться и сомневаться в его исправлении; ибо многие из пьяниц сделались трезвыми, из буйных кроткими, из блудников целомудренными и прочее» (146, 410-411).

«Своим кротким словом отец Моисей, в случае необходимости, мог смирить людей, много думающих о себе. Этим он оказывал ближнему милосердие. Духовная мудрость никогда не оставляла отца Моисея. Он был весьма сострадателен к людям и всячески старался помочь им, причем, как духовно, так и материально, все это скрывая от взора людей.

Неподражаемо было искусство отца архимандрита говорить с каждым в его тоне: с простыми попросту, с образованными – на их языке. С посетителями он беседовал очень искусно и разнообразно, учитывая степень образования,

общественное положение и духовное состояние своих слушателей. С некоторыми говорил о торговых делах, с другими - о современных отечественных событиях или политических происшествиях, так, что нередко удивлял своих собеседников основательностью и оригинальностью замечаний, которых они не ожидали услышать из уст настоятеля-пустынника. С иными, говоря об их семейных делах, весьма кстати приводил какой-либо пример или изречение Св. Писания».

Удивительно умело старался отец Моисей избегать в беседах осуждения других людей. Будучи принужден произнести свой приговор об отрицательных поступках, он выражал его всегда в общих выражениях, не имевших оттенка осуждения. Он говорил в подобных случаях: «Да кто же может это одобрить?» (ТЗ, 412-413).

Следует также отметить, что архимандрит Моисей был истинным патриотом своей Родины. Он, по свидетельству рукописного жизнеописания, имел «патриотическую отзывчивость к бедствиям Отечества». В годы Крымской войны отец Моисей живо интересовался всеми событиями на фронте и горячо принимал к сердцу победы и поражения русских войск. Его сострадательное сердце откликалось на бедствия в любом уголке нашей Родины. Случался ли где пожар, голод или какое-нибудь другое стихийное бедствие, он всегда был усердным жертвователем на нужды пострадавших.

«Схиархимандрит Моисей был мужем дела, а не самохвальных слов. Слово его было душеспасительно, встреча радовала, приветствие его было драгоценно, оно всегда было обдуманно и исполнено любви.

Но не только любовь к ближним, кротость и рассудительная мудрость были качествами души отца Моисея. Для всех окружающих он был всегда образцом простоты, скромности, самоукорения и безгневия.

Все эти качества отец Моисей стяжал в душе своей упорной невидимой духовной бранью и, прежде всего, молитвой» (ТЗ, 415).

В жизнеописании отца архимандрита говорится, что от природы он был горячий по характеру, но длительным подвигом понуждения себя он приобрел спокойствие и безгневие в обращении с другими (146, 412-413).

Духовная мудрость никогда не оставляла его. Он ни к кому не имел в своем сердце неприязненного чувства, обо всех имел благую мысль, со всеми старался быть в мире по заповеди апостольской: «Аще возможно еже от вас, со

всеми мир имейте» (Рим. 12, 18). В случае надобности отец архимандрит готов был просить прощения и у тех, пред которыми он не был виноват. Однажды сделал он какое-то замечание одному брату, но заметил, что последний не хорошо принял его слова. Через несколько дней, собираясь идти к службе, позвал этого брата: «Вот я тебе тогда-то сделал замечание, и показалось мне, что ты слова мои принял неблагодушно. Угодники Божии и в ризах спрашивали прощения, и я тебя прошу: прости меня, Бога ради!». При этом старец-настоятель поклонился недовольному брату (143, 277-278).

Приведенные нами примеры из деятельности отца Моисея поучают, как правильно поступать в подобных жизненных обстоятельствах, показывают, каким образом можно всегда благотворно влиять на души ближних.

Подводя итог, можно сказать, что отец Моисей использовал следующие методы, средства и приемы при воспитании братии:

– обращался к совести человека, приучал каждого все делать по совести;

– не дозволял уклоняться в своеволие, одновременно предоставляя всякому свободу в благоразумных пределах;

– всегда благодарил за труд, считая лучшей наградой – доверие;

– провинившемуся предоставлял возможность загладить свою вину;

– делал замечание только тогда, когда виновный находился в подходящем состоянии: хорошем, спокойном расположении духа;

– делал замечания не ежечасно и ежедневно, а достаточно редко, за один раз высказывая все, что необходимо, это действовало сильнее часто повторяемых выговоров;

– жалобщика побуждал первым делать шаг к примирению;

– учил братию благодушно переносить немощи окружающих, ни при каких обстоятельствах не сомневаясь в возможности исправления человека;

– говорил с каждым сообразно с его понятиями;

– старался направить к полезному волю всякого;

– всегда сам избегал осуждения и учил этому других;

– учил любить Родину;

– для того чтобы человек мог лучше, без обид, воспринять его слова, просил прощения даже у тех, перед кем не был виноват.

Воспитывающее влияние русских монастырей.

Сложившаяся система монастырской педагогики, дававшая высочайшие

результаты, привела к тому, что духовным идеалом русского человека практически на всем протяжении русской истории был монах-подвижник, всецело посвятивший себя служению Богу и ближним. В России в отдельные значительные периоды ее истории отличие мирян от монахов состояло лишь в том, что они могли вступать в брак и заниматься мирскими делами. В остальном миряне во всем подражали монахам. Монастырский уклад, предназначенный, казалось бы, сугубо для монастырской жизни, в той или иной форме проявлялся и был определяющим и в быту, и в семье, и в общественной жизни, непосредственно влияя на жизнь русских людей, изменяя ее в лучшую сторону. Жизнь русского человека от купели крещения и до смерти, перед которой он, как правило, принимал монашеский постриг, была пронизана монастырским духом (ТЗ. 471).

Монастырский уклад жизни, по свидетельству Антиохийского архидьякона Павла Алеппского, был не чем-то, извне насаждаемым, а напротив, вытекал из внутренней сердечной потребности глубоко верующего русского народа (ТЗ, 471).

«Внешняя строгость, заданная монастырским уставом, была проявлением сосредоточенности на внутренней невидимой брани, стремления христианина очистить себя от всякой нечистоты. В рамках этого сурового уклада русские люди чувствовали себя естественно, свободно и просто. Жизнерадостность и оптимизм русского человека, его острый природный ум, духовная образованность, гостеприимство и радушие удивляли иностранцев, приезжавших в Россию» (ТЗ, 471).

Подводя итоги сказанного о монастырской педагогике, можно сделать следующие выводы.

Монастыри в России стали высшим выражением нравственного идеала, сосредоточением всех жизненных задач в одну наивысшую задачу непрестанного духовного совершенствования.

Исследование многогранной деятельности монастырей свидетельствует об их определяющем влиянии на все стороны русской жизни.

Монашество имело исключительно сильное влияние на широкие массы. В жизни монахов-подвижников современники видели пример того, *как* необходимо жить, чтобы достичь цели жизни – спасения. Славная жизнь великих монахов являлась живым воплощением нравственного совершенства, самым убе-

дительным доказательством возможности для человека в условиях ной жизни всецело посвятить себя Богу.

Под влиянием высоконравственной жизни монахов многие люди пробуждались от беспечности, всецело изменяя к лучшему свое поведение. В жизнеописании почти каждого русского монаха-подвижника повествуется о том, какое огромное благотворное духовно-нравственное влияние имела его жизнь и подвиги на окружающих жителей и как под влиянием его личности изменялось нравственное состояние тех, кто имел с ним общение.

Кроме примера собственной жизни, иноки благотворно влияли на общество своими духовно-нравственными наставлениями. Иноки были самыми лучшими, самыми опытными наставниками в духовной жизни, руководителями мирян. Наставлениями монахов пользовались лица всех званий и состояний. Таким образом, они давали правильное направление развитию общества во всех сферах деятельности.

Русское монашество оказало огромную пользу российскому государству в области просвещения. Сочинения русских монахов являются ярким свидетельством того, что иноки внесли весомейший вклад в сокровищницу русской науки, образования и литературы. Русские монастыри всегда были центрами учености и просвещения.

Монахи не ограничивались только личным образованием, в области которого многие из них достигали замечательных успехов, но много содействовали и образованию общественному. При многих монастырях открывались школы. Причем, заслуги монахов в этой области не ограничивались только устройством народных школ. Важное значение в деле просвещения имели также монастырские библиотеки. Монахи переводили на русский язык творения святых отцов, переписывали древние книги. Неудивительно поэтому, что монастырские библиотеки содержали десятки тысяч рукописей и книг духовно-нравственного содержания.

В России не было другого сословия, которое проявило бы себя столь же деятельно в сфере просвещения, чем монашество. Монахи были главными представителями образования, а монастыри – его главными центрами. Русские монастыри неслучайно называют настоящими «рассадниками знания».

Важный вклад в дело нравственного просвещения внесла миссионерская деятельность монахов, которые усердно занимались проповедью христианства

среди других народов.

Просвещая общество нравственно, русские монахи много содействовали и его внешнему благосостоянию. Благотворительная деятельность монастырей выразилась в устройстве благотворительных учреждений: странноприимниц, больниц, богаделен, домов для сирот, нищих и т.п. Благотворение монахов особенно умножалось в дни общественных бедствий – голода, войн и т.п. В это время в монастырях находили приют многие обездоленные, которым оказывалась и материальная, и нравственная помощь.

Наряду с широкой благотворительностью, русское монашество принимало деятельное участие в жизни современного ему общества и другими способами. Один из главных – молитва за мир, за Россию. Монахи испрашивали у Бога видимых и духовных благ для мирян, для государства. Только Всеведущему Богу известны те бесчисленные благодеяния, которые низводили на русское государство монахи своими молитвами.

Патриотическое служение монастырей выражалось не только в укреплении духа русского народа в годину тяжелых испытаний, но и в том, что монахи становились полковыми и флотскими священниками. Монастыри открывали лазареты, лечили раненых.

Хозяйственная деятельность лучших монастырей служила примером рационального ведения сельского хозяйства. Использование монастырского опыта позволяло значительно повысить плодородие земель, улучшить культуру земледелия, развивать садоводство, огородничество, рыболовство, пчеловодство, а также многие ремесла.

С полным основанием можно утверждать, что в монашестве Россия имела огромную созидательную силу, нравственно влиявшую на общественную жизнь.

Православное монашество заслуживает исключительного внимания как живая и деятельная нравственная сила. Многовековая история русского монашества убедительно подтверждает жизненность его духовного опыта в осуществлении главной нравственной задачи, которая стоит перед человеком.

«Посвящая всю свою жизнь служению Богу, – говорит Святейший Патриарх Пимен, – монахи служат примером доброделания» (256, 30).

В этом смысле история монашества представляет огромный интерес для педагогики, поскольку история русского монашества есть, прежде всего, исто-

рия успехов православного воспитания. Поэтому долг педагога, как пишет один из исследователей монашества, говорить «о нравственных и народолюбивых подвигах монахов, о тех подвигах, которые, выходя из узких границ личных интересов, широким потоком изливались из пустынных убежищ на обширную долину светского общества» (100, 88). Долг педагога – знать и уметь использовать этот богатейший ресурс русской педагогики.

2.3.3. Педагогика старчества.

История свидетельствует о том, что «**периоды расцвета или оскудения духовной жизни общества всегда были связаны с возрастанием или умалением роли духовного руководства»** (Амвр. Опт., с.3).

Особенно большое значение духовное руководство приобрело в среде монашествующих. В своей высшей мере оно называется старчеством (123, 7).

Если монашество – цвет христианства, то старчество – цвет монашества.

Старец – «духовный кормчий», нравственный вождь.

Старец – это богопросвещенный, отличающийся совершенной духовной опытностью советник и наставник, способный мудро руководить жизнью других. Прежде, чем рассмотреть педагогические аспекты его деятельности, необходимо выяснить, в чем разница между старцем и священником?

Старец не обязательно должен быть священником, но, согласно христианскому учению, он всегда является изъявителем воли Божией: он непосредственно водим Святым Духом. Старец является «духовным кормчим», нравственным вождем, потому что ему открывается Божественная воля, и вопрошающие могут узнать эту волю из его ответов. Поэтому старца называют «руководителем совести».

Именно **через старчество из поколения в поколение передается дух христианской жизни**, передается то, что не передается никаким словом, никаким писанием, а лишь непосредственным общением личностей.

Для руководства духовной жизнью людей старцу подается особый, редкий дар – **рассуждение**. Свойство старца сразу определять духовное состояние человека и давать ему правильный совет тем необходимее, что он руководит людьми с разными характерами, навыками, душевными запросами, каждому из которых требуется индивидуальное наставление.

Преподобный Иоанн Пророк призывает христиан без замедления исполнять указания старцев, так как они «не говорят чего-либо от себя, но Бог говорит в них, как Ему угодно, иногда прикровенно, иногда явно» (208, 98).

Истинный старец обладает добродетелью бесстрастия – умением сохранять во всех жизненных обстоятельствах спокойное состояние духа, душевное равновесие. Он преследует единственную цель – спасение человека, независимо от его происхождения, социального положения и духовного преуспеяния.

Старцам свойственны и другие духовные дарования: прозорливость, исцеление, чудотворения. Но они не являются целью подвижничества, они лишь свидетельствует о правильности подвижнического пути. Таким образом, истинный старец есть человек богоизбранный и богоодаренный. По свидетельству схиархимандрита Иоанна (Маслова), институт старчества принадлежит к пророческому служению (123, 5).

Специфическая черта старческого окормления – **откровение помыслов** ученика старцу. Св. Иоанн Кронштадтский пишет, что мысли человека, имеют «крайне сильное влияние на состояние и расположение его сердца и действия». Чтобы сердце было «добро и покойно» и расположение воли – «доброе и благочестивое», необходимо «очищать свои мысли», открывать их (ИК, Моя жизнь, ст.1230).

Откровение помыслов старцу происходит в форме духовной беседы. Беседа – это тщательный и подробный анализ мыслей, чувств и душевных состояний человека. Дело в том, что помыслы, являющиеся в душе, бывают различны. Добрые или злые, иногда они тесным образом переплетаются друг с другом. Самому человеку без опытного наставника распознать их, как правило, невозможно. Этим объясняется необходимость разумного совета и откровенной духовной беседы. Отец Иоанн (Маслов) пишет по этому поводу, что открытие помыслов «должно охватывать состояние всей души» и объясняет это следующим образом (208, 118).

По учению святых отцов, всякая страсть начинает свои действия через помыслы. Злые помыслы всегда предшествуют ее рождению и развитию. Поэтому центр борьбы со злом, живущим в человеке, должен быть перенесен именно на греховные помыслы. В этом контексте может быть по достоинству оценено уникальное значение старчества (208, 118).

Если священник во время исповеди «разрешает человека» от уже совер-

шенных грехов, то откровение помыслов старцу предупреждает ка от будущих грехопадений, искореняя грех в самом зародыше, чтобы он из мысли не перешел в дело и не овладел сердцем человека. Именно в этом состоит результат воспитательного воздействия откровения помыслов старцу, в этом – главное отличие воздействия старца от священника.

Отношение ученика к старцу характеризуется абсолютным доверием, откровенностью и беспрекословным послушанием. Взаимные отношения старца и ученика носят углубленный, внутренний характер. В их общении индивидуальные особенности двух личностей растворяются: старец и ученик живут как бы одной духовной жизнью. Молитва старца за ученика и его советы являются не только средством нравственного совершенствования, но и способом передачи ученику духовных дарований.

Старчество как высшая форма духовного руководства.

Разрабатывая учение о старчестве как высшей форме духовного руководства, отец Иоанн (Маслов) опирался на святоотеческую традицию.

О важности старчества в жизни и инока, и мирянина свидетельствовали самые авторитетные святые отцы: основатель монашества преподобный Антоний Великий (250-356), мудрый наставник святитель Василий Великий (ок. 330-379), преподобные Иоанн Лествичник (ок. 579-649), Варсонофий Великий (конец 5 – начало 6 века), Авва Дорофей (6 век), Феодор Студит (759-826), Феодор Эдесский (?-848), Симеон Новый Богослов (942-1022), - и многие другие подвижники на протяжении всей истории христианства.

Среди русских богословов большое внимание старчеству уделяли святители Тихон Задонский, Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, старцы Оптиной и Глинской пустыни и др.

Говоря об истории возникновения старчества, следует отметить, что оно возникло вместе с монашеством, утвердилось почти во всех египетских и палестинских обителях, но особенно процвело на Афоне.

В Россию старчество пришло со времени принятия Русью христианства в 988 году. Одним их первых учредителей старческого руководства был основатель Киево-Печерского монастыря преподобный Антоний Печерский (983-1073), начавший свой иноческий путь на Афоне. Однако к 15 веку, ко времени преподобного Нила Сорского (ок. 1433-1508), ревностного защитника старчест-

ва, из-за ослабления духовной жизни оно оскудевает.

Возродил традиции старчества на Руси во второй половине 18 века преподобный Паисий Величковский (1722-1794). Его ученики положили начало старческому руководству во многих русских монастырях. Наиболее значительными духовными центрами, где старчество было восстановлено в полной мере, наряду с Троице-Сергиевой Лаврой и другими монастырями, стали Глинская и Оптина пустыни. Каковы особенности этого высшего проявления христианской педагогики?

Специфические черты старческого окормления: эффективность педагогического воздействия.

Специфической особенностью старческого окормления является то, что старец буквально ведет человека по ступеням духовно-нравственного совершенствования. Этот процесс в православной педагогике называется *душеводительством*. Он представляет собой особую пошаговую педагогическую методику, включающую ряд этапов.

Первый этап – формирование внимания – особенно важен в деле православного воспитания. По словам святителя Тихона Задонского, невнимательность, как завеса, закрывает от человека все духовное (Симф., 168), отнимает способность к познанию. Святые отцы дают конкретные советы, как научиться вниманию: воспрещать себе рассеянность мыслей, «возненавидеть мечтательность». (АО 1, с.?). «Кто вкусит великое благо внимания, - пишет св. Игнатий Брянчанинов, - тот возлюбит утеснять разум», чтобы вниманию научиться (АО 1, с.?).

Из сказанного становится понятным, почему старец, прежде всего, учит ученика **быть внимательным к своим мыслям, желаниям, чувствам, поступкам**. Внимание называют **первым средством для очищения души (**121, 170). Внимание связано с постоянным наблюдением над собой. О чем мыслишь? Что любишь? Что ненавидишь? К чему стремишься? К чему привязываешься? От чего отвращаешься? Какие в себе желания и внутренние движения чувствуешь? Человек должен учиться контролировать все свои слова, дела, чувства и мысли (121, 167-174). Свои **помыслы ученик открывает старцу**; старец учит его осознавать и распознавать их.

Внимание в настоящее время стало редким качеством, поэтому опыт педа-

гогики старчества в деле формирования внимания особенно необходим современной педагогике.

На *следующем* этапе ученик должен не только внимательно следить за возникающими помыслами, но и учиться **отвергать те, которые греховны**. Причем – что особенно важно – при начале их появления, не позволяя им проникнуть глубоко в сердце.

Для борьбы со злыми помыслами старчество выработало *специальные средства*.

1. Необходимо открывать духовному наставнику абсолютно все без различения помыслы, стремясь к наибольшей откровенности. Это – самое действенное средство их искоренения. Отец Иоанн пишет, что «откровенность в духовной брани есть самое наилучшее средство, ведущее к очищению души» (122, 84). Здесь важно не только устное открытие помыслов, но и внутреннее состояние: готовность человека к этому шагу.

2. К средствам борьбы со злыми помыслами относится умение в нужное время переключать внимание либо на предметы возвышенные (истины веры), либо на сферу конкретной деятельности.

3. Первейшее средство борьбы с помыслами - молитва. Главное правило здесь: отгонять злые ненужные мысли и помыслы и заменять их молитвой.

4. Труд, деятельность также препятствуют возникновению греховных помыслов.

5. Мысль о неизбежности смерти, по свидетельству отца Иоанна (Маслова), подобно горящей свече, показывает человеку, от чего он должен удаляться и к чему стремиться. Эта мысль приводит ум человека в трезвенное состояние (208, 65).

6. Старцы советовали постоянно читать Священное Писание, житийную и святоотеческую литературу и стараться постоянно размышлять о прочитанном.

7. Важнейшее средство борьбы со злыми помыслами – безусловное послушание старцу (208, 68), о чем говорилось выше.

Каково же *происхождение помыслов*? «Проводниками» греховных помыслов являются человеческие чувства. Органы чувств – особенно глаза, уши, язык, – нуждаются в постоянном контроле. Когда человек с помощью духовных средств (труда, молитвы, самонаблюдения и др.) приучается непрерывно контролировать самого себя, то в нем **воспитывается внутренняя собранность.**

Самособранность свидетельствует об определенном этапе внутреннего роста человека, его борьбы с самим собой, своими недостатками.

Мудрое руководство старцев приводит ученика к постоянной внимательной внутренней жизни и, тем самым, постепенно возводит его на высокую ступень нравственного совершенства. Об этом свидетельствует множество исторических примеров. В трудах схиархимандрита Иоанна (Маслова) особенно ярко представлены жизнеописания оптинских и глинских старцев. Остановимся на некоторых из них.

Методы старческого руководства в деятельности настоятеля Глинской пустыни отца Иоанникия (в монашестве Исаии).

Рассмотрим жизнеописание великого старца, настоятеля Глинской пустыни схиархимандрита Иоанникия (1842-1912), в деятельности которого ярко раскрываются методы старческого руководства [Текст излагается по книге схиархимандрита Иоанна (Маслова) «Глинский патерик», с. ?].

Схиархимандрит Иоанникий (Иоанн Гомолко), в монашестве Исаия, родился в 1842 году в семье обер-офицера. С детства воспитанный в страхе Божием, он отличался сосредоточенностью и самоуглублением. После окончания Гомельского уездного училища в 1865 году Иоанн поступил в Глинскую пустынь. Отсекая во всем свою волю, он предал себя в полное послушание старцам.

Нелегко человеческой душе, поврежденной грехом, приобрести внимание. Много потрудился молодой подвижник для стяжания этой добродетели.

Отличительными чертами его духовной жизни стали внутренняя собранность, внимание к каждому движению души, хранение ума, без которого истинное подвижничество невозможно.

Внутреннее преуспеяние привело и к внешнему. В 1874 году Иоанн был пострижен в монашество с именем Исаия, в 1880 году - рукоположен в иеродиакона, в 1884 – в иеромонаха. В 1888 году большинством голосов монашествующей братии он был избран на должность настоятеля обители и возведен в сан игумена.

В должности настоятеля отец Исаия много потрудился для благоустройства и процветания обители, как внешнего, так и внутреннего ее облагораживания. Его стараниями были устроены теплый храм и четыре домовые церкви. По

благословению отца Исаии был выстроен также каменный корпус для братии и два деревянных корпуса для приема богомольцев. Благоустроил отец Исаия и больницу Глинской пустыни, которая в годы его настоятельства стала лучшей в епархии.

Отец Исаия ввел в Глинской пустыни много новых послушаний. Для их исполнения монахами в обители были организованы мастерские живописцев, позолотчиков, коверщиков, ложечников, резчиков по дереву, переплетчиков, токарей, корзинщиков и другие. При нем в пустыни процветали садоводство, огородничество, пчеловодство и рыбоводство. Эти послушания, с одной стороны, давали средства на содержание обители, а с другой – предоставляли возможность послушникам закалить себя в труде, научиться терпению. Вместе с тем, отец Исаия заботился об облегчении труда иноков. Например, мойка белья была устроена в отдельном корпусе со всеми новейшими для того времени приспособлениями. От самого же настоятеля требовалось много знаний, труда и умения в деле руководства всем этим множеством ремесел (137, 372).

Настоятель устроил при обители Дом трудолюбия для обучения детей-сирот. Заботясь о просвещении народа, отец Исаия в 1891 году организовал в Глинской пустыни издание религиозно-нравственных книг и листков. Литература, издаваемая монастырем, имела огромное значение в деле воспитания человека и спасения его души.

Благодаря трудам отца Исаии, Глинская пустынь стала также инициатором миссионерской деятельности в Курской епархии. В 1908 году в целях борьбы с сектантскими лжеучениями, появившимися в епархии, в Глинской пустыни был открыт миссионерский кружок во имя святого апостола Иоанна Богослова. В обязанности членов кружка входило ежедневное чтение поучений в храмах, среди народа в гостиницах, столовых, на монастырских дворах. Эта деятельность велась под непосредственным руководством и наблюдением отца настоятеля.

Вместе с тем, среди этих многогранных трудов основной заботой настоятеля было созидание правильной духовной жизни братии, и здесь большое внимание он уделял «бодрствованию каждого инока над своей душой». Сам отец Исаия, несмотря на множество забот, не только не терял своей внутренней собранности, но и преуспел в трезвении (внутреннем внимании).

Преподобный Симеон Новый Богослов называет *трезвение* «основным ду-

ховным деланием» и говорит, что святые отцы, преимущественно упражняясь в нем, «сподобились получать божественные дарования» (325, 186). Святые отцы называли трезвение по-разному. «Это делание, – пишет преподобный Симеон, – некоторые из отцов называли вниманием, иные - трезвением и противоречием [помыслам], [иные] - хранением ума... Одним словом, кто не внимает себе и не хранит ума своего, тот не может сделаться чист сердцем, чтобы сподобиться зреть Бога» (325, 186-187).

Внимание, трезвение было заповедано христианам еще святыми апостолами как необходимое «предохранительное средство» против врагов спасения. «Трезвитесь, бодрствуйте…», - призывает апостол Петр (1 Петр. 5, 8).

Таким образом, внимание (трезвение), как очевидно из сказанного, – главное средство борьбы против греховных помыслов, которые являются одним из основных препятствий к достижению подлинной духовно-нравственной жизни, жизни во Христе. По словам преподобного Симеона Нового Богослова, «греховные помыслы – это стена, отделяющая человека от Бога, а освобождение от них является разрушением этой преграды и открывает возможности общения с Богом» (137, 375).

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) на примере жизни и деятельности отца Исаии раскрывает *методы борьбы с греховными мыслями*. Он пишет, что отец Исаия подробно раскрывал братии святоотеческое учение о греховных помыслах и о средствах борьбы с ними. Его святая жизнь и наставления ярко свидетельствовали о том, что сам он глубоко, опытно постиг это учение.

Старец Исаия поучал братию непрестанно работать над своим сердцем и умом, помнить, что человек постоянно ходит среди сетей врага. Часто монахи, принимая от него благословение, получали и наставление: «Будь внимателен!». Эти энергичные слова настоятеля сообщали им бодрость духа. Внимание к помыслам отец Исаия уподоблял «мысленной мастерской», в которой «страстная жизнь переделывается в бесстрастную». Он призывал всех «стяжать внимание к своей душе», как предлагали святые отцы, приводил их слова: «Если человек, находясь среди других, отсекает свою волю и не обращает внимания на чужие грехи, то помыслы его собираются» (268, 226).

Игумен Исаия учил, что со вниманием соединено, составляя как бы единое средство, немедленное отвержение приражающихся греховных помыслов. Поставив ум во внимательное состояние, человек должен бдительно смотреть на

нападающие помыслы и отвергать их при самом появлении, не принимая их и не давая им проникнуть в сердце.

Старец указывал, что внимание относится не только к области ума, но вообще ко всему человеческому существу. **Бодрственное состояние души и тела требует от христианина как хранения ума, так и хранения чувств**, которые, по невнимательности, бывают проводниками греховных помыслов. Отец Исаия говорил: «Если ум не обуздывает чувств, то глаза всюду разбегаются от любопытства, уши любят слушать суетное, уста становятся неудержимыми». Такой человек не в состоянии сохранить Божественные заповеди и исполнять иноческие обеты. Поэтому святые отцы учат: «Усиленно обуздывай органы чувств твоих: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание – и преуспеешь благодатью Христовой» (268, 207).

Богомудрый авва учил братию быть **особенно внимательными во время бесед**. Сдержанность в разговоре и бдительное отношение к высказываемым словам являются необходимым условием для успешной борьбы со смущающими помыслами, так как высказанные неуместные и часто худые слова ослабляют собранность ума и расточают духовное сокровище, которое собирается постепенно духовным деланием.

Для стяжания добродетели внимания отец Исаия особенно призывал братию везде хранить молчание и подвизаться в *воздержании*, в том числе, в воздержании в пище.

Кроме чувств, отец Исаия указывал братии на **необходимость хранить** и **память**, которая по невнимательности через воспоминания способствует возникновению греховных помыслов. Память, по словам св. Григория Синаита, расстроившись преслушанием, склонна больше удерживать лукавые и пагубные помыслы, чем помыслы об истинном и должном (Добротолюбие, т. 6. с. 413). Греховные помыслы, возникающие от воспоминаний, приносят большой вред, так как расслабляют наше сердце. Ум также теряет свою собранность и отвлекается ими от Бога.

Богомудрый настоятель, отец Исаия, учил с трезвением соединять и другое средство борьбы с помыслами – *молитву*. По учению святых отцов, внимание и молитва должны находиться в теснейшем единении. «Внимание так должно быть связуемо и неразлучно с молитвой, – пишет преподобный Симеон Новый Богослов, - как связаны и неразлучны тело с душой» (325, 179). Преподобный

Филофей Синайский учит: «С трезвением сочетай молитву, и будет трезвение усиливать молитву, а молитва трезвение» (Добротолюбие, т. 6, с. 413).

Молитва очищает ум. По словам св. Григория Синаита, она должна совершаться не только устами, но и умом, ибо нет пользы, «если христианин творит молитву, а ум его кружится» (Там же, т. 6, с. 249); молитва делается слабой, если человек увлекается помыслами. Отец Исаия говорил, что в борьбе с греховными помыслами, в первую очередь, требуется деятельность ума; если же ум наш не проявляет должной ревности, то от помыслов избавиться мы не можем.

Совершая молитву, **необходимо осенять себя крестным знамением**. *Крестное знамение* – одно из действенных средств борьбы с греховными помыслами. Знамение креста, по словам преподобного Симеона Нового Богослова, «имеет долг совершать» всякий христианин «со страхом и трепетом, с благоговением и вниманием», так как «через благоговейное изображение крестного знамения мы получаем силу и помощь от Бога» (325, 27). От света благодатных лучей, исходящих от креста, «рассеивается тьма греховная». Святые отцы опытно познали и учат, что «крест дает душе крепость, силу, смысл и божественную мудрость» (325, 26). Поэтому они предлагают ограждать себя крестным знамением «при волнении страстей и появлении греховных помыслов» (325, 26).

Игумен Исаия призывал иноков **внимательно читать и изучать Божественное Писание**, ибо *Слово Божие* также помогает бороться с греховными помыслами. Св. Максим Исповедник говорит, что Слово Божие есть свет и огонь, поскольку освещает естественные помыслы и попаляет неестественные, т.е. греховные (Добротолюбие, т. 3, с. 266). Через поучение в Божественном Писании христианин приходит в состояние страха Божия и трезвения (там же, с.143).

Придавая большое значение в деле совершенствования иноков изучению творений святых отцов, отец Исаия собрал прекрасную библиотеку из аскетических и духовно-нравственных книг. Если в 1894 году в библиотеке пустыни было лишь 345 книг, то в 1910 – уже около 1350.

Необходимым средством борьбы с греховными помыслами мудрый настоятель считал также *покаяние и исповедание помыслов духовному отцу*. Для

достижения сердечной чистоты, по слову преподобного Симеона го Богослова, кроме добронравия, благих расположений и хранения совести, необходимо «всегдашнее исповедание сокровенных помыслов сердца» (325, 27).

Особенно сильным и спасительным средством искоренения греховных помыслов служит, по учению святых отцов, *причащение Святых Христовых Тайн*. «Ничто столько не содействует и не способствует к очищению души, к просвещению ума и освящению тела, и обоих божественнейшему изменению, еще же и к отражению страстей и бесов, как причащение Святых, пречистых, бессмертных и животворящих Тайн – Самого честного Тела и Крови Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» (Добротолюбие, т.5, с. 442-443).

Такими средствами отец Исаия, опираясь на святоотеческое учение, учил бороться с греховными помыслами и возрастать в духовной жизни.

Настоятель ревностно следил за всем в монастыре и не оставлял без внимания ни малейшей погрешности братии, так как знал, что **без контроля - как внутреннего, так и внешнего - трудно человеку спастись**. Если кто-либо из братии не достоял Божественной службы, или нерадиво что-то сделал, или разбил, или оскорбил чем-то брата, или сказал лишнее слово, или засмеялся, или некротко и несмиренно ходил, или не слушал за трапезой душеполезного чтения, или взроптал по поводу пищи, или смотрел с любопытством по сторонам – за все это и за другие, еще и меньшие, провинности инок должен был дать ответ настоятелю.

Безусловно, исправление малейших погрешностей иноков, возведение их на самую высоту монашеских подвигов потребовали от настоятеля огромных трудов. За свои труды он был признан «строгим ревнителем правил церковных и жизни иноческой» (40, 92.). Известно, что некоторые из монашеской братии даже роптали на него за строгость. Но он заботился только о том, чтобы «деятельность свою сделать угодной Богу». Впоследствии и недовольные были ему благодарны (137, 375-377).

За свою подвижническую жизнь отец Исаия был удостоен многих наград. В 1906 году он был пострижен в схиму с именем Иоанникий.

В 1912 году вокруг Глинской пустыни был сильный весенний разлив рек. Старец вышел из монастыря, перекрестил воду и на глазах у всех пошел по ней как посуху. Дальнейшая судьба старца неизвестна.

Русские старцы – руководители совести.

Именно через старчество, в непосредственном общении старца и ученика, передается дух христианской жизни. Этот дух и его влияние на русскую жизнь выявляется при знакомстве с жизнеописаниями великих русских старцев.

Преподобный Амвросий Оптинский – учитель высшей науки: жить по-христиански.

Преподобный Амвросий Оптинский-учитель высшей науки: жить по-христиански. Далее материал излагается по книге схиархимандрита Иоанна (Маслова) «Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие».

«Великий старец Амвросий (Александр Михайлович Гренков) родился 6 декабря (23 ноября старого стиля) 1812 года в селе Большая Липовица Тамбовской губернии. Именем Александр он был назван в честь святого благоверного князя Александра Невского. Его отец –Михаил Федорович - был дьяконом, мать – Марфа Николаевна – занималась воспитанием детей, которых в семье было восемь человек. В семье жили также дед и бабушка. Родители Александра, его дед и бабушка были людьми глубоко религиозными, благочестивыми, что находило отражение в укладе семейной жизни. О своей матери старец впоследствии всегда говорил, что она была святой жизни.

Обладающий живым воображением, Александр рос веселым и резвым ребенком, он любил сельское приволье, шумные игры. Вместе с тем, воспитание Александра, как и всех детей, было строго религиозным. Юному отроку прививали любовь к чтению слова Божия, которое было основой жизни этой благочестивой семьи. На все праздники отец брал мальчика с собой в церковь, где он вместе с родителем читал и пел на клиросе, что ему очень нравилось.

Когда Александру исполнилось двенадцать лет, родители определили его в первый класс Тамбовского духовного училища. После его окончания в 1830 году он поступил в Тамбовскую духовную семинарию. Благодаря природной одаренности, и в училище, и в семинарии Александр Гренков учился очень хорошо. Один из его «однокашников» впоследствии вспоминал: «Бывало, твердишь-твердишь заданные уроки. Гренков же мало занимается. А придет в класс, станет отвечать… как по писаному, лучше всех».

В годы учебы больше всего Александр любил богословские, исторические и словесные науки. Священное Писание, духовно-нравственное чтение, а также

церковная служба были особенно дороги сердцу благочестивого
ши. Именно в это время было заложено основание того глубокого и широкого изучения слова Божия и святоотеческих творений, которым так отличался старец в своей последующей жизни.

В семинарии Александр был душой общества, все любили его за веселость и доброту. При этом он всегда сохранял нравственную чистоту и скромность, внутреннюю собранность духа и глубокое религиозное чувство, что, несомненно, привлекало к нему сердца всех, с кем он общался. Даровитый юноша любил поэзию и даже пытался сочинять стихи. Впоследствии это отразилось на особенностях его старческого окормления. Не став поэтом, отец Амвросий любил наставлять своих слушателей поучениями в рифму.

Глядя на молодого юношу, который, обладая живым характером, веселостью и общительностью, любил веселое общество, музыку, пение, помышлял о поступлении на военную службу, кто бы мог предположить, что он станет монахом? Но, как известно, «от Господа стопы человеку исправляются» (Пс. 36, 23). Некоторые из тех, кто знал его, провидели в Александре будущего инока, замечали особые качества, которые определили его духовные устремления, монашеский путь.

В те годы сам Александр не отдавал еще себе ясного отчета в своем жизненном призвании. Однако за год до окончания семинарии он очень серьезно заболел. Когда никто уже не надеялся, что он выздоровеет, Александр дал обещание Богу, что если это случится, то он непременно пойдет в монастырь. До этого Александр никогда не думал о монастыре, а тут вдруг дал обет стать монахом. По-видимому, это решение было предначертано всеми обстоятельствами его жизни, благочестивым настроением его души. Недоставало только подходящего случая, чтобы оно ясно проявилось в его сознании. И такой случай представился.

Юноша выздоровел. Однако сразу исполнить обет он не имел возможности. Вместе с тем, год, проведенный в привычном товарищеском кругу, среди привычных забот и настроений ослабил его желание уйти в монастырь.

После окончания семинарии в 1836 году Александр не решился постричься в монахи, в его душе происходила острая борьба между принятым решением и страхом порвать связь с привычным укладом жизни. Совесть постоянно обли-

чала его за неисполнение данного Богу обета, но он не находил в себе мужества встать на путь монашества.

Перед двадцатитрехлетнем юношей открылось сразу несколько дорог. Он мог пойти в университет или в Академию – высшую духовную школу, мог стать священником и отдаться пастырской деятельности. В это время один помещик предложил Александру стать учителем его детей, и юноша с радостью согласился.

Двухлетнее пребывание в доме помещика имело большое значение для будущей деятельности старца как духовного руководителя не только монашествующих, но и мирян, так как значительно расширило его жизненный опыт. Здесь у него начинает проявляться заботливое попечение о людях и умение направлять их волю в сторону добра.

В 1838 году Александр Михайлович Гренков занимает место преподавателя в Липецком духовном училище. На этом поприще он проявляет себя как добрый и одновременно строгий наставник. Он очень любил свое преподавательское дело, к нему были искренне расположены сослуживцы. Казалось, жизнь его протекала ровно и безмятежно. Вместе с тем, внутренний голос не давал ему покоя, внутренний голос упрекал его за пустое времяпрепровождение, все мучительнее становились укоры совести за неисполненный обет. Впоследствии сам старец так вспоминал об этом времени: «После выздоровления я все не решался сразу покончить с миром.… Мучился целых четыре года».

Облегчение от этого мучения Александр находил в молитве. Перед иконой Божией Матери «Тамбовской» - родительским благословением - он подолгу молил Небесную Утешительницу управить путь его жизни.

Такая уединенная пламенная молитва укрепляла в душе молодого человека чувство глубокой любви к Богу. Реальное ощущение близости Божией все более овладевало его сердцем.

Но и после этого Александр все еще медлил исполнить свое обещание. Его волновал вопрос, пригоден ли он для избираемого пути. Скрывая от всех свое душевное состояние, он ожидал определенного указания свыше, от Господа. Поддержку в пользу своего выбора он нашел в лице Троекуровского затворника Иллариона, которого он посетил в 1839 году. Старец Илларион ласково принял его, внимательно выслушал и сказал: «Иди в Оптину. Ты там нужен».

Окончательный выбор между миром и монастырем Александр сделал осенью 1839 года. Тайно он покинул Липецк и направился в Оптину пустынь, куда прибыл 8 октября.

Духовный руководитель оптинской братии старец схиархимандрит Лев принял Александра с любовью. Вначале старец не очень понравился Александру: «Сидит на кровати, сам тучный, и все шутит и смеется с окружающим его народом». Но вскоре ему представилась возможность убедиться в громадном духовном опыте и святости жизни отца Льва. Пришел к старцу скитский иеромонах Иоанн, которого только что постригли в схиму. Зайдя в келью, схимник поклонился старцу в ноги и стал говорить: «Вот, батюшка, я сшил себе новый подрясник, благословите носить его!». Старец отвечал: «Разве так делают? Прежде благословляются сшить, а потом носят. Теперь же, когда уже сшил, носи – не рубить же его».

С этой минуты Александр полюбил старца, открыл ему свою душу и просил совета, с трепетом ожидая своей участи. Старец, выслушав молодого человека со вниманием и участием, благословил его остаться в монастыре.

Александр ежедневно посещал старца, слушал его наставления, а в свободное время по его поручению переводил с новогреческого языка рукопись « Грешных спасение». Работа над этой книгой принесла ему много пользы, она познакомила его с наукой о духовной жизни, ввела в область невидимой брани со страстями.

После окончания «бумажных дел», связанных с освобождением от должности учителя и определением в монастырь, 2 апреля 1840 года Александр Михайлович Гренков был зачислен в число братства Оптиной пустыни.

По получении приказа о зачислении Александру назначают послушание. Некоторое время он был келейником у старца Льва и чтецом (вычитывал в положенное время для старца молитвенное правило, так как тот, по слабости телесных сил, не мог ходить в храм). Затем новый послушник был в хлебне, варил дрожжи, пек булки. Через год его опять взяли в келейники.

Исполняя обязанности келейника, Александр имел возможности часто посещать старца, к которому он относился со всей искренностью. Видя это, старец Лев возлюбил его. Но чтобы воспитать в начинающем послушнике безгневие, смирение и терпение, он умышленно делал ему несправедливые выговоры, гневно кричал на него.

В ноябре 1840 года послушник Александр Гренков переводится из монастыря в скит, где он прожил около пятидесяти лет.

Несомненно, что стремление молодого учителя к строгой духовной жизни было сразу же по его приезде в монастырь отмечено старцами Львом и Макарием. Они находили, что ему полезнее жить в более безмолвном месте под непосредственным наблюдением старца Макария. Но и после перехода в скит он продолжал ради душевной пользы ходить к старцу Льву.

Как уже отмечалось, свое первое послушание Александр нес на кухне. Черная и трудная работа не смутила бывшего преподавателя духовного училища. Уже поняв цену беспрекословного послушания богомудрым старцам, он со смирением принял их указание. И впоследствии, из жизнеописаний старца Амвросия видно, что он ни разу не смутился низким послушанием.

По совету старцев в это время Александр старался более внимать себе, избегал близких знакомств, приучался к внутренней молитве везде и во всякое время.

Александр имел возможность постоянного общения со старцем Макарием, что очень поддерживало и радовало его душу. К старцу – по послушанию - ему приходилось ходить каждый день. При этих посещениях молодой послушник рассказывал старцу о своем душевном состоянии, выслушивал его советы. Поэтому жизнь Александра протекала без бурь и жестокой борьбы. Если и были искушения, то благодаря своевременной исповеди и мудрым советам отца Макария они легко побеждались, и в душе послушника восстанавливались мир и спокойствие.

Мудрые старцы Оптиной пустыни Лев и Макарий старались привить братии монастыря терпения и изыскивали для этого подходящие случаи. Так они поступали и по отношению к послушнику Александру. Однажды, в присутствии многочисленного народа, на голову Александра старец Лев надел шапку одной монахини. В другой раз старец грозно отчитал его в присутствии его лучших друзей по духовному училищу, назвав самочинником и самовольником. Иногда старец не обращался к нему даже по имени, а называл «Химерой».

В это время Александр уже твердо стал на монашеский путь, стремясь во всем отсекать свою волю и раздражение. «Таким-то горьким опытом, такою-то дорогой, кровавой ценой, - пишет один из монахов Оптиной пустыни архиман-

дрит Агапит, - отец Александр приобретал добродетель смирения, закалялся в терпении».

Эти испытания воли и смирения давали хорошие плоды. Старец Лев в отсутствии послушника Александра говорил о нем: «Великий будет человек».

Незадолго до смерти, последовавшей в 1840 году, отец Лев, прозревая в молодом послушнике будущего великого старца, поручил его особенному попечению другого старца – отца Макария. «Передаю его тебе из полы в полу, - сказал он, - владей им, как знаешь».

Александр всецело предал себя руководству старца Макария. Он горячо возлюбил его и служил ему так же усердно, как и отцу Льву. Старцу нравился скромный и расторопный ученый послушник, и он благословил его прейти на новое послушание: он стал келейником отца Макария.

Таким образом, послушник Александр, находясь у основания старчества, подготавливался к своему будущему служению. Близкое общение со старцами оказало огромное влияние на духовную жизнь и мудрость будущего старца Амвросия. В своих разговорах он нередко употреблял выражения: «батюшка отец Макарий говаривал так-то», «при батюшке бывало так-то», «батюшка отец Макарий в таких случаях поступал так-то».

Для Александра Гренкова эти годы в монастыре были годами высшей школы, когда он постигал «науку из наук» - монашескую жизнь. Помимо смирения и послушания, о которых уже говорилось, за это время он приобрел навык молитвы, нестяжательности и многие другие добродетели. О нестяжательности и нищелюбии молодого подвижника говорила убогость его кельи и простота одежды.

Ежедневное внимательное испытание своей совести и чистосердечное откровение помыслов старцу ограждали Александра от всяких неожиданностей в жизни духовной, от подвигов «не по разуму». Все это, вместе взятое, способствовало его быстрому духовному возрастанию.

Летом 1841 года послушник Александр был пострижен в рясофор, а через год, 29 ноября 1842 года, он был пострижен в мантию и наречен Амвросием, во имя св. Амвросия, епископа Медиоланского. Ему исполнилось тридцать лет, из них три года он уже провел в Оптиной пустыни.

Многие высказывали удивление по случаю такого скорого пострижения, говорили, что этому постригу способствовали благоприятные обстоятельства.

Но, несомненно, во всем этом действовал Премудрый Промысел жий, направляющий все обстоятельства человеческой жизни к благим целям.

В феврале 1843 года отец Амвросий был рукоположен в иеродиакона, а в декабре 1845 – в иеромонаха.

Сам отец Амвросий считал себя недостойным диаконского сана, а тем более священства. Живя около старцев, он видел, что священнослужитель – это не только исполнитель священных действий, но и пастырь «овец словесных». Пример старцев показывал всю сложность и ответственность этого подвига. Но не трудности пугали отца Амвросия, а ощущение собственного недостоинства и неподготовленности к этому высокому служению. Свои мысли он высказывал старцам, которые давали ему утешительные советы и наставления.

Служение отца Амвросия у престола всегда сопровождалось чувством глубокого благоговения. Однако оно продолжалось недолго. Очень скоро после посвящения его постигла болезнь, которая со временем навсегда лишила его возможности совершать Божественную литургию.

Осенью 1846 года он заболел так серьезно и пришел в такое изнеможение, что 26 октября был особорован и приобщен Св. Христовых Таин. В это время он был келейно пострижен в схиму с сохранением имени Амвросия.

Болезнь затягивалась, лечение не помогало. Поэтому в декабре 1847 года отец Амвросий заявил о желании остаться в обители за штатом. Только летом 1848 года после почти жестокой двухлетней болезни он стал выздоравливать.

Постигшая отца Амвросия тяжелая и продолжительная болезнь имела большое значение для его духовной жизни: она умерила живость его характера, побудила глубже войти в себя, лучше понять самого себя и человеческую природу.

Несмотря на свои многочисленные болезни, которые не покидали его до последних дней жизни, отец Амвросий не только никогда не скорбел о них, но и считал их необходимыми, лучшими средствами для воспитания души. И насколько его внешний человек «предавался тлению», настолько внутренний обогащался духовно.

Еще до болезни, но тоже по причине болезненного состояния, летом 1846 года отец Амвросий освобождается от келейничества и получает назначение быть помощником старцу Макарию в духовничестве. В это время ему было только тридцать четыре года, но старцы монастыря видели, что он в своей ду-

ховной жизни достиг высокой степени нравственного совершенства и сможет принести большую пользу нуждающимся в духовном руководстве.

В это время одновременно с помощью старцу Макарию в духовничестве отец Амвросий вместе с другими учеными братиями занимался переводом святоотеческих творений и подготовкой их к изданию. Перевод этих сочинений святых отцов был сделан старцем Паисием Величковским. Но для издания требовалась еще значительная обработка. В этих трудах заключалась и награда трудящимся. Были изданы писания преподобных отцов: Нила Сорского, Варсонофия Великого и Иоанна, Симеона Нового Богослова, Федора Студита, Максима Исповедника, Исаака Сирина, аввы Фаласия и аввы Дорофея. Только один перечень имен святых отцов показывает, какими обширными познаниями обогатился отец Амвросий, участвуя вместе с другими монахами в этой работе. Какая требовалась глубина мысли и духовного опыта, чтобы составить примечания к писаниям святых отцов! Несомненно, труд над святоотеческими сочинениями явился для отца Амвросия своеобразной школой систематического изучения аскетической литературы под руководством умудренного большим духовным опытом иеросхимонаха Макария.

Внешняя обстановка жизни отца Амвросия в этот период жизни оставалась такой же простой, как и в первые годы. В келье его по-прежнему царила полная нищета. В употреблении пищи он тоже соблюдал крайнее воздержание. И во всем, даже в мелочах, он хранил полное послушание старцу Макарию. Вся иноческая жизнь отца Амвросия, протекавшая под окормлением мудрых старцев, шла ровно, без особых преткновений.

Оказывая значительную помощь старцу Макарию в его переписке, отец Амвросий многое черпал из богатейшего источника его мудрости. Чтение писем и составление ответов на них способствовало тому, что он основательным образом познавал человеческую душу, с ее немощами и силами, знакомился с мирским человеком. Здесь он научился любить страждущего человека до самопожертвования.

С 1846 года старец Макарий благословлял некоторым из братий обращаться за духовными советами к отцу Амвросию. Но уже в 1852 году отец Макарий, уезжая по делам в Москву, объявил, что во время его отсутствия к иеромонаху Амвросию следует обращаться за советами по всем духовным вопросам.

А советовал отец Амвросий, всегда основываясь на учении святых отцов. Для этого он обычно раскрывал книгу того или другого отца, находил соответствующую главу, давал брату прочитать ее и затем спрашивал, как тот ее понимает. Если кто-то не понимал прочитанного, старец мудро разъяснял содержание своими словами. Очень часто он самыми простыми словами поучал братию находить внутренний мир и успокоение в самоиспытании и самоукорении, так как он сам опытно убедился в спасительности этих действий. Один из иноков обители вспоминал: «Мне казалось, что старец Амвросий всегда ходил перед Богом, или как бы ощущал присутствие Божие».

Примерно в это же время духовному окормлению отца Амвросия были поручены монахини Борисовской пустыни Курской области. Старец Макарий благословлял его также вести душеполезные беседы, знакомил с некоторыми боголюбивыми посетителями обители.

Вокруг отца Амвросия постепенно собирался народ, что свидетельствовало о том, что он уже возрос «в мужа совершенного» и был способен преподать духовное утешение нуждающимся.

Так постепенно отец Амвросий Промыслом Божиим готовился к самостоятельному старчествованию. Постоянное духовное руководство старца Макария, внимательное изучение святоотеческих творений и - более всего - постоянный личный подвиг молитвы и непрерывного внимания к себе – все это подготавливало отца Амвросия к этому великому служению.

В сентябре 1860 года умер старец Макарий. Казалось бы, что с его кончиной Оптина пустынь и ее посетители навсегда останутся без духовного окормления. Однако Промыслом Божиим на это великое служение миру поставляется отец Амвросий.

Вначале он был мало кому известен как духовный руководитель. К тому же и годами он был не стар: всего сорок восемь лет. Поэтому поначалу его советами пользовались только те, кому отец Макарий еще при своей жизни поручил обращаться к отцу Амвросию. Но такое положение продолжалось недолго. Не мог остаться незамеченным тот, кто имел такое же любвеобильное сердце, как старец Макарий, кто жил не по своей воле, а по воле Божией. К отцу Амвросию постепенно стали обращаться не только монахи Оптиной пустыни. К нему начали стекаться люди со всех уголков России, нуждавшиеся в помощи искусного и умудренного духовным опытом руководителя.

Старец Амвросий и стал таким руководителем, знатоком венных движений человеческого сердца, любвеобильным наставником, телем духовных сокровищ, которые он приобрел великими трудами.

Так исполнились слова старца Иллариона, сказанные им более двадцати лет назад Александру Гренкову, тогда еще молодому человеку: «Иди в Оптину. Ты там нужен».

И действительно, теперь отец Амвросий был крайне нужен в Оптиной пустыни, потому что никто из монашествующих, кроме него, не мог стать на место отца Макария.

С течение времени слухи о духовной опытности и мудрости отца Амвросия все более распространялись, все более возрастало число обращавшихся к нему. Те, кто первоначально смотрели на него с недоверием, стали изменять свое мнение о нем.

Постепенно его имя стало известно и в богатых палатах, и в бедных жилищах. Расширялся круг лиц, пользовавшихся духовными советами и руководством отца Амвросия как среди братий обители, так и среди приезжавших в Оптину пустынь монашествующих и светских лиц. С утра до вечера он только и жил заботой о ближних и никогда никому не отказывал в совете и помощи. Сколько людей он привел к Богу своими благодатными советами и своей сострадательной любовью! Он жил жизнью других людей, радовался их радостями и печалился их печалями.

Все, приходившие к нему, богатые и бедные, ученые и простые люди, чувствовали себя перед ним «простыми смертными». С отеческой любовью принимал старец тех, кого терзали горести, печали, уныние, кто стоял на распутье. Он принимал и тех, кто был обуреваем сомнениями и жил вне Церкви. В каком бы угнетенном состоянии, и с какими бы стонами мук и печали не приходили к отцу Амвросию, он с открытым сердцем выслушивал их скорби и давал нужные советы и наставления. Он твердо верил, что все страдания мира, как бы жестоки и сильны они не были, не могут победить Божественной любви, в лучах которой они исчезают! Сколько утешения, успокоения и отрады вливали в души приходивших к старцу людей его беседы и молитвы, его благодатные наставления! Иногда даже от одной встречи со старцем посетители получали большую пользу для своей души. Страдание их утихало прежде, чем он начинал говорить, тихое и благодатное успокоение наполняло их души.

Одаренный духовным рассуждением, острой памятью, словом, отец Амвросий всякому к нему приходящему давал соответствующие наставления из Священного Писания и отеческих книг. Его беседы были преисполнены глубокого смирения. Они согревали охладевшие сердца, просвещали разум, призывали к раскаянию, душевному миру и духовному возрождению, покоряли сердца людей, вселяя в них мир и тишину. Спасая других, он сам восходил на вершину богообщения и слушающих его возводил за собой.

Словом – вот чем служил миру старец Амвросий. Его слово горело огнем неотразимого благодатного убеждения, оно согревало теплотой каждое сердце, было чуждо холодности и внешней вычурности, несло мир и счастье. Слово отца Амвросия, изображая земную жизнь как подвиг временного странствования человека на пути к жизни вечной, звало людей к жизни возвышенной, христианской, совершенной, духовной.

Старец Амвросий отдал всего себя, все свои силы, разум, сердце и волю великому делу назидания и руководства своих духовных чад. Все его наставления, назидания и поучения имели своей целью святость. Подобно апостолам, он звал к жизни небесной.

Старец учил до последней минуты своей жизни, учил ежедневно, оставляя самое малое время для отдыха и молитвы. Да и в молитве он непрестанно воздыхал о своих пасомых и о всем человечестве.

Это была беспредельная любовь, горевшая желанием всем помочь, всех утешить, всем спастись. Эта самоотверженная любовь была характерной чертой иеросхимонаха Амвросия. Эта любовь достигла в старце евангельского совершенства. Подвиг его любви к ближнему изумлял его современников и волнующе восхищал души последующих поколений русских людей.

Но сам отец Амвросий как будто не видел ни своих постоянных трудов, ни подвигов любви и постоянно укорял себя в «ничегонеделании», прося молиться о том, чтобы Господь не вменил ему в вину его «неделательное глаголание». Глубочайшее смирение и постоянное самоукорение лежали в основе всей его жизни и деятельности. Он и подвиг старчества принял на себя, видя в этом волю Божию и нисколько не считая себя достойным этого ответственного служения. Глубокая вера, надежда на милость Божию и сознание своего пастырского долга вдохновили его на этот подвиг.

Преподавая мудрые советы другим, старец, по своему смирению, сам искал совета у других, не полагаясь на свой разум.

Каков же был образ жизни отца Амвросия?

Старец Амвросий каждую минуту своей жизни посвящал служению ближним. Внешняя обстановка его жизни была самая скромная. Повседневная жизнь старца начинались с келейного правила. Вставал он в четыре утра. Целый день дверь его кельи была открыта, и сотни лиц шли к нему, чтобы получить духовное утешение, разрешение житейских вопросов, укрепление, вразумление, прощение грехов. И так каждый день, и не один год, а в течение более тридцати лет. Измученный, усталый, старец, возвратившись в свою комнату, вместо отдыха слушал вечернее правило.

Тяжело заболев, отец Амвросий терпеливо нес крест болезней. Иногда он настолько обессиливал, что вынужден был передвигаться с помощью келейников. Но он существовал благодатью. И хотя и не отказывался от медицинской помощи, всю надежду возлагал на Господа и Божию Матерь. Часто от него можно было слышать: «Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, так потерплю же и я».

Только в молитве отец Амвросий находил утешение и поддержку своим крайне слабым силам. Как много в его жизнеописании можно найти свидетельств горячей, слезной молитвы к Богу! Когда он молился, лицо его преображалось, как бы светилось. Без усердной молитвы он не принимал ни одного решения, в молитве он обретал необходимую для его высокого старческого подвига духовную и телесную силу.

Как и каждый подвижник, отец Амвросий стремился к уединенной молитве. Но где бы он ни находился, его всегда находили посетители. Только ночью, когда все спали, он, забывая себя, протягивал руки к небу, прося Господа о ниспослании благодатного утешения и покоя в души его духовных чад. И тот факт, что к старцу в Оптину пустынь съезжались люди абсолютно всех сословий, доказывает то, что молитва Отца Амвросия всегда была слышима.

Только при таком духовном состоянии, которое воспитывается в человеке непрерывной внутренней борьбой, самоуничижением, скорбями и всякого рода испытаниями, возможно получение величайшего дара благодати Божией – христианской любви, которая состоит в неразрывной и глубокой связи с христианской верой и сердечной молитвой. Этими дарами был преисполнен старец Ам-

вросий. В нем явился обильный дар духовного рассуждения, дар никновения в души людей, дар прозорливости, дар исцелений. Поток посетителей увеличивался с каждым днем. Для каждого приходящего у него находилось ласковое слово и мудрый совет. Незнакомых людей он часто называл по имени, говорил их тайные грехи, исцелял больных от недугов прежде, нежели они просили об этом. Это сверхъестественное ведение души и законов ее жизни, дар проникновения в сердце человека позволяли ему безошибочно видеть нравственное состояние людей, как бы читать душу ближнего.

Дар рассуждения старца Амвросия проявлялся в том, что он умел сразу определить духовное состояние человека и дать ему самый правильный и полезный совет. Вся сила духовного руководства старца сводилась к тому, чтобы указать каждой душе путь спасения через веру в Иисуса Христа. Он твердо верил, что первопричина всех душевных и телесных недугов – нарушение заповедей Божиих, и как средство выздоровления предлагал для выздоровления чистосердечное покаяние и приобщение Святых Таин.

Отец Амвросий обладал всеобъемлющей опытностью, широким кругозором и мог дать совет по любому вопросу не только в области духовной, но и житейской.

Дар проникновения в тайники человеческих душ у старца Амвросия удивлял многих и располагал сразу и всецело отдаться его руководству. У людей появлялась уверенность, что старец лучше знает, в чем они нуждаются и что им полезно. Одна молодая девушка много слышала о святости отца Амвросия, но не верила этому и называла его «лицемером». Однажды, случайно оказавшись у старца и стоя позади всех у двери, она увидела, что он, выйдя из кельи, посмотрел прямо на нее и, назвав ее по имени, сказал: «Что это за великан тут стоит? А, это Вера (так звали девушку) пришла смотреть на лицемера!». После такого обличения ее тайных мыслей и особенно после беседы со старцем девушка совершенно изменила свое мнение о нем, искренне полюбила его и впоследствии даже стала монахиней.

Именно таким путем старец многих наставлял на путь покаяния, нравственного очищения и смиренного перенесения жизненных ситуаций.

Дар прозорливости, благодаря которому праведник может предвидеть будущее и созерцать сокровенные мысли и настроения людей, очень часто прояв-

лялся у отца Амвросия в период его старчества, свидетельством чему являются многие и многие примеры.

Так, однажды одна женщина просила старца дать благословение выдать дочь замуж. Но старец велел повременить. И так было неоднократно. И действительно, через некоторое время девушка заболела и умерла.

Одна вдова была обеспокоена тем, что ее муж является ей по ночам и о чем-то просит. Когда об этом спросили отца Амвросия, он сказал, что ее супруг должен был деньги, (назвал имя этого человека) и что необходимо этот долг вернуть». Так благоразумная женщина и сделала, после чего покойный перестал ей сниться.

Хорошо известен также случай, когда отец Амвросий, задерживая день ото дня мастера в Оптиной пустыни, спас того от нападения разбойников и верной смерти.

Ясно провидя души своих посетителей, старец Амвросий знал, что приводило их к нему. Не раз бывало, что пришедший не успеет еще открыть свою нужду или скорбь, а старец уже дает ответ.

Так, например, одна монахиня написала старцу письмо с рядом вопросов. Но случилось так, что она оказалась у отца Амвросия раньше письма. Старец дал исчерпывающие ответы на все, о чем она спрашивала, не видя ее послания.

Невозможно перечислить все случаи дивной прозорливости старца Амвросия – дара, который он обращал на пользу ближних. Он открывал людям волю Божию, и те, кто не слушался его, рано или поздно горько сожалели об этом, так как не было удачи в их делах.

Бесчисленны также примеры исцеления многих людей от болезней по молитвам отца Амвросия.

Очень часто старец, чтобы избежать человеческой славы, скрывал свой дар чудотворения под видом шутки. Чаще всего это проявлялось в виде ударов по больному месту. И боль проходила. Таких примеров было множество, так что нередко крестьянки, подходившие к нему под благословение, говорили: «Батюшка, побей меня, у меня голова болит».

Обращались к старцу и с просьбой помочь избавиться от пагубных привычек. Неизменно в таких случаях он указывал на таинство покаяния как верное средство исцеление.

Иеросхимонах Амвросий безгранично любил Бога. По любви к Нему он покинул мир и встал на путь нравственного совершенствования. Но как любовь к Богу в христианстве неразрывно связана с подвигом любви к ближнему, так и подвиг личного совершенствования и личного спасения у старца никогда не отделялся от подвига служения миру.

Старческое служение отца Амвросия началось с окормления братии Оптиной пустыни. Старец очень любил свою обитель и ее питомцев. Каждый из братий поверял ему душу. И никто не уходил от него неутешенным.

Особенно внимателен был он к новопоступившим в монастырь и новоначальным монахам. Хотя он официально оставался «за штатом», без совета отца Амвросия не предпринималось в монастыре ничего важного. Настоятель наряду с братией смиренно подчинялся его духовному водительству, открывая перед ним все свои помыслы. Дверь кельи и сердца старца всегда были открыты для братии, и каждый мог входить к нему в любое время без доклада.

Своим добрым влиянием, как на братию, так и на приходящих богомольцев отец Амвросий содействовал подъему и благоустройству Оптиной пустыни. Отношения старца с настоятелем и братией основывались на христианской любви и смирении. Он никогда не настаивал на своем мнении, но только подавал мудрые советы.

Но служение отца Амвросия, как уже отмечалось, не ограничивалось только монастырем. Он сумел раздвинуть стены своей маленькой кельи на необъятные пространства. Люди всех званий и положений, жители и близких, и далеких губерний – все знали смиренного прозорливого оптинского старца. К нему тянулись тысячи верующих. Десятиминутного разговора со старцем иногда приходилось ждать по несколько дней.

Прием посетителей он начинал около девяти-десяти утра. Но и до этого, даже во время умывания, ему приходилось отвечать на многочисленные вопросы, которые задавались ему через келейников: «Вот та-то просит благословения на такое-то дело, благословите или нет?», «Вот такой-то находится в таких-то обстоятельствах – что благословите ему делать?». Во время утреннего чая отец Амвросий диктовал письма. К этому времени уже собиралось довольно много посетителей. Один из них впоследствии вспоминал: «Батюшку нельзя себе представить без участливой улыбки, о которой становилось весело и тепло, без заботливого взора, который говорил, что вот-вот он сейчас для вас придумает и

скажет что-нибудь очень полезное… в эту минуту он весь вами живет,
и вы понимаете, что вы ему ближе, чем сами себе».

Выйдя из кельи, старец кого-то на ходу благословлял, другому говорил несколько слов. Тех, кто особенно нуждался, он принимал отдельно и занимался ими более продолжительное время.

Целый день отец Амвросий проводил среди народа. Делая каждому наставления соответственно его духовным нуждам и духовному развитию, он вникал в положение всякого, определяя его характер, склонности, с любовью указывал лучший исход. Все уходили от него утешенными и с облегченным сердцем.

Давая зачастую как бы шутливые советы на самый насущный вопрос, как жить, чтобы спастись («Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно, тогда дело наше будет верно, а иначе будет скверно»; «Жить можно и в миру, но только не на юру, а жить тихо»; «Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение», отец Амвросий по существу вкладывал в них глубокий смысл, доступный пониманию всякого.

Иногда летом старец выходил к народу на воздух. Согбенный старец медленно шел вдоль ограждения, по временам останавливаясь и давая ответы на тысячи вопросов людей, всех выслушивая внимательно. «Батюшка, как инее благословите жить?», «Я гибну от нищеты», «Я потерял веру», «Неизлечимая болезнь терзает меня», «Мои дети стали мне врагами», - все приходили к старцу, как к последнему пристанищу. Любвеобильным сердцем отец Амвросий врачевал всех, иногда двумя-тремя приветливыми, полными сердечного участия советами разрешая самые сложные, запутанные житейские вопросы.

И всегда старец не только не скорбел о своей болезненности, но был в веселом настроении и даже шутил.

Так он принимал посетителей вплоть до вечера, делая небольшие перерывы на прием пищи и отдых.

Имя старца было известно не только в среде простого народа, но и среди интеллигентного общества, высшего духовенства.

Калужские епархиальные архиереи Григорий, Владимир, Анастасий во время поездок по епархии неизменно посещали его. Посещал старца митрополит Московский (впоследствии Киевский) Иоанникий. Отец Амвросий был известен и святителю Московскому Филарету.

Кроме иерархов, отца Амвросия посещали многие выдающиеся светские лица. Оптиной пустынью интересовались такие видные философы и писатели, как Вл. Соловьев, С.П., Шевырев, И.В. и П.В. Киреевские, М.П.Погодин и другие. Они посещали эту обитель не из любопытства, но с надеждой получить благословение и укрепить свои духовные силы. Эти люди изучали и описывали Оптину пустынь с благоговением, стремясь даже по малейшему знакомству с жизнью и деятельностью оптинских старцев и Оптиной пустыни определить ее значение в истории Русской Церкви. Он сознавали высоту внутреннего строя этого монастыря. И.В. Киреевский пишет, что для ознакомления с христианством необходимо познакомиться с жизнью оптинских старцев.

Слушали беседы старца и пользовались его духовным советами Н.В. Гоголь, А.П. Толстой, Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, Л.Н. Толстой.

О Ф.М. Достоевском, который приезжал к отцу Амвросию после смерти любимого сына, старец сказал: «Этот кающийся». Известно, что беседы Достоевского с иеросхимонахом Амвросием о насущных вопросах духовной жизни, о спасении души длились подолгу. Вскоре затем в печати появились «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, написанные отчасти под впечатлением от посещения Оптиной пустыни и отца Амвросия.

К.Н. Леонтьев, живя рядом с Оптиной пустынью, провел под непосредственным руководством старца последние годы своей жизни. За несколько дней до кончины отца Амвросия он принял тайный постриг.

Л.Н. Толстой так отзывался старце Амвросии: «Этот отец Амвросий совсем святой человек. Поговорил с ним, и как-то легко и отрадно стало у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога». У старца Амвросия писатель был пять раз.

Самую продолжительную беседу со старцем Толстой имел при посещении Оптиной пустыни в третий раз. Он отправился к отцу Амвросию после того, как у старца побывала его семья, очень довольная и утешенная его беседой. Известно, что при этой встрече отец Амвросий советовал Толстому принести публичное покаяние в своих религиозных заблуждениях. Выходя из кельи, Лев Николаевич сказал: «Я растроган, я растроган». Оптина пустынь сыграла основную роль в осознании Л.Н. Толстым своих заблуждений.

Давая оценку посещениям писателями старца Амвросия, В. В. занов пишет: «Благодеяние от него духовное, да, наконец, и физическое. Все поднимаются духом, только взирая на него.… Самые проницательные люди посещали его: Толстой, Достоевский, Леонтьев, Вл. Соловьев, и никто не сказал ничего отрицательного. Золото прошло через огонь скептицизма и не потускнело».

Значение старца Амвросия в воссоздании духовных начал русской жизни трудно переоценить. Во второй половине 19 века он стал связующим звеном между образованным обществом, народом и Церковью. Его имя сделалось известным далеко за пределами России. Знал его и Афон, и святой Иерусалим – весь православный Восток. К старцу непосредственно или письменно обращались лица даже других вероисповеданий, которые после бесед с ними принимали православие.

Чем же объяснить, что к простому старцу шли представители всех сословий, в том числе люди, которых называли «гигантами духа и мысли»? Ответ на этот вопрос может быть выражен словами апостола Павла: «Не аз [я], но благодать, яже [которая] во мне».

Духовность отца Амвросия была настолько велика, что старца заметила, оценила и потянулась к нему даже интеллигенция XIX века, которая в это время мучилась сомнениями, зачастую была слаба в вере. Старец имел удивительный индивидуальный подход к каждому вопрошавшему. Некоторые из обращавшихся к нему впоследствии поступали под его водительство.

Несмотря на увеличивающийся поток посетителей и болезненное состояние, отец Амвросий занимался также литературно-издательской деятельностью. При его участии в Оптиной пустыни были изданы не только святоотеческие творения, но и церковно-исторические труды самого монастыря.

С именем старца-подвижника связано и устройство Шамординской женской обители. Этот монастырь стал результатом неустанных попечений отца Амвросия об одиноких женщинах, проводивших благочестивую жизнь. Старец проявлял постоянную заботу об этих обездоленных, многие из которых зачастую не имели даже своего пристанища. Он всячески старался содействовать благоустройству Шамординского монастыря, вникал во все его нужды.

Но не только женская община была заботой старца Амвросия. При обители он устроил детский приют для девочек. Каждый приезд старца в Шамордино становился для сестер светлым праздником.

В начале июля 1890 года, посещая Шамордино, старец заболел. Слабость не позволила ему вернуться в Оптину пустынь. Всю зиму он провел в Шамординской обители, продолжая ежедневно принимать посетителей, поток которых устремился теперь туда. Но, несмотря на все усилия сестер обители и врачей, здоровье его становилось все хуже и хуже.

11 октября (23 октября по новому стилю) он мирно отошел к Господу. Святая душа его тихо отлетела в иной мир.

Но он не ушел от любящих его. Он поселился там, где за Русскую землю предстательствуют святые и своей благодатной помощью не оставляют нуждающихся в ней (123, с. 14-85).

Основатель Алтайской духовной миссии отец Макарий (Глухарев) – выдающийся ученый и аскет.

Знаменитый алтайский миссионер, с полным основанием названный апостолом Алтая, архимандрит Макарий (в миру Михаил Яковлевич Глухарев; 1792-1847) был воспитанником Глинской пустыни и достойным учеником известного ее настоятеля игумена Филарета (Данилевского).

Архимандрит Макарий родился 8 ноября 1792 года в городе Вязьма Смоленской губернии. Его отец Иаков Глухарев, священник Введенской соборной церкви, и мать Агапия пользовались большой любовью вязьмитян за свою благочестивую христианскую жизнь. В восьмилетнем возрасте Михаил поступил в Вяземское Духовное училище, а затем в Смоленскую Духовную семинарию.

Окончив курс учения, он начал службу преподавателем семинарии. В 1814 году Михаил поступил в Петербургскую Духовную академию. На благочестивого и талантливого ученика обратил внимание ректор академии архимандрит Филарет (Дроздов), который сохранил доброе расположение к своему ученику до конца своей жизни. После окончания академического курса в 1817 году Михаил был послан в Екатеринославскую семинарию на должность профессора и инспектора. Здесь он 24 июня 1818 года принял монашество с именем Макарий.

В 1821 году отец Макарий был переведен в Костромскую семинарию ректором. Блистательно окончивший духовную академию, он был человеком высокой образованности: профессор богословских наук, хорошо владеющий гре-

ческим, латинским, еврейским, немецким и французским языками.

В это же время он был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Костромского Богоявленского монастыря.

Однако в Костроме он пробыл недолго: в 1824 году отец Макарий оставил духовно-училищную службу и стал жить на покое сначала в Киевской Лавре, потом в Китаевской пустыни и, наконец, в Глинской обители.

Он переселился туда в декабре 1825 года. «Я хотел среди Глинских братий знакомиться с искушениями, свойственными монашескому общежитию», – писал отец Макарий (137, 148).

Насколько Глинская пустынь удовлетворяла аскетическим стремлениям этого великого мужа, можно судить по его восторженному отзыву о ней: «Это одна из светлых точек на земном мире, в которую, дабы войти, надлежит умалиться до Христова младенчества».

В тишине этой «школы Христовой» отец Макарий, изнуряя тело свое воздержанием и постом, глубже всматривался в тайники своей души, беспристрастно разузнавал свои недостатки, обозревал еще неумерщвленные гнездящиеся страсти и, «ничтоже сумняшеся», исповедовал их опытному настоятелю, старцу Филарету.

Он предал себя ему, дабы сокрушить, прежде всего, своеволие, «эту медную стену, отлучающую душу от истинного просвещения», и «навыкнуть Христову послушанию», которое он называл «врачебным кровопусканием, в котором душа очищается от черных, нечистых и гнилых кровей своеволия и глупости». С сокрушенным чувством собственного бессилия, с надеждой на милосердие Божие стал он сходить в «слезную юдоль смирения» (137, 152).

Как некогда его наставник отец Филарет, отец Макарий посвятил себя исключительно аскетическим подвигам и изучению святоотеческих учений. Из любви к Богу отец Макарий готовился «к войне со своими страстями, миром и диаволом». По святоотеческим писаниям он разузнавал силы и козни врагов, способы борьбы с ними. Кроме святоотеческих сочинений, он читал все, что предоставляла лучшего тогдашняя богословская литература, русская и иностранная.

Но особенно он любил читать Священное Писание, куда, как к своему источнику, отсылали его и святоотеческие, и богословские руководства. Прекрасное знание языков способствовало всестороннему пониманию им слова Божия,

глубокому уяснению тайн спасения.

Как и его наставник отец Филарет, отец Макарий всякое свое слово подтверждал Священным или отеческим писаниями и только то считал верным, православным, что находило в них основание. Он, неустанно читая и проникаясь «глаголами жизни вечной», изобильно вселял в себя слово Христово, старался им мыслить, чувствовать, говорить. Он считал Священное Писание «хлебом своим насущным». Его сочинения и особенно письма исполнены знанием Писания и текстов святых отцов.

Собственные выражения подвижника близко напоминают подлинное слово Божие, так дышат они истинной, глубинной верой.

Глубоко изучивший его жизнь и труды, отец Иоанн пишет, что отец Макарий «бывал в таком расположении души, что, будучи проникнут, с одной стороны, молитвенным духом, с другой – глубоким чувством непритворного смирения, ничего не хотел больше написать в утешение и назидание своим доброжелателям, как только слова Священного Писания, приличные их состоянию» (137, 161).

Кроме подвигов монашеских, отец Макарий, пребывая в Глинской пустыни, общепонятно и убедительно говорил в храме поучения, преимущественно по праздникам, а в келии переводил Библию с еврейского языка на русский. Он также известен как лучший переводчик на русский язык «Лествицы», «Исповеди блаженного Августина, а также «Бесед св. Григория Двоеслова».

В 1829 году архимандрит Макарий составил описание Глинской пустыни, большая часть которого состояла из описания жизни настоятеля обители отца Филарета (Данилевского).

Сведения, содержащиеся в этом первом жизнеописании отца Филарета, безусловно, были известны самому отцу настоятелю, поэтому оно представляет особую ценность. Именно это описание было использовано при составлении его последующих жизнеописаний.

На самоотвержении, покаянии, чтении Священных книг и святоотеческих писаний, на молитве, а более всего, на «слезном смирении» отец Макарий, при помощи Божией, усиленно стремился созидать в себе нового человека «в правде и подобии истины». Поэтому неслучайно, когда в 1828 году тогдашний архиепископ Тобольский Евгений (Казанцев), получив Синодальный указ об учреждении миссии «в стране Сибирской», начал искать способных и достойных

лиц, могущих занять должность миссионера, то, узнав об этом, отец Макарий, не обращая внимания на свое слабое и недужное здоровье, с благословения отца Филарета попросил у Святейшего Синода разрешения на поднятие миссионерских трудов. Разрешение не замедлило последовать.

5 июня 1829 года, напутствуемый старцем Филаретом, отец Макарий выехал из Глинской пустыни, в стенах которой у него выработался аскетически-созерцательный характер, сказавшийся во всех его произведениях и во всей его жизни и деятельности. Особенно ясно отобразился в его облике богобоязненный, смиренномудрый, нестяжательный и деятельно-духовный «незабвенный авва» Филарет.

По примеру Глинского общежития, подвижник-миссионер устроил общежитие для братства во вновь учрежденной Алтайской миссии, а духовное влияние глинской «школы Христовой» он перенес на инородцев Сибири. Он не только обратил ко Христу около семисот человек, но и научил их истинному благочестию. С полным самопожертвованием он провел на Алтае четырнадцать лет (1830-1844) в великих трудах апостольского служения, как светильник сияя словами истины, примером строгого благочестия, чистоты, многообразными делами милосердия, мудростью духовной, истинной любовью к ближним, даром прозрения и прочими добродетелями. Всем этим он положил твердое основание вере Христовой среди алтайцев: к 1897 году двадцать из тридцати пяти тысяч приняли христианство. Поэтому отец Макарий со всем основанием может называться апостолом Алтая.

После усиленных миссионерских трудов слабое здоровье отца Макария совершенно расстроилось. В 1844 году он оставил миссию, получив в управление Волховский Троицкий монастырь Орловской губернии, где в 1847 году блаженно скончался.

Последние слова великого подвижника-миссионера могут служить девизом православных миссионеров. Уходя с земли к незаходимому свету Христову, он сказал: «Свет Христов просвещает всех!» (137, 96).

Настоятель Глинской пустыни игумен Филарет (Данилевский): пример старческого руководства.

Игумен Филарет (в миру Фома Данилевский; 1777-1841) родился на Украине в семье казаков. До пострижения в монашество проходил разные послушания в Софрониевой пустыни. Здесь же был пострижен в монашество 1 де-

кабря 1802 года, возведен в иеродиакона 8 февраля 1803 года, в иеромонаха 5 февраля 1806 года. Он был определен настоятелем в Глинскую Богородицкую пустынь 11 мая 1817 года.

Избрание иеромонаха Филарета настоятелем Глинской пустыни, во главе которой он стоял почти четверть века, согласно церковному преданию, совершилось по предуказанию Пресвятой Богородицы, Которая покровительствовала ему на протяжении всей его жизни. Этим объясняют и успех его настоятельствования, когда отец игумен за короткий срок сумел поднять духовно-нравственную жизнь братии и материальное благосостояние монастыря, не имевшего до этого часто самого необходимого: жилья, нужной одежды, пищи.

Уже через три года настоятельства отца Филарета епископ Курский и Белоградский Евгений (Казанцев), благоговейно относившийся к этой обители, писал обер-прокурору Святейшего Синода: «...Глинская обитель лучшая в Курской епархии» (137, 64).

Такая высокая оценка обители, ее широкая популярность среди народа стали возможны, во многом благодаря строгому общежительному Уставу, составленному игуменом Филаретом по чиноположению Святой Афонской Горы и введенному в монастырскую жизнь обители. Дело духовного воспитания иноков и приезжавших в обитель мирян богомудрый настоятель упрочил тем, что ввел в своей обители древний порядок иноческой жизни, отличающийся строгостью и точностью исполнения церковных правил. Он же учредил и особый порядок духовного руководства: Глинская пустынь стала одной из тех редких обителей, где старческое окормление было утверждено Уставом. **Отец Филарет привел обитель в цветущее состояние через утверждение в ней старчества.**

В деле старческого руководства отец Филарет особенно большое значение придавал ежедневному откровению помыслов учеников своему старцу, поскольку такое откровение является главным методом искоренения страстей. Кроме того, каждый инок имел старческое келейное правило, состоящее из молитв, поклонов – земных и поясных, чтения Евангелия, Апостола, Псалтири.

Широко известен игумен Филарет как автор книг и нотных изданий церковного содержания. Несколько изданий в дореволюционный период выдержала его книга «До и после пострига», состоящая из двух частей: «Поучение новоначальному перед постригом» и «Поучение новопостриженному монаху».

Актуальна эта книга и в наши дни.

Перу игумена Филарета принадлежат также «Наставление о должности духовника, служащего инокиням», «Краткое изъяснение о явлении Пустынно-Глинской Чудотворной иконы», «Краткое описание Глинской пустыни», четыре Устава общежительных монастырей, «Наставления монашествующим» и др. Произведения, написанные старцем Филаретом, пользовались большой популярностью в России и за ее пределами.

Игумену Филарету приходилось вести большую деловую переписку, связанную с управлением монастырем, а также с благодетелями обители и духовными чадами. По свидетельству лично знавших его, из-под пера настоятеля Филарета в год выходило до семисот пятидесяти писем с богодухновенными наставлениями, как духовным, так и светским лицам (135, 111).

Под руководством отца Филарета именно в эти сложные в духовном отношении годы (игумен Филарет настоятельствовал с 1817 по 1841 гг.) сформировалось новое поколение опытных подвижников, многие из которых стяжали глубокое смирение, кротость, милосердие и получили от Бога духовные дары прозрения, исцеления, назидания ближних. Число таких подвижников возрастало из поколения в поколение. Такими подвижниками, помимо отца Филарета, были старцы Илиодор (Голованицкий), Феодот (Левченко), Архипп (Шестаков), Макарий (Шаров), Евфимий (Любимченко), Иннокентий (Степанов) и многие другие. Год от года увеличивалось число иноков, посланных из Глинской пустыни на настоятельские должности в другие обители.

Игумен Филарет был знаком с такими известными святителями, как высокопреосвященные Филарет Дроздов и Антоний Воронежский. Его знал по духу и питал к нему большую любовь преподобный Серафим Саровский. Отец Серафим просивших благословение на вступление в монастырь нередко отправлял к отцу Филарету, указывая на его обитель как на великую школу иноческой жизни. В свою очередь, и игумен Филарет глубоко почитал великого Саровского подвижника.

Игумен Филарет был лично известен императорам Александру I и Николаю I. Бывая в течение 1821-1825 гг. в Петербурге, он неоднократно выступал среди русского образованного общества и прославился как поборник православия, защитник святоотеческого учения и подвергавшихся нападкам устоев монашеской жизни.

Благополезные труды игумена Филарета на пользу Глинской тыни не могли остаться незамеченными. За свою деятельность он был удостоен наград.

Однако не к земным почестям были направлены устремления отца Филарета. Сознание своего труда как труда ради Бога и Царицы Небесной было его самым большим утешением. Внешняя преобразовательная деятельность никогда не затмевала его заботы о духовном преуспеянии братии вверенной ему Богом обители.

О богоугодной жизни подвижника свидетельствует и тот факт, что он предсказал свою кончину. Когда эконом обители монах Иоанникий на страстной неделе спросил отца Филарета: «Ты, отче, верно, уж оставляешь нас?», – старец отвечал: «Нет, мы дождемся Пасхи Христовой, разговеемся, а там буди воля Господня» (125,78).

Последним его предсмертным завещанием было: «Имейте, братие, мир и любовь между собою, а я, если обрету у Господа дерзновение, то верую, яко обитель наша не оскудеет. Вы же сотворите любовь, поминайте меня отцом своим, аще аз и недостойный, и обрящете благодать от Бога» (137, 70).

Святость жизни игумена Филарета, его духовная сила передавались из поколения в поколение и с небывалой силой укрепили то влияние, которое оказывала в течение почти четырех веков Глинская обитель на развитие России, духовно-нравственную жизнь русского народа и на русское образование и культуру в целом.

Все русские старцы были глубочайшими знатоками сокровенных движений человеческих душ, опытнейшими врачевателями духовных и телесных недугов, мудрыми и любвеобильными наставниками. Они были настолько богаты духовным опытом, что к ним обращались многие не только простые люди, но и выдающиеся деятели современности, чтобы поучиться высшей науке – умению жить по-христиански.

ТАКИМ ОБРАЗОМ:

1. Становление и развитие русской школы, российской науки и образования проходило под непосредственным влиянием и при непосредственном участии Русской Православной Церкви.

2. Пастырь, старец, русское духовенство в целом на протяжении веков являются активными субъектами воспитания русского человека и русского наро-

да. За многие века пастырством и старчеством накоплены эффективные методы духовно-нравственного воспитания. Методы пастырского руководства оказали влияние на весь строй русской педагогики.

3. Русские монастыри на протяжении веков являлись в России центрами духовно-нравственного просвещения. Влияние монастырей проявлялось, прежде всего, в том, что воспитанное монастырем братство «незаметно изменяло направление ума», перестраивало весь духовно-нравственный строй души русского человека, пробуждало потребность в духовных началах (БТ, ?), оказывало глубокое, обновляющее воздействие на русское общество. Мир стремился перенять уклад жизни подвижников. То, что открывалось его [мира] взору, учило его правилам нравственной жизни «не словом или языком, но делом и истиной» (БТ, 189). Влияние монастырей на народную нравственность, по словам известного историка П.В.Знаменского, ярче всего видно по тому аскетическому оттенку, который отмечается во всех проявлениях древнего русского благочестия (Знаменский, 118).

а. Монастырь научает человека не только тому, *что* является предметом познания, но и тому, *как* надо познавать истину (БТ, 189). Опытное переживание духовных сокровищ Православия в жизни лучших русских монастырей перерастало из системы основных положений учения о спасении в «саму структуру жизни», принципы этого учения переносились в уклад монастырской жизни (БТ, 188).

б. Монашество, по словам святителя Игнатия Брянчанинова, доставляет «самые подробные, основательные, глубокие и высокие познания» в экспериментальной психологии; «деятельное, живое познание человека и Бога, насколько это познание доступно человеку» (АО 2, с.?).

в. Заветы «игумена Земли Русской», св. Сергия Радонежского хранить, прежде всего, православную веру, без которой немыслимо единство Отечества, хранить единомыслие и мир между собой, нелицемерную любовь и гостеприимство – остались важнейшими заветами для всей последующей духовной и государственной жизни русского общества (БТ, 189).

4. Русское старчество, монашество, методы и средства пастырского руководства заложили основы отношений «учитель-ученик» в системе русской школы, старцы и пастыри оказали огромное влияние на русское общество, явились связующим звеном между Русской Православной Церковью и народом.

5. Учение о спасении и русский аскетизм легли в основу ции православного воспитания.

3. КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ КАК СИНТЕЗ ЕГО ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.

История педагогики свидетельствует о том, что настоящего педагога созидает собственный духовный опыт и личный непрестанный нравственный подвиг. Зачем педагогу-практику теория? По мысли схиархимандрита Иоанна (Маслова), теория является руководством, следуя которому можно правильно и плодотворно осуществлять свою деятельность (ЛПБ, 14). Поэтому концепцию православного воспитания определяет, с одной стороны, учение о спасении, а с другой – русский аскетизм «как образ жизни» (Патриарх Алексия, Филокалия, с.?), накопивший за многие века конкретные примеры деятельности русских подвижников, их духовного и педагогического опыта (61, 91). Она является обобщением положений и выводов первых двух глав монографии, соединением в одно целое теории и практики русской педагогики.

3.1. СУЩНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ – ВОСПИТАНИЕ БЛАГОРОДСТВА, БЛАГОНРАВИЯ И БЛАГОЧЕСТИЯ.

Вся земная жизнь человека, по свидетельству святителя Игнатия Брянчанинова, должна быть школой для приготовления к вечности (143, 243). Поэтому для разработки концепции православного воспитания: определения его сущности и цели, формулирования его оснований и принципов, выявления основных категорий, – необходимо еще раз вернуться к вопросу о назначении человека в его православном понимании, то есть к учению о спасении, положения которого раскрывают природу человека. Согласно этому учению, человек предстает в трех своих состояниях: в естественном, неестественном и обновленном. Православная педагогика имеет дело с человеком в неестественном, падшем состоянии, опирается на знание его свойств в естественном, райском состоянии, все свои средства употребляет на то, чтобы вывести его из состояния неестественного и привести в состояние естественное, обновленное.

3.1.1. Назначение человека. Образ совершенного человека. стоящее состояние человека.

Как уже отмечалось, вопрос о понимании человека является главным для педагогики как науки о воспитании и обучении, образовании человека (241). Этот вопрос неразрывно связан с представлением о назначении человека и о его идеальном образе, то есть о человеке в обновленном состоянии, поскольку это необходимо для понимания цели и смысла педагогической деятельности.

Назначение человека.

«Человек – тот, кто познал себя, кто познал свое значение, свое состояние, свое назначение», - пишет святитель Игнатий Брянчанинов (104, 365).

Нет ни одного вопроса, который представлял бы для педагога большую важность, чем этот: в чем состоит истинное назначение человека? Решением этого вопроса обусловливается каждое его действие, вся его деятельность в целом.

Учение о спасении свидетельствует, что человек был создан как существо высокого достоинства и особого назначения. Он должен был охранять первобытную природу и поддерживать в ней порядок, должен был стать посредником между всем созданным и Богом (146, 170).

Бог определил человеку не только великую роль в мироздании. Он предназначил его для вечного единения с Собой, для вечного блаженства (146, 169). Однако после грехопадения человек утратил свое высокое достоинство и естественное состояние, которые были ему даны Создателем и перешел в состояние неестественное, падшее (146, 172) (105, 329).

«Человек рождается не только для того, чтобы умереть, но и умирает для того, чтобы жить вечно» (ТЗ, 393). Земную, временную жизнь человек должен рассматривать как подготовку к переходу в вечность.

Земная жизнь дана человеку как школа, как возможность нравственно совершенствовать качества своей души: очищать ее от страстей и развивать лучшие свойства ее богоподобной природы (143, 263) Все действия человека и его участь определяется, прежде всего, тем, *как* он относится к этой цели. В Своем учении Бог открыл человеку его назначение, цель его жизни, должное отношение к Творцу, другим людям, к миру (105, 77).

Святитель Тихон Задонский пишет, что **цель жизни человека** – «испол-

нять волю Божию и быть полезным для окружающих его людей и обществу в целом» (1:85). Согласно св. Тихону, по своему происхождению от Бога и высокому достоинству человек является не чем иным, как отражением славы Божией, Его образа. И потому, живя в этом мире, он должен развить все свои духовные силы, направить их к Богоуподоблению, быть постоянно в общении с Богом, прославлять Его премудрость, святость и милосердие. Вот смысл и цель жизни человека (2:28) (ТЗ, 169). В соответствии со святоотеческим учением, схиархимандрит Иоанн (Маслов) приводит следующее определение цели жизни: постоянное совершенствование в добре, спасение, единение с Богом (ТЗ, 302, 240).

Эту цель святые отцы характеризуют как единую, непреходящую (146, 224). Св. авва Исаия так говорит о цели жизни. Бог хочет, чтобы человек был во всем Ему подобен. Он пришел в мир, «чтобы переменить неестественное состояние наше на естественное». Бог показал нам «закон чистый», с какой целью? Чтобы человек вернулся в естественное состояние, в каком создал его Бог (262, 90, 17). Время земной жизни надо использовать на то, чтобы из неестественного состояния перейти в естественное.

Восстановление в человеке образа Божия понимается как **образование** человека.

Осознание учеником цели жизни особенно важно для педагога. Если «главная цель действования – цель жизни выпускается из виду, – пишет св. Иоанн Кронштадтский, – является множество частных целей, почти столько, сколько есть у каждого человека страстей или прихотей. В душе происходит странная работа, следствием которой бывает, по-видимому, какое-то созидание: видишь материалы для построения, начало, средину и конец дела, а на самом деле концом всего выходит – ничто» (154, 18). Нецеленаправленность, бесцельность не позволят человеку созидать, трудиться плодотворно.

Эта мысль особенно важна для педагога.

Образ совершенного человека.

Каждый художник рисует, прежде всего, образец предполагаемого произведения. Педагогу также необходимо иметь истинное представление о том, каким должен быть совершенный человек, а затем рассмотреть, каким он является на самом деле.

Высочайший идеал чистоты и святости воплотил в Своей сти, в Своей жизни и деятельности Христос, стремиться к Которому есть цель жизни каждого человека (ЛПБ, ?). «Иисус Христос – образец совершенства, образец красоты, полнота этой красоты», - пишет святитель Игнатий Брянчанинов (АО 2, 134).

Добродетели Богочеловека отражаются в жизни святых, которых Православная Церковь, канонизируя, представляет для подражания и общественного почитания. Жизнь святых – поистине восхитительное зрелище. Знакомясь с ними, каждый человек может воочию видеть, как люди различного возраста и разных состояний, сами по себе слабые, возвысились и укрепились Божественною Благодатью, стали поистине «новыми людьми» – людьми с новыми свойствами (64, 5).

Если бы каждый человек своею жизнью соответствовал этой «идее» Бога о человеке, - пишет один из педагогов прошлого века, - то чем было бы все человечество!? Оно одушевлялось бы духом любви и стремилось «соединенными силами» к своему общему назначению (64, 5).

Настоящее состояние человека.

Как же пришел человек в свое настоящее состояние? С каким человеком имеет дело педагог? Обратимся опять к учению о спасении.

Первый человек, Адам, после грехопадения утратил свое естественное состояние, праведность и святость, которыми Бог украсил его, он подвергся повреждению по телу и душе и – как следствие этого – стал смертен.

Преемственно грех первого человека и его вредные последствия перешли на всех людей. Как потомки Адама, люди по природе подвержены многим трудам, скорбям и, наконец, смерти. Вместе с тем, человек и в своем настоящем, неестественном состоянии, имеет многие способности. Но их первоначальное согласие разрушено: ум говорит одно, сердце влечется к другому, а воля настолько ослаблена, что не может направить человека по нужному пути.

По удалении от Бога беспорядок господствует как во внутреннем составе каждого человека, так и в жизни целых сообществ и государств. Подтверждает сказанное всемирная история. Она показывает в предоставленном самому себе человеке и человечестве следующие примеры:

– самые жалкие заблуждения в понятиях о Боге, о бессмертии, о достоин-

стве и назначении человека;

– опустошительные взрывы человеческих страстей, низких похотей, алчного корыстолюбия и разрушительной гордости;

– беспрестанно волнующееся море всякого рода скорбей и бедствий;

– наконец, бессилие человека уничтожить зло, распространившееся повсюду (64, ?).

Все это может наблюдать и педагог не только во «внешнем мире», но и в повседневном педагогическом процессе.

Хотя были и есть воспитатели, которые не хотят видеть в детях ничего, кроме ростков доброго, все же подобный взгляд обнаруживает изъяны знаний о человеке. «Кто защищает страсти как естественные, – пишет св. Макарий Великий, – тот переменил Истину Божию во лжу свою» (190, 126).

Кто внимательно наблюдает над детьми, тот согласится, что уже с ранних лет обнаруживаются в них не только слабость, легкомыслие и недостаток опыта, но и беспорядочное желание удовольствий, склонность к тщеславию, к зависти и другие дурные наклонности. Это происходит потому, что ребенок уже рождается в неестественном состоянии, с ростками зла. Эти ростки очень скоро и страшно размножаются, если им не противопоставить постоянное и твердое противодействие. Хотя наклонность к плохому в разных людях видоизменяется в зависимости от многих причин, но тенденция остается неизменной. Поэтому каким бы хорошим ни казался ребенок по своим природным свойствам, необходимо, чтобы он получил должное воспитание.

Воспитание – это руководство человеком для достижения им своего назначения. Оно должно образовывать все способности человека в соответствии с этим назначением (64, 12).

Воспитание – это намеренное влияние на воспитанника с определенной целью (64, 13).

Сущность православного воспитания определяется его целью. Какова же эта цель?

3.1.2. Цель православного воспитания, его определение. Главное правило, задачи, логика.

«Каждый, делающий что-нибудь, должен непременно иметь цель и знать, для чего он это делает», – пишет преподобный авва Дорофей (2, сл.16). Если

человек не знает, какова его цель, поясняет святитель Тихон Задонский, он духовно безоружен и абсолютно беззащитен (352, 257). Формулирование цели имеет принципиальное значение для любой деятельности, особенно для деятельности педагогической, воспитательной.

Цель православного воспитания.

Цель православного воспитания – нравственное совершенствование и вечное спасение (235, 45). Она совпадает с целью и смыслом жизни человека на земле, обозначенной в учении о спасении. Эта цель формулируется, исходя из православного понимания человека, учета трех его состояний. Св.Макарий Великий учит, что цель человека – перемениться, из настоящего состояния перейти в Божественное естество, из неестественных людей «соделаться» новыми, из «негодных и неверных» стать «добрыми, честными и верными» (190, 44).

Из этого следует, что цель православного воспитания – научить человека, *как* из неестественного состояния перейти в состояние естественное, обновленное. Это значит - дать человеку правильное понятие и направление во всех сферах деятельности, облагородить земное общество, научить человека так проводить земную жизнь, чтобы ему стала доступна жизнь вечная (146, 398).

Для чего учить? Отвечая на этот вопрос, св. Василий Великий свидетельствует: **«…учить не затем, чтобы только знали, но наипаче для того, чтоб и жили сообразно с учением»** (143, 364). Глинский иеромонах Порфирий (Левашов) пишет, что прямой целью православного воспитания является благочестие (259, 29). То есть педагог, воспитатель должен не только познакомить учеников с заповедями, но и научить жить по заповедям, что, по словам святителя Тихона Задонского, является признаком благочестия (121, 47).

Цель православного воспитания для всех народов во все времена во всех обстоятельствах неизменна. Педагог должен всегда, на всех уроках и во внеурочной деятельности, иметь ее в виду. Святитель Игнатий Брянчанинов пишет: «Дух каждого поступка вынаруживает мысль, руководившую человека при поступке» (АО 2, 131). Хотя каждый урок имеет свои особенности: на одном уроке ученикам сообщаются преимущественно новые знания, на другом – речь идет в основном о вопросах нравственности, иногда учитель хочет подействовать, главным образом, на сердце учеников, иногда его намерение заключается в том, чтобы они закрепили материал в памяти или приобрели определен-

ные навыки, – но педагог всегда в своей деятельности должен миться: **помочь ученику сохранить образ Божий, если он цел, и поддержать его, если он в опасности, способствовать его обновлению, если он поврежден** (143, 208).

Очень важно, чтобы цель была единой, общей для всех субъектов воспитания: семьи, школы, Церкви, для государства и общества.

Таким образом, цель православного воспитания совпадает с целью и смыслом человеческой жизни и состоит в развитии всех духовных сил человека, направлении их к Богоуподоблению (146, 169). Эта цель не изменялась на протяжении всей истории христианской педагогики.

Определение православного воспитания.

Исходя из вышеуказанной цели, можно сказать, что **православное воспитание необходимо, «чтобы человек мог удобнее достигнуть доступного ему совершенства»** (64, 31). Воспитывать – значит, научить воспитанника, как выйти из неестественного состояния, состояния повреждения, и способствовать тому, чтобы довести его до истинного назначения. Один из известных русских педагогов 19 века пишет, что поскольку вся природа человека «повреждена и больна», то воспитание – это «лечение от болезней поврежденной человеческой природы» (64, 14).

Каким же образом может быть организовано это «лечение»?

Архиепископ Могилевский Евсевий отвечает на этот вопрос следующим образом. Кто думает, что невозможно воспитывать детей одновременно для отечества земного и отечества вечного, тот «показывает в себе совершенное незнание педагогики». «Главного нашего назначения мы можем достигнуть только добросовестным исполнением повседневных наших обязанностей в настоящей жизни, по мере дарованных нам сил. Так воспитание для земли и воспитание для вечности нераздельны между собою. Только тогда встретилось бы противоречие, когда под воспитанием для общества стали бы мы разуметь воспитание для одних земных целей, как будто земное благосостояние составляет последнюю цель человека, и после этой жизни не должно ему ничего ни надеяться, ни бояться» (64, 16).

Таким образом, воспитание должно приводить человека к осуществлению его как вечного, так и временного назначения. Как член гражданского общест-

ва, воспитанник должен возрастать для занятий общественной деятельностью, а как предназначенный к вечной жизни, он должен созреть для этого, исполняя земные обязанности (64, 15). Поэтому необходимо обогащать воспитанника различными знаниями. Следовательно, **воспитание можно условно разделить на две части: непосредственно воспитание и обучение наукам** (64, 35).

По мысли святителя Филарета Московского, распространено заблуждение, что обучать – значит лишь преподавать науки, что образованным надо почитать того, кто прибрел много знаний. Знания не будут основательны, не будут благоустраивать жизнь, пишет он, если они не основаны на Божественном учении. Божественное учение очистит, утвердит и освятит человеческие знания, сделает их «употребительными» и для частной, и для общественной пользы (345, сл.293).

Воспитание должно производить в человеке единство и гармонию, а потому низшее необходимо подчинять высшему, а высшее – высочайшему: «пробудить в ребенке дремлющие способности, укрепить их упражнением, частью предохранить от повреждения а частью поврежденное исправить, и все силы привести в такое взаимное подчинение, чтобы они все заодно действовали для достижения последнего назначения воспитанника, как земного (временного), так и вечного» (64; 36, 39-40).

Православное воспитание – это намеренное влияние на воспитанника с целью его облагораживания, формирования у него стремления освободиться от своего неестественного состояния и желания перейти к нравственному обновлению, к непрерывному самосовершенствованию.

Главное правило воспитания.

«Правило есть определение или способ, образ и учреждение какой-нибудь деятельности, – внутренняя ли то или внешняя, – пишет Феофан Затворник. – Им дается направление и определяется весь ход – начало, время, место, обороты, конец действования» (371, 82).

Главное правило воспитания сформулировано в Библии. Это всеобъемлющее наставление звучит в обращении Бога к Аврааму: «Заповедай сынам своим сохранять пути Господни, творить правду и суд». (Быт. 18, 18-19). Словами святителя Московского Филарета его можно выразить так: давай детям воспи-

тание благочестивое и нравственное, сообразное с Законом Божиим.

В Библии же показываются и благотворные последствия такого воспитания: «Авраам будет в язык велик и мног». То есть семейства, шире сказать, государства, дающие подрастающему поколению воспитание благочестивое и нравственное, увидят свое потомство многочисленным, уважаемым и благополучным.

Святитель Филарет говорит о том, что без этого правила «самое ученое воспитание» есть «построение благовидного здания без прочного основания». Это правило – правило «истинного благочестия и чистой нравственности» - применимо для любых ситуаций, для воспитания не только «мудрых», но и «простых». Святитель кратко формулирует его следующим образом: **наставляй добродушно, обличай кротко и мирно, наказывай умеренно и с сожалением** (376, 32).

К сказанному можно добавить, что, по мысли святителя Филарета Московского, **воспитание должно быть строгим**: «[апостол Павел] говорит о строгом воспитании, как не предосудительном, [а о об] обыкновенном [обычном] и должном. Это тем более примечательно, что он строгое воспитание представляет образом того, как Бог воспитывает человечество» (376, 34).

Главное начало, или правило воспитания можно выразить и следующим образом: «старайся образовать воспитанника так, чтобы он любил Бога всем сердцем, а ближних, как самого себя; или старайся, чтобы твой воспитанник был свят и совершенен, как свят и совершен Отец наш небесный» (64, 30).

В православной педагогике рассматривается и такое понятие, как «искусство воспитания». Что же это такое? Православные педагоги дают такой ответ: **умение пользоваться правилами воспитания согласно с его целью называется искусством воспитания.**

Общие требования к воспитанию.

Исследование многовекового опыта христианской педагогики позволяет сформулировать ряд требований к воспитанию.

Воспитание должно быть полным.

Это требование означает, что нельзя оставлять без воспитания ни духа, ни тела. Это же относится к каждой способности духа. Одностороннее воспитание

почти всегда влечет за собой негативные последствия. К чему, мер, приведет живое воображение и хорошая память, если при этом у человека недостаточно здравого смысла? К чему приведут обширные познания, если испорчено сердце? К каким ошибкам может привести доброе сердце, если оно оставлено без разумного руководства? (64, 38).

Таким образом, воспитание должно охватывать все способности человека и формировать их в соответствии с их назначением, оно должно образовать и тело, и дух (64, 38).

Воспитание должно быть логичным.

Воспитание также должно быть стройным, логичным (64, 39).

Говоря о необходимости охвата всех способностей человека, следует иметь в виду, что каждую из них нужно формировать по-разному. Не все способности надо развивать одинаково, в равной мере. Воспитание, как уже отмечалось, должно производить в человеке «единство и гармонию»: низшее необходимо подчинять высшему, а высшее – высочайшему.

Вместе с тем, всегда нужно помнить о высшем назначении человека, о цели его жизни – постоянном совершенствовании в добре. Поэтому развитие всех его физических и нравственных сил необходимо подчинять этому.

Если нравственное усовершенствование человека, воспитание его в вере и благочестии, станет во «главе угла», то оно окажет влияние и на вторую сторону воспитания – на обучение, на совершенствование человека в земных делах. В православном воспитании знание нельзя отрывать от веры, вера является неотъемлемой частью воспитания. Кто хорошо знает христианское учение и «всегда сообразуется с духом веры», пишет один из педагогов 19 века, тот «во всех делах своих и в каждом состоянии бывает тем, чем ему должно быть: рачительным хозяином, верным супругом, мирным гражданином, честным торговцем, храбрым воином и пр.» (64, 39-43).

Воспитание должно быть сообразно с личными (индивидуальными) способностями воспитанника.

По мысли схиархимандрита Иоанна (Маслова), педагог должен строго сообразовываться с уровнем умственного и нравственного развития учеников, применяться к обстоятельствам места и времени (143, 69).

Все человеческие способности по своей природе у всех детей одинаковы и

подлежат одинаковым законам развития. Вместе с тем, имеются существенные различия относительно «образа и степени» их проявления (64, 45). В детях, благодаря разнице в их наследственности, организации, темпераменте, прежнем образе жизни, даже первых впечатлений, климата и питания, а также других факторов, образуются свойства *личные (индивидуальные)* или *особенные* – как духовные, так и телесные. Эти свойства бывают как положительными, так и отрицательными, поскольку «наклонность ко злу очень рано обнаруживается в человеке и потом раскрывается в различных направлениях» (64, 46).

Отсюда следует, что должен быть различный подход ко всем детям, каждого ребенка надо воспитывать по-разному. Добрые свойства ребенка не должны быть подавляемы. Его недостатки требуют «благоразумного и точно к нему приспособленного противодействия». Для этого воспитатель, педагог должен, насколько это возможно, знать личные свойства своих воспитанников (64, 45-48).

Воспитание должно быть непрерывным.

В современной педагогике существует требование непрерывности образования. Вместе с тем, традиционно оно входило в систему православного воспитания. Это требование реализовано в методах пастырского душепопопечения (от рождения до смерти человека), в монастырской педагогике, в воспитательной работе государства и общества, как с подрастающим поколением, так и с взрослыми. Это требование связано с тем, что, по мысли святых отцов, духовный подвиг непрерывен по своей сути (143, 268).

Требование непрерывности воспитательных воздействий связано с другими требованиями православной педагогики, такими, как постепенность и постоянность. «Каждое дело и вещь, – пишет св. Амвросий Оптинский, – не вдруг совершаются, а мало-помалу…» (123, 151).

Воспитание должно быть постоянным.

Требование постоянства вытекает из определения процесса спасения. Спасение, по мысли отцов Церкви, – постоянный процесс внутренней борьбы и работы над самим собой (146, 306). Усилия человека должны носить постоянный целожизненный характер, потому что духовная борьба непрестанна (146, 315). Святые отцы сравнивают православное воспитание с ручейком, «постоянно текущим и никогда не иссыхающим» (123, 151-152).

Воспитание должно начинаться рано и сообразовываться с возрастом.

Это требование означает, что воспитание нужно начинать с ранних лет и сообразовывать с каждым возрастом. Это относится как к телесному (физическому) воспитанию, так и к воспитанию нравственному. Последнее должно начинаться гораздо раньше, чем оно обыкновенно начинается (64, 49). «Как только начнут дети приходить в разум и понимать учение, тотчас должно им вливать молоко благочестия», – свидетельствует святитель Тихон Задонский (121, 187).

Хотя в раннем возрасте духовные способности находятся в бездействии или действуют слабо, однако в этот период можно сделать очень многое, либо частично пробуждая их, либо предварительно «уравнивая им путь», который они «должны будут проходить после своего пробуждения» (64, 49).

Очень важно с ранних лет приучать детей к правильному образу жизни. Приучение их к скромности, приличному поведению, послушанию вначале будет только внешним. Но посредством этого они очень многое приобретают для будущего. Дети, привыкшие к правильному образу жизни, впоследствии, при постепенном осознании ими смысла происходящего, легко сообщат своим прежде приобретенным привычкам истинно нравственный характер. Если в детях эмоциональные наклонности с детства приведены в порядок, то реже будут их ошибки и падения, легче борьба и тем вернее победа, чем глубже добрый навык укореняется в них через многократное и долговременное повторение «добрых действий» (64, 50-51).

Если же ребенок с первых лет жизни предоставлен сам себе, своим беспорядочным наклонностям и своенравию, тогда раскрывающийся рассудок бывает уже не в силах подчинить ребенка своей власти, нрав его испорчен, и зло в нем уже укоренилось. Здесь должно действовать *правило*: чего дети не должны будут делать после полного осознания своих действий, того не надо позволять им и прежде. Что дети должны будут делать в последующие годы, к тому необходимо приучать их как можно ранее, по мере осознания ими происходящего, укрепления их нравственных и физических сил (64, 51-52).

Исходя из сказанного, необходимо помнить, что **недостаток, имеющийся у ребенка, сам собой со временем не уничтожится, а только усилится. Со временем он может перейти в порок.**

Воспитатели, родители, оставляющие своих детей в первые годы без должного воспитания, должны знать следующее:

– раннее плохое поведение детей легко переходит в навык;

– слабые расположения детского сердца постепенно могут перейти в постоянный характер;

– дети, с детства никем не удерживаемые, поддающиеся влечению своего темперамента, своему неразумию и самовольству, впоследствии вынуждены будут подчиняться своим беспорядочным наклонностям;

– от злых наклонностей сердца и воображения тело ребенка также располагается ко злу. От этого чрезвычайно затрудняется действие совести (64, 52).

Как тело, так и дух растущего человека требуют особого руководства в первые годы жизни, иного – впоследствии, иного – когда тело и дух укрепятся. Малым детям еще не нужно давать уроки в собственном смысле этого слова, необходимо только пробуждать их способности и «предрасполагать» их к надлежащей деятельности. Их нравы необходимо формировать не столько наставлениями, сколько примерами и благоразумным обхождением с детьми. Когда же силы ребенка постепенно укрепятся, тогда и воспитание должно строиться по-другому, пользоваться иными средствами. Нельзя обходиться с юношами и девушками так же, как с детьми, а с детьми обращаться, как со взрослыми (64, 49-53).

Православная педагогика определяет **время, наиболее благоприятное для воспитания, - это младенчество, первые годы жизни**. Греховные наклонности и страсти проявляются в человеке с младенчества. С возрастом они все более усиливаются. Поэтому при воспитании детей особенно дорожат младенческими годами, чтобы дать душе с первых минут жизни благочестивое направление, оградить от влияния вредных воздействий и впечатлений, не дать уклониться ко злу.

Воспитание должно быть постепенным и основательным.

Человек развивается постепенно, поэтому воспитание должно следовать за «ходом природы», не упреждая ее, а помогая ей. При этом нужно помнить о необходимости хорошего основания воспитания. На прочном фундаменте христианского учения, не пропуская ни одной ступени, необходимо постепенно «возвышать» все здание воспитания (64, 53).

Зачастую родители и воспитатели бывают недовольны «постепенностью»

природы и стараются, как можно раньше сформировать ребенка, как в умственном, так и в нравственном отношении. Но нельзя хотеть плодов во время цветения! Через эту поспешность выигрывают время, но теряют во внутренней прочности знаний.

Хотя в детях необходимо пробуждать способности с ранних лет, нужно избегать преждевременного их напряжения. Это не только затрудняет тело в его развитии, но и причиняет вред духу: слишком рано показавшиеся «цветы» скоро увянут и отпадут. Слишком раннее напряжение способностей имеет вредное влияние и на характер человека. Обычные его следствия – холодность, сухость, мрачность и т.п. (64, 54).

Таким образом, в соответствии с природой человека образование должно быть постепенным и основательным (64, 53-55).

Главное требование к воспитанию – страх Божий.

При православном воспитании самое важное, чтобы в детях глубоко укоренялась и всегда поддерживалась живая вера в Бога, навык «хождения перед Ним», постоянная забота о том, чтобы не оскорбить Его грехами.

Если такое чувство есть в душе воспитанника, это значит, что в ней положено главное основание хорошего воспитания – страх Божий (64, 61).

Страх Божий возбуждает в сердце воспитанника возвышенные чувства, обуздывает порывы своеволия, приводит в порядок желания и наклонности. Это чувство делает человека в счастье скромным, в несчастье – твердым и великодушным, «образует» его в истинного гражданина, подготовленного как к земной, так и к вечной жизни (64, 62).

Поэтому ошибаются те воспитатели, которые, заботясь о научении детей разным наукам, не заботятся о возбуждении и поддержании в них страха к Богу. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что знания не приносят должной пользы, если в основание воспитания не положена искренняя любовь к Богу. Для укоренения в детях этого чувства необходим, прежде всего, пример родителей, воспитателей, их истинное благочестие (64, 61-63).

Почему так необходимо воспитание этого качества? «Там, где обитает страх, – пишет Глинский старец Порфирий, – оттуда бежит порок и преступление» (259, 33). А порочная жизнь, как уже отмечалось, отнимает способность учить и учиться. (ЛПБ, ?)

Задачи православного воспитания.

Главная задача православного воспитания – раскрыть воспитаннику цель и смысл человеческой жизни, высоту назначения человека, указать ему пути и средства к достойному прохождению земного поприща.

Одна из основных задач православного воспитания – помочь ученику познать себя, познать, что он, как и все человечество, находится в неестественном состоянии, которое святые отцы называют не нормальным, а падшим. Святитель Игнатий Брянчанинов свидетельствует: «Необходимо познать свое падшее естество, его наклонности, свойственную ему деятельность…» (105, 373).

На основании этого знания педагог должен пробудить у ребенка недовольство собой, познакомить его с понятием греха. «Кто не знает того, что согрешил, может ли перестать грешить?», – пишет св. Иоанн Златоуст.

Другая задача, непосредственно связанная с первой (в педагогической практике она должна быть поставлена во главу угла), – пробудить у детей желание совершенствоваться, стать лучше, поскольку это желание является стимулом духовного роста (146, 335).

В практическом плане две эти задачи реализуются в виде сформированных навыков.

«Воспитатели и наставники! – восклицает святитель Игнатий Брянчанинов. – Доставляйте юношеству хорошие навыки, отвлекайте его, как от великого бедствия, от привычек порочных… Страсти – злые навыки; добродетели – навыки благие» (104, 375).

Таким образом, основные задачи православного воспитания вытекают из его цели и кратко формулируются следующим образом: восстановление в человеке тех нравственных норм и принципов, которые были в душе первых людей до грехопадения (146, 173).

В качестве обобщения сказанного, можно привести слова святителя Феофана Затворника применительно к задачам православного воспитания: искоренить в душе ребенка все дурное и насадить все доброе.

Логика.

Логика православного воспитания сформулирована святителем Филаретом Московским. Он пишет, что в словах апостола Павла представлен «общий порядок» воспитания человечества и каждого человека Богом: свобода вверяется

человеку постепенно, по мере его укрепления в познании и силе духа.

«Все ли равно, давать обширную свободу умеющему ее употреблять или не умеющему, зрелому в разуме или незрелому?», - рассуждает святитель. И поясняет: «Надобно вести детей от ограничения свободы к расширению ее. Иначе сделавшийся слишком свободным слишком рано, куда направится далее с своим желанием..? Не будет ли он в искушении поколебать справедливые пределы разумной и законной свободы?» (376, 7).

Таким образом, педагогический процесс должен быть построен в следующей *логике*: от ограничения – к расширению свободы, по мере взросления ребенка, укрепления его духа и приобретения им необходимых знаний и навыков.

3.1.3. Объект, предмет и субъекты православного воспитания.

Объект.

Объектом православного воспитания является человек в трех его состояниях: *естественном* (возникшем после сотворения и удерживавшемся до грехопадения); *неестественном* (появившемся после грехопадения); *обновленном* (после искупительного подвига Христа человеку дана возможность не только вернуться в естественное состояние, но и возможность стать обновленным человеком, человеком с новыми свойствами). Об этом подробно говорилось в первой главе.

Предмет.

Наука воспитания имеет своим предметом усовершенствование всех сил человека (ТЗ, 169).

Православное учение о спасении свидетельствует, что грехопадение первого человека, Адама, от которого происходят все люди, нарушило гармонию, отравило и расстроило все существо человека (Симф., 81). Его ум, ранее входивший в общение с Богом, ослеп, помрачился и стал неспособным отличать добро от зла. Одновременно с помрачением ума не осталось в чистом состоянии и сердце, которое вместо любви стало источать зло. Немалый вред грехопадение причинило воле человека. Вместо стремления к чистоте и правде в ней появились злые желания. Воля постепенно ослабела (ТЗ, 172-173).

Поскольку грехопадение пагубным образом отразилось на всем человеческом существе, православное воспитание не ограничивается заботой только о

душе или только о теле, одной какой-либо способностью, одним ством. Оно охватывает все свойства и способности человека. Оно подробно и целостно раскрывает, *что* воспитывать в человеке и *как* воспитывать, что при этом главное, а что – второстепенное, с чего следует начинать и как продолжать, в какой логике и последовательности это делать, какие правила использовать.

В соответствии с этим **предметом православного воспитания является образование ума, воли и сердца человека** (146, 171– 172).

Образование ума.

По учению святых отцов, ум есть способность человека находить истину и жить сообразно с нею, или способность проводить в согласие временное – с вечным (?). Знак «высшего образования ума», пишет один из авторитетных педагогов 19 века, – всегда внимать голосу Бога и всегда верно следовать ему (64, ?). В соответствии с этим положением, истинно умным почитается тот, кто правильно употребляет знания, то есть использует их для достижения главного жизненного назначения – спасения души.

Истинно умный человек есть только тот, кто в жизни является благочестивым и добродетельным. Именно такое понимание умственного воспитания традиционно существовало на Руси, именно оно было характерно для русской педагогической школы (64, ?).

Перед педагогами стоит задача вернуть уму человека способность отличать добро от зла. Для этого, по советам святых отцов, необходимо, прежде всего, нужно научить детей вере, а потом – другим наукам, необходимо раскрыть им основные понятия о Боге, о правилах богоугодной жизни (Симф, ?).

Вместе с тем, умственная деятельность воспитанников не должна ограничиваться исключительно предметами веры. Как уже отмечалось, необходимо познание светских наук, чтобы «приучить ум к здравой, отчетливой и последовательной мыслительной деятельности». (ЛПБ, ?) Но главное – для того, «чтобы облагородить земное общество и дать ему правильное понятие и направление во всех сферах жизни». (ТЗ, 400)

Таким образом, православные воспитатели, по советам святых отцов, должны приучать своих питомцев искать пути, чтобы быть истинно полезными для других, быть патриотами своего Отечества. Служение обществу, улучшение благосостояния земного отечества – начало служения отечеству небесному

(?). Методы и формы этого служения должны стать предметом размышлений воспитателей.

Образование воли.

Умственное образование тесно связано с утверждением воли в правилах благочестия и укреплением добродетелей. Христианские педагоги воспитывают в детях умение направлять свою волю в сторону добра. В воспитании воли велика роль дисциплины, которая дает ей необходимое направление, воспитывает готовность подчинить свое самолюбие нравственному долгу. Воля нуждается в постоянной тренировке – «упражнении в доброделании» (235, 84).

Святитель Феофан Затворник пишет об особенностях воспитания воли в детях. По мысли святителя, ребенок, в соответствии со своей природой, хочет всего, и все, что желает, он стремится реализовать. Но он не умеет отличать доброго от злого, желаемое часто вредно для его тела и души. Если в этот период предоставить ребенка самому себе, он станет «неукротимо своевольным». Поэтому главное средство воспитания воли – поставить предел своеволию, с ранних лет воспитывать ребенка таким образом, чтобы он на все спрашивал разрешение родителей, воспитателей. (ФЗ, ?)

Отучая ребенка от своеволия, необходимо приучать его делать добро. Для этого необходимо показывать детям пример для подражания, помня, что дети копируют, прежде всего, отца и мать (377, 43).

Вместе с тем, и самих детей необходимо понуждать на добрые дела - сострадание, уступчивость, терпение, милосердие. Сначала нужно приказывать им, а затем подсказывать, подталкивать к тому, чтобы добрые дела они делали сами. По мысли святителя, детей нетрудно приучить к этому. (ФЗ, ?)

Воля ребенка, таким образом, воспитывается с настроем на добрые дела, тяготением к добру. «И доброделанию надо учить, как всему другому», - заключает святитель Феофан Затворник (373, 32).

Образование сердца.

Образование ума и воли бесплодно, если не усвоено сердцем и не укоренилось в нем. Сердце – корень всех дел, добрых и злых. Чем наполнено сердце, такие действия и производит человек. Средства для воспитания сердца направлены на то, чтобы подавить в нем расположение ко злу. (Симф., ?) **Поэтому христианские воспитатели преимущественное внимание обращают на вос-**

питание сердца. Под сердцем здесь подразумевается не естественное, но нравственное, то есть внутреннее человеческое состояние, расположение, склонность (121, 848).

Святые отцы пишут, что «жизнь ума и сердца в человеке не прекращается ни на мгновение, но они заражены грехом. И если не дать душе богоугодных упражнений, то она будет развивать в себе зло, ложь, которыми заражена». (143, 121)

Сердце человека никогда не бывает праздным. Сердце может быть заполнено чем-либо одним. Если его не заполнить добром, то оно заполняется злом. Само по себе, в обычном состоянии, сердце человека занято суетными и злыми мыслями (121, 853). Поэтому все воспитательные воздействия необходимо направлять на заполнение сердце добрым содержанием, «принуждать к любви» (121, 848). По словам святителя Тихона Задонского, необходимо постоянное внимание к сердечным состояниям человека (особенно человека растущего), забота о его очищении и наполнении добрыми стремлениями.

Сердце человека есть «вместилище чувств», поэтому христианская педагогика требует особого попечения о **воспитании чувств** (143, 46). Воспитывать чувства означает умение управлять ими. «Пробуждение», «насаждение», «поддержание» необходимо для чувств высших. Низшие чувства, как правило, пробуждаются сами собой и требуют не столько намеренного возбуждения, сколько облагораживания, «благоразумного удержания их в своих пределах» (64, 254-255).

В трудах схиархимандрита Иоанна содержится система православного воздействия на чувства человека.

Общие средства воспитания чувств.

Как уже отмечалось, после грехопадения сердце человека огрубело, стало жестким и злым (146, 173), что не могло не отразиться и на его чувствах. Поэтому воспитание сердца включает в себя два аспекта: воспитание чувств и непосредственное воздействие на сердце.

Вначале остановимся подробнее на воспитании чувств, на том, что необходимо делать педагогу в этом направлении.

1. **Насадить, пробудить или поддержать** высокие чувства, чувства **нравственные, добрые**: чувство благодарности, преданности, сострадания, сочувствия общественным нуждам и др.

Главные средства к пробуждению добрых чувств:

а) при каждом удобном случае необходимо обращать внимание воспитанника на все прекрасное, великое и святое, как в природе, так и в истории. При этом нужно заботиться не только о правильности, но особенно о ясности и живости представлений, поскольку чувства зависят больше от воображения, чем от ума;

б) окружать воспитанника такими предметами, которые соответствуют возбуждаемым высоким чувствам – так, чтобы все неблагородное и противное вкусу не оскорбляло его «чувство прекрасного».

2. Необходимо также **облагородить** чувства воспитанника.

а) «Христианство облагородило мир», – пишет схиархимандрит Иоанн (Маслов). По мысли святителя Филарета, «христианство отличается благородством чувств, рожденных и воспитанных Словом Божиим» (341, 4). Поэтому воспитатели и родители не только должны иметь в самих себе благородные чувства, но и при каждом удобном случае показывать свое нелицемерное стремление ко всему доброму и высокому, как в словах, так и в делах служить для воспитанников образцом благородного, истинно доброго поведения. Добрые суждения в сочетании с соответствующими им поступками оказывают на детей неизгладимое впечатление (64, ?).

б) Чувства добрые и благородные должны переходить в деятельность: «доброму дереву свойственно не только цвести, но также приносить добрые плоды, так и сердцу человеческому». Воспитатель должен не просто уважать чувства воспитанников, но должен побуждать их к добрым и благородным поступкам (341, 257 – 261).

3. Как отмечалось выше, святитель Феофан Затворник советует педагогам и родителям «искоренять [в ребенке] все дурное и насаждать все доброе». (ФЗ, ?) Также необходимо искоренять дурные чувства – зависти, гнева, жестокости, неправды и др. Об этом подробно говорилось в первой главе.

4. Воспитателям, педагогам необходимо тщательно **ограждать, хранить** чувства и **приучать** их **служить** только **добру** (64, ?).

Зло входит в сердце человека через чувства (121, 855). Поэтому необходимо тщательно охранять невинность детей, чистоту их души, еще не омраченной страстями. «Только невинное дитя имеет в своем сердце… способность к истинному благородству» (64, 257).

5. Святые отцы призывают «не давать чувствам свободу» (146, 311). **Обуздание, воздержание** чувств – надежное средство духовно-нравственного возрастания. Оно должно соразмеряться с телесными силами человека (146, 289).

Воздержание должно проявляться во всех душевных и телесных чувствах человека и выражаться, прежде всего, в обуздании языка, действие которого часто бывает губительно как для души, так и для тела: «язык – неудержимое зло, он исполнен смертоносного яда» (Иак. 3,8). Поэтому человеку подобает следить за своим языком и удерживать его от многоречия, злоречия и особенно от клеветы. Особенно важно с ранних лет приучать к этому ребенка. Благодаря этому он впоследствии сможет легко избежать многих грехов.

Воздержание чувств делает разум человека, подчас незаметно для него самого, светлым, способным ясно судить о предметах духовных. Такой человек отчетливо слышит голос своей совести, который постоянно ограждает и удерживает его от нарушений закона Божия, управляет его поведением. Сердце его становится вместилищем святых чувств (146, 291 – 292).

6. Необходимо **обучить чувства различению истинного и ложного**, объясняя воспитанникам, что чувства могут обмануть человека (146, 291).

7. Мятущиеся в человеке чувства, по учению святых отцов, происходят от действия врага - диавола (143, 93). Душевный покой отнимается грехом (121, 733). Спокойствие является плодом духовной мудрости (121, 733). Поэтому очень важно научить детей умению **успокоить** чувства.

Таким образом, **педагоги, родители должны научить ребенка управлять чувствами**, владеть ими. Это означает давать чувствам правильное направление, чтобы они соответствовали воле Божией (146, 237). Например, по совету святых отцов, хотя человеку и свойственно чувство гнева, но его следует направлять против греха, а не против другого человека (146, 235).

Воспитателям и родителям необходимо не только возбуждать в детях добрые чувства, но и направлять их так, чтобы они способствовали достижению истинного назначения человека или, по крайней мере, не препятствовали этому. Чувства человека всегда должны подчиняться высшим целям.

Воспитатель должен стараться не только предостерегать детей от всякого лицемерия и притворства в проявлении чувств, но и стараться образовать в них разум и спокойную **рассудительность**. Таким образом, постепенно необходимо

утверждать в них постоянный характер с тем, чтобы они не зависели от временных расположений и не увлекались бы первым приятным впечатлением, но управляли бы собою в соответствии со здравым рассуждением.

Что касается *низших чувств*, которые раскрываются в человека прежде других и посредством которых человек получает представление о приятных и неприятных впечатлениях, производимых на тело, то здесь необходимо знать, что эти чувства очень легко принимают недолжное направление. Необходимо, чтобы низшие чувствования не сделались для человека слишком сильными или даже господствующими. Основание этому должно быть положено в детстве. Кто в детские годы руководствовался только чувственным удовольствием или неудовольствием, тот и во взрослом состоянии будет не в состоянии владеть собою. Поэтому воспитатели и родители должны стараться как можно ранее и без отлагательства приводить низшие чувствования воспитанника в такое состояние, чтобы они не только не препятствовали главному назначению человека, но и содействовали его достижению (64, 261– 263).

Мало людей, которые всегда могли бы управлять порывами своих чувств и давать им надлежащее направление. Результатом воспитания чувств должно стать умение воспитанника с ранних лет владеть ими и подчинять их требованиям долга и приличия. Это так же трудно, как и важно! Для этого необходимо:

- всегда поддерживать в воспитаннике спокойную твердость духа и рассудительность. При этом наблюдать, чтобы какие-нибудь чувства, даже благородные, не усиливались до чрезмерности;

- если воспитанник увлечется порывами чувств к безрассудным поступкам, то как только он придет в нормальное состояние, необходимо обратить его внимание на их неприличие и неприемлемость (64, 126).

Святые отцы в своих трудах подробно раскрывают все способы воздействия на чувства, указывают на необходимость владения ими. Более подробно остановимся на одном ярком примере, который приводит в своих сочинениях св. Макарий Великий.

«Тело имеет своим путеводителем глаз, и он видит, и все тело ведет надлежащим путем. Представь же, что идет кто-нибудь местами лесистыми, заросшими тернием и тенистыми, где и огонь заграждает путь и мечи вонзены; есть там и стремнины, и множество вод. Если путник оборотлив, осторожен и неустрашим, то, имея путеводителем глаз, с великою внимательностью прохо-

дит трудные эти места, и руками и ногами всячески сдерживает хитон свой, чтобы не изорвать между деревьями и в терниях, не замарать грязью, не разрезать мечами; и глаз, служа светом для целого тела, указывает ему путь, чтобы не сокрушилось оно на стремнинах, или не потонуло в водах, или не потерпело вреда в каком-нибудь затруднительном месте. Так оборотливый и смышленый путник, со всей осторожностью подобрав хитон свой, идя прямо по указанию глаза, и себя сохраняет невредимым, и надетый хитон сберегает несожженным и неразодранным.

Если же подобными местами проходит человек нерадивый, ленивый, беспечный, неповоротливый, недеятельный; то хитон его, развеваясь туда и сюда, потому что у путника недостает твердости - всячески подбирать свою одежду, рвется о сучки и терния, или загорается от огня, или изрезывается вонзенными мечами, или грязнится в тине; одним словом, прекрасный и новый хитон его в скором времени портится от его невнимательности, недеятельности и лености. А если путник не будет обращать полного и должного внимания на указание глаза; то и сам упадет в ров, или потонет в водах.

Подобным образом и душа, - нося на себе, как бы прекрасный хитон, одежду тела, и имея у себя рассудок, который дает направление всей душе с телом, когда проходит она по лесистым и тернистым стезям жизни, среди тины, огня, стремнин, то есть вожделений и удовольствий и прочих несообразностей века сего, - должна с трезвением, мужеством, рачительностью и внимательностью везде сдерживать и оберегать себя. А чтобы телесный хитон в лесистых и тернистых местах мира сего не раздрался где-либо от забот, недосугов и земных развлечений, и не сгорел от огня вожделения; то облеченная в оный **душа, отвращает око, чтобы не видеть лукавства, а также отвращает слух, чтобы не слышать пересудов, удерживает язык от суетных разговоров, руки и ноги от худых занятий; потому что душе дана воля отвращать телесные члены и не допускать их до худых зрелищ, до слышания чего-либо лукавого и срамного, до непристойных слов, до занятий мирских и лукавых.**

Душа и сама отвращается от лукавых кружений, оберегая сердце, чтобы помыслы его не кружились в мире сем. А таким образом подвизаясь, употребляя все рачение и с великим вниманием при всяком случае удерживая телесные члены от худого, прекрасный хитон тела соблюдает нераздранным, неопаленным, неочерненным. Да и сама она любознательностью, смышленостью и рас-

судительностью своей воли, всего же более силою Господнею будет охраняема, поколику, по мере сил своих, сдерживает себя и отвращается от всякого мирского пожелания, а за сие и от Господа получает помощь к действительному своему охранению от исчисленных выше зол. Ибо Господь, - как скоро видит, что мужественно отвращается кто-нибудь от житейских удовольствий, от вещественных развлечений и забот, от земных уз и от кружения суетных помыслов, - подает таковому благодатную Свою помощь, и непреткновенною соблюдает эту душу, которая прекрасно совершает течение свое в настоящем лукавом веке. И таким образом, душа от Бога и от Ангелов удостаивается небесных похвал за то, что прекрасно охранила и себя и хитон тела своего, сколько возможно ей было, отвращаясь от всякого мирского вожделения, и спомоществуемая Богом, прекрасно совершила течение свое на поприще мира сего.

Если же кто по недеятельности и беспечности невнимательно ходит в жизни сей, и по собственной воле своей не отвращается от всякого мирского вожделения, и не взыскует со всем желанием единого Господа; то хитон тела его рвется от терний и дерев мира сего, опаляется огнем вожделения, оскверняется грязью удовольствий; и потому, душа в день суда оказывается немеющей дерзновения, потому что не возмогла одеяние свое соблюсти неосквернённым, но растлила оное среди обольщений века сего. За сие-то извергается она из царства» (Макарий Великий, Беседы, беседа 6?).

Средства воздействия на сердце.

Чтобы не просто обучать воспитанников, но и трогать их души, действовать на их сердце, воспитателю самому необходимо иметь глубокие, искренние, благородные чувства: «если хочешь, чтобы я плакал, плачь прежде сам». Это – важнейший способ воздействия на сердце (64, 516).

Учитель должен стараться через постоянное изучение истин, которые он преподает, глубже постигать их и уметь согревать ими свое сердце, чтобы его поведение согласовывалось с правилами истины и долга. Он должен уметь «оживлять свою решимость» быть полезным своим ученикам, чтобы не нужно было притворяться и подделываться. Тогда, при полноте сердца, слова будут сами литься из его уст, и ни одно слово не останется без пользы (64, 517).

Чтобы действовать на сердце ученика, учитель должен говорить просто и ясно.

Ему необходимо не только возбуждать в сердцах воспитанников добрые намерения, но и учить их точно согласовывать эти намерения с том, временем, местом и другими обстоятельствами, чтобы они сделались плодотворными (64, 515 – 519).

Таким образом, чтобы искоренить дурные чувства из сердца и вместо них насадить добрые, необходимо научить растущего человека сосредоточить все свои силы на борьбе со злом и непрестанно прибегать к Божественной благодатной помощи. Поскольку смысл жизни заключается в самосовершенствовании, направлении всех сил к Богоуподоблению, то, следовательно, педагог должен научить ученика постоянному вниманию к своему внутреннему миру, ко всем движениям чувств и сердца (146, 335).

Хранение совести.

С воспитанием сердца тесно связано воспитание совести. Совесть, по учению святых отцов, это нравственный двигатель человека, «естественный закон». Нет человека, который не имел бы совести. По свидетельству аввы Дорофея, она является «помыслом», который «просвещает ум и показывает ему, что доброе и что злое» (2, п.3). Необходимо хранить («блюсти») совесть, потому что она всегда напоминает человеку полезное (2, п.3).

В учении о спасении говорится, что грех затмил в человеке совесть. Если в естественном состоянии она была непогрешимой, то после грехопадения, в состоянии неестественном, человеческая совесть стала похожа на закопченное зеркало, не отражающее истины. Она стала усыпленной (?).

Хранение совести, по свидетельству аввы Дорофея, многоразлично: человек должен сохранять ее в отношении к Богу, к ближнему и к вещам. (Авва Дорофей. Душеполезные поучения. ?)

В отношении к Богу хранит совесть тот, кто не пренебрегает Его заповедями, даже в том, чего не видят люди. (Авва Д., ?)

Хранение совести в отношении к ближнему означает не делать ничего такого, что оскорбляет или соблазняет ближнего делом, словом, видом или даже взором. Человек не должен делать ничего, о чем он знает, что делает это с намерением оскорбить ближнего, повредить ему или опечалить его. (Авва Д., ?)

Хранение совести в отношении к вещам состоит в том, чтобы не обращаться небрежно с какою-либо вещью, не допускать ей портиться и не бросать ее как попало. Если случится увидеть что-либо брошенное, то не должно пренеб-

регать этим, но поднять и положить на свое место. Это же относится к одежде и пище. (Авва Д., ?)

Таким образом, по учению отцов Церкви, человек никогда не должен допускать, чтобы совесть обличала его в какой-либо вещи (2, п.3).

Совесть особенно чувствительна в ребенке. Учителю иногда достаточно сказать: «Как тебе не совестно это делать!», чтобы заставить ребенка покраснеть или даже заплакать. Чувство стыда, укоры совести – самый естественный вид наказания ученика, уклоняющегося от требований воспитателя.

Воспитание памяти.

По образному выражению схиархимандрита Иоанна, «память засоряется от грехов» (?). Плохая память сделалась следствием грехопадения человека, когда постепенно смерть и тление все более овладевали людьми, память о Боге у них почти совершенно изгладилась. В настоящем своем состоянии память лучше удерживает дурные и лукавые мысли, чем воспоминания о добром и нравственном. Поэтому воспитание памяти должно заключаться в том, чтобы научить воспитанника не предаваться воспоминаниям о злом, неполезном, а, наоборот, удерживать в памяти все доброе, спасительное (?).

Известно, что у детей при хорошей памяти часто бывает малое проявление религиозных чувств. Этого не следует опасаться: услышанные от родителей и воспитателей истины ребенок с детских лет будет хранить в сокровищнице своего ума и в памяти. В более зрелом возрасте все это перейдет в область сердца и зажжет чувства (64, ?).

Обучение вниманию.

Святые отцы учат, что познание невозможно без внимания, знание не может быть приобретено при рассеянности (АО 1). Св. Игнатий Брянчанинов, поясняя это положение, приводит следующий пример: «Если пред взорами нашими находятся два предмета, один из них мы рассматриваем со всевозможным вниманием и непрестанно, а на другой не обращаем никакого внимания, то о первом получаем ясное, подробное, определенное понятие, а по отношению ко второму остаемся при понятии самом поверхностном» (ОА 1).

Особенно важно быть внимательным в деле духовно-нравственного воспитания. Внимание к себе порождает любовь к ближним, не допускает осуждения (АО 1). «Невозможно без усиленного внимания к себе преуспеть в добродела-

нии», - учат святые отцы (АО 1). Напротив, рассеянность, как пишет святитель Игнатий Брянчанинов, «столь вредная вообще, в особенности вредна в деле спасения», требующем «постоянного, направленного» внимания (АО 1).

Как научить и научиться вниманию? Православная педагогика дает следующие советы.

1. Контролировать все свои слова и дела (Симф,, 169). Для этого, по словам святителя Тихона Задонского, человек должен уклоняться от всего греховного, ему необходимо как можно чаще «рассматривать» свои дела и поступки, «строго испытывать» (контролировать) их и направлять к спасительной цели своей жизни (ТЗ, гл. 5).

2. «Деятельность – необходимый путь к бдительности над собой» (АО 1, с. ?).

3. Необходимо оставить все пустые занятия (Там же, с. ?).

4. Не позволять себе уклонение в рассеянность. Святитель Игнатий Брянчанинов учит: «При служебных занятиях, посреди людей, не позволяй себе убивать время в пустословии и глупых шутках; при кабинетных занятиях воспрети себе мечтательность: скоро изострится твоя совесть, начнет указывать тебе на всякое уклонение в рассеянность как на нарушении евангельского Закона, даже как на нарушении благоразумия» (АО 1, с. ?).

5. Необходимо полностью отказаться от мечтательности. «Внимающий себе должен отказаться от всякой мечтательности вообще, как бы она ни казалась приманчивою и благовидною: всякая мечтательность есть скитание ума, вне истины, в стране призраков несуществующих и немогущих осуществиться, льстящих уму и его обманывающих. Последствия мечтательности: утрата внимания к себе, рассеянность ума и жестокость сердца… отсюда – душевное расстройство» (ОА 1, с. ?).

6. По словам святых отцов, «подчиненность есть лучшее средство приучиться ко вниманию: никто столько не научит человека внимать себе, как строгий, благоразумный начальник» (АО 1, с. ?).

Таким образом, очевидно, что без контроля - как внутреннего, так и внешнего - трудно человеку спастись (ТЗ, с. 325). Контроль учителя над учеником является средством формирования внимания, средством духовно-нравственного возрастания (Глинский патерик, с. 375-377).

Субъекты воспитания.

Несомненно, что достичь цели православного воспитания, решить его задачи, выполнить его требования возможно, если в воспитательный процесс будут включены все субъекты воспитания. В России традиционно субъектами воспитания являлись семья, государство и Церковь.

Семья.

Православная педагогика отводит семье особое место.

По учению святых отцов, дети должны повиноваться своим родителям. Побуждением к этому должны быть не страх наказания и не своекорыстные расчеты, но сердечная любовь и страх Божий (?, 1908, ?). В Евангелии читаем: *Дети! Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас неполезно* (Евр. 13, 17). *Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле* (Еф. 6, 2). *Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу* (Кол. 3, 20). *Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям, ибо сие угодно Богу* (1 Тим. 5, 4).

В первые века у христиан не было школ, через которые могло бы распространяться христианское вероучение. Поэтому главным «орудием» его распространения, помимо живого слова проповедников, служила семья. Христианская семья, по свидетельству одного из педагогов 19 века, долгое время оставалась «единственной школой» христианского воспитания. Домашняя жизнь приобрела «печать церковности»: совместное духовное пение и совместное чтение Священного Писания стали постоянным упражнением членов семьи (?, 1908, ?). Подобающее место заняла в семье женщина. «Было время, - пишет св.Иоанн Златоуст, - когда жены стояли наравне с мужчинами, теперь же наоборот… Женщины превосходят нас в благородстве, христианском усердии и благочестии, в любви ко Христу» (Цитирование по: см. 1908 г.?). Говоря о взаимных отношениях мужа и жены, Тертуллиан восклицает: «Какой тесный и сердечный союз между двумя верующими, у которых одна надежда, одно стремление, одинаковый образ жизни, одно служение Господу. Как брат и сестра, они живут в полном мире и согласии, они вместе молятся и постятся, взаимно друг друга наставляют и увещевают, друг друга во всем поддерживают; они вместе в храме, вместе у Причастия; они делят друг с другом радости и горести, никто из

них ничего не скрывает от другого» (Цитирование по: 1908, с.?). Христианская женщина первых веков была украшена всеми возможными добродетелями, так что даже языческий оратор Ливаний невольно воскликнул: «Что за жены у христиан!» (?, 1908, ?).

Христианские дети сделались предметом сердечного попечения Церкви, семьи и общества. Согласно историческим свидетельствам, при воспитании детей у христанских родителей строгость всегда соединялась с любовью (? 1908, ?). Обсуждая поступки детей, родители всегда указывали на загробную жизнь, «откуда христиане должны ожидать наград и наказаний». Физические наказания употреблялись в крайнем случае. Постоянным украшением первых христианских семей была простота. Всегда самые простые были пища и одежда (там же, с. 41?).

Особенное внимание родители обращали на то, чтобы дети не столько заботились о своей наружности, сколько о своих внутренних качествах. Дочери учились у матерей шить, ткать, прясть, а сыновья – ремеслу своего отца (там же, с. ?).

Продажа детей или бессердечное уничтожение уродливых и слабых стало тяжким преступлением. Находили себе приют для воспитания сироты и подкидыши: епископы и церковные причты поручали их семьям. Если же дети лишались родителей вследствие их мученической смерти, то такими детьми занимались христианские общины, беря на себя всю заботу о них. Впоследствии стали возникать особые благотворительные сиротские заведения (в частности, в 4 веке был создан сиротский дом в Константинополе, в 13 – в Милане) (там же, с. ?).

Первое место по силе воспитательного влияния в христианской семье всегда принадлежало матери. Как пишет один из авторитетных педагогов 19 века, «материнская любовь во всей своей силе обнаружилась только в христианстве. Материнское чувство нашло здесь для себя такое высокое и глубокое выражение, какого оно никогда не имело раньше… Богоматерь как идеал женщины стала предметом подражания для матери-христианки» (? 1908, ?).

История первохристианской церкви украсилась примером целого ряда матерей, воспитавших достойных детей. Так, благочестивая Нонна, просветив светом христианского учения язычника-мужа, воспитала в духе веры Христовой своего сына, впоследствии великого учителя Церкви святителя Григория

Богослова. Анфуса, будучи вдовою, всю свою жизнь посвятила танию будущего «отца Церкви» сына Иоанна, прозванного впоследствии Златоустом за его необыкновенные дарования. Моника, мать блаженного Августина, при воспитании сына преодолела все препятствия со стороны своего мужа и положила такое глубокое основание его христианскому образованию, которое не могло быть уничтожено среди самых старшных бурь жизни последнего. То же можно сказать о многих и многих христианских матерях.

Чтобы привить своим детям добрые навыки, родители постоянно брали их с собой на богослужения, посещали вместе с ними больных и заключенных в темницах.

Таким образом, христианство всегда отводило семье особое место. Именно в семье ребенок проводит первые годы своей жизни. В этом процессе, как уже отмечалос, чрезвычайно велик пример матери, так как он является первым для ребенка. Нравственная сила женщин в процессе воспитания вообще очень велика, поэтому исторически в Православии особое внимание обращалось на воспитание девиц, будущих матерей, и их подготовку к жизни (подробнее об этом см.: Иеромонах Порфирий (Левашов) «О воспитании девиц в духе истинно христианском». М.: Самшит, 2005).

Семья представляет собой самую естественную основу для воспитания детей. Православная педагогика акцентирует внимание на том, как относились к семейной жизни Иисус Христос и апостолы, говорит об установлении надлежащих отношений между членами семьи.

По учению православной церкви, таинство брака – это благословленный Богом союз мужа и жены. Цель брака как таинства заключается в том, чтобы освятить этот союз, сделать его духовным, священным, укрепить в сердцах мужа и жены единомыслие на пути к спасению (146, 216).

Главный совет по сохранению семьи, который дают в своих творениях святые отцы – снисходить к недостаткам («немощам») друг друга, «терпеть любовью», соблюдать согласие и мир (121, 97). Прочность брачных союзов, по учению Глинского старца, иеромонаха Порфирия, зависит от чистоты сердца и доброты нравов (259, 34).

В России семья традиционно является одним из важнейших институтов воспитания. Церковь совершила многовековой труд по облагораживанию самого понимания семьи, семейного воспитания, по созданию из языческой семьи –

семьи православной. Именно в Православии сформировался ее новый образ и новое понимание. Церковь воспитала в народе восприятие **семьи как малой церкви** – с соответствующим православным укладом жизни, с христианскими нормами воспитания детей.

В древнерусский период истории России государство нормативно закрепляло необходимость православного поведения в семье, соответствующего отношения к семейной жизни. Принципы формирования русской православной семьи, православного воспитания детей зафиксированы еще в 16 веке в «Домострое» – своде житейских правил и наставлений, отразившем принципы патриархального быта. Много внимание этому вопросу уделено в трудах святителя Тихона Задонского (см.: «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского» схиархимандрита Иоанна (Маслова), других святых отцов: Феофана Затворника, Иоанна Кронштадтского, Игнатия Брянчанинова, оптинских и глинских старцев и др.

В семье дети должны воспитываться в вере и благочестии, поскольку, по словам святителя Филарета Московского, «Слово Божие признает детей не столько достоянием родителей, сколько собственностью Божией» (376, 7).

В заключении приведем слова святителя, свидетельствующие о важности семейной жизни не только для каждого человека, но и для жизни государства и общества.

Семейство древнее государства, пишет он. Отец, сын, мать, дочь и свойственные им «должности и добродетели» существовали прежде государства. Государство образовалось из семейств. Поэтому жизнь семейная в отношении к жизни государственной есть некоторым образом «корень дерева».

Чтобы дерево зеленело, цвело и приносило плод, необходимо, чтобы корень был крепок и приносил дереву чистый сок. Чтобы жизнь государственная «сильно и правильно» развивалась, процветала образованностью, приносила плод общественного благоденствия, необходимо, чтобы семейная жизнь была крепка «благословенной супружеской любовью, священной родительской властью, детской почтительностью и послушанием». Чтобы вследствие этого из «чистых стихий» семейной жизни естественно возникали «столь же чистые начала жизни государственной». Чтобы с почтением к родителям родилось и росло благоговение к властям, чтобы любовь ребенка к матери была подготовкой любви к отечеству, чтобы «простодушное домашнее послушание подготовляло

и руководствовало к самоотвержению и самозабвению в повиновении законам и власти» (376, 38).

Хотя государственная власть может исправлять частные недостатки и пороки семейной жизни, но тем лучше для государства, чем меньше нужны эти исправления, чем более «здравых членов» семейство представляет в распоряжение государства, чем вернее приготовлена и сбережена «домашняя честность» и доброта для подвигов на поприще общественной жизни» (376, 39).

Поэтому если отцы семейств свой дом «добре [хорошо] правят», если в своем комнатном «владычестве» они «правильно и рассудительно» распоряжаются употребляемой властью, опытным словом, добрым примером, если содержат своих домашних в порядке и послушании, «вселяют в них страх Божий, любовь к ближним, верность к отечеству», если «бдительным смотрением» охраняют их нравы, то, кроме того, что они через это исполняют долг, возлагаемый природой и Богом (а следовательно, готовят сами себе плод семейных утешений), кроме всего этого, таким «действованием они совершают служение и в пользу государства, благие последствия которого могут простираться даже до потомства (376, 39).

Семейные начала, согласные с духом учения о спасении, неизмеримо высоки, чисты и совершенны. Необходимо только понять, уяснить, «верно уразуметь» их полное значение и благотворность (ФМ, 39).

Государство.

Церковь и государство на протяжении веков ревностно заботились о духовном совершенствовании народа и ступень за ступенью вели его к надлежащему исполнению православных установлений (ТЗ, 474).

История педагогики свидетельствует о том, что государство в христианских странах принимало деятельное участие в воспитании. Прежде всего, принимались соответствующие законы и постановления, направленные на нравственное совершенствование народа. Они, с одной стороны, ограждали детей от деспотизма родителей, с другой – определяли зависимость одних от других. В этих законах и постановлениях проявлялась забота о целомудрии юношей и девушек: по воле правителей в воскресные и праздничные дни закрывались публичные зрелища. Государство заботилось также о чистоте веры, препятствуя распространению заблуждений, ересей, сект. Для христианского воспитания детей государство открывало школы и училища, выделяя для этого государст-

венные средства. Таким образом, законы, постановления и действия сударства обеспечивали соответствующее традиции воспитание граждан, способствуя, тем самым, и правильному воспитанию детей.

Государство в России всегда выполняло функцию субъекта воспитания. Оно определяло политику в области воспитания и образования, формировало воспитательные институты, начиная с девятнадцатого века нормативно закрепляло содержание и организацию образования и воспитания во всех учебных заведениях. Практически все крупные государственные деятели России (как и ее духовные вожди) уделяли значительное внимание этому вопросу.

Православие стало основой русского воспитания и образования, сделало Россию одной из самых образованных стран в мире. Обучение религии на протяжении многих веков входило в обязательный состав учебного курса образовательных учреждений. Традиционное православное направление в образовании и воспитании никогда не переставало развиваться в России, передаваясь через менталитет русского учителя, через содержание образования, в частности, через произведения русской классической литературы, православные по своему духу.

Церковь.

На протяжении веков ревностно заботилась о воспитании детей и взрослого населения Церковь. Церковь наблюдает за точным исполнением родителями и детьми взаимных обязанностей «в духе учения Христова».

Согласно православному учению, спасение совершается только в Церкви Христовой (146, 203). Церковь – духовная лечебница, в которой имеются все средства для исцеления недостатков человека (146, 204).

В первые века христианства Церковь открывала христианские училища и школы, которые состояли под надзором епископов. Затем постепенно эта ее функция перешла в ведение государства.

Православная Церковь на протяжении русской истории определяла все стороны жизни русского народа, из века в век формировала русских людей духовно и нравственно, учила их различению добра и зла. Важнейшую и существеннейшую часть воспитания составляет богослужение Православной Церкви. Об этом свидетельствуют не только выдающиеся церковные деятели, но и такие известные русские писатели и ученые, как Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский и др.

Отцы Церкви говорят о *необходимости взаимодействия Церкви и государства* как об условии успешности процесса воспитания (ТЗ, 474).

«Отчего нравы всех развратились и почти не стало ни семьи, ни школы, ни чинов, искренне преданных Церкви и отечеству? – вопрошает Иоанн Кронштадтский. – Оттого что у всех них оскудела вера в Бога… Потеря веры в Бога, в Евангелие, в Церковь, отвержение ее руководства – причина всяких безобразий в России. Возвратимся туда, откуда удалились,– к Богу, к Церкви, к Евангелию, к его святым заветам, и Бог обратится к нам, и поможет нам во всем, и защитит нас от врагов наших, и направит ноги наши, жизнь нашу, на путь мирен» (155, 42).

Родители.

Родителям отводится особая роль в воспитании детей.

Первая забота родителей, пишет святитель Тихон Задонский – научить жить по-христиански: «Юное сердце, как ко злу склонное, на всякое зло стремится, когда страхом Божиим и уздою наказания не воздерживается… Бог не взыщет от тебя, учил ли ты детей своих светской политике и иностранным языкам; но взыщет, учил ли ты по-христиански жить, наставлял ли их благочестию» (121, 187). Таким образом, святитель обращает внимание родителей на главный принцип воспитания - на то, что нужно, прежде всего, научить детей вере, а затем позаботиться о научении их другим наукам.

Святитель пишет также о необходимости «внутреннего воспитания» детей, свидетельствует о том, что родители должны быть образцом для детей, что за плохое воспитание они не только будут наказаны неблагодарностью детей, они дадут за это ответ перед Богом (Симф., Родители).

«Нет заслуги в том, чтобы родить или родиться, – пишет святитель Иоанн Кронштадтский. – А заслуга пред Богом – воспитать ребенка и соделать его… добрым членом семьи, преданным членом государства и добрым, верующим христианином» (155, 29).

Говоря о роли родителей в воспитании детей, святитель Иоанн Златоуст свидетельствует: «Если бы добрые отцы старались дать своим детям доброе воспитание, то не нужны были бы ни законы, ни суды, ни судилища, ни наказания. Палачи есть потому, что нет нравственности» (151, 132).

Педагог.

Изначально образованием и воспитанием детей занимались исключительно лица, посвятившие себя служению Богу и Церкви. Их роль была столь велика, что зачастую они для своих учеников занимали место родителей, а доверие к ним было столь безграничным, что родители полностью доверяли им воспитание своих детей.

Затем, когда учительство стало профессией, учителями могли стать только зрелые люди строгой жизни, люди великодушные, благочестивые, трудолюбивые, смиренные, желающие спасения детским душам.

Согласно учению святых отцов, педагог как субъект воспитания должен:

– иметь истинные понятия о человеке, знать его природу (64, 9);

– иметь сострадательную любовь, самоотверженность (143, 375, 378);

– быть наблюдательным (64, 46);

– смотреть на себя как на орудие Божественного Духа: «…воспитатель всегда должен помнить свою великую, столь важную для ребенка, обязанность: он должен быть орудием, чрез которое Отец небесный привлекает детей с самых ранних лет к высокому их назначению» (64, 10);

– быть благочестивым («Без истинного благочестия нет ни истинной любви к себе и близким, ни постоянной верности к властям и отечеству, ни истинного стремления к общей пользе») (64, 10);

– воспитатель, руководствуясь словами св.Григория Богослова, никогда не должен терять надежды воспитать ученика с самыми порочными наклонностями (ЛПБ, ?);

, когда у воспитанника по-видимому не достает некоторых способностей, нужных для достижения предполагаемых целей воспитания. Искусство, постоянное терпение в труде и особенно святая любовь могут много сделать» (64, 12);

– иметь «постоянную бдительность над собой» (64, 12).

Воспитателю необходимо, помимо сказанного, знать закономерности взросления ребенка, особенности образовательного процесса, возрастные особенности детей: «Как тело, так и дух человека в своем раскрытии следуют законам своей природы. Если воспитатель хочет соответствовать своему высокому званию, то он должен соображаться с естественным ходом образования и помогать ему посредством возбуждения и направления детских способностей.

Только там надобно противодействовать природе, где она оказывается поврежденною. Для этой цели **воспитателю необходимо знать природу человека** вообще и особенно ее постепенное раскрытие» (64, 43).

Священник.

Выявление роли священника как субъекта воспитания дает очень многое для понимания особенностей православной педагогики, русской педагогики в целом. Именно духовность русских священников является важным источником, ведущим русский народ к нравственному совершенствованию, о чем подробно шла речь во второй главе. Там же говорилось о педагогических аспектах его служения. К сказанному здесь необходимо добавить следующее.

Согласно учению святых отцов, пастырь «обязан быть воспитателем, исправлять поведение человека» (143, 363-364).

«Пастырское делание, – пишет схиархимандрит Иоанн (Маслов), – обнимает исполнением трех главных обязанностей: проповеди слова Божия и проповедания христианского учения; священнослужения и нравственного руководства или **воспитания прихожан** - пастырской попечительности о душах людей, вверенных его заботам» (143, 363).

На Руси священники традиционно являлись «святыми вождями нравственности» (143, 271).

Священнику должны быть хорошо известны начала истинно христианского воспитания. Его высокое звание требует, чтобы он:

– как в общественных своих поучениях, так и в частном собеседовании, поучал родителей их обязанностям, обращал их внимание на ошибки и всегда умел подать им добрые советы;

– чтобы он, как учитель благочестия и как воспитатель детей, действовал на них сильно и благотворно (64, 33).

В чем главная особенность пастырского воспитания? «Истинный пастырь благодатию Божией меняет сердца», - пишет, в соответствии со святоотеческим учением, схиархимандрит Иоанн (Маслов) (ЛПБ, ?).

«Главная черта пастырского духа, – продолжает он, - сострадание немощам людей, скорбь об их недостатках, согрешениях и пламенное желание приблизить их к Богу. Искренность и сострадание к ближним настолько сближает священника с паствой, что он прекрасно понимает ее духовные запросы. **Истинный пастырь носит в душе своей все то, чем нравственно живут его па-**

сомые, сливает их духовные нужды со своими, скорбит и радуется с ними, как отец с детьми. Истинный пастырь стремится, чтобы люди «имели жизнь и имели с избытком» (143, 376).

3.2. СОДЕРЖАНИЕ, ПОЛОЖЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ.

Основы христианской педагогики изложены в Священном Писании и во всей полноте раскрываются в творениях святых отцов.

3.2.1. Содержание православного воспитания.

«Идите, – говорит Господь Своим преемникам, – научите все народы». Это означает, поясняет отец Иоанн (Маслов), «дайте духовным интересам человека преобладающее значение, раскрывая перед людьми, кто они, зачем призваны в мир и каков смысл человеческого бытия» (143, 364). Вместе с необходимостью знания христианского учения человеку для развития всех своих способностей необходимо знание основ наук.

Таким образом, православное воспитание состоит из двух неразрывно связанных между собой частей: собственно из воспитания и обучения наукам. «Истина есть жизненная пища духа человеческого», - свидетельствует святитель Филарет Московский (ФМ, ?). «Истина доступна всякому» (373, 32), - подтверждает святитель Феофан Затворник.

Он пишет, что обучение должно быть построено так, чтобы было видно главное и подчиненное. Научность необходима и нужна для настоящей жизни, отмечает он. Но она не должна поглощать все внимание и быть единственной заботой учителя. **И у науки, и у веры одна область истины**. «Истина связывает ум тем, что насыщает его» (373, 32) При объективном преподавании учебного предмета истины науки раскрывают истины веры (373, 38-40).

Отдельная проблема – в каких формах, когда и как это нужно делать.

Говоря о соотношении знания и веры святитель Игнатий Брянчанинов пишет: «…я спрашивал у наук: Что вы даете в собственность человеку? Человек вечен, и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, это богатство верное, которое я мог бы взять с собою за пределы гроба! Доселе я вижу только знания, даемые, так сказать, на подержание, окан-

чивающиеся землею, немогущие существовать по разлучении души с телом.

К чему служит изучение *математики*? Предмет ее — вещество. Она открывает известный вид законов вещества, научает исчислять и измерять его, применять исчисления и измерения к потребностям земной жизни. Указывает она на существование величины бесконечной, как на идею, за пределами вещества. Точное познание и определение этой идеи логически невозможно для всякого разумного, но ограниченного существа. Указывает математика на числа и меры, из которых одни но значительной величине своей, другие по крайней малости, не могут подчиниться исследованию человека, указывает она на существование познаний, к которым человек имеет врожденное стремление, но к которым возвести его нет средств у науки. Математика только делает намек на существование предметов, вне объема наших чувств.

Физика и химия открывают другой вид законов вещества. До науки человек даже не знал о существовании этих законов. Открытые законы обнаружили существование других бесчисленных законов, еще закрытых. Одни из них не объяснены, не смотря на усилие человека к объяснению, другие и не могут быть объяснены по причине ограниченности сил и способностей человека.

Кажется, говорил нам красноречивый и умный профессор Соловьев, произнося введение в *химию*, мы для того и изучаем эту науку, чтоб узнать, что мы ничего не знаем, и не можем ничего знать: такое необъятное поприще познаний открывает она пред взорами ума! так приобретенные нами познания на этом поприще ничтожны! Она с осязательною ясностью доказывает и убеждает, что вещество, хотя оно, как вещество, должно иметь свои границы, не может быть постигнуто и определено человеком, и по обширности своей, и по многим другим причинам. Химия следит за постепенным утончением вещества, доводит его до тонкости, едва доступной для чувств человеческих, в этом тонком состояния вещества еще усматривает сложность и способность к разложению на составные части, более тонкие, хотя самое разложение уже невозможно. Человек не видит конца утончению вещества, так как и увеличению чисел и меры. Он постигает, что бесконечное должно быть и невещественным; напротив того все конечное должно по необходимости быть и вещественным. Но эта — идея неопределенная; определено ее существование. Затем *физика* и *химия* вращаются в одном веществе, расширяют познания о употреблении его для времен-

ных, земных нужд человека и человеческого общества.

Менее положительна, нежели упомянутая науки, *философия*… Естественные науки непрестанно опираются на вещественный опыт, им доказывают верность принятых ими теорий, которые без этого доказательства не имеют места в науке. Философия лишена решительного средства к постоянному убеждению опытом. Множество различных систем, несогласных между собою, противоречащих одна другой, уже уличают человеческое любомудрие в неимении положительного знания Истины. Какой дан в философии простор произволу, мечтательности, вымыслам, велеречивому бреду, нетерпимым наукою точною, определенною! При всем том философия обыкновенно очень удовлетворена собою. С обманчивым светом ее входит в душу преизобильное самомнение, высокоумие, превозношение, тщеславие, презрение к ближним. Слепотсутствующий мир осыпает ее, как свою, похвалами и почестями. Довольствующийся познаниями, доставляемыми философией, не только не получает правильных понятий о Бог, о самом себе, о мире духовном; но, напротив того, заражается понятиями превратными, растлевающими ум, делающими его неспособным, как зараженного и поврежденного ложью, к общению с Истиною. Не разуме мир премудростию Бога, говорит Апостол. Мудрование плотское смерть есть, мудрование плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покоряется ниже бо может, потому что это не свойственно ему. «Братия, блюдитеся, да никтоже вас будет прельщая философиею и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе, в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна». Философия, будучи исчадием падения человеческого, льстит этому падению, маскирует его, хранит и питает. Она страшится учения Истины, как смертоносного приговора для себя. Состояние, в которое приводится философией дух наш, есть состояние самообольщения, душепогибели, что вполне явствует из вышеприведенных слов Апостола, который повелевает всем, желающим стяжать истинное познание от Бога, отвергнуть знание, доставляемое любомудрием падшего человечества. Никтоже себе да прельщает! говорит он: аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет. Истинная философия (любомудрие) совмещается во едином учении Христовом. Христос — Божия Премудрость. Кто ищет премудрости вне Христа, тот отрицается от Христа, отвергает премудрость, обретает и усвоивает себе лжеименный разум, достояние духов отверженных.

О *географии*, *геодезии*, о *языкознании*, о *литературе*, о *прочих науках*, о всех *художествах* и упоминать не стоит: все они для земли; потребность в них для человека оканчивается с окончанием земной жизни, — большею частью гораздо ранее. Если все время земной жизни употреблю для снискания знаний, оканчивающихся с жизнью земною: что возьму с собою за пределы грубого вещества?... «Науки! Дайте мне, если можете дать, что либо вечное, положительное, дайте ничем неотъемлемое и верное, достойное назваться собственностью человека!» — Науки молчали.

За удовлетворительным ответом, за ответом существенно нужным, жизненным, обращаюсь к вере» (АО 2, с ?).

Таким образом, содержанием православного воспитания является вера, православное вероучение.

3.2.2. Положения православной педагогики.

1. «Человек рождается не только для того, чтобы умереть, но и умирает для того, чтобы жить вечно. Поэтому временную земную жизнь человек должен рассматривать как своеобразную подготовку к переходу в вечность, - в соответствии со святоотеческим учением пишет схиархимандрит Иоанн (Маслов)» (146, 393).

Нежелание человека умереть при всех невзгодах земной жизни есть вложенная в него Богом потребность жить без конца, жить вечно. Стремление к бесконечной жизни, таким образом, предопределено изначально Самим Богом. «Он, как искру, возжег в человеке жизнь, которая – как искра Божия – никогда в нем не угаснет» (146, 394). «Вечность – это начало без конца» (121, 164). Православная педагогика, воздействуя на человека, опирается на **положение о бесконечности жизни**, причем, имеется в виду не только его деятельность на земле (от рождения до смерти), но и его существование после смерти. Там лишь развивается и растет то, что здесь посеяно, то есть добродетели разрастаются в вечности (146, 397).

Если на нравственное усовершение, на жизнь вечную человек станет смотреть как на главное и необходимое дело, то ему легче будет достигать земного благополучия (64, 42).

2. Человек, представляя собой смешение противоположностей, добра и зла, является ареной борьбы между тем и другим (146, 395). Эта борьба непрестанна

и обязательна для любого человека: **«Вся жизнь есть брань»** (121, 119). Если человек выходит из этого состояния, следовательно, им полностью овладело зло.

В чем состоит внутренняя борьба? В борьбе между злыми нравами неестественного, падшего человека и добрыми нравами человека обновленного. Значение этой борьбы очень велико – в этой борьбе христианин отстаивает честь Христа (121, 122).

Борьба с грехами приводит к Богообщению. Внутренней борьбе нужно учиться. Православная педагогика раскрывает ее законы и правила.

От результатов внутренней борьбы зависит участь человека в вечности (121, 130).

Правило духовной борьбы – всякую страсть побеждать силою Христовой немедленно, как только она зародилась. «Исцелить, изгнать совершенно мы ее не можем сразу, – пишет схиархимандрит Иоанн (Маслов), – но можем все время загонять ее «на дно», чтобы там страсть умирала под действием вод благодати, а душа наша всегда была бы мирная, кристальная, любящая, благожелательная, бодрственная, духовно трезвая. Если на какой-либо стороне души намечается или происходит «прорыв», сейчас же все внимание сердца надо обратить туда и усилием, то есть молитвенной борьбой надо восстановить мир сердца, души (143, 362).

3. **Все добродетели и все грехи связаны между собой** и, подобно звеньям в цепи, зависят одни от других (190, 682). Между ними существует тесная, неразрывная связь. То есть, совершенствуя одну добродетель, человек вместе с ней совершенствует в какой-то мере и ряд других. Но это не потому, что в одной добродетели заключаются все другие по их содержанию, а «единственно потому, что всякое добро исходит из одного источника – Бога» (146, 246).

В свою очередь добродетели не только взаимосвязаны но и имеют взаимообратное действие (например, надежда подвигает человека на добрые дела, а доброделание укрепляет надежду) (146, 265, 267).

Все вместе добродетели составляют «единый и цельный» путь человека к совершенству, к Богу, ко спасению (146, 265).

Вместе с тем, святые отцы учат, что невозможно сразу браться за все добродетели. С чего нужно начинать? Начинать нужно с веры. Вера есть «мать и корень всех добрых дел», а неверие есть «корень злых дел и всяких грехов»

(121, 136-137). Поэтому вера лежит в основании принципов ной педагогики.

3.2.3. Принципы православной педагогики.

По учению святых отцов, **всеобъемлющим, руководящим принципом жизни человека является истинная вера**, усвоенная его умом и сердцем, воспринятая всем существом (146, 225). Поэтому положение о том, что необходимо сначала «научить вере, затем другим наукам» (Симф., ?), является главным принципом православной педагогики.

Подробно о вере говорилось в первой главе. Здесь же нам представляется необходимым добавить следующее.

«Вера, - пишет схиархимандрит Иоанн (Маслов), - средство восприятия Божественных истин, непостижимых для человеческого разума». Она является движущей силой нравственного роста человека (146, 222-223).

Отец Иоанн выводит также другие христианские принципы, которыми необходимо руководствоваться в деле православного воспитания, а имеено: любовь к Богу, к ближним, к Родине, снисходительная мудрость и кротость и др. (146, 415).

Любовь – краеугольный принцип православной педагогики.

Святые отцы пишут, что «только любовью можно постигнуть внутреннюю жизнь других людей и войти с ними в тесное духовное общение» (143, 16). Любовь – основа и главное руководящее начало христианской нравственности. Одна любовь бывает способна преобразовать и изменить к лучшему все стороны человеческой жизни (146, 228).

Любовь к Богу и всестороннее упование на него – «первая тайна» земной жизни. Любовь к Богу облегчает тяжелую участь человека на земле. Эта любовь помогает победить всякий страх. Любовь к Богу состоит в уподоблении, подражании Ему, она украшает душу и является признаком духовной жизни (ТЗ, 393).

Любовь к ближнему – «вторая тайна» земной жизни – связана с служением ближним. Облегчить свою жизнь мы сможем, если будем жить не только для себя, но и для других. Жить для других – это долг любви (146, 396). Смысл христианской жизни – «любовью работать друг другу» (121, 497).

Любовь к Родине. Христианское учение требует от каждого последовате-

ля беззаветной любви к своим братьям. Эта любовь находит яркое проявление в любви к родному Отечеству. «Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражений за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует своим здоровьем или выгодой ради Родины» (138, 41).

Принцип согласования внутреннего с внешним.

Этот принцип «заложен» в природе человека. Человек состоит из души и тела, тесно связанных друг с другом. Согласовывая внутреннее с внешним человек идет путем, указанным его Создателем. В противном случае, он, не подчиняясь Богу, действует самочинно (122, 140).

Снисходительная мудрость и кротость.

Плодом духовной мудрости является кротость. Как пишет святитель Тихон Задонский, кротости учит Христос Своею жизнью (121, 446).

Христианская мудрость, по учению святых отцов, есть познание самого себя. Истинная мудрость состоит в том, чтобы побеждать свой природный злой нрав и следовать примеру жизни Христа (121, 572).

Отличаясь строгостью к себе, лучшие православные педагоги были снисходительны к немощам других. Они охотно прощали недостатки своим ученикам, когда видели в них раскаяние и желание исправиться.

Педагогическая мудрость состоит в том, чтобы применять к жизни учеников наставления святых отцов, древних подвижников, сообразуясь с современными условиями (143, 242).

Безотлагательность, своевременность.

Святые отцы учат, что человеку нельзя откладывать свое исправление. Продолжительность земной жизни сокрыта от людей, кончину человек может ожидать в любое время. Поэтому глинские старцы учат: «Начинай с сегодняшнего дня!», т.е. не откладывая исправление себя, борьбу со своими недостатками (?).

Святитель Тихон Задонский пишет: «Нельзя медлить в грехе, но сразу же исправляться» (121, 238).

«Иное дело, – свидетельствует авва Дорофей, – вырвать с корнем малую былинку, потому что она легко исторгается, а иное – искоренить большое дерево» (2, 126).

Святитель Феофан Затворник пишет: как только «приходит человеку только мысль — переменить жизнь и стать лучше в своих делах и внутренних рас-

положениях, приходит [другая] мысль — но как много надо придать ей, чтобы она возобладала над душою! Большею частию такого рода благие помышления остаются бесплодными, не по своей, однако ж, вине, а по недолжному отношению к ним тех, чью душу посещают они.

Первая и главная в отношении к ним погрешность та, что их оставляют неисполненными, отлагают день ото дня. **Отлагательство — общий недуг и первая причина неисправимости.** Всякий говорит: «Еще успею», — и остается в старых порядках привычной недоброй жизни. Итак, пришла благая мысль исправиться — ухватись за нее, займись тем, чего ради она послана к тебе, и с сею целью прежде всего гони отлагательство.

1) Гони отлагательство. Не позволь себе сказать: завтра или когда-нибудь после, займусь этим, а сейчас же приступи к делу. Возьми в орудие себе здравое рассуждение и с помощию его:

а) живее вообрази неразумие, безобразие и опасность отлагательства. Говоришь: «после», но после будет труднее это сделать, потому что сам больше привыкнешь к греху и больше сделаются запутанными обстоятельства и связи твои греховные. Но какой смысл опутанному больше и больше себя опутывать и держать на уме, что и при этом после распутаться ему будет так же легко, как и теперь? Уж если сознаешь, таким оставаться тебе нельзя, каков ты теперь, что мешкаешь? Ведь, наконец, Бог может сказать: Был ты мне в сытость (ср.: Ис. 1, 14), и сам можешь зайти за черту, из-за которой нет возврата. А это такого рода беда, для избежания которой нет труда, которого основательно можно было бы пожалеть. Если добросовестная мысль озаботится представить все это отчетливо и живо, то все главные деятели души отвратятся от отлагательства, внутри не будет за него заступника. Увидишь, что оно вражески относится к тебе, и сам взглянешь на него неприязненно.

б) Отлагаем оттого, что благая мысль, посетившая нас, стоит в нас еще только как мысль, еще не привлекла сочувствие, не движет желания. Она, среди других наших интересов, явилась, чуждая гостья, манит издали, действует не впечатлительно. Провесть ее дальше в глубь души и указать ее цену и привлекательность — твое уже дело. Итак, поставь ее на первом плане, вообрази ее правоту, покажи радость и высоту, какие она обещает, уверь себя в легкости ее исполнения. Благая мысль действует слабо и не привлекает сердца оттого, что есть другие планы в голове, есть предметы интереснее, по указанию предза-

нявших тебя влечений. Так вызови же на среду и сличи
но. В сравнении с тем, что представляет благая мысль, ничто устоять не может; все отодвинется на задний далекий-далекий план. Указуемое благою мыслию останется одно и, как единственно ценное и прекрасное, привлечет.

в) Недугуем отлагательством наиболее оттого, что в эту пору позволяем ослабеть в себе энергии, поблажаем лености, вялости, сонливости, нерешительности и в мысли, и в деятельных силах; так можно взять себя и с этой стороны, поживее представив себе, как унизительно попускать это в обыкновенных делах, тем паче в самонужнейшем деле спасения, — что во всем должно оказывать себя живым и быстродеятельным, стыдно допускать противное, стыдно отлагать до завтра то, что можно и должно сделать сегодня.

Такими и подобными приемами гони отлагательство. Как кто сумеет это сделать, только сделай. **Пришла благая мысль — уговори себя не отлагать исполнение ее, расположи и заставь себя сейчас же начать действовать по указанию ее.** Кто отложил дело до следующих дней, тому сегодня нечего предлагать дальнейших советов» (ФЗ, ?)

Безотлагательность применительно к педагогической деятельности означает, что педагог должен стремиться:

- безотлагательно искоренять те недостатки, которые он видит в воспитанниках;

- побуждать воспитанников не откладывать на будущее свое исправление.

Принцип природосообразности.

В современной педагогике этот принцип трактуется, как развитие свойств ребенка сообразно с его природными данными. Но православная педагогика ставит вопрос так: сообразно с какой природой человека? В ее естественном или неестественном состоянии? Педагогика, не признающая факта грехопадения первых людей и повреждения свойств человека в результате этого, воспитывает ребенка, исходя из его поврежденного, неестественного состояния. «Великое несчастье, - свидетельствует святитель Игнатий Брянчанинов, - когда мы разовьем в себе свое падшее «я» (АО 2, 362). Он пишет: «Весьма немногие сознают себя существами падшими… большинство смотрит на свое состояние падения, как на состояние полного торжества, употребляет все усилия, чтобы упрочить, развить свое состояние падения» (105, 175).

Православная педагогика развивает человека сообразно с его обновленной

природой, с его естественным (первозданным) состоянием.

Говоря о принципах православной педагогики, необходимо учитывать также принципы, исходящие из педагогики пастырского душепопечения и применимые к любой педагогической деятельности. Достаточно подробно они изложены в 2.2 и 2.3. Ограничимся перечислением основных из них.

– Принцип *доступности*. Педагогу необходимо соблюдать доступность материала для всякого ума и «высокие истины приближать к пониманию своих слушателей» (ЛПБ, ?).

– Принцип *наглядности*. Использовать простоту образов, заимствовав их по возможности из находящейся перед глазами слушателей природы, окружающей обстановки (ЛПБ, ?).

– Принцип *учета возрастных и индивидуальных особенностей воспитанников*. Воспитатель должен сообразовываться с уровнем умственного и нравственного развития учеников (ЛПБ, ?).

– Принцип индивидуального подхода к учащимся. Педагогу необходимо стараться находить нужное слово для каждого ученика, избегать односторонности, не оставлять ни одного вопроса учащихся без ответа,

– Принцип *сообразности*. Воспитатель должен сообразовывать свою деятельность с обстоятельствами места и времени, удалять все внешние и внутренние препятствия, которые мешают обучению (ЛПБ, ?).

3.3. МЕТОДЫ, ФОРМЫ И СРЕДСТВА ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ. УСЛОВИЯ ЕГО УСПЕШНОСТИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ.

Методы, формы и средства православного воспитания взаимосвязаны. Они определяются его целью, задачами и принципами. Об отдельных о методах и средствах православного воспитания говорилось в главе второй. В этом разделе мы остановимся на тех из них, которые нам представляются наиболее значимыми для современной педагогики.

3.3.1. Методы православного воспитания.

Метод (от греческого слова «методос» – путь исследования, теория, учение) – это способ достижения какой-либо цели, решения конкретной задачи;

совокупность приемов или операций практического или го освоения (познания) действительности (285).

Под методами воспитания понимается совокупность наиболее общих способов решения воспитательных задач (284, 569).

Православная педагогика на протяжении длительной истории своего существования разработала разнообразные **методы**, часть из которых используется современной системой образования.

Остановимся на методах, наиболее характерных для православного воспитания.

Метод наставления (научения).

Этот метод состоит в том, что дети слышат от своих воспитателей определенные правила деятельности.

В первых христианских и дореволюционных русских школах детей наставляли, опираясь на Священное Писание, творения святых отцов и специально написанные для учащихся произведения. Для научения грамоте педагогами использовалось Евангелие, на уроках обучения письму детям давали прописи, состоящие из изречений Священного Писания. Душа ребенка постепенно привыкала к этому полезному для души чтению, находя в нем опору для себя на всю последующую жизнь (64, ?).

Метод предостережения.

Предостережение – это наставление, обращающее внимание детей на недостоинство и вредные последствия некоторых предметов и действий. Этот метод основан на учете возрастных особенностей детей и исходит из того, что дети неопытны, опрометчивы и любопытны, к тому же нежны и слабы. То, что не наносит ущерба взрослому, может быть весьма вредным и опасным для ребенка. Удалить от детей все вредоносное невозможно. Поэтому необходимо, чтобы дети постепенно сами привыкли различать вредное и опасное от хорошего и доброго. Для этого пользуются *предостережением* (64, ?).

Православная педагогика выдвигает ряд требований к предостережению.

– Предостережение должно быть умеренным. Им нужно пользоваться только там, где оно оказывается необходимым. Частые предостережения остаются бесполезными.

– Необходимо избегать всякого преувеличения. Если дети рано или поздно распознают обман, они перестанут верить наставникам и родителям.

– Предостерегая, надо «применяться» к внутренней расположенности детей, к тому, что не все на разных детей производит одинаковое впечатление. Лучше объяснять с помощью примеров. Особенно предостережение действует на воспитанника, если ему указывают на его собственный опыт.

– Предостережения всегда должны быть делаемы ласково, с благоразумным применением к обстоятельствам. Такие предостережения дети принимают охотно.

– Предостережения не должны выходить за рамки опыта детей. Если что-то вредно для них, но детям незнакомо, необходимо предостерегать их от этой опасности только в общих выражениях (64, ?).

Метод ограждения от соблазнов.

Соблазны препятствуют духовному совершенствованию человека. Соблазн проявляется двояко: как ложная мысль, ложное учение или как безнравственное действие (64, ?).

Соблазн возбуждается через зрение и слух. Дурной пример родителей, педагогов, взрослых является причиной бедственного состояния детей. Главные средства к избежанию соблазнов – ограждение от них детей (64, ?).

Необходимо предохранять детей от сближения с предметами и обстоятельствами, которые могут произвести на их сердце вредное впечатление. Детей удаляют от всего того, что может возбудить в них недобрые, злые мысли, чувства и действия (шумные общественные зрелища, игры, соблазнительные художественные сочинения и пр.). Их ограждают также от общения с людьми антиобщественного поведения, в случае необходимости – даже от общения с лицами другого возраста и пола с тем, чтобы те своим поведением, нравами, даже своим внешним обликом не могли возмутить тихое и чистое детское сердце (64, ?).

(В этой связи необходимо отметить, что в настоящее время возрастает количество классов с раздельным обучением мальчиков и девочек).

Метод примера.

Предостерегая детей, оградив детское сердце от соблазнов, родители и воспитатели используют особые средства для насаждения и укоренения добродетелей. Первым из них после устного и письменного наставления является пример благочестия, который показывают в своей жизни воспитатели. «Лучше можно научить дитя примером, нежели словами», – пишет св.Иероним. При этом нужно помнить, что дурные примеры также влияют на ребенка, только отрицательным образом. Они производят более сильное воздействие, чем примеры добрые.

Большое внимание уделяет доброму поведению наставника св.Исидор Пелусиот. Он пишет, что наставнику «надлежит быть скромным в наружности», тщательно следить за своим поведением (143, 216).

«Или вовсе не учи, – свидетельствует св.Григорий Богослов, – или учи доброй жизнью» (143, 206). Он предостерегает от дурного примера, который гораздо сильнее, чем добрый, оказывает влияние на окружающих и без всяких трудов усвояется ими (143, 207).

Уча детей своим примером, воспитатели заботились о том, чтобы знакомить своих воспитанников только с такими людьми, которые своим примером не разрушали бы, но утверждали в юной душе положительные начала. Св. Амвросий учит: «Лучше иметь обращение со стариками испытанной святости. Как обращение с равными приятнее, так со стариками безопаснее. Нет ничего лучше, как иметь стариков наставниками жизни и свидетелями ее» (235, 179).

Православная педагогика говорит о необходимости обращения к примерам жизни великих людей, прежде всего, святых. В книгах и примерах религиозно-нравственного содержания ребенок найдет удовлетворение всем высшим потребностям своего духа, здесь он встретит указание на то, как надо жить и к чему стремиться. По мнению С.А.Рачинского, жития святых – это «живое училище благочестия», крепкой веры, неумирающей надежды и любви, готовой на все страдания. Это – практическая школа христианского подвига и самоотвержения (235, 115).

Имея перед собой высочайший образец – жизнь Иисуса Христа, православный педагог стремится подражать Ему. Могучая действенность этого нравственного примера, в свою очередь, привлекает учеников и также побуждает их к подражанию.

Метод приспособления (к лицу, времени, возрасту, степени развития ребенка).

Метод приспособления (сообразности) хорошо известен современным педагогам.

Как он использовался в традиционной русской школе, можно проследить на примере знакомства детей со Священным Писанием и святоотеческим наследием.

Сначала детям преподавали устно, а только затем позволяли читать. Но знакомили их не со всеми текстами, а лишь с теми, которые приближены к пониманию детей. Это способствовало наполнению детского сердца высокими чувствами.

По замечанию Иоанна Златоуста, самое наставление для «первого возраста» должно быть кратким, ибо «нежные умы» не могут усвоить пространного учения (151, 132). В дальнейшем, по мере взросления ребенка, также необходимо сообразовываться с его возрастными и личными особенностями, приспосабливать педагогические воздействия к времени, месту, обстоятельствам воспитания (64, ?).

Метод воздержания (ограничения).

Этот метод вытекает из необходимости уметь подчинить низшее – высшему, тело – духу.

Для достижения этого детей приучают к скромности в одежде, к умеренности, воздержанию и простоте в пище и питии. По мнению святых отцов, невоздержанность является причиной не только физических расстройств и болезней, но и началом и причиной душевных болезней (64, ?).

Для детского возраста необходимы «особые распоряжения» относительно не только количества и качества пищи, но и времени сна и бодрствования (64, ?).

Чтобы помочь детям упорядочить беспорядочные движения сердца и воображения, их сызмальства приучают к трудолюбию (ТЗ, ?; 64, ?).

Метод награды.

Для того чтобы детей не только удерживать от плохих поступков, но и поощрять их к точному исполнению своих обязанностей, употребляются награды

(ЛПБ, ?; 64, ?).

За всякий труд педагог должен уметь поблагодарить ученика, должен уметь утешить и ободрить его выражением своей признательности.

Здесь уместно опять обратиться к опыту старцев, подробно описанному во второй главе.

«Спаси, Господи, за святое послушание. Благодарю», – так обычно говорили старцы своим воспитанникам. Эти краткие слова настолько действовали на последних, что, по их признанию, в их сердца вливалась новая благодатная сила, которая возбуждала еще большую ревность к выполнению своих обязанностей». Если в ходе деятельности кто-либо из учеников терпел неудачу или случайно портил что-нибудь, старцы зачастую вместо выговоров и обличений благодарили и утешали провинившегося, говоря: «кто в деле, нельзя без того, чтобы чего не испортить» (ЛПБ, ?).

Вместе с тем, поощряя детей, следует остерегаться приучить их все делать ради награды. Педагог должен говорить детям, чтоб они вели себя хорошо из чувства долга, а на получаемые награды смотрели как на знак благоволения. Одобрение – высокая награда, благоволение, доброе отношение родителей и воспитателей – высочайшая (64, ?).

Метод угрозы (наказания).

Святые отцы говорят, что воспитывать должна одна любовь, а любовь требует не только ласковости, но и строгости. Той и другою необходимо удерживать человека на прямом пути (143, ?).

Св.Киприан Карфагенский отмечает, что любовь в воспитании должна быть разумной, она должна не покрывать пороки учеников, но искоренять их. «Кто согрешающего нежит льстивыми ласками, тот только более располагает его ко греху, и не подавляет преступлений, а питает их. Но кто строгими советами изобличает и вместе наставляет, тот содействует спасению» (143, 188).

Православная педагогика предъявляет ряд требований к наказанию (64, ?).

– Наказание не должно быть опрометчивым. Кто наказывает часто и без крайней нужды, тот делает наказания недейственными.

– Наказания необходимы тогда, когда в воспитаннике берут верх чувства, и не доводы разума, не естественные последствия дурного поступка не могут его остановить. Наказание необходимо тогда, когда словесным вразумлением

нельзя призвать воспитанника к порядку.

– В наказании необходима мера благоразумной строгости.

– Нельзя употреблять такие наказания, которые не ведут к цели и более вредны, чем полезны. Наказание не должно вредить здоровью, подавлять в воспитаннике чувство стыда и чести, возбуждать какое-либо вредное чувство (например, презрение, жестокосердие и др.).

– Наказание должно быть сообразно с виной и свойствами провинившегося и его товарищей.

- Наказание должно быть соразмерно с намерениями воспитанника (64, ?).

– Лучшими являются наказания, которые вытекают из самого проступка. В таком случае кажется, что воспитанник сам себя наказывает.

– Степень наказания необходимо определять по тому, каким оно должно быть, чтобы произвести желаемое действие. Надо не за «равное воздавать равным», а наказывать так, чтобы исправить воспитанника и предохранить его от будущих проступков. Поэтому маловажные, но обратившиеся в привычку проступки, иногда требуют более сильного наказания, чем проступок, который воспитанник совершил нечаянно – был вовлечен в него обстоятельствами вопреки своему расположению.

– При выборе наказания нужно учитывать личные качества провинившегося, его физическое состояние, темперамент, возраст, пол, звание, чувствительность и прежнее с ним обращение.

– Необходимо предусматривать, какое впечатление произведет наказание также и на товарищей наказываемого. Оно должно послужить для них спасительным предостережением (64, ?).

В заключение следует отметить, что проступок, оставленный без наказания, бывает причиной другого проступка. Угроза наказания удерживает человека. Наказание – это предостережение для него. За плохие поступки следует наказывать. Необходима такая степень наказания, чтобы она привела к желаемому результату. При выборе наказания следует обращать внимание на особенности наказуемого (64, ?).

Словесные методы воздействия.

В православной педагогике им уделяется особое место. «Слова есть видимое обнаружение ума» (ЛПБ, ?). Педагог должен соблюдать в них меру и поря-

док, уметь вовремя молчать и кстати говорить. Педагог должен рить благоразумно и обдумывать каждое свое слово. В беседах нельзя допускать оскорбительных и соблазнительных слов, злоречия, осуждения, непристойных шуток. Речь педагога должна быть краткой, ясной, одушевленной, благовременной. Она должна покорять истиной. Словесные методы являются особым средством нравственного воздействия на учеников (64, ?).

3.3.2. Формы и средства православного воспитания.

Формы и средства православного воспитания опираются на положения учения о спасении и в определенной мере используют опыт монастырской педагогики, пастырского и старческого окормления.

Формы обучения.

К методам православного воспитания примыкают формы обучения истинам веры и другим наукам, которые могут быть полезны современной системе образования. Это акроаматический (повествовательный), эротематический (вопросно-ответный), катехизический, эвристический, диалогический методы, способствующие усилению воспитательной направленности процесса обучения (235, 212).

Православная дидактика указывает две главные формы преподавания всех вообще предметов обучения: акроаматическую и эратематическую.

Акроаматическая форма обучения.

Акроаматическая форма, она же *повествовательная* (от греческого «слушаю»), состоит в том, что учитель сообщает ученикам учебный материал в повествовательной форме, а ученики слушают и воспринимают сообщаемое. Эта форма необходима при сообщении таких сведений, до которых ученики не могут быть доведены никакими наводящими вопросами, например, при преподавании Священной истории. Акроаматическая форма обучения уместна при самом начале обучения, когда ученики совсем не знают преподаваемого предмета. Акроаматическая форма преподавания должна быть употребляема и тогда, когда ученики настолько уже развиты и подготовлены, что могут продолжительное время сосредоточивать свое внимание на одном и том же предмете, правильно воспринимать изложение учителя (235, ?).

При всех своих достоинствах акроаматическая форма преподавания имеет и свои недостатки. При акроаматической форме преподавания учитель не имеет возможности в каждый данный момент уследить, внимательны ли ученики, понимают ли они вообще преподаваемое, что для них неясно и непонятно. Недостатки эти восполняет другая форма преподавания – эротематическая (235, ?).

Эротематическая форма обучения.

Название этой формы обучения происходит от греческого «спрашиваю». Это есть *вопросно-ответная* форма преподавания. Учитель ведет обучение по вопросам и ответам. Так как учитель может предлагать вопросы с разной целью (или с тем, чтобы проверить, поняли ли его ученики и усвоили ли сказанное им; или с тем, чтобы посредством так называемых наводящих вопросов заставить самих учеников дойти до решения того или другого вопроса; или при живой беседе учителя с учениками последние могут обратиться к нему со своими вопросами), то эротематическая форма преподавания имеет три вида, или три особых формы: катехизическую, эвристическую и диалогическую (235, ?).

Название *катехизической* формы происходит от слова «катехизис» («оглашать звуками»; «изустное наставление»). Это – та форма, в которой издавна принято составлять катехизисы. Катехизическая форма состоит в том, что учитель: или сообщает ученикам новые сведения в форме вопросов и ответов, чтобы сделать более легким усвоение им сообщаемого материала (причем, вопросы и ответы на них делает сам учитель), или же, сообщив ученикам известные сведения в форме акроаматической, предлагает им вопросы, чтобы проверить, насколько ученики усвоили сообщенное и тверже укрепить сообщенное им в памяти. Катехизическая форма, содействуя более легкому и прочному усвоению преподаваемого, не вызывает самодеятельности в учениках, потому что они в этом случае или только слушают и воспринимают преподаваемое, или, хотя и дают ответы, но из готового, сообщенного им ранее материала.

Эвристическая форма преподавания (от греческого «нахожу», «отыскиваю», «открываю») тоже вопросно-ответная форма. При эвристической форме преподавания учитель не дает ученикам готовых сведений, но они при помощи учителя сами трудятся над их приобретением. Дело учителя состоит в том, что он наводящими вопросами, по заранее обдуманному плану переводит учеников от одних, известных им положений, к другим, неизвестным, помогает учащим-

ся получать известные данные, группировать их в одно целое и, таким образом, приводит их к известным выводам и заключениям (235, ?).

Диалогическая форма обучения.

Эта форма преподавания (от греческого «разговариваю») есть форма разговорная. Это – *живая беседа* учителя с учениками, когда и учитель спрашивает учеников, и последние, со своей стороны, обращаются к учителю со своими вопросами. Любая другая форма преподавания может переходить в диалогическую в том случае, когда учитель сообщает ученикам сведения о предметах, хотя им известных, но о которых они имеют понятия неточные или неправильные.

Эротематическая форма преподавания во всех своих разновидностях более всего подходит к младшему возрасту и с успехом может быть используема в начальном обучении. Повествовательная форма наиболее удобна при преподавании детям старшего возраста. Для детей среднего возраста лучше всего пользоваться смешанной формой, повествовательно-эвристической. Эвристической форме дается также предпочтение во всех тех случаях, когда можно предполагать в детях способность к самостоятельному усвоению истины (235, ?).

Определяясь, главным образом, степенью развития учащихся, форма преподавания зависит также от самого предмета обучения.

Средства православного воспитания.

О средствах православного воспитания было подробно рассказано в первой и второй главах (1.2, 2.2 и 2.3). К сказанному необходимо добавить сведения о *благодатных средствах*, особенно подробно раскрытые святителем Феофаном Затворником.

«Бессильно усердие, слаба воля, жизнь тоща, если кто не обновляется чрез Божественные Таинства исповеди и святого причащения. **Жизнь христианская**, свидетельствуемая усердием, есть **жизнь благодатная; следовательно, к хранению, питанию и возгреванию ее самым могущественным средством должно быть привлечение и приятие Божественной благодати**. Есть особые стихии, питающие животную нашу жизнь; есть также стихии, питающие и жизнь духовную. **Это — Таинства.**

Собственно к питанию и возвышению духовной нашей жизни дано Господом Таинство Тела и Крови. Жизнь духовная есть следствие общения с Гос-

подом; вне Его и без Него нет у нас жизни истинной. Общение с подом действуется через причастие Тела и Крови. Жизнь духовная истинная — сильна, многодельна и многоплодна. Но *без Мене*, говорит Господь, *не можете творити ничесоже. Кто во Мне, плод мног сотворит* (ср.: Ин. 15, 5). *Во Мне же пребывает ядый Мя*. Из всего сего следует, что *аще не снесте Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе... Ядый хлеб сей, жив будет во веки* (Ин. 6, 53, 51).

Вот благодатный источник сохранения и укрепления нашей духовной жизни! Но, причащаясь, должно приступать к тому со страхом и трепетом и довольным приготовлением.

Приготовление сие состоит в очищении совести своей от мертвых дел. **Исповедь**, с возненавидением греха и обетом всячески удаляться от него, делает дух человека сосудом, способным вместить невместимого Бога, по Его благодати.

Этим все можно было бы и ограничить: исповедайся достойно — и будешь достойный причастник. Но исповедь и сама есть Таинство, требующее достойного приготовления, и, сверх того, к совершенству своему требует особенных действий, чувств и расположений, которые не могут быть совершены и явлены вдруг, а требуют времени и некоторым образом исключительного ими занятия. Посему оно всегда было совершаемо по известному чину, с предварительными делами и упражнениями, к нему приготовляющими, кои способствуют то к лучшему познаванию грехов, то к возбуждению и явлению сокрушения о них, то к ограждению крепости обета. Все они в совокупности составляют **говение.**

Отсюда следует, что для возвышения и укрепления благодатной жизни чрез Таинства нужно учреждать говение со всеми его принадлежностями, — исповедаться и, приготовившись таким образом, достойно причаститься Святых Тайн. Надлежит то есть учреждать говение, или, лучше, принимать на себя говение, потому что оно учреждено уже у нас Святою Церковию. Четыре поста с тою целью и установлены, чтобы в них ревнующие о благочестии говели, исповедались и причащались. Потому и должно положить правилом — ищущему совершенства четыре раза в год говеть, во все большие посты. Так и написано в «Православном исповедании». Впрочем, этим не стесняется усердие говеть чаще и даже непрестанно; равно как не налагается, как иго, на не могущих, по обстоятельствам своим, исполнить этого. Только надобно так: все употреби от се-

бя зависящее, чтобы поговеть четыре раза в год. Для мирян четыре раза - мера скромная, средняя и, как испытано, очень спасительная. Делающий так не выдается из круга других, потому и кичить не будет, как превысивший их. Можно, впрочем, в пост Великий и Рождественский говеть по дважды — в начале и в конце. Вот и составится всех шесть говений.

Говение должно отличать от пощения, или достойного, по уставу Церкви, провождения постов. Оно есть часть поста, но отличается от него большею строгостию касательно пищи и сна и тем, что всегда соединяется с другими благочестивыми занятиями, каковы: прекращение житейских забот и дел, сколько можно, чтение, кто может, святых книг, неопустительное хождение в церковь на положенные службы и прочее. Вообще, это время исключительно посвящается благочестивым занятиям, кои все направляются к тому, чтобы достодолжно принесть покаяние и исповедь и потом причаститься.

Таким образом, очевидно, что во всем составе говение есть перечистка всей жизни, восстановление всего ее строя, возочищение целей, возобщение с Господом, обновление духа и всего нашего существа. Это — то же, что измовение зачерневшего платья или омытие в бане после дороги. Христианин — в пути и при всей осторожности не укроется от пыли — помыслов страстных и пятен грехопадений. Как бы ни была мала нечистота, но она то же, что порошинка в глазу или песчинка в часах, — глаз не смотрит, часы не идут. Потому неизбежно от времени до времени перечищать себя. Как мудро потому у нас устроено в Церкви и как спасительно повиноваться со смирением такому учреждению!

Вот значение говения! Оно — средство к питанию, возгреванию и хранению в нас жизни, но главное, оно — **тщательный пересмотр жизни, падений, их причин и установление средств избегать их**. Когда грехи познаны, сокрушением и неприязнию извержены из сердца, исповедию с обетом омыты, тогда сосуд готов. В причащении приходит Господь и общится с духом достойного, который чувствовать должен: *не убо есмъ един, но с Тобою*» (ФЗ, ?).

К средствам православного воспитания, по учению святых отцов, относят также:

– очищение совести;

– пост;

– чтение слова Божия и творений святых Отцов;

– рассуждение;

– память о смерти и др. (ТЗ, ?).

Дисциплина.

Для воспитания добрых навыков особое значение имеет порядок в жизни общества и каждого отдельного человека. Истинный смысл дисциплины заключается в сознательном установлении такого порядка, который создает наилучшие условия для воспитания добродетелей и искоренения пороков. Главное значение дисциплины состоит в таком развитии воли ученика, чтобы он сам стремился к нравственному совершенствованию (235, 233).

Соблюдение устава, заповедей и благочестивых обычаев православной Церкви служат выражением церковной дисциплины. Сюда относится соблюдение постов, строгое исполнение данных Богу обетов, дела христианского милосердия, служение молебнов, поминовение усопших. В установленное время положено класть поклоны, ставить свечи перед иконами, испрашивать прощение в день исповеди и др.

Цель этих упражнений – урегулировать волю человека, дать ей надлежащее христианское направление, приучить человека к самообладанию и сделать способным к нравственному подвигу и подчинению своего самолюбия нравственному долгу и воле Божьей (235, ?).

Привыкая под руководством родителей и близких обуздывать самого себя, подчинять свои низшие потребности высшим, свою волю – Божественному авторитету, ребенок, тем самым, постепенно приобретает христианское настроение и твердость в подвигах добродетели. На этом фундаменте впоследствии человек будет всю жизнь, при помощи Божьей, свободно и непринужденно совершенствоваться в том же духе и направлении (235, ?).

«Мирская дисциплина» не может заменить дисциплины церковной. Требования мирского приличия и мирских порядков не может иметь большого значения там, где они не поддерживаются внушениями и предписаниями высшего, Божественного авторитета. Кто с ранних лет привыкает подчинять свои личные пожелания требованиям церковного порядка, тот заранее предохраняет себя от искушения своеволия и чувственности и при нравственных падениях будет способен с помощью благодатных средств Церкви скоро исправиться (235, ?).

Напротив, тот, кто не научился в молодости уважать правила благочестия, придерживаться церковной дисциплины, тот не имеет твердой опоры для про-

тиводействия разнообразным соблазнам.

Таким образом, чем более вытесняется из частной и общественной жизни все церковное, тем более открывается простор для человеческого произвола и человеческих страстей, этих врагов порядка и жизненного благоустройства, что мы и видим в настоящее время (235, ?).

Говоря о воспитании дисциплинированности у детей, нельзя не сказать о роли и значении *школьной дисциплины*.

Первое условие для воспитания добрых навыков – это установленный порядок для каждого ученика в отдельности и класса в целом. Сознательно установленный порядок должен быть таков, чтобы при нем облегчалось приобретение добрых навыков, становилась возможной борьба с пороками и уклонениями нравственных требований.

Для воспитания дисциплинированности сначала необходимо утвердить порядок в малом, приучить учеников к тому, чтобы они в незначительных случаях своей жизни и поведения умели управлять собой, или – что то же самое – умели подчиняться дисциплине. Когда же они приобретут этот опыт, учитель во многом может положиться на их свободу. При этом главным, за чем необходимо следить и чем надо пользоваться, остается стремление ученика к нравственному самоусовершенствованию. От чего зависит установление надлежащей дисциплины? Оно зависит от:

– личности воспитателя;

– неуклонного соблюдения единожды установленных школьных правил;

– правильного и бдительного надзора;

– своевременных и обдуманных приказаний и запрещений;

– замечаний, выговоров, внушений и убеждений;

– наград и наказаний.

Все сказанное особенно актуально в настоящее время. О наградах и наказаниях более подробно говорилось выше. Здесь нам хотелось бы еще раз отметить, что они требуют особенной внимательности. Чрезмерные похвалы и награды могут сделаться причиной порчи ученика, привести к развитию гордости. Кроме того, педагогу следует опасаться именно награды и наказания, а не требования долга, не нравственное чувство и любовь к добру, не стремление к внутреннему самоусовершенствованию могут получить значение цели, руководящей поступками. Добро будет цениться настолько, насколько оно сопровож-

дается наградой. Этого необходимо всячески остерегаться (235, ?).

Вместе с тем, здоровая дисциплина не может обходиться без наказаний. Но и здесь наставник должен быть крайне осторожен и рассудителен (235, ?).

Учебник.

Учебниками, как известно, называют книги, по которым учитель преподает, а дети повторяют, изучают и при необходимости заучивают преподанное. Значимость учебников не подлежит сомнению. Учебники необходимы как для учителей, так и для учеников. Преподавание по учебнику тверже, основательнее, а изучение – легче и надежнее.

Учебники должны полностью соответствовать своему назначению и отвечать духу, характеру и языку содержащегося в них материала. Учебники должны по возможности отличаться краткостью, ясностью и простотой. По внутреннему составу и расположению предметов они должны находиться в строгом соответствии с объемом, духом и направлением учебной программы, с руководящими указаниями объяснительной записки к ней (235, ?).

Внешняя сторона учебника должна соответствовать значимости учебного предмета. Бумага должна быть плотная, печать – четкая, крупная, особенно в учебниках для первых лет обучения (235, ?).

Текст обучения должен быть снабжен возможно большим числом художественно выполненных рисунков. Иллюстрации, изобразительный ряд должны воспитывать чувство прекрасного, благородного, возвышать душу ученика; быть наглядным примером, которому будет следовать в дальнейшей жизни (235, ?).

В случае необходимости к учебнику должен быть приложен картографический материал. Кроме учебника, возможно, издание хрестоматии с текстами духовно-нравственного характера и других материалов (235, ?).

Наглядность.

Наглядность – одно из средств обучения и воспитания. При непосредственном воздействии объекта на органы чувств в сознании человека возникает образ. В создании образа участвует не только память и мышление, но и чувства, что особенно важно для развития ребенка. Используя наглядность, педагог должен заботиться о ясности, живости и правильности вожникающих у него образов. Если воспитатель использует наглядность в своем рассказе, то дитя

как бы видит и слышит то, о чем говорится (235, ?).

Как уже отмечалось, с ранних лет необходимо обращать взор детей к чудным картинам природы, при этом раскрывая им Божественную премудрость и благость Творца(235, ?).

Посредством наглядности в душу ребенка ложится целый ряд истинно высоких образов, что служит драгоценным запасом для его внутренней деятельности. Через наглядность «окрыляется» воображение, получают прочные основания ум и чувство. Образованный с использованием средств наглядности ребенок, учит православная педагогика, будет во всем находить ясные следы любви и попечительности Создателя (64, ?).

3.3.3. Условия успешности православного воспитания, его концептуальные особенности.

Условия успешности православного воспитания.

1. История русской педагогики свидетельствует о том, что главным условием успешности православного воспитания является правильное духовное руководство. «Никто не может сам научиться человеческим наукам, накупив всевозможных книг, тем более невозможно научиться науке духовной, которая называется наукой наук» (143, 284). Следовательно, человеку, вступающему на путь спасения, необходимо духовное руководство (123, 146).

В русской истории прослеживается тесная связь между духовным руководством и внутренним состоянием общества. Периоды расцвета и оскудения в нравственной жизни общества всегда были связаны с возрастанием или умалением роли духовного руководства (СХИМ, Амвр.Опт, с. 7).

2. С точки зрения субъектов воспитания для успешности процесса воспитания необходимо взаимодействие Церкви и государства. В России Церковь и государство на протяжении веков ревностно заботились о духовном совершенствовании народа, ступень за ступенью вели его к надлежащему исполнению православных установлений (ТЗ, 474).

3. Св. Праведный Иоанн Кронштадтский, раскрывая святоотеческое видение успешности воспитания, обращается непосредственно к педагогам:

«И в нынешнее время, и в прошедшее только те люди успешно совершили свое умственное и нравственное воспитание, которые вверились Богу, жили по Его заповедям, которые ныне живут по Евангелию и учению Церкви, подчиня-

ясь ее руководству. Вот вам полезное замечание, все современные дагоги! Наук-то у нас много, а дела выходит мало, у юношей наших в голове много, а в сердце мало, мало, а часто – увы! – нет ничего! Жизнь-то не соответствует образованию и науке» (158, ст.1204). То есть святые отцы обязательным условием успешности умственного и духовно-нравственного воспитания считали участие человека в жизни Церкви.

Святоотеческое наследие свидетельствует, что спасение человека совершается только в Церкви Христовой, что в ней, как в духовной лечебнице, имеются все средства для «исцеления болезней» - искоренения недостатков человека (ТЗ, ?).

Каково воздействие Церкви на человека? Своим благодатным воздействием она изменяет нравы, облагораживает злых и порочных людей. Исцеляя душу, Церковь «в силу теснейшего единения души и тела человека», оказывает целебное действие и на тело, исцеляя его от болезней (146, 204).

Таким образом, чтобы совершенствоваться, иметь добродетели, нужно жить жизнью Церкви, усваивать ее многовековой опыт (146, 415).

4. Православная педагогика выделяет в качестве условия успешности воспитания ряд основополагающих качеств, специальных умений и навыков педагога. Она выдвигает ряд требований к нему.

а) Это, прежде всего, умение педагога пробудить в ученике недовольство своим состоянием, научить его возвыситься над своими недостатками (143, 347).

б) Внутреннее условие успешности, по свидетельству святых отцов, – **учитель должен быть нравственно выше учеников.**

г) Учителю, воспитателю необходимы, прежде всего, доброжелательность, любовь к ученикам и рассудительность.

Способность сострадательно и духовно любить воспитанников составляет само существо учительства (ЛПБ, ?).

Любовь есть неодолимая сила, неотразимое оружие в руках педагога. Педагог должен любить не только хороших, послушных учеников, но и тех, кто плохо себя ведет, плохо учится. Однако любовь должна быть разумной, она должна не покрывать недостатки учеников, но искоренять их.

Руководствуясь *рассудительностью*, учитель никогда не поступит опрометчиво. **Рассудительность увеличивает силу педагогического воздействия.**

Она побуждает учителя к знанию своих учеников, условий их существования и воспитания, уровня и характера их умственного и нравственного развития, их внутреннего расположения, душевных нужд и др. Без такого знания учитель поступает наугад, что может оказаться бесполезным и даже вредным для учеников.

Педагог должен быть осторожным в своих беседах с учащимися, чтобы не повредить им. Педагог должен соблюдать в словах меру и порядок – уметь вовремя молчать и кстати говорить (ЛПБ, ?).

д) По учению святых отцов, учителю необходимо быть благоразумным, справедливым, мужественным и воздержанным. *Мужество* педагога - это нравственная крепость духа.

е) Всякому педагогу необходима мудрость, большая чуткость и наблюдательность при руководстве учениками с различны ми характерами, способностями.

Мудрость педагога должна проявляться всегда, особенно при наказании: налагать наказание нужно не просто по мере проступка, но исследовав намерение ученика.

ж) Для успешности воспитания педагогу необходимо:

– в душе каждого воспитанника уметь раздуть «искру Божию», вызвать ее к жизни, к горению (ЛПБ);

– всех своих воспитанников, их родителей, принимать беспрепятственно; к учителю должен быть легок приход человека всяких убеждений;

– быть беспристрастным ко всем ученикам: бедным и богатым, красивым и некрасивым. Педагог должен видеть в учениках, прежде всего, их бессмертную душу;

– поставить себя в условия «одинаковой близости» ко всем ученикам, и всех учеников поставить одинаково близко к себе (64, ?; ЛПБ, ?).

з) **Первым, главнейшим и непременным средством воспитательного воздействия является личный пример учителя, его добрая жизнь.**

Этот метод является самым естественным и самым действенным. Какая высокая нравственность, какое безукоризненное благочестие требуется со стороны педагогов, чтобы возвысить нравственное чувство своих учеников! «Устные наставления, не подтверждаемые примерами и сами по себе безжизненные, не доходят до сердца»… Детям «язык сердца доступнее, чем говор ума»: они

скорее угадывают подлинный образ мыслей и чувствований своих педагогов, чем изучают преподаваемые им правила. Следовательно, чтобы внушить детям нравственные чувства, пробудить стремление ко всему благородному, высокому и прекрасному, учителя должны сами иметь высокую нравственность. «Без этого и при лучших учебниках цель христианского воспитания не может быть достигнута» (259, 33).

Христианские наставники своим примером побуждали детей с ранних лет не только изучать Слово Божие, но и исполнять нравственные законы, изложенные в Евангелии. Таким образом, то, что дети слышали из уст своих воспитателей, они видели в самой их жизни, то, что им преподавалось устно, пояснялось самим опытом, примером наставников. Устное наставление озаряло ум, а жизнь воспитателей действовала на сердца детей.

Педагог должен всегда помнить о том, что порочная жизнь отнимает способность учить и учиться (?).

к) Воспитатель, педагог должен не только заботиться о чистоте своего сердца, но обязан следить и за своим внешним поведением, внешним видом, чтобы не подать поводов к соблазну. Ведь по внешнему виду и походке познается состояние души человека. Оно выражается и в движениях тела, «как в зеркале» (143,190).

Юный возраст особенно зависим от внешних впечатлений. Поэтому так важно, чтобы учитель проявлял истинное радушие, имел дружелюбное лицо, благородный внешний облик и манеру поведения. Даже голос должен быть естественным, не слишком громким и не слишком тихим, он должен быть чужд театральности (64, ?).

Одежда издавна считалась одним из отличительных признаков нравственных качеств человека. Костюмы – вещи бездушные, но сильно действуют на душу (Девицы, с. ?). Поэтому одежда педагога должна соответствовать высоте звания учителя.

Опыт лучших русских педагогов свидетельствует, что в своем служении педагог должен стремиться держаться «среднего пути», свободного как от нерадения, так и от излишней строгости (143, 268).

л) Педагог должен учитывать в своей деятельности, что важным фактором, обусловливающим успешность процесса воспитания, является стремление ученика к исправлению своих недостатков и дурных наклонностей. Это стремле-

ние стать лучше, совершеннее является стимулом духовного роста, ведущим ученика к высотам нравственной чистоты (146, 248).

5. Успешность процесса воспитания обусловливается и таким фактором, как **воспитание самих воспитателей.**

О необходимости этого пишет святитель Феофан Затворник: «Нужнее всего… воспитывать воспитателей под руководством таких лиц, кои знают истинное воспитание не по теории, а по опыту. Образуясь под надзором опытнейших воспитателей, они опять передадут свое искусство другим, последующим и т. п. Воспитатель должен пройти все степени христианского совершенства, чтобы впоследствии в деятельности уметь держать себя, быть способным замечать направления воспитываемых, и потом действовать на них с терпением, успешно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословие лиц чистейших, богоизбранных и святых. **Воспитание из всех святых дел самое святое**» (371, 38).

В заключении приведем слова святителя Филарета Московского, подчеркивающие значение для педагога учения о спасении и христианского учения в целом: «Воспитание ученое, воспитание деловое, воспитание изящное – не слишком ли сильно привлекают к себе заботы некоторых воспитателей и воспитываемых видами наружных преимуществ, выгод, славы, удовольствия? Потому не излишне напоминать родителям и воспитателям детей апостольское наставление: воспитывайте... в учении и наставлении Господнем, т.е. словом и делом руководствуйте детей к жизни благочестивой и честной по учению Христову» (345, 249).

Концептуальные особенности православной педагогики.

На основании сказанного можно выделить ряд концептуальных особенностей православной педагогики.

1. Православная педагогика исходит из знания свойств и качеств человека в его естественном состоянии.

2. Она может не только описать все **лучшие свойства**, данные человеку Богом, **но также все страсти и пороки**, которые у него появились в результате грехопадения, и указать **средства** приобретения добродетелей и искоренения грехов и страстей.

3. Православной педагогикой разработаны **принципы** и **методы** воспитания, которые позволяют человеку сделать главное в его жизни – перейти из со-

стояния неестественного, греховно-падшего в состояние естественное, обновленное.

4. Православная педагогика воспитывает не только для временной, но и для вечной жизни: «Кто хочет воспитывать детей только для земных целей; тот увидит, что он забывает главное, т. е. назначение человека к жизни вечной и приготовление к ней. Кто думает, что нельзя воспитывать вместе для отечества земного и для отечества небесного; тот узнает, что он не имеет правильного понятия ни о земле, ни о небе. Земля есть временное жилище наше, а небо – вечное. Бог поставляет нас на земле для того, чтобы мы здесь приготовились, как должно, к жизни небесной. Кто думает, что он довольно сделал для детей, когда образовал их ум и сообщил им не мало сведений, хотя и не научил их истинно любить Бога Отца и Господа Иисуса Христа; тот увидит, что детей, вверенных ему Промыслом, он оставил слишком далеко от цели истинного воспитания…» (64, 10).

5. Православная педагогика органично включает процесс получения знаний в процесс воспитания. Если знание отделится от веры или «станет враждовать» против нее, то воспитанники не только не получат должного образования, но и «скоро ниспадут до крайней степени невежества и грубости, ослепляясь заблуждениями и предаваясь порокам» (64, 42-43).

6. Педагоги и родители, которые с рассуждением воспитывают детей, всегда сообразуются с главным началом, всегда имеют в виду главную цель - спасение. Но если они увлекаются заблуждениями и предрассудками, если их сердце удаляется от Бога и во всем предается земному, то у таких родителей и воспитателей, как правило, и главное начало воспитания бывает ложное и приводит к новым заблуждениям. «Не грех ли это… – скрывать от невинного ребенка его истинное назначение и единый путь, ведущий к небу» (64, 28-29).

Таким образом, концепция православного воспитания не только развивает и разъясняет утверждение: без Бога «не можете творить ничесоже (ничего)», но и дает практическое подтверждение этого нравственного закона, свидетельствует о его смыслообразующем значении для педагогической теории и практики.

Реализация положений концепции позволяет предотвратить и не дать развиться нравственным болезням века, которые отрицательно действуют на все стороны жизни и деятельности каждого человека и общества в целом.

4. СХИАРХИМАНДРИТ ИОАНН (МАСЛОВ) – РУССКИЙ ПАСТЫРЬ И ПЕДАГОГ.

4.1. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ГЛИНСКОГО СТАРЦА КАК ПРИМЕР ВОПЛОЩЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО УЧЕНИЯ.

Примеры жизни подвижников благочестия имеют первостепенное значение в деле православного воспитания. Если пример жизни «обычных» людей достаточно сильно влияет на сердце и волю человека, то тем более важен пример людей, свято проживших жизнь: он возбуждает желание подражать, стремление к добру и духовной жизни. Факты биографии помогают глубже понять смысл сочинений подвижника.

По словам вселенского учителя и святителя Василия Великого, «когда пересказываем жития прославившихся благочестием, прежде всего Владыку [Бога] прославляем в рабах Его… Самим праведникам не нужно приращение славы, но нам, которые еще в этой жизни, необходимо памятование для подражания. Как за огнем само собою следует то, что он светит, и за миром – то, что оно благоухает, так и за добрыми делами необходимо следует полезное» (135, 124).

Жития святых – это своеобразные «биографии» людей, канонизированных христианской Церковью. Вместе с тем, житие того или иного святого – это не столько описание его жизни, сколько описание его пути к обожению, спасению души (86, 8-11). Характер житийной (агиографической) литературы непосредственно соотнесен со всей системой религиозных воззрений народа, с его культурой, традициями и обычаями, особенностями его мировоззрения и духовности, с ценностями и идеалами народа, сложившимися на протяжении всей его истории. Именно поэтому житийная литература играет особую роль в воспитании и образовании как отдельного человека, так и нации в целом.

Почитание святых проявляется в поклонении им и призывании их как посредников между людьми и Богом. Оно основано на представлении о том, что святые, согласно христианскому учению, являются «вместилищами Божественной благодати» (86, 76). Св. Иоанн Дамаскин относит к ним слова Св. Писания: «Вселюсь в вас и буду ходить среди вас, говорит Господь, и буду вашим Богом» (149, 11-12). Учение о почитании святых как часть христианской догматики было утверждено VII Вселенским собором в Никее в 787 году.

В российской отечественной традиции издревле было укоренено чтение житийной литературы. Этот обычай был неразрывно связан со всем укладом русской жизни, который почти на всем протяжении русской истории был церковным, т.е. непосредственно связанным с жизнью Церкви, церковным календарем, богослужениями и содержал, по мнению схиархимандрита Иоанна (Маслова), во всей полноте черты глубокой христианской древности (162, 18). Он пишет о том, что **отличительной особенностью духовной жизни русского народа было благочестие**, которое глубоко поражало иностранцев. Духовным идеалом людей того времени был монах – подвижник, всецело посвятивший себя служению Богу. Поэтому монастырский устав определял всю жизнь русских людей. «Отличие мирян состояло лишь в том, что они могли вступать в брак и заниматься мирскими делами, во всем же остальном должны были подражать монахам. И в домашнем быту, и в общественной жизни чувствовался монастырский уклад. Особым почтением и уважением пользовалось у русских людей духовенство» (162, 22).

Вместе с тем, отмечает отец Иоанн, монастырский уклад жизни был не чем-то извне насаждаемым, а вытекал из внутренней, сердечной потребности глубоко верующего русского народа. Внешняя строгость была лишь проявлением сосредоточенности на внутренней, «невидимой» брани, стремления очистить себя от всякой нечистоты для единения с Богом. Поэтому и в рамках этого строгого уклада, регламентирующего все стороны жизни, русские люди чувствовали себя естественно, свободно и просто. Им была свойственна необыкновенная жизнерадостность, оптимизм, острый природный ум, духовная образованность, гостеприимство и радушие (162, 16).

Неудивительно поэтому, что русские люди во все времена, особенно в сложные исторические эпохи, искали этого идеала правды и святости, испытывали потребность в духовных вождях, в примерах, ибо, как сказано в Священном Писании, «с преподобным преподобным будеши, а со строптивым развратишися» (Пс.17, 26– 27).

С историческими личностями, подвижниками, святыми – такими, как Борис и Глеб, преподобные Сергий Радонежский и Феодосий Печерский, святители Тихон Задонский и Митрофаний Воронежский, и многими-многими другими ассоциировались самые лучшие устремления русских людей. Об этом свидетельствует, в ряду других русских мыслителей, Ф.М. Достоевский: «Судите

наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений. Они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом».

Большое влияние на нравственное состояние русского народа, как уже отмечалось, оказывали русские пастыри-подвижники. Прежде всего, это были люди, которые заботились о спасении не только своем, но и своих ближних. Души их были озарены Божественной благодатью, изливавшейся на всех людей, притекавших к их духовному окормлению, истерзанных грехом, потерявших или не нашедших смысла жизни, скорбящих и страждущих, ищущих вразумления, утешения, духовной поддержки, разрешения своих сомнений и недоумений (ЛПБ, ?).

Главное в них было то, что все они – словами и делами, всем своим обликом – призывали помнить о смысле и цели земной жизни человека. Таким истинным подвижником, подлинным русским пастырем был схиархимандрит Иоанн Маслов.

Епископ Новогрудский и Лидский Гурий, наместник Успенского Жировицкого монастыря так пишет о нем: «Отец Иоанн неоднократно говорил своим духовным чадам, что жизнь их должна быть целенаправленной, и призывал их помнить, во имя чего они живут на земле. Помнить не только во время молитвы и богомыслия, помнить на протяжении всего дня, заполненного трудам, отходя ко сну и вставая утром… Помнить о том, что, как сказал преподобный Серафим Саровский, цель жизни христианина – стяжание Духа Святого Божия».

Этой цели сам отец Иоанн достиг еще в земной жизни. «Он стяжал благодать Святого Духа, – подчеркивает епископ Гурий, – потому и тянулись к нему бесконечной вереницей люди разного сословия и звания, чувствовали сердцем особую силу, исходившую от этого необыкновенного старца… Ибо, хотя и скрывал отец Иоанн свои подвиги, но благодать Божия, которую, как горящую свечу, скрыть невозможно, влекла к нему сердца желающих спастись» (17, ?).

Какой же была жизнь отца Иоанна? Как сумел он достичь высот духовной жизни и нравственного совершенства? Остановимся на этом более подробно, поскольку факты его биографии, его многогранной деятельности помогают лучше понять смысл его трудов.

4.1.1. Детство и юность. Монашество в Глинской пустыни.

Схиархимандрит Иоанн (в миру Иван Сергеевич (Маслов) родился 6 января 1932 года в деревне Потаповка Сумской области в крестьянской семье. Он появился на свет в одной из тех державшихся строгих христианских обычаев и нравов семей, в которых вырастали на Русской земле великие праведники – столпы православной веры и благочестия.

Промыслительным было само рождение будущего старца в великий день навечерия Рождества Христова. Крещен младенец был 9 января в селе Сопич в храме во имя святителя Николая Мирликийского и наречен Иоанном.

Его родители, Сергей Феодотович и Ольга Савельевна, были людьми глубоко религиозными и благочестивыми, что отражалось на укладе семейной жизни (о матери своей старец впоследствии говорил, что она свято прожила жизнь). Работали они в колхозе. Отец был бригадиром.

Детей у них было девять человек, но четверо умерли в младенчестве. Сергей Феодотович очень любил Ивана и выделял его среди других своих детей (у Ивана было две старших сестры и два младших брата).

Уже в детские годы Иван обладал высокой духовной зрелостью. Друзей у него было много, однако он избегал детских игр. Часто ходил в храм Божий, куда детей приучала ходить мать. Старшая сестра его рассказывала: «Иван рос добрым, тихим, спокойным. Родители никогда его не наказывали. От матери попадало всем, а ему никогда. Всегда он был смиренный, никого не обижал» (196, 6).

Все, кто знал его в эти годы, говорили, что Иван отличался от других детей: «Его сразу было видно». Он обладал редкой рассудительностью, отзывчивостью и стремлением помочь ближним. В его душе смирение сочеталось с той силой духа и воли, которой подчинялись все его друзья. Ивана все слушались, даже те, кто был старше по возрасту. В драки он никогда не вступал, а, наоборот, останавливал драчунов, говоря: «Зачем ты бьешь его? Ему же больно» (196, 6).

У деда Ивана – Феодота Александровича Маслова – было три родных брата. Один из них – Григорий Александрович, известный своей прозорливостью иеромонах Гавриил, – с 1893 года подвизался в Глинской пустыни.

После закрытия Глинской пустыни в 1922 году отец Гавриил, родной брат его деда, вернулся в деревню Потаповка. Он предсказывал родственникам:

«Поверьте, я умру, а в нашем роду будет еще монах», и они невольно размышляли о том, кто же им станет. Одна из родственниц Ивана, наблюдая за детьми, говорила: «Уже если не Сергиев Иоанн будет монахом, тогда не знаю, кто и будет».

В 1941 году Иван остался в семье за старшего, так как отца забрали на фронт. С войны он не вернулся. Мать Ивана, Ольга Савельевна, рассказывала, что еще мальчиком он стал настоящей опорой семьи, руководителем и воспитателем братьев и сестер. Все дети называли его «батькой» и слушались. Уже тогда проявилось одно из основных свойств его души – все самое трудное брать на себя, полагать душу свою за ближнего. Ольга Савельевна (впоследствии монахиня Нина) говорила: «Он один умел так хорошо утешить мать, а ведь это так дорого стоит».

Во время Великой Отечественной войны в Потаповке стоял немецкий отряд. Немцы все отбирали, в том числе и продукты. Отец Ивана загодя закопал большие бочки с зерном и бочонок с медом. Немцы везде искали продукты, протыкали землю штыками, но ничего не нашли, потому что Сергей Феодотович закопал их под порогом сарая.

Сам старец впоследствии рассказывал: «Один раз зашел к нам немец со штыком. Мы, все дети, сидели у стенки. Он к каждому штык подносил, думали, заколет, но он заглянул под кровать и ушел, нас не тронул».

Немцы давали лошадей пахать землю, но к определенному часу лошадей надо было возвращать. Батюшка рассказывал: «Я пахал [ему было тогда 10 лет], а коня чуть дернешь, он вскачь, еле удерживал, и конь взмок. За это меня и маму немец гонял» (196, 7).

Так с самого детства Иван очень много трудился. Он сам говорил, что все умел делать: и шить, и прясть, и ткать, и вязать, и готовить, и исполнять все сельскохозяйственные работы. Любил работу. За что ни брался, все очень хорошо получалось. Много работал по ночам. Гулять никуда не ходил, но сестру отпускал, а сам вместо нее ночами вышивал, вязал носки своим младшим братьям. Сам сшил себе и братьям брюки, учил их быть аккуратными. Если дети небрежно бросали свою одежду, то Иван крепко-накрепко скручивал ее и бросал под кровать в дальний угол. Такой урок запоминался надолго, и дети приучались к порядку.

Жили бедно, обуви и ткани почти не было. Сами пряли, сами ткали полот-

но, летом отбеливали его. Ходили в лаптях. Батюшка рассказывал, как сам плел на всю семью лапти из лыка, а из тонких веревочек – чуни.

После войны был сильный голод. Особенно тяжело было весной. Как вспоминал отец Иоанн, «ждали только крапиву» (196, 7).

Иван придумал делать красивые рамочки для фотографий. Ему многие тогда заказывали такие рамочки. Ведь почти в каждой семье были погибшие на войне, и людям хотелось, чтобы дорогие для них фотографии были в красивой рамке. За работу Ивану платили продуктами. Вскоре он научился крыть крыши соломой (что считалось в хозяйстве самым трудным) и стал делать это лучше всех в деревне. Мать ему помогала: подавала снопы соломы. Крыша бывала готова за три–пять дней. Люди видели, какие добротные у Ивана получаются крыши, и многие его приглашали на работу, платили ему деньгами или давали продукты, одежду. Занимался Иван и пчеловодством. У него все получалось быстро и хорошо.

Так Иван кормил всю семью. Сестра его говорила, что если бы не он, то они не выжили бы. Он был настоящим хозяином в семье.

С 12 лет Иван начал работать в колхозе. Пас коров, пахал, сеял, косил, собирал плуги, научился делать повозки. В школу ходил за 6 километров в село Сопич. Благодаря природной одаренности, Иван учился очень хорошо. Учителя всегда его хвалили.

С детских лет отзывчивая душа Ивана горячо воспринимала всякую людскую беду: и болезни, и нищету, и всякую неправду. Сам необыкновенно добрый, умевший всем помочь, он ценил и проявления добра к нему. Много лет спустя отец Иоанн со слезами благодарности рассказывал, как в детстве старушка подарила ему большое яблоко за то, что он «коровку ей пригнал». «Так я до сих пор за неё Богу молюсь, за ее доброе дело, – говорил батюшка. – Это же надо – такое яблоко мне дала».

В 1951 году Ивана призвали в армию. Служил он отлично, начальство его любило. Впоследствии батюшка говорил, что сначала хотел быть военным: «Я не думал быть монахом, хотел быть военным, да вот Бог привел» (208, 9). Он рассказывал, что и в армии не скрывал своей веры. Над койкой повесил икону, и никто его не ругал, наоборот, все уважали. Иван очень метко стрелял. Если были соревнования по стрельбе, то начальство назначало его, и он всегда побеждал.

При исполнении воинского долга Иван жестоко простудился и с тех пор до самой кончины нес бремя неисцелимой и опасной болезни сердца. По болезни Иван в 1952 году был уволен из армии и вернулся домой.

Чистейшая душа его стремилась к духовному совершенству, к единению со Христом. Ничто земное не могло его удовлетворить. Именно в это время Иван сподобился Божественного откровения, приоткрывая тайну которого впоследствии говорил: «Такой свет увидишь – все забудешь».

Случилось ему однажды еще с одним молодым человеком поехать помолиться в Глинскую пустынь, которая находилась недалеко от их деревни. Когда они только вошли в монастырь, матушка Марфа (в народе ее звали Марфушей), прозорливая монахиня, дала Ивану бублик, а его спутнику ничего не дала, что стало своеобразным пророчеством: тот не остался потом в Глинской пустыни, а Иван связал с ней свою жизнь.

После этого Иван еще несколько раз ездил на велосипеде в Глинскую пустынь.

Желая всецело посвятить свою жизнь Богу, в 1954 году он навсегда оставил дом и устремился в святую обитель. Его мать впоследствии рассказывала: «Я не хотела его отпускать. Опора-то какая он мне был. Я за ним несколько километров бежала, все кричала: «Вернись!».

Сначала Иван несколько месяцев нес в монастыре общие послушания. Затем ему дали подрясник и в 1955 году зачислили в обитель по указу.

Впоследствии, когда старца спрашивали, почему он ушел в монастырь, он отвечал: «Это Бог призывает. Не от человека зависит, влечет такая сила, что не удержишься, – она и влекла меня. Великая сила». И еще говорил: «Я в монастырь пошел не просто. Мне было особое призвание Божие» (196, 10). Такими были уход от мира и начало иноческого пути схиархимандрита Иоанна.

Глинская пустынь пребывала в ту пору в расцвете. В обители подвизались такие великие старцы, как схиархимандрит Андроник (Лукаш), схиархимандрит Серафим (Амелин), схиархимандрит Серафим (Романцов). Именно с ними сразу духовно сблизился молодой подвижник.

Старца-настоятеля схиархимандрита Серафима (Амелина) Иван впервые увидел, когда тот выходил из храма. Ивана подвели к нему. Отец Серафим благословил молодого подвижника и сказал: «Пусть, пусть поживет», – а потом принял Ивана в братство и всегда с любовью и вниманием относился к нему.

Подробности жизни молодого послушника в Глинской обители известны одному Богу. До нас дошли лишь отдельные ее эпизоды, свидетельствующие о тяжести испытаний и жесточайшей духовной брани подвижника с силами ада, – испытаний, которые попускаются Богом только сильным духом (196, 10-11).

Отец Иоанн был избранник Божий, от рождения наделенный многими благодатными дарованиями. Старчество, как способность открывать людям волю Божию, провидеть их сокровенные мысли и чувства и вести истинным, единственно верным спасительным путем ко Христу, было даровано отцу Иоанну еще в молодости. Именно поэтому духовно опытные Глинские подвижники с первых дней поступления его в обитель стали посылать к молодому послушнику богомольцев за советом. Уже тогда к отцу Иоанну стали обращаться и опытные священники, многие из них спрашивали о правильном прохождении молитвенного подвига.

Настоятель обители, схиархимандрит Серафим (Амелин), пользовавшийся огромным духовным авторитетом у братии и богомольцев, сразу благословил отца Иоанна отвечать на многочисленные письма, поступавшие в обитель от тех, кто просил совета, духовного наставления и помощи. Сколько же человеческого горя, скорбей и недоумений принял уже тогда в свое горящее любовью к Богу и людям сердце молодой послушник! Ответы его, наполненные благодатью Святого Духа, всегда были душеспасительны.

Подписывая их, настоятель дивился духовной мудрости послушника, читал их тем, кто был в его келии, и восклицал: «Так и надо наставлять!» (196, 12). Впоследствии, когда отца Иоанна спрашивали, кто говорил ему, что писать богомольцам, он отвечал: «Бог». Иван не только отвечал на письма, но и полностью исполнял послушание письмоводителя. Отвечал тем, от кого обитель получала посылки, денежные переводы, записки на поминовение и т. п.

Так Иван начал свое самоотверженное служение Богу и ближним, ведя жизнь самую скромную, строгую и смиренную. Нес послушание письмоносца, трудился в столярной мастерской, делал свечи, затем был заведующим аптекой и одновременно клиросным… Все в монастыре его любили, никто не ругал.

8 октября 1957 года, накануне празднования преставления святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, после двухлетнего пребывания в монастыре, он был пострижен в монашество с именем Иоанн в честь святого апостола.

Случай для Глинской пустыни, где постригали только после многих лет искуса, необыкновенный.

Особенно близок был Иван схиархимандриту Андронику (Лукашу), который, впервые встретившись с ним, сказал: «Вот никогда раньше его не видел, а стал мне он самым родным человеком» (196 ,13). Однажды, когда Иван тяжело заболел, старец Андроник две ночи не отходил от его постели.

Узы дружбы тесно связывали отца Иоанна и отца Андроника до самой кончины последнего, а духовно-молитвенное общение их никогда не прекращалось.

Письма схиархимандрита Андроника к отцу Иоанну переполнены такой горячей любовью, заботой, задушевностью и уважением, что никого не могут оставить равнодушным. Вот как он обычно обращается к отцу Иоанну: «Дорогой мой, родненький духовный сыночек», «Дорогое и родное мое чадо о Господе» и пишет: «Я часто спрашиваю своих окружающих о Вас, ибо мне хочется лицом к лицу поговорить с Вами и насладиться нашей родственной встречей», «Вы мой родной по духу».

Когда отец Андроник тяжело болел, его келейник писал отцу Иоанну: «Он ждет Вас, все вспоминает и постоянно зовет к себе».

Старец схиархимандрит Андроник, характеризуя начальный период иноческой жизни своего духовного сына, говорил: «Он всех прошел», то есть был первым среди Глинских иноков (196, 13).

В послужном списке отца Иоанна тех лет сказано: «Монах Иоанн Маслов отличается исключительным смирением и кротостью; несмотря на свою болезненность, он исполнителен в послушаниях». Так всю жизнь он ставил во главу угла смирение, всегда во всем обвинял и укорял себя (196, 13).

Уже в те годы проявилась тесная связь отца Иоанна с духовным миром. Настоятель схиархимандрит Серафим (Амелин) после своей блаженной кончины не раз являлся ему во сне в полном облачении и наставлял его.

4.1.2. Учеба и преподавательская деятельность в Московских Духовных школах.

Обучение в Московской духовной семинарии: молитвенный подвиг и послушание.

В 1961 году Глинская пустынь была закрыта. В том же году отец Иоанн по

благословению старца Андроника поступил в Московскую Духовную семинарию. Он пришел сюда уже высокодуховным старцем, строгим и ревностным хранителем иноческих обетов.

Архиепископ Ростовский и Новочеркасский Пателеимон вспоминает, что хотя отец Иоанн был моложе некоторых своих сокурсников, но выглядел старше их. «Мы, студенты, знали, что он – Глинский монах и, несмотря на его молодость, относились к нему с не меньшим уважением и почтением, чем к старцам Троице-Сергиевой Лавры. Строгий духовный взор старца Иоанна заставлял нас быть степенными в его присутствии» (196, 14).

Уделяя много времени учебе, возлагаемым на него послушаниям, отец Иоанн усиливал подвиг внутреннего делания, молитвенный подвиг. В то время схиархимандрит Андроник, живший в Тбилиси, писал своему духовному сыну: «Дорогой мой отец Иоанн! Прошу: Вы себе давайте хоть маленький отдых. Вы очень устаете в своей учебе и в послушании, но Вам Господь поможет понести свой крест» (196, 14). О молитвенности отца Иоанна старец Андроник писал: «Ваши молитвы у Преподобного очень глубоки, надеюсь на Ваши святые молитвы» (196, 14).

Сведений об этом периоде жизни отца Иоанна сохранилось немного. Из писем старца Андроника узнаем, что в те годы отец Иоанн тяжело болел, но не оставлял своих подвигов. Схиархимандрит Андроник писал ему: «Вы себя не морите голодом. Вы очень слабый». И еще: «Как мне известно, Вы находитесь в тяжелом болезненном положение, так прошу Вас, как родного сына, берегите свое здоровье и употребляй ту пищу, какую предписывают врачи. Пост не для больных, а для здоровых, да и что говорить, Вы сами все прекрасно понимаете» (196, 15).

Духовная связь с Глинскими старцами.

Подвизаясь в Свято-Троице-Сергиевой Лавре, отец Иоанн всегда был тесно связан с Глинскими старцами и не только писал, но материально и духовно помогал им. Старцы Андроник (Лукаш), Серафим (Романцов), митрополит Зиновий (Мажуга) часто в своих письмах благодарили его за присланные духовные книги, иконы, антидор (благословенный хлеб), а также продукты. Когда старцы болели, отец Иоанн присылал им лекарства, давал рецепты, помогал советами, как лечиться. Митрополит Тетрицкаройский Зиновий, в те времена

епископ, писал ему: «Дорогой мой отец Иоанн! Спешу тебя поблагодарить за твою искреннюю помощь в трудную для меня минуту. Я никогда не забуду протянутую твою руку помощи мне» (196, 15).

Учился отец Иоанн очень хорошо. Его искренне полюбил ректор Московской Духовной Академии и Семинарии профессор-протоиерей Константин Иванович Ружицкий (1888–1964). Этот маститый, высокой духовной жизни старец более 13 лет был ректором Московских Духовных школ и заведовал кафедрой нравственного богословия. По благословению Святейшего Патриарха Алексия I, являясь председателем Учебного Комитета при Священном Синоде, он возглавлял всю систему духовного образования в Русской Православной Церкви. В то сложное время он для всех являлся «примером твердости, мужества, доброго служения на ниве церковной» и был широко известен как ревностный поборник Православия (196, 15).

Именно такой человек, каким был Константин Иванович Ружицкий, сразу почувствовал духовную высоту, нравственное благородство, богословские дарования отца Иоанна. Узнав отца Иоанна ближе, он, по его собственному выражению, стал относиться к нему как к самому родному и близкому человеку. «Произошла встреча двух благодатных старцев», – говорит об этом профессор Московской Духовной академии, доктор церковной истории К. Е. Скурат, близко знавший и отца Константина, и отца Иоанна. Эта дружба самым благотворным образом сказалась на развитии духовных и педагогических качеств отца Иоанна. Кончину досточтимого ректора в 1964 году отец Иоанн перенес очень тяжело (196, 15-16).

Рукоположение в сан иеромонаха.

В Великий Четверг, 4 апреля 1962 года, отец Иоанн был рукоположен в Патриаршем Богоявленском соборе во иеродиакона, а 31 марта 1963 года – в сан иеромонаха.

После окончания Семинарии он продолжил обучение в Духовной академии. И в Семинарии, и в Академии отец Иоанн был душой курса. В своих воспоминаниях об отце Иоанне его сокурсник протоиерей отец Владимир Кучерявый пишет: «1965 год. Начало нового учебного года в Московских Духовных школах. Состав первого курса Академии был многонациональным. Он включал в себя представителей России, Украины, Молдавии, Македонии, Ливана. Но

самой яркой личностью среди студентов, безусловно, был иеромонах Иоанн (Маслов) – воспитанник Глинской пустыни, очень способный, энергичный и жизнерадостный» (196, 16).

Сам всегда бодрый, отец Иоанн умел поднять настроение и у тех, кто его окружал. Все любили и уважали его. Необыкновенно добрый, он привлекал сердца всех, кто с ним общался, высотой своей духовной жизни, глубиной религиозного чувства.

Но самое главное, что его отличало: в нем обнаружилась необыкновенная духовная опытность. Сокурсники часто просили, чтобы отец Иоанн поисповедовал их. Они рассказывали, что, будучи простым, смиренным и общительным в повседневной жизни, отец Иоанн как бы преображался, когда исповедовал. Становился строг, проникал в самые потаенные глубины души исповедуемого, так что студенты поверяли ему всю свою душу. Они чувствовали, что не могут относиться к своему сокурснику иначе, как к старцу, духовному отцу, многоопытному наставнику (196, 16).

Полностью отдал себя в послушание отцу Иоанну его соученик из Болгарии иеромонах Иоанникий, впоследствии митрополит Сливенский Болгарской Православной Церкви. Батюшка очень строго его вел. После возвращения отца Иоанникия в Болгарию его прежний духовник написал письмо отцу Иоанну. В самых теплых словах он выражал свою благодарность отцу Иоанну за мудрое духовное окормление своего чада и писал: «Спасибо тебе за сынку». Глубокое чувство христианской любви и преданности к отцу Иоанну митрополит Иоанникий пронес через всю свою жизнь. Об этом ярко свидетельствуют его письма (196, 16-17).

Но самым близким отцу Иоанну из окормляемых им студентов и преподавателей был игумен Марк (Лозинский). Профессор Московской Духовной Академии, магистр богословия, заместитель заведующего Церковно-археологическим кабинетом, отец Марк был, по отзывам многих видных иерархов, человеком редким и исключительным, он весь принадлежал Церкви Божией. «Христианская жизнь его являлась примером подражания для многих», – вспоминал впоследствии протоиерей Лев (Махно).

Игумен Марк посвятил свою магистерскую диссертацию (он защитил ее в 1968 году) творениям святителя Игнатия (Брянчанинова), собрал огромный архив из наследия святителя, а также составил учебное пособие по гомилетике –

науке, излагающей правила церковного красноречия, проповедничества.

Игумен Марк был беззаветно предан отцу Иоанну, во всем спрашивал его советов и следовал им неуклонно. Отец Иоанн говорил о нем: «Это ангел был послан мне от Бога». О духовной дружбе, связывавшей их, он отзывался так: «Два тела – одна душа». Они оба трудились над составлением Патериков. Отец Иоанн составил «Глинский Патерик» (в первой редакции), а игумен Марк – «Отечник проповедника», в который вошло около двадцати примеров из «Глинского Патерика».

Вместе с игуменом Марком отец Иоанн ездил в Тбилиси к старцу Андронику, который также очень полюбил отца Марка. Ко времени этой поездки последний был уже тяжело болен и скончался в 1973 году, не дожив до 34 лет. Отец Иоанн очень тяжело пережил его кончину.

«Старец – наставник».

С большой любовью рассказывает об отце Иоанне митрополит Симон (Новиков), который в 1965– 1972 годах был инспектором Московских Духовных академии и семинарии: «Отец Иоанн – человек очень высокой духовной жизни. Я видел в нем старца-наставника. Не было дня, чтобы я не советовался с ним. Старался исполнять то, что он говорил. Слова его всегда сбывались, советы оказывались полезными, и это укрепляло доверие к нему. Отец Иоанн и лечил меня, врачом моим был.

Отец Иоанн – воплощенная кротость, очень скромный, смиренный, во всем имел послушание. Никогда никому ни в чем не отказал. Все знали, что он всегда поможет. Безотказный пастырь.

Его смирение, кротость – это, конечно, всегда передавалось окружающим, когда он священнодействовал. С такими людьми легко служить, легко жить. Такие люди являются украшением Церкви. Отец Иоанн – соль земли; свеча, которую ставят на подсвечник, чтобы всем светила.

Прежде всего он – Духовник. Очень много исповедовал. Когда бы ни зашел к нему в келию, всегда кто-то ждет исповеди. Такими людьми Господь Сам управляет. Он всегда умел утешить, если случались неприятности. Заботился о студентах. Был энергичный, быстрый, всегда в делах, а ведь сердечко-то слабое у него было» (196, 19-20).

Образец ризничего.

Об особой высоте духовной жизни отца Иоанна и его выдающихся качествах свидетельствует тот факт, что 1 сентября 1963 года он – тогда учащийся третьего класса Семинарии – был назначен помощником ризничего Академического храма, а всего лишь через месяц – ризничим (это та должность, на которую назначают, как правило, архимандритов).

По отзывам начальствующих, он был образцом ризничего. Это послушание отец Иоанн нес около двадцати лет даже после окончания Академии, когда он стал преподавателем Московских Духовных школ. Своими трудами и молитвами он обогатил ризницу прекрасными облачениями и церковной утварью. Одним духовным детям он заказывал достать ткань на облачение, другим – шитье и т.д. Отец Иоанн сам мог шить облачения и делал митры.

Отца Иоанна, имевшего абсолютный слух, очень музыкально одаренного, назначили также звонарем Академического храма. Когда он звонил, мелодичный, бодрый, радостный колокольный звон разливался далеко, наполняя сердца верующих ощущением праздничности, благодарения Богу, ревности ко спасению. Всегда ждали мгновения, когда отец Иоанн начнет звонить. Особенно радостно это было на Пасху, когда он в течение первого дня Светлого праздника много раз поднимался на звонницу и звонил одному ему известным переливчатым пасхальным звоном.

Духовное окормление преподавателей и учащихся.

Важнейшим в служении отца Иоанна в Московских Духовных школах было духовничество. Еще в годы учебы в Академии ему, студенту, было вверено духовное окормление преподавателей и учащихся, кроме того, он исповедовал богомольцев.

Именно здесь в полной мере раскрылись способности и пастырские дарования отца Иоанна, который с первых дней проявил себя опытнейшим духовником. К нему стал стекаться народ – все, кто хотел узнать волю Божию в том или ином случае жизни, кому необходимы были добрый совет и наставление, кто жаждал утешения в скорби и печали. Помещение перед ризницей, где он трудился, никогда не бывало пустым: утром, днем и вечером здесь можно было видеть преподавателей и учащихся Духовных школ, прихожан храма, москвичей, жителей других городов, приезжавших к отцу Иоанну на исповедь или для

душеспасительной беседы.

Его отличало живое, опытное познание Бога. Рядом со старцем каждый чувствовал, что мир иной, «жизнь будущего века» реально существуют. Это чувство, что отцу Иоанну открыт мир духовный, что сам он – житель этого мира, и было самым сильным в общении со старцем.

Этот мир для людей сокровенен, в нем действуют свои законы, которые не укладываются в обычные мерки ограниченного человеческого разумения. Можно лишь наблюдать внешние проявления этого небесного мира, которые выражаются в поступках и словах святых Божиих избранников. Проникая в отягощенное страстями сердце тихой благодатью, эти слова и поступки поражают, смиряют ум человека необычным для него сиянием иного, высшего порядка и влекут души к таким дивным избранникам, как отец Иоанн.

Отец Иоанн был не только великим проповедником Царства Христова, но и живым носителем этого Царства. Благодатная красота и величие отца Иоанна, сила его духа, ощутимая связь с вечной жизнью вызывали у приходивших к нему трепет и благоговение, искреннее стремление к спасению. Под влиянием только одного его слова или взгляда в людях совершалось глубокое нравственное обновление и возрождение. Здесь, на земле, в нем светился отблеск небесной славы, светился в тех благодатных дарованиях, которыми старец особенно был наделен от Господа (196, 22).

Имя отца Иоанна передавалось из уст в уста. Все более и более расширялся круг лиц, которые пользовались его духовными советами и руководством: монахи и монахини, священники, известные ученые, рабочие, деревенские жители, студенты, школьники, врачи, учителя. Бесед с отцом Иоанном искали и епископы, и министры. И для каждого у него находилось соответствующее слово «на пользу».

Протоиерей Владимир Кучерявый в своих воспоминаниях об отце Иоанне пишет, что его всегда удивляла «редкая способность батюшки говорить с каждым человеком на языке его уровня, исходя из духовной зрелости. Такой индивидуальный подход к каждому и получаемая помощь привлекали к отцу Иоанну множество людей, так что слух о нем, можно сказать, проходил по всей Руси Великой» (196, 22-23).

Как в свое время к отцу Андронику (Лукашу) в Глинскую пустынь, так теперь к отцу Иоанну потянулся народ Божий со всех концов России. Отцу Иоан-

ну было тогда лишь 33 года, но он был духоносным старцем и мог окормлять огромную российскую паству, к чему был подготовлен старческим служением в Глинской пустыни. Имя его стало известно не только в России, но и за ее пределами. С каждым годом число посетителей отца Иоанна возрастало, и можно только удивляться тому терпению, с которым он принимал ждавших его духовного утешения, наставления, а иногда и материальной помощи, – никого он не отпускал не утешенным.

Митрополит Астанайский и Алма-Атинский Мефодий пишет: «Будучи преподавателем Московских духовных школ, отец Иоанн всегда находил время для беседы с людьми, не на словах, а на деле исполняя Господню заповедь: Грядущего ко мне не изжену [не изгоню] вон» (196, 23).

Какая же сила влекла к этому старцу людей всех званий и положений? Какой мощью он неверующих приводил к вере, в отчаявшихся вселял надежду, злых делал добрыми? Что помогало ему творить чудесные деяния: исцелять от болезней и душевных страстей, прозревать будущее? На это можно ответить словами апостола Павла: «Не аз [я], но благодать, яже [которая] во мне» (1 Кор. 15, 10).

Отец Иоанн поистине воплотил в своей душе Христово учение и был носителем в своем сердце Духа Святого. Вот разгадка всеобщей любви и уважения к старцу со стороны тех, кто к нему обращался. Ему было дорого, прежде всего, спасение души, которая вверяла себя его попечению. Поэтому все его отношения с людьми были святы, просты и значительны. Оттого так и тянулись к нему души, стремясь полностью открыться перед ним. А если кто и не умел этого сделать, то сам старец помогал ему, так как имел редкий дар проникать во внутренний мир людей, «читать» в сердцах их и разъяснять им то, чего они сами не понимали и даже не замечали. Удивительно было при этом его умение направлять все силы людей к добру.

В своих советах он, как правило, был немногословен, умел одним метким словом, шуткой, одним движением, поговоркой, стихом из псалма попасть в самое «больное» место вопрошавшего, ободрить его, утешить и указать выход из жизненной ситуации. Если он говорил с кем-то при других, то поучал так искусно, что его обличения были понятны лишь тому, к кому они относились (196, 24).

Отец Иоанн терпеливо нес тяжкий крест болезней до самой кончины. Но,

несмотря на это, старец каждую минуту своей жизни посвящал служению Богу и ближним. Он не щадил себя. Однажды он сказал духовной дочери: «Будь свечой горящей!», – и потом тихо добавил: «А свеча сгорает дотла». Эти слова хоть в малой мере, но отражают подвиг самого этого великого светильника веры и благочестия.

Вот подтверждение этому. Одному человеку нужно было поговорить с батюшкой. Старец принял его, ответил на все вопросы, потом выяснилось, что во время разговора у отца Иоанна была очень высокая температура, начинался сильный грипп, и он долго потом болел. После этого гриппа отец Иоанн перенес осложнение на сердце, был очень слаб. Но людям было необходимо видеть его. И он, слабый, бледный, приходил к ним, отвечал на вопросы, за всех молился. У него было великое самопожертвование.

Несмотря на болезни, старцу была присуща необыкновенная бодрость духа, которую он не терял даже в самых тяжелых страданиях. Он учил: «Главное – дух бодрый держать». Преподобный Амвросий Оптинский в своих письмах объясняет: «Бодрость – от единения с Господом».

Душа отца Иоанна была преисполнена благодатного мира Христова. Неоценим дар батюшки передавать ближним это духовное сокровище – умиротворять их души (196, 27).

4.1.3. Жировицкий монастырь. Последний год жизни и блаженная кончина.

По примеру Глинской пустыни: духовничество в Жировицком монастыре.

Однако далеко не все так гладко было в жизни отца Иоанна, поскольку сказано, что «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3, 12). Не избежал этой участи и отец Иоанн. В 1985 году магистр богословия, один из лучших наставников Духовных школ, он был направлен из Троице-Сергиевой Лавры духовником в Жировицкий Свято-Успенский монастырь. Сырой климат этого места Белоруссии был ему категорически противопоказан и представлял большую опасность для здоровья. Однако чашу скорбей праведнику пришлось испить до конца.

Для насельников Жировицкого монастыря (в Жировицах тогда временно находились два монастыря – мужской и женский) старец явился подлинным

духовным сокровищем. Об этом еще до приезда батюшки писал ням обители митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний (Мельников). Владыка советовал им плодотворнее использовать духоносные наставления отца Иоанна, так как он пробудет у них недолго.

Сразу же после появления отца Иоанна в монастыре к нему стали стекаться все, ищущие спасения и жизни во Христе. Началось устроение внутренней духовной жизни обители, за которым последовало преображение и внешнего уклада жизни монастыря. Во всем стала наблюдаться чинность, благолепие. Широта деятельной натуры старца проявилась в благоустройстве хозяйственной жизни обители: наладилось садовое хозяйство, огородничество, появилась пасека. Когда батюшка только приехал в Жировицкий монастырь, там жили очень бедно, выращивали лишь небольшое количество овощей. Старец стал учить инокинь шить церковные облачения, вышивать и делать митры. И вскоре в обители появились свои искусные мастерицы.

Один из жировицких иноков, отец Петр, вспоминает: «С приездом к нам отца Иоанна в жизни обители началась новая, можно сказать, эпоха. Он возродил духовно-нравственную жизнь, наладил хозяйство монастыря» (196, 115).

Конечно, главное внимание уделял старец духовной жизни обители. Часто проводил общие исповеди отдельно для иноков и инокинь. Его вдохновенное слово перед исповедью подвигало к покаянию, сокрушению о грехах. Он учил монашествующих чистосердечному откровению помыслов, послушанию, смирению, а также строгому соблюдению монастырского устава (старец велел размножить устав и раздать всем насельникам).

Иноки сохранили письменное наставление отца Иоанна священнослужителям Жировицкого монастыря. «По святоотеческому учению, – писал он, – все насельники монастыря должны как можно чаще очищать свою совесть посредством таинства Покаяния перед братским духовником. А это, в свою очередь, будет способствовать духовному росту и нравственному перерождению души (25 мая 1987 г.)» (196, 117).

Отец Петр вспоминает: «На всю жизнь запомнилось общение с отцом Иоанном на исповеди, его теплое отеческое обращение».

Многие быстро почувствовали великую пользу откровения помыслов и жизни, в которой каждый шаг освящен благословением старца. Они часто приходили к нему за наставлением, а когда отец Иоанн выходил на улицу, шел в

храм или в сад, всегда к нему по очереди подходило много людей: решить какие-либо вопросы, получить благословение, исповедать грех.

Богомольцы, узнав о благодатном старце, съезжались в монастырь. И прежние духовные чада отца Иоанна ехали сюда со всех концов страны.

Заботясь о высоте нравственной жизни братии, отец Иоанн решил и другую, не менее важную задачу, связанную с улучшением чина богослужения, церковного чтения и пения. Конечно, пение в Жировицах сильно отличалось от стройного, строгого пения в храме Московской Духовной Академии. Но старец поправил и это. Через некоторое время он подготовил новых регентов, снабдил их нужными нотами, и на богослужениях в Жировицах стали петь, как в Академии.

Постепенно все в монастыре стали делать по благословению старца. Настоятель несколько раз в день приходил в его келию, долго беседовал с ним и ничего не предпринимал без его совета. Игуменья женского монастыря особо благоговела перед старцем, очень его почитала и по всем вопросам, даже мельчайшим, советовалась с ним. Отец Иоанн очень много помог ей в руководстве сестрами. Фактически он управлял монастырем, его духовной и хозяйственной жизнью.

Однако не все в монастыре с любовью и преданностью относились к отцу Иоанну. Были люди, восставшие против правильного духовного руководства, вводимого им по примеру Глинской пустыни. Были даже лица, восстанавливавшие против него сестер, огорчавшие его своим непослушанием, не понимавшие, что такое истинное духовное окормление и старческое руководство. Обиды от таких людей отец Иоанн терпел до конца своего пребывания в Жировицах (196,118-119).

Очень тяжело было батюшке в Жировицах и из-за сырого климата, отрицательно влиявшего на состояние его больного сердца. Но, несмотря на все это, он ревностно продолжал свое самоотверженное служение Богу и ближним. Какие бы волны искушений житейское море ни воздвигало на него, он никогда не колебался, так как всегда умом и сердцем предстоял Богу.

Последний год жизни. Блаженная кончина.

Недолго пришлось ему трудиться на новой ниве пастырского делания. В июне 1990 года отец Иоанн приехал в отпуск в Сергиев Посад, а в августе, пе-

ред очередным отъездом в Белоруссию, недуг окончательно приковал его к постели. Страдания то усиливались, доходя до критических состояний, то ослабевали. Постоянные сердечные приступы не оставляли его уже до самого исхода из этой жизни.

Таким было завершение жизненного крестоношения отца Иоанна, его восхождение на свою Голгофу. Истаивало, иссыхало в страданиях тело верного служителя Христова, но дух его по-прежнему был бодр и деятелен. При малейшем облегчении он сразу принимался за труд: работал над докторской диссертацией о Глинской пустыни, над Глинским Патериком и статьями. Рядом с кроватью была прибита рейка, на которой лежала ручка и карандаш. Батюшка брал небольшой легкий лист фанеры, ставил его ребром на грудь и, положив на него бумагу, писал. Так же он проверял курсовые и кандидатские сочинения студентов, конспекты лекций преподавателей Московских Духовных школ (196, 120).

В это трудное время особенно проявилась жертвенная любовь отца Иоанна к Богу и ближним. В эти годы батюшка фактически управлял несколькими монастырями. Часто приезжали и звонили, спрашивая о всех сторонах духовной и материальной жизни обителей, настоятель Жировицкого монастыря архимандрит Гурий (Апалько) (ныне епископ Новогрудский и Лидский) и наместник Киево-Печерской Лавры архимандрит Елевферий (Диденко). Отец Иоанн не переставал принимать духовных чад даже тогда, когда после очередной беседы терял сознание (так было не раз). Те, кто служили ему в эти дни, сетовали на посетителей, пытались оградить от них старца. Но однажды он сказал: «Не препятствуйте людям приходить ко мне. Я для того родился» (196, 121).

До последнего вздоха этот адамант духа нес на себе человеческие грехи и скорби, немощи и недостатки. Величие и красоту души отца Иоанна можно передать его же словами: «Любить добро, плакать с плачущими, радоваться с радующимися, стремиться к жизни вечной – вот наша цель и духовная красота» (196, 121).

Лучшей наградой для него была братская любовь среди окружавших его чад, и, напротив, ничем так не огорчался старец, ни о чем так не скорбел, как о несогласии или ссорах людей между собой. В последние дни жизни батюшка часто повторял: «Вы – дети одного отца, вы должны жить, как дети одного отца, я ваш отец. Любите друг друга». В одном из писем он писал: «Хочется, что-

бы все вы жили одной духовной семьей. Ведь это очень похвально от Бога и спасительно для души».

Отец Иоанн неоднократно предсказывал свою кончину. Примерно за месяц до нее он попросил, чтобы его отвезли на могилу матери и монахини Серафимы, его духовной дочери (они похоронены рядом). Здесь он показал сопровождавшим его, как перенести ограду и приготовить место для третьей могилы. Чувствовал он себя плохо, но оставался на кладбище, сидя около могилы в раскладном кресле, пока все не было выполнено по его указанию. Потом сказал: «Вот место, где скоро меня положат».

За несколько дней до кончины отец Иоанн сказал духовному сыну: «Мне осталось жить совсем немного». За два дня велел все убрать во дворе дома, разобрать вещи на террасе, чтобы был свободный проход, укрепить крыльцо, перила. Одна духовная дочь батюшки очень просила принять ее, несмотря на тяжелое состояние старца. Он по телефону ответил ей: «Ты приедешь в понедельник или во вторник». Слова его, как всегда, сбылись. В понедельник она узнала о преставлении старца и тут же приехала (196, 123).

27–28 июля 1991 года отец Иоанн чувствовал себя особенно плохо. 29 июля, в понедельник, в 9 часов утра старец причастился, а в половине десятого мирно отошел ко Господу в полном сознании. Сразу же священноиноки начали непрерывное чтение Евангелия, служили панихиды. На следующий день после преставления отца Иоанна две его духовные дочери, подойдя к дому, где была келия старца, ясно услышали прекрасное стройное пение. Одна из них со слезами сказала: «Ну вот, и на отпевание мы опоздали». Но когда они вошли в дом, то выяснилось, что в тот момент никто не пел, лишь священник читал Евангелие.

30 июля гроб с телом почившего схиархимандрита Иоанна был поставлен в Духовской церкви Свято-Троицкой Лавры, где вечером собором священнослужителей был отслужен парастас, а ночью продолжалось чтение Евангелия и совершались панихиды. Народ подходил к гробу и, прощаясь с великим печальником душ человеческих, воздавал ему последнее целование.

Тела избранников Божиих противятся тлению, будучи проникнутыми особой благодатью Божией. Так и тело схиархимандрита Иоанна после кончины не подверглось тлению. До самого погребения лик его оставался просветленным и одухотворенным, руки гибкими, мягкими и теплыми (196, 123).

Утром 31 июля собором клириков была совершена заупокойная литургия, которую возглавил наместник Киево-Печерской Лавры, духовный сын батюшки архимандрит Елевферий (Диденко). После литургии он же в сослужении священнослужителей совершил чин отпевания. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) произнес глубоко прочувствованное прощальное слово. Он сказал, что отец Иоанн жил не для себя, но для народа. Это был великий угодник Божий, констатировал он, в жизни которого действие Божественной благодати сочеталось с большим личным трудом, молитвенным подвигом. В его лице все мы обрели предстателя у Престола Святой Троицы» (196, 123-124).

В 12 часов дня гроб был вынесен на площадь перед Троицким собором, где при стечении богомольцев была отслужена лития, после чего прощальная процессия направилась к месту погребения на Старое кладбище в Сергиевом Посаде. По совершении литии гроб с телом верного служителя Церкви Христовой при пении «Вечной памяти» был опущен в могилу.

«В память вечную будет праведник».

С течением времени многим людям все больше открывается святость старца и его великое дерзновение перед Господом, которые он, по своему исключительному смирению, скрывал, как скрыл, что принял схиму (196, 131).

К могиле отца Иоанна часто приходят студенты и школьники с просьбой о помощи в учебе, на экзаменах. Учащиеся Духовных школ иногда приходят целыми классами молитвенно попросить у него благословение. Люди берут землю и цветы с могилы старца, с верой пишут записки с просьбой о помощи, оставляют их на могиле и получают просимое. Врачи, перед тем как дать лекарства больным, прикладывают их к могиле старца. Монахини, которые не могут приехать, присылают свои четки, чтобы их во время панихиды положили на могилу, а потом привезли им.

Народная тропа к могиле старца год от года ширится. Крепнет в людях искренняя вера в него как небесного покровителя и помощника. По словам одного священнослужителя, он так же близок, как при своей земной жизни, к тому, кто помнит, свято хранит и исполняет советы старца, живет по его заветам.

Любовь людей к отцу Иоанну обнаруживается постоянно, но особенно в дни его поминовений. Ежегодно 29 июля, в день его кончины, множество его почитателей собираются в храме Московской Духовной Академии, где совер-

шается заупокойная литургия, а затем панихида о почившем старце. Священнослужители говорят слово, посвященное памяти отца Иоанна. Затем все направляются к могиле подвижника, где совершаются многочисленные панихиды и литии. На его могиле всегда множество цветов и горящих свечей. Заканчивается этот день поминальной трапезой в Московской Духовной Академии, во время которой иерархи, священнослужители, преподаватели Академии делятся воспоминаниями о старце.

Глинские чтения.

Начиная с 1992 года, в Московской Духовной академии в конце июля проводится Всероссийский просветительный форум «Глинские чтения», на котором педагоги, военнослужащие, работники культуры, священнослужители, обмениваются опытом по использованию Глинского духовного наследия, трудов отца Иоанна (Маслова) в их просветительской деятельности (196, 132-133).

Торжественно отмечается и день Ангела отца Иоанна – 9 октября.

К настоящему времени более чем в ста различных изданиях опубликованы сочинения отца Иоанна. Его труды ежегодно экспонируются на международных выставках «Русская православная книга и современное церковное искусство», проводимых по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в залах Государственной Третьяковской галереи в Москве. Книга «Благодатный старец», посвященная жизнеописанию отца Иоанна, за десять лет (с 1992 по 2006 гг.) переиздавалась шесть раз, ее общий тираж составил около ста тысяч экземпляров.

На радиостанциях «Народное радио», «Радонеж», «Надежда», «Резонанс», «Садко», «Подмосковье», «Возрождение» звучали передачи об отце Иоанне. На телевидении (по РТР, в телепередачах «Русский дом» и «Канон», телекомпанией «Московия») неоднократно демонстрировались фильмы, посвященные его жизни и деятельности. Много раз был показан фильм «Глинская пустынь», поставленный по трудам отца Иоанна. Создано более десяти фильмов (среди них «Светоч монашества», «Подвиг служения миру» и др.), посвященных старцу.

Московские школьники под руководством педагогов, а в настоящее время сотрудники Московской педагогической академии, в течение многих лет организуют в разных городах России Глинские чтения, на которых они, используя труды отца Иоанна, рассказывают о Глинской пустыни и ее старцах. Неоднократно в библиотеках, музеях, выставочных залах проходили выставки книг по

теме «Глинская пустынь». Одну из таких выставок в Свято-Даниловом монастыре с трудами отца Иоанна и экспозицией, рассказывающей о нем, в феврале 1997 года посетил Святейший Патриарх Алексий II.

В 2005 году, после проведения Глинских чтений в Болгарии под девизом «Православие в Европе», они получили статус Международного образовательного форума.

В 1999 году издана книга «Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Его пастырская деятельность и богословское наследие». Защищена кандидатская диссертация по кафедре нравственного богословия, посвященная деятельности и трудам отца Иоанна (208). Недавно изданы его избранные письма и проповеди, содержащие обилие духовной мудрости. Со временем будет составлено полное жизнеописание старца.

В обращениях Правительства Российской Федерации к участникам форума «Глинские чтения» не раз цитировались слова старца: «Любовь русского человека к своей Родине беспредельна и беззаветна; он готов, пренебрегая смертью, отдать все свои силы на защиту ее. И это есть непреодолимое веление сердца, порыв любви, который он должен до конца исчерпать» (211).

Все это свидетельствует о востребованности современным российским обществом трудов отца Иоанна (Маслова), об их особой актуальности в наши дни. Мы попытались, насколько это возможно, передать величие его нравственного подвига, его близость к Богу, показать необходимость его творений, его личности для современной системы образования.

Своим высоким примером схиархимандрит Иоанн ясно свидетельствует, что лишь в Церкви Христовой достигается полнота истинного христианского совершенства, только в лоне Церкви пролегает прямой и верный путь к спасению. Пусть жизнеописание этого замечательного старца не только укрепит людей верующих, но и покажет неверующим, что все богатство своего духа, всю силу своего милосердия и любви, всю проницательность своего разума этот дивный старец развил из недр Православия, из опыта древнего и русского монашества, к которому он принадлежал всем своим существом. Пусть, видя это, люди почувствуют истину и силу Православия, правду и красоту Русской Церкви, ощутят в ней силу благодати Божией, которой так преисполнен отец Иоанн.

«Служение старца Богу и людям молитвенно продолжается в ином, неви-

димом для нас мире, в тех селениях, где за Русскую землю предстательствуют святые, и своей благодатной помощью не оставляют нуждающихся в ней» (208, 119).

Все, кто искренне обратятся к отцу Иоанну, прося его предстательства и молитв, смогут сами убедиться в непреложной справедливости сказанного о благодатном старце, ощутят его скорую помощь и заступничество. Воистину, «в память вечную будет праведник».

Завершить жизнеописание схиархимандрита Иоанна Маслова мы хотим словами апостола Павла: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13,7).

4.2. МНОГОГРАННОСТЬ ПАСТЫРСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Слово «пастырь» происходит от греческого «пим*и*н». Оно означает «питать». Другое его значение связано с понятием «защищать». Слово «пастырь», таким образом, в своем расширительном значении означает человека, постоянно и внимательно следящего, ухаживающего, руководящего, управляющего своей паствой и всецело преданного этому делу как своему призванию. По словам прот. Г.Шавельского, это слово выражает понятие о попечительной, вплоть до самопожертвования проникнутой заботе пастыря о нуждах и преуспеянии своих пасомых, являющихся объектом его деятельности (276, 17).

Русский аналог слова «пастырь» – священнослужитель, священник, наставник верующих (паствы).

Как уже отмечалось, пастырское делание включает исполнение трех главных обязанностей: учительства – распространение Слова Божия и христианского учения; священнодействия – совершение богослужений и таинств; духовного руководства – руководство нравственным усовершенствованием христиан (143, 8-9).

Хотя деятельность отца Иоанна можно рассматривать с самых различных сторон (пастырь, педагог, богослов, экзегет, пасторолог, литургист, писатель), мы остановимся именно на этих трех аспектах его служения, как бы концетрирующих, собирающих все остальные.

4.2.1. Учительство.

Отец Иоанн учил, что первая обязанность пастыря – наставлять пасомых в вере – «так важна, что оставляющий ее без исполнения недостоин своего звания» (143, 35).

Он часто проповедовал в Академическом храме, и как проповедовал! В красноречивых и доступных проповедях отец Иоанн поучал народ примерами жизни, страданий и смерти Иисуса Христа, разъяснял заповеди и обличал пороки. Некоторые свои проповеди он записывал, они опубликованы. Некоторые проповеди записывали люди, стоящие в храме, настолько ярко и убедительно он говорил.

В своих проповедях отец Иоанн раскрывал болезни души человека, болезни совести и в то же время указывал на лекарства от этих болезней. Он выступал как великий носитель христианского идеала, осуществляемого, прежде всего, любовью и милосердием к ближним. Отец Иоанн учил, что причины недугов каждого человека в отдельности и общества в целом – в падшей природе человека, обновить и исправить которую может только сила евангельских заповедей.

Он выступал с проповедью не только как учитель христианских нравов, но и как опытный воспитатель и мудрый руководитель, требующий от своих пасомых сознательного отчета в усвоении данного наставления. Благодатное пастырское слово отца Иоанна, внушительное и назидательное, всегда было плодоносно (196, 36).

В чем же заключалась причина успеха его проповедей? Вот как сам отец Иоанн учил о действенности проповеди: «Истинный пастырь более всего заботится о том, чтобы заложить в глубине сердца слушателей сознание неотразимой правды и абсолютной чистоты проповедуемого учения. Для этого ему необходимы не только большие теоретические знания, но и собственная жизнь. Хотя пастырь говорит красноречиво, но если предписываемые им правила жизни не оправдываются его собственной жизнью, то слушатели не могут понимать проповедуемого в строгом смысле и применить к себе. Св. Иоанн Дамаскин говорит: «Или не учи, или нравами учи, иначе – словами будешь призывать, а делами отгонять»…

Истинный пастырь преподаваемое высокое учение сам усваивает органически, оно... становится его собственным цельным и ясным мировоззрением.

Тогда его проповедь оказывает неотразимое влияние на слушателей. Слушатель чувствует, как самый дух проповедника входит в его душу…

Если пастырь будет связан страстями и пороками, то и сам язык его будет связан. Его слова будут пустым звуком... Сама же порочная жизнь истощит его духовные силы и отнимет у него способность учить паству. Пастырь должен учить людей словами, делами и даже своим молчанием» (196, 36).

Схиархимандрит Иоанн проповедовал Христово учение самой своей жизнью. Это знают все, кто общался с ним. Многие говорят так: «В разных жизненных ситуациях я вспоминаю батюшку, как он поступал, что говорил, и стараюсь принять решение, исходя из яркого примера его жизни» (196, 36-37).

Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал, что духовные люди «по действию в них Божественной благодати получают такие свойства и способности, которых чужд человек в своем естественном состоянии» (АО ?, ?). Так и отец Иоанн имел дары Святого Духа, среди которых были непрестанная молитва Иисусова, духовное рассуждение, прозорливость, проникновение в тайники человеческих душ, исцеление болезней душевных и телесных. Но главное: он стяжал величайший дар благодати Божией – беспредельную, деятельную, спасающую христианскую любовь.

Эта любовь в старце достигла высоты евангельского совершенства. Всего себя, все свои силы, разум, сердце и волю отец Иоанн принес Богу и людям. Как часто он освобождал других от болезней, скорбей, душевных печалей, принимая их на себя! Так он душу свою полагал за ближних. Самоотверженная любовь, горевшая желанием всем помочь, всех утешить, всем дать возможность спастись – характерная черта отца Иоанна. Подвиг его любви к ближнему изумляет знавших старца и волнующе захватывает души людей, узнавших о нем уже после его преставления (196, 40).

Он имел доступ к сердцу каждого и говорил: «Только любовью можно постигнуть внутреннюю жизнь других людей и войти с ними в тесное духовное общение». – «Реальная любовь – носить немощи друг друга». – «Любовь сильнее смерти». – «В любви сокрыт ключ и истинного боговедения и истинной христианской жизни». Он возвращал падшим людям образ Божий, умел заставить их плакать слезами покаяния, слезами возрождения к новой духовной жизни.

Отец Иоанн был настоящим отцом для всех, обращавшихся к нему с верой.

Старец «брал на себя» всего человека со всеми его немощами и скорбями. Для него не было мелочей, он все принимал близко к своему любвеобильному сердцу. Иногда люди только по прошествии нескольких лет, когда жизнь их по молитвам батюшки устраивалась, осознавали, какой великий дар и какую великую помощь они получали.

Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий рассказывал: «Когда батюшка отошел из земного мира, одна женщина, мать троих детей, сказала: «Он любил моих детей больше, чем люблю их я!» И хотя внешние проявления любви редко видели у старца (он всегда был собран, часто строг), но материнское сердце распознало любовь истинную, внутреннюю, духовную. Таких детей у батюшки было много – сотни и тысячи. И каждое свое чадо он любил любовью, которая была сильнее материнской» (196, 40).

По отзывам знавших старца, он не только мужественно нес свой крест, но и имел огромную нравственную силу поддерживать тысячи других людей и помогать им нести жизненные кресты. Умел утирать любые слезы, утешать во всяких невзгодах: от него передавалась благодать мира и глубокого успокоения. Он обладал редким даром духовно воскрешать людей после нравственного омерщвления. Сам вид, одно только присутствие этого духовно великого человека спасительно действовали на других, врачуя страсти и болезни, побуждая к добру, вызывая молитвенное состояние и слезы.

Старец был настолько красив, что при нем даже вслух говорили с благоговением: «Какой красивый!» Высокий, статный, широкоплечий, с правильными, мужественными, одухотворенными чертами лица, с длинными густыми волосами и бородой. Величественность удивительно сочеталась в нем с быстротой действий и внутренней энергией. В замечательных глазах старца отражалось сияние неба, которое проникало в самую глубь души собеседника и озаряло беспросветный мрак многих и многих жизней. Недаром говорили, что у старца глаза как у ангела.

Разносторонность и богатство духа отца Иоанна были необычайны. Он совмещал в себе непрестанную молитвенную углубленность и деятельную жизнь, строгость и мягкость, серьезность и шутливость, собранность духа и общительность, теоретические познания и житейскую опытность, всецелую жизнь в Боге и хозяйственную практичность, величие духа и простоту.

Батюшка и чад своих учил простоте: «Будешь жить просто – будет ангелов

со сто»; «Будь простым, а это значит постоянно думать: «Я хуже всех, всем должен добро делать»; «Всегда помни: «Я хуже всех», – и простота придет. Нужно быть простым, быть как дитя».

Отец Иоанн обладал исключительной памятью. Когда духовные дети жаловались ему на забывчивость, он говорил: «Память засоряется от грехов» (196, 42).

В своих проповедях и наставлениях отец Иоанн часто повторял: «Мы должны постоянно следить за собой, за своими мыслями, делами и пожеланиями и всячески избегать того, что оскорбляет Бога и удаляет Его из нашего сердца». Он называл внимание первым средством для очищения души: «Что касается духовной жизни и очищения души от греховного мусора, то первым средством в этом деле является бодрствование духа».

В письмах старец также часто писал своим чадам о внимании: «Будем внимать себе!»; «Будь повнимательнее к себе самой»; «Желаю тебе быть лучше и обратить особое внимание на свою бессмертную душу» и т.п. Отец Иоанн показывает, какое важное значение имеет внимание в деле спасения. Он пишет: «Наше спасение заключается в том, чтобы мы смотрели за собой повнимательнее». «Будем почаще испытывать самих себя, где мы находимся, и с помощью Божией удаляться от всего греховного и порочного» (196, 81-82).

По учению святых отцов, поставив ум в трезвенное состояние, человек должен внимательно смотреть на нападающие помыслы и отвергать их при самом появлении, не принимая их и не позволяя им проникнуть в наше сердце. Отец Иоанн часто использовал образное выражение, говоря что дверь души надо держать закрытой.

Когда батюшке говорили об унынии, тоске, он отвечал, что «это бывает, когда дверь [души] открыта, то есть впускаешь лукавые помыслы, они понемногу расхищают все, что накопилось в душе, все дары молитвы. Нужно дверь закрыть, помыслы гнать, богатство копить. Тогда в душе будет теплота, сокровища и благодать». Еще говорил: «Раз сразу не отсек мысль, а разговариваешь [с ней], значит, не возненавидел [греховную мысль]» (196, 82-83).

Говоря о духовном омрачении человека, старец подчеркивал, что человек слаб, слушает внушения врага, принимает их за свои мысли. Поэтому часто повторял: «Не слушай врага, не соглашайся с ним!», «Не исполняй то, что он тебе внушает». Еще говорил: «Надо стремиться к духовной жизни, не принимать

помыслов от врага». Когда отца Иоанна спрашивали: «Что значит – очищать помыслы?» – он отвечал: «Не соглашаться с ними». В «Симфонии по творениям святителя Тихона Задонского» батюшка пишет: «Подвиг отсечения помыслов предстоит всем христианам без исключения и непрестанно…» (196, 83-84).

Если батюшке говорили о мыслях зависти, ревности, он образно отвечал, что, принимая эти мысли, человек сам пыль поднимает и пылит перед собой. На примере страсти зависти батюшка учил, как бороться и с другими греховными мыслями. «Зависть – это от врага. Он может истерзать душу, если не противиться... Когда зависть [нападает], не пытайся своим размышлением противиться врагу, бесполезно, он тебя обманет. Вообще не принимай его подступов – сразу отрезай: «Мне этого не надо, это не мое». «Занимайся сразу работой, чтобы ум был занят...».

Если у человека были сомнения в вере, батюшка говорил: «Сомнение – искушение диавола. Бессмысленно разговаривать со своими мыслями. На все сомнения – один ответ: «Верую», – и скоро почувствуешь помощь».

По воспоминаниям епископа Феодосия, когда отцу Иоанну приходилось общаться с людьми мирскими, например, во время поездки в поезде, он и здесь самим поведением своим проповедовал, но эта проповедь была особой. Прежде всего, батюшка проявлял глубокий такт, величайшую доброту и внимательность к тем, кто его окружал (196, 37).

Однажды ему должны были делать операцию, и он лежал на каталке в предоперационной. Даже в таком его положении люди, возможно, сами того не сознавая, тянулись к старцу. К нему подходили врачи, медсестры, санитары. Кто-то задавал вопрос, кто-то рассказывал о своей жизни, кто-то просто стоял рядом. Батюшка потом сказал, что всем поговорить хочется, то есть все нуждаются в духовной помощи. Даже в такие минуты старец жил для людей и не переставал проповедовать (196, 37-38).

Когда батюшка лежал в больнице после операции, то к нему очень тянулись все больные, всем рядом с ним становилось хорошо, всем он приносил облегчение. Он видел каждую душу. Если человек не мог чего-то принять, то батюшка на него не «давил», а потихоньку располагал, подводил к принятию того, что человеку сначала казалось слишком строгим, возвышенным.

В палате с батюшкой лежали несколько подростков, больных гемофилией.

От ушибов у них очень распухали и болели суставы. Для облегчения боли им назначали наркотики. Но многие симулировали, преувеличивали боль, чтобы получить побольше наркотических средств. Врачи этого не понимали, а старец сразу увидел и очень серьезно поговорил с врачом о том, что нужно осторожно назначать наркотики, давать их меньше, чтобы молодые люди к ним не пристрастились. Объяснял, как это вредно и опасно. Весь медицинский персонал относился к отцу Иоанну с большим уважением (196, 38).

Люди самого разного уровня образования и воспитания тянулись к нему. Со всеми он не только находил общий язык, но и давал верное духовное направление, снимал тяжесть с каждой души. Люди верующие говорили о нем: «Какой благодатный!», а неверующие: «Какой необыкновенный человек!».

Особенно потянулся к батюшке врач А. Он вместе с женой даже поехал потом к старцу в Московскую Духовную академию. Рассказывал, что батюшка необыкновенно тепло их принял, накормил обедом, провел с экскурсией по Церковно-археологическому кабинету. Но, главное, как бы незаметно обращал их внимание на духовное.

Речь старца изобиловала духовной силой Священного Писания и отличалась яркой выразительностью народного языка: «Кто не кается, тот мертв», «Ум покаявшегося думает по-другому», «У нас сердце каменное, где плод не растет», «Проводя пост беззаконно, человек отрицается Матери Церкви», «Нерадение есть тьма неведения», «Бес свил в нашей душе гнездо», «Гордость помрачает, смирение просвещает», «Осуждая ближнего, досаждаешь Богу», «Сердце не может быть раздвоено в любви», «Много скорби праведным, но нечестивым еще больше», «Смерть есть начало вечности», «Где чистая совесть, там радость и вера», «Что в душе отпечатлелось за время жизни, с тем она и предстанет на Суд», «Кто Церковь не слушает, тот не Христов», «Честь неразумному есть меч», «Одно чтение – ко спасению, другое – к погибели», «Безнравственный человек есть посмешище злого духа», «Сейчас в мире царит тьма духовная. Вот мы и должны быть светом и солью» (196, 87).

Благодатное слово отца Иоанна было так внушительно и назидательно, что вместе со словами его проникала в душу и сама истина. Всем он говорил лишь о духовном. Если иногда казалось, что им сказано что-либо житейское, то впоследствии всегда выявлялся духовный смысл старческих слов.

Из наставлений святых отцов отец Иоанн особенно часто любил повторять

слова глубоко чтимого им преподобного Амвросия Оптинского: кого не осуждать, никому не досаждать, и всем – мое почтеньице!».

Вот некоторые общие наставления старца.

Призывая к жизни небесной, духовной, отец Иоанн говорил: «Тело – это только одежда души. Живет-то душа, вот и необходимо ее питать».

Если у людей возникали сложности во взаимоотношениях, отец Иоанн часто говорил: «Надо к N. ключик подобрать», - и учил, как это сделать. Сам он умел «подобрать ключик» к каждой душе.

«Всегда надо помнить цель – спасение. Это - дело всей жизни. Здесь скоро ничего не добудешь». «Надо каяться и устремляться ввысь. Как на небе набегают тучки – так и жизнь христианина. Без этого нельзя. Молись». «Борись с грехом – знай свое дело». «Унижение – это хорошо». «Надо всех любить и всех убегать, а то все разоришь». «Всегда себя нужно обвинять». «Страсти отражаются на лице» (196, 89).

«Ни к кому и ни к чему не должно быть привязанности, только к Богу».»Надо к Богу стремиться, Божественного искать, что к человеку привязываться».»Мы на земле гости. Наш дом не здесь».»Останься верен Богу до смерти – и никогда не ошибешься».»Мы здесь как в ссылке, истинная наша жизнь там. Но здесь надо и потрудиться. Наша жизнь здесь – сеять, только сеять, собирать потом будем. Плод Господь потом даст» (196, 90).

Старец особенно наставлял никого не осуждать, учил, как надо поступать: «Стали плохо о ком-то говорить, а ты скажи: «Я сама так делаю, я хуже», – вот уже и отсекла».

Одна духовная дочь спрашивала его: «Если люди, с которыми я нахожусь, начинают осуждать, а я не могу удержаться и тоже осуждаю?», – батюшка отвечал: «Уходи, тогда лучше уходи».

На вопрос: «Как мне покаяться?» – отвечал: «Благодарить Господа. Не досаждать, не обижать, не осуждать».

Почти двадцать пять лет провел отец Иоанн в Московских Духовных школах, и труды его, направленные на их процветание, неоценимы.

В 1969 году, окончив Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия, присвоенной ему за сочинение «Оптинский старец иеросхимонах Амвросий (Гренков) и его эпистолярное наследие», отец Иоанн был оставлен профессорским стипендиатом в Московских Духовных школах, пре-

подавал Пастырское богословие и практическое руководство для пастырей. Эти предметы призваны формировать священнослужителей, способных стать духовными руководителями вверенных им Церковью человеческих душ. Не случайно именно отцу Иоанну было доверено преподавать их будущим пастырям.

По отзыву инспектора Московских Духовных школ, отец Иоанн обладал великими духовными дарованиями. «Он был истинным пастырем и образцом для пастырей. Заповедь Апостола: «Образ буди верным» он исполнил, и все, кто знал его, были свидетелями тому. Это очень важно для Духовных школ – видеть образец христианской жизни».

Митрополит Астанайский и Алма-Атинский Мефодий свидетельствует: «Все, кто знал отца Иоанна, помнят, что это был монах и пастырь милостью Божией. Вся жизнь его была отдана без остатка служению Богу, Церкви, ближним» (196, 49).

Лекции отца Иоанна по Пастырскому богословию – плод трудов не только выдающегося ученого-богослова, но и духоносного пастыря. Раскрывая сущность пастырства и излагая его историю, отец Иоанн созидал в душах учащихся благодатную настроенность и любовь к Богу, Церкви, пасомым, которые должен иметь пастырь при совершении своего служения. Заключительная глава его лекций названа «Духовное и душевное пастырство». В ней ярко показано, что «истинное пастырство есть сочетание Божественной благодати, особого призвания, большого личного труда, непрестанного контроля над собой, духовного бодрствования и молитвенного подвига». Здесь же раскрыта губительная опасность подмены благодатного духовного пастырства естественным и душевным.

Лекции схиархимандрита Иоанна, обладая неотразимой внутренней благодатной силой, содержат и много конкретных практических советов, касающихся всех сторон жизни пастыря. По отзывам студентов, отец Иоанн умел посеять в их сердцах истинный дух пастырства – аскетический, самоотверженный, дышащий любовью. Его лекции служат и будут служить для студентов Духовных школ и для всех будущих пастырей верным руководством на избранном пути.

Отец Иоанн преподавал столь интересно и вдохновенно, что к нему на лекции приходили студенты с других курсов. С 1974 года он начал преподавать литургику в Семинарии. И здесь уроки отца Иоанна были очень интересными. Он не только знакомил учащихся с Богослужебным уставом, но и вводил в курс

литургического богословия, историю формирования чина Богослужения. Отец Иоанн был строгим и требовательным преподавателем, студенты очень его уважали и к его занятиям готовились серьезно. Уроки его проходили в напряженном энергичном темпе, но когда он видел, что слушатели устали, то мог пошутить, снять с них внутреннее напряжение. Сила его духовного слова и мудрость учителя возбуждали ревность в студентах, и они, как правило, очень хорошо знали литургику.

Отец Иоанн – признанный замечательный литургист. (Более подробно об этом будет сказано далее). Это подтверждают отзывы и воспоминания многих его учеников, например, игумена Сергия (Данкова).

«Об архимандрите Иоанне (Маслове) я впервые услышал в стенах Московской Духовной семинарии. Он был известен как один из последних монахов Глинской пустыни, приехавших в Троице-Сергиеву Лавру после ее закрытия. Для нас, семинаристов, он представлял воплощенную живую традицию, преемственно связывающую Глинских старцев с нашим временем. Поэтому мы с благоговением и трепетом смотрели на него как на авторитет в духовно-аскетической жизни.

Более близкое знакомство с отцом Иоанном у меня состоялось в 3-м классе Семинарии, где архимандрит Иоанн вел курс литургики, тот ее раздел, который освещает историю и уставное совершение служб двунадесятых праздников. Первый урок запомнился на всю жизнь. Когда отец Иоанн вошел в аудиторию, все пространство сразу же заполнилось его необычайно светлой личностью, точно кто-то невидимый включил свет, и мы сразу почувствовали, что происходит что-то необычное, неординарное, и сразу из «сонливых мух» мы превратились в активно внимающих его боговдохновенному слову.

Следует сказать несколько слов об отце Иоанне как об опытном преподавателе и педагоге, духовном наставнике и мудром учителе. Дело в том, что у него был свой преподавательский метод, он никогда не читал долгих и скучных лекций, что, на первый взгляд, кажется свойственным предмету литургики. Он умел так интересно подать материал, так увлечь темой урока, что в аудитории не оставалось равнодушных. Он старался каждого семинариста включить в процесс познания истины, пробудить в нем интерес к предмету, растормошить, заставить думать и активно обсуждать тему урока. Отец Иоанн вообще изменил образ преподавания. Он разрушил стену, разделяющую преподавателя, читаю-

щего с кафедры лекцию, и пассивно воспринимающую аудиторию. Мы были очень удивлены, когда отец Иоанн стер все преграды и объединил нас в одно целое, в стадо Христово, по образу Иисуса Христа и Его учеников, где сам отец Иоанн выполнял роль доброго пастыря, ведущего нас к познанию истины. Уроки отца Иоанна – это всегда активный мыслительный процесс, это возможность самому докопаться до сути преподаваемой дисциплины, активно включиться в процесс постижения сложных богослужебных последований.

Если обыкновенный преподаватель лишь «вдалбливает» послушным студентам прописные истины, то отец Иоанн незаметно втягивал нас в процесс обсуждения темы урока, увлекал в процесс поиска истины. Мы своими усилиями пробивали себе дорогу к конечной цели, он лишь, где это было необходимо, направлял наши усилия в нужное русло, вовремя предостерегал от ошибочных решений, и мы всегда постигали истину при его мудром водительстве. Это было некое сакраментальное действо, своеобразное богослужение (ведь мы изучали тропари, стихиры праздника), где мы не только изучали тему данного праздника, но и одновременно вместе с пастырем как бы совершали службу, посвященную этому праздничному событию. Вместе с пастырем мы не только познавали истину, но и служили этой истине. И действительно, ощущение после урока оставалось таким, каким бывает после праздничной всенощной. Все были оживлены, в приподнятом настроении, на устах были богослужебные песнопения. Личность отца Иоанна настолько вдохновляла всех нас, что превращала урок литургики в праздник Богопознания и Богообщения. Поэтому истины, познанные на уроках литургики, оставались в памяти на всю жизнь.

Здесь следует особо отметить, что отец Иоанн выступал не только как одаренный свыше преподаватель, опытный педагог, но и как внимательный пастырь и непревзойденный по силе влияния духовник. Каждое занятие – это прежде всего урок внутреннего духовного самопознания. Отец Иоанн раскрывал перед нами необозримый мир духовной жизни, учил нас обличать свои недостатки, тактично показывал нам наши греховные страсти и помогал найти пути их исправления. На каждом уроке шла напряженнейшая духовная работа, причем, с каждым индивидуальная.

Вот один такой случай, происшедший со мной, когда я был еще семинаристом. Я попал в Семинарию после светского гуманитарного вуза, и предметы семинарского курса мне давались легко. Не без ощущения превосходства над

другими соклассниками я готовился к литургике, чтобы блеснуть ми познаниями перед отцом Иоанном – таким авторитетным монахом-педагогом. Перед ним мне не хотелось ударить лицом в грязь. Как сейчас помню и тему, которую мы тогда проходили: это был первый двунадесятый праздник в литургическом году – Рождество Пресвятой Богородицы. Имея за плечами светское образование, я отлично выучил урок и настраивался на хорошую оценку, быть может, даже надменно себя вел.

И вот какой урок внутреннего самопознания и смирения преподнес мне отец Иоанн. Он вызвал меня к доске и попросил рассказать что-то из богослужебного последования, что для меня не представляло особой трудности. В какой-то момент рассказа я замешкался, чтобы перевести дыхание, потому что, как обычно при волнении, нужное слово выпало из головы, и только я настроился продолжать свой ответ, как отец Иоанн произнес свой приговор: «Садись, ничего не знаешь». Я попытался оправдываться, стал доказывать, что я все выучил, и получил в ответ: «Садись, колесо!»

Через плечо я увидел, что напротив моей фамилии рука отца Иоанна вырисовывала огромный нуль. Краска обиды полыхнула в лицо. Удар по самолюбию был такой чувствительный, что в первую минуту хотелось просто взбунтоваться. Но я смирил себя – все-таки 3-й класс – и сел на место, опозоренный, как я думал, перед всеми учащимися. Только впоследствии я оценил тот бесценный урок, который преподал мне отец Иоанн. Благодаря своей духовной опытности и даже просто какому-то пророческому предвидению отец Иоанн увидел во мне все мои нравственные недостатки и духовные пороки: завышенную самооценку, непомерное самолюбие и самолюбование, раздутую гордость и тщеславие.

Он не только увидел сам, но и смог показать их мне, обличить их при всех и попытаться истребить их, помогая мне смириться и понуждая к самоукорению. Результат был положительным, я размышлял всю ночь, и к утру обида испарилась, зато вместо нее появилась ревность к предмету и уважение к отцу Иоанну.

Система оценок у отца Иоанна была, на первый взгляд, необычной. Она колебалась от 0 до 3 баллов. Редко кому удавалось получить 4 или 5. Низкие баллы поощряли нас, семинаристов, к усиленным занятиям и в то же время не оставляли места успокоенности и самодовольству, которые возникают от высоких оценок. Но, вместе с тем, отец Иоанн был человеком очень объективным: в

аттестат всегда вносилась оценка в соответствии с уровнем знаний и успеваемости семинариста – даже если у вас в году были только тройки и ниже, вы могли в конце получить четыре. Такое врачевание скрытых наших пороков и особенно гордыни происходило практически на каждом уроке и у каждого семинариста.

Одновременно с изучением предмета литургики мы проходили курс молодого послушника, опытно познавали то, о чем пишут преподобные Авва Дорофей и Иоанн Лествичник. При этом всегда чувствовалось, что отец Иоанн – представитель классической русской монашеской традиции. Он передавал нам заветы Глинских старцев, под его руководством мы учились выявлять и бороться со своими скрытыми страстями. Отец Иоанн всегда был на страже и умел вовремя заметить и уврачевать напыщенное тщеславие, непомерное самолюбие, греховное высокоумие, всегда и везде учил нас терпению и монашескому смирению. Это были уроки не только познания, но и духовного врачевания.

Без духоносного слова отца Иоанна, всегда ревностью по Бозе горящего, без его любящего сердца, обращенного к самым сокровенным глубинам души собеседника, без его всегда эмоционально-напряженной речи мне трудно представить его литургическое наследие. Однако именно сейчас это богатейшее наследие особенно необходимо пастырям и ждет своих издателей» (196, 96-100).

Святейший Патриарх Пимен, посетив 30 ноября 1977 года лекции и занятия доцента архимандрита Иоанна (Маслова), сказал: «Если так много знают его ученики, то сколько же знает он сам!»

Вот как вспоминает об уроках литургики секретарь Йошкар-Олинского епархиального управления протоиерей Сергий (Филонов): «Отец Иоанн (Маслов) преподавал у нас в Семинарии в третьем классе литургику. Когда мы узнали, что преподавать будет он, то все испугались – знали о его строгости, требовательности. Но когда кто-нибудь высказывал это вслух, старшие нас успокаивали и говорили, что отец Иоанн очень добр и справедлив. А главное – у батюшки интересно учиться. Но это уже осознается потом. А во время обучения у него все находились в напряжении. Отец Иоанн все требовал учить и знать наизусть, сам никогда не смотрел в книги и записи, когда читал лекции.

Всегда поражал спокойный вид батюшки. Отец Иоанн входил величественно, степенно; сидел основательно, двигался всегда без шума. Имел привычку часто ходить по рядам, видел сразу все и всех. Иногда спрашивал, что у кого

лежит на парте. Любил, когда сами студенты делали небольшие рамки с несколькими подобранными по сердцу иконами святых. Тут же мог спросить тропарь или величание тому или иному святому.

Действительно, отец Иоанн был строг. Человек, получавший у батюшки «четверку», считался глубоко знающим студентом.

Получилось так, что он мне как-то поставил «тройку», и я был рад. Потом он предложил «вытянуть» меня на «четверку». Но я, чтобы освободить себя от больших волнений, будто проявляя смирение, которое, конечно же, батюшка ценил в молодых людях, сказал: «Да мне, батюшка, и тройки хватит». И, помню, еще махнул рукой. Но, видимо, мое «смирение» произвело на него обратное впечатление, и батюшка заметил: «А «тройка»-то твоя с 12-ю минусами». Пришлось, как говорится, бодрствовать.

Вообще у отца Иоанна был свой особый подход к оценке знаний. Получить «ноль» за ответ было обычным делом. «Садись, колесо!» Это означало и полное отсутствие знаний, и несмирение, и даже излишнюю бойкость в ответе, то есть своенравие... Батюшка все воспринимал в меру и учил этому нас. Кстати, иногда ученик мог очень хорошо, без запинки отвечать, а отец Иоанн вдруг спрашивал: «А вот здесь, братец, действительно так?» Если студент тушевался, батюшка как бы оживлялся и говорил: «А нам сейчас поможет вот кто...», – и одновременно медленно-медленно вел пальцем по журналу сверху вниз. Тишина в этот момент стояла такая, что писк комара мог быть услышан за многие километры. Когда, наконец, палец останавливался и отец Иоанн называл фамилию, вздох общего облегчения был таков, что можно было принять его за сильный шум. Но веселое оживление в классе, действительно, появлялось.

Однако и «пятерку» у отца Иоанна получать было «опасно». Такой человек становился объектом постоянной строгой проверки. После этого, как правило, он мог получить «тройку», если оценку не хуже. А потом и «четверку». Но именно этой оценке все в семинарии были очень рады и знали, что она стоит очень многого.

Невинные шутки батюшка с нами разделял охотно, но если это не касалось святынь. Кто-то позволил себе пошутить над заданным вопросом по литургике – возмущение и гнев отца Иоанна я не берусь сейчас даже воспроизвести.

Кстати, батюшка никогда не был против, если студент начинал с ним дискутировать, хорошо зная какой-либо вопрос. Однажды наш урок прошел в та-

кой дискуссии. Студент хорошо выступил, и отец Иоанн поставил ему «пятерку», но просил принести источник и точно указать место, где был изложен взгляд, который отстаивал студент. Наш сокурсник это сделал, батюшка был доволен. Но с этого момента и требования к упомянутому студенту возросли. Пришлось и ему спустя некоторое время получить свое «колесо».

Некоторые из учеников отца Иоанна так привыкали к этим «колесам», что иной раз начинали даже высказывать вслух, что, мол, ну и пусть будет «колесо». В связи с этим батюшка грозно предупреждал: еще одно «колесо» вручу, и получится у тебя крепкий «руль», на котором можешь поехать, куда хочешь. Тут человек спохватывался.

Все педагогические приемы и назидательные богослужения отца Иоанна очень пригодились нам, ставшим теперь пастырями: и то, что заставлял учить наизусть; и то, что настаивал на знании всех тропарей и величаний; и то, как показывал нам своим примером служение Богу, – все это теперь, как молния, иногда пронзает тебя на службе или в общении с прихожанами, и чувствуешь, что и возгласы, и слова, и ответы для вопрошающих иногда приходят как бы сами собой. Но во всем этом заложены труд и молитвы нашего учителя» (196, 104-106).

Как видим, в деле воспитания будущих клириков в Московских Духовных школах особенно ценными были не столько лекции, проповеди, наставления, сколько пример их наставника – отца Иоанна, жизнь которого представляла непрерывную цепь высоких и назидательных проявлений пастырского мужества, самоотречения и евангельской любви к ближнему. Под их влиянием и воспитывались его ученики, а затем распространяли как в России, так и других странах свет Евангельского учения, дух христианской бодрости и мужества.

Навсегда запомнилось им пламенное наставление отца Иоанна: «Никогда и нигде жизнь священнослужителя не должна стать, хотя бы в малейшей мере, поруганием святейшего Имени Иисусова! Она не только не может быть зазорной, но должна быть святой и чистой, ибо от пастыря Господь не порядочности только требует, а святости и совершенства». «Наша святая обязанность, – учил отец Иоанн, – состоит в том, чтобы мы всегда говорили о спасительных путях Господних» (196, 106).

В Московских Духовных школах вспоминают о полном любви отношении отца Иоанна к ученикам и отеческой заботе об их духовном и материальном

благополучии. Он всегда напоминал, что нужно не теоретическое, а практическое, нравственное усвоение Божественных истин. «Все науки, связанные с прославлением Бога, весьма полезны и спасительны. Но они без доброй святой жизни бывают мертвы. Значит, нужно не только знать о Боге, но и исполнять Его Святые заповеди. Только в таком понимании человек сможет принести духовный плод на ниве Христовой. В Духовной школе надо быть образцом для остальных учащихся, то есть смиренным, кротким, любвеобильным и послушным. И все эти добрые дела должны быть основаны на Евангелии и святоотеческом учении» (196, 106).

Ректор Московских Духовных академии и семинарии архиепископ Верейский Евгений вспоминает: «Однажды отец Иоанн пришел к нам на урок и сказал, что сейчас многие студенты проходят мимо преподавателей, мимо других студентов и не здороваются, а надо всегда приветствовать друг друга и ко всем относиться с почтением. Тогда один из студентов спросил: «А как?» Отец Иоанн положил земной поклон перед всей аудиторией. – «Вот так» (196, 106).

Приведем еще отрывок из воспоминаний игумена Сергия (Данкова), в котором подчеркиваются замечательные особенности схиархимандрита Иоанна (Маслова) как педагога:

«Меня всегда поражал внешний вид старца, то особое благородство и достоинство, с которым он носил свое монашеское одеяние. ...Всем своим видом отец Иоанн выражал изящество и благородство, достоинство и красоту монашеского сана. Это всегда дисциплинировало и подтягивало нас. Глядя на его образцовый внешний вид, мы вспоминали свои помятые сюртуки и не глаженные брюки и чувствовали угрызения совести из-за неблагоговейного и невнимательного отношения к внешнему облику студента семинарии.

Я не случайно заостряю внимание на этом, на первый взгляд, внешнем факторе, вроде бы не определяющем в педагогической деятельности. Но при появлении в аудитории отца Иоанна в полном монашеском облачении сразу создавалась атмосфера большой значимости происходящего, все понимали, что сейчас будет происходить нечто необычное. Это был определенный настрой на занятия. Подчеркнутая строгость внешнего вида отца Иоанна свидетельствовала о важности преподаваемого им предмета.

...Следует сказать, что внешний вид педагога, особенно православного, является определяющим в создании того должного настроя на занятия, который

он хочет вызвать у слушателей. Опыт отца Иоанна показывает, что духовные люди с большим тщанием и благоговением относятся к своему внешнему виду, тем более если речь идет о православном педагоге, взирая на которого каждый слушатель мысленным взором восходит от образа к Первообразу, то есть к Иисусу Христу» (196, 96-100).

Игумен Сергий говорит и о другой очень важной особенности духовного облика старца. Это «бесконечная, непрекращающаяся, бурным потоком изливающаяся радость. Она сияла на его лице, искрилась в глазах, втягивала в свою оптимистическую орбиту нас, его учеников. Мы все без исключения заражались этой льющейся через край радостью бытия. Но это не было что-то внешнее, искусственное, это не была минутная вспышка, ослепляющая на мгновение, а потом погружающая в еще большую темноту. Это была такая благодатная радость, которая стала природным состоянием его души, органическим свойством его натуры» (196, 99).

В этих воспоминания очень важно для педагогов подчеркиваемое «отличие от внешнего показного оптимизма, умения подать себя», когда преподаватель должен во что бы то ни стало выглядеть оптимистичным, входить в аудиторию «с улыбкой, обвораживающей всех». Но эта неискренняя «дежурная улыбка сейчас уже никого не обманет, не замаскирует подлинной сущности человека, которая у всех у нас одна греховная, а оттого и состояние души всегда колеблется от ненатуральной, искусственной радости до глубочайшей депрессии и отчаяния.

Радость отца Иоанна была естественным состоянием его благодатной души, постоянным выражением его непрекращающегося духовного подвига. Никто не мог смеяться таким чистым смехом, ни у кого улыбка не была такой искренней, располагающей к общению, согревающей душу. Только одна мысль, что сегодня у нас будет литургика, вызывала необыкновенный прилив сил, бодрость духа, хорошее настроение, за спиной вырастали крылья, и душа летела на урок к отцу Иоанну. Когда он входил с сияющей улыбкой, с искрящимися радостью глазами и начинал говорить, было ощущение, что он начнет свой урок словами другого старца, преподобного Серафима Саровского: «Христос Воскресе, радость моя!». В то время мы воспринимали радость, переполнявшую отца Иоанна, как обычное явление, и лишь со временем пришло осознание, что это было необыкновенное чудесное свойство его благодатной души –

радоваться самому и дарить эту радость жизни всем окружающим его.

Я рассказываю об отце Иоанне прежде всего как о педагоге, но именно эта черта его педагогического дара наиболее ценна и важна как наглядный пример для современных православных преподавателей. Отец Иоанн не только «загружал» знаниями наши неокрепшие умы, в первую очередь он дарил своим подопечным радость бытия, любовь к окружающей жизни, счастье каждого прожитого мгновения. И в этом заключается особый благодатный дар, в этом особое от Бога призвание педагога» (196, 98).

«Занимаясь у отца Иоанна, я, может быть, впервые отчетливо осознал роль педагога-воспитателя в своей жизни. Из светского вуза я вынес традиционные представления о колоссальном значении педагога в плане образования ума, развития интеллекта. А в семинарии, на уроках отца Иоанна, я увидел в педагоге прежде всего воспитателя в духовно-нравственной жизни, проводника, который берет тебя за руку и ведет по безбрежной пустыне человеческой жизни к единственно-истинному источнику живой воды, которая есть оживотворяющее Слово Божие.

Уча других смирению, он, в первую очередь, смирялся сам. Кеносис, то есть смирение и уничижение по образу Спасителя, были главными чертами его общения с учениками» (41, 32-41).

«Отец Иоанн так строил занятия, чтобы предоставить возможность каждому студенту активно включиться в процесс работы над новой темой и самому самостоятельно докопаться до сути. Он вовлекал в оживленную дискуссию аудиторию, затевал диалог с каждым студентом, старался его растормошить, пробудить от пассивности, заставлял его самостоятельно решать поставленные проблемы. ...Отец Иоанн нашу беседу и наши размышления вслух умел ненавязчиво направлять в нужное русло, и, к всеобщему удивлению, к концу урока мы приходили к должному результату, то есть осваивали новую тему. И поскольку она была результатом работы собственной мысли, то запечатлевалась в памяти прочно и надолго.

По большому счету, отец Иоанн вел нас по жизни, учил самостоятельно искать истину. Это руководство было особенным. Он не заслонял собой саму истину, он направлял к ней, указывал дорогу, предохранял от ошибок и в нужный момент устранялся, когда видел, что человек, пускай и наощупь, пускай нетвердо, но уже сам шел ко Христу как к высшей Истине.

Голос отца Иоанна господствовал в аудитории, и через голос молитвенный настрой доброго пастыря передавался всем нам. Официально шел урок, но в мистическом плане совершалась невидимая служба, где ревностный пастырь молился со всеми пасомыми.

Это чувство необыкновенной легкости и окрыленности, благодатной возвышенности души, которые всегда появлялись после уроков отца Иоанна, можно сравнить разве с получением благодати после праздничных всенощных бдений.

Хочется уделить особое внимание пророчески-проницательному взору старца. В нашей классной комнате всегда было чуть-чуть темновато, но отец Иоанн был тем светильником, который во тьме светит, и интуитивно мы чувствовали, что из его глаз исходит какой-то особый, нетварный свет, что это не физическое чудо, а отблеск внутреннего света исихастской молитвы, которую всегда творил отец Иоанн. Поэтому в памяти остались его руки, вернее левая рука, беспрестанно перебирающая четки. Мне хорошо был виден этот живой конвейер непрестанной молитвы Иисусовой, процесс, который не останавливался ни на минуту в течение урока. Пальцы послушно теребили четки, и внутренняя молитва лилась так же естественно, как течет река, плывут облака, как течет и само время» (41, 32-41).

Благотворность влияния отца Иоанна не оканчивалась и после выхода учащихся из стен Духовной школы. Отец Иоанн на всю жизнь оставался в памяти студентов. Многие и многие пастыри со всех концов страны обращались к отцу Иоанну за советами, рекомендациями в их пастырском служении. Некоторые из них приезжали с толстыми тетрадями, в которых были записаны вопросы к батюшке. Старец часами отвечал на эти вопросы.

Отец Иоанн широко известен и как ревностный поборник чистоты Православия. В начале 1990-х годов даже комментаторы радиостанции «Свобода» говорили о нем как о столпе Православия. Заслуженный профессор Московской Духовной академии, доктор церковной истории К. Е. Скурат называет отца Иоанна «православнейшим человеком» (196, 107).

Отец Иоанн (Маслов) пользовался огромным авторитетом у священнослужителей, монахов, мирян и вообще у всех, кто когда-либо к нему обращался. Многие иерархи Русской Православной Церкви (и не только Русской) понимали, какое большое духовное влияние оказывал он на воспитанников Москов-

ских Духовных школ. Митрополит Тетрицкаройский Зиновий (Мажуга) (в схиме Серафим) писал батюшке: «Берегите себя для будущих пастырей». Святейшие Патриархи Алексий I и Пимен высоко ценили его заслуги. В 1967 году отец Иоанн был возведен в сан игумена и награжден палицей, а в 1973 году – в сан архимандрита. В 1972 году утвержден доцентом Академии. Он был награжден двумя орденами Преподобного Сергия, удостоился права служения Литургии с открытыми Царскими вратами по «Отче наш», имел два креста с украшениями и высшую церковную награду – Патриарший крест. Святейший Патриарх Алексий II назвал отца Иоанна выдающимся подвижником XX века.

Преподаватели Московской Духовной семинарии игумен Феодосий (ныне епископ Полоцкий и Глубокский) и протоиерей Владимир Кучерявый, ныне почетный настоятель Успенского храма в Сергиевом Посаде, вспоминали: «Почти 25 лет трудился отец Иоанн в Московских Духовных школах. За эти годы среди членов большой академической семьи он снискал всеобщее уважение и авторитет как глубокий богослов, опытный наставник и ревностный пастырь» (196, 106).

Поистине, много трудов положил отец Иоанн, чтобы горячо любимая им Духовная школа действительно служила делу Христову.

Профессор Московской Духовной академии, магистр богословия архимандрит Платон (Игумнов) в своей речи в день памяти отца Иоанна 29 июля 1996 года сказал: «Многие сотни, тысячи людей хранят светлую благодатную память о пастырских трудах, молитвенных воздыханиях, дерзновенной любви к Богу и людям, самоотверженном служении Православной Церкви, высоком смирении схиархимандрита Иоанна» (196, 108).

Ревностное служение схимархимандрита Иоанна (Маслова), русского пастыря и педагога, было направлено к духовному возрождению пастырей и пасомых. Он был истинным подвижником и учителем, посвятившим себя служению, обучению и руководству своей паствой, замечательным педагогом, тонко понимавшем человеческую душу. Его многогранная педагогическая деятельность помогает лучше уяснить смысл его трудов.

4.2.2. Совершитель священнодействий.

Особое воздействие оказывали на людей совершаемые отцом Иоанном богослужения.

По мысли отца Иоанна, деятельность пастыря в качестве теля богослужения является наиболее специальной, таинственной и ответственной частью богослужения. «Поучать и руководить другими может и мирянин, но священнодействовать может только пастырь, который получает для этого благодать при хиротонии» (143, 367).

Отец Иоанн учил, что в священнодействии пастырь предстоит пред Богом. Наиболее полное выражение это предстояние находит в молитве пастыря за богослужением. «В храм люди несут страдания и скорби своего сердца, сознание заблуждения своего ума. Все это они выражают во вздохах и воплях о помощи. Но если все они молятся только за себя, то пастырь призван молиться за всех» (143, 366).

Будучи вдохновенным молитвенником, отец Иоанн опытно познал и учил своих последователей, что лишь при условии пастырской молитвы за всех возможна духовная связь пастыря со всеми молящимися и объединение всего храма в единое духовное тело (134, 366).

Богослужения, совершаемые отцом Иоанном, своей благоговейностью, красотой, духовностью и величием потрясали человеческую душу, влекли ее к Небу. Отношение к священнодействию было у него духовное, благоговейное, святое. Он учил, что «душевность и духовность пастыря паства узнает по дару молитвенности. Когда говорят о священнике, то первый отзыв о нем касается того, хорошо или плохо он служит. Под хорошим служением разумеется не музыкальность голоса и его громкость, а то, что в нем слышится дух искренней молитвы». Те, кто сослужил старцу, всегда бывали потрясены его служением (196, 31-32).

Протоиерей Владимир Кучерявый вспоминает: «Во время совершения Святой Евхаристии своей молитвенностью, истовостью, выразительностью произносимых возгласов отец Иоанн вводил нас, молодых священников, сослуживших ему, в неизреченный мир непостижимой Тайны – принесения в жертву Агнца Божия, в Тайну преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящих Ти ся», – звучало в его устах с такой внутренней силой, что всем, кто слышал эти слова, нельзя было оставаться равнодушными». По отзывам сослуживших старцу, в священнодействии он являлся в ореоле всеобщего ходатая и предстоятеля пред

Богом (196, 33).

Сам отец Иоанн, ссылаясь на святого Симеона Нового Богослова, писал, что истинный пастырь во время богослужения «умом созерцает Бога, сорастворяется в сердце своем с Христом». По молитвам отца Иоанна сослужившим ему также передавалось благоговейное отношение к священнодействиям. Когда они сослужили отцу Иоанну, то опытно познавали, что всякое священнодействие есть великая духовная реальность, воплощение Духа Истины. Открывалось это и молящимся в храме (196, 35).

Дней, когда служил отец Иоанн, всегда особенно ждали. Нельзя было без чувства глубокого умиления присутствовать при совершаемых им богослужениях. Дух молитвы, почивавший на нем, переливался, казалось, в сердца предстоящих, и все находили особое утешение в том, чтобы молиться вместе с ним. Монахиня Серафима (Русанова) говорила: «Когда батюшка читает Евангелие, сердце возгорается».

Все, знавшие отца Иоанна, отмечают, что он был строгим и ревностным исполнителем Устава и всех призывал к этому. Он писал: «Благоговейное, истовое и возможно полное исполнение Церковного устава имеет громадное религиозно-воспитательное значение и для паствы, и для пастырей. Оно объединяет их всех, показывает всю высоту и истинность Православия и его богослужения. После таких богослужений все верующие выходят из храма молитвенно-одушевленные и исполненные глубокого назидания» (196, 212).

Вспоминает один из учеников отца Иоанна протоирей Сергей (Филонов): «Отец Иоанн не только на уроках и лекциях учил, что литургика – это основа всего богослужения. Своим примером служения батюшка показывал и раскрывал нам, что же это такое – служить. Незабываемо торжественно всегда было появление отца Иоанна на амвоне, особенно когда батюшка становился лицом к алтарю при открытых царских вратах. Никогда никто не вспомнит, чтобы отец Иоанн повернул голову влево или вправо, обернулся на какой-то шорох или даже шум. Его, казалось, непоколебимая фигура на фоне Царских врат не забудется никогда. И это спокойствие, и сосредоточенность не были просто выработаны долгим служением. Это шло изнутри, чувствовалось в это время его полное соединение с миром горним. Тут каждый начинал понимать, что идет Богослужение, разговор с Богом, с вышними силами. Было очевидно, что когда отец Иоанн стоял пред открытым алтарем, все внимание батюшки было обра-

щено только к Богу, и все существо священника уже предстояло перед Богом. И то, что отец Иоанн стоял не шелохнувшись, без лишних движений, так убеждало, что он Богу служит, а для нас это было столь поучительно, что сейчас, уже сами будучи священнослужителями, мы это помним и даже чувствуем по сей день.

Теперь, когда мы сами служим, когда многие из учеников отца Иоанна стали заслуженными иерархами, нам легко обходиться с тем материалом, который батюшка требовал от нас знать наизусть – от Типикона до каждого праздничного тропаря. Это он особенно любил спрашивать. Это был просто дежурный вопрос: «Тропарь праздника такого-то?» Иногда запнешься, спросишь: «А можно, я спою?» Отец Иоанн охотно на это соглашался, иногда студенты предлагали спеть на несколько гласов, мы выходили к доске, батюшка мог и сам подпевать нам. Но, будучи очень музыкальным и обладая прекрасным голосом, отец Иоанн нас никогда не перебивал, не «заглушал», а тихонечко как бы вел мелодию. Но главным в этом вопросе для него было убедиться, что студент знает и понимает суть праздника, его духовную значимость.

Очень серьезно относился отец Иоанн к Крестному знамению. Крестился широко, медленно, с внутренней молитвой. Он поистине творил Крестное знамение, высоко занося руку на лоб , а то и надо лбом, затем опускал ее на самое чрево, а потом тщательно доносил до каждого плеча – и правого, и левого. Каждый раз это был воистину Голгофский крест, напоминавший об искуплении и спасении нашем.

Незабываемы для всех нас возгласы батюшки во время службы, они шли изнутри, и ощущалось, что тут же достигают мира горнего. Да, каждый раз это была служба Богу.

С величайшим трепетом относился отец Иоанн к Пресвятой Богородице. Акафист Божией Матери всегда читал так, будто беседовал с самой Царицей Небесной или рассказывал присутствующим о чем-то особенно важном. Читал проникновенно, каждое слово произнося нараспев» (196, 213).

Очевидно, что отец Иоанн своей жизнью и служением подтверждал каждое слово того учения, которое он проповедовал.

Но вернемся к воспоминаниям его учеников.

«Педагогический дар отца Иоанна, – пишет один из них, – выражался не только в заботе о нравственном устроении своих учеников. Образование ума,

расширение кругозора знаний, повышение эрудиции также были новными задачами его педагогической деятельности. «Православное Богослужение» основная дисциплина для будущего пастыря Церкви, и знать ее он должен в совершенстве. И действительно, знания литургики так глубоко укоренились в нашем сознании, так органично впитались в нашу плоть и кровь, что прошло почти 20 лет, а чинопоследование двунадесятых праздников до сих пор свежо в памяти, как будто изучено вчера. Его педагогические методы прошли испытание временем и принесли отличные результаты» (196, 124).

И еще воспоминания о голосе отца Иоанна: «Это был поразительный голос, он поражал глубиной религиозных переживаний, широтой эмоционального спектра, горячностью веры. Голосом служащий священник выражает свой молитвенный настрой, глубину проникновения в тайну богослужения. Вот почему глубоко молящийся батюшка так захватывает верующих своими глубоко прочувственными возгласами. Голос отца Иоанна, музыкально-мелодичный, помимо своей человеческой красоты, содержал в себе мощный духовный заряд, который пробивал косное, черствое, нерадивое сердце, заставлял его гореть остротой религиозных переживаний. Через голос отца Иоанна передавалась вся атмосфера праздничного богослужения, в нем чувствовалось и пение хора, и возгласы дьякона, и тихое моление священника в алтаре. Мне кажется, голос отца Иоанна может быть сравним с голосом кронштадтского пастыря святого праведного отца Иоанна Сергиева по той силе молитвы, дерзновению, ревности по Боге и пророческому вдохновению, которые слышались в нем» (41, 104).

Таким образом, живой пример молитвенного церковного духа отца Иоанна заставлял паству ценить богослужение, прививал усердие к посещению его, внушительнее слов увлекал пасомых на добрый спасительный путь. В то же время своим высоким примером совершения Святой Евхаристии отец Иоанн вводил сослуживших ему молодых священников в непостигаемый мир величайшего из таинств.

4.2.3. Духовный наставник.

Очевидно, что схиархимандрит Иоанн (Маслов) принадлежал к тем редким, исключительным людям, которые соединяют в себе широкие познания, огромное трудолюбие и ясновидящую мудрость, основанную на глубокой вере. Магистр богословия, автор множества богословских работ, он являет собой об-

раз духовника, к которому люди обращались и обращаются как к точнику спасения. Это был пастырь, выражаясь словами древних жизнеописаний, «с адамантовой душой», он брал каждого из своих духовных чад за руку и вел узким спасительным путем ко Христу (196, 5).

В «Лекциях по Пастырскому богословию» отец Иоанн писал: «Пастырю необходим правильный способ воздействия на паству: «Для иных нужен бич, – говорит св. Григорий Богослов, – для других узда. Для одних полезна похвала, для других – укоризна, но та и другая вовремя». «Пастырю необходима большая чуткость и наблюдательность при руководстве людьми различного характера и воспитания. Человек – это своего рода цветок, охотно распускающийся в тихую полночь и увядающий от прикосновения грубых рук, поэтому к каждому из пасомых у истинного пастыря есть свой подход. «Управлять человеком, – говорит св. Григорий Богослов, – есть искусство из искусств и знание из знаний» (196, 24).

Отец Иоанн учил: «Покаяться – значит перемениться: из грешника сделаться достойным Царства Небесного. Но как подойти к душе грешника, чтобы расположить его к духовному обновлению? Нужно найти в нем зародыши добра и побудить их к произрастанию». Батюшка всегда видел эти спасительные зерна в каждой человеческой душе и соответственно воздействовал на нее.

Одна духовная дочь старца вспоминает: «Обычно после богослужения батюшка из алтаря шел в ризницу. Расстояние небольшое, а людей, которые хотели бы поговорить с ним, очень много. Задерживать батюшку нельзя, время сложное (70-е годы, за старцем следили, чтобы не принимал народ). У каждого душа трепещет, как успеть спросить батюшку или взять у него на какое-то дело благословение, как высказать свою боль. Меня всегда удивляло, как батюшка со всеми сразу успевал говорить. Отвечая одному, тут же благословляет другого, кивает третьему. Ловит лишь немногие слова и сразу же, четко определяя, что тревожит человека, каждому отвечает с разной интонацией, с разным подходом: шутя, утешая, сострадая или, наоборот, резко, обличительно, насмешливо – кому что надо. Часто он отвечал и тому, кто не успевал и слова произнести. Вот батюшка уже в ризнице, прошло всего три-четыре минуты, а сколько людей вздохнуло с облегчением, у скольких решились жизненно важные вопросы, появилась надежда, ушло отчаяние, уныние, на душе легко, так как батюшка дал ответ или светло с улыбкой посмотрел (значит, все будет хорошо),

или благословил, или дал просфору, или предупредил о чем-то. И це наполняет благодарность Богу и батюшке.

Когда отец Иоанн вот так на ходу говорил с человеком, он часто мог вспомнить многие обстоятельства его жизни, назвать по имени его родных. Это всегда очень утешительно действовало: старец все о тебе помнит. Но мне всегда казалось, что дело тут не только в исключительной памяти старца (как он знал и цитировал святых отцов, Священное Писание!), но и в том, что в этот момент он просто все видел в человеке, все знал о нем духом. Ведь как часто он говорил человеку, которого впервые видел, о таких обстоятельствах жизни, которых, кроме самого этого человека, никто не знал» (196, 25-26).

Несмотря на кратковременность общения со старцем (хотя при необходимости отец Иоанн находил возможность говорить с человеком дольше обычного), каждому он давал то и столько, что и сколько каждый мог вместить по своему душевному устроению. Преосвященный Михаил (Грибановский) писал, что такой дар пастыря «есть высшая степень духовной правды, которая приближает человека к Богу». Бывали случаи, когда человек получал такую благодатную помощь от старца, сердце его было так переполнено, что он говорил: «Батюшка, Вы помогаете мне сверх всякой меры». И старец отвечал: «Да».

Действительно, отцу Иоанну было присуще удивительное чувство сострадания и сопереживания ближним. Сострадая, он имел дар «силой своей пламенной молитвы исцелять душу и тело человека» (196, 26).

Недаром старец писал: «Истинному пастырю... свойственна готовность пожертвовать жизнью за свою паству. Главная черта пастырского духа – сострадание греховной немощи людей, скорбь о согрешающих». Эти слова полностью приложимы к нему самому (196, 27).

Как уже отмечалось, отец Иоанн был благоговейным и истовым совершителем таинств. Его пастырская душепопечительность особенно проявлялась во время таинства исповеди. Те, кто исповедовался у него хотя бы один раз, запоминали это на всю жизнь.

Одна из жительниц Сергиева Посада рассказывала священнослужителю в храме Академии: «Я несколько раз исповедовалась у отца Иоанна, исповедовались и мои знакомые. Идешь к нему на исповедь разбитой духовно, подавленной, а уходишь окрыленной, радостной.

Я заметила, что после исповеди у отца Иоанна люди преображались даже

внешне. От него все уходили святыми. Таких духовников, как отец
анн, я еще не встречала. К каждому у него был свой подход, каждому он давал свою, именно ему необходимую духовную пищу. Такой старец – это чудо нашего времени» (196, 28).

В «Лекциях по Пастырскому богословию» отец Иоанн учит, что во время исповеди «пастырю большую нужно иметь мудрость и духовный опыт, чтобы врачевать души и налагать наказание не просто по мере прегрешений, но исследовав намерение согрешающих. Здесь пастырь особо остро чувствует необходимость духовной жизни, необходимость духовного опыта и собственной духовности, а не душевности в пастырской деятельности». Старец приводит слова святого Иоанна Златоуста: «Как многие надмеваются и впадают в отчаяние о своем спасении, потому что не могут перенести горьких лекарств, так иные, не получив наказание, равносильное грехам, впадают в беспечность, делаются гораздо худшими и еще более грешат» (196, 28-29).

Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий рассказывал, что на исповеди старец называл те грехи, которые забыл человек. Отец Иоанн говорил: «А это было?» – «Было, батюшка». – «А что же ты молчишь?» (196, 29).

Но другим, наоборот, отец Иоанн говорил, что человек сам должен называть и исповедовать все свои грехи, хотя они и были известны старцу. Многие по его совету записывали грехи, чтобы не забыть. Батюшка учил на исповеди называть грехи своими именами, без самооправдания и без обличения своих ближних (196, 29).

По словам протоиерея Владимира Кучерявого, батюшка в самом начале исповеди доводил до сознания каждого кающегося, что он стоит перед живым и реально присутствующим здесь Богом и Ему кается. Иногда говорил: «Кайся Господу, что согрешил» или: «Что на совести?» После исповеди батюшка накрывал кающегося епитрахилью, его руки крепко сжимали голову исповедующегося, он читал разрешительную молитву, крестообразно ударяя по голове, спине и плечам человека. Очень многие плакали после исповеди у старца или во время ее (196, 31).

Вот отзывы о состоянии после исповеди у отца Иоанна: «Какое-то громадное облегчение чувствовалось во всем моем существе». «Невозможно выразить словами то, что чувствуешь после исповеди у батюшки. Это и тихая, какая-то неземная радость от ощущения мира духовного, и благоговейный трепет перед

праведником; ведь он постепенно, шаг за шагом просмотрел всю мою жизнь, проникая и открывая своей властью все тайники моего сердца... И на следующий день после исповеди благоговейная радость и благодарность наполняют душу» (196, 32).

Время, когда служил схиархимандрит Иоанн Маслов, было временем атеистической власти, и, видя, как много людей тянется к старцу, ему запретили исповедовать в исповедальне, где к нему могли подойти любые богомольцы. Батюшка стал исповедовать возле ризницы, но вскоре и здесь запретили, и он тайно исповедовал в ризнице. Впоследствии о подобных случаях старец говорил, что когда есть необходимость, то «Господь покрывает».

Протоиерей Владимир Симаков вспоминает, что в трудные времена гонений на Церковь даже студентам Семинарии и Академии сложно было получить наставление, попасть на исповедь к отцу Иоанну, которого преследовали за твердость убеждений, борьбу за чистоту православной веры. Но он, несмотря ни на какие ограничения и запреты, всегда, до последних дней своей жизни, находил возможность помочь тем, кто искренне искал через него спасения. Так батюшка в своей пастырской деятельности непрерывно воскрешал омертвелый дух своих ближних и, по образному выражению заслуженного профессора Московской Духовной академии К. Е. Скурата, «рождал их рождением духовным» (196, 32).

Множество людей тянулось к отцу Иоанну благодаря особому дару Святого Духа, который он имел, – старчеству. «Старца, – писал протоиерей Сергий (Четвериков), – выдвигает действующая в нем сила благодати Божией. Эта сила благодати чувствуется верующими. Каждое слово старца, совет, наставление сопровождается очевидными добрыми результатами; в их словах обнаруживается явная прозорливость, они обладают даром чудотворений – все это привлекает к ним людей. И никакие препятствия, никакие запрещения и угрозы не могут остановить это движение людей к тому, от кого они получают очевидную для себя духовную пользу, кто заставляет их души переживать новые, неведомые дотоле чувства нравственного обновления и живой веры в Бога, реальности вечной жизни» (196, 42).

Таким-то именно старцем и был схиархимандрит Иоанн (Маслов).

Старчество – это высшая мера духовного руководства, и кто, кроме самих старцев, может дать определение, раскрыть суть этого высокого духовного по-

нятия? Поэтому обратимся к словам самого отца Иоанна. Он называет старчество особым даром Святого Духа, особым талантом. И разъясняет, что апостол Павел именно старчество называет «даром рассуждения» (1 Кор. 12, 10).

В чем заключается рассуждение? По учению святых отцов, «рассуждение есть величайший дар Божественной благодати, и состоит оно в том, чтобы точно и верно постигать Божественную волю во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи»(преподобный Иоанн Лествичник). То есть истинный старец – это, прежде всего, изъявитель воли Божией.

По словам отца Иоанна, старчество «выражается в особенном водительстве пасомых по пути спасения и требует от носителя этого дара мудрого и любвеобильного попечения о вверившихся ему душах... Во всякое время к нему [старцу] добровольно идут ученики, раскрывают перед ним свою душу, помыслы, желания и поступки и спрашивают его советов и благословения. Они полностью отказываются от своей воли ради исполнения всеблагой воли Божией и беспрекословно, без размышлений повинуются старцу и выполняют все его указания как откровения этой воли. Это старческое окормление помогает в борьбе со страстями, подкрепляет в минуты уныния, малодушия и сомнения, служит верным покровом от вражеских бурь всем, кто прибегает к его мощному содействию» (196, 43).

По учению святых отцов, дар рассуждения дается тем, «кто чист сердцем, телом и устами» (преподобный Иоанн Лествичник), и этот дар во всей полноте был дарован схиархимандриту Иоанну. Ни одного своего решения старец не принимал без ясного указания Божия. Прежде чем дать ответ на тот или иной вопрос, отец Иоанн молился, углублялся в себя (часто он поднимал при этом глаза и смотрел ввысь) и только потом отвечал (иногда ответ давался сразу). Батюшка говорил своему духовному сыну: «Прежде чем ответить, обращаешься к Богу, как же надо поступить». Господь открывал старцу Свою волю, и вопрошавшие батюшку могли узнать эту Ее из его ответов (196, 44).

Старец говорил, что всегда надо думать: «Как батюшка скажет, так и сделаю», а не жить по своей воле, по своим мыслям. Он рассказывал: «Вот, бывает, приходит человек, просит благословение на что-либо. Начинаешь о нем молиться. Молишься-молишься, а Небо молчит. Уже просто не знаешь, в чем дело. А потом недели через две видишь, что человек-то этот был как в железе:

уже принял решение в сердце, а благословение так, для прикрытия, пришел просить. Поэтому Небо и молчит. Так волю Божию не узнаешь».

Старец напоминал: «Господь Бог наш видит все. Главное - по воле Его жить». Еще батюшка объяснял, что люди слабы, сам человек никогда не может знать волю Божию (враг может его в сторону увести), а только духовник (батюшка говорил: «Тот, кто несет подвиг») откроет (196, 44).

При общении со старцем люди чувствовали большую внутреннюю силу его слов и то, что при ответах на их вопросы он говорил не от себя. (Преподобный Варсонофий Великий учит: «Отцы говорят не сами от себя, но Бог подает им, *что* сказать для пользы каждого»). В одном из писем своим духовным чадам отец Иоанн писал: «Дело еще осложняется тем, что не все прислушиваются к голосу и благословению нашему, а значит, и голосу Божию».

Многие шли к батюшке именно для того, чтобы узнать волю Божию.

Дар рассуждения отца Иоанна проявлялся и в том, что он умел сразу определить духовное состояние человека и дать ему самый правильный и полезный совет (196, 46).

Батюшка отвечал на тысячи всевозможных вопросов: «Куда мне благословите: замуж или в монастырь?», «Как мне жить, муж меня оставил?», «Что делать с работой: очень маленькая зарплата, не могу прокормить семью?», «Мне негде жить, как быть с жильем?», «Я потеряла все, что мне было дорого в жизни. Мне незачем жить», «Неизлечимая болезнь меня терзает. Я не могу не роптать», «Мои дети, в которых я вложил жизнь и душу, стали мне врагами», «Я потерял веру»… и т.п. Все эти и подобные вопросы обрушивались на старца ежедневно. Он имел великую силу, духовную мощь не только все внимательно выслушать, но делом и советом реально помочь людям. Сколько раз самые сложные, отчаянные и запутанные житейские вопросы он решал двумя-тремя полными сердечного участия словами. И всегда по благословению благодатного старца выходило хорошо, и решение оказывалось мудрым и правильным (196, 47).

У тех, кто слушался батюшку, вся жизнь вскоре выравнивалась и устраивалась. Монахиня Серафима (Русанова) говорила: «От батюшки никто не уходит тощим». И действительно, все получали помощь. Но каких сил, какого труда все это требовало от самого старца! Он выдерживал столь тяжелые нравственные труды, что, казалось, и одна десятая их часть была бы невыносима для

обыкновенного человека (196, 47).

Духовная дочь старца по его благословению поступила в очную аспирантуру, а потом ей предложили высокооплачиваемую и интересную работу. Когда она спросила батюшку, стоит ли переходить на эту работу, он ответил, что жалко оставлять аспирантуру, ведь она с таким большим трудом туда поступила. Девушка очень удивилась: она с такой легкостью, отлично сдала все экзамены кандидатского минимума (за один год, тогда как другие сдавали несколько лет), без трудностей подготовила все необходимые документы. И только после батюшкиных слов девушка вполне осознала, сколько молитвенного труда принял на себя за нее старец. Другой духовной дочери батюшка говорил: «Если бы ты знала, сколько в тебя вложено».

Батюшка обладал необыкновенным чувством сопереживания: он чувствовал чужую боль и переживал скорбь другого более остро, чем сам человек. Даже заболевал, переживая за своих чад (196, 47).

В «Лекциях по Пастырскому богословию» отец Иоанн писал: «Пастырю дается благодатная сострадательная любовь к пасомым... способность чревоболеть о них. Такое свойство пастырского духа и выражает сущность пастырства» (196, 47-48).

Батюшка давал советы по любому вопросу не только в области духовной, но и житейской: как построить дом, сложить печь, вести хозяйство, осушить болотистый земельный участок, какие овощи и в какое время сажать на огороде, как и какую готовить пищу, отвечал на сложные, запутанные юридические и многие другие вопросы, то есть охватывал все стороны жизни пасомых.

Многие родители спрашивали отца Иоанна, куда отдать детей учиться после окончания школы. У тех, кто слушался батюшку, всегда все хорошо складывалось и с учебой, и с работой. Главное же, человек оказывался на своем месте. Батюшка всегда точно видел, в чем призвание человека, к чему он больше способен, что ему полезно, – туда и направлял его (196, 48).

Очень многие люди бесконечно благодарны отцу Иоанну за решение такой жизненно важной проблемы, как вопрос дома, жилья. Если человек становился батюшкиным духовным чадом, то этот вопрос со временем всегда решался положительно. Батюшка одному советовал, к кому на работе обратиться с тем, чтобы поставили на очередь, другому подсказывал, как сделать родственный обмен, а третий по молитвам старца неожиданно получал квартиру. По молит-

вам батюшки все имели свое жилье, хотя некоторые получали его с трудом, после долгого ожидания.

Среди многочисленных духовных чад отца Иоанна были люди самых разных профессий. Поразительно при этом было искусство батюшки давать исчерпывающие квалифицированные ответы, касающиеся всех сфер человеческой деятельности, будь то медицина, экономика, живопись, математика, строительство, искусствоведение или просто домашнее хозяйство. Под руководством батюшки многие защищали кандидатские и докторские диссертации, причем старец часто сам выбирал им тему, писал план, объяснял, как провести исследование, а главное, определял основное направление работы и то, зачем она нужна людям. В миру этот дар старца назвали бы исключительной эрудицией. Это был благодатный, обильный Божий дар рассуждения.

Старец учил: «Таланты наши надо направлять в веру, в добродетели, чтобы и в светском обществе быть солью земли». Тем, кто занимал высокие должности и посты, батюшка говорил: «Нужно думать о народе, чтобы люди не пострадали, а не бояться за свои портфели».

Воплощая в своей жизни святое старческое слово, духовные дети отца Иоанна несли в мирскую жизнь то истинное духовное начало, которое преображает мир. Батюшка сам каждым своим поступком нес добро и мир и учил этому духовных детей. Он говорил: «Людям надо помогать, очень они сейчас нуждаются в теплоте, в помощи. Быть свечой горящей, чтобы хоть кто-нибудь мог погреться у нее...» (196, 49).

По учению святых отцов, в основании дара рассуждения лежит созидаемое Святым Духом смирение. Преподобный Иоанн Кассиан пишет: «Истинная рассудительность приобретается только истинным смирением». Батюшка всю свою жизнь – и в Глинской пустыни, и в Духовной академии, и в Жировицах, где он служил впоследствии, – обладал исключительным смирением. Очень трудно передать словами этот батюшкин талант. Одним из проявлений его было то, как он стремился скрывать от других высоту своей духовной жизни, редкие духовные дары, чудотворения.

Вот несколько примеров. Часто, когда батюшка укорял человека, то и себя укорял вместе с ним. Один человек жаловался: «Батюшка, совсем покаяния нет». – «Да откуда же у тебя покаяние? Покаяние от святой жизни, от добрых дел, а у нас с тобой что? – Одни грехи». Или: «Люди вон какой подвиг несли, а

тебе все: «вынь да дай». Какой у нас тобой подвиг? – Никакого». тюшка, можно съездить – мощам святителя Тихона Задонского поклониться?» – «Нам с тобой и мощи не помогут. Жить надо по-человечески» (196, 50).

Своего духовного сына учил: «Ломай себя. Ломать себя надо. Надо уметь терпеть оскорбления от низших, вот что ценно. На меня, бывает, пономарь кричит, а я смиряюсь. И начальство: сегодня хорошо, а завтра так выговорит, да при всех. Я только голову склоняю... Надо жить: «Всем мое почтение».

Духовного сына – священника батюшка учил: «Вот я, архимандрит и магистр богословия, доцент, а каждому низко кланяюсь (сделал низкий поясной поклон), и ты так должен» (196, 50).

Вот простой, но яркий пример из жизни схиархимандрита Иоанна в Жировицком монастыре. Проходя мимо батюшки, молодой монах, не останавливаясь, сказал: «Благословите». И маститый архимандрит, магистр богословия, имеющий патриаршие награды, поклонившись в ответ, ласково и смиренно попросил: «Меня, отец, благослови».

О смирении старца рассказывали врачи, его лечившие. Хирург, оперировавший его, говорил, что батюшка никогда не требовал никакого особого подхода, особых условий. Когда ему первый раз сделали операцию, лежал в общей палате на семь человек. Операции он переносил тяжело, так как у него было очень больное сердце. После одной из операций, когда рана уже затянулась, у батюшки поднялась температура. Врач, как обычно в таких случаях, опасаясь, что в ране пошло нагноение, предложил открыть ее. Отец Иоанн возразил: «Может, не надо», мол, не от этого у него температура поднялась. Но врач настоял на своем, так как боялся заражения, и батюшке пришлось перенести сильную боль. Это очень плохо отразилось на его сердце. Рана же оказалась чистой. Впоследствии врач, который стал духовным сыном старца, очень переживал: «Я только потом понял, что батюшка не просто так отказывался, он знал, что рана чистая, что температура от ревмокардита (болезни сердца), но только по смирению и послушанию своему согласился перетерпеть новую боль. Я батюшке боль причинил» (196, 52).

Как-то батюшка с духовным сыном приехал на прием в поликлинику, где работала его духовная дочь – врач. Она предложила повесить батюшкино пальто в отдельном кабинете, но он сказал: «Как все люди, так и мы», – и отдал пальто в общую раздевалку.

Постоянное самоукорение старца было хорошо известно. В
циях по Пастырскому богословию» он пишет, что «истинный пастырь все недостатки и грехи паствы считает следствием своей недостаточной ревности и мудрости. Во всем и за все он обвиняет самого себя» (143, 108). В своих письмах отец Иоанн называет себя грешным человеком, часто просит молиться о себе.

Когда на батюшку клеветали, он не роптал, но тихо и твердо говорил: «Клевета – это хорошо, клевета очищает».

Но, быть может, особенно смирение старца проявлялось в том, что он терпел около себя лиц, обладавших очень тяжелым характером.

В последний год земной жизни отец Иоанн тяжело болел, не мог вставать. Врач сказал, что ночью у него бывают тяжелейшие сердечные приступы. Один монах предложил поставить на столик рядом с батюшкой колокольчик, чтобы он звонил, когда ему будет плохо, но другой сказал, что батюшка очень смиренный и не будет никого беспокоить, надо только около него дежурить. Так и сделали.

Заслуженный профессор Московской Духовной академии, доктор церковной истории К. Е. Скурат пишет: «Отец Иоанн – это образ истинного смирения. Знаю об этом из личного опыта общения с батюшкой».

Все, знавшие батюшку, говорят о свойственном ему даре прозорливости. Силой любви он прозревал душу человека, открывал потаенные помыслы, забытые грехи, предсказывал будущее. Для него не существовало тайн. Незнакомый человек мог прийти к нему и молчать, а батюшка знал его жизнь, ее обстоятельства, его душевное состояние и зачем он к нему пришел.

Часто старец отвечал не на тот вопрос, который задавал человек, а на ту мысль, которая была главной в душе вопрошавшего (при этом иногда говорил: «У тебя все, как на чистом листе, видно»), точно определял внутреннее состояние даже тех людей, которых никогда не видел, знал загробную участь усопших. Видя человека впервые, старец рассказывал всю его жизнь или называл самые сокровенные грехи. Дар проникновения в тайники человеческих сердец удивлял многих и побуждал всецело отдаваться его руководству. У людей появлялась уверенность, что старец лучше их знает, в чем они нуждаются и что им полезно.

Схиархимандрит Иоанн обладал даром предвидения, он прозревал буду-

щее как настоящее. Предсказания его продолжают сбываться. ров прозорливости старца множество (208, 115-119).

Отец Иоанн был великим молитвенником. Он имел дар непрестанной умно-сердечной молитвы Иисусовой. Близкие люди знали, что он не перестает молиться и во сне. Схиархимандрит Андроник (Лукаш) говорил, что «Иоанн день и ночь вопиет». Велика была сила его молитв.

В своих письмах отец Иоанн использовал стихи псалмов: «Помощь моя от Господа, сотворшаго [сотворившего] небо и землю», «Скажи мне, Господи, путь, в онь же [который] пойду». Особенно часто в письмах старца повторяются строки: «Терпя потерпех Господа, и внят [внял] ми [мне], и услыша [услышал] молитву мою». Он учил, что в тяжелые моменты жизни надо повторять эти слова (196, 66).

Многие и многие люди благодарны батюшке за молитвенную помощь.

Одному человеку по роду работы приходилось составлять много документов, которые имели юридическую силу. Но ему было это очень трудно, и писал он с ошибками. Тогда он сказал батюшке: «Пишу с ошибками», – и попросил его молитв. После этого стал писать всегда грамотно и хорошим слогом (196, 66).

Молитвы батюшки были сильны и действенны. Однажды осенью 1990 года, когда батюшка уже тяжело болел, ночью послышались сильные удары. За окном было видно красное зарево. В двухстах метрах от батюшкиного дома полыхало пламя. Батюшку попросили помолиться, чтобы пожар утих, не перекинулся на другие дома, стоявшие вблизи. В двух метрах от горящего дома был деревянный забор, за которым стоял домик бедной старушки. По молитвам батюшки огонь не коснулся забора, так что и краска осталась цела. От пожара не пострадал ни один дом. Пламя стихло и погасло (196, 67).

Отец Николай, духовный сын батюшки, рассказывал о чудесном лове рыбы. Летом он был с батюшкой на Волге. В том месте, где они жили, по словам местных жителей, рыба не ловилась: для рыбной ловли нужно было спускаться вниз по течению. Но батюшка благословил ему и еще одному послушнику ловить рыбу рядом с домом. «Сидим мы в лодке, – вспоминал отец Николай, – ничего не ловится. Вдруг видим, батюшка стоит на высоком берегу. Благословил нас. Рыба стала неожиданно клевать так, что мы не успевали вытаскивать ее. Потом батюшка ушел, клев прекратился. Так повторялось несколько раз.

Никто поверить не мог, что мы так много рыбы поймали в том месте» (196, 67-68).

Что бы ни случалось в жизни духовных детей отца Иоанна, они стремились связать с батюшкой каждое движение своего сердца. У них была только одна забота – сообщить обо всем батюшке, и вера их не посрамлялась: молитвами батюшки всегда все устраивалось во спасение. Многие, имея какое-нибудь дело, желали только одного: чтобы при начале этого дела старец молча благословил их.

Казалось, что старец составлял со своими духовными детьми как бы одно существо. Такой духовный союз укреплялся между ними главным образом через молитву отца Иоанна и через любовь его к Богу и к людям. Старец жил свято, Дух Господень обитал в его сердце, и поэтому из его души так щедро изливалась на людей благодатная чудодейственная сила.

У старца была высшая черта христианского подвижничества: живя вне мира, он умел служить миру. Батюшка сам замечательно высказал эту мысль в своих лекциях по Пастырскому богословию: «Пастырство есть служение миру, но само оно не от мира, и поэтому греховный мир часто не может понять высоты пастырского служения и восстает на него» (196, 69).

Методы пастырского душепопечения отца Иоанна всегда были основаны на учении Православной Церкви и святых отцов. В письмах своим духовным чадам – священникам – он пишет: «Мы всегда должны жить и учить только так, как учит Церковь и святые отцы» (196, 69).

Имея сам необыкновенное смирение, батюшка и духовных чад, прежде всего, приводил к смирению. Их жизнь под его руководством была всегда направлена на борьбу со своими страстями и – главное - с гордостью.

Отец Иоанн учил: «Христианское смирение – это проявление силы человеческого духа... Победить эту силу не могут никакие другие внутренние и внешние человеческие усилия. Кто носит в себе такое смирение, какое носили преподобный Сергий, преподобный Серафим, иеромонах Амвросий [Оптинский], каким обладали тысячи истинных рабов Божиих, – тот проявляет не слабость духа, а его величие и крепость». Старец дает удивительно точное, емкое и редкое определение смирения: «Смирение – это способность видеть истину». Однажды на вопрос о том, что такое смирение, батюшка дал такой простой ответ: «Смирение - значит: ругают, а ты не ругайся, молчи; завидуют, а ты не завидуй;

говорят лишнее, а ты не говори; считай себя хуже всех» (196, 70).

Отец Иоанн считал смирение действенным орудием в борьбе с духами злобы.

В одном из писем старец писал: «Злой дух со своими полчищами предлагает нам свои злочестивые планы, мы же, в свою очередь, принявшие их, уходим на «страну далече». Единственными средствами освобождения от тиранства и распознавания злого умысла диавола являются смирение, то есть осознание своего ничтожества, и молитва. Это – два крыла, могущие вознести от земли на небо каждого христианина. Кто упражняется в этих двух добродетелях, такому человеку бывает нетрудно возлететь, возвыситься и соединиться с Богом в любую минуту своей жизни. И даже тогда, когда нам кажется, что мы оставлены и людьми, и Богом и что ад вот-вот готов поглотить нас, то и тогда эти две добродетели, подобные обоюдоострым мечам, невидимо для нашего взора поразят и удалят от нашей души все сопротивные силы. Дай Бог, чтобы Христово смирение и молитва постоянно пребывали в нашем сердце; только в таком состоянии мы будем распознавать внушения злого духа и подвизаться против него». Старец учил, что «смирение все может выровнять». Когда в жизни человека что-нибудь не ладилось, батюшка говорил ему: «Смиряйся побольше, и все устроится» (196, 70).

Всеми способами стремился старец привести души пасомых к искреннему покаянию и самоукорению, учил, чтобы за все себя укоряли и не слагали вину на других. Радовался, когда в ответ на обличение слышал искренние слова: «Виноват, батюшка, простите». – «Вот-вот, это – начало, – говорил тогда старец. – Всегда себя надо обвинять». Он приучал в общении с людьми постоянно думать так: «Все как ангелы, я хуже всех». Еще говорил: «Самое верное – считай себя хуже всех». «Чтобы не ушла молитва – укоряй себя». Часто батюшка напоминал: «Главное – осознать грех». Тех же, кто раскаивался, он направлял на путь добродетели, призывая: «Начинай с сегодняшнего дня исправляться», или просто: «Начинай!» Однажды старца спросили: «Батюшка, вот в «Отечнике» сказано: «...если нет в душе смирения, смиряйся телесно, как это?» – «Когда ругают – не противоречь. Надо сеять каждый день». – «Да что же я могу посеять?» – «Терпи, когда ругают».

Батюшка учил, что истинное смирение должно проявляться в терпеливом перенесении обид и укоризн, так как смиренные считают себя достойными вся-

ких унижений. На вопрос: «Как смиряться?» – батюшка отвечал: «Себя укоряй. Когда другие укоряют, соглашайся. Считай себя хуже всех...».

Отец Иоанн не только призывал к самоукорению, но и называл страшным такое душевное состояние, при котором человек не считает себя хуже других людей. Так, в проповеди «О чудесном улове рыбы» он говорил: «Очень часто мы, по своему самолюбию, считаем самих себя не хуже других людей и по этой причине стремимся извинить себя, оправдать свои греховные дела, хотя в нашей душе скрываются и действуют различные похоти и страсти. Да сохранит Господь каждого из нас от такого страшного состояния» (196, 71).

В своих письмах отец Иоанн писал: «Да умудрит тебя Господь и поможет прежде всего увидеть свои грехи». Батюшка учил, что при искреннем смирении рождается правильный образ мыслей. Батюшка приучал всегда брать вину на себя, даже если и не виноват. Воспитывая в людях безгневие, смирение и терпение, он часто умышленно делал выговоры.

Батюшка учил принимать обличения и не смущаться. Одному человеку он говорил: «Душа твоя не терпит укора, очень внутренне смущается. Будь простым, и напряжение пройдет, а это значит: «Я хуже всех, всем должен, какое могу добро делать, всем – мое почтеньице». Батюшкины обличения помогали человеку выявить свое внутреннее состояние: на самом ли деле тот считает себя достойным любого уничижения или возмутится, поропщет (196, 72-73).

Отец Иоанн в одном из писем сам объясняет, почему так необходимы людям уничижения, обличения, а не только проявления любви. Он пишет настоятельнице монастыря: «Что касается N, то мое благословение Вам и Божие поступать с ней построже и не покрывать ее самоволие и явное греховное житие, но запрещать и отсекать все греховное строгостью... Потому что ее действиями могут соблазниться многие и погибнуть, а мы с Вами дадим ответ пред Богом. Вспомните св. Иоанна Предтечу Господня, который постоянно обличал даже царя, говоря: «Недостойно иметь тебе жену Филиппа, брата твоего». И это нужно потому, что такие люди уже бывают неспособны прийти в чувство от кротких слов или проявленной к ним любви. От этого они еще хуже становятся и грешат открыто и нагло. Вот почему мы должны поступать с такими людьми подобно врачу, применять операционный нож для удаления злокачественной болезни. Безусловно, операция без боли не проходит, но зато посредством ее сохраняется жизнь человека, а ведь здесь речь идет о бессмертной душе» (196,

73).

Преподобный Иоанн Лествичник учит: «Если кто отвергает от себя праведное или неправедное обличение, тот отвергается своего спасения, а кто принимает оное со скорбью или без скорби, тот скоро получит прощение согрешений». Этим-то спасительным путем обличений вел своих духовных чад отец Иоанн.

Вместе с тем, если батюшка видел, что человек не может терпеть укоров, он одним словом мог водворить в душе его мир.

Главное – что старец приводил к смирению всем образом своей жизни. Все, кто общался с ним, знают, что дух смирения, обитавший в отце Иоанне, изливался на каждого в той мере, в которой человек мог это вместить. Рядом со старцем отлетало все ненужное, суетное, наносное. Человек становился самим собой и получал редкую возможность видеть себя как бы со стороны, таким, каков он есть. Каждый сам ощущал свои грехи и невольно приходил к искреннему раскаянию. Тогда на душе становилось тихо-тихо, и человек исполнялся чувством собственного недостоинства. В такие минуты некоторым людям старец говорил, что они должны «всех вокруг крепить своим смирением, всех утешать». Отец Иоанн писал: «Пастырское влияние основывается на таинственном общении пастыря с паствой через передачу последней своего настроения» (196, 74).

От духовных детей отец Иоанн требовал полного и безусловного послушания. Все вокруг старца совершалось только по его благословению. Батюшка писал, что послушание должно лежать в основе всех добродетелей, ибо послушание было первой заповедью, данной человеку Богом по его сотворении. По мысли отца Иоанна, «утверждение в добродетельной жизни есть утверждение в послушании». Если батюшка давал ответ на какой-либо вопрос, а его потом переспрашивали, он говорил: «Сказал раз – и на всю жизнь. Что было запрещено – то грех, через сколько бы лет ни случилось».

В своих письмах отец Иоанн писал: «...Нам следует пересмотреть свою жизнь и начать устраивать свое спасение со всей тщательностью. Особенно не нарушать послушание. По учению святых отцов, послушание – рай, а ослушание – ад» (196, 74).

Он говорил: «Все дает послушание». «Слушай, что тебе говорят, и выполняй, тогда и жизнь установится». «Слушаться надо огненно». «Кто слушается –

тот спасается». «Раньше людей легко было вести: сначала на всякое ло придут, возьмут благословение, а потом уже делают, а теперь сами все делают, а потом благословения просят. Но и сейчас есть люди, которым один раз в год даешь направление – и они держатся. Хорошие есть люди. И хочется помогать людям». «Надо слушаться, а не своими мыслями жить».

Предостерегая двадцатилетнюю девушку от общения с молодыми людьми, которые ей нравились и о которых она рассказывала старцу (впоследствии они оказались сектантами), батюшка говорил: «Но я же чувствую, что нельзя. Ну, смотри, вот если ты идешь, а впереди яма сокрытая, а я знаю, что яма, и тебя предостерегаю. Я за тебя отвечаю. Сказали – слушай, а хочешь своим умом жить – уходи. Сидишь на корабле – в пучину не бросайся!»

Старец советовал отсекать свою волю. Он говорил, что многие сейчас хотят спастись, желание имеют, а дел не делают и ходят, как овцы без пастыря, а враг легко берет сначала одну, потом другую без всякого труда, потому что волю свою творят. «Трудно дело спасения!» – заканчивал отец Иоанн (196, 75).

Старец внедрял в сознание своих духовных чад, что человек не должен доверять своим мыслям, чувствам, своему разуму, потому что после грехопадения они ложны. По свидетельству отца Иоанна, осознание человеком ложности своего разумения – очень важный момент в деле духовного совершенствования. О том, что ум человека помрачен и нельзя ему доверять, батюшка писал в своих письмах: «...У нас нет никаких добрых дел, то есть молитвенного подвига нет, смирение и терпение в нашей душе отсутствуют. А пороки развиваются с неудержимой быстротой, полностью оскверняют наше сердце и помрачают ум. Находясь в таком состоянии, человек теряет свое христианское достоинство и уходит в «страну далече», то есть в пропасть ада» (196, 75).

Когда старцу рассказывали о нерасположенности к чему-либо или к кому-либо, он отвечал, что этому доверять не надо. «Главное – душу очищать и воли Бога искать». Волю же Божию открывает только старец. О тех, кто не слушался, батюшка говорил: «Чувствует, конечно, душа, что погибла бы давно без молитвенника, но все свою волю творит».

Два человека в жизненно важном вопросе не послушались батюшку и поступили по своей воле. Отец Иоанн очень переживал за них и строго сказал: «Они лишились предстателя пред Богом». Впоследствии жизнь их сложилась очень неудачно. Батюшка писал, что своеволие неотделимо от гордости, кото-

рая лежала в основании греха прародителей.

В проповеди «О чудесном улове рыбы», о которой мы уже упоминали, старец сказал: «Мы с вами стремимся свою жизнь устроить не по зову Божию, не по Его святой воле, а по своим греховным наклонностям. И поэтому при малых наших житейских неудачах мы теряем равновесие, горько жалуемся и готовы даже роптать на Бога. И наоборот, когда в нашей жизни бывает все благополучно, то мы становимся самонадеянными гордецами, думая, что наше благополучие зависит от нашего умения, а не от Бога, милующего и спасающего» (196, 76).

Он видел внутреннее душевное состояние и соответственно вразумлял человека, когда строгостью, а когда отцовской любовью, отсекал своеволие.

Отец Иоанн учил, что своеволие лишает благодати. На вопрос игуменьи одного монастыря о проступке монахини старец отвечал: «Она оскорбила Бога своим своеволием и тем самым удалила благодать Святого Духа из своего сердца. А отсюда происходит и телесная болезнь, и душевная».

Отец Иоанн часто говорил, что Господь очень милостив, Он любит и слышит тех, кто Его волю творит.

Батюшка каждого приучал открывать свои мысли духовнику. В «Лекциях по Пастырскому богословию» отец Иоанн указывал: «Откровение помыслов старцу искореняет зло и предупреждает от грехопадений» (143, 108). Это делание – откровение помыслов старцу – издавна процветало в Глинской пустыни, и батюшка прививал его своим духовным детям.

Всякий грех начинается с греховных помыслов. Следовательно, и духовная борьба должна начинаться именно с них. Но для этого надо научиться видеть свои помыслы. Именно этому батюшка прежде всего и учил: замечать помыслы и исповедовать их. Он говорил: «До грехопадения был человек в единении с Богом. Не было у него плохих мыслей. А теперь враг то с одной стороны, то с другой стороны подступает. А человек слабый – все принимает. Какой-нибудь один раз воздержится человек и подумает: «Вот я воздержался!» – это уже враг обокрал».

Насколько опасны греховные мысли, отец Иоанн говорил в «Слове перед исповедью»: «Как нечистый и зловредный воздух изнуряет и ослабляет тело и прежде времени сводит в могилу, так и нечистые, греховные мысли оскверняют душу, заражают ее грехом и препятствуют проникновению в нее благодати Бо-

жией, без которой душа умирает вечной смертью» (143, 296).

Помыслы, являющиеся в душе, бывают добрые и злые, они тесным образом переплетаются друг с другом. Самому человеку без опытного наставника распознать их невозможно. Поэтому батюшка учил, что открытие помыслов должно охватывать содержание всей души. На исповеди ему открывали не только свои грехи, искушения, но и мысли, пожелания, злые движения сердца.

Одному человеку отец Иоанн объяснял: «Помыслы заводятся как моль, неприметно, и всю одежду в дыры изъедают. Ты долго их скрывал, а говорил бы сразу да почаще – ничего бы уж не было... Когда скрываешь – вместе с диаволом борешься против духовника. Будь готов каждую мысль сказать батюшке и думать: «Как батюшка скажет, так и поступлю» (196, 80).

Как правило, человек чувствовал, что отец Иоанн и так видит его мысли, часто старец их сам говорил, и это сразу располагало к полной откровенности. Но бывали и такие случаи, когда батюшке приходилось долго увещевать человека или даже грозно приказывать, чтобы тот открыл греховный помысл. Это стоило батюшке больших трудов. И это была та серьезная внутренняя борьба, которой он учил человека (196, 80).

Старец как бы за руку вел человека по ступеням лестницы духовно-нравственного совершенствования. Сначала учил замечать помыслы (что очень непросто для новоначальных), затем - открывать их духовнику и, наконец, бороться с ними.

Отец Иоанн каждому, к нему приходившему, много говорил о необходимости внутренней борьбы: «Наша жизнь здесь – борьба. Сидим в окопах как солдаты – вокруг рвутся снаряды. Христианин – это воин, сражающийся, по апостолу Павлу, с «духами злобы поднебесной». «Мы, воины, должны бороться, не расслабляться». «Здоровая душа, когда борется с мыслями, с желаниями». «Против греха борись как воин, сражайся с диаволом до победного конца, призывая в помощь Царицу Небесную».

В борьбе с помыслами, как учил старец, следует «переключать ум». «Важно в жизни, что извлекаешь из обстоятельств. Паук из цветка яд берет, а пчела – мед. Вот, например, идешь, услышишь музыку, песни, а ты сразу мысль переключай: «А как же Ангелы на небесах поют?» Мыслей греховных не допускай. Сразу переключайся на другое. Думай, например, о смерти, о Страшном суде». Кому-то батюшка советовал переключать ум на работу.

Старец учил замечать в душе пристрастие к кому-либо или чему-либо. Он говорил: «И малая вещь может погубить человека, если он будет относиться к ней с пристрастием». Батюшка наставлял бороться с помыслами молитвой. Он говорил: «Надо гнать вражьи мысли, заменять их молитвой». И еще говорил: «Если будешь делом да молитвой занят, враг не подступит».

Батюшка учил, что бороться с греховными помыслами нужно покаянием.

К каждому у батюшки был свой подход, поэтому здесь указаны лишь некоторые способы борьбы с помыслами, которым он учил всех. Но в этой борьбе был очень важный момент, тоже общий для всех. Батюшка обладал удивительным даром: помыслы, казавшиеся страшными и неодолимыми, часто в присутствии старца исчезали, будто их и не было.

Духовные чада отца Иоанна отчетливо помнят его энергичные слова, которые он говорил на исповеди или благословляя: «Будь внимателен!», «Исправляйся! Смотри за собой!» Эти слова были для каждого нравственным импульсом, сообщали человеку бодрость, ревность о своем спасении. Как уже отмечалось, старец учил редкому теперь дару – вниманию (Святые отцы называют его еще трезвением, бодрствованием, хранением ума). Внимание – одно из основных средств борьбы с греховными помыслами. Глинские старцы всегда особенно старались воспитать это качество в своих учениках (196, 81).

По учению отца Иоанна, внимание относится не только к области ума, но вообще ко всему нашему существу. Бодрственное состояние души и тела требует от христианина как хранения ума, так и хранения чувств, которые, по невнимательности человека, бывают проводниками греховных помыслов.

Духовные чада отца Иоанна отчетливо помнят, как он, поднося палец по очереди к глазам, уху и устам, весомо, проникновенно говорил: «Глаза, уши, язык», то есть «ограждай глаза, уши, язык». Казалось, что батюшка налагал на органы чувств какую-то узду. Давая такое наставление, батюшка как бы передавал человеку состояние внутренней собранности, контроля над собой. Такое состояние продолжалось некоторое время после беседы со старцем (у каждого по-разному). Потом человек, уже опытно познав его, должен был своим трудом и молитвой сам воспитывать в себе внутреннюю собранность, без которой духовная жизнь невозможна (196, 86).

В своих письмах батюшка объясняет, почему он обращает внимание, прежде всего, на указанные чувства. «Очень было бы хорошо обуздать страхом

Божиим наши телесные греховные чувства. Особенно глаза, уши и злой язык, двери греха, уводящие свои жертвы, подобно блудному евангельскому сыну, «на сторону далече». Нужно подумать обо всем и сказать: «Вернусь я снова в отеческий дом и скажу Отцу Небесному: «Прими меня как единого от наемник [наемников] Твоих».

В письме духовной дочери отец Иоанн писал: «Нужно удерживать свои глаза от запрещенного древа – греха, и тогда только душа сможет воспрянуть от духовной спячки». Батюшка приводил много разных примеров того, как надо быть внимательным к зрению. Он говорил: «Засмотрелся на книгу с пристрастием, пожелал – уже грех. Надо сознавать».

Вот маленький пример того, как старец пробуждал в людях самонаблюдение. Услышав от него наставление о хранении чувств, один человек сказал: «А я часто езжу в транспорте и даже не обращаю внимания на то, что могу посмотреть или прочесть то, что люди рядом со мной читают (газеты, журналы)». Батюшка строго укорил его за этот грех и сказал, что это недопустимо. «Удерживай глаза», – говорил он.

Особенно старец призывал следить за языком. Он приводил слова преподобного Антония Великого: «Блюдись, человек, возьми власть над языком своим и не умножай слов, чтобы не умножить грехов» (196, 87).

Духовных чад он наставлял: «Больше надо молчать. Много говорит пустой человек. Если будешь мало говорить, к твоему слову будут прислушиваться. Когда говорят старшие – все выслушать, не перебивать, потом вежливо, кротко ответить».

Батюшка учил и к воспоминаниям относиться внимательно, чтобы они не повредили душе. О снах старец говорил: «Встал – забыл».

Таким образом, отец Иоанн учил быть внимательным во всем. В одном из писем он наставлял: «С нашей стороны требуется постоянный контроль за нашими действиями, поступками и мыслями. Такого внимательного человека Бог никогда не отринет, и, более того, Он будет всегда помогать ему в преодолении всевозможных искушений» (196, 87).

Старец учил записывать, чтобы не забывать, как ходишь в церковь, как стоишь, молишься, чем гордишься, тщеславишься, на что обижаешься, как сердишься, раздражаешься, осуждаешь, есть ли сострадание к людям, одним словом – следить за собой. Строго говорил: «Бегай, как огня, всего ненужного».

Внимание и строгость батюшки побуждали человека перед каждым поступком как бы приостановиться, подумать, угодно ли это Богу, не вызовет ли он недовольство отца Иоанна, не огорчит ли его.

С большой осторожностью приучал старец относиться к чтению книг. Большой грех – прочесть что-нибудь без благословения, так как душа может воспринять не то, что нужно, и от Бога отпасть. Новоначальным обычно говорил: «Надо осторожно читать. Читай то, что проверено: «Жития святых», «Жизнеописания подвижников благочестия», Авву Дорофея, Оптинских старцев». Такими методами старец приводил человека к тому, что внимание охватывало все стороны его жизни.

Внутренняя собранность неразрывно связана с самоуглублением. Старец говорил, что надо внутрь себя углубляться – там великая тишина. Он сам как бы передавал это внутреннее состояние.

Велика была сила слов отца Иоанна, приносимых его духовными детьми в общество. Указания старца старались записать или запомнить дословно и так же их передать окружающим. Ведь и святые отцы учат: «В собеседованиях вместо собственных рассуждений лучше пользоваться изречениями старцев» (196, 90).

Наставления отца Иоанна часто помогали в беде. Духовного сына батюшки, который много трудился, незаслуженно обвинили на работе. Когда рассматривался вопрос о его предприятии, он дословно сказал то, что ему велел старец: «Судите по совести, а не по страсти. А работаем мы много». Этих слов было достаточно. Все окончилось в его пользу.

Батюшка давал ценные наставления мирянам, семейным людям. Так, на вопрос о женитьбе отец Иоанн отвечал, что «это – вопрос сложный, и надо помолиться, чтобы Господь послал человека, по пути шедшего. Хорошо бы было найти человека с хорошей и красивой душой. Именно это является основой, а остальное – второстепенное».

Говоря о взаимоотношениях в семье, старец наставлял: «Дома со своими родными живи в мире и любви. Будь им не в тягость, а в радость. Это угодно Богу и спасительно для души».

Духовную дочь учил: «Нельзя мужа настраивать против его родителей. А то твоих детей будут против тебя настраивать. Надо смиряться: «Я сама-то хуже всех».

«Если в семье ты будешь плохая, то когда придешь в церковь – кто тебя услышит? Семья – малая Церковь. Должна стараться, чтобы был мир. Это надо и тебе, и мужу, и детям».

Женщине, которая переживала, что у нее муж неверующий, батюшка ответил: «А ты приведи его [к вере] своими добрыми делами».

Некоторым матерям отец Иоанн советовал, чтобы при кормлении младенца грудью они одновременно читали Евангелие. Он говорил: «Материнская молитва со дна ада может вытащить» (196, 91).

Отношение старца к детям всегда было отечески ласковое. Но он не баловал их, а избавлял от пагубных и дурных привычек, давал им серьезные наставления, в первую очередь, о послушании матери, родителям, о том, что в отношениях должна быть любовь, что они должны уступать друг другу, старшие – заботиться о младших (196, 91-92).

Отец Иоанн учил всех любвеобильному отношению к ближним, почтению к старшим. К нему обращались за советом очень многие монашествующие – как из Академии и Лавры, так и приезжавшие из других монастырей. Из его многочисленных наставлений инокам приведем лишь некоторые.

«Для монаха определен путь узкий и тернистый, и он должен завершиться на Голгофе, то есть со Христом постраждем и со Христом прославимся».

«Монашеская жизнь – это не есть почетное звание или титул почести, а это - непрерывный подвиг доброделания, то есть труд над очищением своего ума и сердца от скверных помыслов и пожеланий. А цель, в конечном своем существе, должна сводиться к тому, чтобы воскресший Господь сподобил нас узреть Его в Царствии Небесном лицом к лицу».

«Если найдем в своих сердцах грехи, как-то: гордость, упрямство, самомнение, самоволие или отсутствие любви к Богу, к нашим наставникам и друг к другу, – значит, мы в таком случае стоим на опаснейшем пути... Ведь монах должен быть ангелом и его назначение – постоянно славить Бога своей доброй жизнью с небесным воинством».

«Ревность к монашескому житию пусть будет постоянно в твоей душе. Без этого доброделания... не сможешь Бога узреть» (196, 92).

«Неси с терпением свой монашеский крест. Он, безусловно, тяжелый, но те, кто его донесет до назначенного Богом места, забудут все трудности и печали. Там ведь, за гробом, труженикам уготована благодатная жизнь. И ради нее

нужно презирать все греховное и скверное» (196, 93).

Своими мудрыми наставлениями отец Иоанн мог исправить грешника, даровать ему душевное и телесное выздоровление. Как истинный пастырь, он благодатью Святого Духа перерождал сердца.

Отец Иоанн был родным, своим всякой православно верующей душе, и потому эта душа так рвалась к нему. И какие бы грехи ни терзали души людей, по молитвам праведника они очищались и становились достойными милости Божией. Множество душ он извлек из тины греха, многих спас от отчаяния, утешил, возвратил к честной, трудовой жизни.

В «Лекциях по Пастырскому богословию» отец Иоанн, исходя из собственного опыта, утверждал: «Истинный пастырь носит в душе своей все то, чем нравственно живут его пасомые, сраспинается им, сливает их духовные нужды со своими, скорбит и радуется с ними, как отец с детьми своими» (196, 93).

Давая наставления детям в одной благочестивой семье, батюшка сказал: «Если вам хорошо, то и нам радость, нам хорошо. А вот если плохо будете жить, будет вам скорбь, и нам, да еще гораздо большая, чем вам».

Своему духовному сыну старец говорил: «То, что ты где-то плохо себя ведешь – камни в мой огород бросаешь. Это все на мне отражается. Косвенно - это причина моих болезней». Другому говорил: «Начинай работать над собой, и мне будет хорошо, и тебе».

Каждый из духовных чад отца Иоанна может сказать: «Батюшка душу свою за нас полагал». Его самоотверженное служение проявлялось и в том, что он говорил: «Умрет душа неподготовленная – все на себя берешь».

Так старец окормлял свою паству и своим примером учил всех жить на земле для неба.

Многоплодной была деятельность отца Иоанна на ниве духовничества.

Завершая анализ основных направлений пастырской деятельности схиархимандрита Иоанна Маслова, следует особо подчеркнуть необыкновенно глубокое чувство любви к Родине, присущее ему. Через своих учеников, духовных детей, он занимался общественной деятельностью, и не было такого положительного общественного явления, которое бы его одухотворенный и просвещенный ум упустил из виду и не поддержал своей отзывчивостью.

Отец Иоанн был истинным русским патриотом. Он называл чувство любви

к Родине священным и писал, что патриотизм – это христианский долг. «Христово учение требует от каждого последователя беззаветной любви к своим братьям. И эта любовь верующих русских людей находит яркое проявление в защите родного Отечества... Если в сердце христианина горит огонь истинной любви, завещанной Христом, это сердце не требует указаний, в чем проявить свою любовь: оно само и голодного накормит, и плачущего утешит. То же можно сказать и о священном чувстве любви к Родине. Если в душе и сердце христианина ярко горит пламень патриотизма, он сам найдет пути для проявления своей любви к Отечеству». Особенно старец напоминает об этом клирикам. «Священнослужитель должен быть искренним патриотом своей Родины... и в этом же духе воспитывать своих прихожан» (138, 37).

В заключение нам бы хотелось привести слова Святейшего Патриарха Алексия, характеризующие деятельность схиархимандрита Иоанна Маслова в целом.

«Схиархимандрит Иоанн является продолжателем традиций старчества Глинской пустыни. Живя в Боге, отец Иоанн по-прежнему близок к земной Церкви, к своей пастве, к своему горячо любимому Отечеству, к многострадальному российскому народу. Его духоносность так же, как и при жизни, привлекает к старцу многих людей, которые будут всегда тянуться к этой величайшей личности…» (6, 87).

Исходя из этого понимания целожизненного подвига и многогранной деятельности схиархимандрита Иоанна (Маслова), мы обратимся к его богословско-педагогическому наследию.

4.3. БОГОСЛОВСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОТЦА ИОАННА.

Схиархимандрит Иоанн оставил в духовное наследство не только яркий и поучительный пример своей жизни и деятельности, но и свои мудрые, глубоко назидательные и спасительные труды. Если бы даже не сохранилось никаких сведений о жизни батюшки и мы имели бы только его труды, то образ духоносного, богатого истинным ведением Божественных Таин старца и тогда предстал бы перед нами во всей полноте. В сочинениях его нашли отражение те святые мысли и чувства, которыми питалась его душа и которые воодушевляли его великое, любящее сердце. В них представлена система педагогических идей, следуя которым можно изменить, усовершенствовать современную систему воспи-

тания и образования. К трудам отца Иоанна в полной мере можно отнести его же слова, сказанные им о святителе Тихоне Задонском: «Творения святителя Тихона не менее самых высоких подвигов жизни возбуждают к нему благоговейное почитание» (146, 206). Как и труды святителя Тихона Задонского, труды отца Иоанна – результат его высокого духовного подвига, плод благодатного устроения его души.

4.3.1. Учение о спасении в трудах схиархимандрита Иоанна (Маслова).

«Иеросхимонах Амвросий Оптинский (Гренков) и его эпистолярное наследие».

Характеризуя труды схиархимандрита Иоанна, мы начнем с его диссертационных работ, в которых - по преимуществу - раскрыты основные положения учения о спасении.

В 1969 году отец Иоанн защитил кандидатскую диссертацию по кафедре Патрологии на тему: «Иеросхимонах Амвросий Оптинский (Гренков) и его эпистолярное наследие», за которую ему была присуждена степень кандидата богословия. Диссертация состоит из трех разделов: жизнеописание отца Амвросия, учение о спасении (по его письмам); избранные из разных источников и систематизированные изречения старца.

Жизнеописание отца Амвросия, составленное отцом Иоанном, по праву считается одним из самых ярких повествований о его деятельности как старца. Недостатка в историческом материале для полной и всесторонней биографии отца Амвросия не было. Но не было и биографии, которая бы одухотворила весь этот материал, сконцентрировав его в одно целое вокруг единой идеи, представления образа живой личности. Именно эту идею воплотил в своем труде схиархимандрит Иоанн (Маслов).

Сопоставляя труд отца Иоанна с сочинениями других авторов о старце Амвросии, нельзя не отметить замечательное жизнеописание батюшки Амвросия, отличающееся прекрасными духовными характеристиками, составленное протоиереем Сергием Четвериковым (381). Вместе с тем, в этом труде, к сожалению, не раскрыто учение Оптинского старца о спасении, поэтому сложно говорить о том, что образ этого праведника передан во всей полноте.

Кроме того, отец Иоанн впервые исследовал эпистолярное наследие старца Амвросия и представил его учение в стройной, доступной любому читателю

системе. В этом – особое значение его труда.

Раскрывая учение о спасении Оптинского старца Амвросия (о покаянии, о смирении, о молитве, о страхе Божием, о страстях и т. д.), отец Иоанн сопоставляет его с учением отцов Церкви, показывая непрерывающуюся преемственность старческого делания. В этом своем труде он дает четкое определение старчества, прослеживает его историю с момента возникновения и до времени старца Амвросия.

По отзывам специалистов, большой интерес представляют также приведенные в систему избранные изречения Оптинского старца, которые в краткой форме также воспроизводят основные черты его учения. Этот труд отца Иоанна был дважды издан полностью (в 1990 и 1993 гг.), а этот раздел (избранных изречений) переиздавался к тому же отдельно в 1996 году.

Диссертация отца Иоанна «Иеросхимонах Амросий Оптинский (Гренков) и его эпистолярное наследие» имеет большое значение не только для богословской науки, но и для педагогики, так как дает возможность понять сущность того духовно-нравственного воспитания, которое осуществлял великий подвижник Православия и выдающийся старец Амвросий (Гренков). В основе его отношения к ученикам лежала великая любовь к Господу и ближнему, знание каждого человека, понимание того пути, идя по которому человек будет спасен. Эта книга интересна и тем, что дает возможность понять, насколько индивидуальным был подход отца Амвросия к каждому. Она позволяет проследить тесную связь между духовным руководством и внутренним состоянием человека.

«Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении».

В 1983 году отец Иоанн (Маслов) защитил магистерскую диссертацию: «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении». Тема этого исследования исключительно актуальна. В России не было другого духовного писателя, чьи труды были бы столь читаемы, столь популярны (отдельные его творения переиздавались свыше 60 раз), но со дня преставления святителя и до труда отца Иоанна (то есть в течение двухсот лет) Русская Православная Церковь не имела полного жизнеописания этого святого.

Составленное отцом Иоанном житие святителя Тихона, охватывая все стороны его жизни и деятельности, отличается исключительной полнотой. Но цен-

ность этого труда состоит и в том, что автор не просто пересказывает события жизни святителя, а раскрывает перед читателем «сокровенное святилище» его души.

В труде отца Иоанна (Маслова) святитель Тихон предстает, как живой. Образ его передан столь ярко, что невольно приходит мысль о том, что, не зная святителя лично во время его земной жизни, схиархимандрит Иоанн знал его духом. Он пишет о таких подробностях духовной жизни святого отца, о которых не сообщали ни келейники святителя, ни его ближайшие друзья.

Недаром в рецензиях на этот труд отмечается: «При чтении книги наступает благостное соединение с двумя могучими душами русских подвижников — святителя Тихона и отца Иоанна. Такое ощущение, что именно такого исследователя ждало житие и наследие Задонского святого. Перед нами не только научный труд — перед нами учебник жизни, духовного роста и прозрения, написанный двумя выдающимися русскими умами... Перед нами - книга из семейства настольных. Она являет собой духовное единение пастырей прошедшего времени и нашего, отличается простотой и ясностью» (журнал «Москва», год?, № ?, с. 115).

В своем сочинении отец Иоанн в доступной форме, шаг за шагом, объясняет неискушенному читателю, что такое, например, богомыслие, как и когда занимался им святитель, почему богомыслие явилось основанием его внутреннего совершенствования.

Отец Иоанн повествует и о благодатных состояниях, которые переживал святитель. Он показывает, как душа святителя озарялась Божественным светом и в ней водворялась такая радость, которую нельзя описать человеческим языком. Отец Иоанн пишет об этом как подвижник, сам испытавший подобные состояния. Из того, как он передает молитвенный, литургический опыт святителя Тихона, можно заключить, что отец Иоанн вошел в духовно-молитвенное общение со святителем.

В свете высказываний святителя Тихона отцом Иоанном раскрывается учение о спасении, касающееся сотворения мира и человека, а также ключевых вопросов антропологии, христологии и сотериологии.

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси я II труд схиархимандрита Иоанна был опубликован дважды — в 1993 и 1995 гг.

Святителю Тихону Задонскому посвящены также главы другого труда

схиархимандрита Иоанна (Маслова) «Лекции по пастырскому вию» (подробнее обо всех трудах отца Иоанна см. 4.3). Здесь отец Иоанн подробно останавливается на пастырской деятельности святителя, раскрывает смысл его наиболее важных наставлений (ЛПБ, с. 233 – 239).

В 1983 году отец Иоанн защитил магистерскую диссертацию «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении». Тема этого исследования исключительно актуальна для богословской науки. В России не было другого такого духовного писателя, чьи труды были бы столь читаемы, столь популярны (отдельные творения свт. Тихона переиздавались свыше 60 раз)! Но со дня преставления святителя и до труда отца Иоанна (т. е. в течение 200 лет) Русская Православная Церковь не имела полного жизнеописания этого святого.

«Симфония по творениям святителя Тихона Задонского» схиархимандрита Иоанна (Маслова) является приложением к его магистерской диссертации «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении» (146, 198).

Обращение отца Иоанна к жизни и трудам этого выдающегося церковного иерарха и духовного писателя не является случайным. В предисловии к работе он пишет о необходимости не только объединить, сконцентрировать весь доступный материал, связанный с именем великого подвижника, но и «одухотворить» его (146, 7). Там же, в предисловии, отец Иоанн делает аналитический обзор основных трудов, посвященных святителю Тихону.

Во введении дается описание начального периода истории Воронежской епархии, предшествующего деятельности святителя Тихона.

В первой части работы отец Иоанн представляет полное житие святителя, охватывающее все стороны его жизни и деятельности. В конце первой части монографии автор приводит сведения о всех изданиях творений святителя и дает краткую характеристику каждого из них.

Во второй части работы автором раскрывается православное учение о спасении в свете писаний святителя Тихона, затрагивающее ключевые вопросы антропологии, христологии и сотериологии. В конце работы помещена обширная библиография (свыше 600 наименований).

Св.Тихон Задонский (в миру Тимофей), будущий иерарх Русской Православной Церкви и духовный писатель, родился в Новгороде в 1724 году. По окончании Новгородской духовной семинарии был назначен учителем, но в

1758 году принял схиму. Состоял сначала архимандритом Желтикова монастыря, затем Дрочского. С 1761 года св.Тихон – епископ Кексгольмский и Ладожский, викарий Новгородской епархии. С 1763 года он назначается епископом Воронежским

Вступив на самостоятельную кафедру, св. Тихон, наставляя своих пасомых, в сочинении «О седми святых тайнах» раскрывает смысл совершаемых церковных обрядов, дает истинное понятие об исповеди. В сочинении «Прибавление к должности священнической о тайне св. покаяния» он старается побудить пастырей к живому общению с паствой и приказывает им читать на Литургии в праздничный или воскресный день Толковое Евангелие или полезные слова из Пролога. Он сам говорит образцовые проповеди для церковнослужителей, для обучения священников приглашает преподавателей из славяно-греко-латинской академии.

Святитель Тихон содействовал открытию школ в Острожске и Ельце Воронежской епархии, распространению образования. Не имея почти никаких средств, он открыл в Воронеже семинарию, заботился о ее процветании, составил «Инструкцию, что семинаристам должно наблюдать».

Св. Тихон уделял немало внимания монастырям, сочинив для них пятнадцать статей устава.

Для народа он сам говорил проповеди, из которых особо замечательны «Слово о сырной седмице» и «Усовещевания жителям Воронежа об уничтожении ежегоднаго празднества, называющегося Ярило».

Проработав неутомимо на Воронежской кафедре около пяти лет, св. Тихон в 1767 году уволился на покой и поселился вначале в Толшевском, а потом в Задонском монастыре. Здесь до последних дней старый, немощный телом, но великий внутренней духовной силой, он явил пример глубочайшего смирения, мудрой кротости, ангельской незлобивости и любви к многочисленным приходящим паломникам. Он работал почти круглые сутки, благотворительствовал, обращал заблудших, просвещал темных, ухаживал за больными. Именно в это время он написал многие свои труды.

Св. Тихон умер 13 августа (ст. стиля) 1783 года. Указ о погребении тела епископа был подписан самой императрицей. Его нетленные мощи, обретенные в 1846 году, и ныне пребывают в Задонском Богородицком монастыре Воронежской епархии. В 1861 году состоялось его прославление. По сей день не-

скончаем поток паломников к гробнице Угодника Божия.

Святитель Тихон оставил многогранное, обширное по своей тематике литературно-богословское наследие. Среди его трудов: «Плоть и Дух», «Об истинном христианстве», «Сокровище духовное, от мира собираемое», «Проповеди краткие», «Письма келейные», «Наставление монашествующим», «Наставление христианское», «Наставление обратившимся от суетнаго мира» и многие другие.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) дает подробную характеристику всех трудов святителя Тихона Задонского. Здесь мы кратко остановимся лишь на тех из них, использование которых педагогом в учебно-воспитательном процессе принесет наибольшую пользу, даст наибольший эффект.

В трудах святителя во всей полноте раскрывается духовно-жизненный процесс спасения, который предстает одновременно делом и Бога, и человека. Факты его биографии помогают глубже понять дух и смысл его творений. В этих фактах во всей полноте обнаруживается внутреннее богатство высоконравственной личности, обращение к которой дает возможность яснее и полнее представить богословские воззрения святого отца. «Сводя подвиги святителя к общим чертам, – говорит один из его жизнеописателей, – мы находим, что в его жизни... раскрывается живое отношение догмата к жизни и взаимная их связь, т. е. *как* христианские догматы, живо и постоянно сознаваемые верующим умом, должны выражаться в соответственных им сердечных расположениях и свободных действиях воли» (185, 3).

Схиархимандрит Иоанн (Маслов), избрав темой своей магистерской диссертации житие святителя Тихона Задонского и его учение о спасении, исследовал огромный комплекс архивных, библиографических, а также устных источников и свидетельств, на основе которых создал научный труд, приобретший качество исторического источника.

Если в первой части работы дано полное житие святителя Тихона с подробной характеристикой его жизни и деятельности, а вторая часть посвящена теме спасения человека, то в приложении к диссертации – «Симфонии по творениям святителя Тихона», которая при жизни автора не издавалась и хранилась лишь в машинописном несброшюрованном варианте, содержатся основные понятия, связанные с темой спасения.

Составленное схиархимандритом Иоанном (Масловым) житие святителя

Тихона, охватывая все стороны его жизни и деятельности, отличается исключительной полнотой. Ценность и особенность этого труда состоит в том, что автор не просто пересказывает события жизни святителя, а раскрывает перед читателем «сокровенное святилище его души». В труде схиархимандрита Иоанна святитель Тихон предстает как живой. Образ его передан столь ярко, что невольно приходит мысль о том, что, не зная святителя лично во время его земной жизни, схиархимандрит Иоанн знал его духом. Он пишет о таких подробностях духовной жизни святого отца, о которых не сообщали ни келейники святителя, ни его ближайшие друзья. Недаром в рецензиях на этот труд (в частности, в журнале «Москва») отмечается: «При чтении книги наступает благостное соединение с двумя могучими душами русских подвижников – святителя Тихона и отца Иоанна. Такое ощущение, что именно такого исследователя ждало житие и наследие Задонского святого. Перед нами не только научный труд – перед нами учебник жизни, духовного роста и прозрения, написанный двумя выдающимися русскими умами... Перед нами книга из семейства настольных. Она являет собой духовное единение пастырей прошедшего времени и нашего, отличается простотой и ясностью» (179, 115).

Диссертация отца Иоанна состоит из восьми томов (два тома основного текста и шесть томов приложений).

В первом томе, как уже отмечалось, изложено житие святителя Тихона. По отзывам рецензентов, «путь святителя Тихона описан так ярко, что будто видишь его детство и отрочество, будто присутствуешь при его пастырских беседах, вместе с ним переживаешь гонения и наветы» (179, 116).

Рассказывая о жизни святителя, отец Иоанн, вместе с тем, в доступной форме объясняет, что такое, к примеру, богомыслие, как и когда занимался им святитель, почему богомыслие явилось основанием его внутреннего совершенствования. Отец Иоанн повествует и о благодатных состояниях, которые переживал святитель. Он показывает, как душа святителя озарялась Божественным светом и в ней водворялась такая радость, которую нельзя описать человеческим языком. Отец Иоанн пишет об этом как подвижник, сам испытавший подобные состояния. Из того, как он передает молитвенный, литургический опыт святителя Тихона, можно заключить, что отец Иоанн вошел в духовно-молитвенное общение со святителем.

Большую ценность представляет описание педагогической деятельности

святителя, которая отличалась большим разнообразием и лась в течение всей его жизни. В частности, в составленной им инструкции для семинаристов сказано: «Следует избегать осуждения кого бы то ни было, ссор, злословия, драк, неприличных шуток и блюсти нравственную чистоту» (146, 58). В этом документе, как и в других сочинениях святителя, содержится очень много ценных педагогических указаний. Эти материалы, наряду с другими, характеризуют святителя как замечательного педагога, тонко понимающего душу человека любого возраста, его психологию.

Во втором томе магистерской диссертации отца Иона раскрывается учение святителя Тихона о спасении, касающееся сотворения мира и человека, развития человека, его духовного формирования и совершенствования. Здесь раскрыты ключевые вопросы антропологии, христологии и сотериологии. «Схиархимандрит Иоанн достиг той высоты христианского совершенства, – говорится в одном из отзывов на эту работу, – на которой его духовному взору была открыта тайна домостроительства нашего спасения. Именно поэтому… он смог обобщить и привести в четкую, стройную систему учение святителя Тихона о спасении, выбрав из множества его разнообразных творений основное зерно этого учения» (146, 506). Следует отметить, что до сих пор это не удавалось ни одному из исследователей, которые, как правило, ограничивались лишь простым пересказом трудов святителя. (Более подробный анализ этой части диссертации представлен в первой главе).

Характеризуя в целом эту книгу, следует отметить и другие ее достоинства. Так, необходимо сказать, что сочинения святителя Тихона изданные на русском языке, содержали множество архаичных древнерусских форм, что затрудняло их чтение. Величайшая заслуга отца Иоанна состоит в том, что он изложил богословскую систему взглядов святителя Тихона в более понятной и доступной современному читателю форме. Высокие истины Православия изложены просто, четко, ясно и доступно. Язык отличается удивительной красотой и образностью. Труд схиархимандрита Иоанна написан высокодуховным, строгим слогом, но, вместе с тем, это – простое задушевно-теплое сердечное повествование, преисполненное любви и почитания к святителю. Так написать о святом мог лишь человек, имеющий с ним истинное духовное единение.

«Симфония по творениям святителя Тихона Задонского».

Особенно большое научное и практическое значение для педагогики имеет составленная впервые схиархимандритом Иоанном (Масловым) и представленная в виде приложения к диссертации шеститомная «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского». Ценность «Симфонии» заключается в том, что, помимо предметных рубрик, раскрывающих понятия духовно-нравственной сферы, она включает цитаты – тексты из творений святителя Тихона, духовное наследие которого, благодаря труду отца Иоанна, гораздо плодотворнее может быть использовано как специалистами (студентами Духовных школ, богословами, пастырями), так и широким кругом читателей.

«Заслуга отца Иоанна в том, что он обобщил и привел в систему высказывания святителя, разбросанные по разным источникам. Более того, он тонко и деликатно осовременил труды святителя Тихона. Это – тот пример и образец умного и мудрого пересказа ценных мыслей, когда полностью сохранен смысл высказывания, оно сделано более доступным и доходчивым для понимания современников, более действует и впечатляет» (179, 252).

Значение магистерской диссертации схиархимандрита Иоанна было отмечено уже во время ее защиты – магистерского диспута, проходившего в стенах Московской Духовной Академии. Официальные оппоненты высоко оценили труд отца Иоанна. Так, профессор Б. А. Нелюбов подчеркнул, что исследование отца Иоанна является горячим откликом на призыв Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена о необходимости изучения святоотеческой литературы и усердным вкладом в это благородное дело. Второй официальный оппонент, доцент И. А. Глухов, оценивая рассматриваемое диссертационное исследование, сказал, что оно представляет собой «**труд** опытного исследователя, **отображающий глубины православного церковного сознания**» (66, 20-21). [Подчеркнуто нами – Н.М.].

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, труд схиархимандрита Иоанна был опубликован трижды: в 1993, 1995 и 2000 годах.

Для православной педагогики обе эти книги (сама диссертация и приложение к ней) имеют фундаментальное, методологическое значение.

Первый труд раскрывает православное понимание человека, основанное на вере в Иисуса Христа, любви к Нему, надежде на Его милосердие, что имеет исключительное значение для современной теоретической педагогики, исход-

ные положения которой строятся, как правило, на принципах центризма, а также ступени внутреннего развития человека, средства духовно-нравственного возрастания.

Второй труд, «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского», конкретизирует фундаментальные положения, сформулированные в диссертации. «Симфония» дает возможность проследить процесс нравственного совершенствования личности, оценить роль родителей, среды в ее духовном возрастании, увидеть место государства, общества и отдельных институтов: семьи, государства и Церкви, – в воспитании человека. При этом, что особенно важно, все эти вопросы раскрываются с позиций Православия. Благодаря чему появляется возможность сравнить христианское видение проблем воспитания и образования с современными светскими трактовками, выстроенными на иных принципах и аксиомах.

4.3.2. Монастырская тема. Глинская педагогическая школа.

Существенную часть творческого наследия схиархимандрита Иоанна (Маслова) составляют труды о Глинской пустыни. История знаменитой Глинской пустыни, ее духовно-просветительная деятельность, жизнь ее старцев до отца Иоанна были мало изучены. Его великая заслуга заключается в том, что его труды восполняют этот пробел в истории России и Русской Православной Церкви, на примере Глинской обители раскрывают великую воспитательную и просветительскую деятельность Церкви.

«Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI– XX веках».

Отец Иоанн закончил уникальный труд «Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI– XX веках», который он писал как докторскую диссертацию, в 1991 году. «Глинская пустынь» – это книга о старчестве. Однако это произведение выходит далеко за рамки одного этого вопроса. «Глинская пустынь» представляет читателям широкую панораму событий отечественной истории и многих явлений русской духовной жизни 16-20 вв., которым дана точная богословская оценка.

Характеризуя это сочинение в целом, можно сказать, что в русской церковно-исторической литературе до сих пор не было описания ни одного мона-

стыря, где бы со столь всеобъемлющей полнотой и духовной правленностью раскрывалась вся многогранная жизнь обители, ее влияние на историю России, на духовно-нравственное воспитание отдельного человека, народа и, в целом, на русскую культуру и образование.

В книге десять глав, в которых последовательно раскрываются основные этапы жизни обители, начиная с ее возникновения в 16 веке и кончая ее состоянием перед вторым закрытием в 1961 году. Большое место уделено описанию Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы и тех чудес, которые совершались от нее. Отдельные главы посвящены игумену Филарету как строителю и возобновителю Глинской пустыни (1817– 1841), состоянию обители в период настоятельства архимандрита Иннокентия (1862– 1888), а также периоду перед первым закрытием в 1922 году.

Особый интерес представляет глава, раскрывающая духовную связь Глинской пустыни с Оптиной. В ней сопоставляется учение о спасении Глинских и Оптинских старцев на основе сохранившегося эпистолярного наследия. Отец Иоанн проанализировал и систематизировал письма Глинского старца Илиодора (Голованницкого) и Оптинских старцев Макария (Иванова), Антония (Путилова), Амвросия (Гренкова). Следует отметить, что исследование даже одного из этих наследий может представлять собой тему отдельной работы.

В книге подробно освещена патриотическая и благотворительная деятельность обители за весь период ее существования, проанализирована ее духовно-просветительная и воспитательная деятельность. Отец Иоанн показывает, что педагогическая деятельность была практически всегда присуща монастырю. Она простиралась не только на иноков и монахов, но и – в гораздо большей мере – на общество, на всех нуждающихся в духовной помощи, на тысячи и тысячи прихожан и паломников, среди которых были люди разных сословий, состояния и образования. Тем самым, монастырь оказывал самое непосредственное влияние на историю и культуру России.

Заключительная глава этой работы - «Глинская пустынь как центр духовного просвещения и возрождения старчества (1942– 1961)» - знакомит со старческим деланием, процветавшим в обители в середине 20 века. В этой главе схиархимандрит Иоанн раскрывает его глубокую преемственность с предшествующим служением Глинской пустыни, которую удалось восстановить благодаря тому, что в Глинскую пустынь возвратились ее прежние старцы: схиархи-

мандрит Андроник (Лукаш), схиархимандрит Серафим (Амелин) и химандрит Серафим (Романцев).

Этот научный труд схиархимандрита Иоанна (впрочем, как и другие) отличается достоверностью исторических фактов, основанных не только на литературных, но и на архивных источниках, высокой библиографической культурой. Работу завершает «Список литературы и архивных документов», материал которого систематизирован по четырем разделам: I. Литература общего характера. II. Литература о Глинской Рождество-Богородицкой пустыни и ее подвижниках. III. Энциклопедии, справочники, словари, библиографические указатели. IV. Архивные документы. В каждом из четырех разделов имеются подразделы, облегчающие читателю поиск необходимых материалов. Список отличается полнотой отбора литературы и архивных документов

Необходимо отметить особый стиль изложения материала. Истины Православия раскрываются доступно, ясно, просто, но не упрощенно. Книга снабжена множеством фотографий, портретов.

Высокая оценка этой работе дана в статье, опубликованной в международной газете «Мегаполис-Континент». «Этому сочинению, – говорилось в публикации, – автор посвятил последние годы земной жизни, собрав воедино не только исторические сведения и изустные предания о монастыре, но и рассеянный за годы гонений на Церковь архив Глинской пустыни. Это – труд, не имеющий аналогов в российской исторической науке. Автор использовал сотни книг, тысячи архивных документов, хранящихся в центральных, областных и других древлехранилищах нашей страны, обширную личную переписку со старцами Глинской пустыни, сотни фотографий и других источников. Несомненно, это сочинение отца Иоанна послужит прекрасным руководством для всех, ищущих спасения, для вновь открываемых монастырей и, в первую очередь, для Глинской пустыни, которая в 1994 году передана Церкви после длительного перерыва. Даже такие известные русские монастыри, как Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиева Лавра и другие, не имеют столь обширного исторического исследования с подобным охватом археографического материала» (33, 11).

«Глинский Патерик».

В 1991 году отец Иоанн закончил и другое фундаментальное историко-

богословское исследование в области отечественной патрологии, также связанное с Глинской пустынью, – «Глинский Патерик». В первой редакции Патерик был составлен им еще в Московской Духовной Академии в 1970 году и содержал тридцать восемь жизнеописаний. В законченном варианте Патерик содержит сто сорок жизнеописаний Глинских старцев и настоятелей периода 18– 20 веков. Они написаны автором на основании архивных документов, воспоминаний и писем Глинских старцев, литературных источников, а также личного опыта отца Иоанна как насельника обители.

После каждого жизнеописания приведены перечни литературных и архивных источников, содержащие сведения о том или ином подвижнике, списки его проповедей, трудов, если таковые сохранились.

Как духоносный пастырь-богослов, отец Иоанн и в этом своем труде ясно и доступно раскрывает глубокие истины Православия. Он пишет о том, что такое духовная жизнь, в чем состоит очищение сердца, почему христианину необходимо духовное трезвение, как подвижники достигали истинного познания Бога и др. На ярких примерах он показывает значение молитвы, смирения, послушания, терпения, чтения слова Божия и других добродетелей в деле спасения христианина. В Глинском Патерике отец Иоанн приводит жизнеописания старцев, прославившихся различными подвигами: безмолвников, отшельников, постников, юродивых и др. Все эти подвиги близки и понятны автору, доступны пониманию читателя.

Своим трудом схиархимандрит Иоанн предоставил читателям возможность близко познакомиться с подлинной жизнью обители. Особенно важно, что, будучи сам выдающимся подвижником Глинской пустыни, отец Иоанн обладает даром раскрыть духовный мир ее насельников, приподнять завесу их сокровенного внутреннего делания, ввести читателя в атмосферу той высокой духовной настроенности, которой была проникнута вся жизнь монастыря. Автор использовал много эпизодов из собственной жизни, являясь духовным другом и сотаинником славившихся святостью жизни Глинских схиархимандритов Андроника (Лукаша) и Серафима (Романцева).

Этот труд имеет огромное педагогическое значение, так как на примере отдельной обители позволяет увидеть ту огромную и разностороннюю просветительскую и воспитательную работу, которую вели русские монастыри на протяжении веков. Прежде всего, он раскрывает путь воспитания монаха, кото-

рый осуществлялся в течение всей его жизни, до его последней минуты, причем путь этого воспитания у каждого монаха (при том, что у всех было общее направление в жизни – к Богу) был исключительно «своим», особым и неповторимым. Монахи, достигшие определенного уровня совершенства в своей духовной жизни, становились воспитателями других. Они несли свет миру, утешение и благодатную помощь сотням и тысячам людей, ведя их к Богу, к спасению. Тот высокий воспитательный настрой, который царил в духоносных монастырях, конечно же, не оставался внутри монастырских стен. Он обильно изливался вовне: через молитву, через многочисленных прихожан и богомольцев, через издание печатных работ – то есть через окормление, прежде всего, простых людей.

При этом самым главным для монастыря было духовно-нравственное воспитание народа. Монастырь был для мира живым примером и эталоном сохранения Православия, его обычаев и устоев. Все видели духовную жизнь обители, ее насельников и стремились следовать живому примеру, руководствоваться советами высокодуховных отцов. Заслуга отца Иоанна перед российской педагогикой состоит в глубинном описании этого процесса духовного и нравственного воспитания, осуществляемого монахами монастыря, и особенно его старцами. Это воспитание внесло неоценимую лепту в духовно-нравственное благополучие русского народа, многих русских семей, сотен и тысяч русских людей.

Архив Глинской Рождество-Богородицкой пустыни.

Уникален по своему составу и полноте архив Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, восстановленный схиархимандритом Иоанном на основании документов, хранящихся в различных архивах страны и в личном архиве автора (изначальный архив Глинской пустыни 17 – начала 20 века утрачен в 1917 году). Архив Глинской пустыни содержит четыреста восемьдесят единиц хранения объемом около четыре тысячи машинописных страниц.

Архив охватывает практически всю историю существования одной из самых прославленных русских обителей периода с начала 17 до середины 20 века. Наиболее древние документы, относящиеся к истории Глинской пустыни, представлены фондами Центрального Государственного Архива Древних Актов (ныне Российский Государственный Архив Древних Актов). К ним отно-

сятся: «Выпись из писцовых и дозорных книг» Молченского Рождественского монастыря (1621), в состав которого вначале входила Глинская пустынь, древнейшая из сохранившихся описей Глинской пустыни (1764); подробные «Межевые книги» на земли в Крупецкой волости Севского уезда за 1685 год с приложением древнего плана монастыря и его земельных угодий; «Жалованная грамота» императора Петра I украинскому гетману И.О. Мазепе на вотчину в Крупецкой волости Севского уезда (где находилась пустынь); карты и чертежи Глинской пустыни и прилегающих к ней земель (вторая половина 18 века) и другие уникальные материалы.

Сведения о Глинской пустыни второй половины 18 века содержатся также в документах из Государственного архива Брянской области (ГАБО).

Значительная часть документов, относящихся к разным периодам истории Глинской пустыни, представлена фондами Центрального Государственного Архива Древних Актов, о котором уже упоминалось. В него вошли ежегодные отчеты в Священный Синод о состоянии Курской епархии за период со второй половины 19 по начало 20 века, содержащие сведения о деятельности Глинской пустыни; послужные списки монашествующих обители; ведомости о ее настоятелях; подробные описи церковного имущества; документы о наделении монастыря землями и лесом, о пожертвованиях, постройках в монастыре, а также внутренние документы монастыря – прошения братии и распоряжения монастырского начальства.

Несомненный исторический интерес представляет Прошение игумена Путивльского Молченского монастыря Моисея с братиею «об отдаче по прежнему ко оному монастырю Глинской пустыни, которой завладел Киевский архиерей собою» (1729– 1731), а также ряд других документов: «Пожертвование путивльским помещиком Дмитрием Бровцыным постоялого двора с 10 десятинами земли в пользу Глинской пустыни» (1821); «О введении в Глинской пустыни устава Афонской Горы» (1821); «Дело о напечатании представленной Филаретом, митрополитом Московским и Коломенским, рукописи строителя Глинской пустыни Филарета «Поучение к новопостриженному монаху» (1823); а также прошения и письма архимандрита Макария (Глухарева), будущего основателя Алтайской православной Духовной миссии, в том числе, письмо о дозволении ему отправиться в Иркутскую епархию для проповедования Слова Божия языческим народам (1829).

Сюда относятся также несравненные образцы эпистолярного ра XIX века – письма игумена Филарета (Данилевского) к Императорам Александру I и Николаю I, не публиковавшиеся ранее, а также письма игумена Ювеналия (Половцева), впоследствии архиепископа Виленского и Литовского, епископу Курскому и Белгородскому Сергию (Ляпидевскому), впоследствии митрополиту Московскому и Коломенскому (1862) и его же письма к игуменам Оптиной пустыни Моисею (Путилову) и Исаакию (Антимонову) (1862– 1865).

Большой интерес для изучения духовной связи двух знаменитых центров старчества – Глинской и Оптиной пустыней – представляют материалы из Отдела Рукописей Российской государственной библиотеки: письма преподобных Оптинских старцев отца Амвросия (Гренкова), отца Макария (Иванова), отца Моисея и отца Антония (Путиловых), письма великого Глинского старца схиархимандрита Илиодора (Голованицкого) к духовным чадам, письма других Глинских старцев: схиархимандрита Иоанникия (Гомолко), отца Арсения (Митрофанова), архимандрита Макария (Глухарева), в том числе его письмо к Императору Николаю I.

Основная часть документов, относящихся ко времени октябрьского переворота 1917 года, представлена материалами Государственного архива Курской области. Это: послужные списки монашествующих и перечневые ведомости монастыря конца 19 – начала 20 века; документы пустыни 1917– 1918 годов: о постригах насельников обители в монашество, в схиму; о рукоположениях в священный сан; о переводе в Глинскую пустынь монашествующих из других монастырей, документы Глинской пустыни за 1919– 1921 гг.: послужные списки монашествующих, рапорты настоятеля о пострижении в монашество, об умерших в обители, прошения о переводе иноков других монастырей в Глинскую пустынь, документы об изъятии церковных ценностей из Глинской пустыни в 1922 году, о создании комиссии по ликвидации монастырей Курской епархии, об организации в Глинской пустыни Детского городка им. Ленина, а также анкеты монахов Глинской пустыни, перешедших после ее закрытия в другие монастыри.

Документы комиссии Путивльского уездного исполкома по ликвидации Глинской пустыни в 1922 году представлены материалами фондов Государственного архива Сумской области. В эти материалы включены акт о закрытии монастыря и зловещие по своей подробности (вплоть до количества свечных

огарков) ликвидационные описи имущества пустыни. Здесь же – менты конца двадцатых годов 20 века, содержащие сведения о судьбах монахов Глинской пустыни после ее закрытия. Период с 1917 по 1922 гг. в истории обители представлен также документами из Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне Государственный Архив Российской Федерации).

Хранящиеся в Государственном Архиве Сумской области документы 1944– 1961 гг. включают в себя списки монашествующих, сведения о нетрудоспособных, о численности богомольцев, посещавших обитель, о постройках в монастыре и т.п. Отдельное дело составляют материалы о закрытии Глинской пустыни в 1961 году, в том числе акт и опись имущества монастыря при его закрытии.

О жизни возрожденной обители в период с 1942 по 1961 гг. рассказывают документы архива Сумского епархиального управления. Это: указы Святейшего Патриарха Алексия I о Глинской пустыни; донесения епархиальных архиереев; рапорты в епархиальное управление настоятелей монастыря и благочинного; подробные послужные списки насельников обители; приемо-сдаточные акты имущества монастыря и многие другие документы. К этому же периоду относятся и материалы из архива уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Сумской области: ежегодно предоставляемые настоятелем обители отчеты о доходах и расходах монастыря, о денежных суммах, сданных монастырем в фонд государства, инвентарные описи имущества Глинской пустыни за несколько лет, договоры о передаче в пользование монастыря зданий, акты проверок паспортного режима и санитарного состояния монастыря, анкеты всех насельников и др.

Архив содержит богатый изобразительный материал: это карты и чертежи, фотографии храмов и скитов Глинской пустыни 19 – начала 20 века, а также фотографии и портреты ее известных подвижников.

В обширное собрание документов входят также материалы из личного архива схиархимандрита Иоанна: подлинные послужные списки насельников Глинской пустыни, письма великих Глинских старцев схиархимандрита Андроника (Лукаша) и Серафима (Романцова), схимитрополита Серафима (Мажуги), а также других Глинских иноков.

Все эти документы, собранные и глубоко проанализированные отцом Ио-

анном, – свидетельства многовековой многотрудной деятельности монастыря, а также горькое свидетельство о тех притеснениях, которые терпели от советской власти вернувшиеся на пепелище насельники некогда одного из самых могучих монастырей.

Практически ничто из перечисленных выше документов ранее не публиковалось. Эти материалы не только освещают историю Глинской пустыни, но и позволяют лучше понять историю России и судьбы Русской Православной Церкви. Разнообразие документов и материалов, охватывающих многие стороны взаимоотношений внутри обители и связей ее с миром, делает архив чрезвычайно информативным не только для интересующихся историей Церкви. В жизни обители, как в капле воды, на протяжении четырех веков отражается история нашего Отечества и духовно-нравственная жизнь русского народа. Материалы архива дают новые сведения по истории церковного и гражданского права, литературе, этнографии и др. Они представляют большой интерес для культурологов и историков педагогики, так как позволяют восстановить картину становления и развития уникальной педагогической системы монастырского воспитания и образования человека от его рождения до смерти.

По отзывам специалистов, этот труд не имеет аналогов в российской археографической науке. Академик Н.Н.Визжилин называет его «археографическим атласом» православного монастыря (33, 11).

4.3.3. Педагогические труды. Теория пастырства. Эпистолярное наследие.

Лекции по Пастырскому богословию.

В 1969 – 1970 гг. отец Иоанн написал конспекты лекций по Пастырскому богословию. Этот труд имеет особое значение в его творчестве, так как вносит весомый вклад в развитие отечественной пасторологии. Содержание «Леций» охватывает три обширных раздела: 1. Библейское учение о ветхозаветном пастырстве; 2. Пастырство как благодатное служение в Церкви Христовой; 3. Пастырская аскетика (или учение о духовно-благодатном возрастании пастыря) и учение о пастырстве святых отцов, выдающихся отечественных и западных пасторологов.

Лекции состоят из шести глав. В первой главе рассматриваются основные понятия науки «Пастырское богословие», ее история, место среди других богословских наук, а также задачи, предмет и метод. В ней доказывается несостоя-

тельность протестантского учения о священстве и говорится об апостольской направленности Пастырского богословия. Вторая глава посвящена учению о пастырстве в Ветхом Завете. Третья – новозаветному пастырству. Особо выделены темы: «Христос Спаситель – Основатель новозаветного пастырства» и «Пастырская деятельность святых апостолов». В четвертой главе рассматривается учение святых отцов о пастырстве, проведен сравнительный анализ и сделано обобщение учений о пастырстве святых Климента Римского, Игнатия Богоносца, Поликарпа Смирнского, Ермы, Иринея, епископа Лионского, Киприана Карфагенского, Амвросия Медиоланского. Пятая глава посвящена истории отечественного пастырства. Основное внимание уделено в ней пастырской деятельности Оптинских старцев Льва, Моисея, Макария и Амвросия. Шестая глава раскрывает отличительные черты истинного духовного пастырства в сравнении с пастырством душевным.

Анализ содержания лекций свидетельствует о том, что заслуга отца Иоанна как пасторолога состоит в следующем: он исследовал, обобщил и привел в стройную систему разносторонние материалы, изложенные в отечественных пасторологических трудах, углубил и развил учение о пастырстве на основе творений святых отцов. Основываясь на творениях святых: Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Иоанна Лествичника, Григория Двоеслова, блаж. Иеронима, Симеона Нового Богослова, Димитрия Ростовского, Тихона Задонского, Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника, отец Иоанн расширил понимание многих вопросов пастырской аскетики и пастырской психологии, раскрыл роль старчества как особой формы пастырства, доказал апостольскую направленность пастырства, показал особую значимость Пастырского богословия в сохранении апостольских и святоотеческих традиций не только во внешних, но и во внутренних проявлениях жизни Церкви, охарактеризовал воспитательную деятельность пастырского слежения, которая занимает значительное место в жизни пастыря.

Таким образом, в лекциях отца Иоанна пастырское служение представляется в полном освещении, в них отражены как теоретические, так и практические стороны этого служения. Особое значение имеет их педагогический аспект, о чем подробно говорилось во второй главе.

Лекции по Литургике.

В 1974 году отец Иоанн составил конспект лекций по Литургике. В 1984 году он значительно переработал и дополнил этот конспект. Главной темой лекций стал годичный круг богослужения (двунадесятые праздники, службы Постной и Цветной Триоди). В «Лекциях» рассматриваются такие аспекты, как история каждого праздника, его смысл и значение, эволюция и существующие формы богослужения, его особенности.

Отец Иоанн особое внимание в своих лекциях обращает на неукоснительное выполнение Церковного Устава. «Церковный Устав, – пишет он, – принят Церковью и действует в ней более тысячи лет. Он приобрел в Церкви силу закона высшего Богопочитания. Богослужение, порядок и чин совершения которого указывает Церковный Устав, есть плод многовекового живого религиозного опыта и творчества великих отцов, учителей и подвижников веры. Церковь смотрит на Церковный Устав не как на обычное произведение человеческого ума, а как на книгу святую, обязательную для всех православных христиан при совершении богослужения».

Старец указывает, что богослужение в Православной Церкви, исполняемое по Церковному Уставу, во все времена являлось средством и духовного обучения, и воспитания – общенародным церковным Богословием (142, 317). Он приводит слова глубокого знатока богослужения и Церковного Устава профессора М. Н. Скабаллановича: «О, если бы все знали, какую глубину богословия заключают церковные песнопения. Недаром некоторыми знатоками высказывалась мысль, что православное богословие может исчерпываться одним богослужением, то есть в богослужении нашем собрано и изложено все, что может и должен думать о Боге и спасении всякий христианин» (142, 317).

Этот труд отца Иоанна особо важен в педагогическом отношении, так как позволяет выявить основополагающую роль литургии в воспитании и образовании христианина.

Богословские статьи.

Плодом молитвенных размышлений отца Иоанна, плодом богомыслия как основы внутреннего делания, явились его богословские статьи на самые разные темы. Всего им написано более сорока статей. Две статьи посвящены православному пониманию поминовения усопших. Большую часть из них (десять статей) отец Иоанн посвятил проблемам сотериологии: в них раскрыто значе-

ние воплощения Христова, благодати Божией, смирения, послушания, надежды, терпения, милосердия, чтения слова Божия в деле спасения человека. Эти статьи имеют принципиально важное значение не только для богословия, но, прежде всего, для педагогики, так как позволяют понять цели воспитания в контексте цели жизни человека, причем, жизни как земной, так и вечной. Здесь же раскрываются пути и средства обретения вечной жизни.

Особое место в богословско-педагогическом наследии отца Иоанна занимает статья **«Тайны жизни и смерти»**. Она публиковалась в различных изданиях более двадцати раз. Это объясняется тем, что написана она с особой глубиной проникновения в сущность тайны жизни и смерти человека. На эту статью поступило много откликов от читателей, в которых отражается многогранность ее содержания, сила ее воздействия. Приведем самое характерное высказывание.

Любовь Куренкова пишет: «У меня пятеро детей, два года назад умер муж. Мы очень любили друг друга, и боль утраты останется со мной до конца дней. Но эта статья как-то особенно укрепила меня в вере в жизнь будущую, в то, что моя скорбь небезутешна. И раньше умом я знала все эти истины, но вот прочла статью, и в сердце появилась надежда и даже стремление самой как-то подтянуться, исправиться. Но главное – это чувство необыкновенной душевной теплоты, искреннего участия, заботы о каждом человеке, которое пронизывает всю эту высокохудожественную статью. Как это удивительно в наше время! Мне кажется, именно потому, что автор писал от всего своего любящего сердца, с состраданием и молитвой обо всех нас, каждое слово ее воспринимаешь сразу с полной верой. И, больше того, кажется, что у меня самой стало больше тепла в отношении к людям и появилось желание хоть как-нибудь обогреть их» (146, 395).

Эта статья важна для педагогики, так как позволяет рассмотреть жизнь и смерть человека в контексте вечности, понять, что человек есть существо вечное. Но какую вечность будет наследовать человек – это зависит от него самого, от его выбора, от его воспитания. Помочь человеку обрести жизнь вечную – прямая задача воспитания.

Фундаментальное значение для педагогики имеет еще одна статья отца Иоанна **«Воплощение Христово и его значение в деле спасения человека».** В ней автор показывает решающее значение Иисуса Христа в деле воспитания,

формирования и – шире – спасения человека. Отец Иоанн пишет, что к факту воплощения Сына Божия многие относятся бесчувственно, формально. Вместе с тем, без Боговоплощения нет смысла жизни на земле. «Время пришествия в мир Христа, – заключает отец Иоанн, – явилось гранью двух миров – древнего и нового… Языческий мир не мог удовлетворить их не в своих религиозных культах, ни в философии, ни в культуре, ни в различных видах искусства. Нравственная потребность не могла быть заменена правом… Только с воплощением Сына Божия смысл жизни людей приобрел непреходящую ценность и значение… Отныне в лице Богочеловека соединились навеки божественное начало с человеческим» (146, 399-400).

Эта статья в педагогическом плане важна потому, что позволяет увидеть роль Церкви, церковных таинств, Божественной Благодати в педагогическом и – шире – жизненном процессе.

Несколько статей отец Иоанн посвятил **экклезиологическим темам**, роли и месту Церкви. Приведем их названия: «Церковь, ее историческое развитие и назначение», «Церковь, ее история в свете прообразов и пророчеств», «Церковь Христова и ее необходимость в деле спасения человека». Последняя статья также имеет особое значение для педагогики, так как показывает, что вне Церкви невозможно спасение человека, а, следовательно, его правильное образование и воспитание.

Проблемы пастырского богословия освещены в статьях отца Иоанна «Учение святого Киприана, епископа Карфагенского, о пастырстве» и «Миротворческое служение пастыря».

Целый ряд статей отец Иоанн посвятил **литургическим вопросам**. В статьях «Божественная литургия, ее смысл и назначение», «Божественная литургия (Опыт изъяснения начального возгласа и мирной ектении)», «Проскомидия», «Православное богослужение» отец Иоанн раскрывает содержание и сущность литургии и других служб, составляющих основу внутренней духовной жизни Православной Церкви. Эти статьи являются вкладом в развитие литургического богословия и отличаются глубиной богословского умозрения.

В статьях «Значение каждения в Православной Церкви» и «Храм – место совершения богослужения и таинств» объясняется этимология и назначение храма и предметов христианского богослужения. Статья о каждении раскрывает глубокий духовный смысл этого действия и его значение в деле спасения. В

статье «Обрядовая сторона праздника Крещения Господня в Древней Руси» раскрыты значение, содержание, цель праздника Богоявления, богослужебные обряды, чинопоследование, их эволюция и существующие формы.

Статья «Об епитимиях» – обширное богословское исследование о смысле, значении и роли епитимий (церковных наказаний) в современной пастырской деятельности. Она вносит свой вклад в педагогическую теорию и практику, так как помогает понять точку зрения православия на проблему наказания.

Вопросы воспитания народа во взаимодействии Церкви и государства рассмотрены в статье **«Обрядовые особенности покаянной дисциплины в Древней Руси»**. Эта статья помогает педагогу понять воспитательный смысл православной дисциплины и дисциплины вообще.

Особое место в богословско-педагогическом наследии схиархимандрита Иоанна занимает статья **«Значение благодатного мира в деле преобразования общества»**. В ней отец Иоанн подчеркивает, что именно слова Спасителя «Мир вам» легли в основу внутренней жизни Христовой Церкви, именно они имели и имеют величайшее значение в деле перерождения «огрубевших сердец в новое во Христе благодатное общество». Эта статья также неоднократно публиковалась (иногда под названием «Не поднимет народ на народ меча»).

Беззаветной и беспредельной любви к Родине полна статья **«Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом»**. Именно в этой статье отец Иоанн написал свои ставшие широко известными слова: «Если в душе и сердце христианина ярко горит пламень патриотизма, он сам найдет пути для проявления своей любви к Отечеству». Эта статья имеет особенно большое значение для патриотического воспитания.

Статьи о русских подвижниках.

Некоторые свои статьи отец Иоанн посвятил тем русским подвижникам, которые духовно были особенно близки ему. Прежде всего, это статья о старце Амвросии: «Преподобный Амвросий Оптинский и русская интеллигенция второй половины XIX века». Эта статья написана отцом Иоанном через двадцать лет после кандидатского сочинения об Оптинском старце и отличается от него. Здесь использованы иные наставления и изречения старца, изложены в другом аспекте его педагогические идеи. Если первая работа отца Иоанна была посвящена в большей степени вопросу о том, *кто* такой старец Амвросий, то в этой статье приводятся практические методы духовного руководства старца, рас-

сматривается вопрос, *как* он это делает.

Еще одна статья отца Иоанна – «Настоятель Оптиной пустыни схиархимандрит Моисей (Путилов) и его пастырская деятельность» –посвящена другому Оптинскому старцу. В ней отражены те христианские принципы, которыми должен руководствоваться каждый пастырь в своей духовной и воспитательной деятельности.

Статья «Св. Иоанн Кронштадтский – светильник праведности земли Русской» написана с необыкновенной любовью и глубоким пониманием внутреннего духовного мира Кронштадтского пастыря. Она раскрывает духовное значение служения отца Иоанна, его роль в сохранении и развитии Православия накануне революции, значение служения отца Иоанна Кронштадтского в деле духовного воспитания русского человека.

Наконец, две статьи посвящены настоятелю Глинской пустыни отцу Филарету: «Игумен Филарет – возобновитель Глинской пустыни» и «Игумен Глинской пустыни Филарет и его эпистолярное наследие» (к 150-летию со дня блаженной кончины).

Кроме двух этих последних из указанных нами статей о Глинской пустыни (ее истории, чудотворной иконе Рождества Пресвятой Богородицы, жизнеописанию ее подвижников), отец Иоанн посвятил ей еще девять статей. Одна из них – «Глинская пустынь как центр духовного просвещения и возрождения старчества» – освещает период жизни обители в 40– 60-е годы прошлого столетия. Отдельные статьи посвящены благотворительной, просветительной и патриотической деятельности пустыни.

Проповеди.

Схиархимандрит Иоанн был широко известен не только как богослов, но и как выдающийся проповедник. «Ревностно относился отец Иоанн к проповеди слова Божия, - пишет один из его современников. - Его пастырские наставления были достоянием не только учащихся и прихожан Академического храма – посредством церковных периодических изданий слова духовного наставника достигали наиболее удаленных точек православного мира» (196, 211).

Сохранившиеся проповеди отца Иоанна были произнесены им, как уже отмечалось, в храме Московской Духовной Академии. Среди них можно выделить следующие: на Господские праздники («На Рождество Христово») и в дни

Великого поста («Слово о крестоношении», «Чертог Твой вижду, Спасе мой...», «Поучение перед св. Плащаницей»); на дни празднования памяти святых (св. апостолов Петра и Павла, Усекновение главы святого Иоанна Предтечи, святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, святителя Тихона Задонского, преподобного Серафима Саровского); о страстях и грехах («О празднословии», «О гордости», «Слово перед исповедью»); о различных состояниях души («О свободной воле», «О духовном мужестве», «О чудесном улове рыбы»).

Все эти проповеди отца Иоанна не утратили своей актуальности, они пользуются большой популярностью среди педагогов и родителей, и за прошедшие годы многократно переиздавались, в том числе различными газетами и журналами. Особенно часто переиздаются: «Проповедь в день преставления св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова», которую можно назвать проповедью о христианской любви, а также «Проповедь о празднословии» и «Слово перед исповедью», чтение которых позволяет человеку внимательно заглянуть в собственную душу и подготовиться к исповеди. Особое внимание обращает на себя также проповедь «О духовном мужестве», в которой старец объясняет, что смерть души, вызванная грехом, гораздо страшнее смерти телесной. Этой смерти подвергается бесчисленное множество людей, хотя они и живы телом. Он призывает всех непрерывно «оживлять свои души и, если они умирают или умерли, воскрешать их из мертвых» (141, 149).

Эпистолярное наследие.

Обширно эпистолярное наследие схиархимандрита Иоанна (Маслова), в котором учение об истинах духовной жизни раскрывается через его письма. Ответы на некоторые весьма важные вопросы (например, об очищении помыслов, о конце света, о подготовке к Причастию и др.) можно найти только в его переписке. Поэтому письма дополняют его сочинения. В личном архиве автора этих строк хранится сто пятьдесят четыре письма, содержащих ответы его духовным чадам, и восемьдесят семь писем поздравительных.

Ответы духовным чадам написаны к разным лицам по самым различным вопросам и поводам, но все они содержат нравоучительные наставления.

Особенностью всех писем отца Иоанна можно считать то, что нет ни одного его письма, где старец с отеческой любовью не утешал бы адресата в его

скорбях и не учил бы терпеливому несению креста. В ответах старца содержится много конкретных советов относительно борьбы с различными страстями. Очень важны его наставления о сущности счастья, о свободе духа, о благодарении, о том, как привлечь благодать Святого Духа.

В поздравительных письмах также рассматриваются многие важные вопросы, в их числе такие: что такое монашеская жизнь, каковы основные добродетели, имея которые душа сможет воспринять благодатную силу, ведущую по спасительному пути, какое единственное духовное средство, умягчающее человеческие души, и др.

Письма схиархимандрита Иоанна заключают в себе драгоценные уроки христианской жизни, поданные в доступной форме, основанные на писаниях отцов-подвижников и собственном огромном духовном опыте, на чуткости и проницательности смиренного и любящего старца. Представляя собой сокровищницу духовных советов, они в то же время проникнуты удивительной простотой. Письма отца Иоанна дают полную и ясную картину внутренней духовной жизни человека. Они раскрывают перед читателем законы этой жизни, условия, при соблюдении которых каждый, стремящийся ко спасению, сподобляется вечного блаженства в общении с Богом.

Об этих письмах можно сказать словами святителя Феофана Затворника, отнесенными к письмам Оптинского старца Макария: «Глубокий веет от них дух смирения и навевает его на всякого читающего» (372, 222). Каждый педагог сможет найти в них обильный благодатный материал для духовного назидания, утешения и руководства в затруднительных случаях.

Завершая анализ богословско-педагогического наследия отца Иоанна, необходимо отметить, что под его руководством студентами Московской духовной академии было написано более тридцати рецензий на кандидатские диссертации и рецензия на докторский труд К.Е. Скурата «Поместные Православные Церкви».

Издание трудов отца Иоанна.

Завершая обзор многогранного наследия отца Иоанна, необходимо остановиться на издании его трудов. Труды отца Иоанна издавались еще во время его земной жизни. С 1974 до 1991 гг. в различных изданиях было опубликовано около шестидесяти его проповедей и статей. В 1990 году в «Богословских тру-

дах» (№ 30) была опубликована кандидатская диссертация отца Иоанна «Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие», в 1991 году там же (№ 31) – статья «Обрядовые особенности покаянной дисциплины в Древней Руси».

Статьи и проповеди отца Иоанна (Маслова) публиковались в «Журнале Московской патриархии», в журналах «Голос Православия» (Среднеевропейский Экзархат), «Православный вестник» (Украинская Православная Церковь), «Церковный вестник», «Единая Церковь», «Тигодник Подласки» (Польша), в сборнике «Богословские труды». С 1974 года по настоящее время в различных изданиях опубликовано более ста работ отца Иоанна.

Наиболее широко его труды стали издаваться после его праведной кончины.

Уже в 1992 году вышла книга «Глинская пустынь», содержащая две части: «Глинские подвижники благочестия XVIII– XX вв.» и «Глинская пустынь как центр духовного просвещения и возрождения старчества».

В 1993 году увидела свет магистерская диссертация отца Иоанна «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении». Эта книга включает в себя также его избранные статьи. Несмотря на то, что книга вышла большим тиражом (десять тысяч экземпляров), уже в 1995 году она была переиздана еще большим тиражом (тридцать тысяч экземпляров).

В 1993 году была издана кандидатская диссертация отца Иоанна «Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие», в 1994 – его докторская диссертация «Глинская пустынь. История обители и ее духовно просветительская деятельность в XVI– XX веках», в 1996 году – приложение к магистерской диссертации «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского», а в 1997 году – «Глинский Патерик».

Начиная с 1995 года, изданные сочинения схиархимандрита Иоанна с успехом экспонировались на международных выставках, которые проводились по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

В период с 1992 по 2006 гг. издавались многочисленные брошюры с избранными статьями отца Иоанна, «Глинские листки». В периодической печати постоянно печатались его статьи и проповеди.

Наследие отца Иоанна: «учебник жизни и духовной мудрости».

Труды отца Иоанна оказали огромное плодотворное влияние на богословскую и педагогическую мысль России, на духовное развитие всех тех, кто постигает их содержание. Это объясняется тем, что во всех своих сочинениях схиархимандрит Иоанн, прежде всего, имеет в виду духовное и нравственное воспитание каждого человека и русского народа. Являясь плодом непрерывного внутреннего делания, сочинения отца Иоанна носят на себе печать того благодатного, богопросвещенного состояния, которое в христианстве называется помазанием. Они отражают в себе веяние Духа Святого, живущего в его душе, отражают его духоносный ум и сердце и пламенеющую в сердце любовь Христову.

Особенностью слова старца является редкий дар действовать на ум и сердце христианина не силой богословских рассуждений, но внутренней силой христианского учения, которое само свидетельствует о своем Божественном достоинстве и покоряет ум и сердце человека.

Сочинения отца Иоанна были сразу приняты людьми с любовью, и благодаря их высоким свойствам внимание к ним со стороны научно-педагогической общественности все возрастает. Они всегда кажутся новыми, интересными, они близки сердцу каждого человека, как близки и всегда новы те вечные, неизменные истины, о которых он проповедует. Со всех концов России в издательства приходят письма с просьбой выслать труды отца Иоанна. Многочисленные отзывы на них были получены от студентов. Сочинения отца Иоанна хотели бы иметь и монастыри, и приходские храмы, и воскресные школы, и библиотеки общеобразовательных школ, училищ, колледжей, высших учебных заведений, и даже армейские подразделения. И они получают их.

Все многочисленные сочинения отца Иоанна проникнуты евангельским и святоотеческим духом и потому представляют собой богатую сокровищницу духовной мудрости для каждого человека, какого бы умственного и нравственного развития он ни был, какое бы социальное положение ни занимал. Эти труды служат духовным руководством во всех случаях жизни, утешая в скорбях, останавливая от грехов, поучая нравственному христианскому долгу, раскрывая обязанности в семье и обществе и указывая верный путь к Царству Небесному.

Анализ богословско-педагогического наследия отца Иоанна свидетельствует о многогранности и глубине его мысли, о том разностороннем вкладе, ко-

торый вносят его труды в развитие не только специальных церковных дисциплин: патрологии, аскетики, гомилетики, пастырского и нравственного богословия, литургического богословия, литургики и других, - но также педагогики, психологии, истории, философии и антропологии.

Завершая обзор трудов и деятельности схиархимандрита Иоанна (Маслова), обратимся к авторитетному мнению Святейшего Патриарха Алексия II, который неоднократно характеризовал его жизнь, пастырские и педагогические труды. Приведем его слова, обращенные к участникам Глинских чтений: «Труды отца Иоанна – замечательного пастыря, богослова и педагога – пронизаны духом непоколебимой верности Святому Православию, с которым неразрывно связана вся история нашей страны. Возлюбив небесное Отечество, он пламенел горячей любовью и к отечеству земному. Отцу Иоанну принадлежат вдохновенные слова: «Если в душе и сердце христианина ярко горит пламень патриотизма, он сам найдет путь для проявления любви к Отечеству». Необходимо взрастить в сердцах молодых благородные патриотические чувства, подвигнуть их к самоотверженному служению Родине. В решении этой задачи должны объединить свои усилия Церковь, Государство и общество. Отрадно сознавать, что в педагогических кругах растет понимание огромного вклада Православия в развитие отечественной культуры, в утверждение высоких моральных ценностей нашего народа. Без обращения к духовному наследию Русской православной Церкви, составной частью которого являются творения подвижников Глинской пустыни и труды приснопамятного схиархимандрита Иоанна (Маслова), невозможно представить себе истинное возрождение нашего Отечества, плодотворную деятельность по воспитанию молодого поколения» (4, 9).

В заключение приведем еще одно высказывание Святейшего Патриарха: «Отец Иоанн принадлежал к редким, исключительным людям, которые замечательно соединяли в себе широкие познания, огромное трудолюбие, ясновидящую мудрость и глубокую непоколебимую веру… Его богословские труды, направленные на процветание русского богословия, еще не оценены по достоинству… «Учебником жизни и духовного прозрения» называют современники труды схиархимандрита Иоанна. Благодаря своим богословским трудам отец Иоанн известен как духовный просветитель, к которому люди обращались и обращаются доныне как к источнику спасения» (4, 6).

Завершая главу, посвященную жизнеописанию схиархимандрита Иоанна и

анализу его трудов, отметим следующее. Основы православного воспитания, православной педагогики заложены в Священном Писании и Священном Предании, в творениях и наставлениях святых отцов и учителей Церкви от начала ее установления и до наших дней, в русской святоотеческой традиции. Но они заключены также в житиях святых, подвигах людей, которые весь свой земной путь посвятили служению Богу и ближним. К ним с полным правом можно отнести схиархимандрита Иоанна (Маслова), русского пастыря и педагога.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Исходя из понимания многогранности и глубины поднятой в работе темы, обширности связанных с ее постановкой вопросов мы отдаем себе отчет в том, что нам удалось лишь поднять ряд основополагающих проблем, затронуть только основные подходы к их решению и освятить наиболее существенные положения, связанные с православным воспитанием. Мы надеемся продолжить работу в этом направлении, опираясь на обширный материал, который, в силу различных причин, оказался в полной мере не использованным.

С большим удовлетворением мы отмечаем, что в настоящее время многие авторы работают в этом же направлении – направлении освоения святоотеческого наследия, и заняты поиском эффективных подходов к его использованию в современной системе образования. Выражаем надежду, что святоотеческая традиция послужит фундаментом для объединения усилий педагогов, методистов, ученых, общественных и церковных деятелей в сфере образования и будет способствовать воспитанию нового человека – патриота и гражданина, который достойно служит своему Отечеству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.

1 А.В. Горский. История Евангельская и Церкви Апостольской. М., 1883.

2 Авва Дорофей. Душеполезные поучения. – М.:СТСЛ, 2002.

3 Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Филокалия в русской аскетической мысли. ЖМП, 1983, № 4, с. 48-52.

4 Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к участникам Всероссийского форума «Глинские чтения: XXI век – эпоха духовного просвещения» в 1999 году // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С. 10-12.

5 Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Основы православного образования в России. // Педагогика, 1995, №3. – С.74-81.

6 Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения 1990 – 1998 гг. / Под ред. епископа Бронницкого Тихона. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 1999.

7 Аристотель / Сочинения. – В 4-х тт. – М.: Мысль, 1983.

8 Арх. Григорий. Св. Григорий Богослов как пастырь и учитель пастырства. Сергиев Посад, 1916.

9 Архиеп. Антоний (Храповицкий). О православном пастырстве. М., 1906.

10 Архиеп. Антоний (Храповицкий). Собрание лекций и статей по Пастырскому богословию. М., 1909.

11 Архиеп. Илиодор. Поучение. «Христианское Чтение», 1847, ч. 1.

12 Архиеп. Филарет. Православное Догматическое богословие, ч. 2. Чернигов, 1865.

13 Архим. Антоний (Храповицкий). Собрание лекций и статей по Пастырскому богословию. М., 1909.

14 Архим. Иаков. Пастырь в отношении к себе и пастве. СПб, 1880.

15 Белозерцев Е.П. О национально-государственном образовании в России. // Педагогика, 1994, № 3. – С. 30-35.

16 Беседы на разл. места Св. Писания, т.1. 1861.

17 Благодатный старец // Глинский листок. 1997. № 7.

18 Благодатный старец // Держава. 1996. С. 85-96.

19 Благодатный старец // Русский Вестник. 1996. № 26. С.6.

20 Бобылёв Б.Г. Использование «Симфонии» схиархимандрита Иоаннна (Маслова) на занятиях со студентами (факультет педагогики начального обучения). // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодёжи. – М., 2001. – С.46-49.

21 Богословские труды схиархимандрита Иоанна (Маслова) в урочной и внеурочной деятельности. // Святоотеческое наследие в общеобразовательной школе. – М., 2000. – С.68-76.

22 В. Гладкий. Учение св. Иоанна Златоустого о пастырском служении. «Православный Собеседник», 1897, ч. 2, 1898, январь.

23 В. Крамиров. Святитель Задонский Тихон. «Православный Собеседник», 1897, февраль.

24 В. Певницкий, проф. КДА. Служение священника в качестве духовного руководителя прихожан, изд. 3. СПб, 1898.

25 В. Черкесов. В защиту поста. М., 1906.

26 В. Экземплярский. Библейское и святоотеческое учение о сущности священства. Киев, 1904.

27 Вальков В. «И сотвори ему, Господи, вечную память». // Русский вестник. 2001. №41-42. С.14.

28 Вальков В. В день ангела Глинского старца. // Московский Церковный вестник. 2000. №19-20. С.2.

29 Василькова Ю.В. Страницы отечественного образования с древнейших времен до конца XVIII в.– М., 1996. – 375 с.

30 Васина Г. С именем Александра Невского // Правда-5, 1998, № 22. С.12.

31 Васина Г. Преодолеть разобщенность времён // Русский Вестник. № 44-45. С.6.

32 Васина Г. Чтобы входящие видели свет // Правда-5. 1997. № 27.

33 Визжилин Н. Великий пример служения отечеству // Мегаполис-Континент. 1995. № 29.

34 Врачевство духовное на смущение помыслов. Киев, 1911.

35 Ганичев В.Н. Письмо к Святейшему Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию II.

36 Георгий (Тертышников), архимандрит. Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении. – М.: Сретенский монастырь, 1999. – 569 с.

37 Геттингер. Апология христианства, Спб, 1872.
38 Гладков. Толкование Евангелия.
39 Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч., 2-е испр. изд. – Одесса, 1904.
40 Глинская Рождество-Богородицкая пустынь. -М., 1891
41 Глинские чтения // Духовно-нравственное воспитание в системе образования Российской Федерации. – М.: Самшит-издат, 2002.
42 Глубоковский Н.Н. К вопросу о нуждах духовно-академического образования. – СПб., 1897.
43 Гоголь Н.В. Авторская исповедь. – Псков: Всероссийский фонд культуры, 1990.
44 Горунович. «Учение о пастырском служении древних отцов и учителей Церкви». Смоленск, 1899.
45 Горячева И.А. Изучение богословского наследия схиархимандрита Иоанна (Маслова) на занятиях в общеобразовательной школе. // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодёжи. – М., 2001.
46 Д. Боголепов. Руководство к толковому чтению Четвероевангелия, изд. 3. М., 1889.
47 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. – М.:Прогресс, 1994.
48 Демков М.И. История русской педагогии. – В 3-х ч. – М., 1909.
49 День памяти схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Славянское единство. 1998. №17. С.1.
50 Дидон. Иисус Христос, т.2. СПб, 1891.
51 Долг служения Отечеству. – М.: Самшит-издат, 2003.
52 Домострой. – Одесса, 1887.
53 Достоевский Ф.М. Книжность и грамотность / Полное собрание сочинений. – В 30–ти тт. – Л.: Наука, 1979. – Т. 19. – С.5–54.
54 Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе. Вопрос об университетах / Полное собрание сочинений. – В 30–ти тт. – Л.: Наука, 1979. – Т. 19. – С.187–210.
55 Доц. иерод. Марк. Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия, ч. 3. Загорск, 1968.

56 Доц. иером. Марк. Духовная жизнь мирянина и монаха по ниям и письмам епископа Игнатия, ч. 1. Загорск, 1968.

57 Духовно-нравственное воспитание в системе образования Российской Федерации. – М.: Самшит-издат, 2002, 169с.

58 Духовные и нравственные смыслы отечественного образования на рубеже столетий / (Науч. – метод. сб.): Вып. 1 / Сост. и науч. ред. А.Д. Червяков. – М.: Самшит, 1999. – 68 с.

59 Е. Берсье. «Беседы», т.3. СПб, 1893.

60 Е. Поселянин. Праведник нашего времени оптинский старец Амвросий. СПб, 1907.

61 Евгений, архиепископ Верейский. Образования и культура. К вопросу об историческом опыте: Материалы докладов седьмых Международных Рождественских чтений – М.: Отдел религиозного образования и катехизации, 1999. – С. 87–95.

62 Евгений, архиепископ Верейский. Религия и наука. Путь к знанию: Материалы докладов восьмых Международных Рождественских чтений – М.: Отдел религиозного образования и катехизации, 2000. – С. 123–130.

63 Евладова Е.Б. Труды схиархимандрита Иоанна (Маслова) в научно-методическом обеспечении духовно-нравственного воспитания школьников / Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.171-173.

64 Евсевий, архиепископ. О воспитании детей в духе христианского благочестия. Изд. 4-е. – СПб., 1877

65 Евфимий Зигабен. Толковое Евангелие от Матфея. Киев, 1886.

66 Елевферий (Диденко), архимандрит, преподаватель Московской Духовной Семинарии. Магистерский диспут в Московской Духовной академии // Журнал Московской Патриархии. – М., 1983. – № 6. С. 20.

67 Еп. Антоний. Полное собрание сочинений, т. 2, ч. 2. Казань, 1900.

68 Еп. Дамиан. Руководство по предмету Пастырского Богословия.

69 Еп. Игнатий (Брянчанинов). Сочинения, т.1. СПб, 1905.

70 Еп. Игнатий (Брянчанинов). Сочинения, т.4. СПб, 1905.

71 Еп. Игнатий (Брянчанинов). Творения, т. 1. -М., 1905.

72 Еп. Игнатий (Брянчанинов). Творения, т. 2. -М., 1905.

73 Еп. Игнатий (Брянчанинов). Творения, т. 4. -М., 1905.

74 Еп. Игнатий. Полное собрание писем, ч. 1.
75 Еп. Мелитопольский Кирилл. Пастырское богословие. Изд. 3. СПб, 1858.
76 Еп. Неофит Велички. Пастырское богословие с каноническим право. София, 1910.
77 Еп. Феофан. Богоугодная жизнь вообще. М.,1899.
78 Еп. Феофан. Внутренняя жизнь. М., 1893.
79 Еп. Феофан. Как составить проповедь. «Тамбовские епарх. ведом.», 1861-1862.
80 Еп. Феофан. Мысли на каждый день года. М.,1890.
81 Еп. Феофан. Напоминание всечестным инокам о том, что требует от них иночество. М., 1892.
82 Еп. Феофан. Толкование пастырских посланий св. ап. Павла. М., 1882.
83 Еп.Сергий (Страгородский). Поучение к новопостриженному монаху. Журнал Московской Патриархии, 1984, № 7, с. 38 – 47.
84 Епифаний Премудрый. Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия чудотворца / Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М.: Худож. литература, 1981. – С. 256 – 429.
85 Если в душе и сердце христианина ярко горит пламя патриотизма // Гудок, 1996, №137, С.8.
86 Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. – М.: Гнозис, 1994.
87 Живу ради людей (Схиархимандрит Иоанн (Маслов) // Русский вестник. 1992. № 8. С. 13.
88 Жизнеописание архим. Игнатия (Малышева). СПб, 1899.
89 Жизнеописание Глинского воспитанника схиархимандрита Иоанна (Маслова) (1991) // Православный церковный Глинский календарь. – М., 1997. – С. 272-281.
90 Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. М.,1909.
91 Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII в.–М., 1978.
92 Журн. «Православный Собеседник», ч. 1. Казань, 1899.
93 Журн. «Православный Собеседник», ч.1. Казань, 1897.
94 Журнал Московской Патриархии, 1974, № 8.

95 Журнал Московской Патриархии. 1959. № 12.
96 Забелин И.Е. Характер древнего народного образования в России // Отечественные записки. 1856. Т.105. №3–4.
97 Земляникина А. Наследники великого духа // Мегаполис-Континет. 1998. № 45. С.12.
98 Златоструй: Дороги человеческой мысли. Древняя Русь X – XIII вв. М.: Молодая гвардия, 1990.
99 Знаменский П.В. История русской Церкви. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1996.
100 Значение монашества как фактора общественной жизни. М., 1914.
101 Зубов В. П. Ломоносов и Славяно-греко-латинская Академия.– В сб.: Труды Института истории естествознания и техники. Т.1. М., 1954.
102 И. Заварин. Пастырское служение по учению св. Исидора Пелусиота. Ж. «Православный Собеседник», 1899, ч. 1.
103 Игнатий (Брянчанинов), святитель. Слово о человеке. – СПб.: Центр Православного просвещения, 1995.
104 Игнатий Брянчанинов, свт. Аскетические опыты, т.1. –М., 1993.
105 Игнатий Брянчанинов, свт. Аскетические опыты, т.2. –М., 1993.
106 Игумен Марк (Лозинский). Духовная жизнь мирянина и монаха. По творениям и письмам святителя Игнатия(Брянчанинова). –М.: Благо, 2003.
107 Иером. Игнатий. В поисках живого Бога. Религиозно-философская библиотека, 1914.
108 Иером. Иннокентий. Пастырское богословие в России за XIX в., Троице-Сергиева Лавра, 1899.
109 Иером. Кирилл. Обязанности священника к самому себе. «Христианское Чтение», 1851, август.
110 Иеросхимонах Амвросий. Письма к монашествующим. Вып. 1. Сергиев Посад, 1908.
111 Иеросхимонах Макарий Глинской пустыни: (память 21 февраля). // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX вв.: Февраль. – М., 1906. – С. 262–287.
112 Иеросхимонах Макарий прозорливый. // Русский инок. 1912. №7. С. 41–48.
113 Из обращения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к пастве // Православный церковный Глинский календарь. М., 1997. С.1.

114 Из обращения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к пастве // Православный церковный Глинский календарь. М., 1998. С.1.

115 Изборник 1076 г. – М.: Наука, 1965.

116 Иларион. Слово о Законе и Благодати. – М.: Столица, 1994.

117 Ильин А. «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского» схиархимандрита Иоанна (Маслова) в учебном курсе «История православной педагогики» // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.142-147.

118 Ильина Л. Из опыта работы органов образования Псковской области по духовно-нравственному воспитанию детей. // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодёжи. – М., 2001. – С. 55-58.

119 Иноземцева З.П. К вопросу об использовании духовного наследия в образовательном процессе (на примере писем Глинского старца Илиодора) // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.128-134.

120 Иноземцева З.П. Схиархимандрит Иоанн (Маслов) – историограф Глинской пустыни // 200-летию Рождества Христова посвящается. Российское общество архивистов. – М., 2001. – С. 223-257.

121 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония. По творениям святителя Тихона Задонского. – М.: Самшит, 1996.

122 Иоанн (Маслов), архимандрит, о нём в кн.: Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. Предисловие. – М., 1993.

123 Иоанн (Маслов), архимандрит. Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. – М., 2000.

124 Иоанн (Маслов), архимандрит. Серафим (Романцов). Некролог. // ЖМП. 1976, №10. – С. 29-30.

125 Иоанн (Маслов), о нём в кн.: Церковь, её история в свете прообразов и пророчеств. (Отношение Церкви к мирозданию). Об авторе // Полоцкие епархиальные ведомости. Полоцк, 1997. № 14. С. 3.

126 Иоанн (Маслов), схиарх. Лекции по Пастырскому богословию. -МДА. ТСЛ. – 1969-1970. – Машинопись, 609 с.

127 Иоанн (Маслов), схиархимандрит // Минские епархиальные мости. 1991. № 4. С. 11.

128 Иоанн (Маслов), схиархимандрит, магистр богословия, в кн.: Избранные статьи. Послесловие. – М., 1995. С. 35. Выпуск 2.

129 Иоанн (Маслов), схиархимандрит, магистр богословия. Лекции по литургике для 3-го класса. Лавра. Академия, 1984 – Машинопись, 410 с.

130 Иоанн (Маслов), схиархимандрит, о нём в кн.: Не поднимет народ на народ меча. Избранные статьи. Предисловие. – М., 1996. Выпуск 3. С.1.

131 Иоанн (Маслов), схиархимандрит, о нём в кн.: Преподобный Амвросий Оптинский и русская интеллигенция XIX века. Слово об авторе // Московская правда, 1995. 27 окт.

132 Иоанн (Маслов), схиархимандрит, о нём в кн.: Церковь Христова – место спасения человека. Об авторе. Сборник статей. – М., 1997. С. 37.

133 Иоанн (Маслов), схиархимандрит, о нём. «Слава в вышних Богу» – слово на Рождество Христово. Предисловие // Москва. 1997. № 1. С. 188.

134 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. «Не поднимет народ на народ меча» Об авторе // Русский Вестник. 1996. № 26.

135 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. История обители и её духовно–просветительная деятельность в XVI–XX вв.– М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1994.

136 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. Об авторе. – М., 1992.

137 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинский патерик – М.: Самшит-издат, 1997.

138 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Журнал Московской Патриархии, 1975, № 5, с. 36-39.

139 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Журнал Московской Патриархии, 1977, № 4, с. 28-34.

140 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Избранные изречения старца Амвросия Оптинского, извлечённые из разных источников. Об авторе. – М., 1996.

141 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Избранные письма и проповеди. – М.:Самшит-издат, 2004.

142 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Лекции по литургике. – М.: «Самшит-издат», 2002.

143 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Лекции по пастырскому богословию. – М., 2001.

144 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси//Статьи разных лет. В кн.: Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Статьи разных лет. – М.: «Самшит-издат», 1995, С. 457 – 478.

145 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Проповеди и письма. –М.: Самшит-издат, 2004.

146 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Статьи разных лет. – М.: «Самшит-издат», 1995.

147 Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. Послесловие. – М., 1996.

148 Иоанн Восторгов, прот. Государственная Дума и церковные школы. СПб, 1911.

149 Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. –М.:Лодья, 1998.

150 Иоанн Златоуст, свт. О священстве. СПб, 1872

151 Иоанн Златоуст, свт. Уроки о воспитании. См. Феофан Затворник, свт. Путь ко спасению, М.: «Благовест», 2002

152 Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. –М.:АСТ, 2000 г.

153 Иоанн Кронштадтский, св. прав. В мире молитвы. –СПб., 1991

154 Иоанн Кронштадтский, св. прав. Великий Пост.

155 Иоанн Кронштадтский, св. прав. Живое слово мудрости духовной. –М., 2003 г.

156 Иоанн Кронштадтский, св. прав. Живой колос. –СПб., 1909.

157 Иоанн Кронштадтский, св. прав. Моя жизнь во Христе. Том 1. –СПб., 1893.

158 Иоанн Кронштадтский, св. прав. Моя жизнь во Христе. Том 2. –СПб., 1893.

159 Иоанн Кронштадтский, св. прав. Мысли христианина о покаянии и причащении. –М.: Паломник, 1997.

160 Иоанн Кронштадтский, св. прав. Новые грозные слова. –М., 1907.

161 Иоанн Кронштадтский. Христианская философия. – М.: Республика, 1992.

162 Иоанн Маслов, архимандрит, магистр богословия, о нём в кн.: Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси. Слово об авторе. // Богословские труды. 1992. № 31. – 33 с.

163 Иоанн Маслов, архимандрит. Магистр богословия. Об авторе. Избранные статьи. – М., 1993. Выпуск 1.

164 Исаев И.Ф. Теория и практика формирования профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы. – Москва – Белгород, 1993.

165 Исторический очерк развития церковной школы за истекшее 25-летие (1884–1909). СПб., 1906.

166 История русской иерархии. т.1, С. 407; т.2, С. 75,76; т.3, С. 280.

167 Италинский А.Д. Из жизни церковно-приходской школы. – М., 1906.

168 Иувеналий, Архиепископ Курский и Рыльский. Проблемы современного православного воспитания (доклады, выступления, размышления). – К.: Изд – во КГПУ, 1999.

169 К 5-летию возобновления издания книг о Глинской пустыни // Православный церковный Глинский календарь. – М., 1998..

170 К 5-летию со дня кончины. // Квартирьер. 1996. № 15.

171 К. Н. Леонтьев. О. Климент Зедергольм. М., 1882, с. 4.

172 Караковский В. А. Стать человеком. -М., 1993.

173 Карташов Н.В. Памяти отца Иоанна Маслова. // Подмосковье, 1996. № 309. С. 1.

174 Киреевский И.В. О нужде преподавания церковно-славянского языка в уездных училищах / / Литературная учёба. – 1997. №5–6. – С. 106–109.

175 Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. – М., 1861.

176 Кисель В. Архивные материалы по истории Глинской пустыни, собранные схиархимандритом Иоанном (Масловым). // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.113-125.

177 Колубовский Я. Н. Философия у русских.– В кн.: Ибервег-Гейнце. История новой философии. СПб., 1890.

178 Котовчихина Н. Формирование духовного облика современного учителя. // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодёжи. – М., 2001. – С.43-45.

179 Крупин В. Русские Златоусты / Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.250-253.

180 Крупин В. Школе необходимы уроки нравственности. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.243-245.

181 Кулешов В.И. История русской литературы. М., 1989. С. 132.

182 Куломзина С.Н. Наша церковь и наши дети. М., 1993.

183 Курские епархиальные ведомости. 1908. № 40.

184 Кучерявый В., прот. История России немыслима без подвига «светильников духа». // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.258-261.

185 Лебедев А., прот. Святитель Тихон Задонский и всея России чудотворец. СПБ., изд.3, 1896.

186 Лебедев Ю.В. Труды схиархимандрита Иоанна (Маслова) в университетском курсе истории русской литературы XIX века. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М.: Самшит, 1999. – С.135-142.

187 Лествица, или скрижали духовные, преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы. М.:СТСЛ, 2002.

188 Ломоносов М.В. О воспитании и образовании. – М.: Педагогика, 1991.

189 Лука (Войно–Ясинецкий) Архиепископ. Дух, душа и тело. –М.:ПСТБИ, 1997.

190 Макарий Египетский. Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994.

191 Макарий, митрополит Всероссийский. Великие Минеи Четьи. – Т. 1–2. – М., 1910.

192 Максим Грек. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. – В 3-х ч. – М., 1910 – 1911.

193 Малая Советская Энциклопедия. Т. 2. М., 1930.

194 Маслов Н.В. «Поминайте наставника Ваша» // Русский Вестник. 1998. № 39. С.10.

195 Маслов Н.В. Благодатный старец. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Изд. 3-е. – М., 2000.

196 Маслов Н.В. Благодатный старец. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Изд. 5-е. – М.: Самшит-издат, 2003.

197 Маслов Н.В. Будь свечой горящей! (К 40-летию со дня ского пострига). // Русский Вестник. 1997. №40. С.11.

198 Маслов Н.В. Идеал служения Отечеству. / Материалы IX Международных Рождественский образовательных чтений. – М., 2000. – С. 43-48.

199 Маслов Н.В. Идеалы России: Мат. докл. Восьмых Междунар. Рождест. чт. – М.: Отдел религиозного образования и катехизации, 2000. – С. 227–230.

200 Маслов Н.В. Литературное богословское наследие Глинской пустыни. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С. 94-112.

201 Маслов Н.В. Об авторе Глинского Патерика // Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. – М., 1997. – С. 721-754.

202 Маслов Н.В. Образец пастырям // Русский Вестник. 1998. №24. С.11.

203 Маслов Н.В. Общероссийское патриотическое общество «наследники Александра Невского» // Отечественные традиции образования, духовного и нравственного воспитания школьников. Научно-методический сборник РАО. – М., 1998. – С.64-68.

204 Маслов Н.В. Православное воспитание как явление русской педагогической культуры (на материале трудов схиархимандрита Иоанна (Маслова). Диссертация на соискание уч.степени доктора пед.наук. Рукопись. 2004 г.

205 Маслов Н.В. Православное учение о спасении по трудам Глинских старцев. – М.: ОАО «Самшит», 2002.

206 Маслов Н.В. Светильник праведности // Благовест. 1998. № 30. С.7.

207 Маслов Н.В. Словарь основных понятий православной педагогики. – М., 2004.

208 Маслов Н.В. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Его пастырская деятельность и богословское наследие. – М., 1999.

209 Маслов Н.В. Схиархимандрит Иоаннн о стяжании мира // Квартирьер. 1994. № 13.

210 Маслов Н.В. Схиархимандрит Иоаннн о стяжании мира // Квартирьер. 1995. № 15.

211 Матвиенко В. Обращение к участникам Всероссийского духовно-просветительского форума «Глинские чтения» // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодёжи. – М., 2001. – С.6.

212 Мегаполис-Континент, М., 1991, № 31.

213 Миляева О. Уроки нравственного воспитания. (Об отце Иоанне (Маслове)). // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодёжи. – М., 2001. – С.36-42.

214 Митр. Варфоломей. О пастырском служении по св. ап. Павлу. «ЖМП», 1950, № 1.

215 Митрополит Таллиннский и Эстонский Алексий. Филокалия в русской аскетической мысли. ЖМП, 1983, № 4.

216 Митрофанова Т. Знакомство с русскими патериками на уроках литературы в школе. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.201-205.

217 Михайлов В. А свеча сгорает дотла // Московский Церковный вестник. 2001. №13-14. С.6.

218 Михайлов В. Наследие Глинских старцев. // Московский Церковный вестник. 2000. №13-14. С.6.

219 Морозов Н.Г. «Глинская пустынь» схиархимандрита Иоанна (Маслова) и изучение книги Б.К. Зайцева об Афоне в университетском спецкурсе «Писатели русского зарубежья». // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М.: Самшит, 1999. – С. 153-158.

220 Московская Духовная Академия – 300 лет (1685–1985): Богословские труды: Юбилейный сборник. М.: Изд. Моск. патриархии, 1986.

221 Мысли русских патриархов от начала до наших дней. – М.: Сретенский монастырь, Новая книга, Ковчег, 1999.

222 Н. Румянцев. Очерки деятельности пастыря Церкви Христовой. «Вера и Разум», 1894, т. 1, ч. 1.

223 Народное образование в трудах историков русской церкви: хрестоматия / Сост.М.Н. Костикова. – Владивосток, 2000.

224 Никандров Н. Российская национальная идея и воспитание в духе православия. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.21-30.

225 Новый энциклопедический словарь. М., 2004.

226 О единстве Церкви. Киев, 1891.

227 О схиархимандрите Иоанне (Маслове) // Калининградская правда, 1996. № 161. С. 3.

228 О схиархимандрите Иоанне (Маслове) // Мегаполис-Континент. 1991. № 16.

229 О схиархимандрите Иоаннне (Маслове) // Москва. 1994. № 9. С. 192.

230 О цели христианской жизни. Сергиев Посад, 1914.

231 О.Иосиф. Н.В.Гоголь, И.В.Киреевский, Ф.М.Достоевский и К.Н.Леонтьев перед старцами Оптиной пустыни. – М., 1897.

232 Ожегов С.И. Словарь русского языка. –М.:Русский язык, 1990.

233 Орлова Н. Эта книга выявляет духовные богатства Отечества. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.241-242.

234 Основные начала нравственного воспитания, 1913.

235 Основные начала религиозно-нравственного воспитания. – М., 1908.

236 П. Голубев. Епископ Феофан – подвижник-толкователь Библии, как слова жизни. Радость христианина. – М., 1894.

237 Паломничество в России: Глинская пустынь. Слово о схиархимандрите Иоанне (Маслове) // Московская правда, 1995, 26 мая.

238 Памяти о. Иоанна // Мир новостей. 3-9 августа 1988. – С.2.

239 Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. – В 4-х в. – Спб., 1897 – 1898.

240 Пашков А.Г. Идея труда в педагогической концепции К.Д. Ушинского. С. 40–42

241 Педагогический энциклопедический словарь под ред. Б.М.Бим-Бада. Москва, 2002.

242 Петракова Т.И. Педагогическая симфония. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.196-200.

243 Петракова Т.И. Святоотеческая традиция и духовно–нравственное воспитание: к осмыслению понятий / Святоотеческое наследие в духовно–нравственном воспитании детей и молодёжи. – М.: Самшит, 2001. – С. 15–20.

244 Петракова Т.И. Святоотеческое наследие и проблемы духовно-нравственного воспитания учащихся в современной школе. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.174-182.

245 Петров В.М. Московская Русь: пути просвещения (XV–XVI века) / Педагогика, 1997, № 3, С. 57–59.

246 Печальник душ человеческих / Мегаполис-Континент. 1994. №30.

247 Писания мужей апостольских, русский перев. прот. Преображенского. М., 1862.

248 Письма. «Душеполезное Чтение». М., 1908, ч. 1.

249 Письмо архим. Игнатия (Малышева) к еп. Игнатию (Брянчанинову).

250 По заветам Глинских старцев // Русский вестник. 2001. №16-17. С.14.

251 Победоносцев К. П. Учение и учитель: Педагогические заметки. – М., 1900.

252 Подвижники благочестия – наши современники // Русский Вестник. 1992. № 8. С. 13.

253 Подушкина И.М. О поисках духовной опоры в развитии российского образования / Тезисы докладов и выступлений Всероссийской научно–практической конференции – Курск, 1999.

254 Подымова Л.С. Теоретические основы подготовки учителя к инновационной деятельности. – М., 1996.

255 Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репринтное издание. В 2 томах. -М., 1992.

256 Поместный собор Русской Православной Церкви. 1971. М.:МП, 1972.

257 Попков В.Н. «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского» схиархимандрита Иоанна (Маслова) в учебных курсах кафедры русской литературы Мичуринского государственного университета. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.148-152.

258 Порфирий (Левашов), иеромонах. Взгляд на монашество. СПб, 1867.

259 Порфирий (Левашов), иеромонах. О воспитании девиц в духе истинно христианском. –М.:Самшит-издат, 2005.

260 Послание св. Поликарпа к Филиппийцам.

261 Посошков И.Т. Завещание отеческое. – Спб., 1893.

262 Поучения Аввы Исаии отшельника в переводе Святителя Феофана Затворника. – М.: «Правило веры», 1998.

263 Праведники живут вовеки // Мегаполис-Континент. 1994. № 30.

264 Праведники живут вовеки // Человек и Карьера. 1995. №12. С.3.

265 Православное воспитание детей. – М.: Даниловский благовестник, 1997.

266 Преподобного Исаака Сирина слова подвижнические. – М.: Правило веры, 2002

267 Преподобного Макария Великого духовные беседы, послания и слова. – М., 2002.

268 Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. – М., 1883

269 Прозорливость. Большой человек. Путь к затвердевшему сердцу. (Воспоминания монахинь Жировицкого монастыря) // Русский вестник. 2001. № 29-30. С.15.

270 Прот. Г. Шавельский. Православное пастырство. София, 1930.

271 Прот. Евгений Попов. Письма по пастырскому богословию. Пермь, 1847.

272 Прот. Иоанн Сергиев. Мысли о богослужении Православной Церкви. М., 1894.

273 Прот. Иоанн Сергиев. Полное собрание сочинений, т. 5. СПб, 1899.

274 Прот. Иоанн Сергиев. Созерцания и чувства христианской души. СПб, 1905.

275 Прот. С. Четвериков. Оптина пустынь.

276 Прот.Г.Шавельский. Православное пастырство. София, 1930.

277 Проф. архим. Вениамин (Милов). Лекции по Пастырскому богословию. Библиотека МДА, машинопись.

278 Проф. В.Ф. Певницкий. Священство. Основные пункты в учении о пастырстве. Киев, 1872.

279 Проф. С. Соллертинский. Пастырство Христа Спасителя. СПб, 1887.

280 Прп. Ефрем Сирин. Творения, т.3. Сергиев Посад, 1912.

281 Прп. Иоанн. Лествица. 7 изд. Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1908.

282 ПСРЛ, т.II, с.366. Богословские труды. – М.,1990, № 30, с. 270.

283 Рачинский С.А. Сельская школа. – Спб. 1890.

284 Российская педагогическая энциклопедия. – В 2–х тт. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.

285 Российская педагогическая энциклопедия. т. 1. – М. Просвещение, 1993.

286 Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В.П. Семенова. Т. II. СПб., 1899.

287 Русский Златоуст (К 5-летию со дня кончины схархимандрита анна (Маслова)) // Мир новостей, 1996. №30.

288 Рыбина Е. Духовное возрождение России и юный читатель. Программа курсов для вузов культуры, педагогических вузов и университетов. – М., 1997.

289 Рыбина Е. Из опыта работы с книгами схиархимандрита Иоанна (Маслова) в МГУ. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.158-165.

290 Св. Амвросий Медиоланский. «О должностях священнослужителей Церкви Христовой». Изд. П. Поспелова, Киев, 1875.

291 Св. Василий Великий. Творения, т.8. М., 1846.

292 Св. Григории Богослов. Творения, ч. 1.

293 Св. Григорий Двоеслов. О пастырском служении. Руководство для сельских пастырей. 1871, т. 1.

294 Св. Димитрий Ростовский. Алфавит духовный. СПб, 1880.

295 Св. Димитрий Ростовский. Творения, т.1. М., 1910.

296 Св. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии.

297 Св. Игнатий Богоносец. Послание к ефесянам.

298 Св. Игнатий Богоносец. Послание к магнезийцам.

299 Св. Игнатий Богоносец. Послание к Поликарпу.

300 Св. Игнатий Богоносец. Послание к смирнянам.

301 Св. Игнатий Богоносец. Послание к траллийцам.

302 Св. Игнатий Богоносец. Послание к филадельфийцам.

303 Св. Иоанн Златоуст. О священстве. СПб, 1872.

304 Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 1. СПб, 1905.

305 Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 2. СПб, 1905.

306 Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 8. СПб, 1905.

307 Св. Иоанн Златоуст. Творения, т.12. М., 1901.

308 Св. Иоанн Златоуст. Творения. Толкование на послан. к Евреям.

309 Св. Иоанн Златоуст. Творения. Толкование на послан. к Тимофею.

310 Св. Иоанн Златоуст. Шесть слов о священстве. Спб, 1895.

311 Св. Климент Римский. Послание к Коринфянам. М., 1862.

312 Св. Тихон Задонский. Сокровище духовное, от мира собираемое. СПб, 1893.

313 Св.Игнатий (Брянчанинов). Сочинения. Т.1. СПб, 1865.

314 Светильник праведности Земли Русской // Московская правда. 1995. № 28.

315 Святейший Патриах Московский и всея Руси Алексий I. Слова и речи. Т.3. М.: МП, 1957.

316 Святоотеческое наследие в системе дополнительного образования. (Из опыта Т.П. Митрофановой.) / Святоотеческое наследие в общеобразовательной школе. – М., 2000. – С. 44-67.

317 Святоотеческое наследие в школе. (Из опыта Т.А. Шевченко). / Святоотеческое наследие в общеобразовательной школе. – М., 2000. – С. 7-43.

318 Свящ. Василий Сокольский. Евангельский идеал христианского пастыря. Казань, 1905.

319 Свящ. Г. Титов. История священства и левитства Ветхозаветной Церкви. Тифлис, 1878.

320 Свящ. Четвериков. На службу Богу и ближним. «Душеполезное Чтение», 1903, февраль.

321 Сергий (Данков), игумен. Светоч монашества из Глинской пустыни. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.254-257.

322 Сергий (Стуров), архимандрит. Частичка монастырской благодати. Русский вестник. 2001. № 27-28. С.15.

323 Сильвестр, архиеп. Астраханский. Приточник. ч. 2. М., 1899.

324 Симеон Новый Богослов Слова. Часть 1. – М., 2001.

325 Симеон Новый Богослов Слова. Часть 2. – М., 2001.

326 Скурат К. Глинские старцы – духовные учителя. // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодёжи. – М., 2001. – С.11-14.

327 Скурат К. Глинские старцы. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.262-266.

328 Скурат К. Святое Православие в духовной жизни. // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодёжи. – М., 2001. – С.64-147.

329 Сластенин В.А. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002.

330 Слипченко В. Воспитывать патриотизм. (Об отце Иоаннне лове). // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодёжи. – М., 2001. – С. 62.
331 Словарь русского языка в 4 томах. –М.:Русский язык, 1981-1984.
332 Слово о схиархимандрите Иоанне (Маслове) // Глинский листок. 1997. № 10.
333 Слово о схиархимандрите Иоанне (Маслове) // Экономическая газета. 1997. №№ 44, 45, 46, 47, 48.
334 Слово о схиархимандрите Иоаннне (Маслове) // Квартирьер. 1994. №18.
335 Слово о схиархимандрите Иоаннне (Маслове) // Русь Державная. 1995. №7-9.
336 Служение священника в качестве духовного руководителя прихожан. СПб, 1898.
337 Собрание писем святителя Феофана. М., 1898.
338 Современный толковый словарь русского языка. –М.: РД, 2004.
339 Соллертинский С., проф. Пастырство Христа Спасителя. -СПб, 1887.
340 Сочинения Преосв. Тихона, т.6. М., 1836.
341 Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского, т.1. –М, 1885.
342 Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского, т.2. –М, 1885.
343 Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского, т.3. –М, 1885.
344 Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского, т.4. –М, 1885.
345 Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского, т.5. –М, 1885.
346 Спасать Россию нас научает подвижник // Русский вестник. 2001. №29-30. С.15.
347 Схиархимандрит Иоанн (Маслов) (1991) // Православный церковный Глинский календарь. – М., 1998. – С. 232-246.
348 Схиархимандрит Иоанн (Маслов) // Жизнь Вечная. 1995. № 3.
349 Схиархимандрит Иоанн. // Жития новопрославленных святых Русской Православной Церкви. – СПб., 2001. – С. 773-779.

350 Тайны жизни и смерти // Мегаполис-Континент. – М., 1991. – №24, С. 7.

351 Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского, т.1. Изд. 6. –М., 1898

352 Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского, т.2. Изд. 6. –М., 1898

353 Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского, т.3. Изд. 6. –М., 1898

354 Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского, т.4. Изд. 6. –М., 1898

355 Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского, т.5. Изд. 6. –М., 1898

356 Творения св. Исидора Пелусиота, в 3-х частях, ч. 1. М., 1859-1860.

357 Творения св. Киприана Карфагенского. Киев, 1891.

358 Творения св. Климента Александрийского. Изд. 1715 г.

359 Урок последования Христу // Русский вестник. 2001. №20-21. С.12.

360 Успенский Б. А. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. – М., 1981.

361 Устинов В. Молодые побеги (воспоминания иеромонаха Ермогена о схиархимандрите Иоанне (Маслове)) // Ведомости православной жизни (г. Калиниград). 1998. №2.

362 Учебное пособие по истории русской церкви / Сост. Знаменский П. – СПб.: Синоидальная типография, 1904.

363 Феодосий (Бильченко), архимандрит. Неиссякаемый родник // Калининградская правда, 1996, № 161. С. 3.

364 Феодосий (Бильченко), игумен, Кучерявый В., прот. Схиархимандрит Иоанн (Маслов) // ЖМП. 1992. №11-12. С.77.

365 Феодосий Печерский. Слово о терпении и любви / Русская душа. – М. – Роман-газета, 1994. – С. 17 – 21.

366 Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский. Глинская пустынь как центр духовного просвещения. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.84-93.

367 Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский. Два духовных жеств. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.246-249.

368 Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский. Есть идея и есть путь. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.62-63.

369 Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский. Слово об учителе. // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодёжи. – М., 2001. – С.8-10.

370 Феофан Затворник, свт. Начертание христианского вероучения. Т.1. Псков-Печерский монастырь. 1994.

371 Феофан Затворник, свт. Путь ко спасению, М.: «Благовест», 2002

372 Феофан Затворник, святитель. Наставления в духовной жизни / Сост. Иоанн (Снычев), Митрополит Санкт–Петербургский и Ладожский. – М.: Отчий дом, 1997.

373 Феофан Затворник. Основы православного воспитания. Киев, 2002

374 Феофан, Вышенский Затворник. Начертание христианского нравоучения. – М. – 1998.

375 Филарет (Дроздов), Митрополит Московский и Коломенский. Творения. – М.: Отчий дом, 1994..

376 Филарет Московский. Учение о семейной жизни. – М., 1997.

377 Филарет, свт. Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия. М.: Издание Московского общества любителей духовного просвещения, 1867, с.20

378 Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.

379 Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Киев, 1991.

380 Фунтикова С. Творения святых отцов в вузовском курсе «Православная литература в фонде публичной библиотеки». // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодёжи. – М., 2001. – С. 51-54.

381 Четвериков Сергий, прот. Описание жизни блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. –М., 1912.

382 Шацкий С. Т. Педагогические сочинения. Т. 2. М., 1964.

383 Шевченко Т.А. Детям нужен духовный стержень. // Духовное следие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.183-195.

384 Шевченко Т.А. Мы вместе ищем путь к спасению // Русский Вестник. 1998, № 51-52. С.14.

385 Шевченко Т.А. Чтобы мир не победил наших детей. // Не такой как все. Как научить подростка жить среди сверстников. – М., 2000. – С. 122-145.

386 Шевченко Т.А. «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского» – книга для учителя и учащихся. // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодёжи. – М., 2001. – С.24-29.

387 Ширинкин А. прот. Глинские литургические традиции в Московских Духовных школах. // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. – М., 1999. – С.126-127.

388 Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству. // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов: В 17 томах. Т.4. – СПб., 1825.

389 Школа и педагогика в культуре Древней Руси. – М.: РОУ, 1992.

390 Школа православной России / Сост. А.И. Шпеко. – М.: Россия Молодая, 1998.

391 Я. Горунович. Учение о пастырском служении древних отцов и учителей Церкви. Смоленск, 1899.

Маслов, Николай Васильевич. Основы русской педагогики : православ. воспитание как основа рус. педагогики (по трудам схиархимандрита Иоанна (Маслова) / Маслов Николай Васильевич ; Н. В. Маслов ; М-во образования и науки РФ, Федер. ин-т развития образования, Моск. пед. акад. - Изд. 3-е, доп. - М. : Самшит-издат, 2006. - 590, [1] с. ; 20 см. - (Библиотека нравственного воспитания Н. В. Маслова).

Приложения

Приложение 1

Н.В. Маслов, Президент Фонда Александра Невского, доктор педагогических наук

31 Января, 2008, 15:50:00

«Основы русской педагогики»

на Образовательных чтениях Центрального федерального округа «Современные основы образования и духовно-нравственное здоровье общества»

Вопрос об основах русской педагогики важен для современного учительства, поскольку выявление и определение этих отечественных основ позволяет

правильно и эффективно построить образовательный процесс.

Исторический опыт свидетельствует, что в своей основе и по своему содержанию русская педагогика - педагогика православная, даже в советский период.

После Крещения Руси жизнь русского народа, включая и образовательный процесс, строилась на учении Православной Церкви, святоотеческом наследии. Основы русской педагогики нашли свое отражение в трудах отечественных святых - замечательных русских педагогов: святителей Тихона Задонского, Димитрия Ростовского, Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника; Глинских и Оптинских старцев, св. прав. Иоанна Кронштадтского и других.

В наши дни это богатейшее наследие обобщил и систематизировал русский пастырь и педагог схиархимандрит Иоанн (Маслов). В его трудах раскрыты цель, принципы, методы православного воспитания;

показано, что основой русской педагогики является именно православное воспитание.

Интерес современной системы образования к православной педагогике обусловлен теми высокими результатами, которых она достигла, явив миру людей высокой нравственности, самоотверженности, героев Отечества. Христианство облагородило мир и дало ему правильное направление во всех сферах дея-

тельности. Именно Россия - как никакая другая страна явила миру сячи святых, т.е. тех людей, которые являются нравственным образцом для всех поколений, живущих на земле. Не случайно в дореволюционной школе учили на житиях святых - учитесь у них, подражайте им! Меняются правительства, системы образования, наконец, политический строй, а нравственный идеал остаётся неизменным - вечным!

Святой благоверный князь Александр Невский, преподобный Серафим Саровский, преподобный Сергий Радонежский - великие русские святые, патриоты. Он так много сделал для созидания русского государства. А почему? Ум был просвещённый, человек понимал, что делать, когда делать и как делать.

Говоря о свойствах святых, Святитель Феофан затворник указывает какими сверхъестественными способностями они обладали:

- зрение раскрывалось до способности видеть далёкое и сокрытое (например, преп. Сергий Радонежский встал и приветствовал находящегося за сотни километров от него св. Стефана Пермского);

- слух - до способности слышать пение ангельское (это отмечали многие русские святые);

- обоняние - до способности чувствовать в вещи запах страсти, с которой она дана (многие святые не принимали приносимые им вещи)

- движение - до способности быть в другом месте, не выходя из своего; ходить по воде как посуху (преп. Иоанникий Великий, Глинский настоятель схиархимандрит Иоанникий в 1912 г.)

- возможность жить почти без пищи. Примером жития святителя Гурия, архиепископа Казанского.

Известно, что и дикие звери покорялись святым. Например, преп. Серафим Саровский кормил медведя, так же как и преп. Сергий Радонежский.

Таким образом, у святых мы видим многие сверхъестественные свойства.

А в каком состоянии находится обычный человек? С какими свойствами человека сталкивается каждый день педагог?

Православная педагогика рассматривает человека в трёх его стояниях: естественном, неестественном и сверхъестественном. Она исходит из того, что человек был создан Богом как существо совершеннейшее во всех отношениях как по телесной, так и по духовной природе.

Первые люди не знали, что такое грех, и поэтому ум их был проницателен, чист и способен к быстрому восприятию истин. Он легко проникал в сущность явлений. Главное, ум человека был способен различать добро и зло.

Подумайте, у любого из здесь присутствующих каждый день возникает множество проблем, и мы мучительно принимаем решения, не зная, как правильно поступить. А первозданному человеку было присуще понимание сути вещей, и он не знал этих мучений.

Воля человека была направлена всегда к добру, она была сильной, крепкой, человек мог владеть собой. Сердце человека было добрым, он не знал злых, терзающих душу чувств. Это естественное состояние человека.

Что же произошло, когда человек нарушил первую заповедь, которая ему была дана Богом для духовно-нравственного совершенствования?

Произошло грехопадение. Грех нарушил целостность природы человека и лишил его Божественных дарований. Падение первого человека нарушило гармонию, отравило и расстроило все его существо, отразилось на всех свойствах и способностях.

1. Утратилась ясность и проницательность ума, извратились все познавательные силы и способности, ум человека стал слеп и неспособен отличать добро от зла, истину от лжи.

2. Немалый вред грехопадение причинило воле человека. Вместо стремления к добру и правде в ней появились злые желания. Воля постепенно ослабела.

3. Сердце стало жестким, невосприимчивым к добру, бесплодным. Оно стало источать вместо любви зло.

Святитель Тихон сравнивает сердце человека с каменистой землёй, на которую, хотя и сеются семена, но они остаются бесплодными и часто погибают.

Как этот образ понятен каждому учителю, который старается каждый день сеять «разумное, доброе, вечное», а всходы бывают редкими.

Таким образом, первородный грех внес в существо человека полную дисгармонию, порвал те нити, которые соединяли человека с Богом, добром и заставил его служить злу и страстям. Такое состояние человека по учению святых Отцов называется неестественным.

Что важно знать каждому педагогу? Эти губительные следствия первородного греха не ограничились первыми людьми. Они распространились на весь род человеческий путем естественного рождения. До грехопадения человек находился в естественном состоянии, в нем все было прекрасно и гармонично. Состояние неестественное - это состояние после грехопадения, то, в котором находится человечество сейчас - полная дисгармония всех сил и способностей.

С пришествием Христа для человека открылась возможность восстановить способности, которые у него были первоначально, вернуть утраченный образ Божий, который был человеку дан. Это состояние является сверхъестественным. Такого состояния достигали святые.

Учение о трёх состояниях человека является ключевым для определения цели образования и методов педагогического воздействия. Цель православной педагогики - научить человека, как из неестественного состояния перейти в состояние естественное. Это значит -дать человеку правильное понятие и направление во всех сферах деятельности, облагородить земное общество, научить человека так проводить земную жизнь, чтобы ему стала доступна жизнь вечная.

Православное воспитание необходимо, «чтобы человек мог удобнее достигнуть доступного ему совершенства». Эта цель неизменна во все времена.

Теперь мы можем выделить концептуальное отличие православной педагогики:

Во-первых, православная педагогика исходит из знания свойств и качеств человека в его естественном состоянии. Во-вторых, может не только описать все страсти и пороки, присущие человеку, но и указать средства их искоренения.

В-третьих, православной педагогикой разработаны методы тания, которые позволяют человеку сделать главное в его жизни, т.е. перейти из неестественного состояния в естественное.

Светская педагогика не признает сам факт грехопадения человека. Она считает состояние человека после грехопадения со всеми его страстями и пороками естественными, и поэтому не искореняет их, а наоборот, развивает и усиливает. Она не призывает человека к совершенствованию, к восстановлению утраченного гармоничного состояния. С другой стороны, не признавая сверхъестественного состояния человека, светская педагогика не указывает идеал воспитания. И, таким образом, оставляет человека в его падшем состоянии.

Предмет православной педагогики

Современное образование нацеливает учителя, прежде всего, дать ученику определённую сумму знаний, т.е. обучить наукам. В традиционной русской педагогике обучение наукам было лишь составной частью образовательного процесса. Поскольку ум воля и сердце ученика повреждены и находятся в неестественном состоянии, то основное внимание уделялось именно восстановлению утраченных способностей, что в свою очередь позволит быстро и легко усваивать знания.

Образование ума. Перед православными педагогами стояла и стоит задача - вернуть уму человека способность отличать добро от зла, истину от лжи. Для этого, прежде всего, нужно научить детей вере, а потом — другим наукам, раскрыть им основные понятия о Боге, о правилах богоугодной жизни.

Образование воли. Умственное образование тесно связано с утверждением воли в нравственных правилах. Христианские педагоги воспитывают в детях умение направлять свою волю в сторону добра. Воля нуждается в постоянной тренировке. В деле образования воли велика роль дисциплины, которая дает ей христианское направление, воспитывает готовность подчинить свое самолюбие

нравственному долгу. Что такое дисциплина и почему православная педагогика уделяет ей такое внимание?

Истинный смысл дисциплины заключается в сознательном установлении такого порядка, который создает наилучшие условия для воспитания добродетели и искоренения пороков. Главное значение дисциплины состоит в таком развитии воли ученика, чтобы он сам стремился к нравственному усовершенствованию.

Образование сердца. Христианская педагогика учит, что сердце есть корень всех дел, добрых и злых. Чем наполнено сердце, такие действия и производит человек. Средства для воспитания сердца направлены на то, чтобы подавить в нем расположение ко злу и насадить добрые чувства. Воспитание чувств - это тема отдельного доклада.

Таким образом, православная педагогика - это прежде всего работа над сердцем и умом ученика, к которой всегда призывали великие русские святые - просветители.

Православная педагогика раскрывает также неизменные нравственные законы, следуя которым человек избегает многих несчастий. Приведём лишь два из них (по «Симфонии»).

1. «Грех без казни не бывает». Это правило должен знать каждый ребёнок с самых ранних лет. В подтверждение этого закона приведём не всем известный пример из Библии.

Саломея, дочь Иродиады, в награду за свой танец попросила у царя Ирода на блюде голову пророка Иоанна Крестителя. История сохранила нам рассказ о её страшной смерти уже в преклонном возрасте. Как-то раз по неосторожности, Саломея провалилась в прорубь, и льды сомкнулись у неё на шее. Попытки её спасти не увенчались успехом. Пытаясь вырваться из западни, она извивалась под водой, словно исполняя страшный танец, подобно тому, как в далёкой юности она плясала во дворце Ирода. Приговорив Иоанна Крестителя к смерти с лёгкостью, даже ни на мгновение не смутившись и не задумавшись, Саломея

подписала и свой собственный приговор, и не только к страшной бели земной жизни, но и вечную погибель.

2. «Плохое воспитание есть начало злу, которое из поколения в поколение возрастает» (Симфония). Этот закон ставит перед нами задачу огромной важности:

- создать такую систему воспитания в России, чтобы в следующем поколении наших соотечественников зло не возросло, а уменьшилось. Сделать жизнь россиян добрее, счастливее и плодотворнее!

Приложение 2

Прославление и открытие мощей святителя Тихона

Православие.Ru / **Мониторинг СМИ**, 26 августа 2008 г. http://www.pravoslavie.ru/smi/622.htm

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) Источник: **Глинские чтения** // http://www.glinskie.ru/biblio/shim/stz/stz07.html

1. ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЕ О БЛАГОДАТНОЙ СИЛЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ПО ЕГО КОНЧИНЕ

Святитель Тихон Задонский

Благоговейная память о любвеобильном, добродетельном архипастыре не только не угасала с течением времени, но постепенно росла и переходила в уверенность, что святитель Тихон прославлен Господом и находится в сонме святых угодников. Его почитали близкие и те, кто слышал о его богоугодной жизни или читал его сочинения. Уже через год после кончины святителя были изданы некоторые его сочинения, несколько позже — все остальные, некоторые же переиздавались вторым тиражом. Простота творений святителя Тихона, их ясность, живое чувство благочестия, доступность для общего понимания и глубокая назидательность сделали их любимыми произведениями всех сословий великой России. Почитатели памяти святого отца старались приобрести или переписать сведения о его жизни и подвигах. Воспоминания келейников В. Чеботарева и И. Ефимова за короткий срок были переизданы несколько раз. В 1794 году Воронежским епископом Тихоном III было издано первое жизнеописание святителя. В 1796 г. епископ Евгений Болховитинов (впоследствии митрополит Киевский) издает более полное житие, которое из-за множества желающих приобрести его также переиздавалось неоднократно [1].

Сам Господь благоволил прославить имя Своего угодника на земле. Послушник Задонского монастыря, близкий ученик святителя, Никандр Бехтеев рассказывает о видении схимонаху Митрофану. По его словам, через три года после кончины святитель Тихон в небесной славе явился своему другу по духу и жизни схимонаху Митрофану и сказал ему: “Отец Митрофан! Всемогущий

Бог хочет прославить меня", — и потом сделался невидимым. "С того времени, — свидетельствует послушник Никандр, — потек от всех мест народ для поклонения святителю и начали служить при гробе его панихиды" [2].

Постепенно все места, так или иначе связанные с жизнью святителя Тихона, стали приобретать известность. Два колодца в окрестностях Задонского монастыря, вырытые руками св. отца в местах, где он любил уединяться для молитвы и богомыслия, стали посещаться паломниками. В 1813 г. на одном из них была построена церковь в честь Божией Матери, а через несколько лет — богадельня. В 1833 г. было начато строительство женского монастыря, который впоследствии был назван Тихоновским.

На другом колодце был сооружен скит, который впоследствии также был назван Задонско-Тихоновским.

В самом монастыре в 1818 году в честь святителя Тихона были школа-интернат на 24 мальчика (10 из них содержались за счет монастыря в память любви святителя к детям) и две богадельни.

Основная причина такой широкой известности имени святителя Тихона состоит в том, что с верою призывающие на помощь святого угодника в самых разнообразных случаях получали благодатную помощь свыше. Именно эти многочисленные чудеса убеждали всех, что святитель Тихон — великий святой угодник Божий. Весьма примечательно, что чудеса совершались не только при его гробе, но и везде, где бы ни призывалось имя святителя. Совершаемые повсеместно, эти случаи, во-первых, распространяли славу о нем, а во-вторых, побуждали людей идти к гробу святого с благодарностью за полученное исцеление [3].

В жизнеописании, а также в архивах приводится множество примеров чудесных исцелений. Некоторые из них особенно характерны. Например, чиновник из Киева П.Я. Забугин в течение 20 лет страдал головными болями, головокружением, рвотой, геморроидальной болезнью и болями в желудке. По состоянию здоровья он вынужден был оставить работу, а затем слег совсем. Усилия нескольких врачей оказались безуспешными. Когда, по их словам, больно-

му оставалось жить не более недели, его повезли в Задонск. Уже после первой панихиды у гроба святителя Тихона он почувствовал себя настолько хорошо, что мог не только ходить, но и стоять длительное время в церкви, не чувствуя усталости. В Киев он вернулся совершенно здоровым и снова приступил к оставленной работе. На руках у него находились справки от лечащих врачей о безнадежном положении до поездки в Задонск и о хорошем состоянии здоровья после поездки [4].

Довольно необычной болезнью страдала жительница г. Задонска А.П. Анциферова. Врачи не могли, по словам больной, не только облегчить ее страдания, но и поставить точный диагноз. Три раза в сутки: в час ночи, девять часов и в 17 — все тело у нее начинало трястись и сжиматься настолько сильно, что казалось, будто все суставы у нее разрушаются. В глазах, языке и горле она ощущала сильное дергание. Несколько раз она в таком состоянии теряла сознание и делалась как бы мертвой. Более девяти лет продолжалась ее болезнь.

Однажды во сне она увидела себя стоящей у гроба святителя Тихона и услышала женский голос: “Проси Святителя и читай ему тропарь: “Правило веры и образ кротости…”, — и он исцелит тебя”. Проснувшись, она почувствовала чрезвычайное облегчение во всем теле. Болезнь, постепенно отступая, наконец совсем прекратилась. С тех пор она ежедневно читала тропарь святителю Тихону [5].

Другой житель г. Задонска рассказывает, что он с младенчества болел ногами и до семи лет не мог ходить. Когда он с матерью поехал в Задонский монастырь (в то время они жили в Воронеже), то, прикладываясь к мощам святителя, воззвал: “Святителю отче Тихоне, дай мне ножки!” — и с этого времени стал ходить. Ноги его постепенно так укрепились, что он прослужил на военной службе одиннадцать лет и до старости не чувствовал никакой боли в них [6].

Следует отметить еще и такой случай. В г. Ельце восьмилетний мальчик заболел глазами. От ужасной боли он не находил покоя ни днем, ни ночью. За две недели веки перестали закрываться, а зрачки сделались белыми, как от бельма. Мать привезла больного сына в Задонск к врачам.

Полтора месяца лечения нисколько не улучшили состояния ного. Тогда мать, как бы проснувшись, вспомнила о чудесных исцелениях у гроба святителя Тихона. После первой же молитвы мальчик уснул прямо у гроба святителя. Во сне он увидел старца, выходящего из царских врат и говорящего: “Кто грешен, молитесь!” Мальчик ответил: “Я грешен”, — и заплакал. Когда он, проснувшись, рассказывал этот сон, то уже четко видел все предметы [7].

В книге записей у гробового иеромонаха Иринея под № 10 записан следующий случай. Восьмимесячная племянница помещицы А. Рингель заболела кашлем. Несмотря на медицинскую помощь, болезнь прогрессировала, и уже не оставалось надежды на выздоровление младенца. Тогда А. Рингель, которая сама получила у гроба святителя Тихона исцеление от лихорадки и головной боли, отслужила панихиду в Задонском монастыре и елеем из лампады у мощей святителя помазала больные места младенца. Девочка заснула, и приступы кашля ее больше не беспокоили [8].

Замечательное явление было открыто в 30-х годах XIX столетия при прославлении св. Митрофана Воронежского. Некоторым больным, в своих страданиях искавшим помощи свыше, являлись в видениях два или три святителя. Святитель Тихон неизменно был в числе их. Например, в 1829 г. некоей М.А. Елисеевой три раза подряд являлись Воронежские святители Митрофан и Тихон. Один из них был в схиме, а другой (святитель Тихон) в мантии. Явившиеся поручили ей сходить в собор и отслужить панихиду по святому Митрофану, и дочь ее выздоровеет (она болела раком губы). После молитвы у мощей святителя болезнь прошла ранее назначенной врачами операции [9].

От неизбежной смерти была спасена этими же святителями одна девушка, которая попала в овраг с экипажем и лошадью. При падении она получила очень сильные ушибы. Врач недоумевал, как этой девушке удалось остаться в живых, и сказал в заключение, что пострадавшая проживет только до утра. Утром же она видит, что к ней подходит святой Митрофан, сопровождаемый святителями Тихоном и Антонием (в то время еще правящим Воронежской кафед-

рой), и говорит: “Девица, вставай!” Она почувствовала, что боль шла, и встала совершенно здоровой. Она упала в ноги своему исцелителю, а он, благословив ее, говорит, указывая на святителя Тихона: “Приими и от него благословение, это друг мой — святитель Тихон. У третьего же приимешь в своем месте”, после чего они стали невидимы. Когда она вместе с родными приехала в Воронеж помолиться у мощей св. Митрофана и пришла к епископу Антонию, то, увидев его, узнала и сказала: “Вот был третий со св. Митрофаном”. Преосвященный же, благословив ее и как бы ударяя ее по голове, сказал: “Молчи, молчи, девица”. Это поразительное чудо так повлияло на исцеленную и ее младшую сестру, что, возвратившись домой, они поступили в Рязанский женский монастырь [10].

Многочисленные чудеса, описанные в житии святителя Тихона, представляют собой только некоторую часть тех чудесных исцелений, которые совершались при молитвенном призывании на помощь Задонского чудотворца. Множество же случаев благодатной помощи святителя известны только самим нуждающимся. Вполне понятно, что слава о чудотворце росла и много людей приходило в Задонск почтить его память и помолиться у гроба.

Особенно много богомольцев, нередко из отдаленных мест и даже из Сибири, приезжали в обитель ко дню кончины святителя Тихона, к 13 августа. Сохранилось описание торжеств в эти дни при архиепископе Антонии I (1810—1816). К этому дню обыкновенно приезжал в Задонск сам архиепископ, а накануне в храме Рождества Божией Матери, где почивало тело святителя, совершалось всенощное бдение. На самый праздник 13 августа перед началом поздней литургии Преосвященный в облачении вместе с сослужащими выходил из алтаря царскими вратами и становился у гроба святителя Тихона. Настоятель монастыря, выходя последним из алтаря, становился на амвоне лицом к народу и читал духовное завещание святителя Тихона. После совершалась большая панихида, а затем сразу начиналась заупокойная литургия. После ее окончания устраивалась на дворе трапеза для богомольцев [11].

Такие торжества устраивались каждый год, следовательно, г. донск постепенно сделался местом паломничества для людей самого разнообразного общественного положения. В этот день посетить Задонскую обитель и присутствовать на панихиде и литургии вменяли себе в обязанность и считали своим долгом губернатор и должностные лица Воронежа и различных мест этой губернии [12]. Таким образом, уже через 25—30 лет после блаженной кончины святителя формы почитания его приобретают характер прочной традиции.

Почитание святителя Тихона в этот начальный период выразилось и в установлении ему памятника одним из его почитателей. На памятнике изображена горящая свеча, символизирующая свет, который источал святитель своей добродетельной жизнью и который источают его творения и святые мощи после кончины [13].

Русский народ неизменно связывал святость с нетлением мощей, поэтому убеждение, что мощи святителя Тихона нетленны, было всеобщим. Например, один из почитателей памяти святителя, некий Я. Машонов, житель ближайшего к Задонской обители района, Тамбовской губернии, ревностно ходатайствовал перед Святейшим Синодом и правительством о необходимости открытия мощей святителя Тихона. В 1788 г., через пять лет после кончины святого отца, он имел видение, после которого поручил художнику написать “образ святого Тихона, нового чудотворца Задонского” [14]. 16 июня 1795 г. он лично представился Петербургскому митрополиту Гавриилу и подал ему прошение, в котором сообщал, что епископ Тихон явился ему во сне и приказал объявить митрополиту об открытии своих мощей [15]. Митрополит Гавриил, хотя сам и почитал святителя, но как представитель высшей церковной власти должен был руководствоваться общей практикой в деле канонизации святых и поэтому посоветовал Я. Машонову дальнейшее предоставить на усмотрение церковного начальства. Ревнитель славы святителя Тихона неоднократно писал прошения Екатерине II (1795 г.), Павлу I (1798 и два в 1800 г.), Александру I (1803 г.), однако каких-либо действий для удовлетворения его прошений или хотя бы их

проверки предпринято не было. Вот какое определение вынес Св. Синод в 1803 г.: “Поскольку Машонов один только обеспокаивает об открытии мощей Тихона, еп. Воронежского.., а от епархиального архиерея и ни от кого другого из местных жителей никаких об этом просьб до сих пор не приходило, то Св. Синод, не уверяясь на одном его показании о нетленности мощей, не может распорядиться об освидетельствовании их и полагает оставить его, Машонова, просьбу, как подверженную сомнению, без всякого уважения” [16]. За свою настойчивость и за почитание образа святителя Тихона и отправления ему богослужения по Общей Минее, в то время как святитель еще не был канонизирован, Машонов неоднократно подвергался следствию и заключению по приговорам как церковного, так и гражданского суда, однако в свое время эти усилия Я. Машонова были отмечены как положительные. В указе Св. Синода об открытии мощей святителя Тихона говорится: “Еще в конце прошлого столетия такое упование (что святитель Тихон причтен к лику святых) выражено было в прошениях, поступавших на Высочайшее имя и в Св. Синод, но тогда не наступил еще предуставленный от Господа час прославления святителя: знамения воли Божией об этом были впоследствии [17].

2. ОБРЕТЕНИЕ И ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ПРИ АРХИЕПИСКОПЕ ВОРОНЕЖСКОМ АНТОНИИ

В 1845 году в Задонском монастыре был заложен новый обширный собор по проекту архитектора К. Тона. Для возведения этого собора необходимо было сломать прежний ветхий храм. Остался неразобранным только алтарь, под сводом которого покоилось тело святителя Тихона, но в силу аварийного состояния оставшихся стен нельзя было допустить совершение панихиды по требованию многочисленных богомольцев. Настоятель монастыря архимандрит Серафим в докладе Воронежскому архиепископу Антонию от 4 мая 1846 г. предлагал тело Преосвященного Тихона перенести вместе с гробом в другое приличное место. Архиепископ Антоний, несмотря на слабость, в сопровождении архимандрита Симеона, ректора семинарии, отправился в Задонский монастырь. Обращает на себя внимание следующий рассказ, показывающий, что намечав-

шееся перенесение тела святителя происходило не без Промысла жия. Не доезжая до Задонска, Преосвященный Антоний вышел из экипажа и спросил архимандрита Симеона: “Знаете ли, зачем мы едем в Задонск?” — “Нет, не знаю”, — отвечал тот. “Святитель Тихон, — сказал архиепископ, — являлся мне во сне и сказал: “Ты не умрешь, пока не вынешь меня из грязи!” Мы едем в Задонск, чтобы исполнить его приказание” [18].

На другой день вечером, лично осмотрев усыпальницу святителя Тихона, архиепископ Антоний приказал настоятелю архимандриту Серафиму, казначею иеромонаху Паисию и ризничему иеромонаху Зосиме войти в усыпальницу, закрыть дверь и разломать надгробие и своды. С большим трудом они сделали это [19]. Нижняя часть свода от сырости обвалилась, и кирпичи лежали на гробе святителя. Когда расчистили камни, увидели, что крышка и боковые доски гроба подверглись гниению, нижняя же цела и крепкая. Тело святителя оказалось нетленным, хотя и было вместе с облачением влажным. Архиерейские одежды также целы, только от времени пожелтели. Подложив под нижнюю целую доску три чистых полотна, св. мощи вынули из склепа на поверхность земли (в самой усыпальнице) [20]. По всей усыпальнице, по свидетельству участников этого первого обретения нетленных мощей святителя Тихона, распространилось сильное благоухание, которое продолжалось целый день после перенесения тела в теплую церковь [21].

В это время архиепископ Антоний в келлии настоятеля стоял на молитве. В 23 часа (начали ломать надгробие в 19 часов) к нему пришел иеромонах Зосима, который сообщил Владыке о нетлении мощей и добавил, что очень трудно их вынести, потому что усыпальница завалена кирпичами и туда невозможно пройти; архиепископ Антоний сразу же собрался и пошел ко гробу святителя Тихона. “Как же ты прошел?” — спрашивал Преосвященный иеромонаха Зосиму. “Я пролез”, — отвечал тот. “И я пролезу”, — с готовностью сказал архиепископ. Подходя к усыпальнице, он снял камилавку и с помощью о. Зосимы пробрался в усыпальницу. Он тотчас же повергся пред мощами на землю со словами: “Угодниче Божий, святителю Тихоне, моли Бога о нас”. От пережи-

ваемых чувств архиепископ Антоний не смог сразу и подняться самостоятельно [22]. Когда его подняли, он, несколько успокоившись, осенил себя крестным знамением и, сделав три земных поклона, на коленях припал к груди святителя и, лобызая его руку, со слезами говорил: “Благодарю Тебя, Боже, Господь мой, что Ты услышал мою молитву и исполнил желание души моей, удостоив меня увидеть нетленные мощи Твоего великого угодника и молитвенника о мне грешном. Ныне отпущаеши раба Твоего по глаголу Твоему с миром”. Потом, обратившись к присутствующим, произнес: “Мощи нетленны и подобны мощам святых угодников, почивающих в Киево-Печерской Лавре” [23].

По распоряжению архиепископа Антония взяли новый гроб, который нашли у иеросхимонаха Авраамия и который он приготовил для себя, положили туда св. мощи вместе с нижней доской, на которой они находились в могиле. Преосвященный отправился в церковь, чтобы приготовиться к встрече св. мощей. Очистив вход, гроб вынесли из усыпальницы. К этому времени собралась почти вся братия монастыря, хотя никаких объявлений относительно совершаемых мероприятий не делалось. Правда, один только автор, П. Никольский, пишет, что “восемь ударов монастырского колокола, в необычный час нарушившие ночную тишину, дали знать задонцам, что в монастыре происходит что-то необычное” [24].

Как только гроб вынесли из усыпальницы, иноки с благоговением сделали земной поклон, и процессия двинулась к церкви Рождества Божией Матери. Здесь их встретил архиепископ Антоний, уже ожидавший их в мантии, омофоре и митре. Мощи поставили на двух маленьких столиках посреди храма. Когда сняли крышку гроба, по всей церкви распространилось благоухание. Началась панихида, во время которой все молились с умилением и радостными слезами [25].

После панихиды все приложились к руке святителя Тихона. После этого гроб закрыли крышкой, в двух местах обвязали тесьмой, и архиепископ запечатал его своею печатью. Затем владыка Антоний приказал поставить гроб в се-

верной стороне храма, устроить надгробие и положить сверху гробницу с изображением святителя Тихона, которая стояла в бывшей усыпальнице под сводами алтаря. Эту работу остались в храме делать архимандрит Серафим, иеромонах Паисий и иеромонах Зосима, т. е. те, кто участвовал в открытии мощей в склепе. Они сделали также ступеньки, чтобы удобнее было прикладываться к мощам и обили надгробие зеленым бархатом. Над выполнением всех этих работ они трудились почти всю ночь [26].

На другой день, 14 мая, после ранней литургии архиепископ Антоний возглавил соборную панихиду по епископу Тихоне, после которой уехал в Воронеж. Примечательно, что весть об обретении нетленных мощей облетела весь город, и ко времени совершения панихиды собралось очень много людей [27].

20 мая 1846 г. архиепископ Антоний сообщил о всем происшедшем в Святейший Синод, но определенного решения не последовало. Все надеялись, что в ближайшее время состоится торжественное открытие св. мощей и прославление святителя Тихона. Сам архиепископ, уезжая из Задонского монастыря и прощаясь с монахами, сказал: “Прошу вас, отцы, совокупите ваши святые молитвы с моими грешными, чтобы Господь сподобил меня быть у вас, в последний раз, на память святителя Тихона 13 августа” [28].

Ожидание 13 августа как дня прославления Задонского чудотворца было всеобщим. К этому дню в монастырь собралось множество богомольцев. Воронежский губернатор, также прибывший в этот день в обитель, был поражен стечением множества народа. В своем письме на имя министра внутренних дел он сообщал, что если и раньше богомольцы собирались в монастырь для почитания святителя, то в этот раз их было такое множество, причем не только простого народа, но и высшего дворянства, что даже обширная монастырская площадь не могла вместить всех желающих. Кроме того, автор письма замечает, что все люди обращаются к Преосвященному Тихону в молитвах как к святому, прося его помощи и заступничества. Это религиозное воодушевление народа и его вера в открытие и прославление мощей святителя Тихона настолько велики, что не выражают никаких сомнений в святости этого угодника Божия [29].

Архиепископ Антоний, видя, что дело прославления Задонского святителя со стороны Святейшего Синода затягивается, решил снова писать доклад и просить о торжественном открытии св. мощей. Предварительно он провел некоторые мероприятия. Учитывая, что тело святителя Тихона было вынуто из сырой и влажной могилы и что при положении в новый гроб одежды также остались влажными, владыка Антоний поручил ректору архимандриту Симеону и настоятелю архимандриту Серафиму, которому как бывшему наместнику Киево-Печерской лавры известно обращение со святыми мощами, привести одеяние в порядок со всей осторожностью и благоговением и составить при этом описание как нетления тела, так и архиерейского облачения [30]. Посылая архимандрита Симеона в Задонск, архиепископ сказал: “Мы с вами дело сделали, но не довершили его; ведь мы оставили святителя Тихона в мокрой ризе. Поезжайте в Задонск… снимите ризу и просушите ее” [31]. Назначенные лица в течение пяти ночей выполняли данное им послушание, но ризу не снимали, а вставляли в рукава и низ саккоса и подризника распорки [32].

Далее архиепископ Антоний распорядился составить описание чудес, совершенных над болящими с призыванием на помощь молитвенного содействия святителя Тихона. Такое описание было составлено архимандритом Симеоном на основании монастырской книги, где фиксировались случаи чудесных исцелений (записи в книгу производились в присутствии свидетелей, удостоверяющих прежнее состояние больного), а также на основании сообщений и писем, присланных в адрес монастыря. Обо всем этом архиепископ подробно сообщил в Святейший Синод [33]. Одновременно с этим докладом архиепископ написал письмо обер-прокурору Протасову Н.А., в котором свидетельствовал архиерейской совестью, что по особому внушению он вменяет себе в обязанность сообщить о чудесах, совершающихся при гробе святителя Тихона Задонского и о всеобщем “сладостном и притрепетном желании стекающихся из отдаленных мест в Задонск многочисленных богомольцев да явлен будет пред глазами всех этот великий светильник веры и добрых дел, лежащий теперь под спудом” [34].

Подписав доклады, владыка Антоний через несколько часов скончался (20 декабря 1846 г.).

Однако, несмотря на такие убедительные донесения архиепископа Антония и всеобщее горячее желание, открытия св. мощей в этот раз не произошло. Прошло еще 16 лет, прежде чем последовало официальное распоряжение Святейшего Синода о признании святителя Тихона в лике святых. По словам протоиерея А. Лебедева, если можно испытывать тайные пути Промысла Божия, все направляющего во благо, то это замедление должно было послужить к укреплению веры относительно чудесного нетления тела святителя Тихона, чтобы никто не мог сказать, что тело оставалось нетленным, потому что стояло в закрытом месте (хотя и сыром), куда не проникал воздух. После этого оно простояло еще 16 лет почти на открытом теплом воздухе, особенно благоприятствующем его разложению, и, несмотря на это, осталось непричастным тлению. Все это свидетельствовало о присущей этому телу благодати Божией [35].

3. ДЕЙСТВИЯ СИНОДА В СВЯЗИ С ПРОСЛАВЛЕНИЕМ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

Между тем в Задонске по молитвенному ходатайству святителя Тихона не прекращались чудесные исцеления, и в народе все более и более высказывалось желание видеть открытыми мощи св. чудотворца. Но до 1860 г. этот вопрос со стороны архиерейской власти даже не поднимался. Преемники архиепископа Антония по Воронежской кафедре епископы Игнатий (Семенов, 1847—1850) и Парфений (Чертков, 1850—1853) управляли епархией короткий срок и не могли возбудить дело о прославлении. Наконец, во время управления епархией архиепископа Иосифа (Богословского, 1853—1864) просьбы рядовых членов Церкви об открытии мощей стали столь настойчивыми, что Владыка вынужден был обратиться с письмами к митрополиту Исидору и митрополиту Филарету с просьбой “вразумить, как приступить к вопросу об открытии мощей святителя Тихона” [36].

В ответ на эти письма Св. Синод сделал запрос о том, в какой степени сведения, сообщенные в свое время архиепископом Антонием, достоверны; второе

— каково мнение на этот счет настоятеля и братии монастыря; и третье — не было ли в период с 1846 г. по 1860 г. каких-либо новых благодатных знамений при гробе Задонского святителя [37]. 28 февраля 1860 г. архиепископ Иосиф направил на имя обер-прокурора письмо, в котором он “подтвердил все прежние донесения Преосвященного Антония и вместе с тем сообщил, что еще в самое недавнее время совершались чудесные исцеления при гробе святителя Тихона и что многие лица неоднократно выражали ему всеобщее желание об открытии мощей сего иерарха Божия” [38].

В результате таких донесений в Св. Синоде было решено “войти в секретное и внимательное рассмотрение сего дела” и для этого составить комиссию в составе митрополита Киевского Исидора, архиепископа Воронежского Иосифа, одного из московских архимандритов по назначению митрополита Филарета, двух человек из белого духовенства г. Воронежа, пользующихся общим доверием, благодаря своей безукоризненной жизни, и двух иеромонахов Задонского монастыря, отличающихся благочестием.

В комиссию вошли настоятель Московского Покровского монастыря архимандрит Паисий, иеромонахи Зосима и Аркадий, и протоиереи Петр Алексеевский и Иоанн Попов. Данной комиссии было поручено освидетельствовать тело епископа Тихона, а также, избегая всевозможной огласки, произвести тщательное исследование чудотворений, приписываемых святителю Тихону [39].

19 мая 1860 года после осмотра св. мощей был составлен акт, в котором говорилось, что “тело святителя Тихона, несмотря на 76-летнее пребывание во гробе, благодатию Божиею сохранилось нетленным, кроме одного большого пальца левой ноги, который подвергся тлению по непреложному определению Творца и Господа, по которому если не все тело человека, то по крайней мере какая-либо часть его должна возвратиться в землю, из которой оно взято. Плоть на всех членах тела сохранилась, отвердела и присохла к костям. Цвет ее потемнел и подобен цвету известных сохранившихся нетленных мощей святых угодников Божиих, плечные и коленные суставы рук и ног несколько разошлись, хотя и не совершенно отделились. Это, по всей вероятности, произошло

оттого, что могила, в которой первоначально погребен был святитель, до такой степени была сыра, что тело его со всем одеянием при перенесении в Церковь в 1846 году, по свидетельству очевидцев, найдено совершенно мокрым, и при переложении в новый гроб некоторые члены тела, лишенные гибкости, удобно могли повредиться. В прочих частях тела не замечено никакого повреждения. Архиерейское облачение сохранилось в целости: панагия, наперсный серебряный крест покрылись ярью, деревянный крест в правой руке святителя, обложенный серебряной чеканной бляхой, позеленел от окисления металла, но древо креста ни малейшей не подверглось гнилости [40]. Митрополит Исидор также сообщил Святейшему Синоду, что им проверены около 48 чудес путем опроса под присягой тех лиц, над которыми они совершились [41].

Святейший Синод, рассмотрев подробно и тщательно все обстоятельства, 25 мая 1861 года принял решение: “1) Почившего Тихона, епископа Воронежского, признать в лике святых, благодатию Божиею прославленных, и нетленное тело его — мощами святыми. 2) Изнеся их с подобающей честью из Христорождественской церкви, где они ныне покоятся, в главный Богородицкий собор, положить их в приличном и открытом месте для общего поклонения. 3) Службу Святителю Тихону составить особую, а до времени составления такой, отправлять ему службу общую Святителям; память же Святителя праздновать в день преставления его 13-го августа… 4) Объявить об этом во всенародное известие указами Синода” [42].

Синод также решил открытие мощей поручить митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Исидору вместе с архиепископом Воронежским и Задонским Иосифом и епископом Курским Сергием. День торжественного открытия был назначен на 13 августа 1861 года [43]. В июле по всем епархиям и монастырям был разослан Указ, в котором подробно излагалась вся история открытия мощей святителя Тихона и причисления его к лику Святых.

4. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА В 1861 ГОДУ

13 августа в 1861 году выпало на воскресенье. Итак, Промыслом Божиим торжественное открытие святых мощей святителя Тихона совершилось в тот день недели, в который произошла и его кончина по откровению Божию.

В этот день в Задонский монастырь всегда собиралось много богомольцев, но после издания и обнародования указа в обитель направился православный русский народ всех званий, возрастов и состояний со всех уголков обширной России. Ко времени открытия мощей святителя Тихона в Задонск собралось до трехсот тысяч человек. Большая часть простого народа прибыла из отдаленных мест. Они шли и ехали в самое жаркое время года, невзирая на лишения и трудности пути. Город с семью тысячами жителей был тесен для десятков тысяч ежедневно прибывающих богомольцев, и люди располагались вокруг монастыря и города. В биографии великого русского поэта И.С. Никитина по поводу этих событий, говорится: “Не только Воронеж, но и вся губерния оживились и наполнились сотнями тысяч богомольцев, шедших и ехавших со всех концов России. Не говорим о Задонске: топографически он почти не существовал. Восемьдесят четыре версты, отделяющие этот городок от Воронежа превосходнейшим шоссе, представляли сплошную улицу, по которой стремились волны народа… Ни с чем нельзя было сравнить этой картины, единственной в своем роде!” [44]

По желанию богомольцев при мощах святителя Тихона непрерывно в течение суток изо дня в день совершались панихиды, а при находящейся в Задонском монастыре чудотворной иконе Божией Матери Владимирской — молебны [45]. Многие постились добровольно по два-три дня, очищались покаянием и освящались принятием Святых Христовых Тайн, чтобы достойно узреть и облобызать святые мощи новоявленного чудотворца [46].

Тщательно подготовилась к этому торжеству и сама обитель: храмы были отреставрированы, все здания в монастыре исправлены и покрашены, приготовлены многочисленные помещения для богомольцев. Подобные же приготовления были сделаны и в самом городе Задонске. Вокруг города были поставлены палатки и деревянные бараки для простого народа [47]. Большинство

жителей города освобождали свои дома и переходили в подсобные помещения, только бы приютить бесчисленных паломников. Городскими властями были предусмотрены некоторые мероприятия по обеспечению медицинского обслуживания, сохранения порядка и продовольственного снабжения [48]. В память Воронежского чудотворца торговцы договорились не подымать цены на продукты питания [49].

При таком общем подъеме и воодушевлении, доходящем до самоотвержения, находились отдельные личности, которые, рассчитывая на большое стечение народа, хотели воспользоваться этим в корыстных целях. Некоторые из них, имея вблизи монастыря постоялые дворы, договорились сдавать комнаты за высокую цену. Кто-то, увлеченный алчностью, предложил продавать даже воду. Но, как сказано в слове Божием, Господь разоряет советы нечестивых (Пс. 32, 10). Буквально на следующий же день в Задонске случился пожар. Начавшись в отдаленной части города, огонь очень быстро перекинулся на улицу, где стояли постоялые дворы. Все они сгорели дотла, за исключением одного, который стоял в одном ряду с другими, но владелец которого не участвовал в совете корыстолюбцев и даже отговаривал их от подобного мероприятия [50]. О том, что это стихийное бедствие не было чистой случайностью, но явилось наказанием Божиим для вразумления стяжателей, свидетельствуют еще два обстоятельства этого пожара. Одна благочестивая небогатая женщина решила весь сохранившийся у нее к этому времени значительный запас квашеной капусты и огурцов предоставить безвозмездно в пищу богомольцам. Она радовалась, что этой небольшой жертвой сможет выразить свою любовь к святителю Тихону. И Господь принял ее благое намерение, сохранив ее дом от, казалось бы, неизбежного истребления. Все хозяйство этой женщины уцелело, хотя пламя бушевало со всех сторон, в полутора метрах от ее строений [51]. Еще одно обстоятельство из событий этого дня свидетельствует о небесном покровительстве святителя Тихона городу Воронежу и Задонскому монастырю. Пожар придвинулся вплотную к монастырю, и огонь был в двадцати метрах от обители. Под монастырскими стенами горели бочки с дегтем и маслом. Ветер был на-

правлен в сторону обители, и его порывами на территорию монастыря через монастырскую стену забрасывались горящие головни. Уже горели дома за монастырем. В этот трудный и опасный момент было решено обнести вокруг обители чудотворный образ Божией Матери Владимирской, а в церкви в это время при мощах святителя Тихона совершалось богослужение. И надежда молящихся не была посрамлена. Огонь не коснулся монастыря, и тем самым наглядно была оказана помощь святого угодника [52].

4 августа в Задонск прибыл митрополит Новгородский и С.-Петербургский Исидор. Осмотрев приготовления и разрешив некоторые вопросы относительно церковных приготовлений, он уехал в Воронеж на праздник св. Митрофана. Через несколько дней митрополит Исидор вместе с Воронежским архиепископом Иосифом возвратился в монастырь. Решением Св. Синода определялось участие в торжествах епископа Курского Сергия, но 10 августа в Курск должен был приехать император, и поэтому Преосвященный Сергий как местный епископ по долгу службы обязан был встречать его. В Святейшем Синоде было решено направить на открытие мощей епископа Тамбовского Феофана (Говорова), который и прибыл в Задонск 11 августа утром. К этому времени успел освободиться епископ Сергий и ночью приехал в монастырь [53]. Ко дню открытия св. мощей из разных мест прибыло множество представителей духовенства: архимандритов, протоиереев, иеромонахов, священников. Всего духовных лиц, кроме причетников и послушников, собралось около 300 человек [54].

Торжества начались накануне дня открытия мощей в субботу 12 августа. Божественную литургию в монастырской церкви Рождества Божией Матери совершил епископ Тамбовский Феофан. В этом храме с 1846 г. почивали мощи святителя Тихона. По окончании литургии митрополит Исидор в сослужении трех архиереев и духовенства в той же церкви совершил молебен с водоосвящением перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы Владимирской. Тем самым они обращались к Божией Матери с молитвой о ниспослании благословения и благодатной помощи свыше на совершение порученного им дела [55].

В час дня в монастыре и городском соборе начался благовест с резвоном. По предварительному распоряжению монашествующие собрались в монастырском Владимирском соборе, а белое духовенство — в городском Успенском соборе. В половине второго начался звон во все колокола, и крестный ход из городского собора направился в сторону монастыря. Впереди шли причетники с фонарями, запрестольным крестом и иконой Божией Матери, хоругвями и свечами, за ними шли диаконы с кадилами, священники и протоиереи с иконами. Это благодатное шествие возглавил архимандрит Феодосии, ректор Воронежской семинарии. В крестном ходе принимало участие так много священнослужителей, что, по воспоминаниям одного из участников, когда первая пара подходила к святым воротам монастыря, то последняя — только выходила из собора, образуя живую цепь, длиной не менее километра [56].

В воротах монастыря процессия была встречена братией во главе с настоятелем. Общим крестным ходом все последовали к главному монастырскому собору. Все замерло в ожидании необычного, и всеми чувствовался возвышенный молитвенный дух. Шум разговоров огромной массы сменился общей молитвой.

Вскоре в собор прибыли архиереи в мантиях. Облачившись в алтаре, они вышли на середину церкви. После начальных молитвословий митрополит Исидор преклонил колени и прочитал молитву ко Господу Иисусу Христу, в которой испрашивал благословения на открытие святых мощей Его угодника [57].

Затем, при умиленном и протяжном пении 50-го псалма “Помилуй мя, Боже…” начался торжественный общий крестный ход из собора в церковь Рождества Божией Матери. По входе в Церковь был пропет псалом 33-й “Благословлю Господа на всякое время”. В это время митрополит совершал каждение алтаря храма, св. мощей и предстоящих. После того, как вокруг гробницы стали архиереи и священнослужители, назначенные нести св. мощи, митрополит Исидор окропил святой водой саму гробницу, лентионы, приготовленные для поднятия гроба, и покровы для св. мощей, а затем прочитал с коленопреклонением умилительную молитву к святителю и чудотворцу Тихону, моля его сподобить поднять недостойными руками святые мощи [58].

После этого архиереи и архимандриты подняли металлическое надгробие, под которым находилась деревянная гробница. Митрополит снял печать и шнур, опоясывающий гробницу, а затем предстоящие, подложив лентионы, подняли ее при непрерывном пении всего духовенства: “Господи, помилуй”. Гробницу, в которой находился гроб с нетленными мощами святителя, перенесли на середину церкви и поставили на специально сделанное возвышение. Сверху положили покровы и архиерейскую мантию святителя Тихона. После трехкратного земного поклона новоявленному чудотворцу началось молебное пение. Своды храма первый раз огласились пением тропаря святителю: “От юности возлюбил еси Христа, блаженне, образ всем был еси словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою и смирением: тем же и вселился еси в небесныя обители, идеже предстоя престолу Пресвятыя Троицы, моли, Святителю Тихоне, спастися душам нашим” [59]. Все служащие и находящиеся в храме снова поклонились святому до земли. Затем митрополит произнес: “С миром изыдем”, — и священнослужители, подняв св. мощи, торжественно понесли их в главный собор монастыря в честь иконы Божией Матери Владимирской.

Как и в первый раз, впереди шли причетники с фонарями, хоругвями и свечами. Затем диаконы с кадилами, иереи, иеромонахи и протоиереи с иконами и после них — хор певчих. Далее два диакона с кадилами, священник со святой водой, кропящий путь, два протоиерея с чудотворной иконой, два диакона с кадилами и два диакона с дикирием и трикирием. После них несколько священнослужителей несли балдахин, а архимандриты и иеромонахи (12 человек) — раку со святыми мощами [60]. По бокам диаконы несли свечи и рипиды. Позади раки шли митрополит и три архиерея с жезлами в руках и со свечами. В продолжении всего крестного хода певчие пели тропарь святителю Тихону. Народ, наполнивший двор монастыря, стоял на коленях и плакал от умиления.

После обхода вокруг собора гробница была внесена в храм и поставлена посередине на возвышении, после чего, не открывая ее, продолжили молебное пение святителю. По словам одного из свидетелей этих торжеств, запев на молебне: “Святителю Отче Тихоне, моли Бога о нас!”, оглашавший собор, приво-

дил всех присутствующих в храме в такое молитвенное настроение, вызывая такие чувства, которые не поддаются никакому описанию [61]. По окончании молебна началось малое повечерие. Архиереи и старшее духовенство ушли в алтарь и сняли священную одежду, остальные же прежним порядком, как были на крестном ходе, возвратились в свои церкви.

В шесть часов вечера начался благовест ко всенощному бдению, в совершении которого принимали участие архиереи и 24 пары священнослужителей. После первой кафизмы Преосвященный Иосиф, архиепископ Воронежский, произнес речь, посвященную открытию св. мощей, в которой он упомянул, что исцеления, совершавшиеся по молитвенному ходатайству святителя Тихона, послужили прославлению и открытию его святых мощей. Проповедник призвал молящихся прибегать в молитвах к этому целебному источнику — новоявленному угоднику Божию. И если ранее его святые мощи были скрыты от взора православного народа, то в настоящее время они открыты для всех. Затем проповедник призвал всех жаждущих исцеления от болезней душевных и телесных прибегать с твердой верой и непоколебимым упованием на молитвенное ходатайство святителя Божия Тихона, который непременно услышит и поможет им избавиться от недугов [62].

Перед величанием, когда хор пропел стихи “Хвалите имя Господне”, архиереи, воздав трехкратный земной поклон мощам святого Тихона, приступили к открытию святых его мощей. Был подан ключ от гробницы, хранившейся за печатью, митрополиту Исидору, который открыл ее и поднял верхнюю крышку. Далее архиереи подняли на лентионах гроб из гробницы со святыми мощами и поставили его посередине храма, а гробницу перенесли на левую сторону церкви и поставили ее под балдахином.

Это была одна из самых торжественных минут. В храме воцарилось безмолвие. По словам очевидцев, наступила такая тишина, что нельзя было поверить, что в храме было около восьми тысяч людей. С величайшим вниманием и благоговением, сдерживая дыхание, все ожидали открытия мощей. По установлении гроба со святыми мощами в церкви распространилось благоухание. Все:

и служащие, и народ, — как один, пали на колени. От восторга и ления многие рыдали, как дети. “Таких минут не много бывает в жизни человека; целые века проходят, не ознаменовав себя подобным торжеством, какое совершилось в благодатной обители Задонского монастыря” [63].

После поклонения святым мощам собором священнослужителей было пропето величание новоявленному чудотворцу: “Величаем Тя, Святителю отче наш Тихоне, и чтем святую память Твою, Ты бо молиши за нас Христа Бога нашего!” Величание многократно повторялось на клиросах и народом, пока совершалось каждение гроба (став с четырех сторон крестообразно, архиереи трижды обошли вокруг святых мощей), алтаря, икон, храма и предстоящих. По прочтении Евангелия архиереи и все духовенство приложилось к св. мощам, а затем стали допускать и народ. Архиереи, а позже священнослужители, став на возвышенных местах по углам гроба, помазывали освященным елеем подходящих богомольцев. Служба шла медленно и закончилась в час ночи, помазание же продолжалось до двух часов [64].

В самый день торжества, в воскресенье 13 августа, Божественная литургия началась в половине десятого. Ее совершили митрополит Исидор, архиепископ Иосиф, епископ Сергий и епископ Феофан в сослужении архимандритов и других священнослужителей (всего до 40 человек). Во время малого входа, при пении: “Приидите, поклонимся и припадем ко Христу”, св. мощи святителя Тихона были внесены в алтарь и поставлены на горнее место лицом к престолу, а митрополит с архиереями стали по сторонам как сослужащие. Таким образом, святитель, почивший 78 лет назад, как бы снова явился среди земных священнослужителей и принял в их священнослужении предстоятельское участие. Он как бы снова вступил в управление Воронежской паствою и обителью, в которой смиренно провел последние годы своей жизни. В продолжении всей литургии иподиаконы держали над св. мощами рипиды, дикирий и трикирий [65].

В конце литургии после заамвонной молитвы рака с мощами святителя Тихона была вынесена из алтаря и поставлена вблизи амвона лицом к царским вратам. В это же время Высокопреосвященнейший митрополит Исидор произ-

нес речь, в которой ярко рассказал о поучительной жизни святителя и показал ее значение для каждого христианина. “Скромная келлия сего земного Ангела, — говорил проповедник, — сделалась и училищем благочестия, и врачебницей от недугов душевных, прибежищем для всех, жаждущих просвещения, назидания, утешения, вразумления и совета!” И в заключение автор этой замечательной речи сказал: “Во свете светильника Божия да узрят свет входящие в храм сей и да научатся, “что есть благоугодно Богови” (Еф. 5, 10). Лучезарный образ святителя Тихона покажет пастырям и учителям, “како подобает в дому Божий жити” (1 Тим. 3, 15)… Иноки найдут в нем правило воздержания и чистоты, кротости и смиренномудрия, терпения и нестяжания. Все, хотящие спастися, увидят в нем назидательный пример, как, любя Бога, любить и ближнего своего (1 Ин. 4.21)” [66].

По окончании литургии все служащие, а также много других священнослужителей вышли на молебен и крестный ход. При пении тропаря святителю Тихону гроб со святыми мощами был поставлен на специально приготовленные носилки. А затем священнослужители понесли его с величайшей торжественностью вокруг монастыря. Из-за множества участников процессия растянулась почти на километр. Во время крестного хода шествие останавливалось на четырех сторонах монастыря для совершения молитвенных песнопений. По словам одного из очевидцев, народ, чтобы видеть происходящее, заполнил все возвышенные места не только в монастыре, но и вокруг него [67].

По мере того, как крестный ход продвигался вокруг монастыря, народ падал на колени и с молитвенными вздохами и рыданиями взывал к святому: “Святителю Отче наш Тихоне, моли Бога о нас!”, “Батюшка, спаси, помоги!” Свое усердие народ выражал еще и тем, что кидал на дорогу, по которой двигался крестный ход, различные пожертвования. Бросали деньги, куски полотна, полотенца, платки, шарфы. Некоторые, не имея при себе приготовленных вещей, снимали с себя кафтаны, шинели, пояса, шапки, и также бросали на путь, где должны были проносить св. мощи. Деньги перебрасывали, завернув в угол платка или полотенца. Принявший такую посылку часто влагал в другой угол

от себя какую-либо монету и через головы передавал дальше. Простой народ верил, что их приношения доходят до самого святителя Тихона [68].

Но самым удивительным проявлением веры были те случаи, когда, желая приложиться или хотя бы прикоснуться к раке св. мощей, но, не имея такой возможности, родители вверяли своих детей неизвестным людям, чтобы, передавая через головы на дальнее расстояние, приложить их к мощам святого Тихона. Детей прикладывали и таким же образом передавали назад [69].

По окончании торжественного крестного хода св. мощи были занесены в собор и положены в прежнюю гробницу, установленную на левой стороне собора под балдахином. После этого митрополит Исидор, преклонив колени, прочитал молитву, специально составленную для торжества открытия св. мощей [70].

Традиционным многолетием закончились торжественные события, столь знаменательные для России и Православной Церкви, но праздник в монастыре и городе продолжался еще несколько дней. Когда после молебна из собора вышли архиереи, облаченные в мантии и сопровождаемые старшим духовенством, высокопоставленными гражданскими и военными лицами, на монастырской колокольне, а затем во всех городских церквах ударили в колокола, и звон не прекращался в этот день до позднего вечера. На монастырском дворе была приготовлена трапеза для народа. Архиепископ Воронежский Иосиф благословил пищу и окропил ее св. водой. Кроме этой трапезы, были накрыты еще столы для богомольцев на несколько тысяч в городе и в странноприимном доме близ Задонского монастыря. Все высокие гости были приглашены в покои настоятеля монастыря [71].

А тем временем в соборе не умолкало пение у мощей святителя. Храм был переполнен народом, желавшим отслужить молебен и приложиться к мощам. В шесть часов вечера в монастырском соборе началось всенощное бдение, которое возглавил архиепископ Воронежский Иосиф. Он же совершил и Божественную литургию на другой день, после которой все архиереи, принимавшие участие в открытии св. мощей, отслужили благодарственный молебен за благо-

получное окончание порученного им святого дела. Эти же архиереи совершили и праздничные богослужения в честь Успения Божией Матери (не принимал участие в литургии архиепископ Иосиф, служивший в городском соборе, главный престол которого освящен в честь этого праздника). В этот же день архиереи выехали на свои кафедры.

К новоявленному чудотворцу выражалось великое благоговение и великое усердие, и Господь изливал богатые милости через Своего угодника на всех обращавшихся к нему с крепкой верой и теплой молитвой. Как в первый, так и в последующие дни по молитвам святителя многие больные, даже слепые от рождения, глухие, скрюченные, бесноватые и т. д., на глазах у всех получали исцеления [72].

Так, например, жительница одной деревни Курской области рассказывала о своем глухонемом 32-летнем сыне. Лишь в 5 лет он научился ходить, причем согнувшись и очень неуверенно. Видел плохо, в основном же глаза были закрыты. Мальчик был неразвит, ничего на знал, не просил есть, хотя бы не кормили его несколько дней, никогда не мог сам перекреститься. Всю свою жизнь сидел, пригнув голову к коленям, и не мог сам приподняться, спал мало и беспокойно. В августе 1861 года сестра глухонемого взяла его с собой в Задонск. С большим трудом они совершали свой путь, так что за день проходили всего около двух километров, и только с помощью посторонних людей им удалось добраться до Задонского монастыря. С первого же раза, когда больного приложили к раке св. мощей, в нем стала заметна перемена к лучшему. Он начал креститься, целовал крест, стал ходить прямее, выражение его лица стало осмысленным. Постепенно поправляясь, он вернулся домой здоровым [73].

Другая женщина из Рязанской области с детства совершенно была лишена зрения, но когда ее привели в Задонск и она приложилась к мощам, то стала обоими глазами хорошо видеть [74].

Не менее замечательное чудо, укрепляющее веру в Бога и Его угодника святителя Тихона, — исцеление одного крестьянина г. Воронежа. За шесть лет до торжественного прославления святителя Тихона он начал страдать головны-

ми болями. Кроме того, он стал плохо видеть правым глазом. По временам он находился в таком болезненном состоянии, что не мог обходиться без посторонней помощи. В день открытия св. мощей он находился в Задонске. Как только он приложился к святым мощам, его боль утихла и зрение полностью восстановилось [75].

Следует заметить, что, как и до прославления Задонского святителя все официально зафиксированные случаи чудесных исцелений тщательно проверялись, так и после августовских торжеств 1861 года все записанные случаи были проверены, подтверждены свидетельскими показаниями и заверены подписью Воронежского архиепископа [76]. Обилие благодати Божией в эти дни было видимо и осязательно для всех, и все эти чудеса совершались всенародно, на глазах у всех, и в действительности их никто не мог усомниться.

Несомненно, что число чудес, совершенных угодником Божиим в дни его прославления, было гораздо больше, чем их отмечено в жизнеописаниях, потому что не все, получившие исцеление, заявили об этом официально. Многие, благодаря Бога и Его угодника, выздоравливали, не считая нужным сообщить об этом или не имея такой возможности из-за занятости монастырского начальства. Митрополит Московский Филарет в письме к А.Н. Муравьеву пишет: “Господь утешил Церковь Свою открытием мощей святителя Тихона. Народа считают от 200 до 300 тысяч. Благоговение было великое. 20 или 30 случаев благодатных исцелений записано, а было, как говорит Владыка Новгородский (митрополит Исидор), конечно сто и более. Он сказывал, что некоторые слепые получали зрение, что один скрюченный, у которого ноги были пригнуты за спину, когда приложен был к св. мощам, распрямился и стал на ноги, и прочее” [77].

Были случаи, когда исцеленный сообщал о себе, подчиняясь какому-то побуждению. Так, один пожилой человек, который после паралича не владел правой рукой и ногой, а также имел постоянно повернутую в сторону шею, приложившись к мощам в день их прославления, получил исцеление, так что свободно мог передвигаться самостоятельно. Он отправился домой в Тульскую губер-

нию, не заявив об этом, Пройдя около 40 км от Задонска, он вал внутреннее побуждение возвратиться в монастырь и сказать о выздоровлении, причем побуждение было таким сильным, что он не мог ему противиться [78].

О других действиях благодати Божией по молитвам святителя Тихона бывшие страдальцы рассказывали, побуждаемые или родственниками, или местным священником. Об одном из таких случаев говорится в книге “Прославление святителя Тихона”. Один крестьянин, упав с большой высоты, сильно ушибся. Используя различные средства и не получив облегчения, он стал искать помощи свыше и поэтому твердо решил побывать в Задонске у мощей святителя Тихона. Только 14 августа он смог добраться к св. мощам и, прикладываясь, сразу почувствовал некоторое облегчение. Состояние его больных членов стало лучше. И если, идя в Задонск, он буквально тащился по дороге, то теперь он прошел за день 25 км. Остановившись на ночь в одном селе, он рассказал священнику о своем исцелении. Тот посоветовал ему вернуться в монастырь и рассказать об этом. Сначала крестьянин отказывался, но, убежденный священнослужителем, исполнил его просьбу [79].

Следует также отметить и то обстоятельство, что за все время торжеств в г. Задонске, продолжавшихся в течение 10 дней, при таком громадном стечении народа, при полном отсутствии благоприятных гигиенических условий и в такое время года, когда особенно развиваются эпидемические болезни, было больных немногим более 10 человек. Все это нужно признать знамением милости Божией, великим чудом по молитвам угодника Божия святителя Тихона [80].

Открытие св. мощей святителя и чудотворца Тихона было торжеством не только г. Задонска и Воронежской епархии, но и всей Русской Православной Церкви. Все верующие встретили это событие с живым чувством благодарности к Богу и горячими молитвами к святителю Тихону. Благодаря указу Святейшего Синода, о предстоящем торжестве заблаговременно знали во всей России, и поэтому молящихся в этот день в храмах было несравненно больше, чем

в обычные воскресные дни. Спешили побывать в храмах и те, кто редко посещал богослужения или отсутствовал на них по долгу службы или другим уважительным причинам. Повсюду в этот день произносились проповеди, объясняющие смысл благодатного события. В некоторых местах читалось житие святителя Тихона; его жизнь и добродетели представлялись в назидание, и верующие призывались по примеру святителя стремиться к достижению Царства Небесного. Некоторые пастыри, имевшие творения святителя Тихона, произносили поучения самого святителя. Святой отец как бы сам лично поучал молящихся. С особым усердием, коленопреклонно и со слезами на глазах молились верующие новоявленному угоднику Божию [81].

Особенно торжественно (после Задонска, конечно) этот день прошел на родине святителя Тихона в селе Короцке близ г. Валдая в Новгородской епархии. Открытие св. мощей здесь праздновалось с поразительным благоговением и некоторыми отличительными особенностями. В Короцке очень долго сохранялся и поддерживался деревянный храм, в котором святитель Тихон в юных летах положил начало богоугождению. Около этого храма находится и могила родителя святителя, чтеца Савелия, и его деда короцкого причетника Кирилла. Среди жителей села и его окрестностей сохраняются предания о юности, бедности и благочестии св. угодника. В этих местах о святителе говорили не иначе, как: “Это наш Батюшка, Угодник Божий, наш Святитель!” [82]

Уже вскоре после блаженной кончины святителя Тихона в эти места стали приходить богомольцы, которые служили панихиды на могиле его родных о блаженном упокоении души святителя, а также о упокоении душ его родителей. Поэтому, когда был издан указ о причислении святителя к лику святых, то накануне торжественного открытия его св. мощей в Короцк без всякого предупреждения ко всенощному бдению из окрестных районов стало стекаться множество паломников. А в самый день праздника, 13 августа, с раннего утра дорога, ведущая из г. Валдая в Короцк, была сплошь покрыта народом. Подобно этой, и по другим дорогам со всех сторон люди спешили в Короцк на богослужение. Многие вели или несли на руках детей. Трехпрестольный, довольно об-

ширный каменный храм и все пространство вокруг него были ны молящимися. Всех богомольцев насчитывалось несколько тысяч человек [83].

Божественную литургию в Короцком храме совершил настоятель Иверского монастыря архимандрит Лаврентий в сослужении с городским и монастырским духовенством. По окончании литургии на середину храма была вынесена икона с изображением святителя Тихона, присланная в этот храм из Задонской обители. При совершении молебна молящиеся присоединяли к запевам слово “наш”, вспоминая детские годы, проведенные на этой земле. Как и в Задонском монастыре, после тропаря крестный ход с хоругвями и иконой святителя, водруженной на носилках, двинулся вокруг храма. Шествие совершалось очень медленно, так как каждый из молящихся по своему усердию стремился хотя бы немного понести носилки с иконой, а также пройти под иконой, под ее осенением и как бы получить благословение самого святителя. Крестный ход шествовал по тем местам, по которым в свое время ходил святитель, мимо того старинного и ветхого храма, в котором он на клиросе читал и пел, возле могилы родителя, на которой он не раз слезно молился и горько плакал вместе с матерью, братьями и сестрами, оставленными в сиротстве и бедности. Безусловно, все это вызывало особые чувства умиления и духовной радости. Особенно трогательно звучали слова заупокойных песнопений и молитв, когда крестный ход остановился около могилы отца святителя и была отслужена лития о блаженном успении родителей и сродников святителя Тихона. И действительно, трогательно молиться за родителей и родных того, кто предстоит престолу Вседержителя и молится о всей Церкви [84].

По возвращении крестного хода и окончании молебна в храме целый день не прекращались молитвы к угоднику Божию. После Задонска, открытие св. мощей нигде не праздновалось с такой радостью, усердием и благоговением, как в селе Короцке. Несмотря на то, что Короцк и Задонск отдалены друг от друга на значительное расстояние, они навсегда соединены самым тесным образом в духе благочестия и своими отношениями к святителю Тихону.

Так был прославлен на земле тот, кто подвигом исполнения ведей Божиих и очищения своей души стяжал обильную благодать Святого Духа и был возвеличен Богом, еще пребывая в бренном теле. Бесчисленные примеры благодатной помощи, подаваемой всем, с верою и усердием прибегающим к св. угоднику, свидетельствуют о том, насколько действенно молитвенное предстательство святителя Тихона Задонского пред престолом Всевышнего и как велика и за гробом его евангельская любовь ко всем страждущим, несчастным, скорбящим, помощи Божией и заступления требующим. Подлинно — это великий чудотворец, благодатный исцелитель и молитвенник пред Богом за род человеческий.

Примечания

1. Житие. Стр. 148.

2. Веденский С.Н. Один из почитателей св. Тихона Задонского. “Воронежская старина”, вып. X. Воронеж, 1911, стр. 3.

3. В основном фиксировались только случаи чудесных исцелений. В свое время в Задонском монастыре имелись записи подобных исцелений с 1820 г. Более ранние записи были утеряны (были взяты кем-то из богомольцев и не возвращены) (Житие. Стр. 147).

4. Прославление св. Тихона, обретение и открытие святых мощей его. Приложение к “Житию иже во святых отца нашего Тихона, епископа оронежского, Задонского и всея России чудотворца”. СПб., 1870, стр. 17. Далее при ссылке на данное сочинение будут употреблены сокращения. Например: Прославление св. Тихона, стр. 17.

5. Прославление св. Тихона, стр. 22.

6. Там же. Стр. 31.

7. Житие. Стр. 171.

8. Там же. Стр. 150.

9. Поликарпов Н. Великий и преславный чудотворец. — “Воронежская старина”, вып. X. Воронеж, 1911, стр. 59.

10. Поликарпов Н. Пит. соч., стр. 60.

11. Фадеев А. Несколько слов о почитании св. Тихона при преосвященном Антонии I (на основании дневника Т.А. Волконской). — “Воронежская старина”, вып. X. Воронеж, 1911, стр. 17.

12. Там же. Стр. 18.

13. “Друг юношества”, 1813, февраль.

14. Веденский С.Н. Цит. соч., стр. 4. На иконе св. Тихон изображен в священнической фелони, митре и омофоре. Руки Святителя молитвенно воздеты перед иконой Божией Матери Владимирской, лежащей на аналое. Перед аналоем стоит подсвечник с семью горящими свечами. Автор настоящей статьи свидетельствует, что краски на иконе отличаются поразительной свежестью, хотя и прошло со времени написания 123 г. (Там же. Стр. 12, 14, 15).

15. Там же.

16. Там же. Стр. 10.

17. Веденский С.Н. Цит. соч., стр. 10.

18. Никольский П. Антоний II, архиепископ Воронежский, и обретение мощей святителя Тихона. — “Воронежская старина”, вып. X. Воронеж, 1911, стр. 40.

19. Надгробие имело аршин толщины, а под ним были своды, сложенные полукругом в два ряда кирпичей и толщиной аршин с четвертью (Прославление св. Тихона, стр. 40).

20. Прославление св. Тихона, стр. 61

21. Никольский П. Цит. соч., стр. 40.

22. Обстоятельства, предшествовавшие торжественному открытию св. мощей святителя Тихона (Письмо задонского старца иеросхимонаха Нафанаила иноку Оптиной пустыни Петру). — “Домашняя беседа”, вып. 47, 1861, стр. 913.

23. Прославление св. Тихона, стр. 42.

24. Никольский П. Цит. соч., стр. 41.

25. Прославление св. Тихона, стр. 42.

26. Житие. Стр. 177.

27. Там же.

28. Там же.

29. Никольский П. Цит. соч., стр. 45.

30. Никольский П. Цит. соч., стр. 47.

31. Там же. Стр. 43.

32. Там же. Стр. 44.

33. Житие. Стр. 182.

34. Сергиевский Н. Цит. соч., стр. 146.

35. Лебедев А., прот. Цит. соч., стр. 220.

36. Олейников Т. Определение Св. Синода об открытии мощей св. ихона. — “Воронежская старина”, вып. X. Воронеж, 1911, стр. 95.

37. Олейников Т. Цит. соч., стр. 96.

38. Там же.

39. Там же. Стр. 97.

40. Олейников Т. Цит. соч., стр. 98.

41. Там же.

40. Олейников Т. Цит. соч., стр. 98.

41. Там же.

42. Прославление св. Тихона, стр. 52—53.

43. Там же. Стр. 53.

44. Никитин И.С. Сочинения, изд. 9, т. 1. М., 1902, стр. 158.

45. Житие. Стр. 188.

46. Там же. Стр. 189. С 8 по 15 августа в церквах г. Воронежа исповедано и приобщено более семи тысяч человек. Кроме того, в Задонском монастыре ежедневно на четырех литургиях были сотни причастников, так что всего было приобщено св. Тайн 20 тысяч человек, преимущественно больных и убогих (Там же. Стр. 190).

47. Один довольно состоятельный купец устроил на свой счет бараки, в которых впоследствии бесплатно разместилось более 10 тысяч человек простого народа (Кременецкий А.С., свящ. Открытие св. мощей Святителя Тихона. — “Воронежская старина”, вып. X. Воронеж, 1911, стр. 101).

48. Веселовский. Города Воронежской губернии. Воронеж, 1876, стр. 69.

49. В этом отношении неизвестно, из каких источников в “Московских ведомостях” (№ 188, 1861) было опубликовано сообщение о “страшной дороговизне” в г. Задонске во время происходящих там торжеств (это главное, что интересовало автора данной заметки?!). Во всех жизнеописаниях, где данный вопрос затрагивается, говорится, что цены были доступны даже простому народу. Кроме того, необъективное сообщение “Московских ведомостей” было опровергнуто в некоторых периодических изданиях (см.: Попов И., свящ. Торжественное открытие мощей св. Тихона. — “Руководство для сельских пастырей”, № 45, 1861, стр. 348).

50. Житие. Стр. 187.

51. Там же.

52. Прославление св. Тихона, стр. 56.

53. Там же. Стр. 57.

54. Прославление св. Тихона, стр. 57.

55. Житие. Стр. 191.

56. Кременецкий А.С., свящ. Цит. соч., стр. 103.

57. Прославление св. Тихона, стр. 61. Текст молитвы: “Во святых почиваяй, Всесвятый Господи Иисусе Христе, Боже наш, Иже Твоим милосердием благоизволил еси показати нам честные мощи Угодника Твоего святителя Тихона, освяти нас грешных и недостойных рабов Твоих, и благослови нас неосужденно касатися честных мощей Его, и показати я людем Твоим, всевожделенно желающим видети я. Ей, Господи, не посрами нас в деянии нашем, но сотвори, да совершенно умилится сердце наше, и да мы вси, зряще святую жизнь и прославление Угодника Твоего, сами соделаемся и пребудем святи Тебе, Господу нашему и Богу, молитвами Его и Твоею неизреченною благодатию. Твое бо есть святити нас, Христе Боже наш, и Тебе славу воссылаем со Безначальным Твоим Отцем и Всесвятым и Благим и Животворящим и Всеосвящающим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков (Там же. Стр. 62).

58. Прославление св. Тихона, стр. 63. Текст молитвы: “Угодниче Божий! Святителю отче Тихоне, призри с высоты святыя на нас смиренных, грешных и недостойных братии Твоих и чад, рабов Господа Бога нашего, Иисуса Христа, пришедших подъяти нечистыми и грешными руками нашими честныя и святыя мощи Твоя, да почивают они пред очами всех людей возлюбленного Тебе православного земного отечества, России; да воспоминают они всем нам святыя Твоя наставления в вере, паче же в жизни по святой вере: да вси православнии людие поклоняются Тебе, Святителю Божий, и Ты моли Христа Бога нашего, да никто же от прибегающих к Тебе отьидет тощ, но да устроится всякому с верою к Тебе притекающему и просящему Твоея помощи, — полезное и благое ко спасению. Всем же нам, пришедшим прияти всечестныя мощи Твоя, моли Господа Бога нашего освятитися и пребыти отньше в нерушимой святости вся дни жизни нашея. Аминь”.

59. Там же. Стр. 64.

60. В крестном ходе участвовало: 10 пар причетников, 30 пар диаконов, 80 пар священников и иеромонахов и 7 архимандритов (Там же).

61. Кременецкий А.С., свящ. Цит. соч., стр. 106.

62. Житие. Стр. 195.

63. Кременецкий А.С., свящ. Цит. соч., стр. 111.

64. Прославление св. Тихона, стр. 72.

65. Там же. Стр. 73

66. Житие. Стр. 200—204.

67. В частности, этот автор пишет: “Весь монастырский двор, все кровли и ограды различных монастырских зданий были унизаны народом. Высокая монастырская колокольня со стоявшими на ее кровле, всех выступах, решетках и отверстиях представляла собою живую пирамиду из людей, а в некоторых местах ее из стоящих снаружи людей образовались как бы пояса, опоясывающие четырехэтажную колокольню в разных, возвышенных на несколько саженей от земли, местах. Острая монастырская ограда в несколько аршин высотой также унизана была народом, который сидел на ней, держась друг за друга. Нельзя не

подивиться усердию и терпению простолюдинов: они заняли эти места, слишком неудобные для сидения, с пяти-шести часов утра и сидели на них непрерывно до второго часа пополудни. В большом монастырском саду народ размещался на деревьях и висел, держась за сучья. В городе на многих домах были разобраны черепичные крыши, и народ находился на чердаках; на кровлях стояли на коленях, и все с горящими свечами. Вся сплошная масса народа представляла как бы одно тело, проникнутое одним духом любви и усердия к Святителю и благодарности к Богу, прославляющему Своего Угодника" (Житие. Стр. 205).

68. Вещей было накидано на протяжении всего пути высотой в полметра и шириной более четырех метров. После крестного хода было собрано одного холста около 50 тысяч метров и денег 600 рублей. Митрополит Исидор выразил желание, чтобы пожертвованные вещи были розданы бедным. "Пусть святитель Тихон оденет ими нищих", — сказал он. Впоследствии это и было исполнено. Народ с верой принимал приношения, и по вере больные и немощные получали исцеления (Житие. Стр. 206.).

69. Там же. Стр. 190.

70. Прославление св. Тихона, стр. 82. Текст молитвы: "О, священная главо, крепкий наш молитвенниче и заступниче Святителю Тихоне, услыши нас, с верою призывающих Тя и усердно припадающих к раце честных и многоцелебных мощей Твоих! Поминай нас у престола Вседержителева и не престай моляся о нас ко Христу Богу: Тебе бо дадеся благодать молитися за ны. Вемы, что грехи наши разлучают между нами и Тобою, и недостойны есмы толикого отца и ходатая. Но ты, быв подражатель человеколюбия Божия, не престани вопия о нас ко Господу: испроси предстательством Твоим у Всемилостивого Бога нашего мир Церкви Его, на земле воинствующей, и пастырям ее силу ревностно подвизатися о спасении людей. Умоли Небесного Отца и всем нам подати дар коемуждо благопотребен, веру истинную, надежду твердую и любовь неоскудевающую, градов наших утверждение, мира умирение, от глада и пагубы избавление, от нашествия иноплеменников сохранение, юным и младенцам бла-

гое в вере возрастание, старым и немощным утешение и подкрепление, болящим исцеление, сиротам и вдовицам милость и заступление, заблудшим исправление, бедствующим благовременную помощь. Не посрами нас в уповании нашем, споспешествуй, яко отец чадолюбивый, и нам понести иго Христово в благодушии и терпении, и всех управи в мире и покаянии непостыдно скончати живот свой, и Царствия Небесного наследником быти, идеже Ты ныне водворяешися со Ангелы и всеми святыми, прославляя Бога, в Троице славимого Отца и Сына и Святого Духа. Аминь" (Там же).

71. Житие. Стр. 210. О том, что трапезу благословлял архиепископ Иосиф, а не митрополит Исидор, в отличие от всех других авторов, сообщает на основании более поздних данных свящ. А. Кременецкий (Цит. соч., стр. 120).

72. Сергиевский Н. Цит. соч., стр. 157.

73. Об открытии мощей св. Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. ГПБ. Ф. 1—892. С. 100—101.

74. Там же. Стр. 96.

75. Житие. Стр. 228.

76. Сергиевский Н. Цит. соч., стр. 157.

77. Филарет, митр. Московский. Письма к А.Н.М. 1832—1867, стр. 589.

78. Житие. Стр. 216.

79. Прославление св. Тихона, стр. 136.

80. Кременецкий А.С., свящ. Цит. соч., стр. 123.

81. Житие. Стр. 212.

82. Там же.

83. Там же. Стр. 213.

84. Житие. Стр. 215.

Приложение 2

ПРОПОВЕДЬ В ДЕНЬ ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Произнесена 01.08.1999 г.

Скачать » *(MP3 файл, 10,6 МБ, продолжительность 23:15 мин)*

Схиархимандрит Зосима (Сокур)

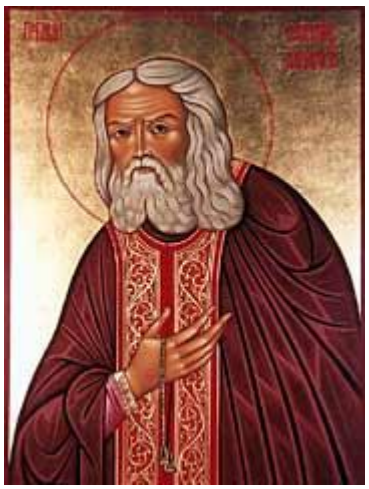
По милости Божией Господь сподобил нас праздновать Воскресение Христово. Еще Господь сподобил нас праздновать малую Пасху: быть за святой Божественной литургией, быть участниками высшего небеснаго таинства – святой Божественной литургии. Сегодня Евангелие читали о том, как Христос ходил по водам и как Христос уединялся для молитвы. В Своей жизни Он имел общение с Отцом Небесным, а мы с Богом Вседержителем и со Спасителем нашим имеем общение, с Божией Матерью, со святыми ангелами-хранителями и со всеми угодниками Божиими, к которым и обращаемся в наших святых молитвах. По водам ходил Христос озера Генисаретского. И до сего дня рассказывают, и фотографии я видел: при лунном свете видна эта полоса на воде, где шел Христос.

По зову Господа апостол Петр пошел Ему навстречу также по водам. И вдруг сомнение: "Я же на воде, я же утону". И в тот момент стал он утопать. "Господи, спаси меня!" – вот крик погибающей души, вот вопль, вот возглас. "Маловер, зачем ты усумнился?"

Так и нас Господь зовет, а мы всей душой откликаемся, идем навстречу, как апостол Петр. И вдруг сомнение бес посылает нам: "А правильно ли я выбрал путь? А что я буду там делать, в той церкви, или в монастыре, или где еще? А может быть, там не мой путь, может, мне в миру быть, погибать?" – и прочее. И начинается разлад душевный, начинается погибель, начинаются помыслы, начинается дух противления, начинается злоба уже даже, и человек идет сознательно к погибели. И если вовремя не опомнится человек, которого дьявол искушает, как апостола Петра, маловерием, если не скажет вовремя человек, опомнившись: "Господи! спаси! я погибаю!" – и не обратится к Богу, бывает и погибель для такого человека.

Дай, Господи, нам Петрово обращение к Богу, и вместе с тем глубокую веру, чтобы мы не были маловеры, особенно в духовной жизни. Но и фанатизм – тяжелый грех тоже. Вот золотую середину в духовной жизни дай нам, Господи,

срединным царским путем дай, Господи, шествовать по водам жизни нашей, по житейскому морю нашему и достичь Царствия Небесного, где и Спаситель находится, где находится апостол Петр, где находится и преподобный Серафим Саровский, память которого мы в сегодняшний день торжественно празднуем.



Святой преподобный Серафим, Саровский чудотворец

Сегодня, праздник всей нашей Русской земли – память особо любимого, дорогого для нас угодника Божиего, преподобного Серафима, Саровского чудотворца. Кто с детских лет не знает это имя, кто не влюблен был в преподобного Серафима Саровского, кому не мил и не дорог этот образ доброго старца, преподобного Серафима Саровского? Нет почти ни одного дома или квартиры, где бы не находилась его иконочка.

А сколько молитв, сколько воздыханий, сколько просьб при жизни выслушивал преподобный Серафим! И по смерти своей для всего мира является он великой радостью, великим утешением и великим наслаждением.

Преподобный Серафим – он не москаль, не хохол. Он – православный христианин, православный монах, служитель Бога Вышнего в сане иеромонаха. Он не архимандрит был, простой иеромонах, но высотой святости он превзошел и патриархов, и архиереев, и митрополитов. Превзошел смирением своим, кротостью своей, тихостью своей и мирностью сердца своего – тем, чего нам всем так не хватает в жизни. И прежде всего – просто мирности сердца.

Почему мы такие злые, беспокойные, недоверчивые, маловерные? Мирности сердца нет. Корень всех зол в том, что просто мира в сердце нет.

"Стяжи мир в сердце своем", – знаменитые слова преподобного Серафима, – "спасешься сам, и вокруг тебя тысячи спасутся". Вот об этом постоянно размышлять надо, об этом постоянно думать и учиться мирности сердца. Хранить сердце и от гордости, и от тщеславия. Не по наружности показывать свое мни-

мое фарисейское благочестие, а внутри, в глубине хранить себя в чистоте, как хранил преподобный Серафим.

Хранить от блуда, от всего скверного, плохого свое сердце, постоянно помнить: “Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей”. Именно чистоту сердца мирно хранил преподобный Серафим. Почему все страсти отходили от него, почему светел лик его был, почему приветливым был его голос, почему и глаза светились его пасхальной радостью, почему для него всегда была Пасха Божия – круглый год? Потому что он обладал чистотой сердца. Почему являлась ему видимым образом и Божия Матерь, и Сам Спаситель в храме являлся? От чистоты сердца.

В грязном сердце Бог никогда не явится, злому сердцу никогда Бог не покажет Себя. Только чистые сердцем, только избранники Божии, как преподобный Серафим, могут лицезреть славу Божию.

Сегодня мы вспоминаем событие 1903 года – открытие мощей преподобного Серафима в Сарове. Прибыла царская семья на это торжество. Прибыли святители земли Русской, многочисленные монахи, архимандриты, священники. Тысячи, десятки тысяч людей прибыли в Саров в тот день, чтобы совершить прославление преподобного Серафима в лике святых угодников Божиих. Торжественно его святые мощи были подняты из-под спуда земного, где он погребен был, и торжественно омыты, переложены в новую раку – кипарисовый гроб. И совершилось прославление.

В тот день в 1903 году многотысячная толпа молящихся, собор целый воспел: "Ублажаем тя, преподобный отче наш Серафиме, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче ангелов". Перед нами сейчас это событие 1903 года. Государь-император с высшими сановниками тогдашнего Русского государства нес на своих плечах нетленные мощи в кипарисовом гробе преподобного Серафима.

Вспоминаешь это торжество и с печалью думаешь: "Какая страшная Голгофа всех этих людей ждет!" Все они будут казнены, все они будут расстреляны, все они прольют мученическую кровь, как преподобный Серафим говорил

при жизни: "А кровушки сколько будет на земле Русской – реки, океаны. Все оросится кровью христианской". Предвидел эти дни тяжкие преподобный Серафим.

Есть предание историческое, что особое письмо преподобный Серафим написал последнему государю-императору и сказал: "Когда будет прославление – отдадите ему". И действительно, настоятель отдал простой конвертик, хлебушком заклеенный – не было клея у преподобного Серафима, хлебом заклеивал. Прочитал царь письмо, горько очень заплакал. Все, что сказано было в письме, исполнилось на нем и на детях его. О скорби говорил преподобный Серафим, о крови, о страданиях – вот о чем говорил в своем послании, уже посмертном, преподобный Серафим Саровский последнему царю-мученику нашему Николаю. И те люди, что изображены на картине "Торжества прославления преподобного Серафима", – все они мученики, все они казнены жестоко, пролили кровь свою. Среди них и царь-мученик Николай со своим августейшим семейством, и святители, и священномученик Серафим (его день ангела сегодня празднуем), который особую ревность проявил в прославлении памяти преподобного Серафима Саровского. Всех Господь сподобил дойти до Царствия Небесного через мучения, через страдания, через кровь, очиститься и войти в славу Божию. И мы стоим в храме Божием, и нам Господь, кое-кому, уготовал уже венец мученичества. И нам, кое-кому, придется и страдать, и кровь пролить, и невинные тяжкие страдания – Голгофу пройти, чтобы, через это очистившись от грехов, дойти до Небесного Царствия, до вечности дойти.

Сколько преподобный Серафим перестрадал в жизни, какие болезни тяжкие претерпел, какие искушения претерпел, какие нападки претерпел! И вот читаешь житие, хоть что-нибудь слышно, порча какая-то у него была, "поробили" ему? Как мы сейчас, глупые, маловерные, болтаем языком, верим. Как одна попадья пришла, оглядывается кругом. Говорю: "Что, пороблено тебе?" – "Да, да, боюсь, боюсь, боюсь..." Жена священника называется! Она, как бесноватая, боится. Боже мой, это же люди неверующие. Сохрани, Господь! В житии преподобного Серафима вы что-нибудь о порче встретили, читали где-нибудь? Ну

вот, а вы какие? Подумайте. Гадкие, маловерные, дотронься до кого-нибудь, не так посмотри, не так скажи – уже все. Уже поробили, уже заболела, уже рука болит, нога болит... Значит, такова Божия воля, а не порча какая-то. Это бросьте! Выбрасывайте эти колдовские басни все, сатанинские басни из своей головы, они только ведут нас в погибель, в ад ведут. Кроме порчи греховной, никакой больше ни у кого порчи нет!

Так что очищайтесь! Преподобный Серафим и все угоднички Божии, жития их, свидетельствуют вам о чистоте веры, о святости, о светлых помыслах, а не о мрачных, подозрительных. Вот к этой светлости, к чистоте сердца, к мирности сердца, которую стяжал преподобный Серафим Саровский, стремитесь. Выбрасывайте искушения, выбрасывайте помыслы, трудитесь над собой! Многие заражены "баснями" века сего, как апостол Павел говорит, то есть ересями века сего. Долой их из своей жизни, из своего быта, не нужно этого мрака подозрительности! Свет тихой веры, свет той веры, которой закричал апостол Петр: "Господи, спаси, погибаю я!" Вот и нам дай, Господи, такой же крик, такую же веру, такое же спасение, которые обрели апостол Петр, Серафим Саровский и все верующие во Христа Спасителя, Господа нашего.

И еще раз всех умоляю: убирайте из своей жизни эти суеверия, эти терния, которые нам мешают на пути спасения. Эти терния лишают нас радости, эти колдовки-бабки, шептуны, лженаставники, лжепопы нынешнего века, лекари-аптекари – все они мешают. "Тебе пороблено, на тебе порча, на тебе прочее..." – глупости все это. В житии преподобного Серафима ничего вы этого не встретили, а как его Господь испытывал болезнями. Мог бы тоже сказать: "Это ж мне поробили – водянка у меня", или еще что-нибудь. Мы б уж точно так бы и сказали. Половина стоящих здесь сказали бы: «Это ж мне пороблено». А он терпеливо переносил болезнь. И Господь давал ему: исцелялся он от тяжких болезней и вновь продолжал нести свой жизненный крест.

А какое прощение! Разбойники избили его, едва живым оставили его. Попались эти разбойники, привели их к нему. Сейчас бы мы все закричали: "Смерть им! Наказать!" "Братия, умоляю, простите их, этих людей, они не зна-

ют, что творят", – и дрогнуло сердце этих разбойников, они поняли: перед ними действительно не ложный, а настоящий святой человек. Они пали на колени, каялись, просили прощения. Конечно, были прощены, еще и иноками стали в Саровской обители.

Сейчас, Господь дал, в наши дни пророчества преподобного Серафима исполняются, возрождается Дивеево. Русь поет Пасху среди лета, торжество воскресения преподобного Серафима Саровского, воскресение его мощей святых из небытия. Вновь возвращение уже не в Саров разоренный, а в Дивеево. "В Дивеево поселюсь я, буду с сестрами моими, с сиротами моими жить", – говорил преподобный Серафим. А Дивеево как великая лавра возрождается. Какие соборы, какие колокольни, какие корпуса, цветы какие матушки выращивают, огород какой дивеевский! Господь сподобил меня побывать, посмотреть, помолиться. Действительно место святое. А людей тысячи, сорок автобусов за день, Боже мой! Тут один приедет, не знаешь, что с вами делать, полупустой. А там – сорок, и сколько народу! Как в метро снуют кругом, не поймешь, куда пойти, куда притулиться. Вот так всех зовет преподобный Серафим – чудо совершается.

Конечно, шумно в Дивеево. Я искал не то Дивеево. Я его нашел в простом скиту, в девяноста верстах, в Кутузовке. Там я нашел настоящее Дивеево. Там действительно воспитываются, как матушка игумения Сергия говорила: "Я своих сестер воспитываю в скитах, в малой семье, будущих сестер". Там они вдали от мира, от этих вонючих мужиков, от всей нечисти этой. Там сестры в чистоте воспитываются, дивеевские будущие матушки. Там проходят искус, там проходят тяжкие послушания, испытания, чтобы потом достойной стать монахиней – невестой Христовой. Среди леса дикого обитель стоит. Когда-то около трехсот монахинь было там. Всех казнили безбожники. Напал отряд красноармейцев, повесили монахинь по деревьям кругом, всех повесили. Муку претерпели тяжкую. В запустении был монастырь, но сейчас возрождается, собор восстанавливается среди леса. Гигант белостенный – собор пятиглавый стоит, корпус иноческий. И наши монашечки, русские девочки, живут там. И

дети даже – малые девочки там воспитываются, готовятся стать тами Христовыми, готовятся стать последователями преподобного Серафима Саровского чудотворца.

В Дивееве какие источники прекрасные! Поехали мы на один из источников. Боже мой! Там, как Силоамская купель. Кого там только не увидишь: и больные, и богатые, и здоровые, и бедные, и бродяги, и калеки... Настоящая Силоамская купель. А хлопцы еще же с юмором все... Да целыми ж семьями там пораздеваются – и в воду эту ледяную. Купаются свинопапки, свиномамки и поросятки, все хрюкают там: "Ах-ах!" – визжат, опускаются в эту ледяную воду. А я там на бережку сидел на лавочке, смотрел. Боже, сколько тут нечисти омывается водой преподобного Серафима, сколько грехов, сколько пороков, сколько этой нечистоты человеческой омывается в этой нашей русской Силоамской купели, в источнике преподобного Серафима Саровского чудотворца! Да, действительно, это русская Силоамская купель, и дай, Господи, чтобы эта вода освящала, спасала всех и чтобы эта вода была нам всем Силоамской купелью в жизни нашей, во славу Божию.

Дивеево торжествует! Сегодня Святейший Патриарх, святители собрались. На соборной площади перед мощами служат литургию и ублажают преподобного Серафима Саровского. И в нашем храме старинный образ был поруганный, побитый, покалеченный, пошкрябанный. Восстановили образ святой. И всех встречает ликом своим преподобный Серафим Саровский. Сколько перед ним молитв слышится, сколько перед ним воздыханий, сколько взглядов на этот образ благостных, просящих... И милостивый взгляд преподобного Серафима-старца всех встречает. Из-под густых бровей зорко смотрит преподобный Серафим на всех приходящих в святой храм сей. Со святыми частицами мощей его нетленнаго тела образ святой пред святою неугасимою лампадою.

И дай, Господи, чтобы мы получали благодатную помощь преподобного Серафима, чтобы всем нам был утешителем преподобный Серафим, помощником, наставником и чтобы всех встречал, приходящих в святой храм сей для молитвы, для благодатного общения с Богом и со святыми угодниками Божии-

ми. Слава тебе, Господи, что многих из вас Господь сподобил побывать в Дивеево, сподобил побывать в тех местах, где жил и молился преподобный фим, Саровский чудотворец, особый любимец и избранник Божией Матери. Аминь.

Схиархимандрит Зосима (Сокур)

31/07/06

Приложение 3

Бой, бой, бой безнравственности.

Интервью с Николаем Масловым

Православие.Ru / **Мониторинг СМИ**, 30 января 2008 г.
http://www.pravoslavie.ru/smi/40.htm

Источник: **Народное радио** //
http://www.narodinfo.ru/articles/42311.html

Николай Васильевич Маслов

Человек должен понимать, что он берет девушку в жены навсегда, а не на два года, пока она молодая, а когда она ему нарожает детей, то она ему уже не нужна. Нет, так не пойдет. Сегодня мужики в России немножко обнаглели, и на женские плечи взвалено столько, что женщины, бедные, плачут, а мужики в семье – прохожане: пришел – ушел, и нет его. Это нужно изменить, тогда и в государстве многое изменится, и не надо будет по телевизору призывать детей рожать. Интервью с известным общественным деятелем, доктором педагогических наук Н. В. Масловым.

Игорь Шишкин: Николай Васильевич, 27 января в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя открывается международный педагогический форум «Глинские чтения». Вы являетесь создателем этого форума. Откуда пошел этот форум? Какие этапы были в его развитии, и к чему он пришел сейчас?

Николай Маслов: «Глинские чтения» – это действительно самый крупный в мире международный педагогический форум, другого такого по значению нет, и я это говорю не из-за того, что мы его организовали, а из-за того, что мы его таким сделали. Кто-то заметил однажды, что зря говорят о русских, что они не доводят дело до конца, а как раз русские-то до конца все и доводят, просто они к земной жизни относятся более спокойно, без всяких там золотых замков. Конечно, жить получше было бы и веселей, но, тем не менее, русский народ, в общем-то, и отличается скромностью, тишиной своей жизни, а если уж праздник или свадьба, то фейерверки у нас, как начинаются с католического Рождества и заканчиваются только через месяц.

Идея форума очень простая – вернуть истину в систему образования, вернуть истину в понимание того, что такое человек, зачем он пришел на землю, кто его создал, какая цель в жизни, какая сущность самого человека, какими свойствами он обладает. Мы продвигаем эту идею, потому что если взять неверное направление, то к цели ты никогда не придешь. Если педагог говорит

ученику, что человек произошел от обезьяны, и он самое совершенное существо из всех тварей на земле, и нужно его качества развивать, то это глубокое заблуждение, потому что все качества и свойства человека очень деформировались, и их развивать нельзя. Их нужно сначала выстроить, вернуть в исходное положение.

Мы понимаем, что человек имеет огромное количество плюсов перед всей остальной тварью, которая есть на земле, но его надо воспитывать, и тут важно понять, как воспитывать. Одни педагоги говорят, что человеку, особенно детям, нужно дать полную свободу, и он сам разберется. Сейчас мы эту тенденцию видим. Это можно сравнить с тем, как рынок сам разбирается с ценами: люди не успевают открывать кошельки. Да, может быть, человек что-то и поймет, например, что он всю жизнь прожил зря и так ничего и не достиг в этой жизни, да еще хорошо, что не закончил ее самоубийством. Нужно дать понять человеку с самых малых лет, что у него есть цель, тогда и задачи соответственно под эту цель выстраиваются. Он будет знать, что грех без казни не бывает, и если он согрешил, то Господь накажет, то есть нужно воспитывать маленького человека, развивать в нем нужные качества, а ненужные, например, гордость, своенравие, своеволие, заглушать.

Все создал Бог, все управляется Богом, все зависит от человека, но ничего не бывает без воли Божьей. Как это случается, почему это случается, зачем человеку нужна исповедь, зачем нужно человеку очищать свои грехи? Да только потому даже, чтобы жить лучше, потому что совесть очищается. А после очищения совести разум действует правильно, а если человек воспитан без веры, но научен многим наукам, он зачастую приносит больше вреда себе и обществу, чем верующий. Православное духовно-нравственное воспитание дает огромный плюс человеку для жизни на земле. Оно облагораживает его жизнь.

Христианство облагородило мир и отношения между людьми. Семьи у христиан крепкие, не разрушаются от дуновения ветра. До середины XIX века Россия не знала, что такое слово «развод». Один архиерей писал в своих мемуарах, что за его 30-летнюю практику был один развод на всю епархию. Идео-

логия была такова, что замуж шли, или женились не просто для какой-то похоти, а знали, что их союз навек, до самой смерти. Эта идеология пронизывала все сферы жизни общества, все сословия, поэтому, конечно, воспитание – это формирование целостного, гармонично развивающегося общества, в первую очередь, потому что государство – это семейство семейств. Русская православная церковь сформировала все нравственные, культурные нормы в жизни человека, в жизни семьи, в отношениях между мужем и женой, детьми, взрослыми, престарелыми. Раньше не задумывались, куда девать старых родителей, и никаких домов престарелых не было, все жили вместе, в крайнем случае, человек добровольно уходил в монастырь, если хотел жизнь свою посвятить только Богу. На Кавказе это еще осталось, у нас уже редко.

«Глинские чтения» – это формирование нового человека в его естественном состоянии, которое создал Бог, и уйти от ложных идеологий, которые нам навязывали наши лжепророки из-за рубежа, и даже Петр I вносил ложные культурные преобразования, которые, может быть, сразу и не сыграли свою роль, а в последующем привели к бунтам. «Глинские чтения» – это просвещение, образование своего народа, с любовью к своему народу, потому что мы всегда хотели, чтобы русский народ был выше, чтобы его жизнь была крепче, благосостояние видимым. Люди должны отличать хорошее от плохого, добро от зла, и это главное, что нужно знать человеку, чтобы выполнить цель его пребывания на земле.

Игорь Шишкин: Николай Васильевич, вы создавали «Глинские чтения» в тот период, когда официально было объявлено, что воспитание должно уйти из системы образования, а вы поставили перед собой обратную задачу – вернуть воспитание, да еще и основанное на христианских ценностях.

Николай Маслов: Да, это было уже при демократах, которые знали, что если они добьются того, чтобы из школы было полностью убрано воспитание и сохранение нравов, то государство перестанет существовать, поэтому мы пошли против течения.

Игорь Шишкин: То есть тогда вы шли четко против той линии, которая официально была объявлена магистральной в системе образования?

Николай Маслов: Мы шли, конечно, против этой линии, но мы шли своим параллельным путем, не затрагивая их, не тратя время на споры. Мы опирались на учение о спасении, о том, как надо жить на земле, и сегодня наши сторонники – это, наверное, 80 или 90 процентов населения. Мы делали это на свои собственные моральные и материальные ресурсы. Это был наш вклад в жизнь общества. Как говорил Серафим Саровский: «Служа Отечеству, мы тем самым служим Богу».

Некоторые люди создают семьи, служат своей семье, обществу, Богу, некоторые идут в монастырь, а мы создали такой коллектив, в котором люди принесли в жертву свою личную жизнь для того чтобы благополучие пришло в тысячи других семей.

Игорь Шишкин: Николай Васильевич, за годы существования «Глинских чтений» они сильно изменились. Как вы оцениваете нынешнее состояние этого постоянно действующего форума?

Николай Маслов: Сейчас мы два раза в год проводим общероссийские «Глинские чтения», летом в Троице-Сергиевой лавре, а зимой в Москве, в храме Христа Спасителя. Есть и региональные, и зарубежные чтения. Прежде всего, все они посвящены патриотическому воспитанию, духовно-нравственному воспитанию. Раньше это были разговоры о том, как в тех сложных условиях можно хоть какие-то элементы воспитания внести в систему, образования. Люди обменивались своим незначительным опытом, говорили о том, как бы обойти Министерство образования, как обойти региональные комитеты образования. Это были первые годы, учителя-подвижники, а сейчас это уже осмысленная, научная и методическая работа, осмысленный учебный процесс.

Сегодня мы пишем, формируем и редактируем государственные программы дошкольного, школьного, вузовского и послевузовского образования, проводим курсы повышения квалификации педагогов, причем как отдельных людей по их желанию, так и по соглашениям с целыми регионами. Москва, на-

пример, сегодня понимает, что без воспитания ей деваться некуда. Если страной правит мудрое правительство, то оно знает, что воспитанием нужно заниматься на государственном уровне. Вот в Китае давно поняли, что без нравственного подъема нельзя сделать никакого подъема экономики, а если даже сделаешь, то этого хватит на год-два, а потом все равно все разворуют, поэтому китайцы тратят огромные силы и средства, выращивая более нравственное, чистое следующее поколение, чтобы приумножить богатство всего народа.

У нас пока полудействия, разовые полунамеки, но я думаю, что сегодня, когда на государственном уровне объявлен год семьи, обозначены векторы развития, мы сможем наполнить их таким содержанием, что воспитание, сохранение нравственности станет государственным приоритетом. Это должна быть принятая государством программа полномасштабного финансирования в системе образования и в системе нашего культурного наследия. Тогда, конечно, этот процесс пойдет намного быстрее.

Игорь Шишкин: В чем особенность нынешних «Глинских чтений»?

Николай Маслов: Мы сделали учебное пособие по теме «Семья, ее цели и задачи», которое станет основой для формирования программ в школах, дошкольных учреждениях и, я думаю, и в отношениях государства и общества. Есть святоотеческое наследие, в котором сформулированы основные постулаты о семье, о ее составе, об отношениях между поколениями, о роли жены, матери в семье, о роли мужа, отца в семье, о роли детей, о задачах, правах, и обязанностях каждого члена семьи. Ведь сегодня даже многие ученые формулируют мысли о семье с точки зрения своих собственных недостатков. То они заявляют, что семья должна быть, то они говорят, что семьи не должно быть, и не признают ни привязанности друг к другу внутри семьи, ни обязанностей к семье, считают, чтобы жизнь в семье была только развлечением.

Нравственная, выработанная Церковью традиция создания семьи накладывает огромные обязательства на мужчину, поэтому нужно пересмотреть современные понятия о морали в обществе, чтобы люди относились с презрением к тем мужчинам, которые не хотят, не могут содержать семью. Если человек не

завел семью к двадцати пяти годам, необходимо к нему предъявить кие-то общественные претензии, брать с него повышенный налог, например. Почему кто-то за тебя должен растить детей, чтобы они охраняли нас от варваров, там американцев или еще от кого-то? Почему ты в этом не принимаешь участия? Если ты не можешь иметь детей, тогда плати, чтобы материально, через налогообложение, помочь тем, кто может их иметь физически. Нужно вернуть статус семье, как главному субъекту государства, потому что государство – это семейство семейств.

На «Глинских чтениях» уже сформулированы предложения в законодательство, и мы уже поговорили с отдельными государственными деятелями, в частности, с Юрием Сергеевичем Полтавченко, и он пообещал резолюцию форума довести до будущего президента, чтобы мы смогли жестко и планомерно начать эту работу уже через месяц. В этом случае к 2008 году удастся сдвинуть дело с места. Недавно мой товарищ беседовал с председателем Комитета по семейной политике Госдумы, Мизулиной чтобы она тоже была готова включиться в процесс и провести в законодательство конкретные статьи об отношении государства и общества к семье. Тогда год не пройдет под знаком только трибунных выступлений и политических содроганий.

Тогда молодой человек будет понимать, что раз он берет себе девушку в жены, то он берет ее навсегда, до смерти, а не на два года, пока она еще молодая, а когда она ему нарожает детей, то она ему уже не нужна. Нет, так не пойдет. Мне кажется, что сегодня мы, мужики, мужское население России немножко здесь обнаглели, и на женские плечи взвалено столько, что бедная женщина плачет и ночами, а мы, как прохожане в семье: пришел – ушел, и нас нету. Это нужно изменить, и тогда многое в нашем государстве изменится, и не надо будет по телевизору призывать детей заводить. Надо изменить атмосферу. Атмосфера должна быть естественной, по Божьему закону, а не по выдумкам Карла Маркса, или какого-нибудь там Гегеля, или еще кого-то с опухшим мозгом. Надо как-то общество убедить, что же правда, а что ложь.

Игорь Шишкин: Николай Васильевич, вы сейчас затронули очень важную тему. Часто слышатся вопросы такого порядка, что научных и научно-общественных конференций в стране проводится достаточно много, мол, собрались педагоги, поговорили и разошлись, а какая отдача для общества в целом?

Николай Маслов: Я бы не сказал, что конференций много. Проводятся достаточно узкие конференции на какую-то тему на уровне кандидатской или предзащиты, а наша задача – дать решение в виде соответствующих книг, учебников. Наверно, сегодня никто не имеет столько учебных пособий, основанных на глинском наследии, на оптинском наследии, сколько издано у нас. На них люди выстраивают и свои предметы, и уроки, развивают научную деятельность. Это «Симфония», это «Основы русской педагогики» и многое другое. Они все вышли из церковной среды, но они имеют и государственную поддержку, и государственное значение. Это лучшие книги для педагогов, признанные уже много лет назад. Например, «Симфония» вышла уже седьмым тиражом, то есть она очень востребована, хотя это достаточно серьезный труд.

На «Глинских чтениях» будет показана практика использования этих пособий и учебников. Например, можно будет увидеть, как педагоги за пять – шесть лет совершенно изменили жизнь своих учеников в школах, и не только их, но и жизнь их семей. Все это будет все показано в видеофильмах. «Глинские чтения» действуют практически круглогодично. У нас дверь не закрывается круглый год, люди приезжают за этим учебником.

Игорь Шишкин: То есть это мероприятие, рассчитанное на широкую общественность, на изменение общественной жизни в стране в целом.

Николай Маслов: Конечно. Например, мы же работаем с Министерством образования, с Министерством обороны, с Министерством культуры, с Министерством юстиции, организуем встречи в тюрьмах, в библиотеках, в офицерской среде, отдельно работаем с министерскими чиновниками. С ними надо работать в первую очередь, потому что они потом, в зависимости от того, что у них в голове и в сердце, принимают государственные решения. Если у него есть

что-то доброе в сердце, и он получил от нас какой-то заряд, то он, нечно, принимая государственное решение, даже с точки зрения экономики, будет на него смотреть по-другому, если он плохо сделал. Ага, это грех, а грех без казни не бывает, значит, кто-то пострадает: он, или его жена, или его дети. Этот страх нарушить нравственный закон дает силу, чтобы принимать правильные решения, в том числе, например, в борьбе с коррупцией. Правильное воспитание – это лекарство от всех болезней без исключения.

Игорь Шишкин: В 90-е годы, когда «Симфония» только приходила в школы, многие воспринимали ее как нечто экзотическое, и спрашивали, как можно использовать ее в светской школе? Прошло двенадцать лет, и сейчас президент России во время государственного визита преподносит «Симфонию» в дар президенту другой страны. Многие интересуются, как это отразится на нашей жизни? Ну, да, оценили так высоко вашу деятельность, но что, мол, нам, простым гражданам от того, что это произошло, и стоит ли об этом так много говорить?

Николай Маслов: Это очень серьезная тема. Во-первых, для того чтобы президент выбрал какую-либо вещь в подарок, она должна удовлетворять его вкусу, его внутреннему состоянию и, конечно, вкусу и внутреннему состоянию его окружения. Восемь лет тому назад ни Путин, ни другой президент не взял бы в руки произведение духовной литературы, подобное «Симфонии», и не рискнул бы подарить его другому президенту от России, потому что внутренне Россия, особенно чиновничий люд, были морально не готовы к таким поступкам. Им было проще было подарить какой-нибудь газопровод.

А что касается того, что это даст России, то этот поступок президента может дать огромный импульс к духовно-нравственному развитию. Ко мне до сегодняшнего дня не смолкают звонки от высоких людей, пришло поздравление от Правительства. Сегодня государственные чиновники будут брать эту книгу нарасхват, потому что у нас очень любят подражать великим людям, которые сегодня находятся у власти.

Игорь Шишкин: Президент, мол, читал, а я не читал: как же это может быть?

Николай Маслов: И в Болгарии министры просят эту книгу посмотреть: что же подарили президенту, что там такое, что ему дарят на уровне государства? И когда человек берет в руки эту книгу, он видит, что там говорится о том, что такое совесть, что такое счастье. На «Глинских чтениях» показывают уроки, на которых наши девочки и мальчики отвечают на эти вопросы. Ни один академик не ответит тремя словами на вопрос, что такое счастье, а в «Симфонии» написано, что счастье – это жизнь без греха. И человек действительно счастлив, когда за ним нет шлейфа убийств, преступлений, обманов, но до этого состояния нужно дожить и нужно понять это состояние.

На «Глинские чтения» помимо педагогов низшего состава приходит уже очень много директоров, чиновников большого ранга, федерального значения, потому что эта тема может когда-нибудь у них всплыть. Могут завтра, например, провести тест на знание понятийного аппарата. Чиновников спросят: «Что такое совесть?», и что они будут писать? А что такое счастье? То есть президент своим поступком заставил всех подумать, и многие возьмут в руки не только «Симфонию».

Игорь Шишкин: Это как бы сигнал чиновному люду.

Николай Маслов: Сигнал, да, но этот сигнал не искусственный, а естественный. Президент, пробыв восемь лет на своем посту, понял, что с безнравственным народом можно быть только главарем шайки, варваром, а с нравственным народом можно быть империей, державой. Но для того, чтобы стать империей, нужно воспитать нравственный народ, а для этого нужно вернуться к Конституции, где записано, что Россия – социальное государство. Вся сферы нашей жизни должны быть пронизаны заботой о людях, а не только тем, куда трубу тянуть. Это должно быть уже как обеспечение. Программа государства – повышение уровня жизни населения.

Очень важно, что главный чиновник страны именно «Симфонию» подарил другому государству от лица нашего государства. То есть он подарил Болгарии

идеологию духовного и нравственного состояния общества. Для меня это был, конечно, самый большой подарок в жизни: значит, этот вопрос стоит на повестке дня в нашей стране, и мы желаем своим друзьям того же, чего и сами хотели бы достичь. Болгария для нас дружеская страна, православная, славянская, и президент дарит то, чего бы он сам хотел. Не зря же он говорит, что у него в самолете есть и икона, и Библия, и когда он куда-то летит, они помогают ему привести в чувство и в сознание память и сердце. Это большой сигнал для всего чиновнического мира. Губернаторы уже ссылаются на эту книгу, но они ведь стали читать ее после того как прочитал ее Путин.

Это становится уже эталоном: «А у тебя есть «Симфония», ты по ней живешь?» Я не исключаю возможности, что через год многие чиновники, поступая на службу, будут сдавать экзамен по «Симфонии», и на вопрос «Что такое счастье?» будут отвечать, что это жизнь без греха, что значит, не укради, не убей, не оскорби народ, люби ближних, почитай родителей, поклоняйся Богу. Это важный шаг, но за ним следует очень большой труд, в частности, проведение таких конференций как «Глинские чтения».

Игорь Шишкин: В Зале соборов храма Христа Спасителя помимо «Глинских чтений» в тот же день пройдет и вручение премии «Народное достояние». Премия тоже учреждена по вашей инициативе. Что побудило вас ее учредить, в какой мере эта идея нашла достойное воплощение, и, если не секрет, кто станет лауреатами в нынешнем году?

Николай Маслов: Мы будем вручать эту премию в третий раз. Мне всегда было обидно, когда огромный пласт людей, которых можно назвать именно народным достоянием, которые воспитывают наших детей, молятся за нас Богу, воссоздают из пепла наши традиции, например, сложнейшее литье колоколов, а ее в мире нигде нет, кроме нас, и эти люд никем не замечены. А человеческое естество требует как наказания, так и поощрения.

Игорь Шишкин: А у нас конкурс только так называемых эстрадных звезд.

Николай Маслов: Эти поп-звезды, которые чем больше раздеваются на сцене, тем больше им подарков дают. Я тогда посоветовался со своими стар-

шими товарищами, предложил устроить мероприятие, где бы люди, которые всю свою жизнь бьются за улучшение нравственного состояния общества, были каким-то образом отмечены. Я понимаю, что я не президент страны, и даже гораздо ниже, но, тем не менее, мы объединили свои усилия и сделали премию «Народное достояние».

Мы всегда выбираем людей не по их положению в обществе, не по чиновной значимости, а только по их делам. Если эту премию и получил Юрий Сергеевич Полтавченко, занимающий высокий пост в стране, то эта премия давалась ему не как человеку, занимающему пост, а как человеку, сыгравшему огромную роль в улучшении духовного, нравственного состояния в обществе. Вообще планка нравственного состояния чиновников достаточно серьезно повысилась, по крайней мере, тех людей, с которыми он работает. У нас получил премию простой литейщик колоколов из Тутаева. Он делает очень важное для нашей страны дело – это один из немногих людей, которые возродили литье колоколов, а колокола имеют огромное значение для России. Лауреатом нашей премии стал и профессор Скуратов, который более пятидесяти лет учит молодых ребят, которые хотят стать священниками.

Игорь Шишкин: Среди лауреатов мой старый друг Владимир Робертович Анищенков.

Николай Маслов: Да, он еще и всю семью на этот подвиг ведет. Его дочь тоже участвует в получении. В этом году будет несколько педагогов из Курчатова, художники Московской духовной академии, которые возрождают и укрепляют рублевскую школу иконописи, будет молодой, но твердый в вере полномочный представитель президента в Приволжском округе Коновалов.

Игорь Шишкин: А из средств массовой информации кто-нибудь будет в этом году?

Николай Маслов: Там будет корреспондент второго канала Мамонтов, который ведет очень хорошие передачи, главный редактор русского журнала «Славянка». Россия переполнена очень талантливыми людьми, и нам нужно помолить Бога еще год-другой, очистить свою жизнь, чтобы Господь сохранил

и приумножил нравственность русского народа. Как сказал один великий наш святой, «Будущее России – в безупречной нравственности ее руководства». Мы должны потрудиться в воспитании собственных детей, семей, друзей, должны показать пример, чтобы нашему народу было из кого выбирать достойных министров, губернаторов, мэров.

Здесь, конечно, неоценим подвиг православных христиан, потому что они самоотверженно трудятся на ниве просвещения, не замечая порой, что являются примером для других, и тем самым оказывают большую милость для всего народа, и не только для православного, и не только для русского, и не только для России. Мы уже заметили, как встретили «Симфонию» в Болгарии, а сейчас готовим ее издание для Сербии, для Грузии и так далее. Важно, чтобы духовная, нравственная атмосфера, мораль в обществе возрастала. Да, налицо огромное противостояние, и средства массовой информации играют колоссальную разрушительную роль, поэтому мы на этом форуме также объявим 2008 год годом разгрома безнравственных СМИ. Нужно объявить беспощадную борьбу безнравственным СМИ, таким как канал НТВ и подобные ему каналы.

Мы будем бороться с ними в суде, и для этого в первой половине февраля проведем первое заседание в Министерстве культуры по поводу изменения законодательства, чтобы четко в нем было ясно изложено, где добро, а где зло. Ведь некоторые телевизионщики говорят, что в законе у нас ничего не определено. Значит, будем работать. Во второй половине февраля состоится заседание в парламенте, потом в Совете Федерации, потом с чиновниками Центрального федерального округа. Мы подготовили четыре огромных мероприятия на ближайшие два месяца, чтобы сделать разгром безнравственных СМИ бесповоротным. У меня на столе лежит обращение в Генеральную прокуратуру, которое мы будем рассматривать на «Глинских чтениях». То есть бой, бой, бой безнравственности и труд во благо Родины за нравственное состояние.

Игорь Шишкин: Эта тема сейчас крайне актуальна и востребована. Неспроста в последние недели появились многочисленные сообщения о том, что наводить порядок в данной сфере обязательно. Выдвигаются всяческие инициа-

тивы, выступают известные деятели культуры, науки. Буквально день-два назад прекрасный актер Леонид Броневой в своем интервью сказал о том, что нужна просто кровавая цензура, чтобы восстановить нравственность.

Николай Маслов: Может быть, кровавая и не нужна, но хорошая инструкция для СМИ не помешает. 80 процентов населения требует цензуру. Цензура, как и экономика, как и вся наша жизнь, должна быть нравственная. Если бы родители прилежно воспитывали своих детей, то не нужны были бы ни законы, ни суды, ни тюрьмы. Это идеал, и к этому идеалу нужно стремиться. Чем выше будет идеал морали в обществе, тем меньше мы будем тратить сил и средств на преодоление пороков.

Справка

Премия «Народное достояние» учреждена фондом святого благоверного князя Александра Невского при поддержке Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации по благословению патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Основная цель премии – объединение усилий общества по воспитанию патриотизма и формированию духовно-нравственных основ. Премия «Народное достояние» вручается по итогам года за значительный вклад в возрождение, становление и развитие нравственного общества в сфере педагогики, масс-медиа, литературы, искусства и государственного управления. В течение года экспертная комиссия, в состав которой входят известные общественные и политические деятели, представители Церкви, отбирает наиболее активных граждан, проявивших себя на поприще духовно-нравственного развития общества. Соискателями премии могут быть как простые люди, так и известные деятели культуры, политики, общественные и некоммерческие организации, а также средства массовой информации. В разные годы премией «Народное достояние» были награждены руководитель программы «Служу Отчизне», выходящей на Первом канале, Андрей Кирисенко, полпред президента в Центральном федеральном округе Георгий Полтавченко, колокольный мастер из города Тутаева Николай Шувалов, ведущий радиостанции «Народное радио» Владимир Анищенков и многие другие. «Народным достоя-

нием» объявлено литературное наследие великого русского писателя Владимира Алексеевича Солоухина.

Алексей Пичугин

Фрагмент интервью с митрополитом Сливенским Иоанникием

Андрей Куприянов: Владыка Иоанникий, сегодня произошло очень важное событие, я думаю, что и для болгарского народа, и для нашего русского – вручение книги схиархимандрита Иоанна (Маслова) нашим президентом вашему президенту Георгию Перуванову и вашему патриарху. Как вы оцениваете это событие, его значение для русского и болгарского народов, для нашей общей Православной церкви?

Владыка Иоанникий: Духовная связь – это самое важное и самое ценное в этом даре. Связи между Россией и Болгарией всегда существовали, и в этот день мы в Болгарии больше говорили о России, о русском языке, о русской культуре. У меня нет слов, чтобы выразить то, что я переживаю. Это великая книга, и она небезызвестна в Болгарии. Ее можно увидеть в крупных библиотеках страны. Она имеет очень важное значение для духовного развития людей. Отец Иоанн очень много трудился над ней. Он был моим исповедником, духовником. Я бывал у него чуть ли не каждый день, когда жил в России. Мы были очень близки, и потому все, что связано с Россией, особенно дорого для меня. Это великое дело. И огромной благодарности заслуживают те, кто помогает в организации этого форума. Очень много хороших начинаний пришло к нам из России, и эта в том числе.